ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЧАРЛЗА ДАРВИНА.

ДНЕВНИКЪ НАБЛЮДЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ И ГЕОЛОГІИ СТРАНЪ, ПОСѢЩЕННЫХЪ ВО ВРЕМЯ КРУГОСВѢТНАГО ПЛАВАНІЯ КОРАБЛЯ Е. В. „БИГЛЬ“ ПОДЪ КОМАНДОЙ КАПИТАНА ФИЦЪ РОЯ.

ЧАРЛЗА ДАРВИНА.

Томъ II.

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРОГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ Е. БОРАТЫНСКОЙ.

Подъ редакціей профессора К. Тимирязева.

МОСКВА.
Изданіе Ю. ЛЕПКОВСКАГО.

Типо-литогр. Т ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
Москва—1908

Оглавленіе II тома.

Стр.

Дневникъ Чарлза Дарвина во время путешествія вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль . . . . . 3—370

Рисунки.

Стр.

1. Памятникъ Дарвину въ Оксфордскомъ университетѣ 2
2. Планъ и разрѣзъ Бигля 4
3. Биглѣ 5
4. Накипь, похожая на Маршанцію 10
5. Водоросли нитчатки 13
6. Вампиръ, пойманный на лошади Дарвина 18
7. Вампиръ (Desmodus D'Orbignyi) 19
8. Рio-Жанейро 20
9. Заливъ Ботафого Рio-Жанейро 23
10. Hydrochaerus Capybara или водяная свинка 39
11. Милодонъ 97
12. Кондоръ 138
13. Мысъ Горнъ 150
14. Буря у мыса Горнъ 156
15. Грибъ Cyttaria Darwinii 174
16. Ледникъ въ заливѣ Пеньасъ 182
17. Чилійскій рудокопъ 191
18. Чиленосы 191
19. Озорно и Квеллаипо 214
20. Волканъ Антуко 228
21. Мостъ Инковъ. Проходъ Успаллата 246
22. Архипелагъ Галапагосъ 274
23. Клювы Geospiza 278
24. Дарвинъ и черепаха 281
25. Amblyrhynchus cristatus 283
26. Еймео и барьерный рифъ 296
27. Островъ Троицы 340
28. Барьерный рифъ острова Болабола 343
29. 1. Ваникоро. 2. Гамбіе. 3. Мауруа 344
30. Профиль рифа 345
31. Профиль рифа 347
32. Внутреннее строеніе вулканической бомбы 361

Посвященіе второго изданія.

Чарлзу Лайелю

Посвящается это второе изданіе, съ благодарностью и какъ признаніе, что главныя научныя достоинства этого дневника и другихъ произведеній автора обязаны своимъ происхожденіемъ изученію всѣмъ извѣстныхъ удивительныхъ

Основъ Геологіи.

Памятникъ Дарвину въ Оксфордскомъ Университетѣ.

Дневникъ Чарлза Дарвина во время путешествія вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль.

ГЛАВА I.

Санъ-Яго. Острова Зеленаго Мыса.

Порто-Прайя.—Рибейра Гранде.—Атмосферная пыль, съ инфузоріями.—Нравы одного морского моллюска и каракатицы. — Скалы св. Павла; онѣ происхожденія не вулканическаго.—Своеобразныя накипи. — Насѣкомыя—первые поселенцы острововъ.—Фернандъ Норонья.—Байа.—Отшлифованныя скалы.—Обычаи иглотѣла.—Морскія нитчатки и инфузоріи.—Причина окрашиванія моря.

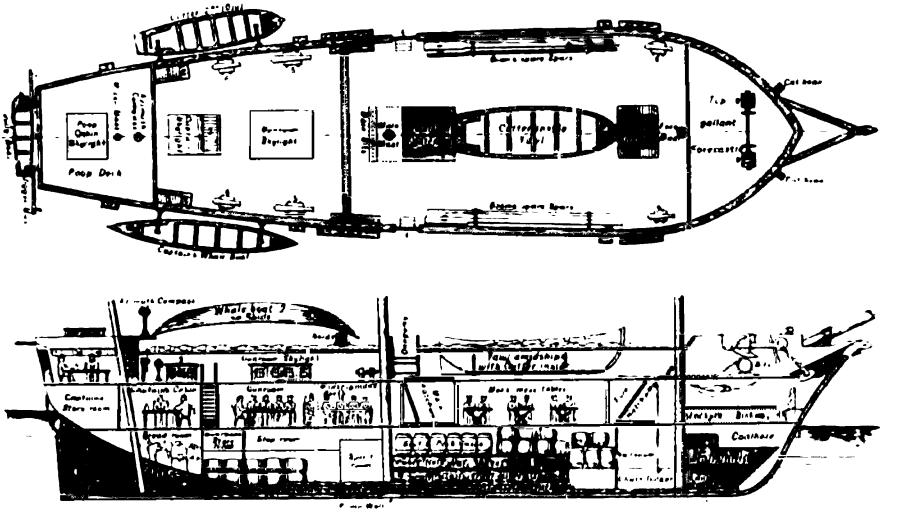
Два раза отброшенный къ гавани бурнымъ юго-западнымъ вѣтромъ, «Бигль», королевскій десятипушечный бригъ подъ командою капитана Фицъ-Роя, вышелъ изъ Девенпорта 27 декабря 1831 года. Экспедиція имѣла въ виду довершить изслѣдованія Патагоніи и Огненной Земли, начатыя капитаномъ Кингомъ (съ 1826 г. по 1830 годъ), произвести съемку береговъ Чили и Перу, нѣкоторыхъ острововъ Тихаго океана и, наконецъ, сдѣлать рядъ хронометрическихъ измѣреній вокругъ земного шара.

6-го января мы прибыли въ Тенерифъ, гдѣ намъ не позволили высадиться, опасаясь, чтобы мы не завезли холеры. На другое утро мы увидали восходъ солнца, которое показалось изъ-за зубчатыхъ краевъ самаго большого Канарскаго острова, и внезапно освѣтило Тенерифскій пикъ, между тѣмъ какъ низкія части острова скрывались еще за легкими облаками. Вставала заря прелестнаго дня, перваго изъ цѣлой вереницы дней, память о которыхъ никогда не изгладится.

16-го января 1832 года мы бросили якорь у Порто-Прайя на Санъ-Яго, главномъ островѣ архипелага Зеленаго Мыса.

Видъ съ моря на окрестности Порто-Прайя самый унылый. Вулканическій огонь прошедшихъ вѣковъ, жгучіе лучи тропическаго солнца обратили землю въ совершенно безплодную почву. Мѣстность поднимается постепенными плоскими уступами, которые пересѣкаются холмами конической формы съ тупыми верхушками, а на горизонтѣ тянется неправильная цѣпь болѣе высокихъ горъ. Картина, видимая сквозь туманный воздухъ, свойственный здѣшнему климату, крайне интересна, хотя человѣкъ, попавшій въ первый разъ въ жизни и прямо съ моря въ рощу кокосовыхъ пальмъ, врядъ ли можетъ думать о чемъ-либо, кромѣ испытываемаго счастія. Островъ этотъ считается, и не безъ основанія довольно незначительнымъ, но для человѣка, знакомаго только съ картинами англійской природы, необычайный видъ совершенно безплодной

земли представляетъ своего рода величіе, которое было бы нарушено присутствіемъ растительности. На всемъ пространствѣ обширныхъ равнинъ, покрытыхъ лавою, трудно найти какой-нибудь зеленый листокъ и, тѣмъ не менѣе стада козъ да немногія коровы умудряются находить себѣ пищу въ этомъ уныломъ краѣ. Дожди здѣсь рѣдкость, за исключеніемъ одного короткаго времени года, когда падаютъ настоящіе ливни. Послѣ нихъ изъ каждой разсѣлины выбивается зелень. Растенія эти впрочемъ, такъ же быстро засыхаютъ, какъ распускаются, доставляя такимъ образомъ естественное сѣно на кормъ скоту. Когда мы посѣтили островъ на немъ не было дождя уже цѣлый годъ. Во время открытія Порто-Прайя его окрестности изобиловали деревьями [1]), но, по странной непредусмотрительности, они были сведены, слѣдствіемъ чего здѣсь, какъ на островѣ Св. Елены и на нѣкоторыхъ Канарскихъ остро-

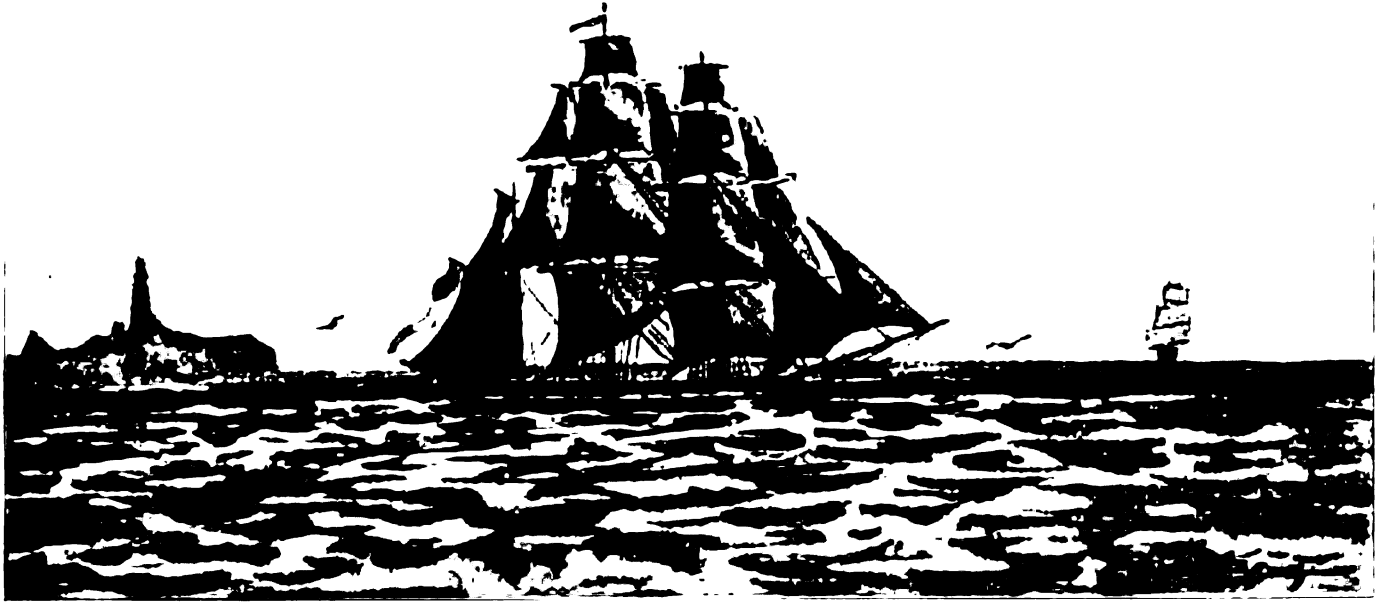


Планъ и разрѣзъ Бигля. 1—2. Помѣщеніе, которымъ пользовался Дарвинъ.

вахъ, явилось почти совершенное безплодіе. Безлистные кусты водятся въ низменныхъ широкихъ и плоскихъ долинахъ, которыя въ продолженіе немногихъ дождливыхъ дней ежегодно превращаются въ рѣки. Немного живыхъ существъ населяютъ эти долины; самая обыкновенная здѣсь птица—зимородокъ (Dacelo Iagoensis), который смирно сидитъ на вѣтвяхъ клещевины и оттуда налетаетъ на кузнечиковъ и ящерицъ. Перья этой птицы очень ярко окрашены, но она не такъ красива, какъ ея родственница европейскаго вида, отъ которой она такъ же сильно отличается полетомъ, образомъ жизни и пристрастіемъ къ самымъ сухимъ долинамъ, гдѣ она обыкновенно поселяется.

Въ сообществѣ двухъ офицеровъ съ нашего корабля я отправился разъ въ Рибейра-Гранде, деревню, расположенную на нѣсколько миль къ востоку отъ Порто-Прайя. До самой долины Св. Мартина страна имѣла однообразно-коричневый видъ, но тутъ, около протекавшаго ручейка, разрослась богатая растительность. Часъ спустя мы прибыли въ Рибейра

[1]) Заимствую этотъ фактъ у доктора Э. Дифенбаха, засвидѣтельствовавшаго его въ нѣмецкомъ переводѣ перваго изданія этого дневника.



Бигль.

Гранде и очень удивились, очутившись передъ развалинами большой крѣпости и соборомъ. Это мѣстечко, прежде чѣмъ была засыпана его гавань, считалось самымъ знаменитымъ городомъ острова; видъ его, несмотря на живописное мѣстоположеніе, производитъ грустное впечатлѣніе. Мы взяли въ проводники чернокожаго патера, а въ переводчики испанца, служившаго во время войны за независимость. Они повели насъ осматривать множество зданій, обративъ наше особое вниманіе на старинную церковь, гдѣ были похоронены губернаторы и военные правители острова. Нѣкоторые изъ надгробныхъ памятниковъ относятся къ XVI столѣтію [1]). Единственная вещь, напомнившая намъ Европу въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, было геральдическое украшеніе гробницъ. Церковь или скорѣе часовня образуетъ одну сторону площадки, на которой растетъ группа банановъ. По другую сторону стоитъ зданіе богадѣльни, пріютившее человѣкъ двѣнадцать жалкихъ бѣдняковъ.

Мы вернулись къ обѣду въ гостиницу. Кругомъ насъ собралась цѣлая толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, черныхъ какъ уголь, они всѣ разсматривали насъ. Проводникъ и переводчикъ, превеселые товарищи, неудержимо хохотали при каждомъ нашемъ словѣ, при каждомъ движеніи. Передъ отъѣздомъ мы зашли въ соборъ, который показался намъ менѣе богатымъ, чѣмъ маленькая церковь, но зато онъ могъ похвастаться небольшимъ органомъ, издававшемъ, надо сказать, замѣчательно мало гармоничные звуки. Мы дали чернокожему патеру по нѣскольку шиллинговъ, при чемъ испанецъ погладилъ его по головѣ и очень добродушно замѣтилъ, что цвѣтъ кожи не представляетъ большого значенія.

Послѣ этого мы собрались въ обратный путь и ѣхали такъ скоро, какъ только могли бѣжать наши пони.

Въ другой разъ мы отправились въ Санъ-Доминго, селеніе, находящееся почти въ центрѣ о-ва. Посреди равнины мы увидали нѣсколько акацій тощаго вида. Пассатный вѣтеръ, дующій всегда въ одномъ направленіи, согнулъ ихъ верхушки такъ, что нѣкоторыя изъ нихъ находятся подъ прямымъ угломъ къ своему стволу. Вѣтви направлены на сѣверо-сѣверо-востокъ на юго-юго-западъ. Эти естественные флюгеры указываютъ на преобладающее направленіе пассатныхъ вѣтровъ. На каменистой почвѣ остается такъ мало слѣдовъ отъ проѣзжихъ, что мы сбились съ дороги и, вмѣсто того чтобы держать путь на Санъ-Доминго, направились въ Фуэнтесъ. Ошибку свою мы замѣтили только доѣхавъ до Фуэнтеса и остались очень довольны неожиданностью. Фуэнтесъ—прехорошенькая деревушка, раскинувшаяся, подлѣ, небольшой рѣчки. Здѣсь, кажется, все процвѣтаетъ, исключая, впрочемъ, главнаго, что должно было бы процвѣтать, т.-е. жителей. Мы встрѣтили множество ребятишекъ, совершенно нагихъ, съ очень жалкими лицами; они тащили вязанки дровъ величеной почти съ себя самихъ.

Недалеко отъ Фуэнтеса намъ попалась большая стая цесарокъ, штукъ до 50 или 60. Эти птицы очень дики и не подпускаютъ близко къ себѣ. Замѣтивъ насъ, онѣ пустились бѣжать, точно куропатки въ дождливый сентябрьскій день, а когда мы стали ихъ преслѣдовать, онѣ тотчасъ улетѣли. Окрестности Санъ-Доминго отличаются красотой, которой никакъ нельзя ожидать, глядя на грустный и мрачный видъ остальныхъ мѣстъ на островѣ. Санъ-Доминго лежитъ на днѣ долины, окруженной, точно

---

[1]) О-ва Зеленаго Мыса открыты въ 1449 г. Мы видѣли памятникъ одного епископа съ надписью 1571 г., а на другомъ памятникѣ, на гербѣ, изображавшемъ руку и мечъ, стояла надпись 1497 г.

высокими зубчатыми стѣнами, наслоеніями застывшей лавы. Черныя глыбы поражаютъ взоръ противоположностью съ яркой зеленью, окаймляющей маленькій ручей съ очень прозрачной водой. Мы случайно попали сюда въ большой праздникъ; деревня кишѣла народомъ. На возвратномъ пути мы догнали толпу черныхъ дѣвушекъ, числомъ до двадцати, одѣтыхъ съ большимъ вкусомъ; черная кожа, бѣлое какъ снѣгъ бѣлье рѣзко выступаютъ изъ-подъ яркихъ головныхъ уборовъ и цвѣтныхъ шалей. Когда мы приблизились къ нимъ, онѣ остановились, бросили шали наземь и принялись съ большимъ воодушевленіемъ распѣвать какую то дикую пѣсню, отбивая тактъ руками по ляжкамъ. Мы бросили имъ нѣсколько винтемовъ, которые онѣ приняли громко смѣясь. Въ ту минуту, какъ мы удалились, пѣснь ихъ раздалась съ новой силой.

Въ одно особенно ясное утро очертанія далекихъ горъ рѣзко выдѣлялись на грядѣ темно-синихъ облаковъ. Судя по виду и помня такія же явленія въ Англіи, я предположилъ, что воздухъ насыщенъ водяными парами. Однако ничего подобнаго не оказалось на самомъ дѣлѣ. Гигрометръ показывалъ разницу въ 29.6 градусовъ между температурой воздуха и точкой росы; разница была вдвое больше замѣченной мною въ предшествовавшія утра. Постоянныя вспыхивавшія молніи сопровождали эту необычайную сухость воздуха. Не удивительно ли видѣть при такомъ состояніи погоды совершенно прозрачный воздухъ?

Обыкновенно онъ бываетъ туманный вслѣдствіе того, что падаетъ тончайшая пыль, которая немного портитъ наши астрономическіе инструменты. Наканунѣ нашего прибытія въ Порто-Прайя я собралъ небольшое количество этой тонкой коричневой пыли, осѣдавшей, какъ видно, на ткани флюгера, прикрѣпленнаго къ верхушкѣ главной мачты. Господинъ Лайель далъ мнѣ четыре пакета съ пылью, тоже осѣвшей на корабль за нѣсколько сотъ миль къ сѣверу отъ этихъ острововъ. Профессоръ Эренбергъ находитъ, что эта пыль преимущественно состоитъ изъ инфузорій съ кремнистыми панцырями и изъ кремнистыхъ растительныхъ тканей. Въ пяти маленькихъ пакетахъ, которые я ему послалъ, онъ нашелъ шестьдесятъ семь различныхъ органическихъ формъ! [1]). Инфузоріи всѣ, за исключеніемъ двухъ морскихъ породъ, обитаютъ въ прѣсныхъ водахъ. Сколько мнѣ извѣстно, подобная пыль наблюдалась на пятнадцати различныхъ корабляхъ, плававшихъ по Атлантическому океану на значительныхъ разстояніяхъ отъ береговъ. Направленіе вѣтра во время паденія пыли, тотъ фактъ, что она всегда падаетъ въ мѣсяцъ, когда гарматтанъ поднимаетъ высоко въ воздухѣ цѣлыя облака пыли,—все это даетъ намъ основаніе утверждать, что пыль приносится изъ Африки. Странно однако то, что профессоръ Эренбергъ, знакомый съ нѣсколькими видами африканскихъ инфузорій, не нашелъ ни одного изъ нихъ въ пыли, которую я ему послалъ; напротивъ того, онъ нашелъ въ ней два вида, открытые до сихъ поръ только въ Южной Америкѣ. Пыль эта падаетъ въ такомъ большомъ количествѣ, что отъ нея все на кораблѣ становится грязнымъ, и въ то же время она вредна глазамъ. Иногда она даже затемняетъ воздухъ до такой степени, что случалось кораблямъ сбиваться съ пути и наталкиваться на берегъ. Часто пыль садилась на корабли, отдаленные отъ береговъ Африки на

[1]) Пользуюсь случаемъ выразить мою благодарность этому знаменитому ученому за любезность, съ которой онъ разсмотрѣлъ многія изъ собранныхъ мною образчиковъ. Я послалъ (въ іюнѣ 1845 года) Геолог. Общ. полный отчетъ о паденіи этой пыли.

нѣсколько сотъ и даже болѣе чемъ на 1000 миль; и въ пунктахъ отстоящихъ другъ отъ друга на 1.600 миль въ направленіи отъ сѣвера къ югу.

Я очень удивился, найдя въ пыли, собранной на кораблѣ за триста миль отъ берега, кусочки камня величиной въ одну тысячную долю квадратнаго дюйма. Въ виду подобнаго факта нѣтъ причины удивляться тому, что гораздо болѣе легкія и мелкія споры тайнобрачныхъ растеній разсѣяны въ воздухѣ.

Геологія этого острова представляетъ самый интересный отдѣлъ его естественной исторіи. При входѣ въ гавань вы замѣчаете горизонтальную бѣлую полосу, проходящую по разрѣзу береговыхъ скалъ на протяженіи нѣсколькихъ миль вдоль берега и на высотѣ около сорока пяти футовъ надъ водой. Когда разглядываешь ближе эту полосу, то видишь, что она состоитъ изъ известняка, содержащаго въ себѣ множество раковинъ, большинство которыхъ существуетъ и въ настоящее время на сосѣднемъ берегу. Этотъ известковый слой лежитъ поверхъ древнихъ вулканическихъ породъ; онъ въ свою очередь былъ покрытъ потокомъ базальта, который, надо предполагать, вылился въ море въ то время, когда раковистый известнякъ покоился на днѣ морскомъ. Интересны тѣ измѣненія, которыя произошли въ рыхлой массѣ подъ вліяніемъ горячей лавы, залившей ее; она превратилась частью въ кристаллическій известнякъ, а частью въ плотную, пеструю породу. Вездѣ, по дну потоковъ лавы гдѣ она перемѣшалась съ известью, она превратила ее въ пучки волоконъ прекрасно расположенныхъ лучами и похожихъ на аррагонитъ. Слои лавы поднимаются террасами, имѣющими наклонъ къ центру острова, откуда первоначально распространились потоки расплавленныхъ камней. На Санъ-Яго въ историческія времена, сколько мнѣ извѣстно, не было никакихъ признаковъ вулканической дѣятельности. Теперь рѣдко удается отыскать форму кратера на верхушкахъ многочисленныхъ красноватыхъ пепельныхъ холмовъ, однако на берегу можно отличить новѣйшіе слои лавы, которые тянутся рядомъ скалистыхъ обрывовъ менѣе высокихъ, чѣмъ старѣйшіе слои, но выдающихся гораздо далѣе въ море. Итакъ, сравнительная высота холмовъ указываетъ до нѣкоторой степени на древность потоковъ лавы.

Во время моего пребыванія на островѣ я наблюдалъ нравы нѣкоторыхъ морскихъ животныхъ. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ между ними—это большой морской заяцъ (Aplysia); моллюскъ этотъ имѣетъ около пяти дюймовъ длины; цвѣта онъ грязно-желтоватаго съ пурпуровыми жилками. Съ обѣихъ сторонъ нижней поверхности или ноги у него имѣется перепонка, повидимому, играющая иногда роль вентилятора и заставляющая воду проходить къ спиннымъ жабрамъ или легкимъ. Морской заяцъ питается нѣжными морскими водорослями, которыя растутъ между камнями вездѣ, гдѣ мутная и неглубокая вода. Я находилъ въ его желудкѣ маленькіе камушки, какъ у птицъ. Когда его потревожатъ онъ выбрасываетъ пурпуровую жидкость очень яркаго цвѣта, окрашивающую воду на футъ въ окружности. Кромѣ этого средства самозащиты, у него есть и другое: тѣло его покрыто ѣдкимъ веществомъ, которое, коснувшись кожи, вызываетъ въ ней ощущеніе ожога, подобно тому, какое производитъ пузырникъ (Physalia).

Спрутъ, или каракатица (Octopus), тоже очень интересное животное, и я проводилъ цѣлые часы, наблюдая его нравы. Хотя спруты часто бываютъ въ лужахъ, остающихся послѣ отлива, но поймать ихъ нелегко. Съ помощью своихъ длинныхъ ногъ и присосковъ они ухитряются втя-

киваться въ очень узкія щели, откуда ихъ можно заставить вытти только силой и то большой. Бываетъ и такъ, что животное съ быстротой стрѣлы бросается задомъ впередъ, изъ стороны въ сторону лужи, при чемъ оно испускаетъ изъ себя темно-коричневыя чернила. Эти животныя обладаютъ еще одной необыкновенной способностью: они мѣняются въ цвѣтѣ, чтобы скрыться отъ преслѣдованія. Повидимому, они разнообразятъ оттѣнки тѣла, соображаясь со свойствами почвы, надъ которой находятся. Въ глубоководныхъ мѣстахъ они становятся коричнево-красными, но если ихъ перемѣщаютъ въ мелкую воду или кладутъ на землю, темный цвѣтъ превращается въ зеленовато-желтую окраску. При болѣе внимательномъ осмотрѣ оказывается, что цвѣтъ этихъ животныхъ сѣрый, усѣянный многочисленными точками ярко-желтаго оттѣнка. Нѣкоторыя изъ этихъ крапинокъ дѣлаются то темнѣе, то свѣтлѣе, а другія постоянно исчезаютъ и снова появляются. Эти переливы цвѣтовъ производятъ впечатлѣніе набѣгающихъ цвѣтныхъ облаковъ, переходящихъ отъ краснаго цвѣта граната, къ коричневому цвѣту каштана [1]). Часть тѣла, которая подвергается слабому гальваническому току, становится почти черной; то же явленіе, но въ болѣе слабой степени, вызывается царапаніемъ кожи иголкою. Измѣненія цвѣта, похожія на красочныя измѣненія лица, происходятъ, какъ говорятъ, отъ послѣдовательнаго расширенія и сокращенія маленькихъ пузырьковъ, наполненныхъ различно окрашенной жидкостью [1]).

Каракатица проявляетъ свою способность къ превращеніямъ цвѣта и во время плаванія, и въ неподвижномъ состояніи. Одна изъ нихъ, какъ видно, прекрасно поняла, что я наблюдаю ее; она очень забавляла меня всевозможными уловками, къ которымъ прибѣгала, чтобы укрыться отъ моихъ глазъ. Она оставалась нѣкоторое время неподвижной, потомъ украдкою подвигалась на дюймъ или два, точно кошка, преслѣдующая мышь; иногда мѣняла свой цвѣтъ. Такимъ образомъ она двигалась до тѣхъ поръ, пока не достигла глубокаго мѣста лужи; тогда она вдругъ рванулась впередъ, окруживъ себя густой струей чернилъ, чтобы скрыть углубленіе, въ которое спряталась.

Въ то время какъ я разыскивалъ морскихъ животныхъ и склонялъ голову фута на два надъ береговыми скалами, случалось не разъ что меня обдавало цѣлой струей воды въ лицо и въ то же время раздавался легкій, скрипучій шорохъ. Сначала я не могъ понять, откуда бралась эта вода, но потомъ я открылъ ея происхожденіе: ее выбрасывала каракатица изъ ямы, въ которую она забилась, благодаря чему я находилъ ея убѣжище. Нѣтъ сомнѣнія, что животное это можетъ пускать струи воды; я увѣренъ, что оно способно прицѣливаться и достигать своей цѣли съ достаточной вѣрностью посредствомъ трубки или сифона, имѣющагося у него на нижней сторонѣ тѣла и которому оно даетъ нужное направленіе. Каракатицы съ трудомъ носятъ голову, а потому имъ очень неудобно двигаться на сушѣ. Одну изъ нихъ я продержалъ нѣкоторое время въ своей каютѣ и замѣтилъ, что она въ темнотѣ издаетъ легкій фосфорическій блескъ.

Скалы Св. Павла. Пересѣкая Атлантическій океанъ, мы легли въ дрейфъ вблизи отъ о-ва Св. Павла, 16 февраля. Эта группа скалъ лежитъ подъ 0^0 58′ сѣверной широты и 29^0 15′ западной долготы. Она находится въ 540 миляхъ отъ Америки и въ 350 м. отъ о-ва Фернандо-Норонья.

---

[1]) Эти названія цвѣтовъ я заимствую изъ номенклатуры Патрика Саймза.

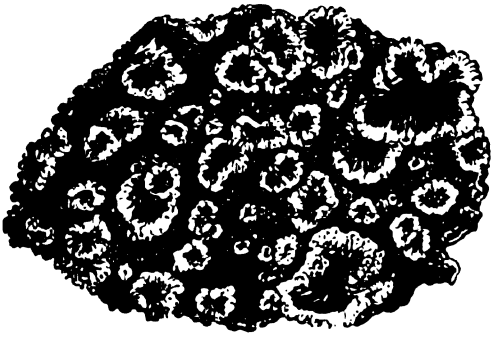
[2]) См. Encyclop of Anat and pysiol., статья Cephalopoda.

Самое возвышенное мѣсто на островѣ Св. Павла не превышаетъ 50-ти футовъ надъ уровнемъ моря; окружность всего острова занимаетъ менѣе трехъ четвертей мили. Крошечный островокъ круто поднимается изъ глубины океана. У него очень сложное минералогическое строеніе: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалы состоятъ изъ кремнистыхъ породъ, въ другихъ—изъ полевого шпата; тутъ попадаются жилки змѣевика. Замѣчательно, что всѣ маленькіе острова, находящіеся на большомъ разстояніи отъ материка въ Тихомъ, Атлантическомъ и Индѣйскомъ океанахъ, за исключеніемъ Сейшельскихъ острововъ и небольшого скалистаго острова Св. Павла, состоятъ изъ коралловъ или изъ вулканическихъ породъ. Вулканическая природа острововъ океана является, очевидно, распространеніемъ того же закона, въ силу котораго большинство нынѣ дѣйствующихъ вулкановъ расположено вблизи береговъ моря или на островахъ посреди нѣ его; тѣ же причины, механическія или химическія, лежатъ въ основѣ ихъ происхожденія.

Издали скалы Св. Павла кажутся ослѣпительно бѣлыми; это зависитъ частью отъ помета безчисленнаго множества морскихъ птицъ, частью же отъ блестящаго твердаго вещества съ отливомъ перламутра, которое крѣпко соединяется съ поверхностью скалъ. Разглядывая это вещество въ лупу, можно увидать, что оно состоитъ изъ многочисленныхъ тончайшихъ слоевъ. Толщина всего наслоенія не больше одной десятой дюйма. Оно содержитъ животныя вещества въ большомъ количествѣ и произошло безъ всякаго сомнѣнія отъ дѣйствія дождя и морскихъ брызговъ на пометъ. Я находилъ на островѣ Вознесенія и на островахъ Аброльосъ нѣсколько тѣлъ, имѣвшихъ форму вѣтвистыхъ сталактитовъ; эти тѣла лежали подъ небольшими накопленіями гуано и, очевидно, произошли такимъ же образомъ, какъ бѣлая пленка на скалахъ Св. Павла. Вѣтвистыя тѣла такъ похожи на нѣкоторые виды извѣстковыхъ морскихъ водорослей (Nulliporae), что недавно, поспѣшноосматривая мою коллекцію, я даже не замѣтилъ разницы. Шаровидныя оконечности вѣтвей имѣютъ большое сходство съ перламутромъ и съ зубной эмалью, но настолько тверды, что чертятъ стекло. Кстати замѣчу, что въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстахъ острова Вознесенія, гдѣ накопилось огромное количество раковистаго песку, на утесахъ, омываемыхъ приливомъ, образовалась накипь, похожая на нѣкоторыя тайнобрачныя растенія (Marchantiae), которыя часто бываютъ на сырыхъ стѣнахъ. Поверхность листочковъ отличается чудной гляневитостью; тѣ части, которыя наполномъ свѣту, черны какъ уголь, а тѣ, которыя скрываются подъ выступомъ скалы, остаются сѣрыми. Я показывалъ нѣсколькимъ геологамъ образцы этой накипи, и всѣ они были того мнѣнія, что она вулканическаго, или огненнаго, происхожденія. Твердость ея, полупрозрачность, гладкость, равная съ гладкостью лучшихъ раковинъ, непріятный запахъ и обезцвѣчиваніе подъ дѣйствіемъ паяльной трубки—все доказываетъ сильнѣйшее сходство этой накипи съ морскими раковинами. Кромѣ того извѣстно, что тѣ части раковинъ, которыя обыкновенно прикрыты епанчею животнаго свѣтлѣе остальныхъ, испытывающихъ вполнѣ дѣйствіе свѣта. То же самое, какъ мы замѣтили, происходитъ и съ накипью. Вспомнимъ, что известь, фосфорнокислая или углекислая, входитъ въ составъ твердыхъ частей, каковы кости и раковины всѣхъ животныхъ. Крайне интересно, съ физіологической точки зрѣнія, находить вещества (какъ эта накипь) тверже зубной эмали,—окрашенныя съ поверхности, отполированныя не хуже поверхности раковины и, наконецъ, своею формою, подражающія нѣкоторымъ изъ нашихъ растительныхъ организмовъ; интересно, то, что это—

мертвое органическое вещество, переработанное неорганическими путями. (Рис. 1)[1]).

Мы нашли только два рода птицъ: глупыша (Sula bassana, Briss) и крачку, или морскую ласточку (Sterna). Обѣ эти птицы очень смирны и безтолковы; къ тому же онѣ такъ не привыкли къ посѣтителямъ, что я могъ бы набить ихъ сколько угодно моимъ геологическимъ молоткомъ. Самка глупыша кладетъ яйца на голый камень утеса; крачка наоборотъ, вьетъ очень простое гнѣздо изъ водорослей. Около многихъ изъ такихъ гнѣздъ лежало по маленькой летучей рыбкѣ; это угощеніе, которое самцы, какъ я полагаю, принесли для самокъ, сидящихъ на яйцахъ. Крупный, проворный краббъ (Graspus), живущій въ разсѣлинахъ скалы, очень забавлялъ меня пока я наблюдалъ гнѣзда крачекъ: едва только самка, потревоженная моимъ появленіемъ, снималась съ яицъ, какъ онъ быстро схватывалъ рыбку, положенную около гнѣзда. Сэръ В. Саймондсъ, одинъ изъ немногихъ путешественниковъ, останавливавшихся на этомъ островкѣ, разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ самъ, какъ эти краббы даже птенцовъ изъ гнѣздъ таскали и пожирали ихъ. На всемъ островѣ не найдется ни одного растенія, ни даже лишайника, и, несмотря на то, здѣсь водятся разныя насѣкомыя и пауки.



Накипь похожая на Маршанцію.

Слѣдующій перечень дастъ, мнѣ кажется, полный указатель тамошней фауны: паразитное насѣкомое (Olfersia), живущее на глупышѣ; клещъ, вѣроятно занесенный птицами въ видѣ паразита; маленькая бурая моль, принадлежащая къ роду, живущему на перьяхъ; жучокъ (Quedius) и мокрица, которые водятся въ пометѣ птицъ, и, наконецъ, множество пауковъ, должно быть, пожирающихъ всѣхъ этихъ мелкихъ сожителей морскихъ птицъ. Часто читаешь описанія того, какъ на вновь образовавшихся коралловыхъ островахъ Тихаго океана сначала появляются великолѣпныя пальмы и другія роскошныя тропическія растенія, потомъ птицы и, наконецъ, человѣкъ. Такія описанія, надо сказать, не вполнѣ точны. Вмѣсто этого поэтическаго представленія, боюсь, что, ради истины, придется считать первыми поселенцами вновь возникшей изъ океана земли чужеядныхъ насѣкомыхъ и пауковъ, питающихся перьями и грязью. Малѣйшая скала въ тропическихъ моряхъ даетъ основу для размноженія безчисленнаго множества водорослей и сложныхъ животныхъ, поэтому кругомъ этой скалы появляется огромное количество рыбы. Наши моряки постоянно соперничали

---

[1]) Г. Гарнеръ и сэръ Давидъ Брюстеръ описали въ Philosophical Transactions (1836, page 65) удивительное «искусственное вещество, похожее на вещество раковинъ». Оно осѣдаетъ тонкими, гладкими и прозрачными пластинками бураго цвѣта, обладающими особыми оптическими свойствами, въ сосудѣ съ водой, въ которомъ куски сукна пропитанные известью и клеемъ приводятъ въ быстрое вращательное движеніе. Вещество это мягче, прозрачнѣе и содержитъ болѣе животнаго вещества, нежели естественная накипь на островѣ Вознесенія; но тутъ опять мы видимъ доказательство той легкости, съ которой известь соединяется съ животнымъ веществомъ, образуя при этомъ твердое тѣло, подобное раковинѣ.

съ акулами, изъ-за пойманной на удочку рыбы. Мнѣ говорили, что только по обилію рыбы узнали о присутствіи одной скалы, лежащей въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бермудскихъ острововъ и притомъ на значительной глубинѣ.

Фернандо-Норонья. 20 февраля 1832 г. Сколько я могъ опредѣлить за нѣсколько часовъ, проведенныхъ на этомъ островѣ, онъ вулканическаго происхожденія и, вѣроятно, возникъ въ отдаленныя времена. Всего замѣчательнѣе здѣсь коническая гора, достигающая около тысячи футовъ въ вышину; верхняя часть конуса очень крута и съ одной стороны наклонна такъ, что выступаетъ надъ своимъ основаніемъ. Скала, состоящая изъ фонолита, представляетъ какъ бы раздѣльные, неправильные столбы. Глядя на одну изъ этихъ массивныхъ колоннъ, кажется, что она вдругъ поднялась изъ океана въ полужидкомъ состояніи, но на островѣ Св. Елены я имѣлъ возможность удостовѣриться, что столбы такой же формы и одинаковаго состава образовались изъ расплавленныхъ породъ, которыя вылились въ болѣе рыхлые слои, послужившіе, такъ сказать, формами для этихъ громадныхъ обелисковъ. Весь островъ покрытъ лѣсомъ, но климатъ до того сухъ, что растительность съ виду не роскошна. Гигантскія глыбы скалъ, расположенныя въ видѣ столбовъ, усѣяны деревьями, похожими на лавры, и украшенны другими деревьями, на которыхъ много красивыхъ розовыхъ цвѣтовъ, но ни одного листика зелени,—вотъ красивый первый планъ, развернутый на полугорѣ.

Багія или Санъ-Сальвадоръ въ Бразиліи. 29 февраля.

Что за очаровательный день! Впрочемъ, слово «очаровательный» слишкомъ слабо, чтобы выразить чувства натуралиста, который въ первый разъ въ жизни бродитъ по бразильскому лѣсу. Изящество травъ, невиданныхъ чужеядныхъ растеній, красота цвѣтовъ, яркая зелень листвы, но въ особенности общій блескъ и сила растительности привели меня въ восторгъ. Странное смѣшеніе безмолвія и звуковъ царствуетъ въ тѣнистыхъ частяхъ лѣса. Насѣкомыя жужжатъ такъ громко, что ихъ слышно съ корабля, бросившаго якорь въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ отъ берега; между тѣмъ въ чащѣ лѣса царитъ полнѣйшая тишина. Такой день доставляетъ любителю естественной исторіи удовольствіе и радость, которыхъ ему не дождаться вновь. Побродивъ по лѣсу нѣсколько часовъ, я отправился назадъ къ мѣсту высадки, но не успѣлъ я туда дойти, какъ меня застигла тропическая буря; я попытался укрыться подъ такимъ густолиственнымъ деревомъ, что нашъ англійскій дождь ни за что бы не пробился сквозь него; здѣсь же черезъ нѣсколько минутъ образовался цѣлый потокъ воды вдоль ствола. Такимъ ливнямъ нужно приписать богатство травы даже въ густо заросшихъ мѣстахъ лѣса; въ самомъ дѣлѣ, если бъ въ этой странѣ существовали дожди умѣренныхъ климатовъ, большая часть воды испарилась бы по пути, не достигнувъ земли. Я не стану пока описывать великолѣпіе этого чуднаго залива, потому что мы заходили въ него на обратномъ пути и я буду еще имѣть случай говорить о немъ.

Вдоль всего бразильскаго берега, по крайней мѣрѣ на 2000 миль и, конечно, на значительное протяженіе внутрь страны, вездѣ, гдѣ видны скалы, онѣ принадлежатъ къ гранитной формаціи. Огромная поверхность, занятая веществомъ, которое, по мнѣнію геологовъ, произошло отъ кристаллизаціи массъ, расплавленныхъ при высокомъ давленіи, наводитъ на множество любопытныхъ размышленій. Происходилъ ли этотъ процессъ

въ глубинѣ океана? Не была ли первоначальная формація покрыта другими слоями, впослѣдствіи снесенными? Можемъ ли мы думать, что какая-нибудь сила, дѣйствуя въ теченіе почти безконечнаго времени, обнажила гранитъ на пространствѣ, многихъ тысячъ квадратныхъ миль?

Недалеко отъ города, тамъ, гдѣ ручей впадаетъ въ море, я наблюдалъ одинъ фактъ находящейся въ связи съ вопросомъ, который обсуждался Гумбольдтомъ [1]). Сіэнитовыя скалы у пороговъ большихъ рѣкъ Ориноко, Нила и Конго покрыты чернымъ веществомъ и точно будто отполированы графитомъ. Этотъ чрезвычайно тонкій слой былъ подвергнутъ анализу Берцеліусомъ, по мнѣнію котораго онъ состоитъ изъ окисей желѣза и марганца. Черный слой этотъ на берегахъ Ориноко находится на скалахъ, подверженныхъ періодическимъ наводненіямъ, и только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка имѣетъ самое сильное теченіе или, какъ говорятъ индѣйцы, «черныя скалы бываютъ тамъ, гдѣ воды бѣлы».

Около маленькаго ручья, о которомъ я говорю, скалы одѣты ярко-коричневымъ, а не чернымъ слоемъ; слой этотъ, повидимому, состоитъ изъ однѣхъ желѣзистыхъ частей. Собранныя образцы не даютъ настоящаго понятія объ этихъ коричневыхъ, словно обожженныхъ, скалахъ, блестящихъ на солнцѣ. Онѣ встрѣчаются только въ районѣ, доступномъ приливу, а такъ какъ ручеекъ течетъ медленно, то здѣсь прибой, какъ видно, замѣняетъ полирующее дѣйствіе, производимое паденіемъ воды на порогахъ большихъ рѣкъ. Приливъ и отливъ, вѣроятно, соотвѣтствуютъ періодическимъ наводненіямъ; такимъ образомъ одно и то же дѣйствіе происходитъ при условіяхъ, повидимому, различныхъ, но въ сущности очень сходныхъ. Однако причина этого осадка металическихъ окисей, которыя кажутся плотно приставшими къ скаламъ, остается еще необъяснимой, и я думаю, что нельзя указать на причину неизмѣняющейся толщины слоя.

Меня однажды очень заняли наблюденія надъ обычаями и нравомъ иглотѣла (Diodon antennatus), котораго поймали около берега. У этой рыбы съ растяжимой кожей есть одна любопытная способность: она можетъ раздуваться почти до шаровидной формы. Когда ее на короткое время вынутъ изъ воды и потомъ снова пустятъ въ воду, то она поглощаетъ значительное количество воды и воздуха ртомъ, а можетъ быть, и жаберными отверстіями. Совершаетъ это она двумя способами. Она вгоняетъ проглоченный воздухъ внутрь тѣла и задерживаетъ его тамъ посредствомъ мышечнаго сокращенія, замѣтнаго снаружи. Вода же вливается постоянной слабой струей въ ротъ, который остается все время открытымъ и неподвижнымъ; это поглощеніе воды должно, слѣдовательно, происходить черезъ всасываніе. Кожа на брюхѣ гораздо менѣе натянута, чѣмъ на спинѣ, такъ что, когда рыба раздувается, нижняя поверхность растягивается гораздо сильнѣе верхней, вслѣдствіе чего она плыветъ на спинѣ. Кювье сомнѣвается, чтобы иглотѣлъ могъ плавать въ такомъ положеніи, но тѣмъ не менѣе онъ можетъ не только двигаться по прямому направленію, находясь на спинѣ, но и поворачиваться вправо и влѣво. Поворотныя движенія совершаются имъ исключительно помощью грудныхъ плавниковъ; хвостъ опускается и остается безъ всякаго дѣйствія. Все тѣло рыбы становится, благодаря проглоченному и задержанному воздуху, настолько легкимъ, что жаберныя отверстія лежатъ надъ водой; но струя воды, входящая черезъ ротъ, постоянно вытекаетъ черезъ эти отверстія.

Пробывъ нѣкоторое время въ раздутомъ положеніи, иглотѣлъ обык-

[1]) Pers. narr. vol. V, pt. I, p. 18.

новенно выбрасывалъ сильнымъ движеніемъ воду и воздухъ черезъ ротъ и жаберныя отверстія. Онъ могъ по желанію выбросить больше или меньше воды; поэтому можно предположить, что онъ поглощаетъ воду для урегулированія своего удѣльнаго вѣса. Иглотѣлъ располагаетъ разными способами самообороны. Онъ можетъ очень больно укусить и выбрасывать воду на извѣстное разстояніе, при чемъ онъ производитъ странный звукъ движеніемъ челюстей. Кромѣ того, когда онъ раздувается, сосочки, покрывающіе его кожу, напрягаются и превращаются въ колючія иголки. Но самое любопытное въ иглотѣлѣ это—свойство кожи на животѣ, которая при дотрогиваніи выдѣляетъ волокнистое вещество ярко-карминнаго цвѣта, оставляющее на бумагѣ и на слоновой кости слѣды настолько прочные, что добытыя мною такимъ образомъ пятна сохранили до сихъ поръ свой яркій цвѣтъ. Мнѣ совершенно неизвѣстны значеніе и составъ этого выдѣленія. Докторъ Олленъ въ Форресѣ говорилъ мнѣ, что онъ часто находилъ въ желудкѣ акулы живыхъ вздутыхъ иглотѣловъ; онъ убѣдился, кромѣ того, что этому животному удается выдти на волю, благодаря тому, что онъ прогрызаетъ не только стѣны желудка, но и самые бока чудовища, котораго онъ такимъ образомъ и убиваетъ. Кто бы могъ себѣ вообразить, что такая маленькая, мягкая и незначительная рыбка способна уничтожить большую и хищную акулу.

Водоросли нитчатки.

18 марта. Мы покинули Багію. Нѣсколько дней спустя, неподалеку отъ маленькихъ острововъ Аброльосъ, я замѣтилъ, что море приняло красновато-коричневый оттѣнокъ. При разсматриваніи въ лупу вся поверхность воды оказалась усѣянной какъ бы кусочками мелко изрубленнаго сѣна съ расщепленными кончиками. Это были крошечныя цилиндрическія нитчатки (conferv ae), собранныя въ пучечки, отъ двадцати до шестидесяти штукъ въ пучкѣ. Отъ господина Берклея я узналъ, что они принадлежатъ къ тому же виду (Trichodesmium erytraeum), который находится на большомъ пространствѣ Краснаго моря, отчего и произошло его названіе [1]). Количество этихъ нитчатокъ должно быть безконечно; нашъ корабль пересѣкъ нѣсколько такихъ полосъ, изъ которыхъ одна занимала въ ширину около десяти ярдовъ, а въ длину, судя по мутному цвѣту воды, тянулось по крайней мѣрѣ на двѣ съ половиною мили. О нихъ упоминается почти во всѣхъ описаніяхъ продолжительныхъ путешествій, особенно часто встрѣчаются онѣ въ водахъ, окружающихъ Австралію; около мыса Лювинъ я наблюдалъ близкій къ этому видъ, но меньшихъ размѣровъ и нѣсколько иной. Капитанъ Кукъ упоминаетъ въ своемъ третьемъ путешествіи, что матросы прозвали эти водоросли морскими опилками. Близъ Киллингъ-Атолла въ Индѣйскомъ океанѣ я замѣтилъ много небольшихъ скопищъ нитчатокъ, величиной въ нѣсколько квадратныхъ дюймовъ; онѣ состояли изъ длинныхъ цилиндрическихъ нитокъ настолько тонкихъ, что ихъ едва можно было разглядѣть простымъ глазомъ; эти нитки были перемѣшаны съ другими бо́льшими тѣлами, заостренными въ видѣ конусовъ по концамъ. Прилагаемый рисунокъ (2) представляетъ два такихъ тѣла, соединенныхъ вмѣстѣ. Длина ихъ бываетъ отъ 0,04 до 0,06, а поперечникъ отъ 0,006 до 0,008 дюйма. У одной изъ оконечностей цилиндрической части замѣчается обыкновенно зеленая перегородка, состоящая изъ зернистаго вещества, утолщеннаго посрединѣ. Это, я думаю,

[1]) M. Montagne. Comptes rendus etc. Juillet 1884; Annales des sciences naturelles, déc. 1844.

дно очень нѣжнаго, безцвѣтнаго мѣшочка, состоящаго изъ слизистаго вещества; мѣшочекъ этотъ занимаетъ внутренность наружной оболочки, но не доходитъ до заостренныхъ концовъ. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ удивительно правильные маленькіе шарики изъ буровато-зернистаго вещества замѣняютъ эти перегородки, и мнѣ удалось сдѣлать наблюденія надъ процессомъ превращеній, слѣдствіемъ которыхъ они являются. Рыхлое вещество внутренней оболочки внезапно распредѣляется полосками, какъ будто исходящими лучеобразно изъ одного общаго центра; это вещество продолжаетъ сокращаться быстрыми и неправильными движеніями, такъ что въ теченіе одной секунды оно все становится правильнымъ шарикомъ, занимающимъ мѣсто перегородки на одномъ изъ концовъ мѣшочка, совсѣмъ опустѣвшаго въ остальной своей части. Всякое случайное раздраженіе ускоряетъ образованіе зернистаго шарика. Нужно еще прибавить, что эти тѣла часто встрѣчаются соединенными попарно, конусъ съ конусомъ, гдѣ находится перегородка.

Приведу еще нѣсколько другихъ наблюденій надъ явленіемъ окрашиванія моря органическими веществами. У чилійскихъ береговъ, за нѣсколько миль къ сѣверу отъ Консепсіона, «Бигль» проходилъ однажды черезъ большое пространство воды такой мутной, какъ бываютъ рѣки послѣ большихъ дождей; въ другой разъ мы имѣли случай на разстояніи пятидесяти миль отъ берега, къ югу отъ Валпарайсо, наблюдать тотъ же мутный цвѣтъ воды на еще бо́льшемъ пространствѣ. Въ стаканѣ эта вода имѣла блѣдно-красный оттѣнокъ. Подъ микроскопомъ обнаружилось присутствіе множества крошечныхъ животныхъ, быстро двигавшихся во всѣ стороны; они часто лопались. Форма ихъ овальна и посрединѣ перетянута кольцомъ изогнутыхъ мерцательныхъ рѣсничекъ. Впрочемъ, разсмотрѣть ихъ тщательно было очень трудно, такъ какъ, въ ту самую минуту какъ они переставали двигаться, даже пока они находились въ полѣ зрѣнія, они разрывались. Иногда оба конца тѣла лопались одновременно, иногда одинъ только конецъ, при чемъ изъ тѣла выходило большое количество зернистаго бураго вещества. Передъ разрывомъ животное раздувалось вдвое противъ своей обыкновенной величины и секундъ черезъ пятнадцать послѣ прекращенія быстрыхъ поступательныхъ движеній оно лопалось; въ нѣсколькихъ случаяхъ разрыву предшествовало вращательное движеніе вокругъ самой длинной оси тѣла. Сколько бы ни было этихъ животныхъ въ каплѣ воды, они всѣ погибали, какъ сказано, въ теченіе двухъ минутъ. Быстрыми скачками двигаются они узкимъ концомъ впередъ, при помощи мерцательныхъ рѣсничекъ. Простымъ глазомъ нельзя разсмотрѣть этихъ крошечныхъ животныхъ, занимающихъ не больше одной тысячной доли квадратнаго дюйма. Они водятся въ безконечномъ количествѣ, потому что въ малѣйшей каплѣ воды находишь ихъ множество. Мы въ одинъ день прошли въ двухъ мѣстахъ черезъ большія пространства воды съ такой окраской. Одно изъ нихъ занимало поверхность въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ миль. Каково же должно быть число этихъ микроскопическихъ животныхъ! Издали цвѣтъ воды казался краснымъ, въ родѣ того, какъ бываетъ въ рѣкахъ, протекающихъ по руслу изъ красной глины, но въ тѣни, отбрасываемой бортами корабля, вода казалась темнаго шоколаднаго цвѣта. Можно было ясно прослѣдить погралинію, гдѣ красная вода встрѣчалась съ голубой. Уже нѣсколько дней стояла на морѣ полная тишь и океанъ, можно сказать, кишѣлъ живыми существами [1]).

[1]) Лессонъ (Voyage de la Coquille t. I p. 255) упоминаетъ о красной окраскѣ моря близъ Лимы, зависящей повидимому отъ той же причины. Замѣчательный натуралистъ

Я видѣлъ въ водахъ, окружающихъ Огненную Землю, недалеко отъ береговъ, пространства, принимающія ярко-красные оттѣнки; этотъ цвѣтъ происходитъ отъ множества раковъ, нѣсколько схожихъ съ креветками. Ловцы тюленей называютъ ихъ китовой ѣдой. Не знаю, питаются ли ими киты, но морскія ласточки, бакланы и огромныя стада тюленей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ побережья преимущественно питаются этими раками, обладающими способностью плавать. Моряки всегда приписываютъ окрашиваніе воды плавающей икрѣ, но мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ фактѣ одинъ только разъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ архипелага Галапагосъ мы пересѣкли три полосы мутной воды темно-желтаго цвѣта; эти полосы тянулись на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ миль въ длину, тогда какъ въ ширину у нихъ было только нѣсколько ярдовъ. Ихъ отдѣляла отъ окружающей воды извилистая, но весьма отчетливая линія. Въ этомъ случаѣ цвѣтъ воды происходитъ отъ маленькихъ студенистыхъ шариковъ, имѣющихъ около одной пятой дюйма въ поперечникѣ и содержащихъ въ себѣ маленькія сфероидальныя яички. Я замѣтилъ два вида шариковъ: одинъ изъ нихъ красноватаго цвѣта и формой отличается отъ другого вида; но я рѣшительно не знаю, какимъ животнымъ принадлежатъ эти яички. По наблюденію капитана Кольнета, море часто окрашивается такимъ образомъ въ архипелагѣ Галапагосъ и направленіе окрашенныхъ полосъ показываетъ направленіе теченій; однако въ томъ случаѣ, который мною сейчасъ описанъ, полосы шли по направленію вѣтра. Случилось мнѣ еще замѣтить тонкую маслянистую пленку на поверхности воды, которая въ этомъ мѣстѣ переливала радужными цвѣтами. Я видѣлъ значительное пространство моря съ такой пленкой на берегу Бразиліи; моряки думали, что это происходитъ отъ плавающаго гдѣ-нибудь по сосѣдству разложившагося китового трупа. Я не стану упоминать здѣсь о маленькихъ студенистыхъ тѣльцахъ, часто встрѣчающихся въ водѣ; они никогда не собираются въ достаточно большомъ количествѣ для того, чтобы окрасить поверхность воды; кромѣ того, я буду имѣть случай говорить о нихъ въ другомъ мѣстѣ.

Данныя мною указанія поднимаютъ два важныхъ вопроса: во-первыхъ, какимъ образомъ различныя тѣльца, составляющія эти полосы, могутъ оставаться соединенными и притомъ въ опредѣленныхъ границахъ? Что касается раковъ, похожихъ на креветы, то удивляться здѣсь нечему, такъ какъ движенія этихъ животныхъ столь же правильны и одновременны, какъ движенія какого-нибудь полка. Но вѣдь нельзя приписать такія же сознательныя движенія яицамъ или нитчаткамъ, а равно какъ и инфузоріямъ.

Второй возникающій вопросъ слѣдующій: отчего эти полосы имѣютъ такое распространеніе въ длину и при этомъ такъ узки? Цвѣтныя полосы моря похожи на то, что можно видѣть въ каждомъ буромъ потокѣ, несущемъ длинную полосу пѣны, такъ что, по-моему, явленіе полосъ слѣдуетъ приписать теченіямъ воздуха или воды. Допустивъ такое объясненіе, надо предположить, что эти различные организмы гдѣ-нибудь рождаются въ большомъ количествѣ и уносятся вдаль теченіями воздуха или воды. Признаюсь однако, что трудно представить себѣ одно исключительное мѣсто, каково бы оно ни было, могущее производить милліарды этихъ маленькихъ животныхъ или нитчатокъ. Какимъ образомъ попа-

---

Перронъ въ Voyage aux Terres Australes даетъ не менѣе двѣнадцати указаній на путешественниковъ, упоминавшихъ объ окраскѣ морской воды (Vol II p. 239). Къ свидѣтельству Перрона можно присоединить Гумбольта (Pers. Narr. vol II p. 804; Флиндера Voyage v. I p. I p. 92; Лабилардьера vol. I p. 287; Уллоа Voyage; Voyage of the Astralabe and of the Coquille; Капитани Книга Survey of Australia.

дают въ это мѣсто безчисленные зародыши? Развѣ организмы, произведшіе ихъ, не были разсѣяны вѣтромъ и волнами по всему необъятному пространству океана? И все-таки, признаюсь, нѣтъ другой гипотезы, объясняющей такое скопленіе въ полосы. Можно еще прибавить, что, по наблюденіямъ Скорсби, въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣверныхъ морей всегда встрѣчается зеленая вода, содержащая множество морскихъ животныхъ.

ГЛАВА II.

Ріо-Жанейро.

Ріо-Жанейро.—Поѣздка къ сѣверу отъ мыса Фріо.—Сильное испареніе.—Невольничество. — Заливъ Ботофаго. — Наземныя планаріи.— Облака на Корковадо.— Сильный ливень.—Пѣвчія лягушки.—Свѣтящіяся насѣкомыя.—Сила прыжка у щелкуна.—Синій туманъ.—Шумъ, произведенный бабочкой.—Энтомологія.—Муравьи.—Оса, убивающая паука.—Чужеядный паукъ.—Хитрости Ереіга.—Пауки, живущіе обществами.—Паукъ, ткущій несимметричныя паутины.

Съ 4 апрѣля по 5 іюля 1832 г. Нѣсколько дней послѣ нашего пріѣзда, я познакомился съ однимъ англичаниномъ, ѣхавшимъ въ свои помѣстья, до которыхъ отъ столицы было болѣе ста миль, къ сѣверу отъ мыса Фріо. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе.

8 апрѣля. Собралось насъ въ поѣздку семь человѣкъ. Дорога до первой остановки была очень интересна. День выдался крайне жаркій, поэтому въ лѣсу царила полнѣйшая тишина; только великолѣпныя бабочки лѣниво порхали тутъ и тамъ. Какой чудный видъ открылся намъ за холмами, расположенными позади Прайя-Гранде! Что за яркіе цвѣта! Какая удивительная синева! Небо и гладь залива, казалось, хотѣли перещеголять другъ друга въ яркомъ блескѣ красоты! Проѣхавъ воздѣланный участокъ земли, мы снова въѣхали въ лѣсъ, превосходный отъ начала до конца, а къ полудню прибыли въ Итакайю. Этотъ поселокъ стоитъ на равнинѣ. Кругомъ главнаго строенія раскинулись хижины негровъ. Формой и расположеніемъ эти хижины напомнили мнѣ картинки, изображающія жилища готтентотовъ въ Южной Африкѣ. Такъ какъ луна должна была рано взойти, мы рѣшили отправиться дальше въ тотъ же вечеръ, съ тѣмъ чтобы провести ночь въ Лагоа-Марика. Когда стало смеркаться, мы проѣхали мимо массивной гранитной скалы, крутой и совершенно обнаженной; такія скалы часто здѣсь встрѣчаются. Мѣстность эта довольно извѣстна тѣмъ, что долго служила убѣжищемъ бѣглымъ неграмъ, которые добывали средства къ существованію, воздѣлывая небольшую площадку на верху скалистаго холма. Ихъ, наконецъ, выслѣдили и послали противъ нихъ роту солдатъ. Всѣ сдались, кромѣ одной старухи, не захотѣвшей вернуться въ неволю: она бросилась съ вершины скалы и разбилась до смерти.

Если бъ такъ поступила римская матрона, ее стали бы величать за высокую любовь къ свободѣ, но бѣдную негритянку осудили, найдя ея поступокъ слѣдствіемъ грубаго упрямства.

Мы ѣхали еще нѣсколько часовъ; дорога стала довольно затруднительной подъ конецъ путешествія: она проходила по пустынной мѣстности, пересѣченной мѣстами болотами и небольшими озерами. При лунномъ свѣтѣ картина казалась полна унынія и дикости. Около насъ

кружились немногія свѣтящіяся насѣкомыя, гдѣ-то раздался жалобный крикъ одинокаго кулика. Ночная тишина едва нарушалась отдаленнымъ ропотомъ моря.

9 апрѣля. Еще до восхода солнца мы покинули жалкую лачужку, въ которой провели ночь.

Дорога шла по узкой песчаной равнинѣ, между моремъ и внутренними озерами; великолѣпныя птицы-рыболовы, цапли и журавли, сочныя растенія самыхъ причудливыхъ формъ украшаютъ эту равнину, которая была бы иначе совсѣмъ не интересна. Немногія низкорослыя деревца, разсѣянныя тамъ и сямъ, совершенно исчезаютъ подъ огромнымъ количествомъ чужеядныхъ растеній, среди которыхъ особенно выдѣляются орхидеи по красотѣ и по чудному запаху. Тотчасъ послѣ восхода солнца наступила сильная жара, и вскорѣ глазамъ стало больно смотрѣть на бѣлый песокъ, залитый яркимъ блескомъ солнечныхъ лучей. Мы обѣдали въ Мандетиба при температурѣ въ 84° по Фаренгейту (28,8° С). Холмы, увѣнчанные лѣсами, отражались въ огромномъ озерѣ. Эта восхитительная картина облегчала намъ непріятность, которую приходилось испытывать отъ чрезмѣрной жары. Въ Мандетиба есть очень хорошая венда [1]). Отличный обѣдъ, поданный намъ здѣсь,—такое рѣдкое исключеніе, что я изъ благодарности опишу эту венду, какъ образецъ здѣшнихъ трактировъ. Всѣ они представляютъ большія строенія однороднаго типа. Въ землѣ вбиты сваи, между которыми сдѣланъ переплетъ изъ вѣтвей, а сверхъ переплета наложенъ слой штукатурки. Полы въ этихъ домахъ встрѣчаются рѣдко, стеколъ въ окнахъ не бываетъ никогда, зато крыши обыкновенно хороши. Передній фасадъ состоитъ изъ веранды, уставленной скамьями и столами. Всѣ спальни проходныя и путешественнику приходится отдыхать на деревянныхъ доскахъ съ тонкой настилкой вмѣсто матраца. Венда всегда помѣщается посреди большого двора, гдѣ стоятъ лошади. Первой заботой нашей при остановкахъ бывало разсѣдлать и разнуздать лошадей и задать имъ маиса. Затѣмъ мы съ низкимъ поклономъ подходили къ сеньору, хозяину гостиницы, и просили его дать намъ поѣсть. «Все, что вамъ угодно будетъ,милостивый государь», отвѣчалъ онъ обыкновенно. Въ первые раза, когда я слышалъ во время путешествія такой отвѣтъ, я внутренне благодарилъ Провидѣніе, пославшее намъ столь любезнаго хозяина, но продолженіе разговора вносило разочарованіе въ хорошее впечатлѣніе.

— Не дадите ли вы намъ рыбы?
— О, нѣтъ, сударь!
— Хлѣба?
— О, нѣтъ!
— Супу, можетъ быть?
— Нѣтъ, сударь!
— Сушенаго мяса?
— Никакъ не могу, милостивый государь!

Мы должны были считать за счастье, если намъ удавалось, послѣ долгаго ожиданія, получить какую-нибудь домашнюю птицу, рисъ и «фарины». Часто приходилось самимъ каменьями убивать куриц себѣ на обѣдъ. Если же отъ сильной усталости и съ голода мы заикались о томъ, что хорошо бы скорѣе получить обѣдъ, хозяинъ горделиво возражалъ, и—увы!—въ этомъ отвѣтѣ звучала настоящая правда: «Обѣдъ будетъ поданъ когда поспѣетъ». Если бъ мы осмѣлились настаивать или

[1]) Венда по-португальски — гостиница.

жаловаться, насъ сочли бы за людей дерзкихъ и просили бы ѣхать дальше. Хозяева гостиницъ не только нелюбезные люди, но они бываютъ даже очень грубы. Дома ихъ и сами они часто весьма грязны. Здѣсь не найдешь ни одного прибора, и я увѣренъ, что бѣднѣйшій коттэджъ, любая хижина въ Англіи лучше обставлены въ отношеніи предметовъ первой необходимости.

Въ мѣстечкѣ Кампосъ-Новосъ насъ однако прекрасно угостили. Къ обѣду подали курицу подъ рисомъ, бисквиты, вино и ликеры, вечеромъ—кофе, а къ утреннему завтраку—рыбу и кофе. Все это, не исключая отличнаго корма для лошадей, обошлось намъ только по $2^1/_2$ шиллинга съ человѣка. Но когда одинъ изъ насъ спросилъ у хозяина, не видалъ ли онъ хлыста, котораго не могли найти, трактирщикъ грубо возразилъ:

— Почемъ я знаю? Что же вы сами не убрали его? Собаки вѣрно съѣли вашъ хлыстъ.

Выѣхавъ изъ Мандетибо, мы продолжали свой путь, пробираясь среди многочисленныхъ озеръ. Въ однихъ жили прѣсноводныя раковины, въ другихъ—морскія. Изъ прѣсноводныхъ я нашелъ прудовика (Limnaeus), который въ большомъ количествѣ водится въ одномъ изъ озеръ. Это озеро, по словамъ туземцевъ, ежегодно или по нѣсколько разъ въ годъ, заливается моремъ, а потому содержитъ въ себѣ много соли. Я думаю,

Вампиръ, пойманный на лошади Дарвина.

что въ этой вереницѣ лагунъ, окаймляющихъ бразильскіе берега, можно было бы сдѣлать много интересныхъ наблюденій надъ морскими и прѣсноводными животными. Г. Гэ [1]) утверждаетъ, что онъ нашелъ въ окрестностяхъ Pio морскія раковины изъ рода ракушниковъ (Mytilus) и черенки (Sobu), а также нѣсколько прѣсноводныхъ сулейниковъ (Ampullariae),

[1]) Annales des sciences naturelles. 1833.

живущихъ вмѣстѣ въ солоноватой водѣ. Я самъ часто наблюдалъ въ озерѣ, подлѣ ботаническаго сада, гдѣ вода почти такая же соленая, какъ морская, видъ водолюба (Hydrophilus), похожаго на водяного жука, часто встрѣчающагося по каналамъ въ Англіи. Единственный видъ раковинъ

Вампиръ (Desmodus D'Orbignyi).

въ этомъ озерѣ принадлежитъ къ роду, живущему обыкновенно подлѣ устьевъ рѣкъ.

Мы снова удаляясь отъ берега проникли въ лѣсъ. Здѣсь глазамъ нашимъ представились очень высокія деревья,—въ Европѣ никогда не встрѣтить такой бѣлизны стволовъ. Перелистывая замѣтки, внесенныя въ мой дневникъ во время путешествія, я вижу, что меня болѣе всего поразили своей новостью «прекрасные удивительные цвѣты чужеядныхъ растеній». За лѣсомъ мы проѣзжали черезъ огромныя пастбища, сильно изуродованныя большими муравейниками конической формы, достигающими 12 футовъ вышины. Благодаря муравейникамъ, равнина эта совершенно похожа на мѣстность въ Хорулло съ грязными вулканами, описанную Гумбольдтомъ. Уже стемнѣло, когда мы пріѣхали въ Энгеньодо, пробывъ десять часовъ въ сѣдлѣ. Я не переставалъ во всю дорогу удивляться выносливости здѣшнихъ лошадей; онѣ, кромѣ того, оправлялись отъ разныхъ поврежденій гораздо скорѣе, чѣмъ наши англійскія лошади. Вампиръ причиняетъ имъ часто большія страданія, кусая лошадей въ загривокъ. Боль является не столько послѣдствіемъ потери крови, сколько отъ воспаленія, причиняемаго треніемъ сѣдла послѣ укуса. Я знаю, что въ послѣднее время въ Англіи сомнѣвались въ истинѣ этого факта; вотъ почему я очень радъ, что мнѣ удалось самому увидать, какъ поймали вампира (Desmodus d'Orbygnyi) на спинѣ лошади. Намъ случилось разъ ночевать подъ открытымъ небомъ близъ Коквимбо, въ Чили; мой слуга, замѣтивъ, что одна изъ лошадей сильно волнуется, пошелъ посмотрѣть, что съ ней случилось; замѣтивъ что-то сидящее на спинѣ лошади, онъ быстро занесъ руку и схватилъ вампира. На другое утро можно было по опухоли и запекшейся крови увидать мѣсто, въ которое была укушена

лошадь. Три дня спустя лошадь могла намъ попрежнему служить, не сохранивъ больше никакихъ слѣдовъ отъ укуса.

13 апрѣля. Послѣ трехдневнаго путешествія мы доѣхали до Сосего, помѣстья, принадлежавшаго Сенору Мануэлю Фигуиреда, родственнику одного изъ нашихъ спутниковъ. Домъ, очень простой и похожій на сарай, какъ нельзя лучше приспособленъ къ условіямъ климата. Въ гостиной золоченые кресла и диваны производили странное впечатлѣніе въ сравненіи съ простыми выбѣленными стѣнами, съ соломенной крышей и съ окнами безъ стеколъ. Домъ, вмѣстѣ съ амбарами, конюшнями и мастерскими для негровъ, обучающихся разнымъ ремесламъ, помѣщается вокругъ четыреугольнаго двора, посреди котораго сушилась большая куча кофе. Всѣ эти постройки стоятъ на холмѣ, который возвышается надъ обработанными полями, окруженными со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ. Главное произведеніе этой страны—кофе; каждое дерево приноситъ, говорятъ, по два фунта въ годъ, но есть деревья, дающія до 8 фунтовъ. Въ большомъ количествѣ разводится еще маньока или кассада. Всѣ части этого растенія идутъ на пользу: лошади кормятся листьями и стеблями; корни толкутъ въ тѣстообразную массу, выжимаютъ ихъ досуха, пекутъ, послѣ чего изъ нихъ выходитъ фарина, родъ муки, составляющей главную пищу бразильскаго населенія. Очень любопытенъ всѣмъ извѣстный фактъ, что сокъ этого питательнаго растенія представляетъ изъ себя сильнѣйшій ядъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этомъ помѣстьѣ околѣла корова, напившаяся сока кассады. Сеноръ Фигуиреда говорилъ мнѣ, что онъ посѣялъ въ прошломъ году мѣшокъ фейхао, или бобовъ, и три мѣшка рису. Бобы уродились самъ-восемьдесятъ, а рисъ далъ урожай въ 320 разъ больше того, что было посѣяно. На пастбищахъ пасутся великолѣпныя стада скотины, въ лѣсу же столько дичи, что, до нашего пріѣзда охотники три дня подъ рядъ приносили по убитой лани. Въ обѣдѣ сказывается это обиліе пищи, и если столы выдерживали тяжесть многочисленныхъ блюдъ, того же нельзя сказать про гостей, которые должны были непремѣнно отвѣдать отъ каждаго блюда. Однажды я ухитрился ѣсть такъ расчетливо, что надѣялся благополучно встать изъ-за трапезы, какъ вдругъ, къ моему ужасу, внесли еще жареную индѣйку и поросенка! Во время обѣда слуга постоянно занятъ тѣмъ, что выгоняетъ изъ столовой множество маленькихъ собачонокъ и негритянскихъ дѣтей, которые стараются при всякомъ удобномъ случаѣ проникнуть въ комнату.

Если отбросить мысль о рабствѣ, въ этой патріархальной жизни есть что-то особенно привлекательное: чувствуешь себя совершенно независимымъ отъ остального міра и въ полнѣйшемъ уединеніи. Какъ только здѣсь появляется чужой человѣкъ, начинаютъ звонить въ большой колоколъ, часто даже стрѣляютъ изъ маленькой пушки. Должно быть, это дѣлается ради окрестныхъ лѣсовъ и утесовъ, потому что больше некого извѣщать о счастливомъ событіи — пріѣздѣ гостя. Однажды утромъ я пошелъ гулять за часъ до восхода солнца, чтобы вполнѣ насладиться торжественнымъ молчаніемъ природы, но вскорѣ воздухъ огласился звуками гимна, который пѣли хоромъ негры передъ началомъ работы. Невольники на такихъ плантаціяхъ (фаціендахъ) въ общемъ живутъ въ очень хорошихъ условіяхъ. По субботамъ и воскресеньямъ они могутъ работать на себя, а въ этомъ благословенномъ климатѣ двухъ дней работы болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы человѣкъ могъ содержать себя съ семьей.

14 апрѣля. Изъ Сосего мы отправились въ другое помѣстье на Ріо-Макаэ, которымъ кончался обработанный участокъ земли въ этой сто-

Рio Джанейро.

ронѣ. Въ длину имѣніе это тянулось на двѣ съ половиною мили; какое пространство оно занимало въ ширину, самъ хозяинъ позабылъ и не могъ сказать. Только небольшая часть земли была расчищена, между тѣмъ, каждый акръ можетъ дать обильный сборъ всѣхъ богатыхъ произведеній тропическихъ странъ. Воздѣланная часть земли въ Бразиліи незначительна въ сравненіи съ огромнымъ пространствомъ этой страны. Почти вся она еще въ первобытномъ состояніи. Какое огромное народонаселеніе можетъ въ будущемъ кормиться на этой землѣ!

На второй день пути мы въѣхали въ такія дебри ползучихъ растеній, что одинъ изъ нашихъ людей съ топоромъ шелъ впереди насъ и прочищалъ намъ дорогу. Лѣсъ изобиловалъ чудными растеніями; древовидные папоротники, невысокіе, но съ удивительно ярко-зеленой, изящной и граціозной листвой приводили меня въ восторгъ, и я не могъ перестать ими любоваться. Вечеромъ шелъ проливной дождь и, несмотря на 65° (по Фаренгейту), я почувствовалъ холодъ. Послѣ дождя я увидалъ любопытное зрѣлище необычайнаго испаренія, охватившаго весь лѣсъ. Густой бѣлый туманъ окуталъ холмы на сто футовъ вышины. Туманъ поднимался, точно дымными столбами, надъ чащами лѣса, а главнымъ образомъ, надъ долинами. Мнѣ случилось нѣсколько разъ наблюдать это явленіе, вызванное, я думаю, обширностью лиственной поверхности, раньше сильно прогрѣтой солнцемъ.

Во время моего пребыванія въ этомъ помѣстьи я чуть не сдѣлался очевидцемъ жестокости, которая мыслима только тамъ, гдѣ существуетъ рабство. Вслѣдствіе какой-то ссоры и тяжбы владѣлецъ собирался отнять у мужского населенія негровъ женъ и дѣтей, чтобы продать ихъ съ публичнаго торга въ Ріо. Только корыстныя соображенія, а вовсе не жалость не дали совершиться этому позорному дѣлу. Я увѣренъ, что владѣльцу и въ голову не приходило считать безчеловѣчнымъ поступкомъ насиліе, разлучающее членовъ одной семьи; при этомъ надо замѣтить, что самъ онъ человѣкъ добрый и лучше многихъ другихъ людей. Кажется, безспорно то, что корыстолюбіе и эгоизмъ могутъ довести до безграничнаго ослѣпленія. Привожу одинъ незначительный случай, поразившій меня болѣе всякихъ разсказовъ о практикуемыхъ жестокостяхъ. Очень глупый негръ перевозилъ меня однажды на паромѣ. Такъ какъ онъ непонималъ того, что я говорю, я возвысилъ голосъ и сталъ знаками объясняться, при чемъ рука моя сдѣлала движеніе вблизи отъ его лица. Онъ, повидимому, сообразилъ, что я сердитъ и собираюсь его ударить: руки его тотчасъ опустились, глаза закрылись наполовину, и онъ бросилъ на меня украдкой боязливый взоръ. Никогда не забуду чувства удивленія, отвращенія и стыда, охватившихъ меня при видѣ этого испуганнаго человѣка, которому и въ голову не пришло защищаться. Его довели до такого униженія, котораго не знаютъ самыя безпомощныя животныя.

18 апрѣля. На возвратномъ пути мы остановились на два дня въ Сасего. Я воспользовался временемъ для собиранія насѣкомыхъ въ лѣсу. Большинство деревьевъ при значительной вышинѣ имѣетъ не больше трехъ или четырехъ футовъ въ окружности. Встрѣчаются, конечно, деревья и гораздо бо́льшихъ размѣровъ. Сеноръ Мануэль строилъ въ это время лодку, въ 70 футовъ длиною, изъ одного древеснаго ствола, имѣвшаго на корнѣ длину 110 футовъ и значительную толщину.

Контрастъ между пальмами и простыми породами вѣтвистыхъ деревьевъ придаетъ тропическій оттѣнокъ смѣшанному лѣсу. Здѣсь болѣе всего красила лѣсъ капустная пальма, одна изъ самыхъ изящныхъ формъ

этого семейства. Стволъ ея такъ тонокъ, что его можно обхватить двумя руками, между тѣмъ какъ вышина достигаетъ 40 или 50 футовъ, а на макушкѣ качается красивый шатеръ изъ зеленыхъ листьевъ. Вьющіяся растенія, въ свою очередь обвитыя другими ползучими растеніями, отличаются толщиной ствола. Я измѣрилъ нѣкоторыя изъ нихъ, имѣвшія до двухъ футовъ въ окружности. Встрѣчались страннаго вида старыя деревья, съ вѣтвей которыхъ висѣли ліаны, производившія впечатлѣнія зокъ сѣна. Наглядѣвшись на древесную листву и опустивъ глаза къ землѣ, испытываешь не меньшій восторгъ при видѣ необыкновенно изящныхъ мимозъ и папоротниковъ. Мимозы раскинулись по землѣ сплошнымъ ковромъ вышиной въ нѣсколько дюймовъ. Если ступать по этому ковру и оглянуться назадъ, то можно замѣтить слѣдъ своихъ шаговъ по измѣненію оттѣнковъ въ листвѣ этихъ растеній, чувствительные черешки которыхъ тотчасъ поникаютъ отъ прикосновенія. Не трудно перечислить отдѣльные предметы, возбуждающіе восхищеніе въ этой чудесной природѣ, но никакими словами не выразить возвышенныхъ чувствъ, восторга и благоговенія которыя пробуждаются въ душѣ человѣка, созерцающаго всѣ эти красоты.

19 апрѣля. Покинувъ Сосего, мы опять ѣдемъ по знакомой намъ дорогѣ, скучной и утомительной, потому что она все время тянется песчаными равнинами недалеко отъ морского берега и ослѣпляетъ глаза сильнымъ отраженіемъ лучей на пескѣ. Я замѣтилъ, что всякій разъ, какъ лошадь моя ступала по мелкому кремнистому песку, подъ ногами раздавалось легкое скрипящее хрустеніе. На третій день мы свернули на другую дорогу и проѣхали хорошенькое селеніе Madre de Deôs. Это одинъ изъ славныхъ большихъ трактовъ въ Бразиліи, и, несмотря на то, дорога здѣсь въ такомъ плохомъ состояніи, что нельзя проѣхать ни въ какомъ экипажѣ, развѣ въ простой телѣгѣ, на волахъ. Во все время нашего путешествія мы не встрѣтили ни одного каменнаго моста; что касается деревянныхъ мостовъ, то они часто такъ плохи, что приходится ихъ объѣзжать стороною. Разстоянія здѣсь точно не отмѣчаются, и часто, вмѣсто дорожныхъ столбовъ, попадаются кресты, обозначающіе мѣста совершонныхъ убійствъ. 23-го, къ вечеру, мы прибыли въ Ріо, окончивъ наше маленькое странствованіе.

Остальное время моего пребыванія въ Ріо я помѣщался въ коттеджѣ у залива Ботофаго. Нельзя придумать лучшаго удовольствія, какъ провести нѣсколько недѣль въ этомъ чудномъ краѣ. Въ Англіи любитель естественной исторіи можетъ, при своихъ прогулкахъ всегда найти предметъ, привлекающій его вниманіе, но въ благодатномъ климатѣ Бразиліи, гдѣ все живое рождается въ такомъ изобиліи, на каждомъ шагу является такое множество предметовъ для наблюденія, что натуралисту даже трудно гулять.

Немногія наблюденія, которыя я успѣлъ сдѣлать, посвящены почти исключительно безпозвоночнымъ животнымъ. Меня очень заинтересовало существованіе на сушѣ животныхъ, принадлежащихъ къ роду планарій (Planaria). Строеніе ихъ до того просто, что Кювье причисляетъ ихъ къ внутренностнымъ червямъ, хотя ихъ никогда не находили въ тѣлахъ другихъ животныхъ. Множество видовъ этого рода живетъ и въ соленой, и въ прѣсной водѣ; но тѣ, о которыхъ я говорю, водятся даже въ самыхъ сухихъ мѣстахъ лѣса, подъ гніющими корягами, которыми они вѣроятно питаются. Они похожи общимъ видомъ на маленькихъ слизней, но только гораздо меньше ихъ; нѣкоторые виды покрыты продольными полосками яркихъ цвѣтовъ. Строеніе ихъ очень просто: около середины

нижней поверхности ихъ тѣла, на которой они ползаютъ, помѣщаются двѣ маленькія поперечныя щели; черезъ переднюю щель можетъ высовываться ротъ, имѣющій форму воронки и крайне раздражительный. Этотъ органъ сохраняетъ еще признаки жизни въ теченіе нѣсколькихъ минутъ послѣ того, какъ животное умерло отъ дѣйствія соленой воды или отъ другихъ причинъ.

Я нашелъ не менѣе двѣнадцати различныхъ видовъ наземныхъ планарій въ разныхъ мѣстахъ южнаго полушарія [1]). Нѣсколько экземпляровъ, взятыхъ съ Вандименовой Земли, я сохранялъ живыми въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, питая ихъ гнилымъ деревомъ. Одного изъ нихъ я разрѣзалъ поперекъ на двѣ почти равныя части. По прошествіи двухъ недѣль каждая часть приняла форму вполнѣ развитаго животнаго, между тѣмъ я разрѣзалъ тѣло такъ, что на одной половинѣ оставались оба отверстія нижней поверхности, а на другой, слѣдовательно, не осталось ни одного отверстія. Двадцать пять дней спустя послѣ операціи, нельзя

Заливъ Ботафого, Ріо-Жанейро.

было отличить болѣе совершенную половину отъ всякаго другого цѣльнаго экземпляра.

Размѣры второй половины очень увеличились, и около задняго конца ея, въ паренхимѣ, образовалось свѣтлое пятно, въ которомъ можно было ясно видѣть зачатки воронкообразнаго рта, но на нижней поверхности тѣла не было еще замѣтно соотвѣтствующей щели. Если бъ жара, значительно усиливавшаяся по мѣрѣ нашего приближенія къ экватеру, не причинила смерти всѣмъ нашимъ планаріямъ, нѣтъ сомнѣнія, что и вторая щель развилась бы со временемъ. Хотя такіе опыты давно уже извѣстны, тѣмъ не менѣе было любопытно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ самыхъ существенныхъ органовъ новаго экземпляра изъ отрѣзаннаго куска другого животнаго. Сохраненіе планарій представляетъ большія трудности; какъ только прекращеніе жизни дастъ возможность дѣйствовать обыкновеннымъ законамъ разложенія, все тѣло ихъ приходитъ въ рыхлое и жидкое состояніе съ такой быстротой, какой я не замѣчалъ ни въ какомъ другомъ умершемъ животномъ.

Въ первый разъ я посѣтилъ лѣсъ, гдѣ были найдены эти планаріи, въ сообществѣ стараго португальскаго священника, который увелъ меня

[1]) Я описалъ и назвалъ эти виды въ Annales of Nat. Hist., vol. XIV, p. 241.

на охоту. Охота состоитъ въ томъ, что спускаютъ нѣсколько собакъ въ чащу лѣса и потомъ терпѣливо выжидаютъ появленія какого-нибудь звѣря, въ котораго и стрѣляютъ, все равно, кто бы онъ не былъ. На охоту съ нами пошелъ сынъ одного фермера, жившаго по сосѣдству. Этотъ молодой человѣкъ представлялъ изъ себя прекрасный образецъ дикаго бразильскаго юноша. Онъ былъ одѣтъ въ панталоны и въ изорванную рубаху. На головѣ не было шапки, вооруженіе его состояло изъ старинаго ружья и ножа. Здѣсь всѣ ходятъ съ ножами, что необходимо уже потому, что въ густыхъ лѣсахъ приходится прочищать дорогу сквозь ползучія растенія; но, эта же привычка носить при себѣ ножи объясняетъ частые случаи убійствъ, совершаемыхъ въ Бразиліи. Бразильцы замѣчательно искусно владѣютъ этимъ оружіемъ. Они бросаютъ его вдаль съ такой силой и такъ вѣрно, что почти всегда наносятъ смертельныя раны. Я видѣлъ множество мальчиковъ, игравшихъ въ метанье ножей; легкость, съ которой они попадали въ сваю вбитую въ землю, обѣщала имъ большой успѣхъ въ будущемъ. Мой товарищъ наканунѣ убилъ двухъ большихъ бородатыхъ обезьянъ. Цѣпкость хвостовъ у этихъ животныхъ такъ велика, что конецъ хвоста даже послѣ смерти обезьяны можетъ выдержать тяжесть всего тѣла. Одна изъ обезьянъ такъ и осталась прочно прицѣпленной хвостомъ къ вѣткѣ, и пришлось срубать большое дерево, чтобы достать ее, что и было исполнено. За исключеніемъ этихъ двухъ обезьянъ, мы настрѣляли только нѣсколькихъ зеленыхъ попугаевъ и тукановъ. Я извлекъ изъ знакомства съ партугальскимъ священникомъ еще кое-что полезное для себя: онъ подарилъ мнѣ великолѣпный экземпляръ ягуара.

Всякій слыхалъ о красотѣ мѣстности въ окрестностяхъ Ботофаго. Домъ, въ которомъ я помѣщался, стоялъ у подножія всѣмъ извѣстной горы Корковадо. Справедливо замѣчено, что крутыя коническія горы являются характерной чертой той формаціи, которую Гумбольдъ называетъ гнейсовымъ гранитомъ. Нѣтъ ничего поразительнѣе вида этихъ огромныхъ, округленныхъ утесовъ, тонущихъ въ самой богатой растительности.

Я часто съ любопытствомъ слѣдилъ за облаками, которыя неслись съ моря и громоздились надъ вершиной Корковадо. Какъ почти всѣ горы, укутанныя частью въ облака, Корковадо представляется гораздо выше, чѣмъ онъ есть; на самомъ дѣлѣ онъ не превышаетъ 2.300 футовъ. Г. Даніэль разсказываетъ въ своихъ метеорологическихъ очеркахъ, что иногда облако казалось ему какъ бы прицѣпленнымъ къ верхушкѣ горы, между тѣмъ какъ дулъ сильный вѣтеръ. Здѣсь повторялось то же самое явленіе, но оно имѣло нѣсколько другой характеръ. Видно было, какъ облако обвивалось вокругъ вершины и быстро проносилось надъ ней, но въ то же время не уменьшалось и не увеличивалось въ объемѣ. Солнце садилось и легкій южный вѣтерокъ, ударяясь объ южную сторону скалы, смѣшивалъ свои теплыя струи съ болѣе холодными верхними слоями воздуха; пары сгущались, но по мѣрѣ того, какъ эти легкія облачка перелетали черезъ верхушку и, на другой сторонѣ, попадали въ болѣе теплую атмосферу сѣвернаго склона, они снова разсѣивались. Въ маѣ и іюнѣ, т.-е. по здѣшнему въ началѣ зимы, погода была восхитительная. Средняя температура по наблюденіямъ, которыя производились въ 9 часовъ утра и вечера, равнялась 72° (по Фаренгейту). Часто шли проливные дожди, но южный вѣтеръ скоро осушалъ землю, такъ что можно было съ удовольствіемъ совершать прогулки. Разъ утромъ шелъ дождь шесть часовъ подъ рядъ и воды выпало на 1,6 дюйма. Когда эта гроза проносилась

надъ лѣсами, окружающими Корковадо, капли дождя, ударяясь о безчисленные листья, производили страшный шумъ, его можно было слышать за четверть мили, и онъ походилъ на шумъ бурнаго потока. Какое наслажденіе бывало проводить спокойно вечеръ въ саду послѣ знойнаго дня и смотрѣть, какъ ложатся ночныя тѣни!

Въ этихъ мѣстахъ природа выбираетъ болѣе скромныхъ пѣвцовъ, чѣмъ въ Европѣ. Маленькая лягушка изъ древесныхъ (Hyla) сидитъ на кустикѣ травы около дюйма поверхъ воды и затягиваетъ очень пріятную пѣсенку; если соберется нѣсколько лягушекъ, то каждая вноситъ свою ноту въ благозвучный концертъ. Не безъ труда досталъ я такую лягушку. На концахъ пальцевъ у этого вида находятся маленькіе присоски, и я замѣтилъ, что животное это можетъ ползать по стеклянной плостинкѣ, поставленной совершенно отвѣсно. Множество цикадъ и сверчковъ поднимали въ то же время свой пронзительный крикъ, но на разстояніи этотъ крикъ не лишенъ пріятности. Каждый вечеръ, какъ стемнѣетъ, начинается концертъ. Сколько разъ я неподвижно сидѣлъ, слушая его, пока мое вниманіе не отвлекалось какимъ-нибудь интереснымъ насѣкомымъ, пролетавшимъ мимо.

Въ эти часы перепархиваютъ съ одной изгороди на другую свѣтящіяся насѣкомыя. Въ темную ночь свѣтъ отъ нихъ виденъ на двѣсти шаговъ. Надо замѣтить, что у всѣхъ свѣтящихся насѣкомыхъ, которыхъ мнѣ приходилось наблюдать, — у свѣтящихся червячковъ, свѣтящихся щелкуновъ (Elateridae) и морскихъ животныхъ (напр. у раковъ, медузъ, нереидъ, одного коралла изъ рода Clytia и у Pyrosoma) свѣтъ былъ всегда опредѣленно зеленый. Всѣ свѣтящіяся насѣкомые, попадавшіяся мнѣ здѣсь, принадлежали къ семейству Lampyridae, т.-е. къ свѣтлякамъ (къ этому же семейству принадлежитъ и англійскій свѣтлякъ); чаще всего встрѣчается видъ Lampyris occidentalis [1]).

Я нашелъ послѣ многихъ наблюденій, что это насѣкомое издаетъ наиболѣе сильный свѣтъ, когда оно раздражено; въ промежуткахъ, брюшныя кольца тускнѣютъ. Свѣтъ появлялся почти одновременно въ обоихъ кольцахъ, но все-таки его можно было раньше замѣтить въ переднемъ кольцѣ. Свѣтящееся вещество жидко и очень липко. Тѣ мѣста, гдѣ кожа насѣкомаго была расцарапана, продолжали свѣтится слабымъ мерцающимъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ здоровыя мѣста уже потухали. У обезглавленнаго насѣкомаго кольца продолжаютъ свѣтиться, но не такъ ярко, какъ прежде; живость блеска всегда усиливалась отъ мѣстнаго раздраженія иголкою. Въ одномъ случаѣ я замѣтилъ, что кольца продолжали свѣтиться двадцать четыре часа послѣ смерти насѣкомаго. Изъ этого можно заключить, что оно обладаетъ способностью только гасить свѣтъ на короткіе промежутки времени, тогда какъ въ остальное время лучеиспусканіе происходитъ непроизвольно. Я находилъ въ большомъ количествѣ личинки этихъ свѣтляковъ на сыромъ пескѣ дорожекъ; внѣшнимъ строеніемъ онѣ походятъ на самокъ англійскаго свѣтляка. Эти личинки свѣтятся очень слабо; въ противоположность своимъ родителямъ, онѣ прикидываются мертвыми при малѣйшемъ прикосновеніи и перестаютъ свѣтиться; раздраженіе не вызываетъ у нихъ новаго испусканія свѣта. Нѣсколькихъ изъ нихъ я сохранилъ живыми въ продолженіе нѣкотораго времени. Хвосты этихъ свѣтляковъ крайне интересны: они

[1]) Я весьма благодаренъ господину Уатергаусу, который былъ настолько любезенъ, что опредѣлилъ мнѣ это насѣкомое, а также и много другихъ, и вообще оказывалъ мнѣ всякое содѣйствіе.

служатъ имъ для присасыванія или прикрѣпленія и вмѣстѣ съ тѣмъ хранилищемъ для слюны или другой жидкости въ томъ же родѣ. Я часто кормилъ ихъ сырымъ мясомъ и всякій разъ замѣчалъ, что отъ времени до времени конецъ хвоста приближается ко рту, при чемъ изъ хвоста выдѣлялась капля жидкости, падавшей на мясо, которое насѣкомое собиралось проглотить. Несмотря на привычность такого пріема, хвостъ не сразу поподаетъ ко рту; по крайней мѣрѣ я замѣчалъ, что онъ сперва прикладывался къ шеѣ, служившей ему, повидимому, проводникомъ ко рту.

Въ окрестностяхъ Багіи чаще всего встрѣчается свѣтлякъ-щелкунъ (Pyrophorus luminosus Jelig). У этого насѣкомаго механическое раздраженіе тоже вызывало усиленный блескъ. Я разъ наблюдалъ его въ то время какъ онъ прыгалъ; искусство его мнѣ кажется, еще нигдѣ не описано, какъ слѣдутъ [1]). Брошенный на спину и готовясь къ прыжку, щелкунъ загибалъ голову и грудь назадъ, такъ что грудной отростокъ выдавался впередъ и помѣщался на краю своего влагалища. Пока продолжалось это движеніе головы назадъ, грудной отростокъ сгибался дѣйствіемъ мышцъ точно пружина, насѣкомое опиралось въ это время на землю краями головы и надкрыльевъ. Когда напряженное состояніе вдругъ ослабѣло, голова и грудь быстро поднялись кверху и основанія надкрыльевъ ударились съ такой силой о землю, что насѣкомое подпрыгнуло на высоту одного или двухъ дюймовъ. Выступы груди и влагалище грудного отростка служатъ для устойчивости тѣла во время прыжка. Въ описаніяхъ, которыя я читалъ по этому предмету, не было обращено достаточнаго вниманія на упругость грудного отростка; такой быстрый прыжокъ не можетъ произойти отъ простого сокращенія мышцъ безъ участія какого-нибудь механическаго приспособленія.

Я нѣсколько разъ предпринималъ небольшія, но очень пріятныя путешествія по окрестностямъ. Разъ я былъ въ Ботаническомъ саду, гдѣ можно видѣть множество растеній, извѣстныхъ по своей большой полезности. Листья камфарнаго, перечнаго и гвоздичнаго деревьевъ распространяли чудное благоуханіе; хлѣбное дерево, яка и манговое дерево соперничали между собою въ великолѣпіи зелени. Послѣднія два дерева придаютъ, главнымъ образомъ, особый характеръ видамъ въ окрестностяхъ Багіи. Не зная ихъ, я не могъ себѣ представить, чтобы дерево отбрасывало такую черную тѣнь. Хлѣбное и манговое деревья относятся къ вѣчной зелени этихъ странъ, какъ въ Англіи лавровое дерево и остролистъ относятся къ болѣе легкой зелени чернолѣсья. Нужно замѣтить, что дома въ тропическихъ странахъ вездѣ окружены самыми красивыми растительными формами, потому что многія изъ нихъ въ то же время особенно полезны человѣку. Кто можетъ сомнѣваться, что оба эти качества красота и полезность—соединены въ бананѣ, въ кокосовой пальмѣ, во многихъ другихъ видахъ пальмъ, въ апельсинномъ и хлѣбномъ деревѣ?

Въ продолженіе этого дня меня особенно поразило одно замѣчаніе Гумбольдта, который часто говоритъ о «легкой дымкѣ, не измѣняющей прозрачности воздуха и въ то же время смягчающей всѣ оттѣнки цвѣтовъ и придающей имъ особенную гармоничность». Такого явленія я не замѣчалъ въ умѣренномъ поясѣ. На протяженіи полумили или четверти мили воздухъ казался совершенно прозрачнымъ, но на большемъ разстояніи всѣ цвѣта сливались въ чудесномъ туманѣ, свѣтло-сѣромъ съ голубымъ отливомъ. Условія воздуха между утромъ и полуднемъ, когда эффектъ былъ всего замѣтнѣе, оставались однѣ и тѣ жѣ, кромѣ развѣ

[1]) Kirby's, Entomology, vol. ii p. 317.

степени сухости. Въ этотъ промежутокъ времени разность между точкой росы и температурой увеличилась отъ 7^0 5^1 до 17^0.

Въ другой разъ я рано всталъ и отправился къ Гавіи, или мачтовой горѣ. Воздухъ былъ удивительно свѣжъ и пропитанъ благоуханіемъ; капли росы еще блестѣли на листьяхъ большихъ лилейныхъ растеній, осѣнявшихъ прозрачные ручейки. Я усѣлся на обломкѣ гранита и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на разнообразныхъ насѣкомыхъ и птицъ, пролетавшихъ мимо меня. Колибри, повидимому, особенно любятъ такія тѣнистые, уединенные уголки. Всякій разъ, какъ я видѣлъ этихъ крошечныхъ птичекъ, сновавшихъ около цвѣтовъ и такъ быстро двигавшихъ крылышками, что ихъ едва можно было разглядѣть, мнѣ припоминались наши ночныя бабочки (Sphinx): въ самомъ дѣлѣ ихъ движенія и нравы во многомъ сходны.

Продолжая идти по тропинкѣ, я вошелъ въ великолѣпный лѣсъ и съ высоты пяти-шестисотъ футовъ передо мной развернулся одинъ изъ величественныхъ видовъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу въ окрестностяхъ Ріо. Картина природы на этой высотѣ достигаетъ самаго блестящаго колорита; каждая форма, каждый оттѣнокъ до того превосходитъ въ великолѣпіи все, что европеецъ видѣлъ у себя на родинѣ, что онъ не находитъ словъ для выраженія своихъ чувствъ. Общее впечатлѣніе напоминало мнѣ то, что я испытывалъ при видѣ самыхъ роскошныхъ декорацій въ оперѣ и большихъ театрахъ. Я никогда не возвращался съ такихъ прогулокъ съ пустыми руками. На этотъ разъ я нашелъ экземпляръ замѣчательнаго гриба, Hymenophallus. Почти всѣмъ знакомъ англійскій грибъ Phallus, заражающій осенью воздухъ кругомъ себя отвратительнымъ запахомъ; впрочемъ, энтомологи знаютъ и то, что этотъ запахъ очень нравится нѣкоторымъ изъ нашихъ жуковъ. То же самое я замѣтилъ здѣсь: свайникъ (Strongylus), привлеченный запахомъ, сѣлъ на грибъ въ то время, какъ я несъ его въ рукахъ.

Итакъ, мы видимъ въ двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга странахъ, сходное отношеніе между растеніями и насѣкомыми однихъ и тѣхъ же семействъ, хотя оба принадлежатъ къ различнымъ видамъ. Когда человѣкъ становится посредникомъ при введеніи новыхъ видовъ въ какую-нибудь страну, то это отношеніе часто нарушается. Привожу какъ примѣръ тотъ фактъ, что капуста и салатъ, которые въ Англіи доставляютъ обильное питаніе множеству слизней и гусеницъ, въ садахъ Ріо остаются нетронутыми.

Во время нашего пребыванія въ Бразиліи, я собралъ большую коллекцію насѣкомыхъ. Нѣсколько общихъ замѣчаній объ относительномъ значеніи разныхъ отрядовъ могутъ быть интересны англійскимъ энтомологамъ. Большія, ярко расписанныя Lepidoptera лучше всякихъ другихъ породъ животныхъ отличаютъ поясъ, обитаемый ими. Я буду говорить только о дневныхъ бабочкахъ, потому что ночныя бабочки, вопреки тому, что можно было бы ожидать при богатствѣ растительности, гораздо малочисленнѣе здѣсь, чѣмъ въ нашихъ умѣренныхъ странахъ. Меня очень удивили привычки Papilio feronia. Эта бабочка здѣсь не рѣдкость и водится болѣе всего въ померанцевыхъ рощахъ. Хотя она взлетаетъ на большую высоту, но часто садится и на стволы деревьевъ. Въ этихъ случаяхъ голова ея всегда обращена внизъ и крылья раскрыты горизонтально, а не подобраны отвѣсно, какъ это обыкновенно бываетъ. Это единственная бабочка изъ видѣнныхъ мною, которая пользуется ногами и бѣгаетъ. Я не зналъ этой особенности, вотъ почему насѣкомое много разъ убѣгало въ сторону, какъ я ни старался осторожно подойти

къ нему, и уклонялось отъ моего пинцета въ то самое мгновеніе, какъ инструментъ готовъ былъ схватить его. Но еще замѣчательнѣе способность производить шумъ, которой обладаетъ этотъ видъ. Когда парочка насѣкомыхъ, вѣроятно самецъ и самка, гонялись другъ за другомъ, они проносились въ неправильномъ полетѣ въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ меня, и я могъ ясно разслышать какой-то стукъ, въ родѣ треска, производимаго зубчатымъ колесомъ о спускъ пружины. Трескъ продолжался съ небольшими перерывами, и его можно было слышать за двадцать ярдовъ. Я увѣренъ, что въ моемъ наблюденіи не было ошибки [1]). Общая картина міра жесткокрылыхъ разочаровала меня. Маленькіе и темноцвѣтные жуки очень многочисленны [2]). Европейскіе кабинеты могутъ до сихъ поръ похвастать только самыми крупными видами насѣкомыхъ тропическихъ странъ. Всякій энтомологъ можетъ придти въ душевное волненіе, если онъ себѣ вообразитъ размѣры будущихъ каталоговъ. Хищные жуки или Carabidae очень рѣдко встрѣчаются въ тропическихъ странахъ, что особенно удивительно въ виду большой распространенности хищныхъ млекопитающихъ въ жаркомъ поясѣ. Меня поразило это обстоятельство, какъ послѣ пріѣзда въ Бразилію, такъ и въ то время, когда я снова увидѣлъ изящныхъ и проворныхъ Harpalidae въ умѣренномъ климатѣ равнинъ Ла-Платы. Не замѣняютъ ли многочисленные пауки и прожорливыя перепончатокрылыя (Hymenoptera) нашихъ хищныхъ жуковъ? Питающіеся падалью и Brachelitra очень рѣдки, но зато, Rhynchophora и Chrysomelidae существованіе которыхъ зависитъ отъ растительной пищи, встрѣчаются въ огромныхъ количествахъ. Я не говорю здѣсь о числѣ различныхъ видовъ, но о числѣ отдѣльныхъ особей, потому что именно отъ этого зависятъ характерныя отличія въ энтомологіи разныхъ странъ. Отряды прямокрылыхъ (Orthoptera) и полужесткокрылыхъ (Hemiptera) особенно многочисленны; то же можно сказать о жалоносныхъ перепончатокрылыхъ (Hymenoptera), кромѣ развѣ пчелъ. Проникнувъ въ первый разъ въ тропическій лѣсъ, удивляешься муравьиной работѣ; хорошо утоптанныя ими тропинки расходятся во всѣ стороны, и по этимъ тропинкамъ постоянно двигаются цѣлыя полчища неутомимыхъ искателей продовольствія; одни идутъ впередъ, другіе назадъ, таща на себѣ куски зеленыхъ листьевъ, зачастую больше себя самихъ.

Иногда попадаются большія скопища передвигающихся маленькихъ муравьевъ темнаго цвѣта. Разъ въ Багіи я обратилъ вниманіе на множество пауковъ, таракановъ и другихъ насѣкомыхъ, а также на нѣсколькихъ ящерицъ, которыя всѣ въ большомъ волненіи бѣжали по открытому мѣсту. Позади ихъ, въ небольшомъ разстояніи, я увидалъ, что каждая вѣтка и каждый листокъ чернѣетъ отъ сидящаго на немъ му-

---

1) Г-нъ Дёбльдэй въ послѣднее время описалъ (Entomological Society, March 3 d. 1845) особенное образованіе на крыльяхъ этой бабочки, которое вѣроятно и производитъ шумъ. Онъ говоритъ: „Эта бабочка замѣчательна тѣмъ, что у основанія переднихъ крыльевъ, между двумя жилками (реберной и передней серединной) у нея имѣется родъ барабана. Кромѣ того, внутри этихъ жилокъ находится особаго рода винтообразная перегородка или трубка“. Въ путешествіи Лангсдорфа (1803—7 гг. стр. 74) я прочелъ, что на островѣ св. Екатерины, у береговъ Бразиліи, есть мотылекъ по имени Februa Hoffmausegge, который, летая, шумитъ, какъ трещетка.

2) Я могу упомянуть какъ объ обыкновенномъ случаѣ, что въ одинъ день (23 іюня), и притомъ не занимаясь этимъ исключительно, я наловилъ до 68 видовъ изъ отряда жесткокрылыхъ. Между ними были только двѣ жужелицы (Carabidae), четыре короткокрылыхъ (Staphylinidae) 15 долгоносиковъ (Curculionidae) и 14 листоѣдокъ (Chrysomelidae); 37 видовъ пауковъ, принесенныхъ мною домой, могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что я не слишкомъ много вниманія обращалъ на предпочитаемый всѣми отрядъ жесткокрылыхъ.

равья. Пройдя открытое мѣсто, полчища ихъ раздѣлились на колонны и спустились по старому валу. Такимъ движеніемъ муравьи окружили большое количество разныхъ насѣкомыхъ; эти маленькія созданія употребляли поразительныя усилія, чтобы избѣжать смерти. Когда муравьи подошли къ дорогѣ, они перемѣнили свой путь и узкими колоннами снова взобрались на валъ. Чтобы преградить путь одной изъ колоннъ, я поставилъ маленькій камень; тогда весь корпусъ ринулся на него, но тотчасъ отступилъ. Нѣсколько времени спустя пришла другая армія и опять отступила. Послѣ второй неудачной попытки прежній маршрутъ былъ оставленъ. Если бъ они взяли на одинъ дюймъ въ сторону, они обошли бы камень, что и было бы конечно исполнено, если бъ этотъ камень находился здѣсь раньше, но, замѣтивъ нападеніе съ моей стороны, храбрые воины не захотѣли уступать. Въ окрестностяхъ Ріо встрѣчаются въ большомъ количествѣ насѣкомыя въ родѣ осъ, которыя строятъ для своихъ личинокъ глиняныя гнѣзда по угламъ балконовъ. Гнѣзда доверху наполняются полуживыми пауками и гусеницами, которыхъ эти насѣкомыя умѣютъ такъ ужалить, чтобы оставить ихъ обезсиленными, но живыми до тѣхъ поръ, пока ихъ собственныя дѣти не вылупятся изъ яицъ. Личинки питаются отвратительнымъ запасомъ полуживыхъ жертвъ. Одинъ восторженный натуралистъ [1]) описалъ это зрѣлище, находя его очень любопытнымъ и пріятнымъ! Разъ я очень заинтересовался отчаянной схваткой между этой осой (Pepsis) и большимъ паукомъ изъ рода Lycosa. Оса внезапно накинулась на свою добычу и потомъ улетѣла; паукъ, вѣрно, былъ раненъ, потому что онъ скатился внизъ съ маленькаго пригорка, ища спасенія, но у него достало силъ, чтобы добраться до густой травы, въ которой онъ спрятался. Оса вскорѣ вернулась и очень удивилась, не найдя своей жертвы. Тогда она начала правильную охоту, не хуже любой охотничьей собаки, гоняющейся за лисицей; она стала дѣлать небольшіе полукруги, все время быстро двигая крыльями и щупальцами. Паукъ, несмотря на то, что хорошо укрылся, былъ скоро настигнутъ, послѣ чего оса, очевидно все еще боясь челюстей своего противника, принялась около него осторожно увиваться и, наконецъ, ужалила его два раза въ нижнюю часть груди. Потомъ она дотронулась щупальцами до паука, лежавшаго совсѣмъ неподвижно, и взялась за трупъ, чтобы тащить его домой. Но я схватилъ притѣснителя вмѣстѣ съ его добычей [2]).

Пауки водятся здѣсь въ гораздо большемъ количествѣ сравнительно съ другими насѣкомыми, чѣмъ въ Англіи; ихъ даже, можетъ быть, больше всѣхъ другихъ отдѣловъ членистыхъ животныхъ. Прыгающихъ пауковъ здѣсь, кажется, имѣется безконечное разнообразіе видовъ. Родъ Epeira, или, правильнѣе, семейство Epeiridae, отличается здѣсь многими своеобразными формами, нѣкоторые виды имѣютъ твердые колючіе покровы, другіе—большія колючія голени. Всѣ лѣсныя тропинки загорожены крѣпкой желтой паутиной, сотканной паукомъ изъ того же отдѣла какъ и Epeira clavipes Fabric, о которомъ уже Слоанъ разсказывалъ, что въ Вестъ-Индіи его паутина настолько крѣпка, что можетъ ловить птицъ. Маленькій, красивый паучокъ съ очень длинными передними ногами, при-

---

1) См. рукописное сочиненіе г. Аббота въ британскомъ музеѣ; онъ дѣлалъ свои наблюденія въ Георгіи. См. статью г. Уайта въ „Ann. of Nat. Hish. vol. VII, p. 472. Лейт. Готтенъ описалъ одинъ видъ Spex съ такими же привычками".

2) Донъ Феликсъ Азара (Vol. i. p. 175), упоминая объ одномъ перепончатокрыломъ насѣкомомъ, вѣроятно изъ того же рода, разсказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ это насѣкомое тащило мертваго паука чрезъ высокую траву по прямой линіи къ своему гнѣзду, отстоявшему по крайней мѣрѣ на сто шестьдесятъ три шага отъ наблюдателя.

надлежащій повидимому къ роду, еще неописанному, живетъ въ видѣ паразита почти въ каждой такой паутинѣ. Полагаю, что онъ слишкомъ незначителенъ, чтобы привлекать на себя вниманіе большой Epeira, и потому ему дозволяется питаться мельчайшими насѣкомыми, которыя застрѣваютъ въ паутинѣ и пропадали бы даромъ. Въ испугѣ маленькій паучокъ или прикидывается мертвымъ, при чемъ онъ вытягиваетъ переднія ноги, или вдругъ падаетъ съ паутины. Крупная Epeira принадлежащая къ одной группѣ съ Eperia Tuberculata и Epeira Conica, встрѣчается здѣсь очень часто, особенно въ сухихъ мѣстахъ. Паутина ея обыкновенно прикрѣплена къ большимъ листьямъ агавы; для прочности она бываетъ снабжена около центра двумя или даже четырьмя нитями, расположенными зигзагами между каждыми двумя лучами паутины. Если какое-нибудь большое насѣкомое, напримѣръ, кобылка или оса, попадется въ паутину, паукъ ловкимъ движеніемъ повертываетъ ее очень быстро и въ то же время выдѣляетъ изъ себя нити, обматывая свою добычу, вокругъ которой образуется нѣчто въ родѣ кокона шелковичнаго червя. Оглядѣвъ свою безпомощную жертву, паукъ наноситъ ей смертельный ударъ, укусивъ ее въ нижнюю часть груди, послѣ чего отступаетъ и выжидаетъ дѣйствія яда. Сила яда такъ велика, что когда я черезъ полминуты открылъ коконъ, то нашелъ огромную осу уже мертвою. Этотъ паукъ всегда помѣщается около центра своей паутины, головой внизъ. Когда его потревожатъ, то онъ поступаетъ различно, соображаясь съ обстоятельствами; если подъ паутиной есть густая трава или кусты, то онъ вдругъ падаетъ туда, и я видѣлъ совершенно ясно, какъ онъ выпустилъ изъ себя длинную нить, приготовляясь къ паденію. Если мѣсто подъ паутиной открыто, паукъ рѣдко падаетъ, но быстро передвигается по центральному ходу съ одной стороны паутины на другую. Если же продолжаютъ его тревожить, то онъ изобрѣтаетъ прехитрую уловку: оставаясь въ центрѣ, онъ сильно встряхиваетъ паутину, а такъ какъ она прикрѣплена къ очень гибкимъ вѣтвямъ, то и онѣ приходятъ въ столь быстрое движеніе, что все смѣшивается и даже очертанія самого паука дѣлаются неясными.

Извѣстно, что большинство англійскихъ пауковъ, видя большое насѣкомое, попавшее въ паутину, старается оборвать нити, чтобы высвободить добычу; они этимъ спасаютъ отъ полнаго разрушенія свои паутины. Однако мнѣ случилось разъ видѣть, какъ въ одной теплицѣ въ Шропширѣ большая оса самка попалась въ неправильную паутину очень маленькаго паука, который, вмѣсто того чтобы оборвать нити, настойчиво старался обмотать осу, хлопоча болѣе всего надъ ея крыльями. Сперва оса пыталась нѣсколько разъ, но безуспѣшно, ужалить своего маленькаго противника. Болѣе часу боролась оса, но мнѣ стало жаль ея и я убилъ ее, послѣ чего снова посадилъ въ паутину. Вскорѣ вернулся паукъ; часъ спустя я былъ крайне удивленъ, замѣтивъ, что онъ приникъ челюстями къ отверстію, черезъ которое оса высовываетъ свое жало. Я отгонялъ паука два или три раза, но въ продолженіе слѣдующихъ сутокъ я видѣлъ его все время сосущимъ на томъ же мѣстѣ. Паукъ сильно раздулся отъ соковъ своей жертвы, которая была во много разъ больше его.

Кстати упомяну, что въ окрестностяхъ Санта-фе-Баяода я нашелъ много большихъ черныхъ пауковъ съ красными пятнами на спинѣ; они жили обществами. Паутины ихъ были расположены отвѣсно, какъ у всего рода Epeira: онѣ отдѣлялись другъ отъ друга пространствомъ фута въ два, но были всѣ прикрѣплены къ общимъ длиннымъ нитямъ, кото-

рыя тянулись во всѣ стороны общежитія. Такимъ образомъ паутины опутывали верхушки нѣсколькихъ большихъ кустовъ. Азара [1]) описалъ парагвайскаго паука, живущаго обществами, котораго Уокнеръ принимаетъ за Theridion, но вѣроятнѣе, что это Epeira и того же вида, какъ моя. Впрочемъ, я не припомню, чтобы мнѣ случалось видѣть центральное гнѣздо величиной въ шапку, про которое Азара говоритъ, что въ немъ складываются яички осенью, когда пауки умираютъ. Такъ какъ всѣ видѣнные мною пауки были одинаковой величины, то надо думать, что они были одного возраста. Нельзя не удивляться этой привычкѣ къ общежитію у такого характернаго рода, какъ Epeira, который отличается среди насѣкомыхъ кровожадностью и любовью къ уединенію до того, что даже оба пола постоянно нападаютъ другъ на друга.

Въ высокой долинѣ Кордильеровъ, вблизи отъ Мендозы, я нашелъ другого паука съ паутиной очень странной формы. Крѣпкія нити шли вертикальными лучами изъ центра, гдѣ находилось само насѣкомое; но только двѣ нити были связаны между собою симметрическимъ плетеніемъ, такъ что паутина, вмѣсто того чтобы имѣть круглую форму, какъ это бываетъ бо́льшею частью, была клинообразна. И всѣ паутины были такъ же построены.

ГЛАВА III.

Мальдонадо.

Монте-Видео.—Мальдонадо.—Путешествіе въ Ріо-Поланко.—Арканъ и шары.—Куропатки.—Отсутствіе деревьевъ.—Олень.—Рѣчная свинка.—Тукутуко.—Птица Molotorus; ея нравы, напоминающіе нравы кукушки.—Пересмѣшникъ.—Сокола.—Стервятники.—Трубки, образуемыя молніей.—Домъ, разрушенный молніей.

5 іюля 1832 г. Мы вышли утромъ изъ великолѣпной гавани Ріо-Жанейро. Во время переѣзда до Ла-Платы мы не видали ничего особеннаго; разъ только намъ попалось на дорогѣ цѣлое стадо дельфиновъ, числомъ въ нѣсколько сотъ штукъ.

Море кругомъ насъ было мѣстами все изборождено ими; они подвигались сотнями, обнажая тѣло на прыжкахъ изъ воды. Зрѣлище было поистинѣ необычайное. Когда корабль шелъ по девяти узловъ въ часъ, эти животныя съ большой легкостью сновали взадъ и впередъ у самаго борта, а потомъ быстро уплывали впередъ. При входѣ нашемъ въ устьѣ Ла-Платы наступила очень непостоянная погода. Однажды, въ темную ночь, насъ окружили многочисленные тюлени и пингвины, которые издавали престранные звуки; вахтенный офицеръ даже рапортовалъ, что съ берега ему послышалось мычаніе скота. На другую ночь намъ представилась чудесная картина естественнаго фейерверка. Верхушка мачты и концы рей освѣтились огнемъ св. Эльма, а края флюгера ярко обрисовывались блестящей полосой, какъ будто они были натерты фосфоромъ. Море до того свѣтилось, что борозды, оставленныя слѣдами пингвиновъ, выдѣлялись огненными полосами, а темное небо то и дѣло озарялось яркими вспышками молній.

Войдя въ устье рѣки, я съ интересомъ замѣтилъ, что морская вода очень медленно смѣшивалась съ рѣчной водой. Мутныя обезцвѣченныя

---

[1]) Путешествіе Азары, vol. I, p. 213.

волны рѣки, болѣе легкія, нежели морскія волны, текли поверхъ соленой воды, что было особенно замѣтно въ бороздѣ, оставляемой ходомъ корабля, гдѣ можно было ясно отличить полосу голубой воды, смѣшивавшейся маленькими водоворотами съ встрѣчнымъ теченіемъ.

26 іюля. Мы бросили якорь въ Монте-Видео.

Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ «Бигль» снималъ дальніе южные и восточные берега Америки, къ югу отъ Ла-Платы. Во избѣжаніе безполезныхъ повтореній я беру выдержки изъ моего дневника, относящіяся къ этимъ мѣстамъ, не всегда соблюдая порядокъ, въ которомъ мы ихъ посѣщали.

Мальдонадо расположенъ на сѣверномъ берегу Ла-Платы, недалеко отъ устья. Это очень тихій, заброшенный городокъ; улицы его, какъ во всѣхъ здѣшнихъ городахъ, разбиты подъ прямыми углами; въ центрѣ находится большая площадь или скверъ, размѣры которой особенно наглядно свидѣтельствуютъ о малочисленности населенія. Торговлей городъ почти не занимается; онъ вывозитъ только кожи и живой скотъ. Населеніе состоитъ преимущественно изъ землевладѣльцевъ, нѣсколькихъ купцовъ и необходимыхъ ремесленниковъ, какъ кузнецы и столяры, обслуживающіе всю мѣстность на пятьдесятъ миль въ округѣ. Рядъ песчаныхъ холмовъ, которые тянутся почти на милю въ ширину, отдѣляетъ городъ отъ рѣки. Со всѣхъ остальныхъ сторонъ открывается видъ на широкую, слегка холмистую мѣстность, сплошь покрытую ровнымъ ковромъ зелени, на которой пасутся безчисленныя стада коровъ, овецъ и лошадей. Даже подъ самымъ городомъ мало встрѣчается воздѣланныхъ полей. Рѣдкія изгороди изъ кактусовъ или агавъ отмѣчаютъ тѣ мѣста, на которыхъ разводится пшеница или маисъ.

Весь сѣверный берегъ Ла-Платы представляетъ общія, почти вездѣ сходныя черты. Единственное различіе въ томъ, что здѣсь гранитныя скалы крупнѣе. Природа вообще очень не привлекательна: только изрѣдка встрѣчаются дома, или огороженные клочки земли, или даже отдѣльныя деревья, которыя нѣсколько оживляютъ унылый пейзажъ. Но послѣ продолжительнаго заключенія на кораблѣ находишь прелесть въ свободѣ движенія по безграничнымъ лугамъ. Кромѣ того, если сосредоточиваешь вниманіе на маленькомъ пространствѣ, то многіе предметы кажутся прекрасными. Нѣкоторыя изъ мелкихъ птицъ здѣсь ярко окрашены, а свѣжая зеленая мурава, коротко выстриженная скотомъ, который на ней пасется, украшена маленькими цвѣтами, между которыми растеніе, похожее на маргаритку, производило впечатлѣніе стараго друга, встрѣченнаго на чужой сторонѣ. Что бы сказалъ любитель цвѣтовъ при видѣ цѣлыхъ лужаекъ, покрытыхъ вербеной (Verbena melindres), издали отливающихъ великолѣпнымъ алымъ цвѣтомъ?

Я прожилъ два мѣсяца съ половиною въ Мальдонадо и за это время собралъ почти полную коллекцію животныхъ, птицъ и пресмыкающихся. Прежде чѣмъ говорить о нихъ, я разскажу объ экскурсіи, сдѣланной мной по рѣкѣ Поланко, миль семьдесятъ на сѣверъ отъ Мальдонадо. Какъ примѣръ здѣшней дешевизны, привожу слѣдующія цифры: два проводника съ дюжиной верховыхъ лошадей обходились мнѣ въ день по два доллара или 8 шиллинговъ. Мои спутники были хорошо вооружены пистолетами и саблями, что я сперва счелъ за излишнюю предосторожность, но по дорогѣ первое, что мы услышали, было извѣстіе объ убійствѣ одного путешественника изъ Монтевидео, который былъ наканунѣ найденъ съ перерѣзаннымъ горломъ около креста, поставленнаго на мѣстѣ ранѣе случившагося убійства.

Первую ночь мы провели въ уединенномъ сельскомъ домикѣ. Вскорѣ оказалось, что у меня есть два, три предмета, возбуждавшіе безграничное удивленіе: карманный компасъ болѣе всего поражалъ здѣшнихъ жителей. Въ каждомъ домѣ меня просили показывать его и съ его помощью находить на картѣ направленіе различныхъ мѣстъ. То, что я, совершенно не знакомый со страной, могъ указать дорогу къ мѣстамъ, мною никогда не виданнымъ (такъ какъ въ этомъ открытомъ краѣ направленіе и дорога—однозначащія слова), возбуждало живѣйшій интересъ и большое удивленіе. Въ одномъ домѣ молодая женщина, лежавшая по болѣзни въ постели, послала убѣдительно звать меня къ себѣ, чтобы я ей показалъ компасъ. Если они удивлялись, то я, признаюсь, былъ еще болѣе пораженъ такимъ невѣжествомъ среди людей, владѣвшихъ тысячами головъ скота и обширными пастбищами. Это можно объяснить только тѣмъ, что въ эту глухую сторону рѣдко заѣзжаютъ иностранцы. Мнѣ задавали, напримѣръ, подобные вопросы: земля ли движется или солнце; становится ли жарче или холоднѣе къ сѣверу; гдѣ находится Испанія и много другихъ вещей въ томъ же родѣ. У большинства жителей было смутное представленіе о томъ, что Англія, Лондонъ и Сѣверная Америка обозначаютъ одно и то же мѣсто, но находились и болѣе свѣдущіе люди, которые знали, что Лондонъ и Сѣверная Америка отдѣльныя другъ отъ друга, но сосѣднія страны и что Англія это большой городъ въ Лондонѣ! У меня были съ собою прометеевы спички, зажигающіяся посредствомъ откусыванія головки. Вся семья обыкновенно собиралась посмотрѣть на удивительное зрѣлище: человѣка, высѣкающаго огонь своими зубами; разъ мнѣ даже предложили долларъ за одну спичку. Жители деревни Ласъ-Минасъ выражали большое любопытство по поводу того, что я по утрамъ умываюсь. Одинъ богатый купецъ подвергъ меня цѣлому допросу насчетъ этаго страннаго обычая; кромѣ того, меня разспрашивали, почему мы на кораблѣ не бреемъ бороды, о чемъ узнали отъ моего проводника, который смотрѣлъ на меня очень подозрительно. Можетъ быть, онъ слыхалъ объ омовеніяхъ магометанъ и, зная, что я еретикъ, вѣроятно пришелъ къ тому заключенію, что всѣ еретики—турки. Въ этой странѣ существуетъ обычай просить ночлега въ первомъ попавшемся домѣ, представляющемъ удобное мѣсто остановки. Мнѣ до извѣстной степени служили въ этомъ отношеніи компасъ и другіе фокусы, которые я показывалъ, потому что я могъ, благодаря имъ, расплачиваться за гостепріимство, которымъ пользовался. Кромѣ компаса и фокусовъ, служили той же цѣли разсказы моего проводника о томъ, что я ломаю камни, умѣю отличить ядовитыхъ змѣй отъ безвредныхъ, собираю насѣкомыхъ и пр. Пишу о жителяхъ Банда-Оріенталь какъ будто дѣло идетъ о туземцахъ центральной Африки; они не были бы польщены такимъ сравненіемъ, но, будучи среди нихъ, я именно вспоминалъ центральную Африку.

На слѣдующій день мы поѣхали въ деревню Ласъ-Минасъ. Характеръ мѣстности по дорогѣ туда былъ тотъ же съ тою только разницей, что здѣсь попадалось больше холмовъ; впрочемъ, жители Пампасовъ навѣрное сочли бы эту страну гористой. Населеніе такое рѣдкое, что мы за весь день почти никого не встрѣтили. Ласъ-Минасъ еще меньше, чѣмъ Мальдонадо. Деревушка расположена посреди небольшой равнины, окруженной невысокими скалистыми горами. Она имѣетъ обычную симметричную форму и представляетъ довольно привлекательную картинку съ выбѣленной церковью посреди. Крайніе дома одиноко стояли среди равнины; при нихъ не видно было ни садиковъ, ни дворовъ; это обычное

явленіе въ здѣшнихъ мѣстахъ, и дома на окраинахъ селеній имѣютъ неуютный видъ. Мы остановились на ночь въ pulpería, т.-е. въ кабакѣ. Вечеромъ пришло много гаучосовъ пить вино и курить сигары. У нихъ замѣчательная наружность: высокіе и красивые, они однако отличаются надменнымъ распущеннымъ видомъ. Многіе изъ нихъ носятъ усы и длинные волосы, ниспадающіе на спину вьющимися прядями. Яркія одежды, бряцающія шпоры, ножи, заткнутые въ видѣ кинжаловъ за поясъ (и часто употребляемые),—все это придаетъ имъ видъ, вовсе не соотвѣтствующій ихъ названію (*гаучосъ* значитъ поселянинъ). Вѣжливость ихъ—чрезвычайна; они не станутъ пить вино, не предложивъ вамъ сперва выпить съ ними, но, отвѣшивая вамъ самый изящный поклонъ, они готовы, такъ кажется, глядя на нихъ, при случаѣ перерѣзать вамъ горло.

На третій день мы ѣхали довольно безпорядочно, потому что я останавливался, чтобы изслѣдовать нѣсколько залежей мрамора. На торфяныхъ полосахъ мы видѣли много страусовъ (Struthio rhea). Нѣкоторыя стада состояли изъ двадцати-тридцати штукъ. Эти группы, стоя на возвышенныхъ мѣстахъ, красиво вырисовывались на фонѣ чистаго неба.

Нигдѣ больше я не встрѣчалъ столь ручныхъ страусовъ; они подпускали къ себѣ довольно близко когда же лошадь съ всадникомъ была отъ нихъ въ короткомъ разстояніи, они распускали крылья, стремительно пускались по вѣтру и вскорѣ оставляли лошадь далеко позади себя.

Мы пріѣхали вечеромъ въ домъ Донъ Хуана Фуентесъ, богатаго землевладѣльца, съ которымъ однако никто изъ моихъ спутниковъ не былъ лично знакомъ. Подъѣзжая къ чужому дому, здѣсь соблюдаются извѣстныя приличья: приблизившись шагомъ къ двери, нужно привѣтствовать хозяевъ молитвой «Ave Maria», и не принято сходить съ коня, прежде чѣмъ кто-нибудь не выйдетъ и не пригласитъ васъ въ домъ. Хозяинъ, по установленной формѣ, отвѣчаетъ: «sin peccado concebida», т.-е. «зачатая безъ грѣха». По входѣ въ домъ сперва ведется общій разговоръ и, ужъ только по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, испрашивается разрѣшеніе переночевать въ этомъ домѣ. Позволеніе, конечно, всегда дается. Посѣтитель раздѣляетъ трапезу семьи, и ему отводится комната, въ которой онъ дѣлаетъ себѣ постель изъ чепрака отъ своего «recado» (т.-е. пампасскаго сѣдла). Любопытно, что при одинаковыхъ условіяхъ жизни развиваются одинаковые обычаи. На мысѣ Доброй Надежды вездѣ соблюдаются тѣ же правила приличій при одинаковомъ гостепріимствѣ. Различіе въ характерахъ испанца и голландскаго бура сказывается однако въ томъ, что испанецъ никогда не задаетъ никакихъ вопросовъ, кромѣ тѣхъ, которые требуются строгими правилами вѣжливости, между тѣмъ какъ честный голландецъ спрашиваетъ путешественника, откуда онъ, куда направляется, какимъ дѣломъ занятъ и даже сколько у него братьевъ, сестеръ или дѣтей. Вскорѣ послѣ нашего прибытія къ Донъ Хуану люди пригнали домой одно изъ крупныхъ стадъ скота: три штуки были отобраны на убой для нуждъ хозяйства. Полудикія животныя, знавшія отлично, къ чему приводитъ роковой арканъ, задали лошадямъ долгую и утомительную работу въ видѣ охоты за собою. Странно было видѣть убогую обстановку дома, зная о богатствѣ владѣльца, выражевшемся въ грубой формѣ многочисленныхъ табуновъ, слугъ и лошадей. Полъ въ комнатахъ состоялъ изъ затвердѣлой, утрамбованной массы грязи, окна не имѣли стеколъ, въ гостиной стояло небольшое количество самыхъ грубыхъ стульевъ и скамеекъ, два-три стола, и больше не было никакой мебели, никакого убранства. Къ ужину, несмотря на присутствіе посѣтителей, подали только два огромныхъ блюда:

одно съ ростбифомъ, другое съ варенымъ мясомъ, при которомъ лежало нѣсколько кусковъ тыквы. Кромѣ тыквы, не было никакихъ овощей, и хлѣба не подали вовсе. Вода въ большомъ глиняномъ сосудѣ служила единственнымъ напиткомъ за столомъ. И тѣмъ не менѣе хозяину дома принадлежали многія квадратныя мили земли, гдѣ почти каждый акръ могъ производить хлѣбъ, а при небольшомъ трудѣ давалъ бы всѣ простые сорта овощей. Вечеръ прошелъ въ куреніи сигаръ съ прибавленіемъ пѣнія подъ аккомпаниментъ гитары. Синьориты собрались въ одномъ концѣ комнаты и не ужинали съ мужчинами. Столько уже было разсказано объ этихъ странахъ, что почти излишнимъ является описаніе lazo a bolas. Lazo (арканъ) сдѣланъ изъ очень крѣпкой, но тонкой веревки, скрученной изъ сыромятныхъ ремней. Арканъ этотъ прикрѣпляется однимъ концомъ къ широкимъ трокамъ, связывающимъ между собою сложныя части recado, или сѣдла, которое употребляется въ пампасахъ; на другомъ концѣ прикрѣплено маленькое желѣзное или мѣдное кольцо, сквозь которое продѣвается петля. Готовясь накинуть арканъ, гаучо оставляетъ въ рукѣ, держащей уздечку, небольшой свертокъ веревки, а въ другой рукѣ онъ держитъ петлю, которая дѣлается обыкновенно очень большою, около 8 футовъ въ поперечникѣ. Эту петлю онъ быстро вертитъ надъ головой и ловкимъ движеніемъ кисти руки оставляетъ ее все время открытой, потомъ бросаетъ ее впередъ, накидывая на желаемый предметъ. Если же арканъ не нуженъ, онъ свертывается въ небольшой узелъ и прикрѣпляется къ задней части сѣдла. Bolas, или шары, бываютъ двухъ родовъ. Самые простые, служащіе для поимки страусовъ, состоятъ изъ двухъ круглыхъ камней, обтянутыхъ кожей и соединенныхъ вмѣстѣ тонкимъ плетенымъ ремешкомъ, около 8 футовъ длиною.

Другой родъ боласовъ отличается только тѣмъ, что состоитъ изъ трехъ шаровъ, соединенныхъ ремнями въ общемъ центрѣ. Гаучо держитъ въ одной рукѣ меньшій изъ шаровъ, а другой рукой быстро вертитъ надъ головой остальные два шара; потомъ онъ прицѣливается и бросаетъ ихъ впередъ, при чемъ они кружатся въ воздухѣ точно цѣпное ядро. Поражая какой-нибудь предметъ, шары обматываютъ его, скрещиваются и крѣпко прилегаютъ къ нему. Величина и вѣсъ шаровъ бываютъ различны, смотря по цѣли, которой должны служить: если они каменные, хотя бы величиною не больше яблока, они могутъ переломить ноги лошадей, когда брошены съ силою. Мнѣ случалось видѣть деревянные шары величиной съ рѣпу, предназначавшіеся для ловли лошадей безъ вреда для нихъ. Иногда шары бываютъ желѣзные, и эти шары можно бросать всего дальше. Главная трудность при употребленіи аркана и шаровъ заключается въ верховой ѣздѣ, доведенной до такого искусства, что всадникъ на полномъ скаку и при внезапномъ поворотѣ умѣетъ твердой рукой вертѣть шары надъ головою и вѣрно прицѣливаться. Пѣшему вовсе не трудно научиться этому искусству. Случилось мнѣ разъ для своего удовольствія скакать верхомъ на лошади и вертѣть шары надъ головой; нечаянно одинъ изъ свободныхъ шаровъ ударился о кустъ; вращательное движеніе его такимъ образомъ было нарушено, и онъ упалъ на землю, при чемъ въ одну секунду обвился кругомъ задней ноги моей лошади; тогда и другой шаръ выскочилъ у меня изъ рукъ, и лошадь оказалась пойманной. По счастію, конь былъ опытный и отлично понялъ въ чемъ дѣло; случись вмѣсто него какой-нибудь новичокъ, онъ сталъ бы лягаться, пока не растянулся бы на землѣ. Гаучосы помирали со смѣху; они кричали, что ловили всякихъ звѣрей на арканъ, но никогда еще не видали человѣка поймавшаго самого себя.

Въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней я достигъ самаго крайняго предѣла мѣстности, которую хотѣлъ изслѣдовать. Страна имѣла все тотъ же видъ, такъ что прелестная гладкая зелень луговъ, тянувшаяся безконечно однообразно, надоѣла больше пыльной, проселочной дороги. Вездѣ встрѣчались во множествѣ куропатки (Nothura major). Эти птицы не ходятъ здѣсь стаями и не прячутся какъ англійскія куропатки. Повидимому онѣ довольно глупыя созданія. Если человѣкъ верхомъ будетъ ѣздить кругомъ нихъ, постепенно уменьшая круги, чтобы приблизиться къ нимъ, ему удастся сколько угодно набить ихъ ударами по головѣ. Самый обыкновенный способъ ловли куропатокъ состоитъ въ накладываніи маленькаго аркана, сдѣланнаго изъ ствола страусова пера, прикрѣпленнаго къ концу длинной палки. Мальчикъ на смирной старой лошади нерѣдко ловитъ ихъ такимъ образомъ штукъ по тридцати-сорока въ день. Въ холодномъ поясѣ Сѣверной Америки [1]) индѣйцы ловятъ зайцевъ, обходя ихъ по спирали; полдень считается лучшимъ временемъ для такой охоты, потому что солнце стоитъ высоко, и тѣнь отъ охотника не очень длинна.

Возвращались мы въ Мальдонадо нѣсколько инымъ путемъ. Я провелъ день въ домѣ одного очень гостепріимнаго стараго испанца недалеко отъ Панъ-де-Асукаръ, мѣстечка хорошо извѣстнаго всякому, кто плавалъ по рѣкѣ Ла-Платѣ. Рано утромъ мы сдѣлали восхожденіе на гору Сіерра-де-ласъ-Анимасъ. Освѣщенная восходящимъ солнцемъ картина была почти живописная. Съ западной стороны открывался видъ на обширную равнину, простирающуюся до Монте-Видео, а на востокъ тянулась холмистая страна Мальдонадо. На вершинѣ горы мы увидѣли нѣсколько кучекъ камней, которые, повидимому, лежали здѣсь уже много лѣтъ. Спутникъ мой увѣрялъ, что камни эти сложены были индѣйцами въ отдаленныя времена. Они походили на кучи, которыя часто встрѣчаются по вершинамъ горъ Уэльса, только въ Уэльсѣ кучи бываютъ гораздо больше этихъ. Какъ видно всему, человѣчеству присуща страсть отмѣчать выдающіяся событія какими-нибудь памятниками на самыхъ высокихъ мѣстахъ всей окрестности. Въ настоящее время въ этой части страны не найдется ни одного индѣйца, ни дикаго, ни просвѣщеннаго, и врядъ ли прежніе обитатели оставили по себѣ какіе - либо болѣе прочные памятники, кромѣ этихъ незначительныхъ грудъ камней на вершинѣ Сіеры-де-ласъ-Анимасъ.

Замѣчательно повсемѣстное и почти полное отсутствіе деревьевъ въ области Банда-Оріенталь. Нѣкоторые скалистые холмы частью поросли кустарникомъ, кромѣ того по берегамъ большихъ рѣкъ, въ особенности къ сѣверу отъ Ласъ-Минасъ, нерѣдко встрѣчается ивнякъ. Слышалъ я, что подлѣ Аройо-Танесъ находится пальмовый лѣсъ; одну пальму значительныхъ размѣровъ я видѣлъ близъ Панъ-де-Асукаръ, подъ 35° южной широты. Эти деревья и тѣ, которыя посажены испанцами, составляютъ единственныя исключенія въ этой безлѣсной странѣ. Изъ числа разведенныхъ здѣсь деревьевъ можно назвать тополь, масличное, персиковое и другія плодовыя деревья. Персиковыя деревья такъ хорошо принимаются, что они доставляютъ главное топливо городу Буэносъ-Айресъ. Очень плоскія мѣстности въ родѣ Пампасовъ, рѣдко представляютъ условія, благопріятныя для произрастанія деревьевъ. Такое обстоятельство можетъ быть приписано силѣ вѣтровъ или высыханію земли. Впрочемъ, характеръ мѣстности вокругъ Мальдонадо не представляетъ возможности такого объясненія, между скалистыми горами находятся за-

[1]) Hearnes' journey, p. 383.

щищенныя мѣста съ разнообразной почвой; кромѣ того, ручьи орошаютъ почти каждую долину, а глинистое свойство почвы приспособлено къ задержанію сырости. Предполагаютъ съ большимъ основаніемъ, что обиліе лѣса зависитъ отъ годичной суммы влажности [1]); однако въ этой странѣ бываютъ сильные дожди зимою, а лѣто хотя и сухое, но не въ слишкомъ сильной степени [2]). Австралія, какъ намъ извѣстно, вся почти покрыта высокими деревьями, и тѣмъ не менѣе страна эта отличается гораздо болѣе сухимъ климатомъ. Итакъ, мы должны отнести безлѣсьѣ вокругъ Мальдонадо къ какимъ-нибудь другимъ неизвѣстнымъ причинамъ.

Ограничивая нашъ кругозоръ Южной Америкой, мы будемъ склонны думать, что деревья могутъ процвѣтать только при очень сыромъ климатѣ, потому что здѣсь граница лѣсной полосы замѣчательно совпадаетъ съ направленіемъ влажныхъ вѣтровъ. Въ южной части материка, гдѣ преобладаютъ западные вѣтры, несущіе влагу съ Тихаго океана, каждый островокъ около извилистаго западнаго берега, отъ 38° южной широты до крайней оконечности Огненной Земли, густо поросъ непроходимыми лѣсами. На восточномъ склонѣ Кордильеровъ, подъ тою же широтою, тамъ, гдѣ ясное голубое небо и прекрасный климатъ доказываютъ, что воздухъ, проходя черезъ вершины горъ, утратилъ свою влажность, сухія равнины Патагоніи представляютъ крайне бѣдную растительность. Въ болѣе сѣверныхъ частяхъ материка, въ предѣлахъ постоянныхъ юго-восточныхъ пассатовъ, восточная сторона украшена чудными лѣсами, между тѣмъ какъ западный берегъ, между 4° и 32° южной широты, можетъ быть названъ пустыней. На этомъ же западномъ берегу, къ сѣверу отъ 4° южной широты, тамъ, гдѣ пассаты теряютъ свою правильность и выпадаютъ періодическіе сильные дожди, берега Тихаго океана, столь пустынные въ Перу, у мыса Бланко пріобрѣтаютъ общій видъ роскошной растительности, столь прославленной въ Гваякинѣ и Панамѣ. Слѣдовательно въ южной и сѣверной частяхъ материка лѣсистыя и пустынныя земли заимаютъ обратныя положенія по отношенію къ Кордильерамъ, и положенія эти очевидно обусловливаются направленіемъ господствующихъ вѣтровъ. По срединѣ материка тянется широкій переходный поясъ, включающій центральную часть Чили и тѣ провинціи Ла-Платы, гдѣ вѣтрамъ, приносящимъ дожди, не приходится переходить черезъ высокія горы и гдѣ мѣстность не представляетъ ни голой пустыни, ни сплошныхъ лѣсовъ. Но даже если принять за правило, касательно Южной Америки, что деревья процвѣтаютъ только въ климатѣ, увлажненномъ вѣтрами, несущими дождь, надо изъ этого правила сдѣлать рѣшительное исключеніе для Фальклавдскихъ острововъ. Эти острова, лежащіе подъ одной широтой съ Огненной Землей и отдаленные отъ нея всего на двѣсти или триста миль, съ такимъ же климатомъ, съ одинаковымъ геологическимъ строеніемъ, съ благопріятной мѣстностію и торфяниковой почвой, не могутъ однако похвалиться въ смыслѣ растительности чѣмъ-либо, кромѣ плохихъ кустиковъ, между тѣмъ какъ на Огненной Землѣ трудно найти клочокъ земли, не заросшій самымъ густымъ лѣсомъ. Въ этомъ случаѣ какъ направленіе сильныхъ вѣтровъ, такъ и теченіе океана благопріятны для перенесенія сѣмянъ съ Огненной Земли; это можно видѣть изъ того, что къ берегамъ западныхъ Фальклавдскихъ острововъ при-

---

[1]) Maclaren, статья „America“ въ Encyclop. Brytann.

[2]) Азара говоритъ: „Я думаю, что годовое количество дождей въ этихъ странахъ больше, чѣмъ въ Испаніи“.

плываютъ челноки и древесные стволы, пригнанные сюда съ береговъ Огненной Земли. Вотъ почему, можетъ быть, одинаковыя растенія находятся въ обѣихъ странахъ. Что же касается деревьевъ Огненной Земли, всѣ попытки пересадки ихъ на Фальклавдскіе острова оказались безуспѣшными.

Во время нашего пребыванія въ Мальдонадо мнѣ удалось собрать нѣсколько экземпляровъ млекопитающихъ, восемьдесятъ видовъ птицъ и много премыкающихся, включая сюда девять видовъ змѣй. Въ настоящее время здѣсь остался единственный видъ млекопитающихъ крупнаго размѣра, олень (Cervus campestris). Въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ Ла-Платой, и въ Сѣверной Патагоніи это животное водится въ огромномъ количествѣ, и нерѣдко приходится видѣть цѣлые стада оленей. Если человѣкъ, пригнувшись къ землѣ, тихо подкрадывается къ такому стаду, олени часто изъ любопытства сами подходятъ къ человѣку, желая его ближе разсмотрѣть. Такимъ образомъ я убилъ трехъ животныхъ изъ стада. Несмотря на то, что олени такъ смирны и любопытны, они выказываютъ большую осторожность по отношенію всякаго приближающагося всадника. Въ этой странѣ никто не путешествуетъ пѣшкомъ, такъ что олени привыкли опасаться человѣка только тогда, когда онъ верхомъ и съ боласомъ въ рукахъ. Въ Багія Бланка, новомъ поселеніи Сѣверной Патагоніи, меня удивляло равнодушіе оленей къ ружейной стрѣльбѣ; мнѣ случилось выстрѣлить десять разъ въ одно животное, на разстояніи восьмидесяти ярдовъ, и оно гораздо болѣе испугалось, увидавъ пулю, бороздившую землю, чѣмъ услыхавъ звукъ выстрѣловъ. Истащивъ запасъ пороха, я принужденъ былъ встать (долженъ въ этомъ сознаться, хотя и стыдно это охотнику, умѣющему притомъ же бить птицу на-лету) и кричалъ до тѣхъ поръ, пока олень не убѣжалъ.

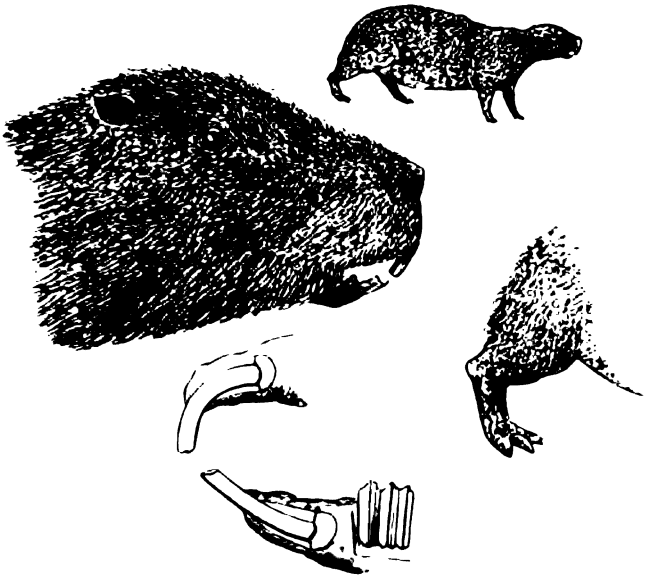
Самый любопытный фактъ изъ жизни оленя Cervus campestris—это особенное свойство, которымъ обладаютъ самцы: они издаютъ необыкновенно сильный и противный запахъ. Трудно словами выразить, что это за отвратительный запахъ. Когда я снималъ шкуру съ экземпляра, находящагося теперь въ зоологическомъ музеѣ, меня сильно тошнило. Я завернулъ шкуру въ шелковый платокъ и понесъ ее домой. Потомъ я далъ вымыть платокъ и сталъ его опять употреблять, но, несмотря на частыя стирки, всякій разъ, какъ развертывалъ его, я замѣчалъ въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ все тотъ же непріятный запахъ. Удивительный примѣръ прочности вещества, которое по существу своему должно быть очень тонко и летуче! Часто, проходя въ разстояніи полумили отъ стада, съ подвѣтренной стороны, я чувствовалъ, что воздухъ весь зараженъ этимъ запахомъ. Кажется, самецъ издаетъ его въ самой сильной степени въ то время, когда рога у него достигли совершеннаго развитія и освободились отъ покрывавшей ихъ волосистой кожи. Въ это время, конечно, мясо оленя не пригодно для ѣды, но гаучосы увѣряютъ, что если его зарыть въ землю и дать ему тамъ вылежаться, то всякій запахъ исчезнетъ. Я читалъ гдѣ-то, что жители острововъ на сѣверѣ Шотландіи то же дѣлаютъ съ тухлымъ мясомъ приморскихъ птицъ, которыя питаются рыбой.

Отрядъ грызуновъ представленъ здѣсь многими видами: однѣхъ мышей я нашелъ не менѣе восьми видовъ [1]). Самый крупный изъ всѣхъ

---

[1]) Я собралъ всего двадцать семь видовъ мышей въ Южной Америкѣ; кромѣ того, по сочиненіямъ Азары и др. извѣстны еще тринадцать видовъ. Собранныя мною мыши были названы и описаны г. Уатергаузомъ на засѣданіяхъ Зоологическаго Общества.

грызуновъ — рѣчная свинка (Hydrochaerus capybara), тоже очень распространенное здѣсь животное. Застрѣленная мною около Монте-Видео рѣчная свинка вѣсила девяносто восемь фунтовъ; длина ея отъ конца морды до короткаго хвоста равнялась тремъ футамъ и двумъ дюймамъ, а окружность—тремъ футамъ и восьми дюймамъ. Эти большіе грызуны посѣщаютъ иногда острова въ устьѣ Ла-Платы, гдѣ вода совсѣмъ соленая, но ихъ водится гораздо больше на берегахъ прѣсныхъ озеръ и рѣкъ. Близъ Мальдонадо три или четыре свинки обыкновенно живутъ вмѣстѣ. Днемъ онѣ или ютятся между водяными растеніями, или же открыто пасутся на зеленыхъ равнинахъ [1]). Если ихъ издали разсматривать, то по окраскѣ и по походкѣ онѣ очень похожи на свиней, но когда онѣ сидятъ на заднихъ лапахъ и внимательно глядятъ однимъ глазомъ на ка-



Hydrochaerus Capybara или водяная свинка.

кой-нибудь предметъ, то онѣ становятся похожи на родственныхъ имъ кроликовъ и морскихъ свинокъ (Cavia). Голова ихъ имѣетъ пресмѣшной видъ спереди и сбоку благодаря сильному развитію челюсти. Свинки, видѣнныя мною въ Мальдонадо, были очень смирны; осторожно подходя къ нимъ, я приблизился на разстояніе трехъ ярдовъ къ четыремъ особямъ зрѣлаго возраста. Такое отсутствіе дикости можно, вѣроятно, объяснить тѣмъ, что здѣсь уже нѣсколько лѣтъ какъ перевелись ягуары; гаучосы же считаютъ охоту на свинокъ нестоящей труда. По мѣрѣ моего приближенія къ нимъ свинки стали часто издавать особый звукъ,

---

Пользуюсь этимъ смучаемъ, чтобы выразить самую искреннюю благодарность г. Уатергаузу и другимъ членамъ этого общества за доброе и широкое содѣйствіе при всевозможныхъ случаяхъ.

[1]) Въ желудкѣ и двѣнадцатиперстной кишкѣ рѣчной свинки я нашелъ большое количество прозрачной желтоватой жидкости, въ которой едва можно было найти хоть одно волокно. Г. Оуэнъ извѣстилъ меня, что часть пищевода такъ устроена у нихъ, что ничего крупнаго не можетъ пройти черезъ нее. Конечно, широкіе зубы и сильныя челюсти этого животнаго хорошо приспособлены для превращенія въ тѣстовидную массу водяныхъ растеній, которыми оно питается.

который похожъ на слабое, отрывистое хрюканье и происходитъ отъ внезапнаго выдыханія воздуха. Единственный звукъ, съ которымъ я могу сравнить хрюканіе рѣчной свинки, это хриплое ворчаніе большой собаки, начинающей лаять. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я смотрѣлъ на нихъ, отстоя отъ нихъ на одинъ шагъ, и онѣ также разсматривали меня, какъ вдругъ бросились съ поспѣшностью въ воду, издавая при этомъ свое особенное хрюканіе. Проплывъ нѣсколько времени подъ водою, онѣ опять показались на поверхности воды, но только высунувъ одну верхнюю часть головы. Говорятъ, что когда самка плыветъ съ своими дѣтенышами, то они сидятъ у нея на спинѣ. Этихъ животныхъ легко набить сколько угодно, но шкура ихъ цѣны не имѣетъ, а мясо невкусное. На островахъ Ріо-Парана ихъ множество и онѣ служатъ главной добычей ягуаровъ.

Тукутуко (Ctenomys Brasiliensis) — интересное маленькое животное, которое можно короче всего опредѣлить, назвавъ его грызуномъ съ нравами крота. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны онъ встрѣчается въ большомъ количествѣ, но добыть его трудно и, кажется, онъ никогда не выходитъ изъ-подъ земли. Входя въ свою норку, тукутуко накидываетъ кучку земли, какъ и кротъ, но меньшую по размѣру.

Большія пространства земли подрыты этими животными, такъ что лошади часто проваливаются выше щетокъ. Тукутуко, кажется, живутъ обществами, хотя, можетъ быть, и небольшими; человѣкъ, доставшій для меня нѣсколько экземпляровъ, поймалъ шесть штукъ на одномъ мѣстѣ и онъ говорилъ мнѣ, что это—нерѣдкое явленіе. По обычаямъ своимъ тукутуко принадлежатъ къ животнымъ ночнымъ; они питаются главнымъ образомъ корнями растеній, въ поискахъ за которыми они прокладываютъ свои длинные и неглубокіе ходы. Это животное всѣмъ извѣстно благодаря тому особенному звуку, которое оно производитъ подъ землею. Человѣкъ, слышащій этотъ звукъ въ первый разъ, бываетъ крайне удивленъ: трудно догадаться откуда онъ доносится и что за существо издаетъ его. Похожъ онъ на отрывистое, но нерѣзкое хрюканіе, которое быстро и совершенно однообразно повторяется четыре раза подъ рядъ:[1]) названіе тукутуко дано этому животному въ подражаніе издаваемаго имъ звука. Тамъ, гдѣ оно водится въ большомъ количествѣ, звукъ раздается во всякое время дня и нерѣдко подъ самыми ногами. Если тукутуко запереть въ комнатѣ, то движенія его будетъ медленныя и неуклюжія, что происходитъ, вѣроятно, отъ того, что заднія ноги его выворочены наружу; кромѣ того, животное лишено возможности вспрыгнуть на самое незначительное отвѣсное возвышеніе, вслѣдствіе отсутствія у него одной связки въ вертлужной впадинѣ. Оно выказываетъ большую глупость, когда пытается бѣжать; если его разсердятъ или испугаютъ, оно издаетъ свое тукутуко. Изъ тѣхъ экземпляровъ, которыхъ я держалъ у себя живыми, нѣкоторые съ перваго же дня стали ручными и не пытались кусаться или убѣжать; другіе остались болѣе дикими. Человѣкъ, поймавшій ихъ, увѣрялъ, что очень многіе изъ нихъ находятся слѣпыми. Тукутуко, сохраненный мной въ спиртѣ, былъ тоже слѣпой. Г. Рейдъ думаетъ, что слѣпота происходитъ у нихъ отъ воспаленія мигательной пе-

---

[1]) Близъ Ріо-Негро, въ сѣверной Патагоніи, водится животное съ такими же обычаями: оно вѣроятно того же рода, но я его не видалъ. Хрюкаетъ оно не совсѣмъ такъ, какъ представитель мальдонадскаго вида. Звукъ повторяется два, а не четыре раза и онъ рѣзче и звончѣе. На разстояніи онъ такъ похожъ на стукъ, производимый топоромъ, когда рубятъ маленькое дерево, что я иногда бывалъ въ сомнѣніи, не зналъ, что это за звукъ: звукъ ли топора или звукъ животнаго.

репонки глаза. При жизни животнаго я держалъ палецъ на полдюйма отъ его головы, и онъ не замѣчалъ этого, хотя двигался по комнатѣ почти такъ же хорошо, какъ и зрячіе товарищи. Взявъ въ соображеніе неисключительно подземныя привычки животнаго, слѣпоту, распространенную между тукутуко, нельзя считать большимъ бѣдствіемъ для нихъ, но все-таки страннымъ представляется то обстоятельство, что у нихъ существуетъ органъ столь часто подверженный поврежденію. Ламаркъ пришелъ бы въ восторгъ отъ этого факта, если бъ зналъ его, когда высказывалъ свои предположенія [1]) (на этотъ разъ болѣе справедливые чѣмъ обыкновенно) насчетъ постепенно *пріобрѣтаемой* слѣпоты у слѣпыша (Aspalax)—грызуна, живущаго подъ землей,—и у протея (Proteus)—амфибіи обитающей темныя пещеры, наполненныя водой; у обоихъ названныхъ животныхъ глаза находятся почти въ зачаточномъ состояніи и покрыты волокнистой перепонкой и кожей. У обыкновеннаго крота глаза чрезвычайно малы, но вполнѣ развиты, хотя многіе анатомы сомнѣваются насчетъ того, есть ли у нихъ связь съ настоящимъ зрительнымъ нервомъ; зрѣніе у крота должно быть, конечно, не совершеннымъ, однако оно, вѣроятно служитъ ему при выходѣ изъ подъ земли. Тукутуко, кажется никогда не показывающійся на поверхности земли, имѣетъ глаза больше кротовыхъ глазъ, но животное часто слѣпнетъ, что впрочемъ не причиняетъ ему, повидимому, никакого неудобства. Ламаркъ сказалъ бы, безъ сомнѣнія, что тукутуко переходитъ въ состояніе слѣпыша (Aspalax) и протея (Proteus).

Множество разнородныхъ птицъ водится на холмистыхъ зеленыхъ равнинахъ вокругъ Мальдонадо. Встрѣчается нѣсколько видовъ изъ семейства, родственнаго по строенію и нравамъ нашимъ скворцамъ; одинъ изъ нихъ, Molothrus niger замѣчателенъ по своимъ обычаямъ. Можно часто увидать нѣсколько такихъ птицъ, сидящихъ рядомъ на спинѣ лошади или коровы; когда онѣ сидятъ на изгороди, охорашиваясь на солнцѣ, онѣ иногда пробуютъ пѣть или, вѣрнѣе, свистать; звуки, издаваемые ими совсѣмъ особенные: они похожи на рѣзкій звукъ съ которымъ пузырьки воздуха вырываются черезъ маленькое отверстіе подъ водой. По словамъ Азары, эта птица, подобно кукушкѣ, кладетъ свои яйца въ чужія гнѣзда. Отъ здѣшнихъ жителей я дѣйствительно слышалъ, что есть какая-то птица, обладающая подобной привычкой, а мой помощникъ-коллекторъ, человѣкъ очень аккуратный, нашелъ въ одномъ гнѣздѣ здѣшняго воробья, (Zonatrichia matutina) яйцо больше другихъ, и не схоже по цвѣту и по формѣ съ остальными яйцами. Въ Сѣверной Америкѣ есть другой видъ Molothrus (M. pecoris) съ тѣми же нравами кукушки; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, даже въ такой мелкой подробности какъ сидѣніе на спинѣ лошади или коровы, этотъ видъ совсѣмъ сходенъ съ видомъ, встрѣченнымъ въ Ла-Платѣ единственное несходство заключается въ томъ, что птицы этого вида немного меньше ростомъ, а опереніе и яйца у нихъ имѣютъ нѣсколько иную окраску. Такое близкое сходство въ строеніи и нравахъ двухъ видовъ, которые хотя и принадлежатъ къ одному роду, но живутъ на противоположныхъ концахъ большого материка, всегда представляется очень любопытнымъ фактомъ, несмотря на его распространенность. Г. Свенсонъ справедливо замѣтилъ, что [2]), за исключеніемъ Molothrus pecoris, къ которому надо еще прибавить Molothrus niger, кукушка является единственной птицей, которую

[1]) Philosoph. Zoolog., tom. 1, p. 242.
[2]) Magazine of Zoology and Botany, vol. 1 p. 217.

можно поистинѣ назвать паразитной птицей, то-есть такой, «которая какъ будто приживается къ другому животному, пользуется его жизненной теплотой для вывода своихъ дѣтенышей, питается его кормомъ и, въ раннемъ дѣтствѣ, вполнѣ зависитъ отъ существованія воспитателей, безъ которыхъ не можетъ остаться сама въ живыхъ. «Замѣчательно, что нѣкоторые виды (но не всѣ) кукушекъ и Molothrus сходятся только въ одномъ этомъ паразитномъ способѣ воспитанія своихъ дѣтей, между тѣмъ какъ почти во всемъ остальномъ они совершенно различны другъ отъ друга. Molothrus, какъ и нашъ скворецъ, очень общителенъ; онъ живетъ на открытыхъ равнинахъ безъ всякихъ хитростей и уловокъ, между тѣмъ какъ всякому извѣстно, что кукушка—очень пугливая птица, селится только въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ лѣса и кормится плодами и гусеницами. По строенію своему эти роды птицъ тоже очень далеки другъ отъ друга. Много разныхъ теорій, даже френологическихъ воззрѣній придумано для того, чтобы объяснить странную привычку кукушки класть свои яйца въ чужія гнѣзда. Мнѣ кажется одинъ только Прево пролилъ свѣтъ на это загадочное обстоятельство [1]): онъ замѣтилъ, что самка-кукушка, которая, по наблюденіямъ большинства естествоиспытателей кладетъ по крайней мѣрѣ отъ 4 до 6 яицъ, должна оплодотворяться самцомъ каждый разъ послѣ того, какъ снесетъ одно или два яйца. Итакъ, если бъ кукушка должна была сама высиживать свои яйца, ей пришлось бы сидѣть на всѣхъ яйцахъ вмѣстѣ, при чемъ раньше снесенныя успѣли бы сдѣлаться болтунами, или же она должна была бы высиживать яйца отдѣльно, по мѣрѣ того, какъ она бы ихъ несла. Но такъ какъ кукушка остается въ этой странѣ болѣе короткое время, чѣмъ какая бы то ни была перелетная птица, то у нея несомнѣнно недостало бы времени для высиживанія всѣхъ яицъ. Слѣдовательно мы можемъ объяснить тотъ фактъ, что кукушка кладетъ свои яйца въ другія гнѣзда и предоставляетъ пріемнымъ родителямъ выводъ своихъ птенцовъ, тѣмъ, что она нѣсколько разъ спаривается съ самцомъ и несетъ яйца съ промежутками, а не подъ рядъ. Я очень склоняюсь къ такому объясненію, потому что, независимо отъ него, пришелъ самостоятельно (о чемъ будетъ рѣчь впереди) къ такому же заключенію по отношенію къ южно-американскому страусу, самка которая живетъ, такъ сказать, паразитомъ въ кругу своихъ сверстницъ: каждая самка кладетъ нѣсколько яицъ по разнымъ гнѣздамъ другихъ самокъ страусовъ, между тѣмъ какъ самецъ беретъ на себя всѣ труды высиживанія, подобно пріемнымъ родителямъ кукушкиныхъ птенцовъ.

Помяну еще о двухъ птицахъ, которыя здѣсь очень обыкновенны и обращаютъ на себя вниманіе своими нравами. Saurophagus sulphuratus—типичный представитель большой американской группы мухоловокъ. По строенію эта птица очень приближается къ хищнымъ, но по нравамъ близка ко многимъ другимъ птицамъ. Мнѣ часто случалось, во время охоты въ полѣ, наблюдать ее неподвижно висящей въ воздухѣ, подобно соколу, и потомъ быстро перелетающей на другое мѣсто. Въ такія минуты, даже съ близкаго разстоянія, ее легко принять за хищную птицу, но она очень уступаетъ соколу въ силѣ и быстротѣ полета. Бываетъ, что Saurophagus садится около воды, тамъ караулитъ рыбу, подобно зимородку, и ловитъ ту, которая приплываетъ близко къ берегу. Этихъ птицъ нерѣдко сажаютъ въ клѣтки или держатъ на дворахъ, подстригая имъ крылья. Онѣ скоро приручаются и очень забавны своими хи-

[1]) Читано въ парижской Академіи наукъ. L'Institut, 1834, p. 148.

трыми смѣшными ухватками, которыя очень похожи, какъ мнѣ разсказывали, на ухватки обыкновенныхъ сорокъ. Полетъ Saurophagus'a волнообразенъ, потому что голова и клювъ слишкомъ тяжелы въ сравненіи съ тѣломъ. Вечеромъ эти птицы садятся на кусты, часто на краю дороги, и безпрерывно повторяютъ одинъ и тотъ же пронзительный но довольно пріятный крикъ, похожій на человѣческія слова. Испанцы говорятъ что, слова эти значатъ: «Bién te veo» (я хорошо тебя вижу) и прозвали птицу этими словами. Одинъ пересмѣшникъ (Minus Orpheus), извѣстный туземцамъ подъ именемъ calandria, замѣчателенъ тѣмъ, что поетъ лучше всѣхъ здѣшнихъ птицъ; это даже единственная птица Южной Америки, которая по моимъ наблюденіямъ, садится съ цѣлью пѣть. Ея пѣснь похожа на пѣніе нашей камышовки, но звучитъ гораздо сильнѣе, къ пріятнымъ нотамъ примѣшиваются высокія, рѣзкія ноты. Minus orpheus поетъ только весной. Въ другое время птица издаетъ грубый, далеко не гармоничный крикъ. Въ Мальдонадо я видѣлъ совсѣмъ ручныхъ и смѣлыхъ представителей этого вида. Они постоянно вертѣлись кучами подлѣ домовъ и клевали мясо, вывѣшенное на шестахъ или стѣнахъ. Если какая-нибудь мелкая птица принимала участіе въ пиршествѣ, Calandria быстро отгоняли ее прочь. На обширныхъ необитаемыхъ равнинахъ Патагоніи водится другой близкій видъ—Orpheus Patagonica d'Orbigny; онъ посѣщаетъ долины, поросшія колючимъ кустарникомъ. Птица эта отличается большей дикостію и совсѣмъ другимъ голосомъ. Здѣсь я замѣтилъ странное явленіе, свидѣтельствующее о разнообразныхъ тончайшихъ оттѣнкахъ, вносимыхъ различіемъ привычекъ и нравовъ: увидавъ въ первый разъ эту птицу, я принялъ ее за представительницу другого, а не того же вида, который живетъ въ Мальдонадо. Доставъ впослѣдствіи экземпляръ патагонскаго вида и сравнивъ его поверхностно съ мальдонадскимъ, я нашелъ, что оба вида совершенно сходны между собою, но теперь Г. Гольдъ находитъ, что они рѣшительно принадлежатъ къ различнымъ видамъ. Выводъ его согласенъ съ тѣмъ, что я замѣтилъ раньше о несходствѣ въ ихъ привычкахъ, хотя Г. Гольду было неизвѣстно это несходство.

Многочисленность, смѣлость и отвратительныя привычки южно-американскаго стервятника особенно поражаютъ человѣка, привыкшаго только къ птицамъ сѣверной Европы. Къ числу этихъ стервятниковъ принадлежатъ четыре вида: Каракара или Polyborus, Бразильскій грифъ Галлинасо и Кондоръ. По строенію Каракара относится къ орламъ, но мы вскорѣ увидимъ какъ мало эта птица заслуживаетъ столь почетнаго мѣста. По своимъ нравамъ она вполнѣ замѣняетъ нашихъ стервятниковъ — воронъ, сорокъ и вороновъ, которые хотя и имѣютъ широкое распространеніе по всему свѣту, однако совершенно отсутствуютъ въ Южной Америкѣ. Начнемъ съ Polyborus Brasiliensis: это очень обыкновенная птица, водящаяся въ обширномъ географическомъ районѣ. Она всего многочисленнѣе въ зеленыхъ саваннахъ Ла-Платы (гдѣ она извѣстна подъ именемъ Carraneba), также нерѣдко попадается она въ безплодныхъ равнинахъ Патагоніи. Въ пустынной мѣстности, между рѣками Негро и Колорадо, множество этихъ птицъ постоянно держатся на линіи большой дороги и пожираютъ трупы животныхъ, павшихъ отъ переутомленія и жажды. Хотя видъ этотъ распространенъ въ сухихъ открытыхъ мѣстахъ, а также на выжженныхъ берегахъ Тихаго океана, онъ находится и въ сырыхъ непроходимыхъ лѣсахъ западной Патагоніи и на Огненной землѣ. Каранчка и Чиманго постоянно держатся стаями около селеній (estanacis) и боенъ, гдѣ бьютъ скотъ. Если какой-нибудь звѣрь падетъ на равнинѣ, то на пиръ являются первыми галлинасо, а оба вида

Polyborus чисто обгладываютъ кости. Эти птицы живутъ недружно хотя и питаются вмѣстѣ. Когда Каранча спокойно сидитъ на древесной вѣткѣ или на землѣ, Чиманго часто продолжаетъ летать взадъ и впередъ внизъ и вверхъ, описывая полукруги и стараясь всякій разъ передъ подъемомъ ударить своего большого сродника. Карранча мало обращаетъ на это вниманіе и только встряхиваетъ головой. Несмотря на привычку собираться въ кучи, Карранчи не принадлежатъ къ числу общественныхъ цтицъ, такъ какъ въ пустыннымъ мѣстахъ ихъ можно встрѣтить въ одиночку или чаще попарно.

Говорятъ про нихъ, что они воруютъ множество яицъ. Они стараются, кромѣ того, вмѣстѣ съ Чиманго, склевывать струпья со болячекъ на спинахъ лошадей и муловъ. Капитанъ Гедъ со свойственной ему картинностію и аккуратностію описалъ эту сцену: съ одной стороны мы видимъ несчастное животное съ опущенными ушами и выгнутой спиной, съ другой—хищника, парящаго надъ нимъ въ воздухѣ и высматривающаго на разстояніи ярда отвратительное лакомство. Эти лже-орлы очень рѣдко убиваютъ птицу или звѣря. Привычка ихъ ѣсть падаль становится очевидной всякому, кому случится уснуть на унылыхъ равнинахъ Патагоніи, потому что при просыпаніи онъ увидитъ на каждомъ сосѣднемъ холмикѣ одну изъ хищныхъ птицъ терпѣливо выжидающую съ зловѣщимъ взоромъ удобной минуты. Это—характерная особенность здѣшняго пейзажа и ее знаетъ всякій, побывавшій тутъ. Если выѣзжаютъ на охоту нѣсколько человѣкъ съ собаками и лошадьми, ихъ непремѣнно сопровождаетъ нѣсколько такихъ хищниковъ. Послѣ пріема пищи, задъ ихъ раздувается; въ это время, да и вообще, Карранча—лѣнивая, смирная и трусливая птица. Полетъ ея тяжелый и медленный, какъ полетъ англійскаго грача. Она рѣдко паритъ въ небѣ но мнѣ случалось раза два видѣть ее на большой высотѣ, гдѣ она свободно разсѣкала воздухъ. Она бѣгаетъ, (но не прыгаетъ), только не такъ скоро какъ другія птицы того же рода. Временами, но не всегда, Карранча становится криклива; крикъ ея громкій, очень рѣзкій и своеобразный; его можно сравнить съ горловымъ испанскимъ g, вслѣдъ за которымъ раздается сильное и протяжное r.r. Издавая этотъ крикъ, птица все больще и больше разѣваетъ клювъ и закидываетъ головоу назадъ, такъ что темя наконецъ почти касается нижней части спины. Фактъ этотъ, въ которомъ сомнѣвались, совершенно вѣренъ—я самъ видѣлъ этихъ птицъ съ головами, совершенно закинутыми назадъ. Опираясь на большой авторитетъ Азары, я прибавлю еще, что каранча питается червями, слизняками, кузнечиками и лягушками, убиваетъ ягнятъ разрывая ихъ пуповину и прислѣдуетъ Галлинасо до тѣхъ поръ, пока послѣдній не изрыгнетъ падали, которую онъ только что проглотилъ. Въ заключеніе Азара говоритъ, что Карранча, группами въ пять, шесть штукъ, отправляются въ погоню за большими птицами, даже за цаплями. Всѣ эти показанія свидѣтельствуютъ объ измѣнчивыхъ привычкахъ и о значительной смѣтливости этихъ птицъ.

Polyborus Chimango гораздо меньше этого вида. Его можно назвать всеяднымъ; онъ даже хлѣбъ ѣстъ; меня увѣряли, что этими птицами наносится большой вредъ картофельнымъ полямъ въ Чилоэ, гдѣ онъ вырываетъ только что посаженные клубни. Изъ всѣхъ стервятниковъ, онѣ остаются послѣдними на остовѣ павшаго животнаго; ихъ можно часто увидать внутри реберъ лошади или коровы, точно птицъ въ клѣткѣ. Polyborus Novae Zelandiae, очень распространенный на Фальклавдскихъ островахъ, принадлежитъ къ другому виду. Онъ сходенъ во многихъ отношеніяхъ съ Карранчей. Кормится онъ падалью и морскими животными;

на скалахъ острова Рамиресъ онъ вполнѣ зависитъ отъ моря въ отношеніи своего питанія. Птицы этого вида необычайно безстрашныя и ручныя; онѣ водятся въ сосѣдствѣ жилыхъ помѣщеній, питаясь разными отбросами. Если охотники убьютъ какое-нибудь животное, эти хищники вскорѣ слетаются къ мѣсту охоты и терпѣливо ждутъ, усѣвшись въ кружокъ на землѣ. Когда онѣ наѣдятся то зобъ у нихъ сильно раздувается, что придаетъ имъ отвратительный видъ. Онѣ охотно нападаютъ на раненыхъ птицъ; бакланъ, прибившійся въ такомъ положеніи къ берегу, былъ тотчасъ схваченъ ими и добитъ ударами ихъ клювовъ. Бигль стоялъ у Фальклавдскихъ острововъ только въ лѣтніе мѣсяцы, но офицеры съ корабля Adventure, которые провели здѣсь зиму, разсказывали много удивительныхъ примѣровъ смѣлости и хищности этихъ птицъ. Разъ онѣ даже набросились на собаку, уснувшую подлѣ человѣка, въ другой разъ партія охотниковъ съ трудомъ спасла отъ ихъ жадности нѣсколькихъ подбитыхъ гусей. Говорятъ, что, собравшись по нѣскольку вмѣстѣ (въ этомъ отношеніи они похожи на Карранчей) онѣ садятся у входа въ кроличью норку и всей гурьбой бросаются на кролика при его выходѣ. Пока нашъ корабль стоялъ въ гавани, онѣ постоянно прилетали на него, и нужно было зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы онѣ не сорвали кожу на снастяхъ или не унесли бы мясо и дичь съ кормы. Эти птицы крайне лукавы и любопытны; онѣ готовы схватить что угодно, лежащее на землѣ; такъ онѣ разъ унесли за цѣлую милю лакированную черную шляпу, а въ другой разъ—пару тяжелыхъ шаровъ, употребляемыхъ для ловли звѣрей. Г. Осборнъ потерялъ такимъ образомъ во время съемки дорогую вещь—маленькій Катеровскій компасъ въ красномъ сафьянномъ футлярѣ, который былъ унесенъ хищниками и не могъ быть нигдѣ найденъ. Сверхъ того эти птицы драчливы и очень задорны; въ порывахъ бѣшенства онѣ вырываютъ своими клювами траву изъ земли, онѣ не живутъ постоянными обществами, не парятъ высоко въ небѣ, и полетъ ихъ вообще тяжелъ и неуклюжъ; по землѣ онѣ бѣгаютъ чрезвычайно быстро, наподобіе фазановъ. Птицы эти очень шумливы; онѣ издаютъ нѣсколько различныхъ и очень рѣзкихъ криковъ, одинъ изъ которыхъ похожъ на крикъ англійскаго грача, вслѣдствіе чего охотники на тюленей всегда называютъ ихъ грачами. Любопытно, что, когда они кричатъ, они, совершенно такъ же какъ Карранча, закидываютъ голову вверхъ и назадъ. Гнѣзда свои они вьютъ среди приморскихъ скалъ, но только на маленькихъ, смежныхъ между собою, островахъ, а не на большихъ; можно подивиться на такую предосторожность со стороны столь дерзкой и смѣлой птицы. Моряки говорятъ, что вареное мясо ея совсѣмъ бѣлое и очень вкусное, но, признаюсь только отважный человѣкъ рѣшится отвѣдать подобное кушанье.

Намъ остается описать бразильскаго грифа (Vultur aura) и Галлинасо. Отъ мыса Горна до Сѣверной Америки, вездѣ, гдѣ есть хотя бы умѣренная влажность, можно встрѣтить бразильскаго грифа. Эта птица, въ противоположность Каракарѣ и Чиманго, нашла дорогу на Фальклавдскіе острова. Бразильскій грифъ живетъ одиноко или, въ крайнемъ случаѣ, попарно. Его сейчасъ же можно узнать даже на большомъ разстояніи по высокому, плавному и изящному полету. Извѣстно, что онъ принадлежитъ къ стервятникамъ. На западномъ берегу Патагоніи и на лѣсистыхъ островкахъ грифъ питается исключительно отбросами моря и трупами тюленей. Вездѣ, гдѣ на скалахъ соберется кучка тюленей, тамъ непремѣнно найдутся и хищники—грифы. Галлинасо (Cathartes atratus) имѣетъ другое географическое распространеніе, потому что не встрѣ-

чается южнѣе 41° южн. шир., Азара передаетъ одно преданіе, утверждающее что этихъ птицъ не было около Монте-Видео во время завоеванія Америки, но что онѣ впослѣдствіи явились сюда за переселенцами изъ болѣе сѣверныхъ мѣстностей. Въ настоящее время ихъ больше всего встрѣчается въ долинѣ Колорадо, на триста миль къ югу отъ Монте-Видео.

Возможно, что это частичное переселеніе совершилось послѣ того, какъ Азара путешествовалъ. Галлинасо вообще предпочитаютъ влажный климатъ или, скорѣе, близость прѣсной воды; вотъ почему эти птицы такъ многочисленны въ Бразиліи и въ Ла-Платѣ, между тѣмъ какъ онѣ совсѣмъ отсутствуютъ въ сухихъ равнинахъ сѣверной Патагоніи, за исключеніемъ береговыхъ полосъ нѣкоторыхъ рѣкъ. Галлинасо водятся на всемъ протяженіи пампасовъ, до подошвы Кордильеровъ, зато въ Чили я не видалъ ни одной птицы этого вида и не слыхалъ, чтобы онѣ тамъ встрѣчались. Въ Перу ихъ содержатъ въ видѣ истребителей нечистотъ. Этихъ хищниковъ можно, конечно, назвать общественными птицами, потому что онѣ, повидимому, находятъ удовольствіе въ большихъ собраніяхъ и не только ради добычи слетаются всѣ вмѣстѣ.

Въ ясный день часто случается видѣть цѣлую стаю галлинасо на большой высотѣ въ небѣ, при чемъ каждая отдѣльная птица безостановно описываетъ граціозные круги, вовсе не взмахивая крыльями. Ясно, что эти упражненія производятся съ единственною цѣлью удовольствія, а можетъ быть, они въ связи съ ихъ брачными союзами.

Я описалъ всѣхъ стервятниковъ, кромѣ кондора, о которомъ умѣстнѣе будетъ говорить въ другомъ мѣстѣ, когда мы перейдемъ къ мѣстности болѣе приспособленной къ его нравамъ и обычаямъ, чѣмъ равнины Ла-Платы.

Тамъ, гдѣ тянется широкая полоса песчаныхъ холмовъ, отдѣляющихъ Лагуна дель Потреро отъ береговъ Ла-Платы, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мальдонадо, я нашелъ кучу сплавившихся кремневыхъ трубокъ, которыя происходятъ отъ ударовъ молніи въ сыпучій песокъ. Эти трубки похожи во всѣхъ отношеніяхъ на трубки, найденныя въ Дригѣ, въ Комберлэндѣ, и описанныя въ Запискахъ геологическаго общества [1]).

Песчаные холмы Мальдонадо не защищены растительностію и поэтому они постоянно мѣняютъ свое мѣсто. Трубки вслѣдствіе этого выступили надъ поверхностію земли, а судя по многочисленнымъ обломкамъ ихъ, можно заключить, что раньше онѣ были зарыты на большой глубинѣ. Четыре изъ видѣнныхъ мною трубки были углублены въ песокъ совершенно отвѣсно. Я раскопалъ песокъ руками и прослѣдилъ одну изъ нихъ до глубины двухъ футовъ; присоединивъ къ этой трубкѣ обломки, которые, повидимому, принадлежали къ ней, я увидалъ, что она достигала длины около 5 фут. 3 дюймовъ, а такъ какъ поперечникъ трубки былъ по всей ея длинѣ одинаковый, то мы можемъ предположить, что она первоначально уходила гораздо глубже. Эти размѣры однако очень невелики сравнительно съ размѣрами трубокъ, найденныхъ въ Дригѣ, одна изъ которыхъ была прослѣжена до глубины не менѣе тридцати футовъ.

Внутренняя поверхность найденныхъ мною трубокъ совсѣмъ превратилась въ гладкое, блестящее стекло. Разсмотрѣнный мною подъ микроскопомъ маленькій осколокъ трубки имѣлъ видъ сплава, образован-

[1]) Geolog. Transact., vol. II, p. 528. Въ Philosoph. Transact. (1790, p. 294), д-ръ Пристлей описываетъ нѣсколько неполныхъ кремневыхъ трубокъ и сплавленный кварцевый голышъ, которые были найдены въ землѣ подъ деревомъ, на мѣстѣ, гдѣ человѣкъ былъ убитъ молніей.

наго паяльной трубкой, что происходило отъ большого количества крошечныхъ пузырьковъ воздуха, а, можетъ быть, и пара. Песокъ весь или почти весь—кремнистый; но нѣкоторыя песчинки черны, гладкая поверхность ихъ имѣетъ металлическій блескъ. Толщина стѣнокъ трубки колеблется между одной тридцатой и одной двадцатой дюйма, а иногда равняется даже одной десятой. Песчинки снаружи округлены и точно слегка покрыты глазурью; я не могъ замѣтить никакихъ слѣдовъ кристаллизаціи. Трубки эти, такъ же какъ и тѣ, которыя описаны въ «Geological Transactions» большею частію сдавлены и имѣютъ глубокія продольныя борозды, такъ что онѣ очень похожи на морщинистый растительный стебель или на кору вяза или пробковаго дерева. Окружность ихъ равнялась приблизительно двумъ дюймамъ, но нѣкоторые осколки цилиндрической формы и безъ всякихъ бороздъ имѣли толщину въ четыре дюйма. Складки или борозды, очевидно, произошли отъ давленія окружающаго сыпучаго песка въ то время, когда трубки были еще мягки отъ дѣйствія сильнаго жара. Судя по несдавленнымъ обломкамъ, размѣръ или просвѣтъ молніи (если можно такъ выразиться) долженъ былъ имѣть одинъ дюймъ съ четвертью въ поперечникѣ. Въ Парижѣ гг. Гашеттъ и Беданъ [1]) сдѣлали искусственныя трубки, похожія на эти фульгуриты, проведя очень сильный гальваническій токъ черезъ мелко истолченное стекло; если прибавляли соли къ стеклу, чтобы усилить плавкость его, то всѣ размѣры трубокъ значительно увеличивались. Опыты съ толченымъ кварцемъ или полевымъ шпатомъ не удались. Одна изъ трубокъ, образовавшаяся изъ толченаго стекла имѣла около дюйма въ длину, именно 0,982, а внутренній поперечникъ былъ въ 0,019 дюйма. Зная, что для этихъ опытовъ были употреблены сильнѣйшія гальваническія батареи въ Парижѣ и что получились трубки столь ничтожныхъ размѣровъ изъ такого плавкаго вещества какъ стекло, надо удивляться силѣ молніи, которая, упавъ въ песокъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, образовала цилиндры, имѣющіе (въ данномъ случаѣ) не менѣе тридцати футовъ длины, при чемъ внутренній просвѣтъ достигаетъ въ несдавленныхъ частяхъ цѣлыхъ полтора дюйма, и все это произошло въ веществѣ столь тугоплавкомъ какъ кварцъ!

Трубки, какъ я уже замѣтилъ, входятъ въ песокъ почти отвѣсно. Одна изъ нихъ, впрочемъ, менѣе правильная чѣмъ остальныя, уклонялась отъ прямой линіи почти на тридцать три градуса. Отъ этой трубки, на разстояніи одного фута другъ отъ друга, шли двѣ маленькія вѣтви, одна внизъ, другая—наверхъ. Такое явленіе очень удивительно, потому что здѣсь электрическій токъ долженъ былъ отклониться подъ острымъ угломъ въ 26° отъ своего главнаго направленія. Кромѣ четырехъ вертикальныхъ трубокъ, прослѣженныхъ мною подъ землею, я нашелъ еще нѣсколько обломковъ, первоначальное мѣстонахожденіе которыхъ было несомнѣнно близко отсюда. Всѣ они лежали на ровномъ мѣстѣ въ слоѣ переноснаго песку, занимавшаго шестьдесятъ ярдовъ въ длину и двадцать въ ширину; слой этотъ находился между высокихъ песчаныхъ холмовъ, а въ разстояніи полумили тянулась цѣпь холмовъ въ четыреста и пятьсотъ футовъ вышиною. Самое важное обстоятельство, какъ мнѣ кажется, заключается въ томъ, что здѣсь, какъ въ Дригѣ и еще въ случаѣ, описанномъ Риббентрономъ въ Германіи, такое большое количество трубокъ найдено на столь ограниченномъ пространствѣ. Въ Дригѣ ихъ было три на протяженіи пятнадцати ярдовъ; столько же найдено и въ

[1]) Annales de Chimie et de Physique, tom. XXXVII, p. 319.

Германіи. Въ случаѣ, описанномъ мною, трубокъ было, безъ сомнѣнія, болѣе четырехъ на пространствѣ въ шестьдесятъ ярдовъ при 20 ярдовъ поперечника. Такъ какъ не представляется вѣроятнымъ, чтобы трубки образовались послѣдовательными отдѣльными ударами, то надо думать, что молнія, немного передъ тѣмъ, какъ войти въ землю, дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ вѣтвей.

Окрестности Ріо-де-Ла-Платы, какъ видно, особенно подвержены электрическимъ явленіямъ. Въ 1793 году [1]) надъ Буэносъ-Айресомъ разразилась одна изъ самыхъ разрушительныхъ грозъ, какія только запомнятъ: молнія упала въ тридцати семи мѣстахъ отъ города и убила девятнадцать человѣкъ. Судя потому, что передается въ нѣсколькихъ путешествіяхъ, я склоненъ предположить, что грозы часто случаются подлѣ устьевъ большихъ рѣкъ. Можетъ быть, смѣшеніе значительнаго количества прѣсной и соленой воды нарушаетъ равновѣсіе электричества. Даже во время нашихъ случайныхъ пріѣздовъ въ эту часть Южной Америки до насъ доходили слухи о томъ, что молнія ударила въ корабль, въ двѣ церкви и въ домъ. Церковь и домъ я самъ видѣлъ. Послѣдній принадлежалъ г-ну Гуду, генеральному консулу въ Монте-Видео. Отъ молніи остались любопытные слѣды: по обѣ стороны проволоки отъ колокольчика обои почернѣли почти на цѣлый футъ. Металлъ расплавился, и хотя комната была почти въ пятнадцать футовъ вышины, шарики, падавшіе на мебель, прожгли въ ней рядъ мелкихъ дыръ. Часть стѣны представляла такой видъ, какъ будто ее разрушилъ пороховой взрывъ, и обломки отъ нея были отброшены съ такой силой, что продырявили стѣну на противоположной сторонѣ комнаты. Рамка зеркала почернѣла, а позолота, вѣроятно, улетучилась, потому что флаконъ, стоявшій на каминѣ, былъ весь усыпанъ металическими частицами, плотно приставшими къ нему, какъ будто флаконъ былъ ими нарочно позолоченъ.

ГЛАВА IV.

Отъ Ріо-Негро до Багіа-Бланка.

Ріо-Негро. Нападенія индѣйцевъ на фермы. Соляныя озера. Красные гуси. Отъ Ріо-Негро до Ріо-Колорадо. Священное дерево. Патагонскій заяцъ. Индѣйскія семейства. Генералъ Розасъ. Переѣздъ въ Багіа-Бланка. Дюны. Негръ. Лейтенантъ. Багіа-Бланка. Соляные налеты. Пунта-Альта. Вонючка.

Іюля 24-го 1833 г. «Бигль» отплылъ отъ Мальдонадо и 3-го августа прибылъ къ устью Ріо-Негро. Это—главная рѣка на всемъ протяженіи берега между Магеллановымъ проливомъ и Ла-Платой. Она впадаетъ въ море около трехсотъ миль къ югу отъ устьевъ Ла-Платы. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, подъ старымъ испанскимъ владычествомъ, здѣсь была основана небольшая колонія и до настоящаго времени, по восточному берегу Америки, это—самое южное поселеніе (41° шир.) цивилизованныхъ людей.

Мѣстность вблизи отъ устья рѣки представляетъ крайне печальный видъ; на южной сторонѣ тянется длинный рядъ отвѣсныхъ скалъ, показывающихъ геологическій разрѣзъ страны. Слои состоятъ изъ песча-

[1]) Путешествіе Азары, Azara's Voyage, vol. I, p. 36.

ника, и одинъ изъ нихъ тѣмъ замѣчателенъ, что заключаетъ въ себѣ плотно спаянные конгломераты пемзы, которые должны были пройти пространство 400 миль, чтобы попасть сюда съ Андовъ. На поверхности скалъ лежитъ вездѣ толстый слой гравія, распространяющійся во всѣ стороны и по равнинѣ. Вода здѣсь рѣдкость, а тамъ гдѣ она есть, она имѣетъ солоноватый вкусъ. Растительность бѣдна, и хотя встрѣчаются кусты различныхъ родовъ, но всѣ они вооружены страшными колючками, которыя какъ будто предупреждаютъ путника не входить въ эти негостепріимныя мѣста.

Колонія расположена на восемнадцать миль вверхъ по рѣкѣ. Дорога тянется у подошвы наклонной скалы, составляющей сѣверную границу большой долины, въ которой протекаетъ Ріо-Негро. Мы видѣли по пути развалины нѣсколькихъ прекрасныхъ фермъ «estancias», которыя были немного лѣтъ передъ тѣмъ разрушены индѣйцами. Онѣ выдержали нѣсколько нападеній. Очевидецъ одного изъ нихъ передалъ мнѣ въ живыхъ краскахъ все, что тогда произошло. Жители получили достаточно предупрежденій, чтобы успѣть загнать весь домашній скотъ и лошадей въ «corral» [1]), идущій кругомъ дома, а также приготовить нѣсколько пушекъ. Индѣйцы принадлежали къ племени аракуанцевъ изъ южной части Чили; ихъ было нѣсколько сотъ человѣкъ, вполнѣ обученныхъ военному дѣлу. Сначала на сосѣдней горѣ показались два отряда; люди отдѣлились, сняли съ себя мѣховые плащи и совершенно нагіе пошли на приступъ. Единственное орудіе индѣйца состоитъ изъ длинной бамбуковой палки или chuzo, украшенной страусовыми перьями и оканчивающейся острымъ копьемъ. Мой разсказчикъ, казалось, вспоминалъ съ особеннымъ ужасомъ размахиваніе этихъ чузо въ то время, какъ индѣйцы подходили къ фермѣ.

Когда они подошли совсѣмъ близко, ихъ кацикъ Пинчейра крикнулъ осажденнымъ, чтобы они сдавались, или онъ ихъ всѣхъ перерѣжетъ. Такъ какъ вторженіе индѣйцевъ привело бы непремѣнно къ такому концу, хотя бы обитатели фермы и сдались, то отвѣтомъ на вызовъ Пинчейра былъ ружейный залпъ.

Индѣйцы съ большой твердостію подошли къ самой оградѣ фермы, но, къ своему удивленію, нашли, что бревна скрѣплены желѣзными гвоздями, а не кожаными ремнями, и, конечно, безуспѣшно пытались разрѣзать ихъ ножами. Это обстоятельство спасло жизнь христіанъ: многихъ изъ раненыхъ индѣйцевъ унесли товарищи и, наконецъ, когда одинъ изъ помощниковъ кацика, палъ тоже раненый, индѣйцы затрубили въ рогъ, что означало ихъ отступленіе. Они отошли къ тому мѣсту, гдѣ оставили своихъ лошадей и, повидимому, собрали тамъ военный совѣтъ. Для испанцевъ наступила страшная минута, такъ какъ у нихъ осталось всего нѣсколько зарядовъ. Вдругъ индѣйцы сѣли на коней и ускакали изъ виду. Другое нападеніе было отражено еще быстрѣе. У пушки на этотъ разъ сталъ хладнокровный французъ. Онъ далъ индѣйцамъ подойти вплотную и тогда пронизалъ ихъ строй картечью; такимъ образомъ онъ положилъ тридцать девять человѣкъ изъ наступавшихъ, что обратило немедленно въ бѣгство остальныхъ.

Городъ называется безразлично Эль-Карменъ или Патагонесъ. Онъ построенъ на сторонѣ скалы, обращенной къ рѣкѣ, многіе дома даже высѣчены въ песчаникѣ. Рѣка имѣетъ двѣсти или триста ярдовъ ширины; она глубока и очень быстра. Множество острововъ съ растущими

[1]) Такъ называются ограды, сдѣланныя изъ высокихъ толстыхъ бревенъ. Каждая estancia или ферма обнесена такой оградой.

на нихъ ивами и съ плоскими мысами, которые выдаются одинъ за другимъ по всей сѣверной окраинѣ широкой зеленой долины, представляютъ довольно живописную картину при яркомъ свѣтѣ солнца. Жителей не больше нѣсколькихъ сотъ людей. Эти испанскія поселенія не обладаютъ, подобно нашимъ англійскимъ поселеніямъ, свойствами, необходимыми для собственнаго роста.

Многіе чистокровные индѣйцы живутъ здѣсь: племя кацика Люкани постоянно строитъ на окраинахъ города свои тольдосы [1]). Мѣстное управленіе отчасти снабжаетъ ихъ пищей, отдавая имъ старыхъ негодныхъ лошадей; они, кромѣ того, зарабатываютъ немного денегъ, выдѣлывая попоны и другіе предметы конской сбруи.

Этихъ индѣйцевъ считаютъ просвѣщенными, но то, что они выиграли въ смыслѣ уменьшенія жестокости почти что перевѣшивается полной распущенностію нравовъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ начинаютъ, впрочемъ, исправляться и выказываютъ готовность работать; недавно цѣлая партія отправилась на ловлю тюленей и вела себя очень хорошо. Когда я посѣтилъ ихъ, они уже пользовались плодами трудовъ своихъ, то-есть были одѣты очень ярко и чисто и проводили время праздно. Вкусъ у нихъ насчетъ одежды прекрасный; если бъ можно было одного изъ этихъ юныхъ индѣйцевъ превратить въ бронзовую статую, то драпировка его оказалась бы безукоризненно изящной.

Я разъ поѣхалъ верхомъ на большое соляное озеро, въ пятнадцати миляхъ отъ города. Зимой оно дѣйствительно похоже на мелкое озеро соляного разсола, а лѣтомъ превращается въ поле, покрытое слоемъ бѣлоснѣжной соли. По краямъ слой имѣетъ отъ четырехъ до пяти дюймовъ толщины, а къ серединѣ онъ дѣлается все толще. Озеро тянется въ длину на двѣ съ половиною мили, а въ ширину на одну милю. По сосѣдству есть гораздо бо́льшія озера, дно которыхъ покрыто слоемъ соли въ два-три фута толщины даже зимою, когда оно подъ водою. Поразительно хорошъ видъ такого ровнаго ослѣпительно бѣлаго пространства среди бурой и печальной равнины! Изъ большого озера добывается ежегодно очень много соли; при мнѣ тамъ лежали, готовыя къ отправкѣ, кучи въ нѣсколько сотъ тоннъ вѣсомъ. Время работъ на соляныхъ озерахъ служитъ временемъ жатвы для города Патагонеса, потому что благосостояніе его зависитъ отъ сбора соли. Почти всѣ жители переселяются тогда на берегъ рѣки и занимаются нагрузкой соли на возы, запряженные буйволами. Соль кристаллизуется большими кубами и замѣчательно чиста; г. Тренэмъ Риксъ любезно взялъ на себя трудъ сдѣлать для меня анализъ этой соли и нашелъ въ ней только 0,26 гипса и 0,22 землистыхъ веществъ. Странно то, что она не такъ полезна для соленья мяса, какъ морская соль съ острововъ Зеленаго Мыса. Одинъ купецъ въ Буэносъ-Айресѣ говорилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, она на пятьдесятъ процентовъ ниже той. Вотъ почему сюда постоянно ввозится соль съ острововъ Зеленаго Мыса и примѣшивается къ соли, добываемой изъ соляныхъ озеръ. Единственной возможной причиной этой меньшей пригодности патагонской соли для соленія мяса надо считать ея чистоту или отсутствіе въ ней постороннихъ веществъ, находящихся во всякой морской соли. Такое заключеніе можетъ, я думаю, показаться довольно неожиданнымъ, но оно получило подтвержденіе въ недавно дознанномъ фактѣ [2]), что тѣ соли, въ которыхъ всего больше

[1]) Тольдосъ значитъ индѣйская хижина.

[2]) Report of the Agricult. Chemic. Assoc. in the Agricultural Gazette, 1845, p. 93.

расплывающихся хлористыхъ соединеній лучше всего могутъ служить для сохраненія сыра.

Окраины озера состоятъ изъ ила, а въ немъ зарыты въ большомъ количествѣ крупные кристаллы гипса, иные до трехъ дюймовъ въ длину, между тѣмъ какъ на поверхности разсѣяны кристаллы сѣрнокислаго натра. Гаучосы прозвали гипсъ «padre del sal», отцомъ соли, а натръ—«madre», матерью; они говорятъ, что эти родители соли всегда бываютъ на берегахъ соляныхъ озеръ, когда вода начинаетъ испаряться. Грязь или илъ имѣетъ черный цвѣтъ и непріятный запахъ. Я сначала не могъ понять, отчего происходитъ этотъ запахъ, но потомъ замѣтилъ, что пѣна, которую вѣтеръ пригоняетъ къ берегу, окрашена зеленымъ цвѣтомъ, какъ будто отъ нитчатокъ. Я попытался взять съ собой этого зеленаго вещества, но одна случайность помѣшала мнѣ. На близкомъ разстояніи нѣкоторыя части озера казались красноватыми, что, можетъ быть, происходило отъ присутствія какихъ-нибудь инфузорій. Во многихъ мѣстахъ грязь была разрыта множествомъ какихъ-то червей, живущихъ въ ней. Какъ удивительно, что въ этомъ разсолѣ могутъ существовать какіе бы то ни было организмы и ползать между кристаллами натра и извести! И что дѣлается съ этими червями въ продолженіе длиннаго лѣта, когда вся поверхность твердѣетъ и образуетъ слой соли! Многочисленные фламинго живутъ и плодятся около озера. Я встрѣчалъ этихъ птицъ вездѣ, гдѣ есть соляныя озера,—на сѣверѣ Чили, по всей Патагоніи и на островахъ Галапагосъ. Онѣ ходили по грязи, отыскивая кормъ, вѣроятно червей, которые здѣсь роются, а черви, должно быть, въ свою очередь питались инфузоріями и нитчатками. Такимъ образомъ, передъ нами открылся особый замкнутый мірокъ, живущій своей жизнью, приспособленной къ соляным озерамъ. Говорятъ, что въ соляныхъ озерахъ Лимингтона водится въ несмѣтномъ количествѣ маленькій ракъ (Cancer salinus) [1]), но его встрѣчаютъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода достигла, вслѣдствіе испаренія, значительной степени солености,—а именно, гдѣ приходится четверть фунта соли на пинту воды. Справедливо можно сказать, что всѣ мѣста на земномъ шарѣ обитаемы. Соляныя озера и подземныя, скрытыя подъ вулканами, горячіе минеральные источники, океанъ на всемъ своемъ широкомъ пространствѣ и въ глубокихъ нѣдрахъ своихъ, высшіе слои атмосферы и даже вѣчные снѣга—все содержитъ органическія существа.

Къ сѣверу отъ Рio-Негро, между этой рѣчкой и заселеннымъ краемъ около Буэносъ-Айреса, испанцамъ принадлежитъ только одна небольшая колонія, недавно основанная подлѣ Багія-Бланка. Отъ этого поселенія до Буэносъ-Айреса пятьдесятъ англійскихъ миль по прямой линіи. Кочующія племена конныхъ индѣйцевъ, которыя всегда занимали бо́льшую часть этой страны, сильно безпокоили въ послѣднее время пограничныя

---

1) Linnean Trans., vol. XI, p. 205. Удивительно, до какой степени сходны между собою во всемъ касающемся соляныхъ озеръ Патагонія и Сибирь. Какъ видно и та, и другая страна недавно поднялись надъ уровнемъ океана. Въ обѣихъ странахъ соляныя озера занимаютъ мелкія углубленія на равнинахъ. И въ Патагоніи, и въ Сибири береговая грязь черна и зловонна; подъ слоемъ простой соли находится и тутъ, и тамъ сѣрнокислый натръ и сѣрнокислая магнезія, несовершенно окристаллизованные; въ обѣихъ странахъ грязный песокъ смѣшанъ съ кристаллами гипса. Въ сибирскихъ соляныхъ озерахъ обитаетъ маленькій ракъ; ихъ также посѣщаютъ фламинго (Edinb. New Philos. Jour., Jan. 1830). Такъ какъ эти, повидимому, маловажныя обстоятельства существуютъ въ двухъ отдаленныхъ материкахъ, мы можемъ быть твердо увѣрены, что они являются необходимымъ слѣдствіемъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ. См. Pallas's Travels, 1793—1794, p. 129—134.

фермы, вслѣдствіе чего правительство Буэносъ-Айреса снарядило недавно войско подъ командой генерала Розаса, съ цѣлью истребленія индѣйцевъ. Во время моего путешествія здѣсь солдаты были расквартированы по берегамъ рѣки Колорадо, миляхъ въ восьмидесяти къ сѣверу отъ Ріо-Негро. Выйдя изъ Буэносъ-Айреса, генералъ Розасъ предпринялъ походъ прямо черезъ неизслѣдованныя еще равнины; очистивъ такимъ образомъ страну отъ индѣйцевъ, онъ разставилъ по дорогѣ, съ большими промежутками, маленькіе отряды солдатъ съ лошадьми (posta), для того чтобы имѣть постоянное сообщеніе со столицей. Такъ какъ «Билль» долженъ былъ зайти въ Багія-Бланка, то я рѣшился отправиться туда сухимъ путемъ и даже проѣхать всю дорогу до Буэносъ-Айреса черезъ военные посты.

11-го августа. Со мною вмѣстѣ выѣхали г. Гаррисъ, англичанинъ, живущій въ Патагонесѣ, проводникъ и пять гаучосовъ, которые ѣхали къ войску по своему дѣлу. До Колорадо было, какъ я уже сказалъ, восемьдесятъ миль, и такъ какъ мы ѣхали довольно медленно, то пробыли въ пути два дня съ половиною. Вся эта мѣстность не заслуживаетъ другого названія, кромѣ пустыни. Воду мы нашли только въ двухъ небольшихъ ключахъ; ее считаютъ прѣсной, но даже въ это дождливое время года она была совершенно соленая. Лѣтомъ дорога эта должна быть мучительна, потому что и теперь она была довольно тяжела. Долина Ріо-Негро хотя и широка, но представляетъ собою не болѣе какъ ложбину, вырытую въ ровной площади песчаника, потому что тотчасъ за высокимъ берегомъ, по которому расположенъ городъ, начинается плоская мѣстность, только изрѣдка прерываемая небольшими долинами и углубленіями почвы. Вездѣ страна имѣетъ тотъ же пустынный видъ; на сухомъ крупномъ пескѣ растетъ небольшими куртинами побурѣвшая, засохшая трава и кое-гдѣ встрѣчаются низкіе кусты съ шипами.

Проѣхавъ первый источникъ, мы вскорѣ увидали знаменитое дерево, почитаемое индѣйцами какъ престолъ божества Уаллиху. Оно стоитъ на высокомъ мѣстѣ равнины, такъ что служитъ указателемъ дороги, виднымъ съ большого разстоянія. Какъ только индѣйское племя завидитъ дерево, оно выражаетъ свое благоговѣніе громкими криками. Самое дерево очень вѣтвисто и полно шиповъ; поперечникъ его у корня имѣетъ около трехъ футовъ. Оно стоитъ совершенно одиноко, и, дѣйствительно, это было первое дерево, которое мы увидали. Послѣ этого попадались и другія въ томъ же родѣ, но ихъ было очень немного. Такъ какъ стояла зима, то листьевъ не было вовсе, но вмѣсто нихъ висѣли безчисленныя приношенія, какъ напр., сигары, хлѣбъ, мясо, куски сукна и проч. Бѣдные индѣйцы, не имѣя ничего лучшаго, выдергиваютъ хоть нитку изъ своихъ ponchos (передники) и привязываютъ ихъ къ дереву. Индѣйцы побогаче имѣютъ обыкновеніе выливать водку и мате въ одно извѣстное отверстіе, а также курить, пуская дымъ кверху, въ надеждѣ доставить этимъ большое удовлетвореніе Уаллиху. Къ довершенію картины, кругомъ дерева валялись побѣлѣвшія кости лошадей, которыхъ здѣсь приносили въ жертву божеству. Индѣйцы всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ приносятъ свои жертвы къ священному дереву; они увѣрены послѣ этого, что лошади ихъ не будутъ знать усталости и сами они будутъ имѣть во всемъ успѣхъ. Гаучо, давшій мнѣ эти свѣдѣнія, говорилъ, что онъ самъ видѣлъ въ мирное время такія сцены приношеній и что онъ вмѣстѣ съ другими гаучосами обыкновенно давали индѣйцамъ уйти, а потомъ уносили все пожертвованное Уаллиху.

Гаучосы думаютъ, что индѣйцы отождествляютъ дерево съ самимъ божествомъ, но гораздо правдоподобнѣе, что они смотрятъ на него

только какъ на престолъ своего бога. Объяснить себѣ такой выборъ предмета поклоненія я могу единственно тѣмъ, что дерево служитъ путевымъ указателемъ въ опасномъ переходѣ. Сіерра-де-ла-Вентана видна съ огромнаго разстоянія. Гаучо разсказывалъ мнѣ, что, когда онъ разъ ѣхалъ вмѣстѣ съ однимъ индѣйцемъ въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ Ріо-Колорадо, его спутникъ вдругъ громко закричалъ совершенно такъ же какъ это обыкновенно дѣлаютъ индѣйцы, завидѣвъ далекое дерево, потомъ, коснувшись головы, онъ протянулъ руку по направленію къ Сіеррѣ. На вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, индѣецъ отвѣчалъ на ломаномъ испанскомъ языкѣ: «Сначала посмотри на Сіерру». Въ шести льё отъ любопытнаго дерева мы остановились, чтобы переночевать; въ это же время гаучосы увидали вдали своими рысьими глазами какую-то несчастную корову, за которой тотчасъ погнались. Вскорѣ они ее поймали своимъ арканомъ и закололи. Итакъ, въ нашемъ распоряженіи оказались четыре необходимыя вещи при лагерной жизни: пастбище для лошадей, вода (только грязная лужа), мясо и топливо. Гаучосы были очень довольны, найдя столько роскошныхъ предметовъ, и мы всѣ не замедлили приняться за ужинъ, доставленный намъ бѣдной коровой. Мнѣ въ первый разъ пришлось ночевать подъ открытымъ небомъ съ сѣдельной попоной вмѣсто постели. Есть высокое наслажденіе въ независимой жизни гаучо, когда человѣкъ можетъ въ любую минуту остановить лошадь и сказать: «Здѣсь мы проведемъ ночь».

Мертвая тишина равнины, собаки насторожѣ, группа гаучосовъ, похожая на цыганскій таборъ и приготовляющая постели кругомъ костра, оставили въ моей памяти сильное и неизгладимое впечатлѣніе. На другой день мѣстность, по которой мы проѣзжали, была совершенно такого же характера, какъ и ранѣе видѣнная нами. Въ ней встрѣчается мало птицъ или какихъ бы то ни было животныхъ. Попадаются случайно олени или гуанако (дикая лама), но больше всего изъ четвероногихъ водится агути (Cavia Patagonica). Это—представитель нашего зайца въ здѣшнемъ краѣ, но онъ во многомъ существенномъ отличается отъ заячьей породы, наприм., на заднихъ ногахъ у него только три пальца. Кромѣ того, агути почти вдвое больше зайца и вѣситъ отъ двадцати до двадцати пяти фунтовъ. Онъ любитъ пустыню; привычную картину здѣсь представляютъ два-три агути, быстро скачущіе другъ за другомъ по прямой линіи черезъ дикую пустыню. Они встрѣчаются сѣвернѣе до Сіерры-Тапальгуэнъ (37°30 ю. шир.), гдѣ равнина довольно внезапно становится зеленѣе и болѣе влажной; южная граница, до которой простирается мѣстонахожденіе агути, лежитъ между Портъ-Дезире и Санъ-Хуліанъ, гдѣ общій характеръ страны тотъ же. Странно, что въ настоящее время это животное не доходитъ до Санъ-Хуліана, между тѣмъ, какъ путешественникъ, капитанъ Вудъ, посѣтившій эти мѣста въ 1670 г., разсказываетъ въ своемъ сочиненіи, что онъ видѣлъ тамъ множество агути. Что за причины могли измѣнить въ обширномъ, безлюдномъ и рѣдко посѣщаемомъ краѣ географическое распространеніе такого животнаго? Надо думать, что и въ Портъ-Дезире ихъ было гораздо больше тогда, чѣмъ теперь, если судить по количеству животныхъ, убитыхъ капитаномъ Вудомъ въ одинъ день. Агути пользуется норами вискаша въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится этотъ звѣрокъ, но тамъ, гдѣ его нѣтъ, какъ въ Багіа-Бланка, агути сами роютъ себѣ норы. То же самое случается съ маленькой совой пампасовъ (Athene cunicularia), о которой часто писали, что она стоитъ насторожѣ у входа въ нору; въ Панда-Оріенталь не водится вискашъ, и поэтому совѣ приходится тоже самой вырывать себѣ жилища.

На другое утро, подъѣзжая къ рѣкѣ Колорадо, мы увидали мѣстность уже иного вида; вскорѣ намъ представилась зеленая равнина, которая своими цвѣтами, высокимъ клеверомъ и маленькими совами очень походила на пампасы. Мы проѣхали тоже чрезъ топкое болото значительнаго протяженія; лѣтомъ это болото высыхаетъ и бываетъ усѣяно кристаллами разныхъ солей, почему оно называется Salitrale, т.-е. селитрянное болото. На немъ росли низенькія сочныя растенія, одинаковыхъ видовъ съ тѣми, которыя растутъ на морскомъ берегу. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы переправлялись черезъ Колорадо, рѣка не шире шестидесяти ярдовъ, но вообще ея ширина должна быть вдвое больше. Ивы и камыши окаймляютъ ея извилистые берега; разстояніе до устья рѣки, по прямой линіи, говорятъ, не превышаетъ 27 миль, но по рѣкѣ считаютъ 75 миль. Нашу лодку во время переправы задержали большіе табуны кобылъ, плывшихъ по рѣкѣ вслѣдъ за солдатами, отправлявшимися вовнутрь страны. Никогда мнѣ не случалось видѣть болѣе смѣшнаго зрѣлища, чѣмъ эти сотни и сотни головъ, торчащихъ надъ водою, всѣ въ одномъ направленіи, съ навостренными ушами и раздутыми, храпящими носами. Онѣ напоминали огромную стаю какихъ-нибудь амфибій. Во время похода войско питается одной кониной, что чрезвычайно облегчаетъ передвиженіе, потому что въ этихъ равнинахъ лошади способны совершать удивительно большіе переходы: меня увѣряли, что ненавьюченная лошадь можетъ много дней подрядъ дѣлать по сту миль въ день.

Генералъ Розасъ разбилъ свой лагерь подлѣ самой рѣки. Лагерь этотъ представлялъ четырехугольникъ, образовавшійся изъ повозокъ, пушечныхъ лафетовъ, соломенныхъ шалашей и т. д. Солдаты были почти всѣ кавалеристы, и мнѣ кажется, никогда еще не бывало арміи, состоящей изъ людей съ такими скверными разбойничьими лицами. Большинство изъ нихъ принадлежали къ смѣшанной породѣ негровъ, индѣйцевъ и испанцевъ. Не знаю, отъ чего это зависитъ, но люди такого происхожденія рѣдко имѣютъ хорошее выраженіе лица. Я отправился къ секретарю, чтобы предъявить ему свой паспортъ. Онъ сталъ предлагать мнѣ вопросы съ самымъ таинственнымъ и важнымъ видомъ. По счастью у меня было рекомендательное письмо отъ начальства Буэносъ-Айреса [1]) къ коменданту Патагонеса. Его показали генералу Розасу, который прислалъ мнѣ очень любезный отвѣтъ, такъ что секретарь тоже вернулся, преисполненный самаго милостиваго отношенія ко мнѣ. Мы поселились въ чаперо, или хижинѣ, очень интереснаго стараго испанца, служившаго при Наполеонѣ, во время русской компаніи.

Мы пробыли два дня у Колорадо. Мнѣ было здѣсь очень мало дѣла, такъ какъ кругомъ было болото, которое лѣтомъ (въ декабрѣ), когда снѣгъ таетъ на Кордильерахъ, наводняется выходящей изъ береговъ рѣкой. Мое главное развлеченіе состояло въ томъ, что я наблюдалъ индѣйскія семьи, приходившія покупать всякую мелочь въ ранчо, занимаемое нами. У генерала Розаса были, какъ полагали, союзники между индѣйцами, числомъ до шестисотъ человѣкъ. Люди эти были высоки и красивы, но, позднѣе, на огненной землѣ, я могъ легко убѣдиться, что та же раса обезображивается холодомъ, недостаткомъ пищи и отсутствіемъ цивилизаціи. Нѣкоторые писатели, опредѣляя первоначальныя человѣческія расы, раздѣляютъ этихъ индѣйцевъ на двѣ отдѣль-

---

[1]) Считаю себя обязаннымъ выразить мою горячую благодарность правительству Буэносъ-Айреса за любезность, съ которой оно снабдило меня паспортомъ во всѣ мѣста страны, въ качествѣ натуралиста корабля „Бигль“.

ныя группы, но это совсѣмъ невѣрно. Между молодыми женщинами, или чинасъ, было даже нѣсколько настоящихъ красавицъ. Волосы ихъ, хотя и жесткіе, но черные и блестящіе, были заплетены въ двѣ косы, спускавшіяся до пояса. Цвѣтъ лица у нихъ румяный, глаза блестящіе, ноги и руки маленькія и изящной формы; на ногахъ, а иногда и вокругъ таліи они носятъ широкія полосы изъ голубыхъ бусъ. Нельзя себѣ представить ничего интереснѣе нѣкоторыхъ семейныхъ группъ. Часто къ нашему ранчо подъѣзжала мать съ двумя дочерьми верхомъ на одной лошади. Женщины сидятъ на лошади по-мужски, но поднимаютъ колѣна гораздо выше. Онѣ, можетъ быть, привыкли къ такой посадкѣ оттого, что въ путешествіяхъ ѣздятъ на навьюченныхъ лошадяхъ. Женщины обязаны навьючивать и разсѣдлывать лошадей, раскидывать палатки на ночь,—однимъ словомъ, какъ всѣ жены дикарей, онѣ должны быть полезными рабынями. Мужчины ведутъ войны, занимаются охотой, ухаживаютъ за лошадьми и дѣлаютъ сбрую. Одно изъ главныхъ домашнихъ занятій мужчинъ состоитъ въ приготовленіи камней для bolas: они колотятъ ихъ другъ объ друга до тѣхъ поръ, пока камни не сдѣлаются круглыми. При помощи этого важнаго орудія индѣецъ добываетъ себѣ нужную дичь, а также и лошадь, которая бродитъ на свободѣ по равнинѣ. Когда онъ сражается, то прежде всего старается опрокинуть лошадь противника боласомъ, а когда врагъ запутается, убиваетъ его своимъ чузо (копьемъ). Если шары обовьются только около тѣла или шеи животнаго, то оно часто убѣгаетъ, унося шары съ собою. Такъ какъ округленіе камней беретъ около двухъ дней времени, то это—самое обыкновенное занятіе среди индѣйцевъ. У многихъ мужчинъ и женщинъ, которыхъ я видѣлъ, были раскрашенныя красной краской лица, но ни разу не видалъ здѣсь поперечныхъ полосъ, столь распространенныхъ между индѣйцами Огненной Земли. Главная гордость индѣйца состоитъ въ томъ, чтобы имѣть серебряныя вещи; я видалъ у одного кацика шпоры, стремена, рукоять ножа и мундштукъ изъ этого металла; уздечка и поводья были проволочныя, не толще бичевки. Глядя на горячаго коня, послушно слѣдующаго указаніямъ такой легкой узды, любуешься особеннымъ изяществомъ въ искусствѣ всадника.

Генералъ Розасъ выразилъ желаніе меня видѣть, чему я впослѣдствіи былъ очень радъ. Это человѣкъ съ необыкновеннымъ характеромъ; вліяніе его огромное и, вѣроятно, оно послужитъ на пользу и процвѣтаніе страны [1]). Говорятъ, что ему принадлежатъ семьдесятъ четыре квадратн. мили земли и до трехсотъ тысячъ головъ скота. Владѣнія его прекрасно устроены и даютъ гораздо большій сборъ хлѣбовъ, чѣмъ другія имѣнія. Онъ вначалѣ сталъ извѣстенъ, благодаря особеннымъ законамъ, введеннымъ имъ на своихъ фермахъ и имѣніи, и при помощи которыхъ онъ управлялъ нѣсколькими стами людей, такъ что успѣшно могъ отбивать нападенія индѣйцевъ. Много разсказовъ ходитъ о строгости, съ которой соблюдались его постановленія. Однимъ изъ нихъ, напримѣръ, запрещалось каждому человѣку, подъ угрозой колодокъ, носить при себѣ ножъ по воскресеньямъ; такъ какъ въ этотъ день населеніе предавалось игрѣ въ карты и питью, то часто возникали ссоры, во время которыхъ привычка драться на ножахъ могла имѣть гибельныя послѣдствія. Въ одинъ воскресный день на ферму пріѣхалъ губернаторъ съ торжественнымъ визитомъ къ генералу Розасу. Розасъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу и позабылъ вынуть ножъ изъ-за пояса. Дворецкій коснулся

[1]) Это пророчество оказалось совершенно ошибочнымъ. 1845.

руки его и напомнилъ ему его постановленіе. Тогда генералъ обратился къ губернатору и сказалъ, что онъ, къ великому сожалѣнію, долженъ идти въ колодки и, пока не будетъ выпущенъ, не имѣетъ никакой власти въ собственномъ домѣ. Черезъ нѣсколько времени дворецкаго уговорили выпустить генерала, но какъ только его освободили, Розасъ обратился къ дворецкому и сказалъ: «Ты нарушилъ законъ, итакъ ты долженъ итти вмѣсто меня въ колодки». Гаучосы приходили въ восторгъ отъ такихъ поступковъ, потому что у нихъ у всѣхъ высокое понятіе о равенствѣ и собственномъ достоинствѣ.

Генералъ Розасъ вдобавокъ,—отличный наѣздникъ, что почитается за особое искусство въ странѣ, гдѣ войско разъ выбрало командира послѣ слѣдующаго испытанія: табунъ неѣзженыхъ лошадей загнали въ corral (ограду) и потомъ выпустили ихъ черезъ ворота, надъ которыми лежала перекладина; рѣшено было, что тотъ, кто успѣетъ вскочить съ перекладины на спину лошади въ ту минуту, когда она устремится черезъ ворота и сумѣетъ безъ сѣдла и безъ узды не только проѣхаться по полю на этой лошади, но и вернется на ней къ воротамъ, будетъ выбранъ въ начальники войска. Успѣшный наѣздникъ дѣйствительно сдѣлался командиромъ и, вѣрно, вполнѣ достойнымъ командиромъ такого войска.

Генералъ Розасъ отличился такой же необычайной удалью.

При помощи подобныхъ средствъ и, благодаря тому, что онъ соблюдаетъ въ одеждѣ и во всемъ остальномъ обычаи гаучосовъ, Розасъ пріобрѣлъ въ странѣ безграничную популярность, а слѣдовательно и деспотическую власть. Я слышалъ отъ англійскаго купца, что кто-то здѣсь однажды убилъ человѣка, и, когда его спросили, изъ-за чего онъ это сдѣлалъ, преступникъ отвѣчалъ:

— «Онъ неуважительно отзывался о генералѣ Розасѣ, я и убилъ его».

Черезъ недѣлю убійца получилъ свободу; конечно, это устроили сторонники генерала, помимо него самого.

Въ разговорахъ онъ восторженъ, разуменъ и очень серьезенъ. Серьезность свою онъ доводитъ до крайности. Одинъ изъ его шутовъ (онъ держитъ двухъ шутовъ, какъ это дѣлали бароны въ старое время) разсказывалъ слѣдующій анекдотъ: «Мнѣ разъ очень захотѣлось послушать извѣстное произведеніе; вотъ я и пошелъ къ генералу просить его позволенія. Онъ сказалъ мнѣ: «Уходи, я занятъ». Я попросилъ второй разъ. Онъ отвѣчалъ: «Если ты еще придешь, я накажу тебя». Я въ третій разъ обратился къ нему; тогда онъ засмѣялся. Я бросился вонъ изъ его палатки, но было слишкомъ поздно, онъ велѣлъ двумъ солдатамъ схватить меня и привязать къ столбамъ. Я умолялъ его во имя всѣхъ святыхъ отпустить меня, но ничего не помогло. Когда генералъ засмѣется, то ни дуракамъ, ни умнымъ отъ него нѣтъ пощады».

Несчастный забавникъ сдѣлалъ печальное лицо при одномъ воспоминаніи о наказаніи. Оно на самомъ дѣлѣ крайне сурово: въ землю врываютъ четыре столба, между которыми человѣка горизонтально растягиваютъ за руки и за ноги; въ такомъ положеніи его оставляютъ на нѣсколько часовъ. Мысль эта очевидно взята съ обыкновеннаго способа, который употребляютъ для сушенія кожъ. Во время нашего свиданія генералъ ни разу не улыбнулся, но онъ съ большой любезностью выдалъ мнѣ паспортъ и подорожную для того, чтобы мнѣ давали казенныхъ лошадей на постахъ.

Мы выѣхали утромъ въ Багіа-Бланка, куда прибыли черезъ два дня. Оставивъ позади себя лагерь, мы проѣхали мимо индѣйскихъ хижинъ

(toldos). Онѣ круглы, какъ хлѣбныя печи и покрыты кожами; у входа въ каждую хижину было воткнуто въ землю chuzo, т.-е. копье. Тольдосы были разбиты на отдѣльныя группы и всякая группа принадлежала племени какого-нибудь кацика; группы въ свою очередь распадались на болѣе мелкія единицы, смотря по степени родства вдадѣльцевъ. Мы ѣхали на протяженіи нѣсколькихъ миль по долинѣ рѣки Колорадо. Прибрежная земля показалась мнѣ плодородной и есть предположеніе, что она очень пригодна для разведенія хлѣбныхъ растеній. Повернувъ на сѣверъ отъ рѣки, мы вскорѣ доѣхали до мѣстности, отличающейся отъ равнинъ съ южной стороны Колорадо. Хотя и тутъ почва была сухая и безплодная, но все-таки на ней росли разные виды растеній, и трава, несмотря на бурый поблекшій видъ, была густая, между тѣмъ какъ все рѣже и рѣже попадались колючіе кусты. Они вскорѣ совсѣмъ прекратились, и передъ нашими глазами потянулись совершенно голыя равнины. Такая перемѣна растительности обозначаетъ начало большого глинисто-известковаго наноса, идущаго по всему протяженію пампасовъ и покрывающаго гранитныя скалы Банды Оріенталь. Отъ Магелланова пролива до Колорадо, на разстояніи около восьмисотъ миль, поверхность страны состоитъ почти вездѣ изъ гальки; голыши большею частію изъ порфира и по всей вѣроятности происходятъ отъ кордильерскихъ скалъ. Къ сѣверу отъ Колорадо этотъ слой утончается, и голыши встрѣчаются только очень мелкіе. Здѣсь кончается растительность, дающая Патагоніи ея характерную особенность. Проѣхавъ двадцать пять миль, мы очутились передъ широкой полосой песчаныхъ дюнъ, растянувшихся, сколько видно глазу, на востокъ и на западъ. Такъ какъ песчаные холмы опираются на глинистую почву, то здѣсь въ углубленіяхъ почвы образуются небольшіе водоёмы, которые въ этой сухой странѣ доставляютъ драгоцѣнный запасъ прѣсной воды.

Рѣдко приходитъ въ голову мысль о пользѣ, приносимой пониженіями и повышеніями почвы. На длинномъ переѣздѣ между Ріо-Негро и Колорадо попадаются два жалкихъ ручья благодаря только маленькимъ неровностямъ почвы; безъ нихъ здѣсь не нашлось бы ни капли воды. Полоса песчаныхъ дюнъ тянется почти на восемь миль въ ширину; въ прежнее время она, вѣроятно, служила берегомъ обширнаго лимана, по руслу котораго протекаетъ въ настоящее время рѣка Колорадо. Въ странѣ, гдѣ то и дѣло видишь положительныя доказательства того факта, что поднятіе почвы недавняго происхожденія, нельзя не дѣлать подобныхъ предположеній, хотя бы съ точки зрѣнія одной физической географіи страны. Проѣхавъ песчаную полосу, мы къ вечеру добрались до одной изъ почтовыхъ станцій и, такъ какъ перемѣнныя лошади паслись далеко отъ станціи, мы рѣшили провести здѣсь ночь.

Станціонный домъ построенъ у подошвы горы, имѣющей отъ ста до двухъ сотъ футовъ вышины, что довольно замѣчательно для этой мѣстности. Во главѣ военнаго поста стоялъ лейтенантъ-негръ, родомъ изъ Африки. Къ чести его надо сказать, что на всемъ протяженіи отъ Колорадо до Буэносъ-Айреса мы не встрѣчали ни одного ранчо такого чистаго и благоустроеннаго, какъ домъ этого военнаго поста. Здѣсь имѣлась отдѣльная небольшая комната для пріѣзжихъ; лошадямъ былъ отведенъ дворъ (коралъ), обнесенный прутьями и тростникомъ. Для защиты на случай нападенія индѣйцевъ кругомъ всего ранчо была вырыта канава. Конечно, такая защита оказалась бы безполезной, если бъ индѣйцы въ самомъ дѣлѣ напали на постъ, но командира, повидимому, болѣе всего утѣшала мысль, что онъ не иначе какъ за дорогую цѣну

отдастъ свою жизнь. Незадолго передъ этимъ партія индѣйцевъ, какъ говорили намъ, проходила ночью мимо поста, и, замѣть они его то, конечно, нашъ черный пріятель и его четыре солдата были бы перебиты. Я нигдѣ не встрѣчалъ болѣе вѣжливаго и услужливаго человѣка, чѣмъ этотъ негръ; тѣмъ болѣе меня огорчало то, что онъ не хотѣлъ ни садиться при насъ, ни ѣсть вмѣстѣ съ нами.

Рано утромъ мы послали за лошадьми и весело поскакали въ дальнѣйшій путь. Мы проѣхали Кабеса-дель-Буэй, какъ называлось въ старину начало большого болота, идущаго отъ Багіа-Бланка. Здѣсь мы перемѣняли лошадей и проѣхали нѣсколько миль по трясинамъ и солончакамъ. Взявъ въ послѣдній разъ новую смѣну лошадей, мы снова въѣхали въ грязь. У меня упала лошадь, и я весь окунулся въ черную тину, что весьма непріятно, когда нѣтъ подъ руками перемѣны чистаго платья. За нѣсколько миль отъ форта намъ попался навстрѣчу человѣкъ, сказавшій намъ, что стрѣляли изъ большой пушки, а это обыкновенно служитъ сигналомъ, что индѣйцы близко. Мы немедленно свернули съ дороги и поѣхали по краю болота. Во время погони это лучшее средство спасенія. Мы очень обрадовались, доѣхавъ до форта, гдѣ узнали, что тревога наша была напрасная, такъ какъ индѣйцы оказались изъ дружественнаго племени, ѣхавшаго на соединеніе съ войскомъ генерала Розаса.

Едва ли можно назвать деревней мѣстечко Багіа-Бланка. Все оно состоитъ изъ немногихъ домовъ и казармъ для войска; оно обнесено глубокимъ рвомъ и крѣпостной стѣной. Поселеніе это недавнее (съ 1828 г.) и развивалось оно при тяжелыхъ условіяхъ. Правительство Буэносъ-Айреса несправедливо заняло его путемъ насилія, вмѣсто того чтобы слѣдовать мудрому примѣру испанскихъ вице-королей, покупавшихъ у индѣйцевъ землю вблизи отъ прежнихъ поселеній на Ріо-Негро. Вслѣдствіе такого насильственнаго захвата пришлось укрѣпляться на посту; кромѣ того поселокъ за стѣнами, а также воздѣланныя поля не могли развиться въ достаточной степени. Даже пасущіяся стада не обезпечены отъ нападеній индѣйцевъ за границей долины, на которой стоитъ крѣпость.

Такъ какъ отсюда до гавани, въ которой «Бигль» долженъ былъ бросить якорь, было двадцать пять миль, то я выпросилъ у коменданта проводника и лошадей, намѣреваясь съѣздить узнать, не пришелъ ли корабль. Проѣхавъ зеленую равнину, тянувшуюся по берегу маленькаго ручья, мы вскорѣ добрались до пустыннаго пространства, состоявшаго изъ песка, солончаковъ или просто изъ грязи. Нѣкоторыя мѣста поросли низкими кустарниками, а въ другихъ встрѣчались тѣ сочныя растенія, которыми изобилуютъ мѣста, богатыя солью. Какъ ни плоха была эта мѣстность, но въ ней попадалось много страусовъ, оленей, агути и броненосцевъ.

Проводникъ мой разсказывалъ мнѣ, что за два мѣсяца передъ этимъ ему съ трудомъ удалось уйти живымъ отсюда: онъ охотился неподалеку отъ этого мѣста съ двумя товарищами, какъ вдругъ они наткнулись на партію индѣйцевъ, которые погнались за ними и, настигнувъ ихъ, убили обоихъ друзей моего проводника. Индѣйцы успѣли накинуть боласъ на его лошадь, запутавъ ей ноги шарами, но онъ соскочилъ съ лошади, ножомъ перерѣзалъ ремни и освободилъ ее такимъ образомъ; при этомъ ему надо было укрываться за лошадью, во время чего онъ получилъ двѣ тяжелыя раны отъ индѣйскихъ чузо (копій). Вскочивъ въ сѣдло, онъ сумѣлъ, благодаря необыкновеннымъ усиліямъ, укрыться отъ длинныхъ копій преслѣдователей, которые не отставали отъ него вплоть до

крѣпости. Съ этихъ поръ былъ изданъ приказъ, чтобы никто не удалялся отъ поселка.

При отъѣздѣ съ поста я ничего объ этомъ не зналъ и былъ удивленъ, когда замѣтилъ, какъ зорко мой проводникъ вглядывался въ оленя, котораго какъ будто спугнули съ дальняго мѣста.

Мы узнали въ гавани, что «Бигль» еще не приходилъ. Тогда мы отправились обратно, но, такъ какъ лошади были утомлены, мы должны были заночевать посреди равнины. Утромъ мы поймали броненосца; хотя изъ него получается прекрасное блюдо, если его зажарить въ его панцырѣ, тѣмъ не менѣе для двухъ голодныхъ людей этой пищи было недостаточно на завтракъ. Почва была покрыта кристаллами сѣрнокислаго натра въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы останавливались на ночь; слѣдовательно здѣсь не могло быть воды. Однако, несмотря на это, даже здѣсь умудрялись существовать нѣкоторые мелкіе грызуны; маленькій тукутуко издавалъ свой странный хрюкающій звукъ подъ самой головой моей въ продолженіе половины ночи. Лошади у насъ были очень плохія и утромъ скоро выбились изъ силъ, потому что нечѣмъ было ихъ напоить, такъ что мы были принуждены идти пѣшкомъ. Около полудня собаки поймали олененка, котораго мы зажарили. Я поѣлъ, но отъ этого у меня сдѣлалась нестерпимая жажда. Тѣмъ мучительнѣе было ощущеніе жажды, что на дорогѣ отъ недавнихъ дождей стояло много лужъ съ прозрачной водой, которой, однако, нельзя было взять въ ротъ. Прошло не болѣе двадцати часовъ съ тѣхъ поръ, какъ я не пилъ воды, и только часть этого времени мы пробыли подъ палящими лучами солнца, и все-таки я совершенно ослабѣлъ отъ жажды. Какъ могутъ люди прожить два, три-дня въ такихъ условіяхъ, я не могу себѣ представить, хотя я долженъ признаться, что мой проводникъ не испытывалъ никакого страданія и даже удивлялся тому, что лишеніе воды въ теченіе одного дня могло до того обезпокоить меня.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ о томъ, что на поверхности почвы здѣсь бываютъ соляныя инкрустаціи. Явленіе это совершенно различно отъ того, что встрѣчается на соляныхъ озерахъ, и гораздо болѣе замѣчательно. Такіе же налеты бываютъ во многихъ мѣстахъ Южной Америки, тамъ, гдѣ климатъ умѣренно сухой, но нигдѣ я не видалъ ихъ въ такомъ большомъ количествѣ, какъ около Багіа-Бланка. Соляные кристаллы состоятъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Патагоніи изъ сѣрнокислаго натра съ примѣсью обыкновенной соли. Пока почва остается влажной въ этихъ солончакахъ (испанцы неправильно называютъ ихъ salitrales, принимая кристаллы соли за селитру), вся обширная равнина представляетъ изъ себя сплошную площадь черной илистой земли съ разбросанными по ней кучками сочныхъ растеній. Если же вернешься на тѣ же мѣста послѣ недѣли жаркой погоды, то съ удивленіемъ увидишь передъ собой цѣлыя квадратныя мили равнины совсѣмъ бѣлыя, точно подъ легкой пеленой снѣга, мѣстами сметеннаго вѣтромъ въ небольшіе сугробы. Послѣднее обстоятельство зависитъ отъ того, что соль, при медленномъ испареніи влаги, остается на листьяхъ засохшихъ растеній, на кускахъ дерева и на комьяхъ земли, вмѣсто того чтобы осѣдать на днѣ лужъ. Солончаки встрѣчаются или на ровныхъ мѣстахъ, возвышающихся надъ уровнемъ моря только на нѣсколько футовъ, или же на заливныхъ лугахъ, по берегамъ рѣкъ. Г. Паршаппъ [1]) нашелъ, что соляные налеты на равнинѣ въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ моря со-

[1]) Voyage dans l'Amerique Merid., par M. A. d'Orbigny. Part. Hist.

стоятъ преимущественно изъ сѣрнокислаго натра съ примѣсью только семи процентовъ поваренной соли, между тѣмъ какъ процентъ этой соли повышался до 37 ближе къ морскому берегу. Можно предположить, судя по этому обстоятельству, что сѣрнокислый натръ образуется въ почвѣ изъ хлористыхъ соединеній, которыя остались на поверхности во время медленнаго и недавняго поднятія этой сухой страны надъ уровнемъ моря,—явленіе вполнѣ достойное вниманія натуралистовъ. Не имѣютъ ли сочныя растенія, присущія солончакамъ и, какъ извѣстно, заключающія въ себѣ много натра, свойства разлагать хлористыя соединенія? Не даетъ ли сѣру и даже сѣрную кислоту черная зловонная грязь, изобилующая органическими веществами?

Два дня спустя я опять поѣхалъ къ гавани; когда мы были уже близки къ цѣли нашей поѣздки, мой спутникъ, все тотъ же проводникъ, замѣтилъ трехъ охотящихся всадниковъ. Онъ тотчасъ слѣзъ съ лошади и, пристально всмотрѣвшись въ охотниковъ, сказалъ: «Они ѣздятъ верхомъ не по-христіански; кромѣ того, изъ крѣпости никто не смѣетъ отлучаться». Три охотника съѣхались вмѣстѣ и тоже слѣзли съ лошадей. Наконецъ одинъ изъ нихъ сѣлъ снова на лошадь и скрылся за холмомъ. Тогда мой спутникъ сказалъ мнѣ:

— Намъ тоже надо садиться на своихъ лошадей; зарядите вашъ пистолетъ. Съ этими словами онъ осмотрѣлъ свою саблю. Я спросилъ: «это индѣйцы?». «Quien sabe» (кто знаетъ)? «Если ихъ только трое, то это ничего не значитъ». Мнѣ пришло на умъ, что, всадникъ, исчезнувшій за горой, отправился созывать остальныхъ индѣйцевъ своего племени. Я сообщилъ спутнику свое предположеніе, но единственнымъ отвѣтомъ его были слова: «Quien sabe?» (кто знаетъ?). Онъ ни на минуту не переставалъ зорко приглядываться къ отдаленному горизонту. Я отнесся къ его необычайному спокойствію, какъ къ слишкомъ странной шуткѣ и спросилъ, почему же онъ не поворачиваетъ домой? Отвѣтъ его изумилъ меня: «Мы и то возвращаемся», сказалъ онъ, «но беремъ направленіе по сосѣдству съ болотомъ, въ которое мы можемъ, въ случаѣ надобности, загнать лошадей, насколько почва выдержитъ ихъ, а потомъ ужъ довѣримся собственнымъ ногамъ, такъ что опасности нѣтъ никакой». Я не очень довѣрялъ его словамъ и хотѣлъ ускорить ходъ лошади. Онъ сказалъ на это: «Нѣтъ, нельзя, пока они не пустятъ своихъ лошадей вскачъ». Всякій разъ, что мы скрывались за неровностію почвы, мы пускались въ галопъ, но на открытыхъ мѣстахъ продолжали ѣхать щагомъ. Наконецъ, мы доѣхали до лощины и, повернувъ влѣво, помчались къ подножію горы; проводникъ далъ мнѣ держать свою лошадь, велѣлъ собакамъ смирно лежать на землѣ, а самъ на четверенькахъ поползъ, чтобы произвести развѣдки. Онъ нѣсколько времени пробылъ въ этомъ положеніи, но, наконецъ, разразился хохотомъ, воскликнувъ: «Mugeres» (женщины). Онъ узналъ во всадникахъ, напугавшихъ насъ, жену и свояченицу сына майора. Онѣ охотились за страусовыми яйцами.

Я описалъ этотъ случай съ проводникомъ, потому что поступокъ его былъ слѣдствіемъ полной его увѣренности въ томъ, что за нами гонятся индѣйцы. Увидавъ свою смѣшную ошибку, онъ сталъ приводить сотни причинъ, вслѣдствіе которыхъ видѣнные всадники никакъ не могли быть индѣйцами, но подъ вліяніемъ страха ни одна изъ этихъ причинъ не приходила ему въ голову. Послѣ нашего переполоха мы продолжали путь преспокойно до плоскаго мыса, извѣстнаго подъ именемъ Пунта-Альта, откуда мы могли видѣть всю обширную гавань Багія-Бланка.

Широкое водное пространство перерѣзано многочисленными отмелями

грязи, которыя жителями называются cangrejales, или *краббыми садками*, потому что на нихъ водится множество мелкихъ краббовъ. Грязь на этихъ отмеляхъ такъ мягка, что ходить по ней невозможно, даже на самомъ коротқомъ разстояніи. По краямъ растутъ высокіе камыши, и во время прилива видны надъ водой однѣ верхушки этихъ камышей. Катаясь разъ на лодкѣ между отмелями, мы такъ запутались въ камышахъ, что намъ съ трудомъ удалось выбраться отсюда. Ничего не было видно, кромѣ плоскихъ отмелей грязи; день былъ не совсѣмъ ясный и отъ сильнаго преломленія лучей происходило то, что моряки опредѣляютъ слѣдующими словами: «Все повысилось». Единственный предметъ, сохранившій свое обычное мѣсто, былъ горизонтъ; камыши походили на кусты, висѣвшіе въ воздухѣ безъ всякой поддержки; вода казалась грязной отмелью, а грязныя отмели производили впечатлѣніе воды.

Мы переночевали въ Пунта-Альта и я занялся отыскиваніемъ ископаемыхъ костей, такъ какъ мысъ этотъ—настоящая могила вымершихъ чудовищъ. Вечеръ былъ совершенно тихій и ясный; чрезвычайное однообразіе вида придавало ему извѣстный интересъ, несмотря на отмели грязи, на чаекъ, на песчаные холмы и на одинокихъ хищныхъ грифовъ. Возвращаясь утромъ съ экскурсіи, мы напали на свѣжій слѣдъ пумы, но намъ не удалось найти самого звѣря. Видѣли мы еще парочку Zorillos, или вонючекъ, отвратительныхъ животныхъ, которыхъ здѣсь водится очень много. Общимъ видомъ вонючка напоминаетъ хорька, но она нѣсколько больше и гораздо толще его. Сознавая свою силу, она спокойно бродитъ по открытой равнинѣ и не боится ни человѣка, ни собакъ. Если собаку натравятъ на вонючку, вся храбрость собаки пропадаетъ отъ запаха нѣсколькихъ капель зловонной жидкости, выпущенной вонючкой, потому что запахъ этотъ брасается въ носъ и вызываетъ сильную тошноту. Всякій предметъ, который хоть разъ будетъ запачканъ жидкостью вонючки, становится навсегда негоднымъ. Азара говоритъ, что запахъ отъ вонючки слышенъ за цѣлую милю. Не разъ при входѣ въ гавань Монте-Видео, если вѣтеръ дулъ съ берега, мы ощущали его на палубѣ нашего корабля. Вѣрно то, что каждое животное охотно сторонится отъ вонючки.

ГЛАВА V.

Багіа-Бланка.

Багіа-Бланка. Геологія. Множество исполинскихъ вымершихъ млекопитающихъ. Недавнее ихъ исчезновеніе. Долговѣчность видовъ. Большія животныя не нуждаются въ роскошной растительности. Южная Африка. Сибирскія ископаемыя животныя. Два вида страуса. Нравы Tinochorus. Броненосцы, ядовитая змѣя, жаба и ящерица. Зимняя спячка животныхъ. Нравы морского пера. Войны съ индѣйцами и рѣзня. Наконечникъ стрѣлы, драгоцѣнный остатокъ древности.

«Бигль» прибылъ сюда 24-го августа и, недѣлю спустя, отплылъ къ Ла-Платѣ. Капитанъ Фицъ-Рой согласился оставить меня въ Багіа-Бланка съ тѣмъ, чтобы я продолжалъ путешествіе сухимъ путемъ до Буэносъ-Айреса. Приведу нѣсколько наблюденій, сдѣланныхъ мною во время этого посѣщенія Багіа-Бланка, а также и ранѣе, когда «Бигль» былъ занятъ изслѣдованіемъ гавани.

На разстояніи нѣсколькихъ миль отъ берега равнина принадлежитъ къ большой формаціи пампасовъ, которая частью состоитъ изъ красно-

ватой глины, а частію изъ чрезвычайно богатыхъ известью породъ мергеля. Ближе къ берегу находятся равнины, покрытыя слоемъ, образовавшимся изъ обломковъ верхней равнины, а также изъ грязи, гравія и песка, которые были выброшены моремъ во время медленнаго поднятія страны. Объ этомъ поднятіи свидѣтельствуютъ недавно образовавшіеся слои раковинъ и круглыя гальки изъ пемзы, разсыпанные по всей странѣ. Въ Пунта-Альпа находится разрѣзъ одной изъ этихъ равнинъ новѣйшей формаціи, которая замѣчательна по количеству и необычайному характеру остатковъ исполинскихъ животныхъ, зарытыхъ въ почвѣ. Профессоръ Оуэнъ описалъ въ зоологическомъ отдѣлѣ путешествія на кораблѣ «Бигль» эти остатки, которые находятся въ Коллегіи Хирурговъ.

Во-первыхъ, имѣются части трехъ череповъ и другія кости мегатерія (Megatherium), названіе котораго свидѣтельствуетъ о его огромныхъ размѣрахъ. Во-вторыхъ, Megalonyx большое, животное, родственное первому. Въ третьихъ, Scelidotherium, тоже близкое къ двумъ первымъ животное; отъ него я досталъ почти полный скелетъ. Оно должно было быть ростомъ съ носорога; строеніемъ головы оно болѣе всего походитъ, по мнѣнію проф. Оуэна, на капскаго муравьѣда, но въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ оно приближается къ броненосцамъ. Въ-четвертыхъ, Mylodon Darwinii — родъ очень близкій къ предыдущимъ, но меньшихъ размѣровъ. Въ-пятыхъ, еще одно исполинское млекопитающее изъ неполнозубыхъ. Въ-шестыхъ, большое животное съ покровомъ изъ костяныхъ пластинокъ; этотъ покровъ очень похожъ на панцырь броненосца. Въ-седьмыхъ, вымершій видъ лошади, къ которому я еще вернусь впослѣдствіи. Въ-восьмыхъ, зубъ толстокожаго, вѣроятно, одного рода съ Macrauchenia, огромнаго животнаго съ длинной шеей, какъ у верблюда; о немъ я тоже буду говорить потомъ. Наконецъ, Toxodon, едва ли не самое странное изъ когда-либо открытыхъ животныхъ: по величинѣ оно равняется слону или мегатерію, но устройство его зубовъ, по мнѣнію г. Оуэна, безпорно доказываетъ его близкое родство съ грызунами, отрядомъ, включающимъ въ настоящее время, большую часть мельчайшихъ млекопитающихъ; по многимъ особенностями, оно приближается къ толстокожимъ: судя по положенію его глазъ, ушей и ноздрей оно вѣрно, было когда-то животнымъ воднымъ, какъ дюгонь и ламантинъ, съ которыми онъ тоже въ родствѣ. Удивительно, что различные отряды, представляющіеся теперь совсѣмъ самостоятельными, находятся соединенными въ различныхъ частяхъ тѣла одного такого животнаго какъ Toxodon!

Остатки этихъ девяти огромныхъ млекопитающихъ и много отдѣльныхъ костей были найдены занесенными пескомъ на берегу, на протяженіи какихъ-нибудь 200 кв. ярдовъ. Замѣчательно, сколько различныхъ видовъ находятся на одномъ и томъ же мѣстѣ; изъ этого обстоятельства можно видѣть какъ многочисленны и разнообразны были древніе обитатели этой страны. На разстояніи около тридцати миль отъ Пунта-Альта я нашелъ въ скалѣ изъ красной земли обломки костей; нѣкоторые изъ нихъ были большихъ размѣровъ. Между ними находились зубы грызуна одинаковаго размѣра и очень сходные съ зубами морской свинки, нравы которой описаны выше; поэтому надо предполагать, что и грызунъ этотъ былъ водянымъ животнымъ. Еще найдена мной часть головы Ctenomys; видъ этотъ отличается отъ тукутуко, хотя имѣетъ близкое сходство въ общихъ чертахъ. Красная земля, подобная почвѣ пампасовъ, съ зарытыми въ ней перечисленными остатками заключаетъ, согласно съ мнѣніемъ проф. Эренберга, восемь видовъ прѣсноводныхъ и одинъ видъ

морскихъ инфузорій, такъ что есть вѣроятіе, что почва эта наносная изъ устьевъ рѣки. Остатки въ Пунта-Альта были зарыты въ слояхъ гравія и красноватой грязи, совершенно такой, какую можетъ нанести море на неглубокія отмели. Кости лежали вмѣстѣ съ двадцатью тремя видами раковинъ; изъ нихъ тринадцать принадлежатъ къ существующимъ теперь формамъ, а четыре другіе вида очень близки къ нимъ; про остальные нельзя навѣрное сказать, какихъ они видовъ: исчезнувшихъ ли, или просто неизвѣстныхъ, потому что на этомъ берегу мало собирали коллекцій раковинъ [1]). Но такъ какъ современныхъ найденныхъ видовъ насчитывается пропорціонально столько же, сколько и нынѣ живущихъ въ бухтѣ, то, я, думаю можно утвердительно сказать, что всѣ эти ископаемыя раковины принадлежатъ къ очень позднему третичному періоду. Судя по костямъ Scelidotherium (включая сюда и колѣнную чашку), которыя всѣ найдены въ своемъ естественномъ взаимномъ положеніи, а также по тому, что такъ хорошо сохранились ножныя кости и панцырь большого животнаго, похожаго на броненосца, мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что эти остатки были еще свѣжи и соединены связками въ то время, когда они были зарыты подъ слоемъ гравія вмѣстѣ со всѣми раковинами. Итакъ, мы имѣемъ положительныя доказательства, что выше перечисленныя исполинскія млекопитающія, отличающіяся отъ нынѣ существующихъ въ большей степени, нежели самыя древнія изъ третичныхъ млекопитающихъ Европы, жили въ то время, когда море было уже населено большею частью своихъ теперешнихъ обитателей, и мы можемъ подтвердить замѣчательный законъ, на которомъ такъ часто настаиваетъ г. Лайэлль,—а именно, что «долговѣчность видовъ у млекопитающихъ въ общемъ стоитъ ниже, чѣмъ у testacea» [2]).

Огромные размѣры костей мегатероидовъ, включая сюда Megatherium, Megalonyx, Scelidotherium и Mylodon, въ самомъ дѣлѣ удивительны. Образъ жизни этихъ животныхъ оставался полнѣйшей загадкой для натуралистовъ, пока проф. Оуэнъ [3]) не разрѣшилъ въ послѣднее время этой загадки съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Зубы указываютъ своимъ простымъ устройствомъ на то, что мегатероиды питались растительной пищей, по всей вѣроятности, листьями и маленькими древесными вѣтками. Ихъ тяжеловѣсныя формы и большіе, сильные, изогнутые когти такъ мало приспособлены къ передвиженію, что нѣкоторые извѣстные натуралисты думали даже, что эти животныя—такъ же какъ и лѣнивцы, съ которыми они состоятъ въ близкомъ родствѣ, лазали по деревьямъ спиной внизъ и питались древесными листьями. Мысль смѣлая, чтобы не сказать несообразная! Какъ предположить, чтобы даже допотопныя деревья имѣли вѣтви достаточно крѣпкія для того, чтобы выдержать тяжесть звѣрей величиной со слоновъ? Проф. Уоэнъ съ гораздо бо́льшимъ вѣроятіемъ полагаетъ, что животныя эти не лазали по деревьямъ, а пригибали къ себѣ вѣтви, или вырывали молодыя деревья съ корнями, питаясь такимъ образомъ листвой. Огромная ширина и тяжесть задней половины ихъ тѣла, которой и представить себѣ нельзя, не видавъ костей, становятся съ точки зрѣнія проф. Оуэна не препятствіемъ, а большимъ пособіемъ; кажущаяся неуклюжесть животныхъ исчезаетъ. Упираясь въ землю, какъ на треножникъ, своими большими хвостами и огромными ступнями зад-

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ это было написано, А. д'Орбиньи изслѣдовалъ эти раковины и призналъ ихъ всѣхъ за существующія въ настоящее время.

[2]) Principles of Geology, vol. IV, p. 40.

[3]) Эта теорія была впервые развита въ «Zoology of the Voyage of the Beagle», а впослѣдствіе въ статьѣ проф. Оуэна о Mylodon robustus.

нихъ ногъ, они могли примѣнить всю силу переднихъ ногъ и сильныхъ когтей къ добыванію пищи. Крѣпки же были корни тѣхъ деревьевъ, которыя могли противостоять такому напору! Милодонъ, кромѣ того, былъ снабженъ длиннымъ, вытягивающимся языкомъ, какъ языкъ жираффа, который, благодаря этому чудному природному свойству и длинной шеѣ, можетъ доставать свою лиственную пищу. Замѣчу кстати, что въ Абиссиніи, по словамъ Брюса, слонъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не достаетъ хоботомъ вѣтокъ, начинаетъ долбить клыками стволъ дерева со всѣхъ сторонъ, пока не ослабитъ его настолько, чтобы свалить его.

Слои, въ которыхъ находятся упомянутые ископаемые остатки, возвышаются надъ уровнемъ моря только на пятнадцать-двадцать футовъ; поэтому страна немного поднялась съ того времени, какъ эти большія млекопитающія бродили по окружающимъ равнинамъ (развѣ что предположить періодъ осѣданія между періодами возвышенія, на что мы не имѣемъ никакихъ указаній); мы можемъ предположить, что внѣшній характеръ страны былъ тогда почти такой же какъ и теперь. Естественно возникаютъ вопросы: каковъ былъ характеръ растительности въ то время? Была ли и тогда страна такъ ужасно безплодна, какъ теперь? Такъ какъ столькіе виды изъ найденныхъ здѣсь ископаемыхъ раковинъ сходны съ тѣми, которыя и въ настоящее время находятся въ бухтѣ, я вначалѣ склоненъ былъ думать, что прежняя растительность походила на теперешнюю; но такое заключеніе было бы неправильно, потому что нѣкоторыя изъ тѣхъ же раковинъ живутъ на берегахъ Бразиліи, богатыхъ растительностію; да и вообще нельзя опредѣлять свойства земныхъ животныхъ, руководствуясь для этого характеромъ обитателей моря. И все-таки изъ того факта, что на равнинахъ около Багіа-Бланка жили большія млекопитающія, не слѣдуетъ по-моему, заключать, что эти равнины были когда-нибудь одѣты роскошной растительностью; я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что безплодная страна, лежащая немного южнѣе, близъ Ріо-Негро, со своими рѣдкими колючими деревьями можетъ поддерживать существованіе многочисленныхъ крупныхъ млекопитающихъ.

Что большія животныя нуждаются въ богатой растительности думали почти всѣ, и это мнѣніе переходило отъ одного автора къ другому, но я безъ всякихъ колебаній скажу, что оно совсѣмъ ошибочно и извратило взглядъ геологовъ на многіе важные вопросы, связанные съ древней исторіей міра. Индія и индѣйскіе острова, вѣрно, были причиной такого предразсудка. Люди привыкли, по примѣру этихъ странъ, связывать въ своемъ представленіи великолѣпные лѣса и непроходимыя джунгли съ цѣлыми стадами слоновъ. Но если мы обратимся къ любому путешествію по южной Африкѣ, то на каждой страницѣ найдемъ упоминаніе о пустынномъ характерѣ мѣстности и въ то же время—о многочисленности крупныхъ животныхъ, населяющихъ эти пустыни. О томъ же свидѣтельствуетъ и множество рисунковъ, представляющихъ различные виды внутренней Африки. Во время стоянки «Бигля» въ Капштадтѣ я ѣздилъ на нѣсколько дней внутрь страны, и этого путешествія было достаточно, чтобы дать мнѣ болѣе ясное понятіе о томъ, что я раньше читалъ. Д-ръ Андрю Смитъ, который недавно перешелъ тропикъ Козерога во главѣ своей смѣлой экспедиціи, увѣдомилъ меня, что если разсматривать всю южную часть Африки какъ цѣлое, то нельзя сомнѣваться въ безплодности этой страны. Нѣсколько хорошихъ лѣсовъ, правда, встрѣчаются на южномъ берегу, но, за исключеніемъ ихъ, путешественникъ не найдетъ ничего, кромѣ самой бѣдной растительности въ продолженіе нѣсколькихъ дней ѣзды по открытымъ равнинамъ. Трудно дать точное понятіе о сравнительномъ пло-

дородіи въ разныхъ странахъ, но можно безошибочно сказать, что количество растительности, производимое въ любое время [1]) Великобританіей, превосходитъ, можетъ быть, въ десять разъ количество растительности во внутренности южной Африки на одинаковомъ пространствѣ земли.

Болѣе ясное понятіе о бѣдности африканской растительности дастъ слѣдующее обстоятельство: возы запряженные буйволами, могутъ свободно разъѣзжать по всѣмъ направленіямъ, исключая морского побережья, и только иногда имъ приходится останавливаться на полчаса, чтобы вырубить кусты. Если же мы обратимся къ обзору животныхъ, населяющихъ эти пустынныя равнины, то увидимъ, что число ихъ необыкновенно велико и размѣры ихъ громадны. Перечисляя ихъ, назовемъ: слона, три вида носороговъ, а по словамъ доктора Смита, еще два вида бегемота и жираффа, кафрскаго буйвола, который величиной равняется взрослому быку; канна (Bos canna), нѣсколько меньшихъ размѣровъ; два вида зебры и квагги, два вида гну и нѣсколько видовъ антилопъ даже бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ гну. Можно предположить, что хотя видовъ много, но зато особей каждаго вида мало. Благодаря любезности д-ра Смита, я имѣю возможность доказать, что дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Онъ увѣдомляетъ меня, что подъ 24° шир. въ продолженіе одного дня пути на волахъ онъ видѣлъ, не очень отдаляясь въ сторону отъ дороги, отъ ста до полутороста носороговъ, которые принадлежали къ тремъ видамъ. Въ тотъ же день ему попались по дорогѣ нѣсколько группъ жираффъ, въ общемъ не менѣе ста штукъ; хотя онъ не видалъ ни одного слона, но они здѣсь нерѣдко встрѣчаются. Въ разстояніи около часа ѣзды отъ мѣста, гдѣ наканунѣ ночевали товарищи г. Смита, они убили восемь бегемотовъ, а видѣли ихъ гораздо больше. Въ той же рѣкѣ водились и крокодилы. Конечно, такой случай совсѣмъ необыкновенный: рѣдко удается найти въ одномъ мѣстѣ собраніе столькихъ крупныхъ животныхъ, но поэтому можно заключить, что ихъ должно быть здѣсь очень много. Д-ръ Смитъ говоритъ о мѣстности, по которой они проѣзжали въ тотъ день, что «она поросла рѣдкой травой и кустарникомъ около четырехъ футовъ вышины; еще рѣже попадались по дорогѣ мимозовыя деревья». Телѣги ихъ не встрѣчали препятствій и могли ѣхать почти по прямой линіи.

Всякому, хотя нѣсколько знакомому съ естественной исторіей Капской земли, приходилось читать описанія, кромѣ этихъ крупныхъ звѣрей, еще о стадахъ антилопъ, которыя можно сравнить только со стаями перелетныхъ птицъ. Въ самомъ дѣлѣ, количество львовъ, пантеръ, гіенъ и хищныхъ птицъ ясно показываетъ, какъ велико число хищниковъ меньшихъ размѣровъ. Около лагеря д. Смита въ одинъ вечеръ замѣтили до семи львовъ. Какъ говорилъ мнѣ этотъ талантливый натуралистъ, ежедневныя кровопролитія въ южной Африкѣ должны быть ужасны! Признаюсь, что меня крайне изумляетъ какимъ образомъ столь многочисленныя животныя находятъ себѣ пропитаніе въ такой неплодородной странѣ! Большіе четвероногіе, безъ сомнѣнія, обходятъ широкія пустынныя пространства въ поискахъ за пищей и питаются преимущественно молодыми кустарниками, которые, вѣрно, содержатъ много питательныхъ веществъ при маломъ объемѣ. Отъ доктора Смита я равно слышалъ, что растительность въ той мѣстности очень быстро развивается; то, что уходитъ на кормъ, тотчасъ замѣняется новымъ запасомъ пищи. Надо однако сказать, что у насъ безъ сомнѣнія, существуетъ преувеличенное понятіе о томъ, сколько требуется

[1]) Я хочу этимъ сказать, что мною исключается общій приходъ растительности, который могъ въ теченіе даннаго періода постепенно развиваться и потребляться.

питанія для крупныхъ животныхъ. Припомнимъ верблюда, животное довольно большихъ размѣровъ, которое всегда считалось эмблемой пустыни. Мысль, что страна съ крупными млекопитающими должна имѣть богатую растительность тѣмъ страннѣе, что противоположное обстоятельство далеко не вѣрно. Г. Бергель замѣчалъ по поводу Бразиліи, что онъ былъ особенно пораженъ великолѣпной растительностью Южной Америки и отсутствіемъ при этомъ всякихъ крупныхъ млекопитающихъ. Въ своихъ «Путешествіяхъ» [1]) онъ говоритъ, что было бы крайне интересно сравнить (при достаточныхъ для этого данныхъ) относительный вѣсъ равнаго числа крупнѣйшихъ травоядныхъ млекопитающихъ въ Африкѣ и Америкѣ. Трудно представить себѣ отряды звѣрей столь противоположныхъ другъ другу въ отношеніи величины, если мы возьмемъ, съ одной стороны, бегемота, жираффа, слона [2]), кафрскаго буйвола, канну, три, а можетъ быть и пять видовъ носорога; со стороны же Америки возьмемъ два вида тапировъ, гуанако, три вида ланей, вигонь, пекари, морскую свинку (мы должны, для пополненія счета, выбрать одну изъ обезьянъ).

Послѣ всего сказаннаго мы должны придти къ заключенію, противорѣчащему раньше существовавшему мнѣнію,—а именно, что въ средѣ млекопитающихъ не существуетъ тѣснаго отношенія между размѣрами животныхъ и количествомъ растительности въ странахъ, ими обитаемыхъ [3]).

Что касается количества большихъ млекопитающихъ, то, конечно, нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ, которое можно было бы сравнить съ южной Африкой. Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ изслѣдованій не можетъ быть спора о чрезвычайно пустынномъ характерѣ этой страны. Въ Европѣ мы должны обратить взоры къ третичному періоду, чтобы найти между млекопитающими условія, похожія на тѣ, въ которыхъ они находятся въ настоящее время на мысѣ Доброй Надежды.

Мы склонны приписывать этимъ третичнымъ періодамъ необычайное изобиліе крупныхъ животныхъ, потому что мы находимъ въ извѣстныхъ мѣстахъ скопленіе остатковъ отъ различныхъ временъ, но врядъ ли третичные періоды отличались млекопитающими большихъ размѣровъ противъ того, что мы видимъ въ южной Африкѣ, въ настоящее время. Дѣлая предположенія о томъ, какая растительность была въ тѣ эпохи, мы должны, по крайней мѣрѣ, брать настолько въ соображеніе аналогію съ существующимъ порядкомъ, чтобы не настаивать на необходимости

---

[1]) Travels in the interior of South Africa, vol. II, p. 207.

[2]) Слонъ, убитый въ Exeter Change, вѣсилъ (онъ былъ взвѣшенъ по частямъ) до пяти съ половиною тоннъ. Мнѣ сообщили, что самка слона вѣситъ одной тонной меньше, такъ что можно принять средній вѣсъ взрослаго слона въ пять тоннъ. Мнѣ говорили въ Surrey Gardens, что бегемотъ, который былъ присланъ въ Англію разрѣзаннымъ на куски, вѣсилъ три съ половиною тонны, скажемъ, для круглаго счета, три тонны. Согласно съ этими цифрами мы можемъ опредѣлить вѣсъ каждаго изъ пяти носороговъ въ три съ половиною тонны, вѣсъ жираффа—въ одну тонну, вѣсъ кафрскаго буйвола—въ полтонны и во столько же—вѣсъ канны (большой быкъ вѣситъ отъ 1200 до 1500 ф.). Вышеприведенныя цифры даютъ въ среднемъ 2,7 тонны для каждаго изъ большихъ травоядныхъ млекопитающихъ южной Африки, для Южной Америки будетъ: 1200 ф. въ обоихъ тапирахъ, взятыхъ вмѣстѣ, 550 ф. въ гуанако и вигони, 500 ф. въ 3 ланяхъ, 300 ф. въ рѣчной свинкѣ, пекари и въ одной обезьянѣ. Средняя цифра здѣсь получится 250 ф., при чемъ я думаю, что она все-таки преувеличена. Итакъ, отношеніе будетъ: 6048 : 250, или 24 : 1, для 10 самыхъ большихъ животныхъ обоихъ материковъ.

[3]) Если мы предположимъ, что найденъ будетъ остовъ кита въ то время, когда на землѣ не останется ни одного китообразнаго, какой натуралистъ отважется сдѣлать предположеніе о возможности поддержанія жизни въ столь огромномъ тѣлѣ при помощи крошечныхъ раковъ и моллюсковъ, живущихъ въ холодныхъ моряхъ крайняго сѣвера?

богатой растительности, когда мы сейчасъ видимъ совершенно иныя условія на мысѣ Доброй Надежды. Мы знаемъ [1]), что въ крайнихъ предѣлахъ Сѣверной Америки, много градусовъ дальше той границы, за которой земля остается круглый годъ замерзшей на нѣсколько футовъ въ глубину, находятся лѣса большихъ, высокихъ деревьевъ. Точно такъ же и въ Сибири мы видимъ лѣса изъ березы, ели, осины и лиственницы подъ широтою (64°) [2]), гдѣ средняя температура ниже точки замерзанія и, гдѣ земля настолько промерзаетъ, что зарытыя въ ней тѣла животныхъ вполнѣ сохранились. Въ виду этихъ фактовъ, надо допустить, по крайней мѣрѣ относительно *количества* растительности, что крупныя млекопитающія третичныхъ періодовъ могли жить въ большей части Европы и Азіи на мѣстахъ, въ которыхъ теперь находятъ ихъ остатки. Я не говорю о *качествѣ* растительности нужномъ для поддержанія ихъ существованія, такъ какъ есть признаки физическихъ перемѣнъ, да и животныя сами исчезли съ лица земли, то, слѣдовательно, мы можемъ предположить, что и виды растеній тоже измѣнились.

Прибавлю однако, что эти замѣчанія прямо касаются только сибирскихъ животныхъ, сохранившихся во льду. Твердое убѣжденіе въ томъ, что богатая тропическая растительность необходима для поддержанія жизни такихъ крупныхъ животныхъ и, съ другой стороны, невозможность согласовать это обстоятельство съ близостію постояннаго замерзанія были однѣми изъ главныхъ причинъ, создавшихъ различныя теоріи о внезапныхъ климатическихъ переворотахъ и о разрушительныхъ катастрофахъ, теоріи, которыя были изобрѣтены, чтобы объяснить присутствіе остатковъ животныхъ. Я далекъ однако отъ мысли, что климатъ не измѣнился съ тѣхъ поръ какъ жили животныя, погребенныя теперь во льду. Въ настоящее время я хочу указать на то, что, по отношенію только къ количеству пищи, древніе носороги могли бы и теперь находить себѣ пропитаніе въ степяхъ средней Сибири (сѣверная часть находилась, вѣроятно, подъ водою), точно такъ же, какъ находятъ себѣ пищу въ *Карросахъ* (Karros) южной Африки живущіе тамъ въ настоящее время слоны и носороги.

Перехожу къ описанію нравовъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ интересныхъ птицъ, наиболѣе распространенныхъ въ дикихъ равнинахъ сѣверной Патагоніи; начну съ самой крупной изъ нихъ, съ южно-американскаго страуса. Каждому извѣстны обыкновенныя черты изъ жизни страусовъ. Они питаются растительными веществами, травой и кореньями; но въ Багіа-Бланка я часто видѣлъ трехъ-четырехъ страусовъ, приходившихъ во время отлива на обширныя отмели, покрытыя иломъ, которыя были тогда сухи, чтобы, какъ говорятъ гаучосы, поѣсть мелкой рыбы. Гаучосы и индѣйцы безъ особаго труда ловятъ страусовъ своими болас-ами, несмотря на то, что эти птицы такъ осторожны и дики, такъ любятъ уединеніе и такъ быстро бѣгаютъ. Если страуса оцѣпятъ всадники полукругомъ, то онъ теряется и не знаетъ, въ какую сторону бѣжать. Страусы вообще предпочитаютъ бѣжать противъ вѣтра; но, отпра-

---

[1]) См. Zoological remarks to Capt. Back's expedition by Dr. Richardson. Подпочва къ сѣверу отъ 56° шир. бываетъ всегда замерзшею; земля оттаиваетъ только на три фута въ глубину, а близъ Медвѣжьяго озера (64° шир.) не больше какъ на 20 дюймовъ. Замерзшій подслойникъ не мѣшаетъ самъ по себѣ растительности, потому лѣса процвѣтаютъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега.

[2]) См. Humboldt, Fragmens Asiatiques p. 386; Barton's Geography of Plants; и Malte Brun. Въ послѣднемъ сочиненіи сказано, что границей древесной растительности въ Сибири можно считать параллель 70°.

вляясь въ путь, они съ мѣста непремѣнно распускаютъ крылья и, подобно кораблю, бѣгутъ на всѣхъ парусахъ. Разъ въ одинъ прекрасный жаркій день я видѣлъ, какъ нѣсколько страусовъ забрались въ высокій камышъ и прятались въ немъ, пока я не подошелъ къ нимъ совсѣмъ близко. Всѣ знаютъ, что страусы охотно плаваютъ. Отъ г. Кинга я слышалъ, что въ заливѣ Санъ-Бласъ и въ портѣ Валдесѣ, въ Патагоніи, онъ нѣсколько разъ видѣлъ страусовъ, переплывавшихъ съ острова на островъ. Если ихъ старались пригнать къ мысу, они бросались въ воду, но то же дѣлали и по своей охотѣ, когда ихъ никто не пугалъ. Разстояніе, переплываемое ими, достигало двухъ сотъ ярдовъ. Въ то же время, какъ они плывутъ, надъ водой видна только незначительная часть ихъ тѣла; они вытягиваютъ шею впередъ и очень медленно двигаются. Мнѣ случилось раза два видѣть страусовъ, переплывавшихъ рѣку Санта-Крусъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она имѣетъ около четырехсотъ ярдовъ ширины и гдѣ теченіе очень быстрое. Капитанъ Стертъ [1]), спускаясь внизъ по теченію Моромбиджи, въ Австраліи, видѣлъ двухъ плававшихъ эму.

Мѣстные жители легко отличаютъ, даже на разстояніи, самца страуса отъ самки. Самецъ больше; перья у него темнѣе и голова больше [1]). Страусъ, я думаю самецъ, издаетъ странный, низкій, свистящій звукъ: когда я услыхалъ его въ первый разъ, стоя между песчаными холмами, мнѣ показалось, что кричитъ какой-то дикій звѣрь. Звукъ этотъ таковъ, что нельзя сказать откуда онъ, съ какого разстоянія. Во время нашей стоянки въ Багіа-Бланкѣ въ сентябрѣ и октябрѣ, огромное количество страусовыхъ яицъ было разбросано по всей окрестности. Яйца находятся или по одиночкѣ, и въ этихъ случаяхъ они, по словамъ гаучосовъ, никогда не высиживаются и называются huachos, или же яйца бываютъ сложены вмѣстѣ въ мелкія ямы, замѣняющія гнѣзда. Изъ четырехъ гнѣздъ, видѣнныхъ мною, три имѣли по двадцать два яйца, а въ четвертомъ находилось двадцать семь яицъ. Въ продолженіе одного дня охоты верхомъ мы нашли до шестидесяти четырехъ яицъ. Сорокъ четыре изъ нихъ лежали въ двухъ гнѣздахъ, остальныя двадцать были найдены разбросанными: это были huachos, т.-е. яйца, которыхъ не собирались высиживать. Гаучосы увѣряютъ—и нѣтъ причины сомнѣваться въ ихъ словахъ,—что высиживаетъ яйца самецъ; онъ же водитъ потомъ птенцовъ. Самецъ плотно прижимается къ землѣ, сидя на яйцахъ; я самъ разъ едва не наѣхалъ на него. Говорятъ, что въ это время страусы бываютъ свирѣпы и даже опасны; были случаи, что страусы, сидѣвшіе на яйцахъ, нападали на всадника, стараясь вскочить на него и ударить ногой. Человѣкъ, отъ котораго я слышалъ это, показывалъ мнѣ одного старика, напуганнаго преслѣдовавшимъ его страусомъ.

Въ путешествіи Бёрчелля по южной Африкѣ я прочелъ слѣдующее замѣчаніе: «убивъ страуса-самца и увидавъ, что его перья запачканы, я узналъ отъ готтентотовъ, что эта птица сидѣла на яйцахъ».

Я слышалъ тоже, что самецъ эму въ зоологическомъ саду занимается высиживаніемъ яицъ, такъ что эта черта нравовъ присуща всей семьѣ.

Гаучосы единогласно увѣряютъ, что нѣсколько самокъ кладутъ яйца въ одно гнѣздо. Мнѣ рѣшительно утверждали, что четыре или пять самокъ были замѣчены въ полдень, отправлявшимися одна за другой въ то же гнѣздо. Я могу прибавить, что и въ Африкѣ существуетъ

---

1) Strut's Travels, vol. II, p. 74.

2) Одинъ гаучо увѣрялъ меня, что видѣлъ разъ снѣжно-бѣлаго страуса, альбиноса, и что это была необыкновенно красивая птица.

мнѣніе, будто парочка или нѣсколько самокъ кладутъ яйца въ одно гнѣздо [1]). Подобная черта нравовъ представляется сначала весьма странной, но, мнѣ кажется, что ее можно просто объяснить. Число яицъ въ гнѣздѣ колеблется между двадцатью и сорока, а иногда и пятидесятью; по словамъ Азары, оно доходитъ и до семидесяти или восьмидесяти.

Судя по тому, что въ одномъ мѣстѣ находится такое большое количество яицъ сравнительно съ числомъ птицъ, а также судя по устройству яичниковъ у самокъ, можно предположить, что самка въ теченіе одного сезона кладетъ много яицъ, но для этого требуется длинный періодъ времени. Азара говоритъ [2]), что одна самка въ домашнемъ состояніи снесла семнадцать яицъ съ трехдневными промежутками между каждой новой ноской. Если бъ самкѣ приходилось самой высиживать свои яйца, первыя превратились бы въ болтуновъ, пока она снесла бы послѣднія; но если каждая самка кладетъ въ извѣстный промежутокъ времени по нѣскольку яицъ въ разныя гнѣзда и притомъ, какъ увѣряютъ, нѣсколько самокъ соединяются для этой цѣли, то яйца въ каждомъ гнѣздѣ будутъ приблизительно одного возраста.

Если среднимъ числомъ количество яицъ въ одномъ гнѣздѣ не превышаетъ, какъ я думаю, то число яицъ, которое каждая самка кладетъ въ сезонъ несенія, то гнѣздъ должно быть столько же, сколько самокъ, и каждый самецъ получитъ свою справедливую долю въ трудѣ высиживанія въ такое время, когда самки, вѣроятно, не могли бы сидѣть на яйцахъ, не переставъ еще нести ихъ [3]). Я уже говорилъ о большомъ количествѣ брошеныхъ яицъ; на одинъ день охоты ихъ пришлось до двадцати штукъ. Страннымъ представляется тотъ фактъ, что столько яицъ пропадаетъ. Не зависитъ ли онъ отъ того, что нѣсколькимъ самкамъ трудно соединиться для высиживанія яицъ и найти самца, согласнаго дѣлить съ ними этотъ трудъ?

Очевидно, что сначала необходимо соединиться между собою по крайней мѣрѣ двумъ самкамъ, иначе яйца оставались бы разбросанными по обширнымъ равнинамъ на слишкомъ большомъ другъ отъ друга разстояніи, чтобы самцы могли ихъ собирать въ одно гнѣздо. Нѣкоторые писатели полагали, что разбросанныя яйца предназначены въ пищу молодымъ птенцамъ. Едва ли такое предположеніе возможно въ Америкѣ, такъ какъ huachos или брошенныя яйца встрѣчаются здѣсь почти всегда цѣлыми, хотя они портятся и становятся болтунами. Во время моего посѣщенія Рio-Негро въ сѣверной Патагоніи я часто слышалъ отъ гаучосовъ о чрезвычайно рѣдкой птицѣ, которую они называли Avestruz Petise. Они описывали ее какъ птицу меньшаго роста нежели обыкновенный страусъ (водящійся тамъ въ большомъ количествѣ), но очень на него въ общемъ похожую. По словамъ ихъ эта птица темнаго цвѣта съ крапомъ, а ноги у нея короче и перья на нихъ расположены ниже, чѣмъ у обыкновеннаго страуса. Ее ловятъ боласомъ легче чѣмъ другой видъ. Тѣ немногіе жители, которымъ случалось видѣть оба вида, утверждаютъ, что они даже издали могли отличить одинъ видъ отъ дру-

---

[1]) Burchell's Travels, vol. I, p. 280.

[2]) Azara, vol. IV, p. 173.

[3]) Впрочемъ Лихтенштейнъ утверждаетъ (Travels, vol. II, p. 25), что самки садятся на яйца, послѣ того какъ снесутъ десять или двѣнадцать штукъ, продолжаютъ же онѣ нестись въ другое гнѣздо. Мнѣ это кажется очень невѣроятнымъ. Лихтенштейнъ говоритъ еще, что 4 и 5 самокъ соединяются съ однимъ самцомъ для высиживанія, при чемъ самецъ сидитъ только по ночамъ.

гого. Яйца этого меньшаго вида, кажется, болѣе общеизвѣстны; къ удивленію было замѣчено, что эти яйца только незначительно меньше яицъ Rhea, но они нѣсколько иной формы и съ легкимъ голубымъ оттѣнкомъ. Видъ этотъ очень рѣдко встрѣчается на равнинахъ по берегамъ Рio-Негро, зато на полтора градуса южнѣе онъ довольно распространенъ. Однажды въ Портъ Дезире, въ Патагоніи (48° шир.), г. Мартенсъ убилъ страуса, и я смотрѣлъ на него, совершенно забывъ въ ту минуту, самъ не знаю какъ, все, что было говорено о Petise. Я принялъ этотъ экземпляръ за обыкновеннаго молодого страуса. Его исжарили и съѣли прежде чѣмъ я успѣлъ вспомнить о меньшемъ видѣ страусовъ. По счастью однако сохранились голова, шея, ноги, крылья, нѣсколько большихъ перьевъ и большая часть шкурки. Изъ этихъ остатковъ удалось собрать почти совершенный экземпляръ, который выставленъ въ музеѣ Зоологическаго Общества. Г. Гульдъ, описывая этотъ видъ, сдѣлалъ мнѣ честь, назвавъ его моимъ именемъ.

Между патагонскими индѣйцами, на берегу Магелланова пролива, мы нашли одного полуиндѣйца, который нѣсколько лѣтъ провелъ среди индѣйскаго племени, хотя самъ былъ родомъ изъ сѣверныхъ провинцій. Я спросилъ у него, не слыхалъ ли онъ про птицу Avestruz petise. На это онъ отвѣтилъ мнѣ: «да вѣдь другихъ-то и нѣтъ въ этихъ южныхъ странахъ»; онъ сообщилъ мнѣ, что число яицъ, находимыхъ въ гнѣздахъ петизовъ, значительно меньше количества яицъ въ гнѣздахъ другого вида,—а именно, ихъ среднимъ числомъ не бываетъ больше пятнадцати, но, по словамъ того же индѣйца, ихъ кладутъ нѣсколько самокъ. Въ Санта-Крусъ мы видѣли такихъ птицъ. Онѣ были до крайности осторожны; мнѣ кажется, онѣ могли увидать приближающагося человѣка съ такого разстоянія, съ котораго онѣ сами оставались незамѣтными. Поднимаясь вверхъ по теченію рѣки, мы мало встрѣчали ихъ, но, спускаясь быстро и безъ шума, мы замѣтили многихъ изъ нихъ, сидѣвшихъ попарно или группами въ 4—5 штукъ. Замѣчено, что птица эта, трогаясь съ мѣста, чтобы бѣжать во всю прыть, не распускаетъ крыльевъ какъ это дѣлаетъ сѣверный видъ страусовъ.

Въ заключеніе могу сказать, что Struthio Rhea водится въ мѣстности Ла-Платѣ, нѣсколько южнѣе Рio-Негро, до 41° шир., а Struthio Darwinii находится въ южной Патагоніи, такъ что полоса около Рio-Негро остается нейтральной почвой. А. д'Орбиньи [1]) во время своего пребыванія въ Рio-Негро, очень старался достать экземпляръ этого вида, но безуспѣшно. Добрицгоферъ [2]) давно уже зналъ о существованіи двухъ видовъ страусовъ. Онъ говоритъ: «Вы должны, кромѣ того, знать, что эму также отличается другъ отъ друга по величинѣ и по нравамъ, смотря по своему мѣстожительству. Тѣ, которые живутъ въ равнинахъ Буэносъ-Айреса и Тукумана, больше ростомъ и перья ихъ чернаго, бѣлаго и сѣраго цвѣта; тѣ же, которые встрѣчаются подлѣ Магелланова пролива,—меньше и красивѣе, потому что у нихъ бѣлыя перья съ черными концами, или черныя—съ бѣлыми концами».

Здѣсь очень распространена странная небольшая птица—Tinochorus

---

[1]) Когда мы были на Рio-Негро, мы много слышали о неутомимыхъ трудахъ этого натуралиста. Альсидъ д'Орбиньи въ продолженіе періода времени отъ 1825 до 1833 гг., объѣзжалъ большія пространства въ Южной Америкѣ и собралъ коллекціи, а также издалъ результаты своего путешествія въ такихъ великолѣпныхъ размѣрахъ, что онъ сразу занялъ мѣсто среди путешественниковъ по Америкѣ, второстепенное лишь по отношенію къ Гумбольдту.

[2]) Account of the Abipones, A. D. 1749, vol. I (въ англійскомъ переводѣ), p. 314.

rumicivorus; по своимъ привычкамъ и по общему виду она представляетъ сочетаніе свойствъ, столь различныхъ между собою перепелки и бекаса. Tinochorus водится по всей Южной Америкѣ, вездѣ, гдѣ бываютъ безплодныя равнины или открытыя, сухія пастбища. Попарно или маленькими обществами эта птица посѣщаетъ самыя жалкія мѣста, гдѣ почти ни одно живое твореніе не можетъ существовать. Когда къ нимъ приближается человѣкъ, онѣ такъ плотно прилегаютъ къ землѣ, что ихъ трудно отличить отъ почвы, на которой онѣ сидятъ. Во время отысканія пищи онѣ двигаются медленно широко разставивъ ноги, копошатся въ пескѣ и въ пыли на дорогахъ, появляясь въ опредѣленныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ можно видѣть день за днемъ; подобно куропаткамъ онѣ взлетаютъ стаями. По всѣмъ этимъ признакамъ, по мускулистому желудку, приспособленному къ растительной пищѣ, по разогнутому клюву и мясистымъ ноздрямъ, по короткимъ ногамъ и по формѣ ихъ Tenochorus имѣетъ близкое сходство съ перепелкой. Но на лету видъ птицы совершенно измѣняется; длинныя, острыя крылья, столь непохожія на крылья порядка куриныхъ, неправильность полета и жалобный крикъ, испускаемый въ минуту поднятія съ мѣста, все это напоминаетъ бекаса. Охотники съ палубы «Бигля» всѣ въ одинъ голосъ прозвали эту птицу короткоклювымъ бекасомъ. Ея скелетъ дѣйствительно представляетъ сходство съ этимъ родомъ или, вѣрнѣе, съ этимъ семействомъ. *Tinochorus* находится въ близкомъ родствѣ и съ другими южно-американскими птицами. Два вида изъ рода *Attagis* обладаютъ почти во всѣхъ отношеніяхъ нравами горныхъ тетеревовъ: одинъ видъ имѣетъ мѣстожительство на Огненной Землѣ, повыше границы распространенія лѣсовъ, а другой—живетъ тотчасъ подъ снѣжной линіей Кордильеровъ въ центральномъ Чили. Птица другого близкаго рода, *Chionis alba* водится въ антарктическомъ поясѣ; она питается морскими водорослями и раковинами, которыя остаются на скалахъ послѣ отлива. Хотя эта птица не изъ числа лапчатоногихъ, но, по какой-то необъяснимой причинѣ, ее можно встрѣтить далеко въ морѣ. Это маленькое семейство принадлежитъ къ тѣмъ птицамъ, которыя по своимъ разнообразнымъ отношеніямъ къ другимъ семействамъ хотя и представляютъ въ настоящее время затрудненія для натуралиста-систематика, но, въ концѣ-концовъ, могутъ служить пособіемъ къ разъясненію великаго плана, общаго для прошлаго и для настоящаго времени, лежащаго въ основѣ творенія органическихъ существъ.

Родъ *Furnarius* содержитъ нѣсколько видовъ, состоящихъ изъ маленькихъ птицъ, которыя живутъ на землѣ и селятся въ открытыхъ сухихъ мѣстностяхъ. По строенію онѣ не могутъ сравниваться ни съ какой Европейской формой. Орнитологи вообще включали ихъ въ отрядъ лазящихъ, хотя онѣ противоположны ему по всѣмъ своимъ привычкамъ. Обыкновенный въ Ла-Платѣ, печникъ или, какъ называютъ его испанцы, *Casara*, домостроитель, извѣстенъ лучше другихъ видовъ. Гнѣздо, отъ котораго птица получила свое названіе, помѣщается въ самыхъ открытыхъ мѣстахъ, напримѣръ, на верхушкѣ столба, на голой скалѣ, или на кактусѣ. Оно сдѣлано изъ грязи и кусочковъ соломы; стѣнки его крѣпки и толсты; по формѣ своей оно совершенно похоже на печку или сплюснутый улей. Отверстіе въ гнѣздѣ большое, въ видѣ свода, а внутри гнѣзда, противъ самаго входа, имѣется перегородка, которая доходитъ почти до крыши, такъ что образуется передняя, отдѣляющая внутренность гнѣзда отъ входа.

Другой, меньшій, видъ *Furnarius* (F. cunicularius), походитъ на печника общимъ красноватымъ оттѣнкомъ оперенья, особеннымъ рѣзкимъ

повторяющимся крикомъ и странной манерой ходить скачками. По близкому сходству съ предыдущимъ видомъ испанцы называютъ эту птицу *Casarita* (или маленькій домостроитель), хотя у нея совсѣмъ иначе устроено гнѣздо. *Casarita* строитъ свое гнѣздо на днѣ узкой цилиндрической ямы, которая, какъ говорятъ, идетъ горизонтально около шести футовъ подъ землею. Нѣсколько человѣкъ изъ поселянъ говорили мнѣ, что, когда они были мальчиками, они пытались достать гнѣздо *Casarita*, но почти никогда не могли добраться до конца хода. Птица выбираетъ для своего жилища небольшое возвышеніе въ твердомъ песчаномъ грунтѣ подлѣ дороги или ручья. Здѣсь (то-есть въ Багія-Бланка) дома обнесены стѣнами изъ отвердѣвшей грязи, я замѣтилъ въ стѣнѣ, окружавшей дворъ дома, гдѣ я жилъ, круглыя отверстія, которыя были здѣсь мѣстами пробуравлены. Когда я спросилъ хозяина, зачѣмъ подѣланы эти отверстія, онъ сталъ горько жаловаться на маленькую казариту. Потомъ я самъ замѣтилъ нѣсколько этихъ птичекъ за работой надъ продѣлываніемъ отверстій въ стѣнѣ. Любопытно, что птицы эти совсѣмъ, должно быть, неспособны воспринимать понятіе о толщинѣ, потому что я наблюдалъ какъ онѣ то и дѣло перелетали черезъ низкую стѣнку и тщетно продолжали долбить ее, считая ее за отличный пригорокъ для своихъ гнѣздъ. Я увѣренъ, что каждая изъ нихъ, продолбивъ стѣну насквозь и увидавъ свѣтъ съ другой стороны, очень дивилась такому чудесному открытію.

Я упомянулъ уже почти о всѣхъ млекопитающихъ этой страны. Изъ броеносцевъ встрѣчаются три вида, а именно, *Dasypus minutus*, или *pichy*, *D. villosus*, или *peludo*, и *apar*. Первый изъ этихъ видовъ встрѣчается на десять градусовъ южнѣе остальныхъ; четвертый видъ *mueita* не доходитъ въ южномъ направленіи до Багіа-Бланка. Всѣ четыре вида имѣютъ почти одинаковые нравы; впрочемъ *peludo* животное—ночное, между тѣмъ какъ другіе виды странствуютъ днемъ по открытымъ равнинамъ, питаясь жуками, личинками, кореньями и даже маленькими змѣями. *Apar*, болѣе извѣстный подъ именемъ *mataco*, отличается тѣмъ, что у него только три подвижныя пластинки, а остальныя кольца его панцыря почти неподвижны. Онъ можетъ свертываться совершенно круглымъ клубкомъ, какъ одна изъ англійскихъ мокрицъ. Въ такомъ видѣ животное спасается отъ нападенія собакъ, потому что собака не можетъ взять всего клубка въ ротъ и старается укусить его съ какой-нибудь стороны, при чемъ шаръ ускользаетъ отъ нея. Гладкій и твердый панцырь *mataco* представляетъ лучшее средство самозащиты, чѣмъ острыя иглы ежа. Pichy особенно любитъ сухія мѣста, поэтому онъ охотнѣе всего пребываетъ среди песчаныхъ прибрежныхъ холмовъ, гдѣ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ ни капли не попадаетъ ему въ ротъ. Это животное часто стелется по землѣ, чтобы не возбуждать ничьего вниманія. За день ѣзды по окрестностямъ Багіа-Бланка мнѣ случалось встрѣчать нѣсколько штукъ Pichy. Чтобы поймать одного изъ нихъ, надо, какъ только замѣтишь его, соскочить съ лошади, потому что на мягкой почвѣ животное такъ быстро зарывается въ землю, что иногда, пока успѣешь слѣзть съ лошади, оно уже почти все уйдетъ въ землю и только задняя часть его тѣла мелькнетъ на поверхности земли. Даже жалко убивать такихъ славныхъ маленькихъ звѣрьковъ, тѣмъ болѣе что они, какъ говорилъ гаучо, точа ножъ о спину одного изъ нихъ, «son tan mansos, (такія смирныя)».

Пресмыкающихся здѣсь очень много: одна змѣя (Trigonocephalus или Cophias), судя по величинѣ ядоноснаго канала въ ея зубахъ, должна

быть смертельно ядовита. Кювье, въ противоположность нѣкоторымъ другимъ натуралистамъ, причисляетъ ее къ роду гремучихъ змѣй; по его мнѣнію, этотъ видъ змѣй служитъ переходомъ отъ гремучей змѣи къ гадюкѣ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія я замѣтилъ одинъ фактъ, который показался мнѣ очень любопытнымъ и поучительнымъ, потому что онъ указываетъ на то, что любая черта, даже, хотя она до нѣкоторой степени, и не зависитъ отъ строенія, имѣетъ свойство постепенно измѣняться. Заостренный конецъ хвоста у этой змѣи оканчивается небольшимъ расширеніемъ; когда змѣя ползаетъ, она постоянно двигаетъ этимъ концомъ, который ударяясь о сухую траву и о хворостъ производитъ шумъ какъ отъ трещетки, слышный очень ясно на разстояніи шести футовъ. Всякій разъ, какъ животное раздражалось или пугалось, хвостъ начиналъ быстро двигаться, и даже въ трупѣ змѣи было замѣтно стремленіе къ этому обычному движенію все время, пока сохранялась въ немъ раздражимость. Trigonocephalus имѣетъ, слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ строеніе, сходное съ гадюкой, вмѣстѣ съ привычками гремучей змѣи; но шумъ, производимый ею, достигается болѣе простымъ механизмомъ, чѣмъ у гремучей змѣи. Выраженіе головы змѣи, которую я наблюдалъ, было отвратительно и крайне свирѣпо; зрачки представляли вертикальную щель въ пестрой мѣдно-красной радужной оболочкѣ; челюсти у основанія были широки, а носъ выдавался впередъ треугольникомъ. Мнѣ кажется, я никогда не видалъ ничего безобразнѣе этой змѣи, исключая, можетъ быть, нѣкоторыхъ вампировъ. Думаю, что это отталкивающее впечатлѣніе происходитъ отъ того, что отношеніе въ расположеніи частей морды нѣсколько сходно съ человѣческими чертами, и такимъ образомъ мы можемъ судить о степени уродства.

Изъ безхвостыхъ земноводныхъ я нашелъ только маленькую жабу (Phrinyscus nigricans), которая была особенно замѣчательна своимъ цвѣтомъ. Представимъ себѣ во-первыхъ, что ее окунули въ самыя черныя чернила, а потомъ, когда она высохла, дали ей ползать по доскѣ, только что выкрашенной яркой киноварью, такъ что подошвы ея и части живота окрасились въ этотъ цвѣтъ,—такимъ образомъ намъ станетъ ясно, на что похожа эта жаба. Если бъ у нея не было еще названія, хорошо было бы дать ей имя Diabolicus, потому что именно такой жабѣ прилично было бы нашептывать соблазны на ухо Евѣ. Вмѣсто ночныхъ привычекъ другихъ жабъ, живущихъ въ темныхъ, влажныхъ убѣжищахъ, она ползаетъ въ самое жаркое время дня по сухимъ песчанымъ холмамъ и по выжженнымъ равнинамъ, гдѣ невозможно найти ни одной капли воды. Она непремѣнно должна поддерживать росой влажность въ своемъ тѣлѣ; кожа ея, вѣроятно, поглощаетъ росу, такъ какъ извѣстно, что эти земноводныя обладаютъ въ высокой степени способностію всасывать влагу кожей. Въ Мальдонадо я нашелъ такую жабу въ мѣстности столь же сухой, какъ Багіа-Бланка, и желая доставить ей большое удовольствіе, понесъ ее къ лужѣ; жаба, однако, нетолько не могла плавать, но безъ моей помощи, вѣроятно, утонула бы. Ящерицъ здѣсь водится много видовъ, но только одинъ видъ (Proctotretus multimaculatus) замѣчателенъ по своимъ нравамъ. Эта ящерица живетъ въ пескѣ, подлѣ морского берега и почти не отличается отъ окружающей поверхности благодаря своей пестрой окраскѣ: по буроватымъ чешуйкамъ ея разбросаны бѣлыя, желто-красныя и грязно-голубоватыя крапинки. Когда ее спугнутъ, она старается не попасться въ руки, прикинувшись мертвой: вытягиваетъ лапки, сжимаетъ тѣло и закрываетъ глаза; если же продолжаютъ ее тревожить, она поспѣшно зарывается въ рыхлый песокъ. Тѣло у нея

сплюснутое и ноги—короткія, вслѣдствіе чего она не можетъ быстро бѣгать.

Прибавлю еще нѣсколько замѣтокъ о зимовкѣ животныхъ въ этой части Южной Америки. Когда мы прибыли въ Багіа-Бланка 7-го сентября 1832 года, намъ показалось, что природа почти не надѣлила живыми существами этотъ песчаный сухой край. Но, принявшись копать землю, мы нашли въ полуоцѣпенѣломъ состояніи нѣсколькихъ насѣкомыхъ, большихъ пауковъ и ящерицъ. 15-го сентября начали появляться немногія животныя, а къ 18-му (за три дня до равноденствія) все въ природѣ стало обнаруживать начало весны. На равнинахъ появились цвѣты розовой кислицы, дикаго гороха, герани и энотеры, а птицы начали нестись. Вездѣ ползали многочисленныя насѣкомыя,—пластинчатоусые и разносуставчатые жуки (Heteromera); послѣдніе замѣчательны глубокими узорами на тѣлѣ; ящерицы, постоянныя обитательницы песчаной почвы, забѣгали по всѣмъ направленіямъ. Въ теченіе первыхъ одиннадцати дней, пока природа была еще объята сномъ, средняя температура, по наблюденіямъ, производившимся каждые два часа на кораблѣ «Бигль», равнялась 51°, а въ полдень термометръ рѣдко показывалъ болѣе 55°. Въ слѣдующіе одиннадцать дней, въ продолженіе которыхъ все ожило въ природѣ, средняя температура доходила до 58°, а температура въ полдень колебалась между 60° и 70. Въ этомъ краѣ, слѣдовательно, было довольно повышенія средней температуры на 7° и нѣсколько большаго повышенія въ полдень, чтобы пробудить жизненные процессы. Въ Монте-Видео, откуда мы только что пріѣхали, въ продолженіе двадцати трехъ дней, отъ 26 іюля до 19-го августа, 276 наблюденій дали среднюю температуру въ 58,4°; средняя температура самаго жаркаго дня равнялась 65° 5, а самаго холоднаго—46°.

Самая низкая точка паденія термометра была 41° 5, при чемъ иногда въ срединѣ дня ртуть поднималась до 69° или 70°. Однако при такой высокой температурѣ почти всѣ жуки, многіе роды пауковъ, улитки и наземныя раковины, жабы и ящерицы всѣ еще лежали въ оцѣпенѣніи подъ камнями. Въ Багіа-Бланка, только на четыре градуса южнѣе, гдѣ поэтому климатъ немного холоднѣе, мы видѣли, что той же самой средней температуры, при меньшей высшей температурѣ, было довольно для пробужденія всѣхъ живыхъ существъ. Изъ этого видно, что толчокъ, нужный для того, чтобы вывести животныхъ изъ спячки, находится въ очень чувствительной зависимости отъ общихъ климатическихъ условій извѣстной мѣстности, а не отъ высшей степени тепла. Извѣстно, напримѣръ, что подъ тропиками зимняя или, вѣрнѣе, лѣтняя спячка животныхъ опредѣляется не температурой, а временемъ засухи. Въ окрестностяхъ Ріо-Жанейро я сначала замѣчалъ съ удивленіемъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ небольшія углубленія въ почвѣ наполнялись дождевой водой, эти лужи уже кишѣли взрослыми раковинами и жуками, которые вѣроятно до этого находились тутъ въ оцѣпенѣніи. Гумбольдтъ упоминаетъ о странномъ случаѣ: однажды выстроили хижину на томъ мѣстѣ, гдѣ въ засохшей грязи спалъ молодой крокодилъ. Онъ говоритъ дальше: «индѣйцы часто находятъ огромныхъ удавовъ, которыхъ они называютъ Uji, или водяными змѣями, въ такомъ же летаргическомъ состояніи. Чтобы оживить ихъ, надо или раздражать ихъ, или смочить водой».

Упомяну еще только объ одномъ животномъ, зоофитѣ (кажется Virgularia Patagonica), представляющемъ родъ морского пера. Онъ состоитъ изъ тонкаго, прямого, мясистаго ствола, съ поперемѣнными рядами

полиповъ, сидящихъ на каждой сторонѣ; стволъ этотъ окружаетъ упругую каменистую ось, отъ 8 дюймовъ до двухъ футовъ длиною. Онъ усѣченъ въ одномъ концѣ, а на другомъ оканчивается червеобразнымъ мясистымъ придаткомъ. Окаменѣлая ось, которая поддерживаетъ стволъ, переходитъ на этомъ концѣ въ сосудъ съ зернистымъ веществомъ. Во время отлива мы видѣли сотни этихъ зоофитовъ; на нѣсколько дюймовъ надъ поверхностью илистаго песка они торчали своими тупыми концами вверхъ, напоминя срѣзанную на полѣ солому. Если до нихъ дотрогивались или тянули ихъ, то они внезапно прятались въ песокъ и почти совершенно исчезали. Для такого дѣйствія крайне упругая ось должна сгибаться на нижнемъ концѣ, гдѣ у нея есть небольшая природная изогнутость, и я думаю, что только благодаря этой упругости, зоофитъ находитъ возможнымъ снова подниматься изъ ила. У каждаго полипа, несмотря на то, что онъ тѣсно соединенъ со своими братьями, есть отдѣльный ротъ, отдѣльное тѣло и отдѣльныя щупальца. Такихъ полиповъ въ большомъ экземплярѣ этого животнаго должно быть нѣсколько тысячъ, и тѣмъ не менѣе мы видимъ, что у нихъ происходитъ одновременное и одинаковое движеніе; они имѣютъ общую центральную ось, соединенную съ системой обращенія питательныхъ соковъ, а яйца у нихъ образуются въ органѣ, отличающемся отъ отдѣльныхъ особей [1]). Невольно напрашивается вопросъ, что же такое особь? Всегда интересно найти источникъ странныхъ разсказовъ, оставленныхъ намъ старинными путешественниками, и мнѣ кажется, что нравы зоофита (Virgularia Patagonica) могутъ служить объясненіемъ одного изъ такихъ странныхъ разсказовъ. Вотъ, что повѣтствуетъ капитанъ Ланкастеръ, путешествовавшій въ 1601-мъ году: «На песчаномъ берегу острова Сомбреро, въ Остъ-Индіи, я нашелъ маленькую вѣтку, похожую на молодое деревцо. Если захочешь ее сорвать, то она уходитъ въ песокъ, и нужно ее крѣпко держать, чтобы она не исчезла совсѣмъ. Когда ее сорвешь, то найдешь большого червя, который служитъ ей корнемъ; по мѣрѣ того какъ дерево растетъ, червякъ уменьшается. Какъ только червякъ совсѣмъ превратится въ дерево, оно пускаетъ корни подъ землю и становится большимъ. Это превращеніе—одно изъ самыхъ удивительныхъ явленій, когда либо мною видѣнныхъ во время моихъ путешествій. Если сорвать это деревцо, пока оно еще молодо, и снять съ него листья и кору, то оно становится, высыхая, твердо какъ камень, похожій на бѣлый караллъ. Такимъ образомъ, червякъ два раза измѣняется въ своей природѣ. Мы собрали нѣсколько экземпляровъ этого растенія и привезли ихъ съ собой».

Въ то время какъ я ждалъ въ Багіа-Бланка прихода нашего корабля, населеніе переживало непрерывныя волненія вслѣдствіе слуховъ, дохо-

---

[1]) Полости, которыя ведутъ изъ мясистыхъ отдѣленій, находящихся на конечности, были наполнены желтымъ зернистымъ веществомъ, которое подъ микроскопомъ имѣло необыкновенный видъ. Масса состояла изъ круглыхъ, полупрозрачныхъ неправильныхъ зеренъ, собранныхъ въ кучки различной величины. Всѣ эти кучки, а также и отдѣльныя зерна обладали способностію быстро двигаться.

Движеніе это происходило вообще вокругъ различныхъ осей, но было иногда поступательное. Его можно было замѣтить даже при слабомъ увеличеніи, но и при самомъ большомъ увеличеніи нельзя было уяснить себѣ причины этого движенія. Оно совершенно отличалось отъ обращенія жидкости въ упругомъ мѣшкѣ, заключающемъ тонкій конецъ оси. Въ другихъ случаяхъ когда я разсѣкалъ маленькихъ морскихъ животныхъ подъ микроскопомъ, я замѣчалъ, что частицы зернистой массы, иногда довольно большія, приходили въ движеніе тотчасъ послѣ того, какъ выходили изъ тѣла. Мнѣ кажется не знаю, насколько вѣрно, это зернистое вещество находилось въ процессѣ превращенія въ яйцо. Во всякомъ случаѣ, что касается описываемаго зоофита, дѣло представлялось именно такъ.

дившихъ сюда, о сраженіяхъ и побѣдахъ бывшихъ на мѣстѣ борьбы между войсками Розаса и дикими индѣйцами. Однажды пришло извѣстіе о томъ, что небольшой гарнизонъ въ одномъ изъ военныхъ постовъ по линіи къ Буэносъ-Айресу былъ весь найденъ убитымъ. На другой день пришелъ изъ Колорадо отрядъ въ триста человѣкъ подъ начальствомъ коменданта Миранда. Большая часть людей были индѣйцы (mansos, т.-е. мирные) изъ племени кацика Бернаціо. Они ночевали въ Багіа-Бланка. Нельзя себѣ представить зрѣлища болѣе дикаго и буйнаго, чѣмъ ихъ бивакъ. Многіе напились до безчувствія, другіе глотали теплую кровь животныхъ, зарѣзанныхъ имъ на ужинъ, и наконецъ, напившись до рвоты, они валялись въ грязи и въ запекшейся крови.

«Nam simul expletus dapibus, vinoque sepultus
Cerviem inflexam posuit, jacuitque per antrum
Immensus, saniem eructans, ac frusta cruenta
Per somnum commixta mero».

На другое утро они отправились къ мѣсту убіиства—съ приказаніемъ преслѣдовать индѣйцевъ, хотя бы до Чили. Мы слышали впослѣдствіи, что дикому племени, вырѣзавшему гарнизонъ, удалось бѣжать въ обширные пампасы, и слѣдъ ихъ, по какой-то причинѣ, былъ затерянъ. Одного взгляда на «rastro», т.-е. на оставшійся слѣдъ достаточно, чтобы открыть передъ этими людьми цѣлую вереницу событій. Положимъ, они нападутъ на слѣды тысячи лошадей; они сейчасъ узнаютъ, сколько было всадниковъ по числу слѣдовъ отъ лошадей, шедшихъ въ галопъ; по глубинѣ слѣдовъ они догадаются, сколько было навьюченныхъ лошадей. Неровная поступь покажетъ имъ степень усталости лошадей. Спѣшили ли преслѣдуемые, они узнаютъ изъ того, какимъ способомъ приготовлялась пища. Общій видъ дастъ имъ понятіе о времени прохожденія тѣхъ, за кѣмъ они гонятся. Rastro десятидневный или двухнедѣльный считается ими еще свѣжимъ слѣдомъ, по которому можно нагнать бѣглецовъ. Намъ говорили, что Миранда прошелъ отъ Сіерры - Вентаны по прямой линіи къ острову Чолечель, находящемуся на семьдесятъ лигъ вверхъ по Ріо-Негро, что составляетъ переходъ въ двѣсти или триста миль по странѣ совершенно неизвѣстной. Какое другое войско на свѣтѣ сумѣетъ совершить столь свободное передвиженіе? Имѣя проводникомъ солнце, пищей — конину, постелью—сѣдло, при единственномъ условіи, чтобы было хоть немного воды для питья, эти люди готовы пройти до края земли.

Нѣсколько дней спустя я увидалъ другой отрядъ такихъ же воиновъ-бандитовъ, отправлявшихся въ экспедицію противъ племени индѣйцевъ, которое расположилось у малыхъ соляныхъ озеръ и было выдано плѣннымъ кацикомъ. Испанецъ привезшій приказъ объ этомъ походѣ, былъ очень умный человѣкъ. Онъ разсказалъ мнѣ о послѣднемъ сраженіи, на которомъ онъ присутствовалъ. Нѣсколько индѣйцевъ, взятыхъ въ плѣнъ, дали свѣдѣнія о племени, живущемъ къ сѣверу отъ Колорадо. Противъ него было послано двѣсти солдатъ. Облако пыли, поднятое лошадьми индѣйцевъ, которые оказались въ походѣ, выдало ихъ присутствіе преслѣдователямъ. Мѣстность была гористая, пустынная и, повидимому, находилась далеко въ глубинѣ страны, такъ какъ видны были Кордильеры. Индѣйцевъ, включая женщинъ и дѣтей, было до ста десяти человѣкъ, и они почти всѣ были взяты въ плѣнъ или перебиты, потому что солдаты рубятъ всѣхъ, кто имъ попадется. Индѣйцы теперь такъ запуганы, что не пытаются больше сопротивляться массой; каждый спасается въ

одиночку, позабывъ даже о женѣ и дѣтяхъ; когда же ихъ настигаютъ солдаты, они вступаютъ въ бой и дерутся какъ дикіе звѣри, какъ бы ни было велико число нападающихъ. Одинъ умирающій индѣецъ схватилъ зубами палецъ врага и далъ ему выдавить себѣ глазъ, не выпуская своей добычи. Другой раненый, прикинулся мертвымъ, а самъ держалъ ножъ наготовѣ, желая нанести смертельный ударъ противнику. Мнѣ разсказывалъ еще испанецъ, что разъ, когда онъ погнался за индѣйцемъ, тотъ сталъ попросить пощады, а въ то же время тайкомъ отвязалъ отъ пояса боласы, намѣреваясь опутать голову преслѣдователя и такимъ оброзомъ поразить его. «Но я сбросилъ его саблей на землю», прибавилъ разсказчикъ, «и, соскочивъ съ лошади, перерѣзалъ ему горло ножомъ». Мрачная картина! Но насколько ужаснѣе фактъ, который мнѣ выдавали за вполнѣ достовѣрный: всѣхъ женщинъ, которымъ по виду можно дать болѣе двадцати лѣтъ, хладнокровно рѣжутъ послѣ сраженія! На мое восклицаніе, что такой поступокъ представляется мнѣ безчеловѣчнымъ, испанецъ отвѣчалъ: «Что дѣлать? Онѣ такъ размножаются»!

Всѣ здѣсь вполнѣ убѣждены, что война—вещь справедливая, потому что она ведется противъ варваровъ. Кто бы могъ повѣрить, что въ нашъ вѣкъ возможны такія возмутительныя дѣла въ христіанской, образованной странѣ? Дѣтей индѣйцевъ щадятъ, чтобы продавать ихъ въ услуженіе, или, вѣрнѣе сказать, въ рабство на неопредѣленное время, до тѣхъ поръ, пока хозяевамъ удается убѣдить ихъ въ томъ, что они—рабы; но я думаю, что имъ не приходится жаловаться на хозяевъ за дурное обращеніе.

Во время битвы четыре индѣйца обратились въ бѣгство. Ихъ преслѣдовали; одного убили, а остальныхъ троихъ взяли въ плѣнъ. Они оказались гонцами или посланниками отъ большого скопища индѣйцевъ, которые собрались на защиту общей независимости близъ Кордильеровъ. Племя, къ которому послали этихъ гонцовъ, готовилось держать большой совѣтъ; конина для пиршества была припасена и пляски уже подготовлены; въ то утро, какъ ихъ схватили, посланники должны были возвратиться къ Кордильерамъ. Конечно, трое изъ нихъ, оставшихся въ живыхъ, могли дать испанцамъ цѣнныя свѣдѣнія; чтобы добиться отъ нихъ правды, ихъ выставили въ рядъ. Первые два на предложенные вопросы отвѣчали: «No se» (я не знаю) и были застрѣлены одинъ за другимъ. Третій тоже сказалъ: «No se» и прибавилъ: «стрѣляйте, я мужчина и могу умереть». Ни одинъ изъ нихъ не проронилъ словечка, могущаго повредить общему дѣлу ихъ страны! Не такимъ показалъ себя кацикъ, о которомъ упоминалось раньше: онъ спасъ свою жизнь, выдавъ планъ войны своихъ единоплеменниковъ и сборный пунктъ, назначенный въ Андахъ. Было предположеніе, что уже собралось до шести или семисотъ индѣйцевъ; лѣтомъ ожидали, что это число удвоится. Индѣйцы хотѣли послать гонцовъ къ малымъ соленымъ озерамъ близъ Багіа-Бланка, ихъ то и выдалъ, какъ я говорилъ, кацикъ. Такимъ образомъ можно считать, что сношенія индѣйцевъ между собою простираются отъ Кордильеровъ до береговъ Атлантическаго океана.

Планъ генерала Розаса имѣетъ цѣлью перебить всѣхъ отдѣльно бродящихъ индѣйцевъ, загнать остальныхъ въ одинъ пунктъ и затѣмъ, въ теченіе лѣта, напасть на всѣхъ вмѣстѣ сообща съ индѣйцами. Такого рода военныя дѣйствія предположено повторять три года подъ рядъ. Я думаю, что лѣтніе мѣсяцы выбраны потому для главныхъ нападеній, что въ это время на равнинахъ полная засуха, а слѣдовательно индѣйцы могутъ кочевать только въ извѣстныхъ направленіяхъ. Договоръ, заклю-

ченный съ техуэльчами, препятствуетъ переходу индѣйцевъ на югъ отъ Ріо-Негро, гдѣ они нашли бы безопасность въ обширной неизвѣстной странѣ. Условія договора слѣдующія: Розасъ уплачиваетъ за каждаго индѣйца, убитаго на южномъ берегу рѣки, извѣстную сумму денегъ, между тѣмъ какъ за пропускъ непріятеля черезъ рѣку техуэльчамъ самимъ грозитъ истребленіе со стороны испанцевъ. Война ведется преимущественно съ индѣйцами, живущими подлѣ Кордильеровъ, такъ какъ многія племена, находящіяся на восточной сторонѣ, присоединились къ войску Розаса. Генералъ, однако, разсуждаетъ какъ лордъ Честерфильдъ: предполагая, что нынѣшніе друзья могутъ завтра превратиться во враговъ, онъ выставляетъ ихъ всегда впередъ, съ цѣлью ослабить ихъ численно. Послѣ того какъ мы уѣхали изъ Южной Америки, мы узнали, что эта истребительная война совершенно не удалась.

Въ числѣ дѣвушекъ, взятыхъ во время сраженія, находились двѣ очень хорошенькія испанки, которыхъ въ дѣтствѣ похитили индѣйцы и которыя могли говорить только на индѣйскомъ нарѣчіи. Изъ ихъ словъ можно заключить, что онѣ шли, вѣроятно, изъ Салты, пройдя по прямой линіи раастояніе около тысячи миль. Можно по этому образчику передвиженія получить понятіе о громадныхъ пространствахъ, по которымъ странствуютъ индѣйцы, но, несмотря на это, я думаю, что, лѣтъ черезъ пятьдесятъ не останется ни одного вольнаго индѣйца къ сѣверу отъ Ріо-Негро. Столь кровопролитная война не можетъ долго продолжаться, такъ какъ христіане истребляютъ каждаго попавшагося индѣйца, а индѣйцы точно такъ же поступаютъ съ христіанами. Грустно прослѣдить линію отступленія индѣйцевъ передъ вторженіемъ испанцевъ. Ширдель говоритъ, что въ 1503 году [1]), во время основанія Буэносъ-Айреса, здѣсь были деревни, насчитывавшія до двухъ и трехъ тысячъ жителей. Даже во времена Фальконера (1750) индѣйцы дѣлали набѣги до Лухано, Ареко и Арресифе, между тѣмъ какъ теперь ихъ прогнали за Саладо. Не только цѣлыя племена были истреблены, но и оставшіеся индѣйцы сдѣлались еще болѣе варварами, чѣмъ они были раньше; вмѣсто того чтобы жить въ большихъ семьяхъ, занимаясь рыбной ловлей и охотой, они теперь принуждны вести кочующій образъ жизни на невоздѣланныхъ равнинахъ, безъ опредѣленныхъ жилищъ и занятій.

Я слышалъ еще о другомъ сраженіи при Чолечелѣ, которое случилось за нѣсколько недѣль до описаннаго дѣла. Чолечель—важное мѣсто, служащее переправой для лошадей, а потому здѣсь долгое время была главная квартира армейской дивизіи. По приходѣ на этотъ пунктъ войско нашло племя индѣйцевъ, изъ которыхъ человѣкъ двадцать или тридцать были убиты солдатами. Кацикъ спасся какимъ-то образомъ ко всеобщему удивленію. Индѣйскіе начальники всегда имѣютъ подъ руками одну или двѣ лошади на случай непредвидѣнной надобности. Кацикъ, захвативъ съ собой сына, вскочилъ на одну изъ своихъ запасныхъ лошадей, стараго, бѣлаго коня. Лошадь была безъ сѣдла и безъ узды. Во избѣжаніе выстрѣловъ индѣецъ держался по обычаю своего народа, обхвативъ одной рукой шею лошади и закинувъ одну ногу на ея спину. Его видѣли повисшимъ такимъ образомъ на одной сторонѣ лошади, при чемъ онъ трепалъ ее по головѣ и разговаривалъ съ нею. Преслѣдователи употребляли всевозможныя усилія, чтобы нагнать его; комендантъ три раза мѣнялъ лошадь, но все было напрасно. Старый индѣецъ съ сыномъ спасся отъ враговъ. Можно себѣ представить эту прекрасную

[1]) Purchas's collection of Voyages. Я думаю, что на самомъ дѣлѣ это было въ 1537 г.

картину: обнаженную фигуру старика, словно вылитую изъ бронзы, съ маленькимъ сыномъ на рукѣ, мчащуюся на бѣломъ конѣ, подобно Мазепѣ, и оставляющую далеко за собою многочисленную погоню!

Я видѣлъ разъ солдата, высѣкающаго огонь кремнемъ, въ которомъ я тотчасъ призналъ обломокъ наконечника древней стрѣлы. Онъ сказалъ мнѣ, что этотъ кремень былъ найденъ подлѣ острова Чолечель, гдѣ часто встрѣчаются подобные обломки. Въ немъ было отъ двухъ до трехъ дюймовъ длины, слѣдовательно онъ былъ вдвое больше наконечниковъ, употребляемыхъ теперь на Огненной Землѣ. Сдѣланъ онъ былъ изъ матоваго, непрозрачнаго кремня молочнаго цвѣта, но остріе и обѣ бородки были нарочно обломаны. Извѣстно, что лукъ и стрѣлы не употребляются больше индѣйцами въ пампасахъ. Небольшое племя въ Банда-Оріенталь составляетъ, кажется, исключеніе въ этомъ отношеніи, но оно живетъ совсѣмъ отдѣльно отъ пампасскихъ индѣйцевъ и граничитъ съ лѣсными и пѣшими племенами. Итакъ, надо полагать, что наконечники, о которыхъ я говорю, принадлежатъ къ памятникамъ древнихъ временъ индѣйской жизни [1]), къ тѣмъ временамъ, когда введеніе лошади въ Южную Америку еще не производило переворота въ нравахъ и обычаяхъ индѣйцевъ.

ГЛАВА VI.

Отъ Багіа-Бланка до Буэносъ-Айреса.

Поѣздка въ Буэносъ Айресъ.—Pio-Саусе.—Сіерра-Вентана.—Третій постъ. Трудность пасти лошадей. Боласы. Куропатки и лисицы. Характерныя черты мѣстности. Длинноногая ржанка. Терутеро. Градъ. Естественныя стѣны въ Тапальгуэнъ. Мясо пумы. Мясная пища. Гвардіа-дель-Монте. Вліяніе пасущагося скота на растительность. Кардонъ. Буэносъ-Айресъ. Бойня.

8-го сентября. Я нанялъ гаучо въ проводники для поѣздки въ Буэносъ-Айреса. Удалось это мнѣ не безъ труда потому что въ одномъ случаѣ отецъ проводника боялся его отпустить, а въ другомъ—самъ проводникъ соглашался меня сопровождать, но мнѣ описали его какъ человѣкъ до того трусливаго, что при появленіи вдали страуса онъ принималъ его за индѣйца и убѣгалъ съ необычайной быстротой. Такого проводника я боялся взять съ собою. До Буэносъ-Айреса около четырехсотъ миль и дорога почти все время идетъ по необитаемой мѣстности. Мы выѣхали рано утромъ; поднявшись на нѣсколько сотъ футовъ изъ зеленой долины, въ которой находится Багіа-Бланка, мы въѣхали въ обширную, унылую равнину. Почва ея состоитъ изъ разсыпчатаго, глинистаго известняка, который по сухости климата можетъ производить только рѣдкіе кустики поблекшей травы. Утомительное однообразіе мѣста не нарушается ни единымъ деревцомъ или кустикомъ. Погода стояла прекрасная, но воздухъ былъ замѣчательно непрозраченъ. Я даже думалъ, судя по туману, что будетъ буря, но гаучосы объяснили мнѣ, что туманность происходитъ отъ пожара въ равнинѣ, далеко отъ того мѣста, гдѣ мы были, гдѣ то внутри страны. Послѣ довольно долгаго пути, во время котораго мы два раза смѣнили лошадей, мы достигли Pio-Саусе,

---

[1]) Азара даже сомнѣвается, чтобы индѣйцы пампасовъ когда-нибудь употребляли лукъ.

глубокой быстрой рѣчки не болѣе двадцати пяти футовъ ширины. Второй постъ по дорогѣ къ Буэносъ-Айресу расположенъ по берегу этой рѣчки; немного выше есть бродъ, гдѣ вода не доходитъ лошадямъ и по брюхо, но начиная съ этого мѣста и до впаденія въ море, рѣчка недоступна для плаванія, вслѣдствіе чего она служитъ чрезвычайно полезной преградой противъ вторженія индѣйцевъ.

Какъ ни мала эта рѣчка, іезуитъ Фалконеръ, дающій обыкновенно точныя свѣдѣнія, говоритъ о ней какъ о значительной рѣчкѣ, берущей начало у подошвы Кордильеровъ. Я не сомнѣваюсь въ правильности опредѣленія ея истоковъ, потому что гаучосы утверждаютъ слѣдующій фактъ: въ половинѣ сухого лѣта эта рѣчка одновременно съ рѣкой Колорадо періодически разливается, а это можетъ объясняться только тѣмъ, что лѣтомъ таютъ снѣга на Андахъ. Крайне неправдоподобно, чтобы такая маленькая рѣчка, какой показалась мнѣ Саусе, протекала черезъ всю ширину материка. Если же разсматривать ее какъ остатокъ большой высохшей рѣки, вода ея, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, имѣла бы соленый вкусъ. Мы должны были искать въ источникахъ кругомъ Сіерры-Вентаны въ зимнее время начала этой чистой прозрачной рѣчки. Я подозрѣваю, что по равнинамъ Патагоніи, какъ и въ Австраліи, протекаютъ многія рѣки, которыя бываютъ полноводны только въ извѣстныя времена года. Вѣроятно то же можно сказать о рѣкѣ, впадающей въ море у береговъ Портъ-Дезире, а также и о рѣкѣ Ріо-Чупатъ, на берегахъ, которой много крайне пористаго шлака было найдено офицерами, занимавшимися ея изслѣдованіемъ.

Такъ какъ мы пріѣхали рано, до полудня, мы смѣнили лошадей, взяли солдата въ проводники и поѣхали къ Сіерра-де-ла-Вентана. Эта гора видна съ якорной стоянки въ Багіа-Бланка, и капитанъ Фицъ-Рой опредѣляетъ ея высоту въ 3340 фут.,—это значительная высота для восточной стороны материка. Я не слыхалъ, чтобы кто-нибуь изъ иностранныхъ путешественниковъ всходилъ на эту гору, до нашего пріѣзда сюда; даже немногіе изъ солдатъ, расквартированныхъ въ Багіа-Бланка, знаютъ что-либо о ней. Поэтому ходили разсказы о слояхъ каменнаго угля, о золотѣ и серебрѣ, о пещерахъ и лѣсахъ,—разсказы, которые воспламенили мое любопытство, а привели къ разочарованію. До горы отъ военнаго поста было около 18 миль, дорога шла плоской равниной, такого же общаго вида какъ и раньше видѣнныя равнины. Впрочемъ поѣздка вышла интересная какъ только стали выясняться настоящія очертанія горы. Достигнувъ подошвы главнаго хребта, намъ пришлось съ большимъ трудомъ разыскивать какой-нибудь источникъ воды; въ началѣ дня представлялось возможнымъ остаться безъ питья на всю ночь, но при болѣе тщательномъ осмотрѣ горы, намъ удалось открыть нѣсколько ручейковъ сбѣгавшихъ по склону и затерянныхъ между хрупкимъ известнякомъ и рыхлыли обломками. Рѣдко когда, природа создавала болѣе унылую и мрачную груду скалъ; она вполнѣ заслуживаетъ свое названіе «Hurtado» (одинокой). Гора крута, изрыта и вся пересѣчена обрывами, на ней не найдется ни деревца, ни куста такъ что мы не могли даже найти палки для вертела, чтобы изжарить мясо надъ костромъ изъ репейника [1]).

Странній видъ этой горы особенно поражаетъ по контрасту съ плоской равниной, напоминающей морскую гладь и не только упирающейся въ крутые бока горы, но и разбивающей ее на нѣсколько параллельныхъ

[1]) Я говорю „репейникъ“, за не имѣніемъ болѣе правильнаго названія. Я думаю, что растеніе это изъ рода Eryngium.

горныхъ хребтовъ. Однообразіе красокъ придаетъ всему виду особенно спокойный характеръ, бѣловато-сѣрый тонъ кварца и свѣтло-бурый цвѣтъ засохшей травы луговъ нигдѣ не нарушаются болѣе яркимъ оттѣнкомъ. По привычкѣ ожидаешь увидать по сосѣдству съ высокой и крутой горой неровную мѣстность, усыпанную большими обломками скалъ. Здѣсь природа указываетъ на то, что послѣднее движеніе морского дна передъ тѣмъ, какъ оно превращается въ сушу, можетъ быть иногда спокойно. Мнѣ было поэтому любопытно замѣтить, на какомъ разстояніи отъ главной скалы можно было найти голыши, оторвавшіеся отъ нея. На берегахъ Багіа-Бланка и недалеко отъ военнаго поселенія находились куски кварца, которые безъ сомнѣнія, явились отъ Сіерры-Вентаны, то есть совершили путешествіе въ сорокъ пять миль.

Роса, смочившая въ началѣ ночи попоны, подъ которыми мы спали, превратилась къ утру въ ледъ. Равнина, хотя и представлялась горизонтальной, незамѣтно повысилась до 800—900 футовъ надъ поверхностію моря. Утромъ (9-го сентября) проводникъ предложилъ мнѣ взобраться на ближайшую вершину, откуда, какъ онъ думалъ, мнѣ можно будетъ добраться къ четыремъ пикамъ, которые вѣнчаютъ гору. Взлѣзать по такимъ неровнымъ скаламъ было очень утомительно, бока ихъ были такъ изрыты, что часто приходилось, послѣ пятиминутнаго подъема, въ слѣдующія пять минутъ обратно спускаться. Когда я наконецъ добрался до гребня горы, то былъ сильно разочарованъ, увидавъ подъ ногами долину, столь же глубокую какъ окружающая гору равнина; эта долина перерѣзывала горную цѣпь надвое и отдѣляла меня отъ четырехъ пиковъ. Она очень узка но дно ея ровное, такъ что конные индѣйцы пользуются этимъ удобнымъ проходомъ, соединяющимъ равнины, которыя тянутся на сѣверъ и на югъ отъ горной цѣпи. Я спустился въ это ущелье и замѣтивъ во время перехода черезъ него, двухъ пасущихся лошадей, спрятался въ высокой травѣ желая осмотрѣться, но не видя никакихъ другихъ признаковъ, по которымъ можно было бы заключить о близости индѣйцевъ, я осторожно приступилъ ко второму восхожденію. День уже значительно подвинулся. Эта часть горной цѣпи была такъ же крута и неровна, какъ первая. Я взобрался на вторую вершину къ двумъ часамъ но съ большими трудностями; черезъ каждые двадцать ярдовъ у меня дѣлались судороги въ обоихъ бедрахъ, такъ что я сталъ бояться, какъ бы не оказаться безсильнымъ для слѣдующаго спуска. Кромѣ того необходимо было вернуться другой дорогой, такъ какъ не могло быть рѣчи о возвращеніи по старому пути, то-есть черезъ гребень. Итакъ я долженъ былъ отказаться отъ влѣзанія на два остальныя возвышенія. Высота ихъ была только немного больше, а геологическія цѣли были уже достигнуты, вотъ почему не стоило продолжать экскурсію съ большимъ утомленіемъ въ виду. Я думаю что судороги у меня сдѣлались отъ быстрой перемѣны мышечной работы: трудная верховая ѣзда замѣнилась еще болѣе труднымъ карабканіемъ по горамъ. Стоитъ запомнить этотъ случай, потому что онъ можетъ надѣлать много затрудненій во время путешествія. Я уже говорилъ, что гора состоитъ изъ бѣлаго кварца съ небольшой примѣсью блестящаго глинистаго сланца. На высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ надъ равниной, глыбы конгломератовъ пристали въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ твердой скалѣ. Онѣ походили твердостію и характеромъ цемента на конгломераты, которые образуются на нѣкоторыхъ морскихъ берегахъ. Я не сомнѣваюсь, что и эти гальки были слѣплены такимъ же образомъ въ то время, когда великая известковая формація осѣдала на дно окружающаго моря. Можно ду-

мать, что зазубренные и отбитые куски твердаго кварца указываютъ на постоянное дѣйствіе волнъ открытаго океана.

Въ общемъ, мое восхожденіе оставило во мнѣ разочарованіе. Даже видъ съ вершинъ не представлялъ ничего особеннаго; передъ глазами разстилалась безбрежная какъ море равнина, но безъ его чуднаго колорита, безъ его опредѣленной пограничной черты. Но все-таки картина была нова для меня, а небольшая опасность придавала ей интересъ, какъ соль придаетъ вкусъ мясу. Правда что опасность была очень незначительна, потому что мои два спутника развели хорошій костеръ, что никогда не дѣлаютъ, когда подозрѣваютъ близость индѣйцевъ. Я вернулся къ закату солнца на мѣсто вашего ночлега. Выпивъ большое количество мате и выкуривъ нѣсколько сигаръ, я устроилъ себѣ ложе на ночь. Дулъ сильный и холодный вѣтеръ, но я никогда не спалъ такъ покойно какъ въ эту ночь.

10-го сентября. Подгоняемые попутнымъ вѣтромъ, мы пріѣхали около полудня къ посту Саусе. По дорогѣ мы видѣли много ланей, подлѣ горы—одного гуанако. Равнина, примыкающая къ Сіеррѣ, пересѣкается нѣсколькими интересными оврагами; одинъ изъ нихъ имѣлъ около двадцати футовъ ширины и по крайней мѣрѣ, тридцать глубины, такъ что намъ пришлось сдѣлать большой объѣздъ, чтобы найти возможный перевалъ. Мы ночевали на станціи и какъ всегда разговоръ шелъ объ индѣйцахъ. Въ прежнее время Сіерра-Вентана служила большимъ сборнымъ пунктомъ, и три или четыре года назадъ здѣсь происходили частыя битвы. Мой проводникъ видѣлъ однажды, какъ здѣсь было перебито множество индѣйцевъ, женщины бѣжали на вершину горы и отчаянно боролись, сбрасывая огромные камни. Многія изъ нихъ такимъ образомъ спаслись.

11-го сентября. Продолжали путь по направленію къ третьему посту въ сопровожденіи лейтенанта, командовавшаго въ немъ. До поста считается 45 миль, но опредѣленіе разстоянія дѣлается наугадъ и большею частію преувеличенно. Мало занимательная дорога шла по равнинѣ со скошенной травой; слѣва отъ насъ, на большемъ или меньшемъ разстояніи, тянулась цѣпь невысокихъ холмовъ, продолженіе которыхъ мы переѣхали подлѣ самой станціи. Не доѣзжая до нея мы встрѣтили большое стадо скота и лошадей подъ охраной пятнадцати солдатъ, но намъ сказали, что все-таки много головъ скота затерялось дорогой. Очень трудно пасти скотину на равнинахъ, потому что, если ночью подойдетъ пума или хотя бы лисица, невозможно удержать лошадей, которыя пустятся бѣжать въ разныя стороны; гроза такъ же дѣйствуетъ на нихъ. Незадолго передъ тѣмъ одинъ офицеръ отправился изъ Буэносъ-Айреса съ пятьюстами лошадей; когда же онъ пріѣхалъ въ полкъ, у него оставалось меньше двадцати.

Вскорѣ послѣ того какъ мы видѣли стадо, впереди насъ показалось облако пыли, по которому мы догадались, что къ намъ навстрѣчу подвигается партія всадниковъ. Мои спутники издали узнали въ нихъ индѣйцевъ по длиннымъ, распущеннымъ волосамъ. Индѣйцы обыкновенно носятъ кругомъ головы ленточку, но ничѣмъ не покрываютъ головъ; черныя космы волосъ, навѣваемыя вѣтромъ на загорѣлыя лица, придаютъ имъ еще болѣе дикій видъ. Мы узнали, что—это отрядъ изъ мирнаго племени Бернанціо, отправляющійся за солью на соляныя озера. Индѣйцы ѣдятъ много соли, и дѣти ихъ сосутъ соль, какъ сахаръ. Этой привычкой индѣйцы совсѣмъ не походятъ на гаучосовъ, которые при одинаковомъ образѣ жизни почти совсѣмъ не употребляютъ соли. Мунго-

Паркъ [1]) говоритъ, что люди, питающіеся растительной пищей имѣютъ ненасытную потребность въ соли. Индѣйцы проскакали мимо насъ, дружелюбно кивнувъ намъ головами. Они гнали табунъ лошадей, а за ними бѣжала стая тощихъ собакъ.

12-го и 13-го сентября. Я прожилъ два дня на этомъ посту, дожидаясь отряда солдатъ, о которомъ генералъ Разасъ любезно извѣстилъ меня: отрядъ этотъ направлялся къ Буэносъ-Айресу и генералъ Розасъ совѣтовалъ мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы ѣхать подъ хорошей охраной. Поутру мы ѣздили верхомъ къ сосѣднимъ горамъ съ цѣлью осмотра страны и геологическихъ изслѣдованій. Послѣ обѣда солдаты раздѣлились на двѣ партіи, чтобы состязаться въ искусствѣ метанія болосовъ. Въ землю были воткнуты двѣ пики на разстояніи тридцати пяти ярдовъ другъ отъ друга, но въ нихъ удавалось попадать только разъ изъ четырехъ, пяти ударовъ; шары можно бросать на пятьдесятъ или шестьдесятъ ярдовъ, но не очень вѣрно. Этого впрочемъ нельзя сказать въ томъ случаѣ если человѣкъ скачетъ верхомъ на конѣ: тогда розмахъ руки въ соединеніи съ движеніемъ лошади даетъ возможность бросать болосъ на разстояніи восьмидесяти ярдовъ. Въ доказательство силы удара, я могу привести слѣдующій случай: когда испанцы перерѣзали на Фальклендскихъ островахъ нѣсколькихъ изъ собственныхъ соотечественниковъ и всѣхъ англичанъ, одинъ молодой испанецъ пустился бѣжать, въ это время за нимъ поскакалъ рослый всадникъ, по имени Люсіано, крича ему, чтобы онъ остановился, что ему надо съ нимъ поговорить. Въ ту минуту, какъ бѣглецъ добѣжалъ до лодки, Люсіано бросилъ въ него шары; они ударились объ его ноги съ такой силой, что молодой испанецъ упалъ и потерялъ сознаніе на нѣкоторое время. Поговоривъ съ нимъ, Люсіано отпустилъ его. Этотъ испанецъ разсказывалъ намъ, что обвившіеся кругомъ ногъ ремни оставили глубокіе слѣды, какъ будто его стегали хлыстомъ. Въ полдень прибыли два человѣка съ сосѣдняго поста отправлявшіеся съ пакетомъ къ генералу, такъ что кромѣ этихъ двухъ людей, наше общество состояло въ этотъ вечеръ изъ проводника и меня и изъ лейтенанта съ его четырьмя солдатами. Странные образчики людей были эти солдаты. Одинъ изъ нихъ былъ красивый молодой негръ; другой—полуиндѣецъ, полунегръ; остальныхъ двухъ трудно даже точно опредѣлить: одинъ—старый чилійскій рудокопъ, цвѣта краснаго дерева, а другой въ родѣ мулата. Оба представляли какую-то помѣсь и притомъ имѣли такія отвратительныя выраженія въ лицахъ какихъ я отъ роду не видалъ. Вечеромъ, когда они всѣ расположились кругомъ костра и принялись играть въ карты, я отошелъ въ сторону и наблюдалъ эту картину во вкусѣ Сальватора Розы. Они сидѣли подъ невысокимъ холмомъ, такъ что я смотрѣлъ на нихъ свѣрху. Кругомъ нихъ растянулись собаки тутъ же валялись остатки ланей и страусовъ, лежало оружіе, а въ землю были воткнуты длинныя копья. Дальше на темномъ фонѣ выдѣлялись лошади, привязанныя вблизи на случай опасности. Стоило собакѣ залаять и нарушить тишину пустынной равнины, какъ солдатъ отходилъ отъ огня, прикладывался головой къ землѣ и тихо обозрѣвалъ окрестность до самаго горизонта. Даже при крикѣ шумливаго терутеро наступало всеобщее молчаніе и всѣ головы на мгновеніе наклонялись, внимательно прислушиваясь. Какая жалкая жизнь у этихъ людей съ нашей точки зрѣнія! Отъ поста Саусе ихъ отдѣляли не менѣе 30 миль, а до слѣдующаго поста оставалось по крайней мѣрѣ шестьде-

[1]) Travels in Africa, p. 233.

сятъ миль съ тѣхъ поръ, какъ индѣйцы вырѣзали стражу ближайшаго поста. Индѣйцы, какъ полагаютъ, совершили нападеніе среди ночи, потому что рано утромъ здѣшній пикетъ по счастію замѣтилъ ихъ приближеніе, и всѣ люди спаслись, а также спасли лошадей. Каждый бѣжалъ, куда хотѣлъ, захвативъ съ собой столько лошадей со сколькими могъ управиться. Маленькій шалашъ, сложенный изъ стеблей репейника, въ которомъ они обыкновенно спятъ, не могъ защитить ни отъ вѣтра, ни отъ дождя, крыша даже только способствуетъ тому, что дождь собирается въ болѣе крупныя капли. Пищи у солдатъ не бываетъ никакой, кромѣ той, которую они достаютъ себѣ охотой на страусовъ, ланей, броненосцевъ и т. п. единственнымъ топливомъ служатъ сухіе стволы небольшого растенія, отчасти похожаго на алоэ. Вся роскошь, которой пользуются эти люди состоитъ въ куреніи маленькихъ папиросъ и въ питьѣ мате. Глядя на нихъ мнѣ казалось, что хищныя птицы, постоянныя спутницы человѣка на этихъ пустынныхъ равнинахъ, терпѣливо выжидая на окрестныхъ холмахъ, какъ будто хотѣли сказать: «Вотъ погодите, когда придутъ индѣйцы, у насъ будетъ славное угощеніе».

Мы всѣ отправились утромъ на охоту и, хотя нельзя было назвать ее успѣшной, нѣсколько разъ намъ удалось погоняться съ большимъ увлеченіемъ. Мы вскорѣ раздѣлились и условились въ назначенное время дня (они здѣсь очень искусны въ отгадываніи времени) съѣхаться всѣмъ съ разныхъ сторонъ на одно ровное мѣсто и туда пригнать всю дичь, которую каждый подниметъ. Я ѣздилъ однажды на охоту въ Багіа-Бланка, но тамъ охота ограничивается полукругомъ, въ которомъ движутся всадники, на разстояніи четверти мили другъ отъ друга. Красивый страусъ-самецъ, котораго выслѣдилъ передній всадникъ, попытался убѣжать въ сторону. Гаучосы сломя голову бросились за нимъ, поворачивая лошадей съ замѣчательнымъ искусствомъ, при чемъ каждый гаучо кружилъ боласами надъ головой. Передній всадникъ, наконецъ, бросилъ шары, которые, вращаясь въ воздухѣ, полетѣли къ цѣли. Черезъ мгновеніе страусъ катился по землѣ, запутавшись ногами въ ремняхъ.

Равнины изобилуютъ тремя видами куропатокъ [1]); два изъ нихъ равны по величинѣ самкѣ фазана. Тутъ тоже водится множество мелкихъ, красивыхъ лисицъ, истребляющихъ куропатокъ. Въ теченіе дня мы видѣли по крайней мѣрѣ сорокъ-пятьдесятъ штукъ этихъ лисицъ. Онѣ сидѣли большею частью подлѣ своихъ норъ, но собаки все-таки поймали одну изъ нихъ. Когда мы вернулись къ посту, то два охотника изъ нашей партіи, охотившихся отдѣльно, были уже дома. Они убили пуму и нашли страусовое гнѣздо съ двадцатью семью яйцами. Говорятъ, что яйцо страуса равно по вѣсу одиннадцати куринымъ яйцамъ; такимъ образомъ, одно страусово гнѣздо доставило намъ столько же питанія, сколько мы получили бы отъ двухсотъ девяноста семи куриныхъ яицъ.

14 сентября. Такъ какъ солдаты съ ближайшаго поста собирались вернуться къ себѣ, а насъ съ ними вмѣстѣ было пять человѣкъ, я рѣшилъ не дожидаться отряда, который долженъ былъ подойти. Мой хозяинъ, лейтенантъ, очень просилъ меня остаться. Получивъ отъ него много всякихъ одолженій,—онъ не только кормилъ меня, но и давалъ мнѣ своихъ лошадей,—я хотѣлъ заплатить ему за все. Я спросилъ у проводника, можно ли это сдѣлать, но онъ сказалъ мнѣ, что этого никакъ нельзя дѣлать, что я навѣрное получу такой отвѣтъ: «У насъ довольно

---

[1]) Два вида Tinamus и Eudromia elegans A. d'Orbigny, которую можно назвать куропаткой только по ея нравамъ.

мяса и для собакъ, поэтому намъ не жалко его для христіанина». Не надо вовсе думать, что чинъ лейтенанта въ такомъ войскѣ можетъ служить препятствіемъ къ полученію платы за услуги. Денегъ съ меня не взяли бы только изъ чувства гостепріимства, столь развитого по всей этой странѣ, что могутъ засвидѣтельствовать всѣ путешественники. Проскакавъ нѣсколько миль, мы пріѣхали въ низменную, болотистую мѣстность, простирающуюся миль на восемьдесятъ къ сѣверу до Сіерры-Тандьгуэнъ. Мѣстами встрѣчались прекрасныя влажныя равнины, поросшія травой; въ другихъ мѣстахъ почва была мягкая, черная, торфяная. Было по дорогѣ много большихъ, но мелкихъ озеръ съ широкими полосами тростника по берегамъ. Страна напоминала въ общемъ лучшія мѣста кэмбриджширскихъ болотъ. Трудно было найти сухое мѣстечко для ночлега.

15 сентября. Всталъ я очень рано; вскорѣ мы проѣхали мимо поста, гдѣ индѣйцы убили пять солдатъ. Офицеру нанесли орудіемъ чузо восемнадцать ранъ. Къ полудню, послѣ быстрой ѣзды вскачь, мы прибыли къ пятому посту. Встрѣтились затрудненія въ смѣнѣ лошадей, поэтому мы остались здѣсь ночевать. Такъ какъ этотъ пунктъ былъ всего болѣе подверженъ опасности нападеній, его охранялъ двадцать одинъ воинъ; къ заходу солнца они вернулись съ охоты и привезли съ собой семь ланей, трехъ страусовъ и множество броненосцевъ и куропатокъ. Существуетъ здѣсь обычай, проѣзжая, поджигать траву на равнинахъ, такъ что ночью на горизонтѣ видны были въ нѣсколькихъ мѣстахъ яркіе пожары. Дѣлается это частію, чтобы сбивать съ пути бродящихъ индѣйцевъ, но главнымъ образомъ для улучшенія пастбищъ. Въ травянистыхъ лугахъ, гдѣ нѣтъ крупныхъ жвачныхъ животныхъ, кажется, нужно уничтожать огнемъ излишнюю растительность, чтобы улучшить пастбище на слѣдующій годъ.

Ранчо въ этомъ мѣстѣ не могъ даже похвалиться крышей; онъ состоялъ изъ плетня, сдѣланнаго изъ стволовъ репейника и служившаго защитой противъ вѣтра. Станція эта находилась на берегу обширнаго, но мелководнаго озера, въ которомъ кишѣли дикія птицы. Между ними выдѣлялся лебедь съ черной шеей.

Здѣсь встрѣчаются большія стада одного вида ржанковыхъ, именно Hymantopus nigricollis, которыя точно стоятъ на ходуляхъ. Напрасно ихъ обвиняютъ въ отсутствіи изящества; онѣ имѣютъ видъ вовсе не лишенный ловкости, когда онѣ бродятъ по мелкой водѣ, которую особенно любятъ. Собравшись въ стаи, эти птицы издаютъ крикъ, весьма похожій на лай своры маленькихъ собакъ въ пылу охоты. Просыпаясь ночью, я не разъ былъ пораженъ этимъ звукомъ, доносившимся издали. Терутеро (Vanellus cayanus) принадлежитъ тоже къ птицамъ, часто нарушающимъ ночную тишину. Видомъ и привычками терутеро во многомъ напоминаетъ нашу англійскую peewit (пѣночку); только крылья ея вооружены острыми шпорами, подобными шпорамъ обыкновеннаго пѣтуха. Какъ англійская peewit, тетутеро получилъ свое названіе отъ звука, имъ издаваемаго. Когда проѣзжаешь по травянистымъ лугамъ, то постоянно видишь ихъ въ погонѣ за собой. Кажется, онѣ ненавидятъ людей, какъ люди ненавидятъ ихъ за ихъ пронзительный, непрерывный и однообразный крикъ. Охотника онѣ особенно раздражаютъ, потому что даютъ знать о его приближеніи всѣмъ другимъ птицамъ и звѣрямъ; путешественнику же онѣ могутъ быть, какъ говоритъ Молина, полезны тѣмъ, что предупреждаютъ его о полуночныхъ разбойникахъ. Во время высиживанія яицъ онѣ пробуютъ, такъ же какъ и наша пѣночка, отвлечь вниманіе собакъ

и другихъ враговъ отъ своихъ гнѣздъ тѣмъ, что прикидываются подшибленными. Яйца этой птицы считаются большимъ лакомствомъ.

16 сентября. Пріѣхали къ седьмому посту у подошвы Сіерра-Тапальгуэнъ. Мѣстность, по которой проѣзжали, была совершенно ровная, поросшая грубой травой поверхъ мягкой торфяной почвы. Мы нашли здѣсь очень опрятное жилище; столбы и перегородки были сдѣланы изъ дюжины-другой стволовъ репейника, связанныхъ между собой кожаными ремнями. Тростниковая крыша и такія же стѣнки опирались на эти колонны, въ родѣ іоническихъ. Намъ разсказали одинъ фактъ, которому я бы не повѣрилъ, если бъ не былъ самъ отчасти свидѣтелемъ его: наканунѣ выпалъ ночью градъ величиною въ маленькое яблоко и чрезвычайно крѣпкій; падалъ онъ съ такою силою, что убилъ множество дикихъ животныхъ. Одинъ изъ солдатъ уже нашелъ тринадцать мертвыхъ ланей (Cervus campestris) и я самъ видѣлъ ихъ свѣжія только что снятыя шкуры; нѣсколько минутъ спустя одинъ изъ нашихъ товарищей принесъ еще семь штукъ. Я-то хорошо знаю, что охотникъ одинъ, безъ собакъ не убьетъ семи ланей въ недѣлю. Охотники разсказывали, что видѣли около пятнадцати мертвыхъ страусовъ (часть одного изъ нихъ пошла намъ на обѣдъ); кромѣ того они замѣтили еще нѣсколькихъ страусовъ, бѣгающихъ по полю, которые, какъ имъ показалось, были слѣпы на одинъ глазъ. Было еще убито много маленькихъ птицъ какъ, надо полагать, утокъ, соколовъ и куропатокъ. На спинѣ одной куропатки я увидалъ черное пятно, какъ будто въ нее бросили булыжникомъ. Градомъ былъ почти совсѣмъ поломанъ плетень изъ стволовъ репейника. Человѣкъ, разсказывавшій мнѣ всѣ эти послѣдствія грозы, самъ высунулъ голову, желая посмотрѣть, что случилось и въ это время получилъ сильный порѣзъ градиной, такъ что онъ былъ въ повязкѣ. Говорятъ, что гроза прошла надъ ограниченнымъ райономъ; мы дѣйствительно видѣли съ мѣста нашего ночлега густое облако и молнію въ этомъ направленіи. Удивительно, что градъ могъ убить такихъ выносливыхъ животныхъ какъ лани, но я увѣренъ, послѣ всѣхъ доказательствъ, которыя я видѣлъ, что тутъ не было никакого преувеличенія въ передачѣ случившагося. Я очень радъ, что правдоподобіе такого происшествія подтверждается іезуитомъ Дробицгоферомъ [1]), который разсказываетъ, что въ мѣстности сѣвернѣе здѣшней шелъ градъ огромной величины, убившій множество скота; индѣйцы отъ этого прозвали мѣстность, гдѣ случился градъ, Лалеграйкавалка (Lalegraicavalca), что означаетъ «маленькія бѣлыя вещицы». Докторъ Мальколмсонъ сообщаетъ мнѣ тоже, что онъ видѣлъ въ 1831 году въ Индіи грозу съ градомъ, причинившимъ большой вредъ скоту и убившимъ множество большихъ птицъ. Градины были плоскія; въ одной было десять дюймовъ въ окружности, а другая вѣсила двѣ унціи. Онѣ избороздили песчаную дорожку, какъ картечь, и пробили круглыя отверстія въ оконныхъ стеклахъ, но не разбили ихъ.

Поѣвъ градомъ побитаго мяса за обѣдомъ, мы переѣхали черезъ Сіерра-Тапальгуэнъ, невысокую цѣль горъ всего въ нѣсколько сотъ футовъ вышиною, которая начинается у мыса Корріентесъ. Горная порода здѣсь состоитъ изъ чистаго кварца; дальше на востокъ, какъ я слышалъ, она должна быть гранитная. Холмы отличаются замѣчательной формой; они состоятъ изъ ряда плоскихъ террасъ, кругомъ которыхъ возвышаются низкія отвѣсныя скалы, похожія на остатки размытыхъ осадочныхъ слоевъ. Гора, на которую я поднимался, была очень мала, не болѣе двухъ

[1]) History of the Abipones, vol. II, p. 6.

сотъ ярдовъ въ поперечникѣ, но я видѣлъ болѣе значительныя возвышенія. Одно изъ нихъ, извѣстное здѣсь подъ названіемъ corral, имѣетъ, какъ говорятъ, отъ двухъ до трехъ миль въ поперечникѣ и окружено отвѣсными скалами отъ тридцати до сорока футовъ вышиною, которыя составляютъ какъ бы сплошную ограду, съ однимъ только открытымъ мѣстомъ, служащимъ входомъ въ ограду. Фальконеръ [1]) разсказываетъ о любопытномъ способѣ, употребляемомъ индѣйцами, чтобы караулить табуны лошадей: они загоняютъ ихъ за эту естественную ограду и сами стерегутъ только входъ. Другого примѣра я не знаю, гдѣ бы кварцевая порода была расположена плоскими уступами; она, кромѣ того, не имѣла ни расщелинъ, ни наслоеній въ той горѣ, которую я изслѣдовалъ. Мнѣ говорили, что corral состоитъ изъ бѣлаго камня, дающаго искры.

Мы доѣхали до поста на Ріо-Танальгуэнъ только къ вечеру. По нѣкоторымъ словамъ разговора за ужиномъ я представилъ себѣ съ ужасомъ, что намъ подали одно изъ любимыхъ здѣсь кушаній, т.-е. теленка-недоноска, но оказалось, что мы ѣли мясо пумы, очень бѣлое и вкусомъ совершенно похожее на телятину. Надъ докторомъ Шау смѣялись за то, что онъ такъ отзывался о львиномъ мясѣ: «оно очень цѣнится, потому что напоминаетъ телятину вкусомъ, цвѣтомъ и запахомъ». Подобный отзывъ вполнѣ можетъ относиться къ мясу пумы. Гаучосы расходятся во мнѣніяхъ по отношенію къ мясу ягуара, но зато всѣ единогласно признаютъ кошку за прекрасное кушанье.

17 сентября. По дорогѣ къ девятому посту мы отправились вдоль Ріо-Тапальгуэнъ, по крайне плодородной мѣстности. Городокъ Тапальгуэнъ, если его можно назвать городкомъ, представляетъ плоскую равнину, усѣянную всю сплошь, насколько видно глазу, тольдосами или печкообразными хижинами индѣйцевъ. Здѣсь живутъ семейства дружественнаго племени, воюющаго на сторонѣ генерала Розаса. Намъ попалось навстрѣчу много молодыхъ индѣйскихъ женщинъ; онѣ ѣхали верхомъ по двѣ, по три на одной лошади. Какъ и многіе изъ молодыхъ индѣйцевъ, онѣ поражали красотой и чуднымъ здоровымъ цвѣтомъ лица. Кромѣ тольдосовъ, здѣсь находились три ранчо (дома): въ одномъ жилъ комендантъ, а въ двухъ другихъ—испанцы, у которыхъ были маленькія лавки.

Мы купили здѣсь сухарей. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней я питался исключительно мясомъ и, собственно, ничего не имѣлъ противъ такого режима, но, конечно, онъ могъ быть полезенъ только при сильномъ движеніи. Я слыхалъ, что многіе больные въ Англіи, насилу могли примириться съ мяснымъ режимомъ, несмотря на то, что имъ онъ былъ предписанъ, какъ условіе, необходимое для выздоровленія. Между тѣмъ гаучосы въ пампасахъ ничего въ ротъ не берутъ, кромѣ мяса, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но я замѣчаю, что они ѣдятъ большое количество жира, а въ немъ менѣе выражено животное вещество; они особенно не любятъ сухого мяса, какъ, напримѣръ, мясо агути. Докторъ Ричардсонъ тоже говоритъ [2]), что «когда люди долго употребляютъ въ пищу мясо безъ жира, у нихъ развивается такое ненасытное желаніе жира, что они могутъ съѣдать его много и не только его, но даже жидкаго масла, безъ тошноты»; я вижу въ этомъ любопытный физіологическій фактъ. Мясное питаніе, можетъ быть, является причиной того, что гаучосы, подобно другимъ плотояднымъ животнымъ, могутъ

---

[1]) Falconer's Patagonia, p. 70.
[2]) Fauna Boreali-Americana, vol. I, p. 35.

долгое время воздерживаться отъ ѣды. Мнѣ разсказывали, что въ Тандилѣ отрядъ войска добровольно преслѣдовалъ партію индѣйцевъ, не имѣя возможности въ продолженіе трехъ дней ни ѣсть, ни пить.

Въ лавкахъ мы видѣли много разныхъ предметовъ кустарнаго производства, какъ, надо полагать, попоны, пояса и подвязки,—все издѣлія индѣйскихъ женщинъ. Узоры были очень красивы, цвѣта—ярки. Подвязки такъ хорошо сдѣланы, что одинъ купецъ въ Буэносъ-Айресѣ долго утверждалъ, что это издѣліе англійское, пока не замѣтилъ, что кисточки перевязаны сплющенными жилами.

18 сентября. Сегодня мы сдѣлали продолжительный переѣздъ. Подлѣ двѣнадцатаго поста, находящагося на 21 милю къ югу отъ Ріо-Саладо, мы увидѣли первую ферму, на которой былъ скотъ и жили бѣлыя женщины. Дальше намъ пришлось ѣхать на протяженіи многихъ миль по мѣстности, залитой водой; вода стояла выше лошадиныхъ колѣнъ. Мы подобрали стремена и сѣли по-арабски, поднявъ колѣнки; только благодаря такой посадкѣ намъ удалось остаться довольно сухими. Почти стемнѣло, когда мы пріѣхали въ Саладо; рѣка здѣсь была глубока и въ ширину имѣла сорокъ ярдовъ, но лѣтомъ она сильно высыхаетъ, а оставшаяся вода почти такъ же солона, какъ и морская вода. Мы ночевали на одной изъ большихъ фермъ генерала Розаса. Ферма эта была такъ укрѣплена, что въ темнотѣ я принялъ ее за крѣпость. Поутру мы увидали огромныя стада: генералъ здѣсь владѣетъ семидесятью четырьмя квадратными лигами земли. Въ прежнее время на фермѣ работало до трехсотъ человѣкъ; они же защищали имѣніе отъ индѣйскихъ набѣговъ.

19 сентября. Мы проѣхали черезъ Гваріа-дель-Монте. Этотъ хорошенькій разбросанный городокъ изобилуетъ садами съ множествомъ персиковыхъ и айвовыхъ деревьевъ. Здѣшняя равнина по виду походила на окрестности Буэносъ-Айреса; она поросла короткой ярко-зеленой травой съ полосами клевера и репейника и съ норами вискаша. Переѣхавъ по ту сторону Ріо-Саладо, я былъ пораженъ рѣзкой перемѣной въ характерѣ мѣстности. Мы перешли отъ грубой травы того берега на коверъ прекраснаго дерна. Сначала я приписывалъ эту перемѣну какому-нибудь измѣненію въ характерѣ почвы, но мѣстные жители увѣряли меня, что здѣсь, такъ же какъ въ Банда-Оріенталь, гдѣ существуетъ большая разница между окрестностями Монте-Видео и рѣдко заселенными саваннами колоніи, это различіе должно быть приписано тому обстоятельству, что домашній скотъ удобряетъ луга, на которыхъ пасется. Совершенно однородный фактъ замѣченъ въ преріяхъ [1]) Сѣверной Америки, гдѣ грубая трава отъ пяти до шести футовъ вышиною, превращается въ обыкновенное пастбище послѣ того, какъ на нее пустятъ скотину.

Я недостаточно занимался ботаникой, чтобы сказать, отчего происходитъ эта перемѣна: отъ введенія ли новыхъ видовъ, отъ измѣненія ли въ ростѣ прежнихъ или отъ разницы въ ихъ количественномъ отношеніи. Азара тоже съ удивленіемъ замѣтилъ эту перемѣну; онъ былъ очень озадаченъ внезапнымъ появленіемъ растеній, не виданныхъ по сосѣдству, на краю каждой тропинки, ведущей къ вновь выстроенной хижинѣ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «эти лошади (дикія) имѣютъ странную привычку оставлять свои экскременты на дорогахъ или по краямъ ихъ. Въ такихъ мѣстахъ встрѣчаются цѣлыя кучи навоза» [2]). Не объясняется

[1]) См. Mr. Atwater's account of the Prairies въ Silliman's N. A. Journal, vol I, p. 117.
[2]) Azara, Voyage, vol. I, p. 373.

ли этимъ отчасти явленіе, о которомъ я упоминаю здѣсь? Мы такимъ образомъ получаемъ полосы очень хорошо удобренной земли, которыя служатъ путями сообщенія черезъ большія пространства.

Подлѣ Гвардіа находится южная граница распространенія двухъ европейскихъ растеній, которыя теперь стали очень обыкновенны здѣсь. Въ окрестностяхъ Буэносъ-Айреса, Монте-Видео и другихъ городовъ по краямъ канавъ, растетъ въ изобиліи укропъ. Но кардонъ (Cynara cardunculus) [1]) имѣетъ еще большее распространеніе. Онъ встрѣчается въ этихъ широтахъ по всему материку, съ обѣихъ сторонъ Кордильеровъ. Я видалъ его въ глухихъ мѣстахъ Чили, Энтри-Ріосъ, и Банда-Оріенталь. На одну послѣднюю мѣстность приходится, вѣрно, нѣсколько сотъ квадратныхъ миль, сплошъ покрытыхъ этими колючими растеніями, такъ что ни люди, ни животныя не могутъ тамъ проходить. На холмистыхъ равнинахъ, гдѣ попадаются такія заросли, не можетъ расти ничего, но до введенія сюда этого растенія, почва, вѣроятно, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, производила густую траву. Не думаю, чтобы нашелся другой примѣръ такого широкаго завоеванія со стороны привознаго растенія надъ туземными. Какъ я уже говорилъ, мнѣ не случалось нигдѣ встрѣтить кардонъ къ югу отъ Саладо, но есть вѣроятія, что по мѣрѣ заселенія той мѣстности границы распространенія кордоны тоже расширятся. Другое дѣло—гигантскій чертополохъ пампасовъ (съ пестрыми листьями); его я встрѣчалъ и въ долинѣ Саусе. Судя по законамъ, такъ хорошо изложеннымъ Лайэллемъ, немногія страны испытали столь замѣчательныя измѣненія, какъ Ла-Плата съ 1535 года, когда здѣсь высадились первые колонисты съ семидесятью двумя лошадьми. Безчисленныя стада лошадей, рогатаго скота и овецъ не только измѣнили весь характеръ растительности, но почти вытѣснили отсюда гуанако, лань и страуса. Должно быть, произошло еще множество и другихъ измѣненій; одичавшій кабанъ вѣроятно замѣнилъ мѣстами пекари, по лѣсистымъ берегамъ уединенныхъ ручьевъ раздается вой одичавшихъ собакъ, между тѣмъ какъ обыкновенная кошка, переродившаяся въ большое и свирѣпое животное, живетъ на скалистыхъ холмахъ. По замѣчанію г. д'Орбиньи, грифы должны были сильно размножиться со времени переселенія домашнихъ животныхъ. Нами были уже приведены доказательства того, что они продвинулись южнѣе прежняго. Кромѣ кардона и укропа, многія другія растенія, безъ сомнѣнія, тоже здѣсь усвоились; такъ, острова подлѣ устьевъ Параны густо заросли персиковыми и померанцевыми деревьями, которыя выросли изъ сѣмянъ, занесенныхъ туда волнами рѣки.

Пока мы мѣняли лошадей на станціи Гвардіа, нѣсколько человѣкъ разспрашивали насъ объ арміи генерала Розаса; я никогда не видалъ ничего подобнаго всеобщему увлеченію Розасомъ и горячимъ пожеланіямъ, которыя высказывались за успѣхъ «справедливѣйшей изъ войнъ, потому

[1]) T. A. d'Orbigny (vol. I, p. 474) говоритъ, что кардонъ и артишоки встрѣчаются въ дикомъ состояніи. Д-ръ Гукеръ (Botanical Magazine, vol. IV, p. 2862) описалъ видъ цинары изъ этой части Южной Америки подъ названіемъ inermis. Онъ говоритъ, что всѣ ботаники признаютъ теперь кардонъ и артишокъ за разновидности одного и того же вида растенія. Могу съ своей стороны прибавить, что одинъ умный фермеръ увѣрялъ меня будто онъ самъ замѣтилъ въ одномъ заброшенномъ саду артишоки, которые мало-по-малу превращались въ обыкновенные кардоны. Д-ръ Гукеръ думаетъ, что яркое описаніе пампасскаго репейника у Геда относится къ кардону, но это—ошибочное мнѣніе. Капитанъ Гедъ имѣлъ въ виду растеніе, о которомъ я буду говорить дальше и которое я называю гигантскимъ чертополохомъ. Чертополохъ ли это на самомъ дѣлѣ, не знаю, но только растеніе это совсѣмъ не похоже на кардонъ и болѣе походитъ на обыкновенный чертополохъ.

что эта война ведется противъ варваровъ». Надо признаться, что такое прозвище заслужено индѣйцами, такъ какъ до послѣдняго времени ни мужчины, ни женщины, ни лошади не были ограждены отъ ихъ насилій. Мы совершили длинный переѣздъ по той же роскошной зеленой равнинѣ, изобилующей разнообразными стадами, и по дорогѣ намъ попадались уединенныя фермы съ единственнымъ деревомъ омбу при каждой изъ нихъ. Вечеромъ шелъ проливной дождь. Подъѣхавъ къ одной станціи, мы услышали отъ хозяина, что если при насъ нѣтъ паспартовъ, то мы можемъ отправляться дальше: столько развелось разбойниковъ, что онъ никому больше не вѣритъ. Прочитавъ, однако, на моемъ видѣ слова «El Naturalista Don Carlos» онъ сдѣлался столь же вѣжливъ и почтителенъ, сколько до этого былъ подозрителенъ. О томъ, что значитъ «натуралистъ», я думаю, ни онъ, ни его соотечественники не имѣли ни малѣйшаго понятія, но вѣроятно, мой титулъ не сталъ отъ этого менѣе важенъ въ его глазахъ.

20 сентября. Мы пріѣхали около полудня въ Буэносъ-Айресъ. Живыя изгороди изъ агавы и рощи оливковыхъ, персиковыхъ и ивовыхъ деревьевъ, только что развертывавшихъ свои свѣжіе, зеленые листья, придавали очень привлекательный видъ городскимъ предмѣстьямъ. Я отправился въ домъ одного англійскаго купца, которому я очень обязанъ за любезность и гостепріимство, оказанныя мнѣ во время моего посѣщенія.

Буэносъ-Айресъ [1])—большой городъ и, какъ мнѣ кажется, можетъ считаться однимъ изъ самыхъ правильныхъ городовъ въ мірѣ. Каждая улица пересѣкаетъ подъ прямымъ угломъ другую улицу и точки пересѣченія всѣ на равномъ другъ отъ друга разстояніи, такъ что дома собраны въ плотные четырехугольники одинаковыхъ размѣровъ, которые называются quadras. Дома тоже представляютъ изъ себя пустые четырехугольники, съ комнатами, выходящими окнами на чистенькіе маленькіе дворы. Дома большею частію одноэтажные съ плоскими крышами, на которыхъ разставлены стулья, такъ какъ лѣтомъ крыши служатъ мѣстомъ сборища всѣхъ жильцовъ дома. Въ центрѣ города находится площадь; здѣсь помѣщаются публичныя зданія, крѣпость, соборъ и пр. Здѣсь же до революціи жили въ своихъ дворцахъ вице-короли. Общій архитектурный видъ зданій довольно красивъ, хотя ни одно изъ нихъ, взятое отдѣльно, не можетъ похвалиться изяществомъ.

Всего больше заслуживаетъ вниманіе большой корралъ (ограда), гдѣ содержатся животныя, предназначенныя на убой для удовлетворенія нуждъ этого плотояднаго населенія. Сила лошади по сравненію съ силою быка изумительна; человѣкъ верхомъ, бросившій лассо на рога животнаго, можетъ вести его куда угодно. Сперва быкъ изо всѣхъ силъ роетъ землю вытянутыми ногами и, напрасно стараясь вырваться, бросается въ сторону, но тутъ лошадь дѣлаетъ внезапный поворотъ, чтобы выдержать напоръ, и стоитъ такъ твердо, что почти сшибаетъ съ ногъ быка. Удивительно, какъ они не сломаютъ себѣ шеи при этомъ. Борьба впрочемъ не основана исключительно на силѣ, такъ какъ подпруга лошади сдѣлана въ расчетѣ на то, что быкъ будетъ ее сильно натягивать. Такимъ же образомъ человѣку удается сдержать самую необузданную лошадь, если онъ поймаетъ ее арканомъ за шею, какъ разъ позади ушей. Когда быкъ бываетъ приведенъ на мѣсто убоя, матадоръ прежде

---

[1]) Въ немъ насчитывается 60.000 жителей, въ Монте-Видео, второмъ по значенію городѣ на берегахъ Ла-Платы населеніе состоитъ изъ 15.000 жителей.

всего осторожно перерѣзываетъ подколѣнныя жилы. Послѣ этого раздается предсмертный ревъ, звукъ, въ которыхъ слышится самая отчаянная мука. Я часто слышалъ его издали и зналъ тогда, что насталъ конецъ борьбѣ быка съ человѣкомъ. Общій видъ бойни ужасенъ и возмутителенъ: вся земля покрыта костями, а лошади и всадники всѣ перепачканы запекшейся кровью.

ГЛАВА VII.

Отъ Буэносъ-Айреса до Санта-Фе.

Поѣздка въ Санта-Фе.—Поля чертополоха.—Нравы вискаши.—Маленькая сова.—Равнины.—Мастодонтъ.—Санта-Фе.—Перемѣна ландшафта.—Геологія.—Зубъ исчезнувшаго вида лошади.—Отношенія вымершихъ и живущихъ млекопитающихъ Сѣверной и Южной Америки.—Дѣйствіе продолжительной засухи.—Парана.—Нравы ягуара.—Ножеклювъ.—Зимородокъ, попугай и Tyrannus savanna — Революція.—Буэносъ.—Айресъ.—Положеніе правительства.

27 сентября. Вечеромъ я предпринялъ поѣздку въ Санта-Фе, городъ, который находится въ разстояніи около трехсотъ англійскихъ миль отъ Буэносъ-Айреса; онъ стоитъ на берегу рѣки Тараны. Послѣ дождливой погоды дороги въ окрестностяхъ города очень испортились. Я не могъ себѣ представить, чтобы телѣга, запряженная волами, могла тащиться по такой дурной дорогѣ; конечно, волы проходили не болѣе мили въ часъ и притомъ впереди ѣхалъ человѣкъ, который указывалъ лучшія мѣста для проѣзда. Животныя очень утомились. Какъ ошибаются люди, предполагающіе, что усовершенствованныя дороги и ускоренная ѣзда должны привести къ соотвѣтственному увеличенію страданій животныхъ! Мы обогнали вереницу повозокъ и стадо быковъ по дорогѣ къ Мендосѣ. Разстояніе отъ Буэносъ-Айреса до Санта-Фе считается въ 580 географическихъ миль, и путешествіе совершается обыкновенно въ пятьдесятъ дней. Повозки, на которыхъ ѣздятъ здѣсь, очень длинны, узки и переплетены тростникомъ; онѣ на двухъ колесахъ, которыя иногда имѣютъ до десяти футовъ въ діаметрѣ. Каждую повозку везутъ шесть воловъ, а погоняютъ ихъ палкой по крайней мѣрѣ въ двадцать футовъ длиною; ее привѣшиваютъ къ крышѣ повозки съ внутренней стороны; для передней пары воловъ есть палка поменьше, а для средней—приспособленъ отростокъ отъ длинной палки. Весь этотъ аппаратъ напоминаетъ какое-то воинственное орудіе.

28-го сентября. Намъ пришлось проѣхать маленькій городокъ Люханъ, имѣющій деревянный мостъ, что для здѣшнихъ мѣстъ явленіе необыкновенное. Проѣхали мы еще Арело. Казалось, что передъ нами разстилается плоская равнина, но на самомъ дѣлѣ этого не было, потому что мѣстами открывался видъ на далекій горизонтъ. Фермы здѣсь расположены на довольно большомъ разстояніи другъ отъ друга, такъ какъ здѣсь немного есть хорошихъ пастбищъ вслѣдствіе того, что земля поросла горькимъ клеверомъ и чертополохомъ. Это растеніе, хорошо извѣстное по картинному описанію сэра Ф. Геда, достигало въ ту пору года только двухъ третей своей обыкновенной вышины, и все-таки, мѣстами оно доходило до спины лошади; зато въ другихъ мѣсахъ оно еще вовсе не показывалось. Здѣсь земля была совсѣмъ голая, и пыль стояла какъ на большой дорогѣ. Заросли кустарниковъ ярко зеленѣли,

давая пріятное впечатлѣніе миніатюрныхъ лѣсовъ. Когда чертополохъ достигаетъ полнаго роста, поля становятся непроходимыми, и только немногія тропинки разбѣгаются во всѣ стороны, представляя нѣчто въ родѣ лабиринта. Ихъ знаютъ одни разбойники, живущіе здѣсь въ эту пору года и выходящіе ночью на разбой, зная, что они могутъ безнаказанно грабить и убивать. Когда я разъ спросилъ въ одномъ домѣ, много ли бываетъ разбойниковъ, мнѣ отвѣчали «Чертополохъ: еще не выросъ»; сначала смыслъ этого отвѣта остался для меня необъяснимымъ, Проѣзжать по полямъ чертополоха не интересно, такъ какъ на нихъ водится очень мало звѣрей и птицъ, за исключеніемъ вискаши и ея пріятельницы, маленькой совы.

Вискаша [1]), какъ извѣстно, является характерной представительницей фауны пампасовъ. На югѣ ее можно встрѣтить до Ріо-Негро подъ 41° широты, но не дальше. Вискаша не можетъ существовать, какъ агути, въ покрытыхъ гравіемъ и пустынныхъ равнинахъ Патагоніи, но предпочитаетъ глинистую или песчаную почву, которая производитъ иную, болѣе обильную, растительность. Подлѣ Мендосы, у подошвы Кордильеровъ, это животное встрѣчается въ близкомъ сосѣдствѣ съ родственнымъ ему альпійскимъ видомъ. Въ отношеніи его географическаго распредѣленія надо замѣтить одинъ любопытный фактъ: по счастію для жителей Банда-Оріенталь, вискаша никогда не встрѣчается на востокъ отъ р. Уригвай, несмотря на то, что въ этой мѣстнотти есть равнины, какъ неллзя болѣе приспособленныя къ ея нравамъ. Рѣка Уругвай представляетъ неустранимое препятствіе ея переселенію, хотя вискаша не остановилась передъ болѣе широкой рѣкой Параной, и ее можно нерѣдко встрѣтить въ провинціи Энтре-Ріосъ, лежащую между этими двумя большими рѣками. По сосѣдству съ Буэносъ-Айресомъ вискаша водится въ большомъ количествѣ. Любимыми ихъ мѣстами служатъ тѣ части равнины, которыя въ продолженіе полугода бываютъ покрыты гигантскимъ чертополохомъ, безъ всякой примѣси другихъ растеній. Гаучосы утверждаютъ, что вискаша питается кореньями; это представляется мнѣ возможнымъ въ виду силы ея зубовъ и той мѣстности, которую она посѣщаетъ. По вечерамъ животныя эти выходятъ цѣлыми стадами и спокойно сидятъ на заднихъ лапкахъ у входа въ свои норы. Въ такія времена онѣ очень смирны, такъ что при видѣ проѣзжающаго всадника онѣ только серьезно его разсматриваютъ. Бѣгаютъ вискаши очень неловко; когда онѣ спасаются бѣгствомъ, поднятые хвосты и короткія переднія ноги придаютъ имъ большое сходство съ крупными крысами. Мясо ихъ бѣлое и очень вкусное, но оно рѣдко употребляется въ пищу.

Вискаша отличается однимъ, очень страннымъ обычаемъ: она тащитъ всякій твердый предметъ къ отверстію своей норы. Вокругъ каждой группы норъ собраны въ кучу множество костей отъ животныхъ, каменьевъ, стволовъ чертополоха, затвердѣвшихъ комьевъ земли, сухого навоза и пр. Часто такія кучи бываютъ настолько велики, что могли бы наполнить цѣлую тачку. Я слышалъ изъ достовѣрнаго источника, что одинъ господинъ, проѣзжая ночью, уронилъ свои часы; на слѣдующее утро онъ вернулся и, обыскавъ весь рядъ вискашиныхъ норъ, нашелъ свои часы, какъ и ожидалъ. Такая привычка подбирать все, что найдется твердаго по близости отъ жилища, должна, я думаю, причинять не мало

1) Вискаша (Lagostomus trichodastylus) нѣсколько напоминаетъ большого кролика, но у нея зубы большіе и хвостъ длинный; какъ у агути у нея только три пальца на заднихъ ногахъ. За послѣдніе три или четыре года шкуры этихъ животныхъ вывозятся въ Англію ради мѣха.

труда. Съ какой цѣлью это дѣлается, я не могу никакъ догадаться: врядъ ли имѣется въ виду цѣль самозащиты, потому что всѣ эти отбросы складываются больше всего надъ отверстіемъ норы, а входъ направляется подъ землю нѣсколько наклонно. Безъ сомнѣнія, причина существуетъ, но туземные жители ее не знаютъ. Единственный подобный фактъ, мнѣ извѣстный—это привычка необыкновенной австралійской птицы (Calodera maculata); эта птица строитъ себѣ изъ вѣтокъ изящный сводъ, подъ которымъ она играетъ и куда она собираетъ морскія и сухопутныя раковины, кости и перья птицъ, особенно ярко окрашенныя перья. Г. Гульдъ, описавшій эти факты, сообщаетъ мнѣ, что туземцы всегда ищутъ потерянныя твердыя вещи подъ этими сводами, обозначающими мѣста птичьихъ игръ, и что онъ самъ видѣлъ, какъ однажды такимъ образомъ нашлась курильная трубка.

Маленькая сова (Athene cunicularia), о которой я уже не разъ упоминалъ, живетъ исключительно въ норахъ вискаши, на равнинахъ Буэносъ-Айреса, но въ Банда-Оріенталь она сама устраиваетъ свое жилище. Въ теченіе дня, а чаще въ сумерки, можно увидать этихъ птицъ, сидящихъ по всѣмъ направленіямъ, часто попарно, на буграхъ подлѣ своихъ норъ. Когда ихъ что-нибудь потревожитъ, онѣ тотчасъ скрываются въ норахъ или, пронзительно крикнувъ, необыкновенно плавно перелетаютъ на небольшое разстояніе отъ норы; потомъ обернувшись, пристально смотрятъ на врага.

Вечеромъ случается слышать гуканье этихъ совъ. Я нашелъ въ желудкахъ двухъ изъ нихъ, вскрытыхъ мною, остатки мышей, а въ другой разъ я видѣлъ, какъ сова убила маленькую змѣю и унесла ее съ собой. Говорятъ, что змѣи служатъ имъ самой обыкновенной добычей въ дневное время. Я могу привести случай, доказывающій, до чего разнообразна бываетъ пища совы: у одного вида совы на Чоновскомъ архипелагѣ былъ найденъ желудокъ, наполненный крупными краббами. Въ Индіи [1]) водится видъ совъ-рыболововъ, питающихся также краббами.

Мы переѣхали вечеромъ черезъ Ріо-Аресифе на простомъ паромѣ, сдѣланномъ изъ связанныхъ между собою боченковъ, и ночевали на почтовой станціи по ту сторону рѣки. Я заплатилъ въ этотъ день прогоны за тридцать одну лигу, и, хотя солнце сильно припекало, но я совсѣмъ почти но усталъ. Когда читаешь, что капитанъ Гедъ проѣхалъ за одинъ день пятьдесятъ лигъ, то не можешь себѣ представить, чтобы это разстояніе равнялось полутораста англійскимъ милямъ. Во всякомъ случаѣ мои тридцать одна лига составляли по прямой линіи только 76 миль, и къ этому можно еще прибавить четыре мили на повороты, какъ оно должно быть въ такой ровной мѣстности.

29-го и 30-го сентября. Мы продолжали ѣхать по равнинамъ такого же общаго характера. Въ Санъ-Николасъ я увидалъ въ первый разъ величественную рѣку Парану. Нѣсколько большихъ кораблей стояли на якорѣ у подошвы скалы, на которой расположенъ городъ. Не доѣзжая до Розаріо, мы переправились черезъ Саладильо, ручей чистой и прозрачной воды, но вода эта слишкомъ солона для питья. Розаріо — большой городъ; выстроенъ онъ на совершенно ровной площади, образующей утесъ около шестидесяти футовъ вышиною надъ рѣкою. Парана здѣсь очень широка и усѣяна низменными и лѣсистыми островами; противоположный берегъ тоже низменный и покрытъ лѣсами. Вообще видъ походилъ бы на большое озеро, если бъ не было прямолинейныхъ очертаній острововъ,

[1]) Journal of Asiatic Society, vol. V., p. 363.

указывающихъ на присутствіе текучей воды. Скалы особенно живописны; мѣстами онѣ почти отвѣсны и краснаго цвѣта, мѣстами же онѣ представляютъ нагроможденіе глыбъ, поросшихъ кактусами и мимозами. Однако истинное величіе такой огромной рѣки проистекаетъ изъ размышленій, на которыя она наводитъ; глядя на нее, представляешь себѣ, какимъ важнымъ средствомъ сообщенія она служитъ между разными народами, какъ она способствуетъ развитію торговли, какія разстоянія она протекаетъ, сколь обширна та страна, изъ которой набирается вся эта масса прѣсной воды, катящей свои волны у вашихъ ногъ.

На большое разстояніе къ сѣверу и югу отъ Санъ-Николасъ и Розаріо простирается совершенно плоская равнина. Все что было сказано въ разныхъ путешествіяхъ о ея чрезвычайной плоскости едва ли можетъ быть принято за преувеличеніе. И, несмотря на это, я никогда не могъ найти такого мѣста, откуда бы, при медленномъ поворачиваніи головы, предметы не казались бы на разныхъ разстояніяхъ, т.-е. дальше въ одномъ направленіи и ближе въ другомъ, что несомнѣнно указываетъ на неровности почвы. Въ морѣ, если человѣкъ смотритъ съ высоты шести футовъ надъ уровнемъ воды, горизонтъ, видимый его глазу, отдаленъ на $2^{4}/_{5}$ мили. Точно такъ же и на плоской равнинѣ горизонтъ долженъ тѣмъ ближе подходить къ этому ограниченному предѣлу, чѣмъ мѣстность болѣе ровна. Это обстоятельство разрушаетъ, по-моему, то впечатлѣніе величія, которое, казалось бы, должна производить обширная плоская равнина.

1-го октября. Мы выѣхали въ лунную ночь и прибыли къ берегамъ Ріо-Терсеро къ восходу солнца. Эту рѣку принято тоже называть Саладильо; она, дѣйствительно, достойна такого названія, потому что вода въ ней солоноватая. Я провелъ здѣсь большую часть дня, разыскивая ископаемыя кости. Кромѣ прекрасно сохранившагося зуба Toxodon и множества другихъ разрозненныхъ костей, я нашелъ два огромныхъ скелета, которы находились рядомъ и рельефно выдавались изъ отвѣсной скалы Параны. Эти скелеты, однако, до того истлѣли, что мнѣ удалось унести съ собой только обломки коренного зуба, но и по нимъ можно заключить, что скелеты принадлежатъ мастодонтамъ, вѣроятно, изъ того же вида, который, должно быть, въ раннюю эпоху водился въ большомъ количествѣ на Кордильерахъ и въ верхнемъ Перу. Люди, перевозившіе меня на лодкѣ, говорили мнѣ, что они давно видали эти скелеты и часто удивлялись тому, какимъ образомъ они могли сюда попасть. Чувствуя необходимость найти себѣ объясненіе этого факта, лодочники мои пришли къ заключенію, что мастодонты, какъ и вискаши, рыли себѣ норы въ прежнее время! Вечеромъ мы совершили переѣздъ до слѣдующей остановки и переплыли черезъ Монжъ, тоже соляный ручей, который уноситъ своимъ теченіемъ осадки изъ пампасовъ.

2-го октября. Мы проѣхали Корундо. Эта деревня, украшенная чудными садами,—одна изъ самыхъ красивыхъ деревень, когда-либо видѣнныхъ мною. Отсюда и до Санта-Фе идетъ дорога не вполнѣ безопасная. Западная часть сѣверныхъ береговъ Тараны совсѣмъ не заселена. По этой причинѣ сюда нерѣдко заходятъ индѣйцы и нападаютъ на путешественниковъ. Сама природа благопріятствуетъ внезапнымъ нападеніямъ, такъ какъ здѣсь равнина покрытая травой, замѣняется лѣсистой мѣстностію, поросшей низкими колючими мимозами. Намъ попались по дорогѣ нѣсколько ограбленныхъ и заброшенныхъ домовъ. Мы наткнулись еще на зрѣлище, доставившее большую радость моимъ проводникамъ: на вѣткѣ качалася скелетъ индѣйца, обтянутый высохшей кожей.

Къ утру мы достигли Санта-Фе. Меня очень удивила перемѣна климата, которую я замѣтилъ. Она была тѣмъ болѣе удивительна, что между Буэносъ-Айресомъ и Санта-Фе не болѣе трехъ градусовъ разницы въ широтѣ. О различіи въ климатахъ обоихъ городовъ можно было легко судить по одеждѣ и цвѣту лица жителей, по величинѣ дерева омбу, по множеству кактусовъ и другихъ растеній, но въ особенности по птицамъ. Въ теченіе одного часа я замѣтилъ съ полдюжины птицъ, которыхъ я никогда не встрѣчалъ въ Буэносъ-Айресѣ. Взявъ въ соображеніе отсутствіе естественной границы между обѣими мѣстностями, а также сходство въ общемъ характерѣ, разница много превышала мои ожиданія.

3 и 4 октября. Головная боль заставила меня пролежать два дня въ постели. Добродушная старушка, ухаживавшая за мною, предлагала мнѣ всевозможныя странныя лѣкарства. Здѣсь существуетъ обычай отъ головной боли привязывать къ вискамъ апельсинныя листья или черный пластырь; а еще чаще берутъ бобъ, разрѣзываютъ его пополамъ и прикладываютъ по половинѣ боба къ каждому виску; бобы плотно прилипаютъ къ вискамъ и считается безполезнымъ отдирать ихъ или пластырь; напротивъ, надо дать имъ самимъ отвалиться; поэтому случается услыхать въ отвѣтъ отъ человѣка съ заплатами на головѣ: «у меня болѣла голова третьяго дня». Многія средства, употребляемыя мѣстными жителями до смѣшного странны, но онѣ слишкомъ противны, чтобы говорить о нихъ. Одно изъ наименѣе отвратительныхъ средствъ состоитъ въ томъ, что разрѣзаютъ животы у двухъ щенковъ и привязываютъ ихъ по обѣимъ сторонамъ сломанной ноги и руки. Существуетъ большой спросъ на маленькихъ, голыхъ сабаченокъ, которыхъ кладутъ спать къ ногамъ больного.

Санта-Фе—тихій маленькій городокъ, въ которомъ поддерживается большая чистота и порядокъ. Губернаторъ Лопесъ былъ простымъ солдатомъ во время революціи, но съ тѣхъ поръ онъ въ продолженіе семнадцати лѣтъ находится у власти. Такое продолжительное управленіе объясняется его наклонностію къ деспотизму, потому что въ этихъ странахъ деспотическая власть болѣе примѣнима, нежели республиканскій образъ правленія. Любимое занятіе губернатора—травля индійцевъ; недавно онъ перебилъ 48 человѣкъ, а дѣтей продалъ по три или по четыре фунта стерлинговъ за штуку.

5 октября. Мы переѣхали черезъ Парану въ Санта-Фе-Бахада, городъ, стоящій на противоположномъ берегу. Переправа заняла нѣсколько часовъ, потому что рѣка здѣсь состоитъ изъ цѣлаго лабиринта маленькихъ рукавовъ, раздѣленныхъ между собою низкими, лѣсистыми островами. Меня снабдили рекомендательнымъ письмомъ къ старому каталонскому испанцу, оказавшему мнѣ необыкновенно горячее гостепріимство. Бахада—столица провинціи Энтре-Ріосъ. Въ 1825 году городъ насчитывалъ всего 6.000 жителей, а во всей провинціи было 30.000, и, несмотря на такое малое населеніе, ни одна страна не переживала такихъ кровавыхъ, отчаянныхъ революцій. Жители хвалятся тѣмъ, что имѣютъ представителей, министровъ, постоянное войско и губернаторовъ, такъ что нечего удивляться на то, что здѣсь бываютъ революціи. Со временемъ эта провинція должна сдѣлаться одной изъ богатѣйшихъ мѣстностей Ла-Платы. Почва разнообразная и плодородная, а положеніе страны почти островное, дающее ей два великолѣпныхъ водныхъ пути по рѣкамъ Парана и Уругвай.

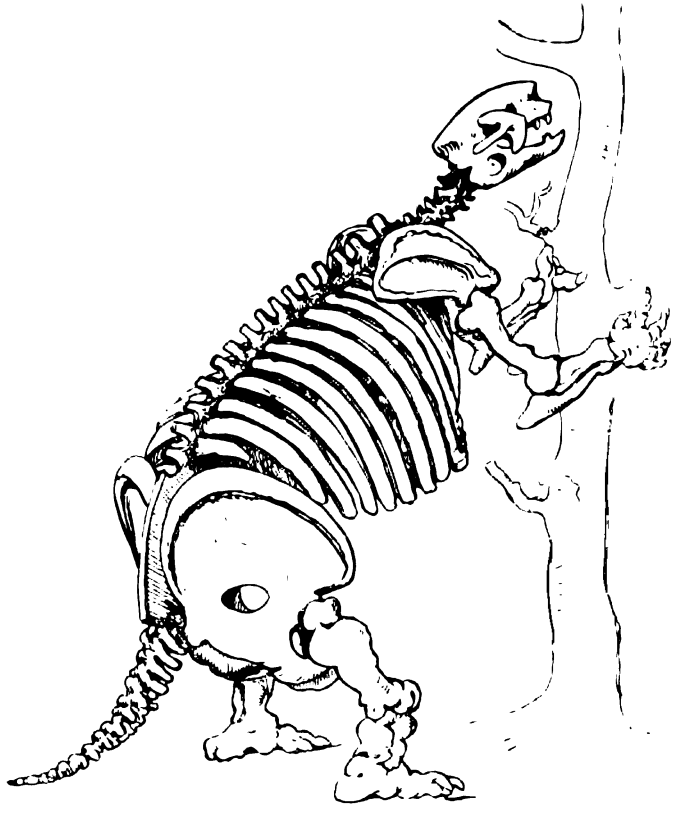
Я остановился здѣсь на пять дней и употребилъ это время на геологическія изслѣдованія окрестностей, что оказалось весьма интереснымъ. У подошвы скалъ мы видимъ здѣсь слои съ находящимися въ нихъ зубами акулъ и морскихъ раковинъ исчезнувшихъ видовъ. Кверху эти

слои переходятъ въ затвердѣвшій мергель, а потомъ въ красную глинистую землю пампасовъ съ известковыми конкреціями и костями наземныхъ млекопитающихъ. Вертикальный разрѣзъ ясно указываетъ на то, что здѣсь раньше былъ большой заливъ чистой соленой воды, который мало-по-малу превращался въ ложе мутнаго лимана, куда заносились плывшіе по рѣкѣ трупы животныхъ. Въ Пунта-Горда, въ Банда-Оріенталь, я видѣлъ осадки отъ почвы пампасовъ, которые были смѣшаны съ известнякомъ, содержавшимъ въ себѣ нѣкоторые виды вымершихъ морскихъ раковинъ; фактъ этотъ указываетъ на то, что произошло измѣненіе русла прежнихъ рѣкъ, или, и это вѣроятнѣе, были колебанія дна прежняго лимана. Еще недавно общій видъ формаціи пампасовъ, положеніе ея около устья нынѣ существующей великой рѣки Ла-Платы и присутствіе въ ней множества остатковъ сухопутныхъ млекопитающихъ заставляли меня считать эту формацію наносной въ лиманѣ; но въ послѣднее время профессоръ Эренбергъ оказалъ мнѣ любезность, изслѣдовавъ образчикъ красной земли, взятой изъ нижнихъ слоевъ, подлѣ самыхъ скелетовъ мастодонта, и онъ нашелъ въ этой землѣ много инфузорій частью морскихъ, частью прѣсноводныхъ, съ преобладаніемъ послѣднихъ, а слѣдовательно, какъ онъ замѣчаетъ, вода должна быть солоноватой. Г. А. д'Орбиньи нашелъ на берегахъ Параны, на высотѣ ста футовъ, большіе слои лиманныхъ раковинъ, которыя живутъ теперь на сто миль ниже и ближе къ морю; я находилъ такія же раковины на меньшей высотѣ по берегамъ Уругвая; это доказываетъ, что пампасы, непосредственно передъ тѣмъ, какъ они медленно поднялись и превратились въ сушу, были покрыты солоноватой водой. Ниже Буэносъ-Айреса находятся приподнятыя наслоенія морскихъ раковинъ изъ современныхъ видовъ, а изъ этого тоже надо заключить, что поднятіе пампасовъ совершилось въ недавній періодъ времени.

Въ осадкахъ, оставленныхъ пампасами около Бахады, я нашелъ костяной панцырь огромнаго животнаго, похожаго на броненосца; внутренняя сторона панцыря, послѣ того какъ ее очистили отъ земли, напоминала большой котелъ; кромѣ того, мною были найдены зубы токсодонта и мастодонта и одинъ зубъ лошади. Всѣ эти остатки были въ такомъ же истлѣвшемъ и разрушенномъ состояніи. Зубъ лошади крайне заинтересовалъ меня [1]), и я приложилъ всевозможныя старанія, чтобы узнать былъ ли онъ одновременно похороненъ съ остальными остатками; дѣло въ томъ, что я въ то время еще не зналъ о находкѣ лошадинаго зуба въ числѣ ископаемыхъ костей въ Багіа-Бланка, гдѣ онъ былъ скрытъ въ основной породѣ; кромѣ того, еще не было достовѣрно извѣстно, что въ С. Америкѣ находятъ часто остатки вымершихъ лошадей. Недавно Г. Лайэлль привезъ изъ Соединенныхъ Штатовъ лошадиный зубъ. Любопытно, что профессоръ Оуэнъ не могъ найти ни у одного вида лошади, какъ изъ вымершихъ, такъ и изъ живущихъ, тотъ небольшой, но особенно характерный изгибъ, отличающій зубъ, привезенный господиномъ Лайэллемъ, пока ему не пришло въ голову сравнить этотъ зубъ съ зубомъ, найденнымъ мною здѣсь. Онъ назвалъ эту американскую лошадь Equus curvidens. Конечно, надо дивиться такому факту въ исторіи млекопитающихъ: въ Южной Америкѣ жила когда-то туземная лошадь и въ свое время исчезла, а въ послѣдующія времена ей на смѣну явились безчисленныя стада, происшедшія отъ нѣсколькихъ лошадей, ввезенныхъ сюда испанскими колонистами. Въ высшей степени интересенъ, по отно-

[1]) Безполезно напоминать читателю, что существуютъ вѣскія доказательства того факта, что во времена Колумба не было въ Америкѣ лошадей.

шенію къ географическому распространенію животныхъ, тотъ фактъ, что въ Южной Америкѣ существуютъ: ископаемая лошадь, мастодонтъ, быть можетъ слонъ [1]) и полорогое жвачное животное, открытое въ бразильскихъ пещерахъ гг. Лундомъ и Клаузеномъ. Если въ настоящее время мы раздѣлимъ Америку не у Панамскаго перешейка, а въ южной части Мексики (подъ 20° широты), тамъ, гдѣ обширное плоскогорье препятствуетъ переселенію видовъ тѣмъ, что оно измѣняетъ климатъ и образуетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ долинъ и низменной береговой по-



Мастодонтъ.

лосы, широкую преграду, то получается двѣ зоологическія области,—Сѣверная и Южная Америка, сильно отличающіяся одна отъ другой [2]).

Только немногіе виды пробрались черезъ эту преграду, какъ, напр., пума, опоссумъ, кинкажу и пекари, которыхъ можно считать переселенцами съ

[1]) Cuvier, Ossemens fossiles, tom. I, p. 158.

[2]) Этого географическаго раздѣленія придерживались Лихтенштейнъ, Свенсонъ, Эриксонъ и Ричардсонъ. Разрѣзъ отъ Вера-Круса до Акапулько, описанный Гумбольдтомъ въ Polit. Essay on Kingdom of N. Spain, показываетъ, какую огромную преграду составляетъ мексиканское плоскогоріе. Д-ръ Ричардсонъ въ своей замѣчательной запискѣ о сѣверо-американской фаунѣ, читанной въ Британской Ассоц. въ 1836 г. (p. 157), упоминая о тожествѣ одного мексиканскаго животнаго съ видомъ Synetheres prehensilis, говоритъ: «Мы не знаемъ, насколько это вѣрно, но если это не единственный, то почти что единственный случай существованія грызуна общаго и Сѣверной и Южной Америкѣ.

юга. Южная Америка характеризуется тѣмъ, что въ ней водятся разные роды грызуновъ, семья обезьянъ, лама, пекари, тапиръ, опоссумъ и нѣсколько родовъ неполнозубыхъ (Edentata), къ которымъ относятся лѣнивцы, муравьѣды и броненосцы. Сѣверная Америка съ своей стороны имѣетъ (выключивъ нѣкоторые кочующіе виды) множество ей одной свойственныхъ грызуновъ и четыре рода полорогихъ животныхъ (быкъ, овца, козелъ и антилопа); Южная Америка не имѣетъ, сколько извѣстно, ни одного вида изъ этого большого семейства животныхъ. Раньше, но однако въ тотъ періодъ, когда существовала большая часть живущихъ теперь моллюсковъ, въ Сѣверной Америкѣ водились, кромѣ полорогихъ жвачныхъ, слонъ, мастодонтъ, лошадь и три рода неполнозубыхъ,—а именно, Megatherium, Megalonyx и Mylodon. Почти въ тотъ же періодъ времени (что видно по раковинамъ въ Багіа-Бланка) въ Южной Америкѣ жили, какъ мы сейчасъ упоминали, мастодонтъ, лошадь, полорогія жвачныя и тѣ же самые три рода (а также и нѣкоторые другіе) неполнозубыхъ. Отсюда ясно видно, что въ недавній геологическій періодъ Сѣверная и Южная Америка, обладая нѣсколькими родами одинаковыхъ животныхъ, находились въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, по характеру своихъ земныхъ обитателей, чѣмъ въ настоящее время. Чѣмъ больше я думаю объ этомъ обстоятельствѣ, тѣмъ оно кажется мнѣ любопытнѣе: я не знаю другого примѣра, гдѣ бы можно было почти точно опредѣлить эпоху и способъ распаденія большого материка на двѣ характерныя зоологическія территоріи. Геологъ, вполнѣ сознающій обширныя колебанія земной коры въ послѣдніе періоды, не остановится передъ слѣдующей гипотезой: поднятію мексиканской плоской возвышенности или, что вѣроятнѣе, пониженію материка въ Вестъ-Индскомъ архипелагѣ онъ припишетъ причину теперешняго зоологическаго раздѣленія Сѣверной и Южной Америки. Южно-американскій характеръ вестъ-индскихъ млекопитающихъ какъ будто указываетъ на то, что этотъ архипелагъ былъ прежде соединенъ съ материкомъ и впослѣдствіи испыталъ пониженіе [1]).

Когда въ Америкѣ, особенно въ Сѣверной, жили слоны, мастодонты, лошадь и полорогія жвачныя, она имѣла гораздо болѣе сродства въ зоологическомъ отношеніи съ умѣренными частями Европы и Азіи, чѣмъ въ настоящее время. Такъ какъ остатки всѣхъ этихъ родовъ находятся по обѣ стороны Берингова пролива [2]) и на сибирской равнинѣ, то мы должны искать въ сѣверо-западной части Сѣверной Америки прежнюю точку соединенія между Старымъ и такъ называемымъ Новымъ Свѣтомъ. И такъ какъ столько видовъ современныхъ и вымершихъ живутъ или жили раньше въ Старомъ Свѣтѣ, то можно предположить, что сѣверо-американскіе слоны, мастодонты, лошади и полорогія жвачныя переселились изъ Сибири въ Сѣверную Америку черезъ полосу земли, которая теперь подъ водою у Берингова пролива; потомъ эти животныя перешли въ Вестъ-Индію черезъ землю, впослѣдствіи тоже поглощенную океаномъ и въ Южную Америку, гдѣ они нѣкоторое время смѣшивались съ видами, свойственными южному материку, а потомъ совсѣмъ исчезли.

Во время моего путешествія по этой странѣ мнѣ пришлось услыхать

---

[1]) См. д-ра Ричардсона «Report», стр. 157, также l'Institut, 1837, стр. 253. Кювье говоритъ, что кинкажу встрѣчается на большихъ Антильскихъ островахъ, но это сомнительно. Г. Жерве заявляетъ, что тамъ живетъ Didelphis cancrivora. Извѣстно, что Вестъ-Индія обладаетъ нѣсколькими млекопитающими, свойственными только ей. Зубъ мастодонта былъ привезенъ изъ Багамы. Edin., New. Phil. Journ. 1826, p. 395.

[2]) См. превосходное дополненіе доктора Бекленда къ путешествію Бичи (Bichey); также статьи Шамиссо въ путешествіи Коцебу.

нѣсколько яркихъ разсказовъ о послѣдствіяхъ послѣдней большой засухи; она можетъ отчасти объяснить тѣ случаи, когда встрѣчаются многочисленныя животныя разныхъ родовъ, погребенныя вмѣстѣ. Промежутокъ времени отъ 1827 до 1832 года называется здѣсь «gran seco», то-есть великая засуха. За эти годы выпадало такъ мало дождей, что растительность, не исключая чертополога, совсѣмъ перевелась, ручьи и источники всѣ изсякли и вся страна превратилась во что-то похожее на пыльную большую дорогу. Особенно сильна была засуха въ сѣверной части провинціи Буэносъ-Айреса и въ южной части Санта-Фе. Множество птицъ, дикихъ звѣрей, домашняго скота и лошадей погибло отъ недостатка пищи и воды. Одинъ человѣкъ разсказывалъ мнѣ, что олени [1]) приходили къ нему на дворъ къ колодцу, который онъ долженъ былъ выкапать для снабженія своего семейства, а куропатки до того ослабѣли, что не имѣли силъ улетѣть, когда охотники преслѣдовали ихъ въ полѣ.

Всего погибшаго за это время скота въ одной провинціи Буэносъ-Айреса насчитывалось милліонъ головъ. У одного скотовладѣльца въ Санъ-Педро было до засухи 21.000 головъ скота, а послѣ нея не осталось ничего. Санъ-Педро расположенъ среди прекрасной мѣстности и въ настоящее время снова разбогатѣлъ животными, а во время великой засухи «gran seco» корабли подвозили живой скотъ для прокормленія жителей. Животныя уходили со своихъ фермъ далеко на югъ и собирались въ такомъ множествѣ, что для разбирательства споровъ между разными владѣльцами выслана была правительственная комиссія изъ Буэносъ-Айреса. Отъ сэра Вудпейна Перишъ я слышалъ еще объ одномъ любопытномъ поводѣ къ тяжбѣ: вслѣдствіе продолжительной засухи поднялись такіе столбы пыли, что въ здѣшней открытой мѣстности занесло всѣ поземельныя межи, такъ что владѣльцы не могли разобраться въ границахъ своихъ помѣстій.

Мнѣ говорили еще очевидцы, что стада въ тысячу головъ бросались въ рѣку Парану и, такъ какъ животныя были страшно истощены голодомъ, то они не могли вскарабкаться по грязнымъ берегамъ и такимъ образомъ потонули. Рукавъ рѣки, протекающій у Санъ-Педро, былъ такъ загроможденъ гніющими трупами, что по словамъ одного судовладѣльца, нельзя было здѣсь проѣзжать по причинѣ дурного запаха. Нѣсколько сотъ тысячъ животныхъ несомнѣнно погибли въ рѣкѣ; гніющіе трупы уносились волнами и многіе, по всей вѣроятности, осѣли на дно устьевъ Ла-Платы. Вода во всѣхъ маленькихъ рѣчкахъ стала очень солона, а это мѣстами развило тоже большую смертность, потому что животное напившись такой соленой воды, не чувствуетъ никакого облегченія. Азара [2]) разсказываетъ, съ какой яростію лошади бросаются въ такихъ случаяхъ въ болото и давятъ другъ друга. Онъ прибавляетъ, что не разъ видалъ трупы болѣе тысячи дикихъ лошадей, погибшихъ при такихъ обстоятельствахъ. Я замѣтилъ, что маленькія рѣчки въ пампасахъ

[1]) Въ путешествіи капитана Оуэна (Surveying Voyage, vol. II. p. 274) есть очень любопытное описаніе дѣйствія засухи на слоновъ въ Бенгуэлѣ (западный берегъ Африки). «Недавно много этихъ животныхъ вошли цѣлымъ стадомъ въ городъ, чтобы завладѣть колодцами, потому что имъ негдѣ было достать воды по всей окрестности. Противъ слоновъ вооружились жители и произошла отчаянная схватка, окончившаяся полнымъ пораженіемъ слоновъ, но не безъ урона со стороны людей, такъ какъ одинъ человѣкъ былъ убитъ, а нѣсколько другихъ были ранены слонами. Населеніе города, говорятъ, равнялось тремъ тысячамъ человѣкъ. Д-ръ Малкольмсонъ сообщилъ мнѣ, что во время засухи въ Индіи дикіе звѣри врывались въ палатки военнаго лагеря въ Эллорѣ и что одинъ заяцъ пилъ изъ чашки, которую держалъ передъ нимъ адъютантъ полка.

[2]) Travels, vol. I, p. 374.

имѣютъ дно, устланное костяной брекчіей, но этотъ слой, вѣроятно, образовался мало-по-малу, а не вслѣдствіе смертности, появившейся въ одинъ извѣстный періодъ. Вслѣдъ за годами засухи (отъ 1827 до 1832) послѣдовало дождливое время, причинившее большія наводненія. Изъ этого можно съ большимъ вѣроятіемъ заключить, что тысячи скелетовъ были погребены въ наносной землѣ уже на слѣдующій годъ. Что бы подумалъ геологъ при видѣ такого множества костей животныхъ всевозможныхъ видовъ и возрастовъ, зарытыхъ въ одномъ толстомъ слоѣ земли? Можетъ быть онъ отнесъ бы это явленіе къ дѣйствію мѣстнаго потопа скорѣе чѣмъ къ обыкновенному порядку вещей [1]).

12 октября. Я собирался продолжить свою экскурсію, но почувствовавъ себя плохо, я былъ принужденъ вернуться на баландрѣ, т.-е. на одномачтовомъ суднѣ, поднимавшемъ около ста тоннъ и отправлявшемся въ Буэносъ-Айресъ.

Вслѣдствіе дурной погоды, мы прикрѣпили корабль канатомъ къ дереву на одномъ изъ острововъ. Парана усѣяна островами, которые постоянно то разрушаются, то снова образуются. На памяти хозяина судна въ ней исчезло много большихъ острововъ и появились другіе съ растительностью, охраняющей ихъ отъ распаденія. Острова эти состоятъ изъ ила, смѣшаннаго съ пескомъ, безъ примѣси даже мельчайшихъ галекъ и поверхность ихъ, когда мы проѣзжали здѣсь, возвышалася надъ уровнемъ воды фута на четыре, но въ періоды наводненій острова исчезаютъ подъ водой. Они всѣ въ общемъ похожи другъ на друга: множество ивъ и нѣсколько другихъ породъ деревьевъ, соединенныхъ разнообразными ползучими растеніями, образуютъ густую заросль. Джунгли эти доставляютъ убѣжище капибарамъ (carybara) и ягуарамъ. Все удовольствіе въ странствованіи по чащѣ было отравлено для меня страхомъ встрѣчи съ ягуаромъ. Въ этотъ вечеръ я не прошелъ и ста ярдовъ, какъ увидалъ несомнѣнные слѣды недавняго прохожденія тигра, такъ что я вернулся назадъ. На всѣхъ островахъ были слѣды этихъ хищниковъ. Какъ во время моей предыдущей экскурсіи главной темой для разговора служили слѣды индійцевъ («el rastro de los Indias»), такъ въ это путешествіе разговоръ шелъ больше всего о «el rastro del tigre», о слѣдахъ тигровъ.

Лѣсистые берега большихъ рѣкъ, какъ видно, служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ для ягуаровъ; а на югѣ отъ Ла-Платы мнѣ говорили, что эти животныя посѣщаютъ береговые тростники озеръ; гдѣ бы ягуары ни водились, имъ, повидимому, необходима вода. Самой обыкновенной добычей ихъ бываютъ рѣчныя свинки, поэтому здѣсь говорятъ, что гдѣ водится много рѣчныхъ свинокъ, тамъ ягуары не очень опасны. Фальконеръ утверждаетъ, что на южной сторонѣ устьевъ Ла-Платы встрѣчается много ягуаровъ и, что они преимущественно питаются рыбой; я слышалъ отъ другихъ подтвержденіе этого описанія Фальконера. По берегамъ Параны ягуары убиваютъ многихъ дровосѣковъ и даже появляются ночью на палубахъ кораблей. Въ Пахадѣ живъ еще человѣкъ, который взойдя на палубу въ темнотѣ, былъ тамъ схваченъ ягуаромъ, но онъ спасся, потерявъ только руку.

Когда наводненія сгоняютъ ихъ съ острововъ, ягуары дѣлаются особенно опасными. Мнѣ разсказывали, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ

---

[1]) Такія засухи до извѣстной степени случаются, повидимому, періодически. Мнѣ указывали на года нѣсколькихъ другихъ засухъ и между ними были промежутки около пятнадцати лѣтъ.

огромный ягуаръ забрался въ церковь въ Санта-Фе; два патера, войдя въ храмъ одинъ за другимъ, были растерзаны имъ, а третьему, вошедшему посмотрѣть, что случилось, съ трудомъ удалось спастись. Хищникъ былъ, наконецъ, пристрѣленъ изъ-за угла зданія, послѣ того какъ разобрали часть крыши. Въ то же время ягуары производятъ сильныя опустошенія среди рогатаго скота и лошадей. Говорятъ, что они убиваютъ свою добычу, переламывая ей шею. Когда ягуара удается отогнать отъ трупа, онъ больше не возвращается къ нему. Гаучосы разсказываютъ, что лисицы сильно безпокоятъ ягуровъ во время ихъ ночныхъ странствованій, преслѣдуя ихъ съ тявканіемъ. Въ этомъ фактѣ мы видимъ любопытное совпаденіе съ другимъ общепризнаннымъ фактомъ,—а именно, съ тѣмъ, что шакалы такъ же обязательно сопровождаютъ остъ-индскихъ тигровъ. Ягуаръ — шумное животное, которое сильно реветъ по ночамъ, особенно передъ наступленіемъ дурной погоды.

Охотясь однажды на берегахъ Уругвая, я видѣлъ деревья, къ которымъ, какъ мнѣ сказали, постоянно являются ягуары и точатъ когти объ ихъ кору. Спереди кора на деревьяхъ была гладко отполирована, какъ будто отъ частаго тренія животнаго объ стволъ дерева, а по обѣимъ сторонамъ тянулись ряды царапинъ или, вѣрнѣе, углубленій, расположенныхъ наискось, почти около ярда въ длину. Царапины, повидимому, принадлежали разнымъ временамъ. Чтобы узнать, есть ли ягуаръ поблизости, обыкновенно приходятъ къ этимъ деревьямъ и осматриваютъ ихъ. Мнѣ представляется, что эта привычка ягуара очень похожа на то, что постоянно продѣлываетъ обыкновенная кошка, оттачивающая когти на вытянутыхъ лапахъ объ ножки стульевъ; я слышалъ, что послѣдствіемъ этой кошачьей привычки явилась порча молодыхъ плодовыхъ деревьевъ въ одномъ саду въ Англіи. Пума вѣрно тоже имѣетъ привычки въ этомъ родѣ, потому что я часто видѣлъ на голой и твердой почвѣ Патагоніи глубокія борозды которыя не могли быть произведены никакимъ другимъ животнымъ. Дѣлается это, какъ я думаю, для того, чтобы обрывать расщепавшіеся кончики когтей, а не для оттачиванія ихъ, какъ полагаютъ гаучосы. Убить ягура не представляетъ большихъ трудностей съ помощью собакъ, загоняющихъ его своимъ лаемъ на дерево, гдѣ легко его пристрѣлить.

Благодаря дурной погодѣ, мы провели два дня на стоянкѣ у дерева. Единственнымъ развлеченіемъ нашимъ была ловля рыбы къ обѣду; здѣсь водится нѣсколько видовъ рыбъ и всѣ онѣ даютъ отличное питаніе. Рыба, называемая армадо (Silurus) замѣчательна тѣмъ, что издаетъ рѣзкій скребущій звукъ, когда попадается на удочку; звукъ этотъ ясно слышенъ въ то время, какъ рыба еще подъ водою. Эта же рыба обладаетъ способностію крѣпко схватывать какой-нибудь предметъ, какъ, напр., плоскую часть весла или удочку, при помощи крѣпкихъ иглъ, находящихся у нея на грудныхъ и спинномъ плавникахъ. Вечеромъ погода была чисто-тропическая, при чемъ термометръ показывалъ 79°; множество свѣтящихся насѣкомыхъ летало кругомъ, и москиты сильно насъ безпокоили. Я выставилъ руку на пять минутъ; она скоро сдѣлалась вся черная отъ насѣвшихъ на нее москитовъ. Думаю, что ихъ было не менѣе пятидесяти, и всѣ онѣ усердно сосали мою руку.

15 октября. Мы отправились дальше и проѣхали мимо Пунта-Горда, гдѣ живетъ мирное племя индѣйцевъ изъ провинціи Миссіонесъ. Мы шли быстро внизъ по теченію, но до солнечнаго заката, по глупому страху въ виду возможной дурной погоды, мы остановились въ узкомъ рукавѣ рѣки; я отвязалъ лодку и поплылъ вверхъ по этому рукаву.

Вода здѣсь была глубока и протекала по узкому извилистому руслу; видъ былъ мрачный, потому что по обѣ стороны канала возвышались стѣны въ тридцать-сорокъ футовъ вышины, состоявшія изъ деревьевъ, переплетеннымъ между собою ползучими растеніями. Я видѣлъ здѣсь необычайную птицу, называемую ножницеклювомъ (Rhynchops nigra). У нея короткія перепончатопалыя ноги и длинныя заостренныя крылья; ростомъ она приблизительно съ крачку. Клювъ у нея съ боковъ приплюснутый, т.-е. онъ сдавленъ въ плоскости, перпендикулярной къ той, въ которой онъ сдавленъ у колпицы или утки. Онъ плосокъ и упругъ какъ разрѣзной ножъ изъ слоновой кости, а нижняя челюсть, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ птицъ, на полтора дюйма длиннѣе верхней челюсти. На озерѣ близъ Мальдонадо, въ которомъ вода почти вся пересохла и которое поэтому кишѣло множествомъ мелкой рыбы, я видѣлъ нѣсколькихъ изъ этихъ птицъ, которыя, большею частію группами, быстро летали взадъ и впередъ надъ самой поверхностью озера. Онѣ летѣли, раскрывши клювъ и опустивъ въ воду нижнюю челюсть. Держась надъ водой, онѣ бороздили ея гладь. Любопытно было видѣть эту подвижную стаю, при чемъ каждая птица оставляла свой узкій слѣдъ на зеркальной поверхности озера. На лету ножницеклювы часто перевертываются необычайно быстро и своей выдающейся нижней челюстью ловко захватываютъ мелкую рыбу, придерживая ее верхней и болѣе короткой половиной клюва, напоминающаго ножницы. Я нѣсколько разъ видѣлъ это, пока онѣ какъ ласточки летали взадъ и впередъ передо мною. Иногда, когда онѣ удалялись отъ поверхности озера, полетъ ихъ становился стремительнымъ и неправильнымъ, при чемъ онѣ испускали громкіе рѣзкіе крики. Во время рыбной ловли онѣ находятъ важное преимущество въ длинныхъ перьяхъ крыльевъ, благодаря которымъ онѣ остаются сухими. Занятые рыбной ловлей, ножницеклювы своими очертаніями походятъ на тотъ символъ морскихъ птицъ, какимъ ихъ изображаютъ многіе живописцы. Хвосты, какъ привычные рули, управляютъ ихъ неправильнымъ полетомъ.

Эти птицы встрѣчаются часто далеко внутри страны, вдоль теченія Рio-Параны; говорятъ, что онѣ здѣсь живутъ круглый годъ и выводятъ птенцовъ въ болотахъ. Днемъ онѣ стаями держатся на зеленыхъ равнинахъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ воды. Во время нашей стоянки въ одномъ изъ рукавовъ между островами Параны, къ концу вечера вдругъ появился одинъ изъ ножницеклювовъ. На рѣкѣ стояла полнѣйшая тишина и видны были маленькія рыбы, которыя въ большомъ количествѣ поднимались къ поверхности воды. Долго носилась птица надъ водной гладью, совершая свой неправильный полетъ вверхъ и внизъ по узкому протоку, надъ которымъ спускались ночныя тѣни и тѣни нависшихъ съ береговъ деревьевъ. Я замѣтилъ въ Монте-Видео, что днемъ большія стаи ножеклювовъ сидѣли на илистыхъ отмеляхъ у входа въ гавань, точно такъ же какъ на зеленыхъ равнинахъ близъ Параны, и каждый вечеръ онѣ улетали къ морю. Судя по всѣмъ этимъ фактамъ, я заключаю, что ножницеклювы охотятся за рыбой преимущественно ночью, когда множество низшихъ животныхъ поднимается со дна къ поверхности. Г. Лессонъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ эти птицы отрывали клювами раковины mactrae, зарытыя въ песчаныхъ отмеляхъ чилійскаго берега, но врядъ ли можно считать такое обыкновеніе распространеннымъ между ножницеклювами, если взять въ соображеніе гибкость клюва, слишкомъ выдавшуюся впередъ нижнюю челюсть, короткость ногъ и длину крыльевъ.

Спускаясь по рѣкѣ Паранѣ я видѣлъ еще трехъ птицъ, нравы ко-

торыхъ стоятъ упоминанія. Одна изъ нихъ — маленькій зимородокъ (Cerule Americana) съ хвостомъ болѣе длиннымъ нежели у европейскаго вида этой птицы, вслѣдствіе чего онъ сидитъ не такъ прямо и твердо, какъ нашъ зимородокъ. Полетъ его не прямой и быстрый, какъ полетъ стрѣлы, а мягкій и волнистый, какъ у мягкоклювыхъ птицъ. Глухой звукъ, издаваемый этой птицей, похожъ на стукъ двухъ камешковъ другъ объ друга.

Маленькій зеленый попугай (Conurus murinus) съ сѣрой грудью, повидимому, отдаетъ предпочтеніе высокимъ деревьямъ для устройства своего гнѣзда. Нѣсколько гнѣздъ строятся такъ близко одно отъ другого, что они образуютъ одну сплошную большую кучу прутьевъ. Эти попугаи всегда селятся цѣлыми стаями и производятъ большія опустошенія на хлѣбныхъ поляхъ. Мнѣ говорили, что въ теченіе одного года ихъ было убито до 2500 штукъ подлѣ Колоніи. Птица съ вилообразнымъ хвостомъ, оканчивающимся двумя длинными перьями (Tyrannus savana), получившая отъ испанцевъ названіе *хвостъ-ножницы*, водится въ большомъ количествѣ подлѣ Буэносъ-Айреса; она обыкновенно садится на вѣтки дерева омбу, поблизости отъ жилья; отсюда она охотится на близкомъ разстояніи за насѣкомыми и возвращается къ своему мѣсту. На лету и общимъ видомъ эта птица представляетъ карикатурное сходство съ обыкновенной ласточкой. Она обладаетъ способностію круто поворачиваться, при чемъ она распускаетъ и складываетъ хвостъ то горизонтально, то вкось, то отвѣсно, совершенно какъ ножницы.

16 октября. Нѣсколько миль ниже Розаріо западный берегъ Параны окаймленъ отвѣсными утесами, которые тянутся длиннымъ рядомъ дальше Санъ-Николаса. Поэтому западный берегъ Параны болѣе походитъ на морское побережье, чѣмъ на рѣчной берегъ.

Вслѣдствіе мягкости почвы, по которой течетъ Парана, вода въ ней мутна, чѣмъ портится ея видъ. Уругвай, протекающій по гранитной мѣстности, гораздо чище и прозрачнѣе, а тамъ, гдѣ обѣ рѣки сливаются въ одномъ общемъ руслѣ, т.-е. при началѣ Ла-Платы, можно на далекомъ разстояніи различить воды обѣихъ рѣкъ по ихъ черному и красному отливу. Къ вечеру подулъ неблагопріятный вѣтеръ и мы, по обыкновенію, тотчасъ стали на якорь; на другой день вѣтеръ, былъ попутный, но довольно сильный, такъ что хозяинъ по лѣности не захотѣлъ двинуться съ мѣста стоянки. Въ Бахадѣ мнѣ говорили о немъ какъ о человѣкѣ, находящемъ всегда затрудненія въ плаваніи; про него выражались такъ: «hombre muy atlicto», надо сказать однако, что онъ удивительно терпѣливо переноситъ всякія проволочки. Это былъ старый испанецъ, прожившій много лѣтъ въ странѣ. Онъ увѣрялъ, что очень любитъ англичанъ, но непреклонно утверждалъ, что побѣда при Трафальгарѣ только оттого осталась за нами, что испанскіе офицеры были всѣ подкуплены и что единственная доблестная выходка во все время сраженія принадлежала испанскому адмиралу. Меня поразила эта особенная черта въ человѣкѣ, предпочитавшемъ выдать своихъ соотечественниковъ за измѣнниковъ, нежели за неискусныхъ или малодушныхъ моряковъ.

18 и 19 октября. Мы продолжали медленно плыть внизъ по теченію величественной рѣки; теченіе не много способствовало нашему движенію. Мы встрѣтили очень мало кораблей по дорогѣ. Люди здѣсь по своей винѣ не пользуются вовсе богатымъ даромъ природы, надѣлившей ихъ такимъ чуднымъ средствомъ сообщенія между двумя странами, изъ которыхъ одна, пользуясь умѣреннымъ климатомъ, столь же удивительно богата одними произведеніями, сколько и бѣдна другими а другая, по

словамъ лучшаго авторитета, Бонплана, можетъ похвастаться плодородіемъ, какого не знаетъ ни одна страна въ мірѣ. Не тотъ былъ бы видъ этой рѣки, если бъ счастливая случайность привела англійскихъ колонистовъ съ самаго начала въ устья Ла-Платы. Какіе великолѣпные города украшали бы теперь ея берега! Пока живъ Фражіа, диктаторъ Парагвая, эти двѣ страны должны оставаться чуждыми между собою, какъ будто бы онѣ лежали на противоположныхъ концахъ земного шара. Когда же старый кровожадный тиранъ покончитъ свои земные счеты, въ Парагваѣ наступитъ рядъ революцій, настолько же ужасныхъ, насколько прежнее спокойствіе было противоестественно. Этой странѣ, какъ и всѣмъ другимъ южно-американскимъ государствамъ, придется научиться тому, что республика не можетъ быть прочна, пока въ ней не найдется извѣстная группа людей, проникнутыхъ правилами справедливости и чести.

20 октября. Достигнувъ устья Параны и стремясь скорѣе въ Буэносъ-Айресъ, я высадился на берегъ въ Ласъ-Кончасъ, намѣреваясь отсюда проѣхать верхомъ въ Буэносъ-Айресъ. Сойдя на берегъ, я къ удивленію своему, узналъ, что нахожусь до нѣкоторой степени въ положеніи плѣнника. Здѣсь, какъ оказалось, успѣла вспыхнуть сильная революція, и всѣ порты находились въ осадномъ положеніи. Назадъ на свой корабль я не могъ вернуться; что же касается путешествія сухимъ путемъ, объ этомъ не могло быть и рѣчи. Послѣ длиннаго разговора съ комендантомъ я получилъ разрѣшеніе отправиться на другой день къ генералу Ролоръ, который стоялъ во главѣ части инсургентовъ по сю сторону столицы. На слѣдующее утро я поѣхалъ верхомъ въ лагерь. Генералъ, офицеры и солдаты показались мнѣ большими негодяями да они, я думаю, и были таковыми на самомъ дѣлѣ. Генералъ, наканунѣ того дня, когда онъ покинулъ городъ, по собственному желанію отправился къ губернатору и, приложивъ руку къ сердцу, далъ ему честное слово, что онъ во всякомъ случаѣ останется вѣрнымъ до конца. Генералъ сказалъ мнѣ, что городъ въ строгомъ осадномъ положеніи и что онъ можетъ оказать мнѣ только одну услугу, то-есть дастъ мнѣ паспортъ на проѣздъ къ главному начальнику инсургентовъ въ Квильмесъ. Мы должны были сдѣлать большой объѣздъ кругомъ города и съ трудомъ достали себѣ лошадей. Въ лагерѣ мнѣ былъ оказанъ очень вѣжливый пріемъ, но мнѣ объявили, что невозможно дать мнѣ пропускъ въ городъ. Я былъ очень этимъ встревоженъ, полагая что «Бигль» отправится изъ Ріо-Платы ранѣе, чѣмъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Но, упомянувъ въ разговорѣ о любезности, оказанной мнѣ въ Колорадо генераломъ Розасомъ, я увидалъ внезапную перемѣну, совершившуюся точно по волшебству. Мнѣ тотчасъ сказали, что хотя паспорта мнѣ не выдадутъ, но если я согласенъ бросить проводника и лошадей, то мнѣ будетъ позволено проникнуть за цѣпь. Конечно я съ радостью принялъ это предложеніе. Со мной послали офицера, который долженъ былъ дать нужныя указанія, чтобы меня не задержали у моста. На разстояніи мили дорога оказалась совершенно безлюдной. Попался навстрѣчу отрядъ солдатъ, удовольствовавшійся тѣмъ, что серьезно осмотрѣлъ мой старый паспортъ. Наконецъ, я, къ немалому удовольствію, очутился въ городѣ.

Эта революція вспыхнула почти безо всякихъ причинъ, но неблагоразумно было бы ожидать чего-либо иного отъ страны, въ которой случилось пятнадцать перемѣнъ въ управленіи въ теченіе девяти мѣсяцевъ (отъ февраля до октября 1820 года), при чемъ каждый разъ губернаторъ, по статьѣ конституціи, избирался на три года. На этотъ разъ дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: человѣкъ семьдесятъ приверженцевъ

Розаса, возмущенные губернаторомъ Балькарсе, покули городъ, послѣ чего вся страна поднялась при кликахъ въ честь Розаса. Городъ былъ блокированъ; къ нему прекратили подвозъ провизіи, не допускали ни скотъ, ни лошадей. Кромѣ того въ полѣ происходили небольшія стычки, и ежедневно было нѣсколько человѣкъ убитыхъ. Осаждающая партія знала, что, прекративъ подвозъ мяса, она непремѣнно побѣдитъ. Генералъ Розасъ не могъ знать объ этомъ возстаніи, но оно вполнѣ соотвѣтствовало планамъ его партіи. За годъ передъ этимъ его выбрали въ губернаторы, но онъ отказался отъ этой должности, соглашаясь только подъ условіемъ, что Sala (палата) дастъ ему чрезвычайныя полномочія. Въ этомъ ему было отказано, и съ тѣхъ поръ его партія всячески доказываетъ, что никто не можетъ усидѣть на мѣстѣ, предназначавшемся ему. Война затягивалась нарочно, чтобы имѣть возможность получить отвѣтъ отъ Розаса. Отвѣтъ пришелъ нѣсколько дней послѣ моего отъѣзда изъ Буэносъ-Айреса. Генералъ выражалъ въ немъ неодобреніе факту нарушенія мира, но заявлялъ, что справедливость на сторонѣ осаждающихъ, а не городской партіи. Достаточно было этого отвѣта, чтобы обратить въ бѣгство губернатора, министровъ и часть военныхъ, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Инсургенты вошли въ городъ, избрали новаго губернатора и до 5500 человѣкъ получили награды за свою службу. По всѣмъ этимъ мѣрамъ видно было, что въ концѣ-концовъ Розасъ сдѣлается диктаторомъ: титулъ короля особенно непріятенъ гражданамъ этой республики, такъ же какъ и въ другихъ республикахъ. Послѣ того какъ мы уѣхали изъ Южной Америки, до насъ дошелъ слухъ объ избраніи Розаса съ такими полномочіями и на такой срокъ, которыхъ не допускаетъ конституція страны.

ГЛАВА VIII.

Банда-Оріенталь и Патагонія.

Экскурсія въ Колоніа-дель-Сакраменто.—Оцѣнка одной фермы.—Скотъ и способъ его перечисленія.—Замѣчательная порода быковъ.—Просверленные голыши.—Овчарки.—Выѣздка лошадей; гаучосы-наѣздники. — Нравы жителей.— Ріо-Плата.— Стаи бабочекъ.—Пауки-воздухоплаватели. — Фосфоричность моря.—Портъ Дезире.—Гуанако.—Портъ Санъ-Хуліанъ.—Геологія Патагоніи.—Ископаемые остатки гигантскаго животнаго.—Постоянство типовъ организаціи.—Измѣненія въ зоологіи Америки.—Причины исчезновенія породъ.

Я былъ радъ вырваться изъ города, гдѣ меня задержали болѣе двухъ недѣль и поспѣшилъ на бортъ корабля, отправлявшагося въ Монте-Видео. Городъ въ осажденномъ положеніи не можетъ быть пріятнымъ мѣстомъ пребыванія; здѣсь же, кромѣ того, приходилось все время опасаться разбойниковъ внутри города. Хуже всего была стража, такъ какъ ея положеніе и оружіе, которымъ она распоряжалась, давали ей возможность разбойничать болѣе властно, чѣмъ кому бы то ни было.

Переѣздъ былъ очень продолжителенъ и скученъ. Устье Ла-Платы, судя по картѣ, имѣетъ величественный видъ, но на самомъ дѣлѣ не на что тутъ и смотрѣть. Широкое пространство грязной воды лишено всякой красоты, всякаго величія. Въ извѣстное время дня, оба берега, одинаково низменные, были видны съ палубы корабля. Пріѣхавъ въ Монте-Видео, я узналъ, что «Бигль» еще не скоро отплыветъ отсюда; вотъ

почему я собрался въ маленькую поѣздку по этой части Банда-Ориенталь. Все сказанное мною о Мальдонадо можетъ также быть приписано и Монте-Видео; но мѣстность гораздо площе, за исключеніемъ Зеленой горы, отъ которой произошло самое названіе мѣстности. Зеленая гора имѣетъ 450 футовъ высоты. Здѣсь встрѣчается мало зеленыхъ волнистыхъ равнинъ, но вблизи города есть нѣсколько возвышеній, покрытыхъ кактусами, алоэ и укропомъ.

14-ое ноября. Мы покинули Монте-Видео послѣ полудня. Мнѣ хотѣлось проѣхать въ Колонія-дель-Сакраменто, на сѣверномъ берегу Ла-Платы, напротивъ Буэносъ-Айреса, а оттуда подняться по Уругваю до деревни Мерседесъ, лежащей на Ріо-Негро (одной изъ многочисленныхъ рѣкъ Южной Америки, носящихъ это названіе); съ того пункта я собирался вернуться въ Монте-Видео прямой дорогой. Мы переночевали въ домѣ моего проводника въ Канелонесѣ. На другое утро мы рано встали, надѣясь сдѣлать въ этотъ день длинный переѣздъ; но этой надеждѣ не удалось осуществиться, потому что всѣ рѣки разлились. Мы переправились въ лодкахъ черезъ рѣки Канелонесъ, Санта-Лусіа и Санъ-Хозе, что отняло у насъ много времени. Въ прежнее мое посѣщеніе я переѣзжалъ Лусію около устья ея и тогда удивлялся легкости, съ которой наши лошади, не привыкшія къ плаванію, переплыли пространство, по крайней мѣрѣ, въ шестьсотъ ярдовъ ширины. Когда я разсказалъ объ этомъ въ Монте-Видео, то услыхалъ, что однажды корабль, перевозившій черезъ Ла-Плату труппу акробатовъ съ лошадьми, затонулъ и, что одна лошадь проплыла семь миль до берега. Въ теченіе дня мнѣ пришлось увидать, какъ ловко гаучо заставилъ плавать по рѣкѣ норовистую лошадь; зрѣлище было презабавное. Сбросивъ одежду и вскочивъ ей на спину, онъ ѣхалъ по рѣкѣ до того мѣста, гдѣ лошадь не могла достать ногами дна; тогда онъ соскочилъ съ нея, схватилъ ее за хвостъ и, каждый разъ, какъ она повертывала назадъ, онъ пугалъ ее, окачивая ее водой въ морду и заставлялъ плыть впередъ. Когда же лошадь дошла до мелкаго мѣста, наѣздникъ сѣлъ опять верхомъ и, держа узду въ рукѣ, въѣхалъ на противоположный берегъ. Нагой человѣкъ на неосѣдланной лошади представляетъ славное зрѣлище; я не могъ себѣ вообразить, какъ хорошо эти два животныя подходятъ другъ къ другу. Хвостъ лошади—очень полезный придатокъ. Я переѣзжалъ черезъ рѣку въ лодкѣ съ четырьмя спутниками, и лодку тащила лошадь, которую держали за хвостъ точно такъ же, какъ держалъ и тотъ гаучо, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Если человѣку съ лошадью предстоитъ переправа черезъ широкую рѣку, то ему лучше всего ухватиться одной рукой за сѣдельную луку или за гриву, а другой грести.

Мы остановились на слѣдующій день на станціи Куфре и тамъ ночевали. Вечеромъ прибылъ туда почтальонъ, т.-е. разносчикъ писемъ. Онъ опоздалъ на цѣлыя сутки вслѣдствіе разлива Ріо-Розаріо, но это обстоятельство было совсѣмъ незначительно, такъ какъ въ сумкѣ разносчика оказалось всего два письма, несмотря на то, что онъ проѣхалъ черезъ нѣкоторые главнѣйшіе города Банда-Оріенталь. Видъ изъ дома былъ очень пріятный: передъ окнами разстилалась волнистая зеленая равнина съ отдаленными проблесками Ла-Платы. На этотъ разъ впечатлѣніе мое отъ здѣшняго края было совсѣмъ другое, чѣмъ то, которое я вынесъ въ первое мое посѣщеніе. Помню, что тогда вся мѣстность показалась мнѣ крайне плоской, но, проскакавъ черезъ низменныя равнины пампасовъ, я удивлялся теперь, что могъ найти здѣшнюю страну плоской. Она представляетъ вереницу холмовъ, которые, конечно, невы-

соки, но, по сравненію съ равнинами Санта-Фе, могутъ показаться настоящими горами. Съ этихъ возвышенностей стекаютъ многочисленные ручьи и луга покрыты роскошной зеленью.

17-ое ноября. Мы переправились черезъ Розаріо—глубокую и быструю рѣку и, миновавъ деревню Колла, пріѣхали къ полудню въ Колонія-дель-Сакраміенто. Всего мы проѣхали шестьдесятъ миль по мѣстности, поросшей хорошей травой, но бѣдной людьми и животными. Меня пригласили переночевать въ Колоніи и оттуда ѣхать на другой день съ однимъ господиномъ на его ферму, гдѣ было нѣсколько известковыхъ скалъ. Городъ выстроенъ на каменистомъ мысѣ въ родѣ Монте-Видео. Онъ сильно укрѣпленъ, но крѣпость и самый городъ очень пострадали во время бразильской войны. Колонія—городъ старый; неправильно разбитыя улицы, окружающія апельсинныя и персиковыя рощи, придаютъ городу живописный видъ. Церковь представляетъ собою любопытныя развалины. Она служила пороховымъ складомъ и во время одной изъ многочисленныхъ грозъ, разражающихся надъ Ріо-Платой, въ нее ударила молнія. Двѣ трети зданія разрушились до самаго основанія, а уцѣлѣвшія части свидѣтельствуютъ о дѣйствіи соединенныхъ силъ молніи и пороха. Вечеромъ я пошелъ бродить вдоль полуразрушенныхъ городскихъ стѣнъ. Этотъ городъ былъ центромъ военныхъ силъ во время бразильской войны, пагубной для страны, не столько своими послѣдствіями, сколько тѣмъ, что она породила толпу генераловъ и другихъ воинскихъ чиновъ. Въ соединенныхъ провинціяхъ Ла-Платы числится больше генераловъ (но не получающихъ окладовъ), нежели въ Соединенныхъ Королевствахъ Великобритании. Эти господа научились властолюбію и не прочь отъ мелкихъ стычекъ. Поэтому между ними всегда находятся охотники, выискивающіе случаи какъ бы вызвать переполохъ и свергнуть шаткое правительство. Однако здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ я замѣтилъ, что будущіе выборы въ президенты вызываютъ всеобщій интересъ, а это можетъ считаться хорошимъ предзнаменованіемъ для благосостоянія маленькой страны. Населеніе не нуждается въ очень просвѣщенныхъ представителяхъ. Мнѣ пришлось услыхать пренія насчетъ тѣхъ качествъ, которыя ожидались отъ представителей Колоніи и вотъ, что говорилось: «хотя въ нихъ (въ кандидатахъ) и нѣтъ дѣловитости, но всѣ они могутъ расписаться!» Дальше этого, кажется, не шли требованія избирателей.

18-ое ноября. Выѣхалъ съ моимъ хозяиномъ на его ферму въ Арройа-де-Санъ-Хуанъ. Вечеромъ мы объѣхали верхомъ все имѣніе, которое занимало около 20 квадр. миль и было расположено въ такъ называемомъ rincon, т.-е. съ одной стороны оно было ограничено Ла-Платой, а съ двухъ другихъ—двумя ручьями, черезъ которые нельзя было проѣхать.

На рѣкѣ была отличная гавань для небольшихъ судовъ; мѣстность изобиловала мелкимъ лѣсомъ, который цѣнится какъ топливо, доставляемое въ Буэносъ-Айресъ. Мнѣ любопытно было узнать, что можетъ стоить такое имѣніе. Здѣсь было 3000 головъ скота; но ферма могла прокормить и втрое, въ четыре раза больше головъ. Кобылъ было 800; 150 выѣзженныхъ лошадей и 600 овецъ. Воды и известняка было въ изобиліи; домъ стоялъ прочный; все было обнесено отличной оградой и, кромѣ того, имѣлся персиковый садъ. Владѣльцу предлагали за имѣніе 2000 ф. стерл., а онъ просилъ 2500; вѣроятно онъ уступилъ бы его и дешевле. Главная трудность въ хозяйствѣ фермы заключается въ томъ, что два раза въ недѣлю скотъ надо сгонять въ одно центральное мѣсто,

чтобы приручать его и пересчитывать. Само собой разумѣется, что сосчитать десять или пятнадцать тысячъ головъ—дѣло нелегкое. Счетчики пользуются для этого привычкой рогатаго скота собираться кучками въ сорокъ или пятьдесятъ штукъ. Каждая кучка узнается по нѣсколькимъ особо отмѣченнымъ животнымъ, и такимъ образомъ получается все число головъ, такъ что если изъ десяти тысячъ пропадетъ одна группа, то отсутствіе ея замѣтно по отсутствію отмѣченныхъ въ ней животныхъ. Въ бурную ночь весь скотъ сбивается вмѣстѣ, но на утро онъ опять раздѣляется на прежнія группы; итакъ, мы видимъ, что каждое животное отличаетъ своихъ товарищей между десятью тысячами головъ.

Мнѣ два раза случилось видѣть въ этой провинціи быковъ чрезвычайно странной породы, называемыхъ ната или ніата. Они, повидимому, занимаютъ по отношенію къ рогатому скоту то же положеніе, что мопсы или бульдоги по отношенію къ другимъ собакамъ. Лобъ у нихъ очень низокъ и широкъ, конецъ носа приподнятъ кверху, а верхняя губа сильно оттянута назадъ; нижняя челюсть выдается впередъ и тоже изгибается кверху, такъ что зубы у нихъ всегда обнажены. Ноздри ихъ расположены высоко и очень открыты, глаза навыкатѣ. На ходу эти быки опускаютъ головы, которыя посажены на короткія шеи; заднія ноги немного длиннѣе въ сравненіи съ передними, чего не бываетъ въ такой степени у обыкновенныхъ быковъ. Оскаленные зубы, короткія головы и открытыя ноздри сообщаютъ имъ особенно смѣшное самоувѣренное и надменное выраженіе.

Послѣ моего возвращенія, я получилъ черепъ одного изъ этихъ быковъ, благодаря любезности моего друга, капитана Селивана; черепъ этотъ находится теперь въ Хирургической Коллегіи [1]). Донъ Ф. Мюнисъ въ Люхано любезно собралъ для меня всѣ свѣдѣнія, которыя онъ могъ достать объ этой породѣ. Изъ его словъ видно, что восемьдесятъ или девяносто лѣтъ назадъ, эти животныя рѣдко встрѣчались, и ихъ держали въ Буэносъ-Айресѣ въ видѣ диковинокъ. Существуетъ общее мнѣніе, что эта порода скота появилась сначала у индѣйцевъ къ югу отъ Ла-Платы и тамъ стала очень распространенной. И до нынѣшняго времени, скотина, разведенная въ провинціяхъ подлѣ Ла-Платы, менѣе похожа на домашнюю скотину, превосходитъ ее въ дикости, а корова готова бросить своего теленка, если ее безпокоятъ, или часто къ ней заходятъ. Любопытно, что уклоненіе отъ обыкновеннаго строенія, подобное тому, которое мы видимъ въ породѣ ньята, замѣчается, какъ сообщаетъ мнѣ д-ръ Фалькэнеръ, и въ исчезнувшемъ огромномъ жвачномъ Индіи—Sivatherium.

Порода ньята очень постоянна. Быкъ и корова неизмѣнно производятъ теленка, подобнаго себѣ; скрещиваніе между быкомъ изъ породы ніата и обыкновенной коровой, а также обратное скрещиваніе даютъ среднюю форму, но съ рѣзко выраженными чертами породы ньята. По словамъ сенора Мюниса, есть очевидная ошибка въ общераспространенномъ среди агрономовъ мнѣніи, будто скрещиваніе между коровой ньятой и обыкновеннымъ быкомъ даетъ помѣсь съ болѣе ярко выраженнымъ характеромъ породы, нежели скрещиваніе быка ньята съ обыкновенной коровой. Когда трава довольно высока, скотина изъ породы ніата щиплетъ ее языкомъ и небомъ, такъ же какъ и обыкновенная домашняя скотина; но во время великихъ засухъ, когда погибаетъ

[1]) Г-нъ Уатергаусъ (Waterhause) подробно описалъ его, и я надѣюсь, что его описаніе будетъ напечатано въ какомъ-нибудь журналѣ.

столько животныхъ, порода ньята страдаетъ больше другихъ, и она погибла бы совсѣмъ, если бъ за нею не было ухода; обыкновенный рогатый скотъ и лошади въ это время кое-какъ поддерживаютъ свое существованіе, ощипывая губами древесныя вѣтки и тростники, но ньяты не могутъ этого дѣлать, потому что губы ихъ не сходятся; вслѣдствіе этого они погибаютъ скорѣе обыкновенной скотины. Въ этомъ примѣрѣ я вижу хорошее доказательство того, какъ мало мы можемъ судить по обыденнымъ нравамъ о тѣхъ рѣдко повторяющихся случаяхъ, которыми опредѣляется малочисленность породы, или полное ея исчезновеніе.

19-ое ноября. Проѣхавъ долину Ласъ-Васкасъ, мы остановились на ночлегъ въ домѣ одного сѣвероамериканца, занимавшагося обжиганіемъ извести на Аррай-де-Ласъ-Виворасъ. Утромъ мы поѣхали на выдающійся рѣчной мысъ, по имени Пунта-Горда. По дорогѣ мы старались отыскать ягуара. Было много свѣжихъ слѣдовъ, и мы осматривали деревья, на которыхъ остались царапины отъ ихъ когтей, но намъ не удалось спугнуть ни одного изъ этихъ хищниковъ. Съ этого мѣста мы могли наблюдать величественное теченіе рѣки Уругвай. Чистая вода и быстрое теченіе давали ей большое превосходство надъ сосѣдней Параной. На противоположной сторонѣ въ нее впадало нѣсколько рукавовъ Параны. Освѣщенныя солнцемъ волны обѣихъ рѣкъ рѣзко отличались другъ отъ друга.

Вечеромъ мы отправились дальше, по направленію къ Мерседесъ на берегу Ріо-Негро. Къ ночи мы попали на одну ферму, гдѣ и просили позволенія переночевать. Это было обширное имѣніе, занимавшее девяносто квадратныхъ миль. Хозяинъ этого имѣнія принадлежалъ къ крупнѣйшимъ землевладѣльцамъ края. Племянникъ его управлялъ имѣніемъ и въ то время у него гостилъ одинъ капитанъ арміи, недавно бѣжавшій изъ Буэносъ-Айреса. Съ точки зрѣнія ихъ положенія въ свѣтѣ, надо признаться, что бесѣда вышла презабавная. Они выразили то же удивленіе, которое здѣсь выражали многіе, по поводу шарообразности земли, и не хотѣли вѣрить, что, если бы можно было просверлить землю насквозь, то скважина вышла бы на другой сторонѣ земного шара. Однако и до нихъ дошло свѣдѣніе о странѣ, гдѣ шесть мѣсяцевъ безпрерывнаго свѣта смѣняются шестью мѣсяцами тьмы и гдѣ жители высокаго роста и тонкаго сложенія. Они спрашивали меня о цѣнѣ рогатаго скота и лошадей въ Англіи. Услыхавъ, что у насъ не принято ловить скотину на арканъ, они воскликнули: «О, значитъ, вы употребляете только боласы!» Они никогда не слыхали о томъ, что бываютъ загоны для скотины. Наконецъ, капитанъ сказалъ, что онъ имѣетъ предложить мнѣ одинъ вопросъ, на который проситъ дать совершенно правдивый отвѣтъ. Я впередъ испугался глубокой научности этого ожидающаго меня вопроса.

Вотъ что я услышалъ: «Не правда ли, что дамы въ Буэносъ-Айресѣ самыя красивыя въ мірѣ?» Я безсовѣстно отвѣчалъ: «О, да, онѣ прелестны!» Послѣдовалъ другой вопросъ: «Носятъ ли дамы въ какой-либо странѣ такія большія гребенки?» Я торжественно увѣрялъ, что нигдѣ не бываетъ у дамъ такихъ гребней. На это капитанъ воскликнулъ: «Видите ли! Человѣкъ, осмотрѣвшій полміра говоритъ такъ. Мы-то всегда это думали, но теперь будемъ знать несомнѣнно». Мое прекрасное сужденіе о гребенкахъ и красотѣ заслужило мнѣ гостепріимнѣйшую встрѣчу. Капитанъ даже заставилъ меня располагать его собственной постелью, между тѣмъ, какъ онъ самъ устроился на попонѣ своего рекадо.

21-ое ноября. Отправились мы дальше съ восходомъ солнца и, не торопясь ѣхали весь день. Геологическій характеръ этой части провинціи отличался отъ остальной мѣстности и представлялъ большое сходство съ пампасами.

Здѣсь тоже тянулись огромныя поля съ чертополохомъ и кардономъ; можно сказать, что вся мѣстность представляла сплошную заросль этихъ растеній. Оба вида росли отдѣльно, каждый занимая свою площадь съ себѣ подобными. Кардонъ достигаетъ лошадиной спины, но пампасскій чертополохъ часто бываетъ выше головы всадника. Съѣхать въ сторону отъ дороги, хотя бы на одинъ ярдъ, совсѣмъ немыслимо; даже дорога иногда зарастаетъ и пропадаетъ изъ вида. Пастбищъ, конечно, здѣсь вовсе нѣтъ; если скотина или лошади попадаютъ въ заросль, то на время совсѣмъ исчезаютъ. Вотъ почему здѣсь крайне рискованно пасти скотъ въ это время года; если животныя достаточно заморены, чтобы соблазниться чертополохомъ, то они бросаются туда и пропадаютъ. Въ этой мѣстности фермы рѣдко встрѣчаются, и тѣ расположены по сосѣдству съ сырыми долинами, гдѣ, по счастью, не заводится ни одно изъ этихъ растеній, отъ которыхъ глохнутъ другія. Такъ какъ ночь настигла насъ въ пути, мы должны были ночевать въ одной изъ жалкихъ лачужекъ, служащихъ жильемъ бѣднѣйшему люду. Чрезвычайная, хотя нѣсколько сдержанная любезность хозяина и хозяйки произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе, особенно когда я думалъ о томъ слоѣ общества, къ которому они принадлежали.

22 ноября. Мы прибыли на ферму около Барквело; къ хозяину ея, весьма радушному англичанину, у меня было письмо отъ моего друга г. Ломба. Я провелъ здѣсь три дня. Мы поѣхали разъ утромъ съ моимъ хозяиномъ къ Сіерра-дель-Педро-Флако, около двадцати миль вверхъ по Ріо-Негро. Почти вся мѣстность была покрыта хорошей, хотя грубой травой, доходившей лошадямъ до живота, и, несмотря на это, мы проѣзжали квадратныя мили, на которыхъ не встрѣчалось ни одной штуки рогатаго скота. Провинція Банда-Оріенталь могла бы прокормить огромное количество скота, если бы она была хорошо заселена; въ настоящее время вывозъ кожъ изъ Монте-Видео доходитъ до трехсотъ тысячъ штукъ, а внутри страны много скота пропадаетъ даромъ. Одинъ хозяинъ фермы разсказывалъ мнѣ, что ему часто случалось посылать стада рогатаго скота далеко въ заведеніе, гдѣ изготовляется солонина, и что по дорогѣ приходилось убивать переутомившуюся скотину, съ которой тутъ же снимали шкуру, но что гаучосовъ никакъ нельзя было уговорить съѣдать ихъ мясо: они требовали каждый день на ужинъ свѣжее животное! Видъ на Ріо-Негро съ горы былъ живописнѣе всѣхъ видѣнныхъ мною видовъ въ этой провинціи. Широкая, глубокая и быстрая рѣка извивалась у подошвы крутого скалистаго утеса; берега ея были опоясаны лѣсами, а на горизонтѣ виднѣлась волнистая поверхность зеленой равнины.

Въ бытность мою здѣсь я слышалъ нѣсколько разъ разговоры о Сіерраде-Ласъ-Куэнтасъ—горѣ, находившейся въ разстояніи многихъ миль на сѣверъ отсюда. Названіе ея значитъ *бусовая гора*. Меня увѣряли, что тамъ находится множество мелкихъ круглыхъ камешковъ всевозможныхъ цвѣтовъ, просверленныхъ цилиндрическимъ отверстіемъ. Въ прежнее время индѣйцы собирали ихъ для ожерелій и браслетовъ, что, по-моему, изобличаетъ вкусъ, одинаково доступный дикарямъ и самымъ образованнымъ народамъ. По правдѣ сказать, я не зналъ, чему вѣрить въ этихъ разсказахъ.

Но когда я разсказалъ объ этомъ доктору А. Смиту на мысѣ Доброй Надежды, онъ припомнилъ, что находилъ на юго-восточномъ приморскомъ берегу, около ста миль къ востоку отъ рѣки Ст. Джонъ, кристаллы кварца, перемѣшаннаго съ гравіемъ, грани которыхъ были притуплены отъ тренія. Каждый кристаллъ имѣлъ до пяти линій въ діаметрѣ и отъ одного до полутора дюйма въ длину. Многіе изъ нихъ имѣли цилиндрическое отверстіе, просверленное насквозь, черезъ которое можно было продѣть толстую нитку или струну. Всѣ они были краснаго или мутно-бѣлаго цвѣта. Туземцы знали кристаллы подобнаго строенія. Хотя въ настоящее время неизвѣстно ни одно кристаллическое тѣло, принимающее такую форму, но я упомянулъ объ этихъ случаяхъ съ тѣмъ, чтобы будущій путешественникъ занялся изслѣдованіемъ настоящей природы такихъ камней.

Меня очень забавляли пастушьи собаки и разсказы о нихъ, слышанные мною на этой фермѣ [1]). Когда ѣдешь верхомъ, часто встрѣчаешь большое овечье стадо подъ защитой одной или двухъ собакъ и притомъ за нѣсколько миль отъ какого-либо жилья. Я удивлялся, какимъ образомъ завязалась такая тѣсная дружба между собаками и овцами. Но ихъ пріучаютъ еще щенками, отнимая ихъ отъ матери. Щенка подносятъ три или четыре раза въ день къ овцѣ и даютъ ему сосать ее; въ овчарнѣ для него устраивается родъ гнѣзда изъ овечьей шерсти. Ему никогда не позволяютъ общаться съ другими собаками или дѣтьми хозяйскими. Кромѣ того, щенятъ обыкновенно холостятъ, такъ что когда они вырастаютъ, они не могутъ имѣть стремленій, подобныхъ стремленіямъ другихъ собакъ. Вслѣдствіе такого воспитанія пастушьимъ собакамъ не хочется покидать стада, и между тѣмъ какъ другія собаки готовы защищать хозяина, эти стоятъ за овецъ. Забавно видѣть, что дѣлается въ стадѣ, когда подходишь къ нему: собака выступаетъ впередъ съ лаемъ, а овцы всѣ сбиваются въ кучу позади нея, точно будто за старѣйшаго изъ барановъ. Пастушьи собаки тоже легко научаются пригонять стада домой къ извѣстному часу. Водится за ними одинъ недостатокъ, пока онѣ молоды: онѣ любятъ поиграть съ овцами и, увлекаясь во время игры, иногда немилосердно загоняютъ своихъ несчастныхъ подданныхъ.

Овчарка приходитъ ежедневно домой за своей порціей мяса и, получивъ ее, скорѣе убѣгаетъ назадъ, какъ будто чего-то стыдясь. Въ этихъ случаяхъ домашнія собаки проявляютъ свою жестокость; самая маленькая изъ нихъ и та бросается на пришельца и гонитъ его прочь. Но стоитъ овчаркѣ добѣжать до своего стада, какъ она оборачивается на враговъ и начинаетъ лаять на нихъ. Тогда домашнія собаки въ свою очередь обращаются въ бѣгство. Точно такъ же цѣлая свора голодныхъ дикихъ собакъ рѣдко (а мнѣ говорили, что она даже никогда этого не дѣлаетъ) осмѣливается напасть на стадо, охраняемое хотя бы одной вѣрной пастушьей собакой. Все это кажется мнѣ любопытнымъ примѣромъ гибкости чувства любви въ собакѣ. И въ дикомъ состояніи, и во всѣхъ стадіяхъ развитія собака питаетъ чувство уваженія или страха по отношенію ко всѣмъ животнымъ, инстинктъ которыхъ влечетъ ихъ къ жизни сообществами. Трудно было бы объяснить себѣ, почему нѣсколько дикихъ собакъ отступаютъ передъ одной овчаркой, пасущей стадо, если бы не было того обстоятельства, что у дикихъ собакъ является смутное чувство, готовое приписать одинокой овчаркѣ во главѣ стада овецъ

[1]) Г. А. д'Орбиньи разсказываетъ почти то же самое объ этихъ собакахъ. Томъ V, стр. 175.

такую же силу, какую она имѣла бы, если бы находилась въ соединеніи съ другими собаками. Ф. Кювье замѣтилъ, что всѣ легко приручающіяся животныя смотрятъ на человѣка, какъ на члена своего общества, и такимъ образомъ слѣдуютъ своему врожденному инстинкту общежитія. Въ описанномъ выше случаѣ овчарка считаетъ овецъ за своихъ собратьевъ, что придаетъ ей увѣренность; дикія же собаки хотя и понимаютъ, что имѣютъ передъ собой не собакъ, а стадо овецъ, то-есть хорошее мясо, но все-таки поддаются воззрѣнію овчарки и не трогаютъ стада, находящагося подъ ея покровительствомъ.

Однажды вечеромъ явился «домидоръ» (укротитель лошадей), чтобы объѣзжать молодыхъ лошадей. Опишу всѣ его пріемы, такъ какъ, мнѣ кажется, другіе путешественники не упоминали объ этомъ. Въ кораллъ, или бревенчатую ограду, загоняютъ табунъ молодыхъ лошадей и ворота запираютъ. Предположимъ, что одинъ человѣкъ безъ посторонней помощи долженъ поймать лошадь, не видавшую никогда сѣдла и узды, и, осѣдлавъ ее, сѣсть на нее верхомъ. Думаю, что на такое дѣло способенъ единственно гаучо. Онъ выбираетъ взрослую лошадь, и въ то время какъ животное скачетъ кругомъ огороженнаго мѣста, онъ закидываетъ на нее арканъ такъ, чтобы опутать переднія ноги. Лошадь тотчасъ падаетъ тяжело на землю, и пока она барахтается, онъ затягиваетъ арканъ, потомъ обводитъ имъ одну заднюю ногу подъ самой щеткой и притягиваетъ ее къ переднимъ ногамъ; такимъ образомъ, у лошади оказываются связанными три ноги. Тогда гаучо садится ей на шею и надѣваетъ на нижнюю челюсть крѣпкую узду безъ удилъ; дѣлается это такъ: тонкій ремень продѣвается черезъ кольца на концахъ поводьевъ и обертывается нѣсколько разъ кругомъ нижней челюсти, прихватывая и языкъ. Послѣ этого переднія ноги стягиваются крѣпкимъ ремнемъ, завязаннымъ въ петлю, и снимается арканъ. Лошадь получаетъ возможность подняться, но съ большимъ трудомъ. Гаучо, ухватившись за узду, выводитъ лошадь за ограду. Если тутъ присутствуетъ другой человѣкъ (въ противномъ случаѣ дѣло сильно затрудняется), то одинъ держитъ голову лошади, пока другой надѣваетъ на нее попону, сѣдло и затягиваетъ подпругу. Во время этой операціи лошадь отъ страха и удивленія, что ее стягиваютъ поперекъ тѣла, бросается на землю до тѣхъ поръ, пока ее ударами не заставятъ встать.

Когда, наконецъ, процессъ осѣдлыванія конченъ, несчастное животное едва можетъ дышать отъ страха и все покрыто пѣной. Гаучо готовится сѣсть на лошадь, крѣпко натянувъ стремя, чтобы лошадь не потеряла равновѣсія; потомъ онъ перекидываетъ ногу черезъ спину животнаго и въ то же мгновеніе распускаетъ петлю, стягивавшую переднія ноги; такимъ образомъ онъ освобождаетъ лошадь. Нѣкоторые «домидоры» распускаютъ петлю, пока лошадь лежитъ на землѣ, и, ставъ надъ сѣдломъ, даютъ ей подняться подъ собою. Лошадь внѣ себя отъ ужаса задаетъ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ и затѣмъ пускается вскачь; давъ ей проскакать до полнаго истощенія силъ, гаучо приводитъ ее назадъ въ ограду и еле живую, всю взмыленную и тяжело дышащую отпускаетъ на волю. Съ лошадьми, которыя не пускаются вскачь, а упрямо бьются на землѣ, гораздо больше хлопотъ. Этотъ способъ укрощенія дикой лошади крайне суровъ, но зато въ два-три пріема онъ достигаетъ цѣли, и лошадь становится смирной. Однако проходятъ недѣли, прежде чѣмъ она свыкнется съ желѣзными удилами, потому что она сначала должна научиться понимать волю своего сѣдока по движенію повода, иначе самыя крѣпкія удила будутъ безполезны.

Животныя водятся въ такомъ изобиліи въ здѣшнемъ краѣ, что эгоистичное отношеніе человѣка не очень-то связано съ заботливостью о нихъ; я очень боюсь, что о милосердіи къ животнымъ здѣсь почти не имѣютъ никакого понятія. Когда я однажды ѣхалъ съ почтеннымъ фермеромъ въ пампасахъ, моя лошадь сильно утомилась и стала отставать. Мой спутникъ то и дѣло кричалъ мнѣ, чтобы я далъ ей шпоры. Когда же я не соглашался съ нимъ, указывая на полное истощеніе моей лошади, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Почему вы не хотите пришпорить ее? Не стѣсняйтесь, вѣдь это—моя лошадь». Съ трудомъ могъ я объяснить ему, что я заботился о лошади самой, а не о его интересахъ. Онъ воскликнулъ, крайне удивленный: «A! Don Carlos que cosa!» Ясно было, что ему и въ голову не приходила подобная мысль.

Извѣстно, что гаучосы—прекрасные наѣздники. Что бы ни продѣлывали строптивыя лошади, гаучосы и не воображаютъ, что можно упасть когда-нибудь. Въ глазахъ ихъ только тотъ человѣкъ—хорошій наѣздникъ, который умѣетъ справиться съ молодой невыѣзженной лошадью или спрыгиваетъ легко на землю, когда лошадь подъ нимъ падаетъ,—однимъ словомъ, тотъ, кто способенъ продѣлать всевозможныя трудныя вещи во время ѣзды верхомъ. Я слышалъ про одного гаучо, будто онъ держалъ пари о томъ, что двадцать разъ свалитъ лошадь на скаку, а самъ девятнадцать разъ благополучно соскочитъ съ нея. Помню, какъ одинъ гаучо ѣхалъ верхомъ на лошади съ большимъ норовомъ; она три раза становилась на дыбы такъ, что со всѣхъ ногъ опрокидывалась назадъ, и онъ всякій разъ ловилъ ту самую минуту, которая нужна была для того, чтобы самому ловко соскочить на землю, и только что лошадь поднималась, какъ онъ снова садился въ сѣдло и, наконецъ, заставилъ ее скакать, не пытаясь больше его сбросить. Глядя на гаучо верхомъ на конѣ, никогда не получаешь впечатлѣнія, чтобы онъ напрягалъ мускулы. Разъ въ то время, какъ мы рядомъ скакали, я посмотрѣлъ на моего искуснаго спутника и подумалъ: «если лошадь понесетъ, вы слетите съ нея непремѣнно, сидя такъ небрежно». Въ то же мгновеніе страусъ самецъ выскочилъ изъ своего гнѣзда подъ самымъ носомъ лошади; она какъ олень сдѣлала прыжокъ въ сторону, но ѣздокъ только вздрогнулъ вмѣстѣ съ лошадью и крѣпко остался въ сѣдлѣ, послѣдовавъ за ея движеніемъ.

Въ Чили и въ Перу гораздо тщательнѣе пріучаютъ лошадей къ удиламъ, чѣмъ въ Ла-Платѣ, что, повидимому, требуется болѣе сложными условіями мѣстности. Въ Чили никто не считаетъ лошади вполнѣ выѣзженной, прежде чѣмъ наѣздникъ не получитъ возможности остановить лошадь на полномъ скаку гдѣ бы то ни было, напримѣръ, надъ распростертымъ по землѣ плащомъ, или же тогда только, когда наѣздникъ, разогнавъ своего коня съ тѣмъ, чтобы перепрыгнуть черезъ стѣну, заставитъ его повернуть такъ круто отъ стѣны, что онъ задними копытами задѣнетъ за нее. Я видѣлъ одного ѣздока, который управлялъ горячею лошадью только большимъ и указательнымъ пальцами; онъ заставилъ ее проскакать черезъ дворъ и затѣмъ быстро кружиться около столба веранды, но на такомъ ровномъ разстояніи отъ столба, что наѣздникъ, протянувъ руку, могъ все время дотрогиваться пальцемъ до столба. Послѣ этого лошадь должна была сдѣлать въ воздухѣ полуоборотъ и продолжала кружиться въ противоположномъ направленіи.

Такую лошадь считаютъ хорошо выѣзженной, и хотя на первый взглядъ столь тщательная дрессировка можетъ показаться излишней, но на самомъ дѣлѣ это вовсе не безполезно. Такая выѣздка имѣетъ въ

виду усовершенствованіе постоянно необходимой лошадиной службы. Когда наѣздникъ бросаетъ арканъ на быка, послѣдній иногда скачетъ и кружится, увлекая за собой лошадь; если же она не хорошо выѣзжена, то испугается и не станетъ вертѣться за быкомъ, какъ колесная ось, а отъ этого погибло не мало людей, такъ какъ если арканъ обовьетъ тѣло человѣка, то онъ можетъ перерѣзать его пополамъ, вслѣдствіе сильнаго движенія обоихъ животныхъ въ противоположныя стороны. На основаніи того же закона устроены здѣшнія ристалища: длина бѣга не болѣе двух- или трехсотъ ярдовъ, потому что имѣется въ виду требованіе наибольшей быстроты отъ лошадей. Бѣговыхъ лошадей тренируютъ такъ, чтобы онѣ не только останавливались на чертѣ, но собирали бы всѣ четыре ноги вмѣстѣ и могли бы такимъ образомъ при слѣдующемъ же прыжкѣ дать полный ходъ задними ногами. Въ Чили мнѣ передали одинъ анекдотъ, который показался мнѣ правдивымъ и въ то же время прекрасно рисующимъ пользу отъ хорошо выѣзженной лошади. Одинъ почтенный господинъ, проѣзжая верхомъ, встрѣтилъ двухъ всадниковъ; одинъ изъ нихъ ѣхалъ на лошади, въ которой господинъ призналъ собственнаго коня, недавно у него украденнаго. Онъ остановилъ всадниковъ, предъявивъ имъ свои требованія, но тѣ въ отвѣтъ обнажили сабли и пустились его преслѣдовать. Господинъ скакалъ впереди на своей быстроногой лошади; поровнявшись съ разросшимся кустарникомъ онъ вдругъ объѣхалъ его кругомъ и вдругъ остановилъ лошадь. Преслѣдователи промчались мимо него; тогда онъ погналъ лошадь въ догонку и, заскакавъ сзади нихъ, всадилъ одному ножъ въ спину, поранилъ другого, отнялъ свою лошадь у умиравшаго разбойника и повернулъ домой. Для проявленія такого наѣзднического искусства необходимы два условія: строжайшія удила наподобіе тѣхъ, которыя употребляются мамелюками; сила ихъ хотя и рѣдко примѣняется, но лошадямъ она хорошо извѣстна; кромѣ того, нужны большія тупыя шпоры, годныя для легкаго прикосновенія или же для нанесенія сильнѣйшей боли. Я думаю, что острыя англійскія шпоры, причиняющія царапины при малѣйшемъ прикосновеніи, оказались бы вполнѣ непригодными для выѣздки лошадей по обычаю Южной Америки.

На одной фермѣ подлѣ Ласъ-Вакасъ большое количество кобылъ убивается еженедѣльно ради ихъ шкуръ, хотя каждая шкура стоитъ не болѣе пяти бумажныхъ долларовъ, или около полукроны. Сначала кажется страннымъ, что люди изъ-за такихъ пустяковъ убиваютъ кобылъ, но такъ какъ здѣсь почитаютъ смѣшнымъ выѣзжать кобылъ для верховой ѣзды, то ихъ цѣнятъ единственно какъ орудіе размноженія. Я видѣлъ, впрочемъ, еще одно примѣненіе кобылъ къ нуждамъ хозяйства: ихъ употребляютъ для молотьбы пшеницы, загоняя въ круглый огороженный токъ, на которомъ разостланы пшеничные колосья. Человѣкъ, занимавшійся убійствомъ кобылъ, прославился своимъ искусствомъ въ закидываніи аркана. Стоя на разстояніи двѣнадцати ярдовъ отъ воротъ коралла, онъ держалъ пари, что поймаетъ за ноги каждую лошадь въ ту минуту, какъ она промчится мимо него. Другой человѣкъ увѣрялъ, что онъ пѣшимъ войдетъ въ кораллъ, поймаетъ кобылу, свяжетъ ей переднія ноги, выгонитъ за ограду, повалитъ, убьетъ, сдеретъ съ нея шкуру и растянетъ ее для окраски (послѣдняя работа беретъ не мало времени). Онъ брался совершить эту операцію съ двадцатью двумя животными въ день или же убить пятьдесятъ кобылъ и содрать съ нихъ шкуру за то же время. Конечно, такой трудъ былъ бы совершенно необыкновеннымъ проявленіемъ силы и искусства, такъ какъ содрать шкуру

съ пятнадцати или шестнадцати штукъ лошадей и растянуть ихъ считается весьма изрядной работой для одного дня.

26-ое ноября. Я отправился въ обратный путь въ Монте-Видео, избравъ для этого самую прямую дорогу. Мнѣ разсказывали о какихъ-то огромныхъ костяхъ, найденныхъ близъ сосѣдней фермы на рѣчкѣ Сарандисъ, впадающей въ Ріо-Негро, вслѣдствіе чего я поѣхалъ туда съ моимъ хозяиномъ и пріобрѣлъ за деньги, равныя нашимъ восемнадцати пенсовъ, голову Toxodon [1]).

Голову нашли совершенно цѣлой, но мальчики, бросая камни, вышибли изъ нея нѣсколько зубовъ, а потомъ поставили себѣ голову въ видѣ мишени, чтобы попадать въ нее каменьями. По особенно счастливой случайности, я напалъ на зубъ, вполнѣ подходившій къ одной изъ луночекъ этого черепа; онъ оказался зарытымъ самъ по себѣ на берегу Ріо-Тересро, въ ста восьмидесяти миляхъ отъ того мѣста, гдѣ была найдена голова. Я нашелъ остатки этого необычайнаго животнаго въ двухъ другихъ мѣстахъ, т. ч. оно, вѣрно, было здѣсь довольно обыкновенно въ давнее время. Еще мнѣ попались тутъ большія части панцыря гигантскаго животнаго, сходнаго съ броненосцемъ, а также часть огромнаго черепа Mylodon'a. Кости этого черепа были такъ свѣжи, что онѣ содержали, по анализу г-на Рикса, семь процентовъ животныхъ веществъ; на спиртовой лампочкѣ онѣ горятъ слабымъ пламенемъ. Количество остатковъ, зарытыхъ въ огромномъ наносномъ слоѣ, образующемъ пампасы и покрывающемъ гранитныя скалы въ Банда-Оріенталь, должно быть необыкновенно велико. Я думаю, что если провести въ любомъ направленіи пампасовъ прямую линію, то подъ ней непремѣнно найдется какой-нибудь скелетъ или чьи-нибудь кости. Кромѣ найденныхъ мною во время моихъ кратковременныхъ странствованій, я слышалъ разсказы о многихъ другихъ; ясно, откуда произошли такія названія мѣстъ какъ, напримѣръ: «Звѣриная рѣка» или «Гора великана». Кромѣ того, я слышалъ о чудодѣйственной силѣ нѣкоторыхъ рѣкъ, которыя будто бы превращали маленькія кости въ большія, или же говорили еще, что кости сами росли. Насколько я знаю, ни одно изъ этихъ животныхъ не погибло, какъ думали раньше, въ болотахъ или илистыхъ руслахъ теперешнихъ рѣкъ, но кости животныхъ вымыты рѣками изъ древняго ложа, гдѣ онѣ были зарыты. Мы можемъ заключить, что вся поверхность пампасовъ представляетъ сплошное обширное кладбище этихъ исчезнувшихъ гигантскихъ млекопитающихъ.

Мы прибыли въ Монте-Видео около полудня 28-го ноября, употребивъ два съ половиною дня на дорогу. Мѣстность, черезъ которую мы проѣзжали, была большею частью однообразнаго характера, при чемъ мѣстами попадалось больше скалъ и холмовъ, нежели около Ла-Платы. Неподалеку отъ Монте-Видео мы проѣхали черезъ деревню Ласъ-Піетрасъ, прозванную такъ за нѣсколько большихъ, округленныхъ глыбъ сіенита. Видъ этой деревни былъ довольно красивый. Въ здѣшнихъ мѣстахъ группа фиговыхъ деревьевъ, возвышенность футовъ въ сто надъ общимъ уровнемъ могутъ быть названы живописными.

Въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ я имѣлъ случай нѣсколько ознакомиться съ характеромъ жителей этихъ провинцій. Гаучосы, т.-е. сельскіе обитатели, стоятъ гораздо выше городскихъ жителей. Гаучо

[1]) Я долженъ выразить мою благодарность г-ну Кину, въ чьемъ домѣ я останавливался въ Берквело, и г-ну Ломбу въ Буэносъ-Айресѣ. Безъ ихъ содѣйствія эти цѣнные остатки никогда бы не достигли Англіи.

неизмѣнно услужливъ, вѣжливъ и гостепріименъ; ни разу я не встрѣтилъ грубого поступка или негостепріимной выходки. Гаучо скроменъ, какъ по отношенію себя самого, такъ и насчетъ своей страны, но въ то же время онъ—живой, молодцоватый парень. Зато надо сказать, что разбои и кровопролитія здѣсь часты. Убійства находятся въ тѣсной связи съ обыкновеніемъ носить при себѣ ножи. Грустно слышать, сколько жизней гибнетъ въ самыхъ пустыхъ ссорахъ. Во время драки каждый изъ дерущихся старается зарубить ножомъ носъ и глаза противника, что видно по глубокимъ и страшнымъ рубцамъ на лицахъ. Частое воровство является естественнымъ послѣдствіемъ распространенной картежной игры, пьянства и крайней праздности поселянъ. Въ Мерседесѣ я спрашивалъ у двухъ человѣкъ, почему они не работаютъ. Одинъ пресерьезно отвѣчалъ, что дни слишкомъ длинны, а другой сослался на свою крайнюю бѣдность.

Множество лошадей и обиліе пищи гибельно дѣйствуютъ на всякое промышленное предпріятіе. Кромѣ того, принято праздновать большое количество дней въ году и, еще вдобавокъ, никакое дѣло нельзя начинать иначе какъ въ то время, когда мѣсяцъ на прибыли. Такимъ образомъ пропадаетъ полмѣсяца даромъ.

Полиція и судъ вполнѣ безсильны. Если бѣдный человѣкъ совершитъ убійство, его посадятъ въ тюрьму и, можетъ быть, разстрѣляютъ, но если преступникомъ окажется человѣкъ богатый и со связами, то онъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что серьезной карѣ не подвергнется. Замѣчательно, что самые почтенные граждане неизмѣнно помогаютъ убійцѣ бѣжать, очевидно, разсматривая его дѣяніе какъ противоправительственное, а не направленное противъ общества. Путешественникъ не находитъ здѣсь иной защиты, кромѣ собственнаго огнестрѣльнаго оружія; привычка носить таковое постоянно при себѣ главнымъ образомъ служитъ къ сокращенію воровства, которое случалось бы гораздо чаще въ противномъ случаѣ.

Хорошія черты гаучосовъ встрѣчаются, но въ меньшей степени, и въ высшихъ, образованныхъ слояхъ общества, хотя, къ сожалѣнію, мнѣ кажется, что эти добрыя стороны омрачены пороками, которые чужды гаучосамъ. Чувственность, насмѣшливое отношеніе ко всякой религіи и грубая развращенность нравовъ далеко не въ рѣдкость здѣсь. Почти всѣ офиціальные люди подкупны. Былъ случай, что начальникъ почтовой конторы продавалъ фальшивыя деньги.

Губернаторъ въ соединеніи съ первымъ министромъ открыто грабили страну. Никто здѣсь не ожидаетъ справедливости, разъ что въ дѣло замѣшаны денежные интересы. Одинъ знакомый англичанинъ отправился къ предсѣдателю суда (онъ разсказывалъ мнѣ, что входилъ съ трепетомъ, не зная еще обычаевъ страны) и сказалъ ему: «Сэръ, я пришелъ предложить вамъ двѣсти (бумажныхъ) долларовъ (около 5 фунт. стер.), если вы въ назначенное время арестуете уеловѣка, обманувшаго меня. Я знаю, что то, что я прошу не согласно съ закономъ, но мой адвокатъ (назвалъ его имя) посовѣтовалъ мнѣ поступить именно такъ». Предсѣдатель суда улыбнулся въ знакъ согласія, а того человѣка засадили въ тюрьму въ тотъ же день. И при такомъ-то полномъ отсутствіи честности въ руководящихъ людяхъ, въ то время, какъ страна полна плохо оплаченныхъ, безпокойныхъ чиновниковъ, народъ все еще надѣется, что демократическая форма правленія можетъ восторжествовать!

Когда впервые вступаешь въ здѣшнее общество, то поражаешься двумя-тремя замѣчательными чертами: вѣжливостью и достоинствомъ въ

обращеніи со стороны людей всѣхъ классовъ, прекраснымъ вкусомъ, отличающимъ женскіе туалеты и равенствомъ между всѣми сословіями. На Ріо-Колорадо мелкіе лавочники иногда обѣдали у генерала Розаса. Сынъ одного майора въ Багіа-Бланка существовалъ тѣмъ, что набивалъ папиросы, и онъ же предложилъ мнѣ проводить меня въ качествѣ слуги до Буэносъ-Айреса, но на это не согласился его отецъ, только изъ страха дорожныхъ опасностей. Въ арміи есть не мало офицеровъ безграмотныхъ, но ихъ вездѣ принимаютъ наравнѣ съ другими. Въ Энтре-Ріосъ палата насчитывала всего шесть народныхъ представителей. Одинъ изъ нихъ держалъ мелочную лавку, повидимому, не считая этого занятія унизительнымъ для себя. Конечно, такія явленія совершенно понятны въ новой странѣ, но тѣмъ не менѣе англичанину страннымъ кажется отсутствіе джентльменовъ по профессіи.

Говоря о здѣшнихъ провинціяхъ, не надо забывать, какое развитіе онѣ получили отъ своей недоброй метрополіи—Испаніи, но, говоря вообще, достигнутые испанцами успѣхи, заслуживаютъ, быть можетъ, болѣе похвалы, чѣмъ недостатки вызываютъ осужденіе. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что крайній либерализмъ этихъ странъ долженъ въ концѣ-концовъ привести ихъ къ хорошимъ результатамъ.

Общераспространенная вѣротерпимость, вниманіе, которое обращено на средства образованія, свобода печати, хорошее отношеніе къ иностранцамъ—въ особенности, долженъ прибавить, ко всѣмъ, заявляющимъ хотя бы самыя скромныя претензіи на ученость—все это слѣдуетъ съ благодарностію вспоминать людямъ, посѣтившимъ испанскую часть Южной Америки.

6-ое декабря. Бигль отплылъ изъ Ріо-Платы, не собираясь болѣе никогда заходить въ ея грязные лиманы. Мы направились въ Портъ-Дезире, расположенный на берегу Патагоніи. Прежде чѣмъ продолжать мой дневникъ, я хочу привести здѣсь рядъ наблюденій, сдѣланныхъ мною во время переѣзда по морю.

Когда мы отъѣхали на нѣсколько миль отъ Ла-Платы и еще противъ береговъ сѣверной Патагоніи, насъ окружали рои насѣкомыхъ. Однажды вечеромъ—мы въ это время находились миляхъ въ десяти отъ залива Санъ-Блазъ—безчисленныя бабочки цѣлыми роями наполнили воздухъ на всемъ пространствѣ, видимомъ глазу. Даже въ телескопъ не видно было имъ конца. Матросы кричали: «идетъ снѣгъ изъ бабочекъ!» И въ самомъ дѣлѣ, это было похоже на снѣгъ. Тутъ были разные виды бабочекъ, но большая часть принадлежала къ виду, очень похожему на англійскій видъ Colias edusa, однако не тожественному съ нимъ. Къ бабочкамъ присоединилось нѣсколько молей и перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ, а на палубу къ намъ залетѣлъ красивый жукъ (Calosoma).

Были и другіе случаи, когда этого жука ловили далеко въ морѣ; это тѣмъ болѣе замѣчательно, что жужелицы (Carabidae) рѣдко, почти никогда, не летаютъ. Погода стояла въ тотъ день и въ предыдущій ясная, тихая, съ легкимъ перемѣннымъ вѣтеркомъ.

Нельзя поэтому предположить, чтобы насѣкомыхъ занесло сюда вѣтромъ, а надо заключить, что они прилетѣли по собственной волѣ. Большіе рои Colias сначала походили на перелеты другой бабочки Vanessa cardui[1]); но присутствіе другихъ насѣкомыхъ доказываетъ, что это явленіе другого характера и еще менѣе объяснимое. Передъ закатомъ солнца поднялся сильный вѣтеръ, который, надо полагать, причинилъ гибель десятковъ тысячъ бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ.

---

[1]) Lyell's Principles of Geology, vol. III. p. 63.

Въ другой разъ, когда мы плыли на разстояніи семнадцати миль отъ мыса Карріентесъ, я опустилъ сѣтку съ палубы въ море для ловли пелагическихъ животныхъ. Вытащивъ сѣтку изъ воды, я нашелъ въ ней, къ моему удивленію, довольно много жуковъ, несмотря на то, что мы находились въ открытомъ морѣ; соленая вода, какъ видно, не причинила имъ большого вреда. Я потерялъ нѣкоторые экземпляры, но сохранившіеся у меня принадлежали къ слѣдующимъ родамъ: Colymbetes, Hydroporus, Hydrobius (два вида), Notaphus, Cynucus, Adimonia и Scarabaeus. Сначала я подумалъ, что эти насѣкомыя были принесены вѣтромъ съ берега, но, взявъ въ соображеніе, что изъ восьми видовъ четыре были водяные, а еще два вида, по своимъ нравамъ, тоже отчасти принадлежали къ водянымъ видамъ, я пришелъ къ заключенію, что, по всей вѣроятности, эти насѣкомыя были занесены въ море теченіемъ небольшой рѣчки, вытекающей изъ озера близъ мыса Корріентесъ. Что бы ни предполагать, во всякомъ случаѣ очень любопытно найти живыхъ насѣкомыхъ, плавающихъ въ океанѣ, на разстояніи семнадцати миль отъ ближайшаго берега. Есть нѣсколько разсказовъ о насѣкомыхъ, которыя были унесены вѣтромъ съ берега Патагоніи въ море. Фактъ этотъ замѣченъ и капитаномъ Кукомъ, и позднѣе капитаномъ Кингомъ съ корабля «Adventure». Случается это, вѣроятно, отъ того, что берега Патагоніи представляютъ мѣста, не защищенныя ни деревьями, ни горами, вслѣдствіе чего насѣкомыя, подхваченныя на лету вѣтромъ съ берега, легко уносятся въ море. Любопытнѣйшій изъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ съ насѣкомыми, попадающимися далеко въ морѣ, произошелъ на кораблѣ «Бигль», когда онъ плылъ отъ острововъ Зеленаго Мыса и когда ближайшій берегъ, не прямо противоположный пассату, былъ мысъ Бланко на берегахъ Африки на разстояніи 370 миль [1]); въ это время къ намъ на палубу прилетѣлъ большой кузнечикъ (Acrydium).

Когда «Бигль» находился въ устьяхъ Ла-Платы, снасти его нѣсколько разъ покрывались паутиной. Однажды (1-го ноября 1832 г.) я обратилъ особенное вниманіе на это явленіе. Погода передъ этимъ стояла прекрасная, и по утрамъ въ воздухѣ летало множество прядей бѣлыхъ волокнистыхъ паутинъ, какъ это случается въ хорошій осенній день въ Англіи. Корабль находился въ шестидесяти миляхъ отъ берега и былъ подъ легкимъ, но постояннымъ вѣтромъ. Огромное количество маленькихъ паучковъ темно-краснаго цвѣта, около одной десятой дюйма въ длину, насѣло на снасти. Мнѣ показалось, что ихъ были тысячи на кораблѣ. Паучокъ, опускаясь на снасть, всегда висѣлъ на одномъ волокнѣ, а не на клочьяхъ паутины. Повидимому, эти клочья нечто болѣе, какъ перепутанныя между собою отдѣльныя нити. Паучки принадлежали всѣ къ одному виду. Здѣсь были представители обоихъ половъ и дѣтеныши, которыхъ можно было отличить по меньшему размѣру и болѣе темной окраскѣ.

Я не буду описывать этого паука, но ограничусь только однимъ замѣчаніемъ: по-моему, онъ не подходитъ ни подъ одинъ изъ родовъ Латрейля. Маленькій воздухоплаватель тотчасъ по прибытіи на палубу проявлялъ большую дѣятельность: то онъ бѣгалъ, то падалъ и снова поднимался по той же ниткѣ паутины; иногда онъ занимался плетеніемъ небольшой и совершенно неправильной сѣти въ углахъ между канатами.

---

[1]) Мухи, часто сопровождающія корабль въ продолженіе нѣсколькихъ дней по пути отъ одной гавани къ другой, удаляются отъ корабля, скоро теряются и всѣ исчезаютъ.

Паучокъ этотъ очень легко двигался по водной поверхности. Если его что-нибудь безпокоило, онъ подымалъ переднія ноги и останавливался, какъ будто внимательно присматриваясь и прислушиваясь. Когда паучки только что появились на кораблѣ, казалось, что они испытываютъ сильную жажду; раскрывъ челюсти, они жадно пили. То же самое было замѣчено Стрэкомъ; не есть ли это слѣдствіе того, что маленькое насѣкомое прошло черезъ сухую и разрѣженную атмосферу? Запасъ паутины у этихъ паучковъ кажется неистощимымъ. Наблюдая за паучками, висѣвшими на одномъ волокнѣ, я замѣтилъ нѣсколько разъ, что малѣйшее дуновеніе воздуха уносило ихъ далеко въ горизонтальномъ направленіи. Въ другой разъ (25-го) при такихъ же обстоятельствахъ я не одинъ разъ замѣтилъ, какъ паучокъ, посаженный или самъ помѣстившійся на маленькое возвышеніе, приподымалъ брюшко, выпускалъ волокно и затѣмъ уносился горизонтально съ неимовѣрной быстротой. Мнѣ при этомъ казалось, что паукъ, готовясь къ вышеописаннымъ дѣйствіямъ, предварительно опутываетъ ноги тончайшими паутинными нитками, но я не увѣренъ въ точности этого наблюденія.

Въ бытность мою въ Санта-Фе мнѣ представился болѣе удобный случай для наблюденій надъ такими же явленіями.

Паукъ длиною около $^3/_{10}$ дюйма и общимъ видомъ похожій на бѣгуна (Citigrada) (слѣдовательно совершенно отличавшійся отъ тенетныхъ пауковъ), выпустилъ, находясь на вершинѣ шеста, четыре или пять волоконъ изъ своихъ паутинныхъ железъ. Эти волокна, отливая блескомъ на солнцѣ, казались расходящимися лучами свѣта, но они шли не прямо, а волнообразно, какъ шелковинки, развѣваемыя вѣтромъ. Они тянулись болѣе чѣмъ на ярдъ въ длину и шли въ восходящемъ отъ железъ направленіи. Выпустивъ волокна, паукъ внезапно покинулъ занятый шестъ и быстро исчезъ изъ виду. День стоялъ жаркій и, повидимому, совершенно тихій; но при этихъ условіяхъ воздухъ никогда не бываетъ настолько неподвиженъ, чтобы не вліять на такой нѣжный флюгеръ какъ паутинное волокно. Если мы будемъ въ жаркій день всматриваться въ тѣни отъ предметовъ, лежащихъ на ровномъ мѣстѣ, или въ отдаленныя точки, выдѣляющіяся на равнинѣ, всегда будетъ замѣтно восхожденіе теплаго воздуха: такое восходящее теченіе воздуха обнаруживается также при спускѣ мыльныхъ пузырей, которые не поднимаются внутри комнатъ. Послѣ этого, мнѣ кажется, не трудно будетъ понять восхожденіе паутинныхъ волоконъ, выпущенныхъ изъ прядильныхъ железъ паука, а равно и поднятіе самого паука; господинъ Меррэ пытался, кажется, объяснить расхожденіе волоконъ ихъ однородной электричностью. То обстоятельство, что не разъ находили на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ берега множество пауковъ одного вида, но разнаго пола и возраста, висящими на своихъ волокнахъ, даетъ возможность предполагать, что имъ свойственна привычка воздухоплаванія, какъ свойственно ныряніе Argyroneta.

Итакъ, мы можемъ отвергнуть мнѣніе Латрейля, который предполагаетъ, что летучія волокна происходятъ безразлично отъ дѣтенышей разнаго рода пауковъ, хотя, какъ мы видѣли, дѣтеныши другихъ пауковъ, дѣйствительно, имѣютъ способность совершать воздушныя путешествія [1]).

Во время нашихъ плаваній къ югу отъ Ла-Платы я часто спускалъ

[1]) Г. Блекуель (Blackwell) даетъ въ своихъ „Researches in Zoology“ много превосходныхъ наблюденій надъ нравами пауковъ.

съ кормы сѣть, сдѣланную изъ флагтуха и этимъ способомъ мнѣ удалось поймать много любопытныхъ животныхъ. Изъ ракообразныхъ попалось мнѣ не мало странныхъ и еще не описанныхъ родовъ. Одинъ изъ нихъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ родственный съ Notopoda (раки, у которыхъ заднія ноги расположены почти на спинѣ для того, чтобы они могли цѣпляться ими за нижнюю сторону камней) очень замѣчателенъ строеніемъ задней пары ножекъ. Предпослѣдній членикъ ихъ вмѣсто простого когтя имѣетъ на концѣ три щетинистыхъ придатка различной длины, при чемъ самый длинный придатокъ равняется цѣлой ногѣ. Эти придатки очень тонки и снабжены чрезвычайно мелкими зубцами, обращенными назадъ; ихъ согнутыя конечности сплющены, и на нихъ сидятъ пять крошечныхъ чашечекъ, которыя служатъ, повидимому, той же цѣли какъ присоски на щупальцахъ каракатицы. Въ виду того, что животное это живетъ въ открытомъ морѣ и, вѣроятно, нуждается въ мѣстѣ для отдыха, я думаю, что это прекрасное и крайне оригинальное строеніе конечностей приспособлено къ захвату плавающихъ морскихъ животныхъ.

Въ глубокихъ мѣстахъ моря, далеко отъ береговъ, водится очень мало живыхъ существъ. Къ югу отъ 35° широты мнѣ никогда не удавалось поймать что-нибудь, кромѣ нѣсколькихъ Beroë и немногихъ видовъ маленькихъ низшихъ ракообразныхъ (Entomostraca). Въ болѣе мелкихъ мѣстахъ, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ берега, встрѣчается множество ракообразныхъ разныхъ породъ и другихъ животныхъ, но только ночью. Между 56° и 57°, къ югу отъ мыса Горна, сѣть нѣсколько разъ спускали съ кормы въ воду, но она ни разу не захватила ничего кромѣ немногихъ экземпляровъ изъ двухъ видовъ крошечныхъ Entomostraca. Однако, киты, тюлени, буревѣстники и альбатросы встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ этой части океана. Для меня всегда было тайной чѣмъ можетъ питаться альбатросъ, который находится въ мѣстахъ океана, отдаленныхъ отъ берега: думаю, что онъ такъ же, какъ и кондоръ, способенъ долго поститься и, что ему можетъ хватить на долгое время хорошей пирушки надъ разложившимся трупомъ кита. Центральная тропическая часть Атлантическаго океана кишитъ крылоногими моллюсками (Pteropoda), ракообразными, лучистыми (Radiata), летучими рыбами, пожирающими ихъ и, въ свою очередь, питающими бонитовъ и альбикоръ. Думаю, что многочисленныя низшія пелагическія животныя кормятся инфузоріями, которыхъ, какъ теперь извѣстно по изслѣдованіямъ Эренберга, водится множество въ открытомъ морѣ, но, спрашивается, чѣмъ же питаются инфузоріи въ этой чистой синей водѣ?

Находясь немного южнѣе Ла-Платы, мы увидали въ одну очень темную ночь удивительное и прекрасное зрѣлище: дулъ свѣжій вѣтерокъ и гребни волнъ, которые днемъ покрыты пѣной, теперь свѣтились блѣднымъ свѣтомъ. Двѣ волны какъ бы изъ жидкаго фосфора бѣжали передъ носомъ корабля, а за нимъ тянулся млечный слѣдъ. Кругомъ, насколько было видно глазу, горѣли гребни волнъ и небо, отражая блескъ этихъ блѣдныхъ огней, казалось около горизонта не было такъ абсолютно темно какъ отдаленный сводъ небесный.

Подвигаясь далѣе на югъ, мы все рѣже встрѣчали фосфоричность моря; начиная отъ мыса Горна, я помню, что видѣлъ это явленіе всего одинъ разъ и то не очень яркое. Это обстоятельство имѣетъ, вѣроятно, близкое отношеніе къ тому, что въ этой части океана мало водится органическихъ существъ. Послѣ того, какъ Эренбергъ написалъ свое

тщательное изслѣдованіе о фосфоричности моря, съ моей стороны будетъ почти излишнимъ говорить объ этомъ предметѣ. Прибавлю однако, что тѣ же разорванныя и неправильныя частицы студенистаго вещества, которыя описаны Эренбергомъ, служатъ, кажется, обыкновенной причиной явленія фосфоричности, и въ южномъ, и въ сѣверномъ полушаріи. Частицы эти были такъ малы, что легко проходили сквозь тонкій газъ и, однако, многія изъ нихъ были ясно видны невооруженному глазу. Вода, налитая въ стаканъ и взболтанная, давала искры, но небольшое количество ея въ часовомъ стеклышкѣ почти никогда не свѣтилось. Мои наблюденія,—а изъ нихъ нѣкоторыя были сдѣланы надъ только что зачерпнутой водой—привели къ другому результату. Замѣчу еще, что я далъ сѣткѣ отчасти просохнуть, послѣ того, какъ она была въ употребленіи ночью, а, когда двѣнадцать часовъ спустя, она мнѣ опять понадобилась, я увидѣлъ, что вся поверхность ея свѣтилась такъ же ярко, какъ въ минуту ея поднятія изъ воды. Въ этомъ случаѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы частицы оставались такъ долго живыми. Мнѣ случилось разъ продержать въ водѣ медузу изъ рода Dianaea до тѣхъ поръ, пока она умерла тамъ; вода, въ которую она была положена, стала свѣтиться.

Когда вода отливаетъ ярко-зеленымъ свѣтомъ, то, я думаю, это большею частію происходитъ отъ присутствія мелкихъ ракообразныхъ. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что есть множество другихъ пелагическихъ животныхъ, которыя при жизни отличаются фосфоричностію.

Мнѣ случилось два раза наблюдать свѣченіе моря на значительной глубинѣ. Подлѣ устья Ла-Платы нѣсколько круглыхъ и овальныхъ пятенъ отъ двухъ до четырехъ ярдовъ въ діаметрѣ съ опредѣленными очертаніями свѣтились постояннымъ слабымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ въ окружающемъ водномъ пространствѣ появлялись лишь рѣдкія искры. Видъ этихъ свѣтлыхъ пятенъ походилъ на отраженіе луны или какого-нибудь другого свѣтлаго тѣла; края ихъ были извилисты вслѣдствіе волненія поверхности. Корабль, который сидѣлъ въ водѣ на тринадцать футовъ, проплылъ черезъ пятна, не замутивъ ихъ. Поэтому надо предположить, что какія-нибудь животныя собираются на глубинѣ, недосягаемой для дна корабля.

Подлѣ Фернандо-Норонья море вспыхивало снопами свѣта. Похоже было на то, какъ будто большая рыба быстро двигалась сквозь свѣтлую жидкость. Матросы именно такъ и объясняли это явленіе, но я въ этомъ сомнѣвался вслѣдствіе учащенности и быстроты вспышекъ. Я уже замѣтилъ, что такое свѣченіе гораздо болѣе распространено въ теплыхъ странахъ, чѣмъ въ холодныхъ, и мнѣ иногда приходило на умъ, что напряженное электрическое состояніе атмосферы благопріятно дѣйствуетъ на возникновеніе свѣченія. Я съ увѣренностью полагаю, что свѣченіе бываетъ особенно ярко послѣ нѣсколькихъ дней тихой погоды, во время которыхъ море кишѣло разнообразными животными. Замѣтивъ, что вода, наполненная студенистыми частицами, дѣлается мутной и, что свѣченіе въ большинствѣ случаевъ производится колебаніемъ жидкости, приходящей въ соприкосновеніе съ воздухомъ, я склоненъ разсматривать явленіе свѣченія, какъ результатъ разложенія органическихъ частицъ; этимъ процессомъ (хочется сравнить его съ своего рода дыханіемъ) океанъ очищается.

23-е декабря. Мы прибыли въ Портъ-Дезире, расположенный подъ 47^{9} широты, на берегу Патагоніи. Заливъ вдается въ глубь материка миль на двадцать, при чемъ онъ неправильно расширяется. «Бигль»

бросилъ якорь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ входа въ заливъ, противъ развалинъ стараго испанскаго поселенія.

Я сошелъ на берегъ въ тотъ же вечеръ. Первые шаги въ новой мѣстности всегда очень интересны, особенно въ томъ случаѣ, если, какъ это было въ Портъ-Дезире, общій видъ страны представляетъ рѣзкія своеобразныя черты. На высотѣ отъ двух- до трехсотъ футовъ, надъ порфировыми массами, тянется широкая равнина со всѣми характерными чертами Патагонской равнины. Поверхность ея совершенно ровная и состоитъ изъ округленныхъ валуновъ, смѣшанныхъ съ бѣловатою землею. Мѣстами разбросаны кусты бурой жесткой травы, а еще рѣже встрѣчается низкорослый колючій кустарникъ. Погода здѣсь сухая и пріятная; прекрасное голубое небо рѣдко застилается облаками. Стоя посреди такой пустынной равнины и глядя вглубь страны, обыкновенно упираешься взоромъ въ покатый край другой, болѣе высокой равнины, но такой же ровной и унылой; со всѣхъ другихъ сторонъ горизонтъ кажется неяснымъ отъ колебанія воздуха, поднимающагося съ раскаленной поверхности земли.

Въ подобной мѣстности судьба испанскаго поселенія была скоро рѣшена: сухость климата въ продолженіе большей части года и случайные враждебные набѣги странствующихъ индѣйцевъ заставили колонистовъ покинуть свои недостроенныя жилища. Впрочемъ, по стилю того, что осталось отъ нихъ, можно судить о мощи и роскоши испанцевъ въ старое время.

Всѣ попытки заселить эту сторону Америки, на югъ отъ 41°, кончились весьма печально. Портъ Фаминъ (голодъ) своимъ названіемъ даетъ понятіе о продолжительныхъ и чрезвычайныхъ страданіяхъ нѣсколькихъ сотъ несчастныхъ, изъ которыхъ остался въ живыхъ единственный человѣкъ, доставившій разсказъ о претерпѣнныхъ его соотечественниками неудачахъ.

Подлѣ бухты св. Іосифа, на берегу Патагоніи, былъ основанъ небольшой поселокъ, но въ одинъ воскресный день на него напали индѣйцы и вырѣзали всѣхъ жителей, за исключеніемъ двоихъ, просидѣвшихъ много лѣтъ въ плѣну. Съ однимъ изъ нихъ, достигшимъ глубокой старости, я встрѣтился въ Рio-Негро и долго бесѣдовалъ.

Животное царство такъ же бѣдно представлено въ Патагоніи, какъ и растительный міръ [1]). На безплодныхъ равнинахъ можно было увидать только немногихъ черныхъ жуковъ (Heteromera), медленно ползавшихъ, да случайно появлявшуюся ящерицу, метавшуюся изъ стороны въ сторону. Изъ птицъ здѣсь встрѣчаются три вида грифовъ, а въ долинахъ нѣсколько и насѣкомоядныхъ. Ибисъ (Theristicus melanops, принадлежащій къ виду, который, говорятъ, находится въ центральной Африкѣ) довольно часто встрѣчается здѣсь въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ, въ желудкахъ этихъ птицъ я находилъ кузнечиковъ, цикадъ, маленькихъ ящерицъ и даже скорпіоновъ [2]).

---

[1]) Я нашелъ здѣсь видъ кактуса, описаннаго проф. Генсло (Henslow) подъ именемъ Opuntia Darwinii (Magaz. of Zoology and Botany, vol. I, page 446), который отличался чувствительностію тычинокъ въ то время какъ я вставлялъ палочку или конецъ пальца въ цвѣтокъ. Листочки околоцвѣтника то же смыкались надъ пестикомъ, но медленнѣе тычинокъ. Растенія изъ того же семейства, считаемыя обыкновенно за тропическія, встрѣчаются въ Сѣверной Америкѣ (Lewis and Clarke's Trankls, p. 221), подъ той же высокой широтой какъ здѣсь, то-есть въ обоихъ случаяхъ подъ 47° широты.

[2]) Ихъ часто находятъ подъ камнями. Я нашелъ одного кровожаднаго скорпіона, пожиравшаго другого.

Есть время года, когда ибисы держатся стаями, а въ другое время они ходятъ попарно. Они издаютъ громкіе, странные звуки, похожіе на ржаніе гуанако.

Гуанако, или дикая лама,—самое характерное четвероногое на равнинахъ Патагоніи; это—южно-американскій представитель восточнаго верблюда. Гуанако въ дикомъ состояніи — изящное животное съ длинной стройной шеей и съ тонкими ногами. Оно водится въ большомъ количествѣ во всѣхъ умѣренныхъ частяхъ материка, доходя на югѣ до острововъ подлѣ мыса Горна. Обыкновенно гуанако живутъ маленькими стадами отъ шести до тридцати штукъ въ стадѣ, но на берегахъ Санта-Круса мы видѣли стадо, которое, должно быть, состояло по крайней мѣрѣ изъ пятисотъ штукъ.

Ламы бываютъ большею частью дики и очень осторожны. Г. Стоксъ говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ однажды въ зрительную трубу стадо этихъ животныхъ, которыхъ, очевидно, что-нибудь спугнуло, и они убѣгали во всю прыть, хотя разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ г-на Стокса, было такъ велико, что онъ не могъ ихъ разглядѣть простымъ глазомъ. Охотникъ зачастую узнаетъ о ихъ присутствіи, заслышавъ издали особенный рѣзкій звукъ ихъ крика, которымъ они даютъ другъ другу знать объ угрожающей опасности. Стоитъ тогда охотнику внимательно вглядѣться вдаль, чтобы увидать стадо ламъ, выстроившихся въ рядъ на краю отдаленнаго холма. Когда же онъ станетъ приближаться къ нимъ, они еще нѣсколько разъ прокричатъ и затѣмъ начнутъ отходить, какъ будто не спѣша, на самомъ же дѣлѣ очень быстро, по знакомой имъ тропинкѣ къ сосѣднему пригорку. Если охотникъ случайно подойдетъ близко къ одному животному или къ небольшой кучкѣ, то ламы обыкновенно стоятъ неподвижно и пристально смотрятъ на него, потомъ удаляются немного и, обернувшись, опять разсматриваютъ охотника. Отчего зависитъ эта разница въ отношеніи къ человѣку, смотря по тому, далеко онъ или близко? Не принимаютъ ли онѣ человѣка вдали за своего главнаго врага, пуму? Или же любопытство сильнѣе страха? Что онѣ любопытны, это несомнѣнно, потому что, если человѣку случится лечь на землю и производить какія-нибудь странныя тѣлодвиженія, напр., вскидывать ноги кверху, ламы почти всегда постепенно къ нему приближаются и стараются его разглядѣть. Наши охотники не разъ прибѣгали къ подобнымъ уловкамъ, что давало имъ возможность сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ; выстрѣлы эти принимались тоже за часть представленія.

На горахъ Огненной Земли я не разъ видалъ ламу или гуанако, который при приближеніи человѣка начиналъ не только пронзительно кричать или ржать, но выдѣлывать самые потѣшные прыжки, повидимому готовясь къ отпору въ случаѣ нападенія. Этихъ животныхъ можно легко сдѣлать ручными; подлѣ одного дома въ сѣверной Патагоніи я видѣлъ нѣсколько штукъ гуанако, которые паслись на свободѣ какъ домашній скотъ. Въ такомъ состояніи они становятся очень смѣлы и нападаютъ на человѣка, толкая его сзади колѣнями. Говорятъ, что причиной такихъ нападеній бываетъ ревность къ самкамъ. Въ дикомъ состояніи гуанако не думаютъ защищаться; собака даже въ одиночку можетъ захватить большую ламу и не выпустить ея до прихода охотника. Многими чертами характера гуанако или ламы напоминаютъ овецъ въ стадѣ. Такъ, напр., когда къ нимъ приближаются нѣсколько человѣкъ съ разныхъ сторонъ, то онѣ теряются и не знаютъ куда бѣжать. Такимъ образомъ, индѣйцы легко загоняютъ ихъ въ одно центральное мѣсто и окружаютъ ихъ.

Гуанако охотно идутъ въ воду. Въ портѣ Валодесъ ихъ нѣсколько разъ замѣчали плывущими съ одного острова на другой. Байронъ разсказываетъ въ своемъ путешествіи, что онъ видѣлъ, какъ они пили соленую воду. Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ тоже наблюдали стадо гуанако, которые пили воду изъ солянаго озера близъ мыса Бланко. Я думаю, что во многихъ мѣстахъ этой страны имъ приходится довольствоваться соленой водой вслѣдствіе полнаго отсутствія какой-либо другой воды. Около полудня они имѣютъ обыкновеніе валяться въ пыли въ воронкообразныхъ ямахъ. Самцы дерутся между собою; разъ двое изъ нихъ прошли около меня, визжа и стараясь укусить другъ друга. Мы застрѣлили нѣсколько штукъ, у которыхъ на кожѣ были глубокіе рубцы. Иногда встрѣчаются стада гуанако, которые какъ будто отправляются на развѣдки. Въ Багіа-Бланка, гдѣ миль на тридцать отъ морскаго берега эти животныя попадаются лишь очень рѣдко, я разъ напалъ на слѣды тридцати или сорока штукъ гуанако, направлявшихся, судя по слѣдамъ, прямо къ грязной соляной бухтѣ. Животныя, какъ видно, замѣтили, что они приближаются къ морю, повернули обратно и въ порядкѣ, достойномъ кавалерійскаго полка, ушли назадъ по той же прямой дорогѣ, по которой шли впередъ. Гуанако отличаются одной для меня необъяснимой привычкой, а именно, они день за днемъ оставляютъ кучи своего помета на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ одной изъ такихъ кучъ было восемь футовъ въ діаметрѣ. Такая привычка, по словамъ д'Орбиньи, свойственна всѣмъ видамъ этого рода; она очень полезна перуанскимъ индѣйцамъ, которые употребляютъ пометъ гуанако на топливо и такимъ образомъ избавлены отъ труда сбора его.

Гуанако, какъ я имѣлъ случай замѣтить, выбираютъ себѣ излюбленные уголки, куда приходятъ умирать. На берегахъ Санта-Круса есть опредѣленныя мѣста, большею частью поросшія кустарникомъ и вблизи отъ рѣки; они усыпаны костями. Въ одномъ мѣстѣ я насчиталъ отъ десяти до двадцати череповъ. Я обратилъ особенное вниманіе на эти кости, не походившія на другія, прежде мною видѣнныя; тѣ были разбросаны, обглоданы или поломаны, какъ будто ихъ собрали какія-нибудь хищныя животныя. Умирающіе гуанако, повидимому, ползкомъ пробирались сквозь кустарники.

Г. Байно сообщаетъ мнѣ, что во время одного изъ прежнихъ своихъ путешествій онъ то же самое видѣлъ на берегахъ Ріо-Галлегосъ. Я совсѣмъ не понимаю причины этого явленія, но долженъ замѣтить, что раненые гуанако въ Санта-Крусъ всегда отправлялись къ рѣкѣ. Въ Сантъ-Яго на островахъ Зеленаго мыса я помню, что набрелъ въ оврагѣ на укромный уголокъ, заваленный козьими костями; мы тогда назвали этотъ уголъ кладбищемъ всѣхъ козъ на островѣ. Я упоминаю объ этихъ незначительныхъ подробностяхъ, потому что въ извѣстныхъ случаяхъ онѣ могутъ объяснить, почему находится множество неповрежденныхъ костей въ пещерахъ или подъ наносными слоями, а также почему нѣкоторыя животныя чаще встрѣчаются въ осадочныхъ слояхъ.

Шлюпка съ провизіей на три дня была разъ отправлена подъ начальствомъ г. Чаффepса для обозрѣнія верхней части гавани. Утромъ мы разыскивали нѣсколько рѣчекъ, о которыхъ говорится въ одной старой испанской рукописи. Мы нашли бухточку, подлѣ которой извивался ручей (первый видѣнный нами) съ солоноватой водой. Приливъ задержалъ насъ здѣсь на нѣсколько часовъ, и я въ это время сдѣлалъ небольшую прогулку вглубь страны. Равнина, какъ всегда, состояла изъ гравія, смѣшаннаго съ землей, похожей на известь, но въ сущности весьма отъ

шея отличавшейся. Вслѣдствіе мягкости почвы на равнинахъ образовались во многихъ мѣстахъ овраги. На всемъ пространствѣ не видно было ни одного дерева и, за исключеніемъ гуанако, сторожившаго свое стадо на краю холма, я не встрѣтилъ почти ни одного звѣря, ни одной птицы. Кругомъ царило безмолвіе и унынie. И однако, проходя по этимъ пустыннымъ мѣстамъ безъ единаго свѣтлаго, яркаго предмета въ виду, я испытывалъ какое-то смутное, но сильное ощущеніе удовольствія.

Невольно напрашивался вопросъ: сколько вѣковъ уже разстилается эта равнина и сколько ей суждено еще пробыть въ такомъ состояніи?

„None can reply—all seems eternal now,
The wilderness has a mysterious tongue,
Which teaches awful doubt“ [1]).

Вечеромъ мы проплыли нѣсколько миль дальше вверхъ по теченію и затѣмъ раскинули палатки для ночлега. Около полудня слѣдующаго дня шлюпка сѣла на мель; мелководье помѣшало намъ плыть дальше. Такъ какъ вода въ этомъ мѣстѣ была отчасти прѣсновата, г. Чаффeрсъ перешелъ на паромъ и на немъ поднялся еще мили на двѣ-три, но тутъ и паромъ сталъ; зато онъ остановился посреди прѣсноводной рѣчки. Вода была мутная, и хотя по величинѣ рѣчка принадлежала къ самымъ незначительнымъ, трудно было бы искать причины ея происхожденія иначе какъ въ тающихъ снѣгахъ Кордильеровъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы расположились, насъ со всѣхъ сторонъ окружали крутые обрывы и отвѣсныя вершины порфировыхъ скалъ. Мнѣ кажется, что я нигдѣ не встрѣчалъ мѣстечка болѣе отрѣзаннаго отъ остальнаго міра, чѣмъ это скалистое ущелье, затерянное среди унылой пустынной равнины.

На другой день послѣ того, какъ мы вернулись къ мѣсту стоянки корабля, я отправился въ обществѣ нѣсколькихъ офицеровъ на раскопку старинной индѣйской могилы, которую я нашелъ на вершинѣ сосѣдняго холма. Два огромныхъ камня, каждый, вѣроятно, тонны въ двѣ вѣсомъ, были положены передъ грядой скалъ, возвышавшихся на шесть футовъ. Каменистое дно могилы было покрыто слоемъ земли въ одинъ футъ глубины; эту землю, должно быть, перенесли сюда снизу изъ равнины. Поверхъ нея лежали каменныя плиты, а надъ плитами громоздилась цѣлая куча каменьевъ, заполнявшихъ пространство между грядой скалъ и двумя каменными глыбами. Для увѣнчанія могилы индѣйцы умудрились отдѣлить отъ скалъ большой обломокъ, который и былъ положенъ надъ грудой камней и утвержденъ на двухъ глыбахъ. Мы подкопали могилу съ двухъ сторонъ, но не могли найти какихъ бы то ни было остатковъ, ни даже костей. Кости, вѣроятно, давно разсыпались, изъ чего можно судить о древности могилы, потому что я нашелъ въ другомъ мѣстѣ насыпи меньшаго размѣра, подъ которыми можно было узнать немногіе обломки человѣческихъ костей. Фальконеръ утверждаетъ, что индѣйца хоронятъ тамъ, гдѣ его застанетъ смерть, но впослѣдствіи его кости бережно переносятся къ морскому берегу, какъ бы далеко ни приходилось ихъ переносить. Такой обычай объясняется, надо полагать, слѣдующимъ обстоятельствомъ: до введенія лошадей индѣйцы эти, должно быть, вели тотъ же образъ жизни какъ теперешніе обитатели Огненной Земли, то-есть большею частью держались по сосѣдству съ моремъ. Можетъ быть, и теперешніе бродячіе индѣйцы, слѣдуя общепринятому пред-

[1]) *Shelley, Lines on Mont-Blanc.*
Никто не можетъ дать отвѣта — теперь все представляется вѣчнымъ. У пустыни есть таинственный голосъ, который научаетъ страшному сомнѣнію.

разсудку, въ силу котораго люди желаютъ быть похороненными подлѣ своихъ предковъ, переносятъ наименѣе тлѣнные останки своихъ покойниковъ на старое кладбище у морского берега.

9 января 1834 г. «Бигль» бросилъ якорь передъ вечеромъ въ прекрасной обширной гавани порта Санъ-Хуліана, лежащаго около ста десяти миль къ югу отъ Портъ-Дезире. Мы провели здѣсь восемь дней. Мѣстность мало отличается отъ мѣстности въ Портъ-Дезире, но, пожалуй, еще безплоднѣе. Мы отправились разъ съ капитаномъ Фицъ-Роемъ въ длинную прогулку вокругъ гавани.

Въ продолженіе одиннадцати часовъ мы не брали въ ротъ воды, такъ что нѣкоторые изъ нашей партіи были совсѣмъ измучены жаждой. Съ вершины одного холма (названнаго съ тѣхъ поръ весьма кстати «холмомъ Жажды») мы увидали прекрасное озеро. Двое изъ насъ отправились на развѣдки и условились о томъ, какими знаками дадутъ остальнымъ вѣсть, что вода въ озерѣ прѣсная. Каково же было наше разочарованіе, когда передъ нами открылась, вмѣсто воды, бѣлоснѣжная поверхность, состоявшая изъ соли въ большихъ кубахъ! Мы приписали нашу сильную жажду сухому воздуху, но какая бы ни была причина, мы были чрезвычайно рады, когда поздно вечеромъ вернулись къ лодкамъ.

Несмотря на то, что за всѣ дни нашего пребыванія здѣсь мы не могли нигдѣ найти ни капли свѣжей воды, но она все-таки должна тутъ быть, потому что я совершенно случайно открылъ въ соленой водѣ, недалеко отъ залива, не совсѣмъ еще мертваго Colymbetes, который, должно быть, жилъ въ какомъ-нибудь недалекомъ прудочкѣ. Трое другихъ насѣкомыхъ (Cicindela, похожая на hybrida, Cymindis и Harpalus, которые всѣ живутъ на сырыхъ равнинахъ, иногда заливаемыхъ моремъ) и еще одно насѣкомое, найденное мертвымъ, довершаютъ перечень здѣшнихъ жуковъ. Крупная муха (Tabanus) водится въ большомъ количествѣ; мы страдали отъ ея мучительнаго укуса. Обыкновенные слѣпни, надоѣдающіе на тѣнистыхъ дорогахъ Англіи, принадлежатъ къ тому же роду. Въ этомъ случаѣ, какъ и часто бываетъ по отношенію къ москитамъ, возникаетъ загадочный вопросъ: кровью какихъ животныхъ питаются эти насѣкомыя? Гуанако, почти единственное теплокровное четвероногое, водится въ слишкомъ недостаточномъ количествѣ сравнительно съ множествомъ мухъ.

Патагонія отличается любопытной геологіей. Въ Европѣ третичныя формаціи, повидимому, осаждались около бухтъ, а въ Патагоніи одно большое отложеніе, заключающее въ себѣ много вымершихъ третичныхъ рамоллюсковъ, тянется на сотни миль вдоль берега. Самая обыкновенная здѣсь раковина — тяжеловѣсная гигантская устрица, которая иногда имѣетъ въ діаметрѣ одинъ футъ. Эти слои покрыты другими, состоящими изъ особеннаго мягкаго бѣловатаго камня, который заключаетъ въ себѣ много гипса и похожъ на известь, но въ сущности имѣетъ характеръ пемзы. Очень замѣчателенъ тотъ фактъ, что этотъ слой, по меньшей мѣрѣ на $^1/_{10}$ своего объема, состоитъ изъ инфузорій; профессоръ Эренбергъ открылъ въ немъ уже тридцать океаническихъ формъ. Слой этотъ простирается на 500 миль вдоль берега и, вѣроятно, еще на гораздо большее разстояніе. У порта Санъ-Хуліана толщина его достигаетъ 800 футовъ!

Эти былыя наслоенія вездѣ покрыты массой гравія, образующаго вѣроятно одно изъ величайшихъ въ мірѣ наслоеній галешника: оно, конечно, простирается отъ Ріо-Колорадо на 600 или 700 морскихъ миль

къ югу; у Санта-Круса (рѣка нѣсколько южнѣе Санъ-Хуліана) оно достигаетъ подошвы Кордильеровъ; на полпути вверхъ по рѣкѣ его толщина превышаетъ 200 футовъ; наслоеніе это, вѣроятно, вездѣ простирается до великой горной цѣпи, откуда появился округленный порфировый галешникъ: мы можемъ считать среднюю ширину слоя въ 200 миль и среднюю толщину его въ 50 футовъ приблизительно. Если бы сложить въ одну груду огромный слой галешника, исключая илъ, получившійся отъ взаимнаго тренія голышей, то образовалась бы огромная горная цѣпь! Если мы подумаемъ о томъ, что всѣ эти голыши, столь же безчисленные, какъ песчинки въ пустынѣ, произошли отъ медленнаго паденія скалистыхъ глыбъ на прежніе морскіе и рѣчные берега и что эти обломки дробились на меньшіе куски, которые всѣ медленно катились, округлялись и далеко уносились, то просто умъ столбенѣетъ при мысли о той продолжительности времени, которая была необходима для образованія слоя. А весь этотъ галешникъ былъ перенесенъ сюда и даже округлился послѣ того, какъ осѣли бѣловатые слои, и много позднѣе тѣхъ слоевъ съ третичными раковинами, которые находятся подъ нимъ.

Все на здѣшнемъ южномъ континентѣ совершалось въ обширныхъ размѣрахъ: почва отъ Ріо-Платы до Огненной Земли на растояніи 1200 миль была вся поднята (въ Патагоніи до высоты отъ 300 до 400 футовъ) въ періодъ нынѣ живущихъ морскихъ моллюсковъ. Старыя, вывѣтрившіяся раковины, которыя остались на поверхности поднятой равнины, еще и теперь отчасти сохраняютъ свои цвѣта. Процессъ поднятія почвы прерывался по крайней мѣрѣ восемью длинными промежутками покоя, во время которыхъ море опять глубоко вдавалось въ материкъ, образуя на различныхъ высотахъ длинные ряды утесовъ, или крутизны, которые раздѣляютъ равнины, въ свою очередь располагавшіяся уступами. Поднятіе почвы и сила волнъ, вдававшихся вглубь береговъ въ періоды покоя, дѣйствовали равномѣрно на большомъ протяженіи береговой полосы; меня удивило то, что въ разныхъ мѣстахъ, крайне отдаленныхъ другъ отъ друга, равнины, похожія на степи, лежатъ почти на одинаковой высотѣ. Самая низкая равнина имѣетъ 90 футовъ высоты, а самая высокая, на которую я всходилъ недалеко отъ морского берега, достигаетъ 950 футовъ; отъ нея уцѣлѣли только остатки въ видѣ плоскихъ холмовъ, покрытыхъ галешникомъ.

Верхняя равнина Санта-Круса поднимается у подошвы Кордильеровъ до 3000 футовъ. Я сказалъ, что Патагонія поднялась на 300 или 400 футовъ за періодъ нынѣ живущихъ раковинъ, прибавлю, что за періодъ, когда ледники переносили валуны надъ верхней равниной Санта-Крусъ, почва поднялась по крайней мѣрѣ на 1500 футовъ. Патагонія испытала однако не одно только поднятіе: вымершія третичныя раковины портовъ Санъ-Хуліанъ и Санта-Крусъ не могли жить, по мнѣнію профессора Форбеса, глубже 40 и до 250 футовъ; теперь же онѣ покрыты намывнымъ слоемъ отъ 800 до 1000 футовъ высоты; изъ этого надо заключить, что морское дно, на которомъ нѣкогда существовали эти раковины, должно было понизиться на нѣсколько сотъ футовъ, чтобы дать накопиться верхнимъ наслоеніямъ.

Какую исторію геологическихъ переворотовъ представляетъ этотъ несложно построенный берегъ Патагоніи!

Въ портѣ Санъ-Хуліанъ [1]) я нашелъ въ красной глинѣ, покрывающей

[1]) Я слышалъ недавно, что капитанъ Селиванъ флота ея величества нашелъ многочисленныя ископаемыя кости, зарытыя въ правильныхъ наслоеніяхъ на берегахъ

гравій на равнинѣ въ 90 футовъ, половину скелета Macrauchenia Patachonica, замѣчательнаго четвероногаго, почти одного роста съ верблюдомъ. Это животное, такъ же какъ и носорогъ, тапиръ и Palaeotherium, принадлежитъ къ толстокожимъ, но по строенію костей и длинной шеи оно имѣетъ ясно выраженное сродство съ верблюдомъ или, скорѣе, съ гуанако или ламой. Такъ какъ современныя морскія раковины были найдены на двухъ болѣе высокихъ ступенеобразныхъ равнинахъ, которыя образовались и были подняты прежде, чѣмъ отложилось наслоеніе глины, съ зарытыми въ ней Macrauchenia, то нѣтъ сомнѣнія, что это любопытное млекопитающее существовало еще долго послѣ того, какъ море населилось своими теперешними раковинами. Сначала мнѣ показалось страннымъ, что такое большое млекопитающее могло жить такъ недавно подъ 49° 5′ широты на этихъ жалкихъ песчаныхъ равнинахъ съ ихъ скудной растительностью, но сродство Macrauchenia съ гуанако, обитающимъ теперь въ самыхъ безплодныхъ мѣстахъ, отчасти служитъ поясненіемъ этого страннаго обстоятельства.

Сродство, хотя и отдаленное, между Macrauchenia и гуанако, между Toxodon и рѣчной свинкой, болѣе близкое сродство между многими вымершими неполнозубыми и теперь живущими лѣнивцами, муравьѣдами и броненосцами, являющимися характерными представителями южно-американской фауны, и еще болѣе близкое сродство между ископаемыми и современными видами Ctenomys и Hydrochoerus,—всѣ эти факты имѣютъ огромный интересъ. Большая коллекція, недавно привезенная въ Европу изъ пещеръ Бразиліи господами Лундъ и Клаузенъ, даетъ удивительное доказательство этого сродства, такъ же какъ и сродства между ископаемыми и вымершими сумчатыми животными Австраліи. Въ этой коллекціи находятся вымершіе виды всѣхъ тридцати двухъ родовъ (за исключеніемъ четырехъ) сухопутныхъ млекопитающихъ, которыя въ настоящее время населяютъ мѣстности, гдѣ встрѣчаются пещеры; и вымершіе виды гораздо многочисленнѣе нынѣ живущихъ: между ними находятся ископаемые муравьѣды, броненосцы, тапиры, пекари, гуанако, опоссумы, многочисленные южно-американскіе грызуны, обезьяны и другія животныя. Это поразительное сродство между вымершими и живущими существами одного и того же континента со временемъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь, прольетъ болѣе чѣмъ какіе бы то ни было другіе факты свѣтъ на происхожденіе органическихъ существъ и на ихъ исчезновеніе съ лица земли.

Невозможно разсматривать безъ глубочайшаго удивленія измѣненія, происшедшія на американскомъ материкѣ. Въ прежнее время онъ, вѣроятно, кишѣлъ огромными чудовищами, а теперь мы видимъ породы пигмеевъ въ сравненіи съ родственными имъ предшествовавшими породами. Если бы Бюффонъ зналъ о гигантскомъ лѣнивцѣ, о броненосцѣ и вымершихъ толстокожихъ, онъ могъ бы сказать съ бо́льшимъ правдоподобіемъ, что творческая сила ослабѣла въ Америкѣ, а не то, что она никогда не отличалась особенной мощью. Большая часть этихъ вымершихъ млекопитающихъ, если не всѣ, жили въ недавній періодъ и были современниками морскихъ раковинъ, существующихъ въ наше время.

Съ тѣхъ поръ не могло произойти никакой особенной перемѣны въ земной поверхности страны. Что же послужило причиной исчезновенія столькихъ видовъ и цѣлыхъ родовъ? Прежде всего приходитъ на умъ

Ріо-Галлегоса, подъ 52° 4′ широты. Нѣкоторыя кости велики, другія малы и, кажется, онѣ принадлежали броненосцу. Это—очень интересное и важное открытіе.

мысль о какой-нибудь великой катастрофѣ; но для того чтобы уничтожить крупныхъ и мелкихъ животныхъ въ южной Патагоніи, въ Бразиліи, на перуанскихъ Кордильерахъ, въ Сѣверной Америкѣ вплоть до Берингова пролива потребовалось бы потрясеніе всей системы земного шара. Кромѣ того, изслѣдованіе геологіи Ла-Платы и Патагоніи приводитъ къ заключенію, что на землѣ измѣняется все медленно и постепенно.

Судя по характеру окаменѣлостей Европы, Азіи, Австраліи, Сѣверной и Южной Америки надо предположить, что условія, благопріятныя для существованія крупныхъ млекопитающихъ, еще недавно распространялись на всю землю; каковы однако были эти условія, никто до сихъ не разгадаетъ. Врядъ ли можно искать причину въ измѣненіи температуры, способствовавшей почти въ одно время истребленію обитателей тропической, умѣренной и арктической полосы на обоихъ полушаріяхъ. Въ Сѣверной Америкѣ, какъ положительно доказалъ г. Лайель, большія млекопитающія существовали послѣ того періода, когда валуны были занесены въ широты, гдѣ теперь никогда не встрѣчаются ледники; существуютъ вѣскія, хотя и косвенныя причины, убѣждающія насъ въ томъ, что Macrauchenia водились въ Южной Америкѣ долгое время послѣ ледниковаго періода. Не человѣкъ ли, какъ увѣряли нѣкоторые, уничтожилъ, послѣ перваго набѣга на Южную Америку, неуклюжихъ Megatherium и другихъ неполнозубыхъ? Мы должны искать другой причины, по крайней мѣрѣ для истребленія маленькаго тукутуко въ Багіа-Бланка, многихъ ископаемыхъ мышей и другихъ маленькихъ млекопитающихъ въ Бразиліи. Никто не можетъ себѣ вообразить, чтобы засуха, даже гораздо значительнѣе тѣхъ, которыя причиняютъ такія разоренія въ провинціяхъ Ла-Плата, могла уничтожить особи всѣхъ видовъ, начиная отъ южной Патагоніи и до Берингова пролива. Что сказать объ исчезновеніи лошади?

Развѣ недостало пастбищъ на тѣхъ самыхъ равнинахъ, на которыхъ съ тѣхъ поръ паслись тысячи и сотни тысячъ потомковъ той лошадиной породы, которую ввели сюда испанцы?

Могли ли позднѣе введенные виды поглотить всю пищу, принадлежавшую прежнимъ крупнымъ породамъ? Можно ли допустить мысль, что рѣчная свинка отняла пищу у Toxodon, гуанако—у Macrauchenia, мелкія, современныя намъ неполнозубыя—у своихъ многочисленныхъ гигантскихъ первообразовъ? Конечно, нѣтъ примѣра въ исторіи міра болѣе поразительнаго, чѣмъ широко распространенное и повторявшееся исчезновеніе обитателей земного шара.

Однако, если мы взглянемъ на дѣло съ другой точки зрѣнія, оно представится намъ менѣе запутаннымъ. Мы не всегда останавливаемся на мысли о томъ, какъ глубоко мы невѣжественны по отношенію къ условіямъ существованія каждаго животнаго; къ тому же мы часто забываемъ, что существуетъ какая-то задержка, постоянно мѣшающая слишкомъ быстрому размноженію каждаго органическаго существа въ естественномъ состояніи.

Запасъ пищи въ среднемъ выводѣ остается неизмѣннымъ, между тѣмъ стремленіе къ размноженію въ каждомъ животномъ увеличивается въ геометрической прогрессіи, и удивительныя послѣдствія такого порядка вещей нигдѣ не проявились такъ разительно, какъ въ томъ фактѣ, что европейскія дикія животныя распространились въ Америкѣ за послѣдніе протекшіе вѣка. Каждое животное въ естественномъ состояніи правильно размножается; но у видовъ, давно установившихся, очевидно

становится невозможнымъ особенно значительное размноженіе; оно должно встрѣчать какія-нибудь препятствія. Мы однако рѣдко можемъ точно сказать по отношенію къ какому-нибудь данному виду, въ какой періодъ жизни или въ какое время года, или черезъ какіе болѣе продолжительные промежутки времени случается препятствіе, мѣшающее распространенію вида; мы даже не можемъ сказать въ чемъ состоитъ это препятствіе. Вотъ почему мы, вѣроятно, мало удивляемся, когда встрѣчаемся съ фактомъ малочисленности одного изъ двухъ видовъ, близкихъ между собою по нравамъ, тогда какъ другой видъ, наоборотъ, бываетъ очень распространенъ въ той же самой мѣстности; такъ же мало насъ удивляетъ то, что одинъ изъ видовъ часто встрѣчается въ извѣстной мѣстности, между тѣмъ какъ другой видъ, занимающій ту же ступень въ экономіи природы, изобилуетъ въ сосѣдней мѣстности, мало отличающейся по своимъ свойствамъ отъ первой.

На вопросъ, отъ чего это зависитъ, мы готовы тотчасъ отвѣтить, что причина такого явленія кроется въ незначительной разницѣ климата, пищи или въ количествѣ враговъ, но на самомъ дѣлѣ, какъ рѣдко (чтобы не сказать никогда) можемъ мы указать на истинную причину, мѣшающую размноженію, и на способъ воздѣйствія этой причины! Поэтому-то мы принуждены заключить, что на распространеніе или на уменьшеніе даннаго вида дѣйствуютъ какія-то условія, вполнѣ намъ неизвѣстныя.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы можемъ прослѣдить за уничтоженіемъ вида дѣйствіемъ человѣка, будетъ ли это дѣйствіе повсемѣстное или же оно ограничится извѣстнымъ райономъ, мы знаемъ, что видъ сперва становится все рѣже и рѣже, а потомъ совсѣмъ исчезаетъ; было бы однако трудно указать на точное различіе между двумя способами истребленія вида, человѣкомъ ли, размноженіемъ ли естественныхъ враговъ этого вида [1]).

Доказательство того, что полному исчезновенію вида предшествуетъ его рѣдкость, особенно ярко видно въ послѣдовательныхъ третичныхъ пластахъ, какъ это замѣчено нѣсколькими способными наблюдателями; иная раковина, которую во множествѣ находятъ въ третичномъ пластѣ, теперь находится какъ рѣдкость и даже долго считалась вымершею. Итакъ, если, какъ представляется вѣроятнымъ, виды сперва становятся рѣдки, а потомъ исчезаютъ совсѣмъ, если слишкомъ быстрое размноженіе каждаго вида, даже наиболѣе счастливо одареннаго, постоянно умѣряется—а мы должны это признать, хотя и трудно сказать, когда и какъ это происходитъ,—если, несмотря на то, что точная причина намъ неизвѣстна, мы видимъ безъ малѣйшаго удивленія, что въ какой-нибудь мѣстности одинъ видъ очень распространенъ, между тѣмъ какъ другой, очень ему близкій, встрѣчается рѣдко, зачѣмъ же намъ особенно удивляться тому, что рѣдкость вида еще увеличилась и что видъ подвинулся ближе къ окончательному исчезновенію? Какой-нибудь процессъ дѣйствія, совершающагося кругомъ насъ и въ то же время едва замѣтнаго, можетъ, конечно, двигаться впередъ, не возбуждая нашей наблюдательности.

Кто бы особенно изумился, услыхавъ, что Megalonyx въ прежнее время встрѣчался рѣдко по сравненію съ Megatherium, или что какая-нибудь изъ ископаемыхъ обезьянъ была малочисленна въ сравненіи съ

---

[1]) См. прекрасныя замѣчанія по этому предмету Мистера Лайеля въ его *Principles of Geology*.

которой-нибудь изъ нынѣ живущихъ? Однако въ этой сравнительной рѣдкости мы можемъ видѣть ясное доказательство того, что были менѣе благопріятныя условія для ихъ существованія. Допускать, что виды вообще рѣдѣютъ, прежде чѣмъ вымираютъ, не удивляться рѣдкости одного вида сравнительно съ другимъ и въ то же время искать объясненія въ какомъ-нибудь необычайномъ вмѣшательствѣ, выражать удивленіе передъ фактомъ исчезновенія вида—все это представляется мнѣ весьма похожимъ на то, какъ если бы человѣкъ, допускающій, что болѣзнь есть введеніе къ смерти, не удивлялся бы при видѣ болѣзни, но удивился бы, если бы больной умеръ, и думалъ бы, что смерть произошла отъ насилія.

ГЛАВА IX.

Санта-Крусъ, Патагонія и Фальклендскіе острова.

Санта-Крусъ. Экспедиція вверхъ по рѣкѣ.—Индѣйцы. Огромные потоки базальтовой лавы. Обломки, не унесенные рѣкой. Углубленіе долины. Кондоръ—его нравы. Кордильеры. Эрратическіе валуны крупныхъ размѣровъ. Индѣйскіе остатки. Возвращеніе къ кораблю. Фальклендскіе острова. Дикія лошади, рогатый скотъ, кролики. Волкообразная лисица. Огонь, добываемый при помощи костей. Способъ охоты за дикимъ скотомъ. Геологія. Потоки камней. Сцены насилія. Пингвинъ. Гуси. Яйца Doris. Сложныя животныя.

18-го апрѣля 1834 г. «Бигль» бросилъ якорь въ устьѣ Санта-Круса. Это рѣка находится приблизительно около шестидесяти миль на югъ отъ порта Санъ-Хуліана. Во время послѣдняго своего путешествія капитанъ Стоксъ поднялся на тридцать миль вверхъ по теченію рѣки но принужденъ былъ вернуться изъ-за недостатка продовольствія. За исключеніемъ открытій, сдѣланныхъ въ то время, объ этой большой рѣкѣ почти ничего не было извѣстно. Капитанъ Фицъ-Рой рѣшилъ теперь прослѣдить ея теченіе, сколько позволитъ время. 18-го числа три китоловыя лодки, снабженныя провизіей на три недѣли, отправились въ путь, увозя партію въ 25 человѣкъ; такой силы было бы достаточно для обороны противъ цѣлой толпы индѣйцевъ. Мы проникли въ этотъ день на довольно большое разстояніе, благодаря сильному приливу и хорошей погодѣ; вскорѣ намъ удалось достать прѣсной воды для питья, и къ ночи мы добрались до мѣста, гдѣ уже не ощущалось вліянія прилива и отлива.

Рѣка здѣсь приняла размѣры, которые, даже въ крайнихъ верхнихъ частяхъ, достигнутыхъ нами, вовсе не уменьшились. Въ общемъ, ширина ея достигала отъ трехъ сотъ до четырехъ сотъ ярдовъ; глубина въ серединѣ была около семнадцати футовъ. Самой замѣчательной особенностью этой рѣки является ея чрезвычайно быстрое теченіе, которое на всемъ протяженіи даетъ скорость отъ четырехъ до шести узловъ въ часъ. Вода въ ней прекраснаго голубого цвѣта, но съ легкимъ молочнымъ отливомъ и менѣе прозрачна, чѣмъ казалось вначалѣ. Русло рѣки состоитъ изъ того же галешника, который устилаетъ береговую половину и окружающія равнины. Рѣка течетъ извилисто черезъ долину, разстилающуюся въ прямомъ направленіи на западъ. Ширина долины колеблется между пятью и десятью милями, она ограничена террасами, которыя во многихъ мѣстахъ поднимаются одна надъ другой, доходя до пятисотъ футовъ вышины, съ замѣчательнымъ соотвѣтствіемъ по обѣимъ сторонамъ рѣки.

19 апрѣля. Противъ такого сильнаго теченія невозможно было плыть на веслахъ или на парусахъ; поэтому всѣ три лодки были связаны вмѣстѣ у носа и у кормы; на каждую лодку было оставлено по одному человѣку, а остальные сошли на берегъ, чтобы тянуть бичеву. Такъ какъ порядокъ, введенный капитаномъ Фицъ-Роемъ, облегчалъ общій трудъ, и всѣ мы участвовали въ немъ, то я опишу его систему. Всѣхъ насъ раздѣлили на двѣ смѣны, и каждая смѣна тянула бечеву поочередно въ продолженіе полутора часа. Офицеры каждой лодки жили со своей командой въ одной палаткѣ и ѣли съ ней одну и ту же пищу; такимъ образомъ каждая лодка была вполнѣ независима отъ другихъ. Послѣ заката солнца, мы выбирали первое попавшееся ровное мѣсто съ кустарникомъ и тутъ располагались на ночлегъ. Каждый человѣкъ изъ команды поочередно стряпалъ. Какъ только лодка причаливала къ берегу и ее привязывали, дежурный поваръ разводилъ огонь; двое изъ команды раскидывали палатку; старшій подавалъ вещи изъ лодки, остальные несли ихъ въ палатку и собирали дрова для костра. При такомъ порядкѣ въ полчаса все было готово для ночлега. Двое сторожевыхъ съ офицеромъ караулили палатку ночью; на нихъ лежала обязанность смотрѣть за лодками, поддерживать огонь и охранять спящихъ отъ нападенія индѣйцевъ. Каждому изъ насъ приходилось дежурить по одному часу въ ночь. 19-го апрѣля мы проплыли небольшое разстояніе, потому что намъ попадались многочисленные островки, покрытые колючими кустами, а проливы между ними были мелководны.

20 апрѣля. Мы проѣхали мимо острововъ и принялись за работу. За день правильнаго хода, хотя и съ большими затрудненіями, мы сдѣлали среднимъ числомъ десять миль въ прямомъ направленіи, а всего, можетъ быть, миль пятнадцать или двадцать. Дальше того мѣста, гдѣ мы наканунѣ ночевали, начиналась совершенно неизвѣстная мѣстность, такъ какъ капитанъ Стоксъ доѣзжалъ только до этого пункта. Вдали передъ нами показался густой дымъ; мы нашли скелетъ лошади, изъ чего заключили, что по близости кочуютъ индѣйцы. На слѣдующее утро (21-го) мы замѣтили слѣды, оставленные лошадиными копытами и длинными пиками или чузо, тащившимися по землѣ. Общее мнѣніе было таково, что индѣйцы высматривали насъ въ теченіе ночи. Вскорѣ послѣ того мы прибыли въ одно мѣсто, гдѣ свѣжіе слѣды дѣтей и лошадей указали намъ на то, что партія переправилась черезъ рѣку.

22 апрѣля. Мѣстность все такая же и крайне неинтересная. Полное сходство природы по всей Патагоніи составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ ея особенности. По плоскимъ равнинамъ, состоящимъ изъ безплоднаго галешника, вездѣ разбросаны одни и тѣ же малорослыя растенія, а въ долинахъ всюду встрѣчаются одинаковые колючіе кусты. Вездѣ намъ попадались тѣ же птицы и насѣкомыя. Даже самые берега рѣки и прозрачныхъ ручейковъ, впадающихъ въ нее, едва оживляются болѣе яркой зеленью. Проклятіе безплодія тяготѣетъ надъ этой страной, и вода, которая протекаетъ по руслу изъ галешника подпадаетъ тому же проклятію. Вслѣдствіе этого здѣсь водится очень мало водяныхъ птицъ; безплодной рѣкѣ нечѣмъ прокормить живыя существа.

Патагонія, однако, какъ она ни бѣдна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можетъ похвастаться такимъ количествомъ мелкихъ грызуновъ [1]), какого

---

[1]) Пустыни Сиріи отличаются, по Вольнею (т. I. стр. 351), лѣсными кустарниками, множествомъ крысъ, газелями и зайцами. Въ Патагоніи мѣсто газели занимаетъ гуанако, а мѣсто зайца—агути

не знаетъ, пожалуй, ни одна страна въ мірѣ. Здѣсь существуютъ разные виды мышей, отличающихся большими тонкими ушами и очень нѣжнымъ мѣхомъ. Эти мелкія животныя кишатъ въ зарослях долинъ, гдѣ имъ мѣсяцами не приходится утолять жажду ничѣмъ инымъ, кромѣ росы. Всѣ они, какъ кажется, надѣлены нравами каннибаловъ, потому что, не успѣвала мышь попасть въ мою мышеловку, какъ ее пожирали другія мыши этими же мышами вѣроятно питается маленькая изящная лисица, которая здѣсь тоже очень многочисленна.

Гуанако представляетъ самое обыкновенное животное въ этой мѣстности; стада въ пятьдесятъ или сто штукъ попадались намъ то и дѣло, а кромѣ того, какъ я уже говорилъ, одно стадо, встрѣченное нами, состояло, должно быть, изъ пятисотъ штукъ. За гуанако постоянно слѣдятъ и ихъ пожираютъ пумы, кондоры и другіе грифы. По берегу рѣки почти вездѣ были видны слѣды пумы, а остатки гуанако съ вывихнутыми шеями и сломанными костями говорили о томъ, какая смерть ихъ постигла.

24 апрѣля. Какъ дѣлали въ старину мореплаватели, приближаясь къ неизвѣстной странѣ, мы наблюдали все до малѣйшихъ подробностей высматривая самую незначительную перемѣну. Съ радостію встрѣчали мы пловучій стволъ дерева или глыбу первобытнаго камня, какъ-будто передъ нами открывался видъ на склоны Кордильеровъ, поросшіе лѣсомъ. Вершина тяжелой гряды облаковъ, сохранявшихъ почти все время одно и то же положеніе, показалась намъ однако чѣмъ-то многообѣщающимъ, и въ самомъ дѣлѣ она явилась правдивой предвѣстницей. Сначала мы принимали облака за настоящія горы, а не за скопленіе паровъ, сгущенныхъ ледяными вершинами.

26 апрѣля. Сегодня мы увидали замѣтную перемѣну въ геологическомъ строеніи равнины. Съ самаго начала этой экскурсіи я тщательно изслѣдовалъ рѣчной гравій, и за послѣдніе два дня замѣтилъ въ немъ небольшое количество голышей очень губчатаго базальта. Они постепенно учащались и становились больше, хотя ни одинъ изъ нихъ не достигалъ величины человѣческой головы. Сегодня утромъ однако куски того же камня, только болѣе плотнаго, вдругъ стали гораздо обильнѣе, и спустя полчаса мы увидали на разстояніи пяти или шести миль угловатый край большой базальтовой платформы. Когда мы подплыли къ ея основанію, то замѣтили, что рѣчныя волны съ журчаніемъ пробираются между свалившимися глыбами. Теченіе рѣки загораживалось на протяженіи двадцати восьми миль этими базальтовыми массами. Выше стали часто попадаться огромные обломки первобытныхъ породъ, оторванные отъ окружающей формаціи валуновъ. Ни одинъ большой обломокъ не былъ унесенъ теченіемъ дальше чѣмъ на три или четыре мили отъ ихъ первоначальнаго источника: принимая въ соображеніе замѣчательную быстроту съ которой стремится большая масса воды въ Санта-Крусѣ, не имѣющая нигдѣ извилинъ съ тихимъ теченіемъ, мы получимъ поразительное доказательство неспособности рѣкъ къ перенесенію обломковъ даже средней величины.

Базальтъ—это только лава, которая разлилась по дну морскому, но изверженія совершались должно быть, въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы въ первый разъ увидали эту формацію, она имѣла 120 ф. толщины; вверхъ по теченію рѣки поверхность ея незамѣтно поднималась, и масса становилась толще, такъ что въ сорока миляхъ отъ начала она достигала 320 футовъ толщины. Какова толщина подлѣ Кордильеровъ, я не знаю, но платформа тамъ доходитъ до 3000

футовъ надъ уровнемъ моря; поэтому мы должны предположить, что она начинается въ горахъ этой великой цѣпи; и надо сказать, что потоки, разлившіеся по слегка наклонному морскому дну, достойны подобнаго начала. При первомъ взглядѣ на базальтовыя скалы по другой сторонѣ долины становилось очевиднымъ, что эти базальтовыя наслоенія были нѣкогда соединены между собою. Какая же сила снесла вдоль длинной полосы земли плотную массу чрезвычайно твердаго камня, имѣвшую среднюю толщину почти въ 300 футовъ, и ширину, колеблющуюся между двумя и четырьмя милями? Рѣка хотя и не имѣетъ силы уносить даже незначительные обломки, но съ теченіемъ времени можетъ, постепенно подкапываясь, оказать дѣйствіе, о размѣрѣ котораго трудно судить. Но въ данномъ случаѣ, независимо отъ малозначительности такого дѣятеля, существуютъ вѣскіе доводы въ пользу того, что эта долина была прежде занята морскимъ рукавомъ. Безполезно въ этомъ сочиненіи входить въ подробное разсмотрѣніе доказательствъ, приводящихъ къ подобному заключенію; оно вытекаетъ изъ формы и строенія террасъ, которыя возвышаются уступами по обѣимъ сторонамъ долины, изъ того, что долина близъ Андъ расширяется въ большую равнину, похожую на лиманъ съ песчаными пригорками, и еще изъ того, что нѣсколько морскихъ раковинъ встрѣчается въ руслѣ рѣки. Если бъ я располагалъ болѣе широкими рамками для моего дневника, я бы могъ доказать, что Южная Америка была нѣкогда перерѣзана въ этомъ мѣстѣ проливомъ, соединявшимъ Атлантическій и Тихій океаны, подобнымъ Магелланову проливу. И все-таки вопросъ о томъ, какимъ образомъ былъ удаленъ плотный базальтъ, остается открытымъ. Геологи въ прежнее время объяснили бы это перемѣщеніе насильственнымъ дѣйствіемъ какого-нибудь подавляющей катастрофы какой-нибудь *debâcle;* но такое предположеніе въ настоящемъ случаѣ недопустимо потому, что тѣ же самыя равнины (возвышающія сяуступами и усѣянныя современными морскими раковинами на поверхности), которыя тянутся вдоль всего патагонскаго берега, разстилаются и по обѣимъ сторонамъ долины Санта-Круса.

Нѣтъ такого наводненія, которое своимъ дѣйствіемъ могло бы такимъ образомъ измѣнить форму страны въ долинѣ ли или вдоль открытаго морского берега. Самая долина была выдолблена вслѣдствіе образованія такихъ уступами возвышающихся равнинъ или террасъ. Хотя мы знаемъ, что бываютъ теченія въ узкихъ частяхъ Магелланова пролива, имѣющія скорость восьми узловъ въ часъ, но все-таки надо признаться что голова кружится при мысли о числѣ годовъ, о вереницѣ столѣтій, которыя понадобились бы, чтобы одни теченія, безъ помощи сильныхъ буруновъ, могли подрыть такую обширную и толстую полосу плотной базальтовой лавы. Тѣмъ не менѣе мы должны предположить, что слои, подмытые волнами этого древняго пролива, были разбиты на огромные обломки, которые, оставаясь разбросанными по берегу, превратились сперва въ глыбы меньшихъ размѣровъ, потомъ въ галешникъ и, наконецъ въ самую мелкую глину, которую приливы и отливы занесли далеко въ Восточный и Западный океаны. Съ перемѣной въ геологическомъ строеніи равнинъ, характеръ ландшафта тоже мѣняется. Странствуя по узкимъ скалистымъ ущельямъ я могъ почти вообразить себѣ что снова перенесся въ безплодныя долины острова Сантъ-Яго. Среди базальтовыхъ утесовъ я нашелъ нѣсколько растеній, которыхъ нигдѣ больше не видѣлъ, но зато въ другихъ я призналъ растенія, перенесенныя сюда съ Огненной Земли. Эти скважистыя скалы служатъ резервуаромъ для скудной дождевой воды и поэтому на той чертѣ, гдѣ сходятся вулканическая

и осадочная формаціи, пробиваются небольшіе ключи (рѣдкое явленіе въ Паталогіи); ихъ можно было издали различить по пятнамъ ярко-зеленой травы, растущей подлѣ нихъ.

27 апрѣля. Русло рѣки становится немного у́же, вслѣдствіе чего быстрота теченія увеличивается. Въ этомъ мѣстѣ она доходитъ до шести узловъ въ часъ. Отъ быстроты теченія и еще вслѣдствіе множества большихъ обломковъ съ острыми краями на берегу, тянуть лодки представлялось и опаснымъ, и очень утомительнымъ.

Я застрѣлилъ сегодня кондора. Размахъ его крыльевъ достигалъ восьми съ половиною футовъ, а отъ клюва до хвоста въ немъ было четыре фута. Эта птица, какъ извѣстно, имѣетъ широкое географическое распространеніе, такъ какъ она встрѣчается на западномъ берегу Южной Америки отъ Магелланова пролива вдоль цѣпи Кордильеровъ до восьмого градуса сѣверной широты. Сѣверной границей ея мѣстопребыванія на патагонскомъ берегу служитъ крутой утесъ подлѣ устья Ріо-Негро; чтобы добраться сюда, она должна была совершить странствіе на разстояніи четырехсотъ миль отъ центральнаго мѣста ея пребыванія въ Андахъ. Дальше къ югу, среди крупныхъ обрывовъ порта Дезире, кондоръ встрѣчается нерѣдко, но на морской берегъ залетаютъ лишь очень немногія птицы этого вида. Кондоръ посѣщаетъ скалистую полосу подлѣ устья Санта-Круса и въ 80 миляхъ вверхъ по рѣкѣ, гдѣ крутыя базальтовыя пропасти образовались по краямъ долины, появляется снова. Судя по этимъ фактамъ можно предположить, что кондору нужны отвѣсныя скалы. Въ провинціи Чили птицы эти держатся большую часть года въ болѣе низменной мѣстности подлѣ береговъ Тихаго океана, и обыкновенно садятся ночью по нѣсколько штукъ на одно дерево, но въ началѣ лѣта онѣ удаляются въ самыя недоступныя части внутри Кордильеровъ, для высиживанія яицъ въ полномъ покоѣ.

Что касается до размноженія кондоровъ, я слышалъ отъ поселянъ Чили, что они не строятъ вовсе гнѣздъ, а кладутъ въ теченіе ноября и декабря по два большихъ бѣлыхъ яйца на выступѣ голой скалы. Говорятъ, что птенцы кондоровъ не умѣютъ летать цѣлый годъ; когда же они научатся летать, то долго еще продолжаютъ садиться на ночь и охотиться днемъ со своими родителями. Старыя птицы обыкновенно живутъ парами, но между внутренними базальтовыми утесами Санта-Круса я отыскалъ мѣсто, куда онѣ собирались большими стаями. Подойдя однажды къ краю пропасти, мы увидѣли великолѣпное зрѣлище: отъ двадцати до тридцати этихъ огромныхъ птицъ тяжело поднимались со своихъ насиженныхъ мѣстъ и улетали, описывая величественные круги въ воздухѣ. По количеству помета на скалахъ видно было, что кондоры давно слетаются сюда для кладки яицъ. Наѣвшись досыта всякой падали въ равнинахъ внизу, они удаляются въ эти любимыя обрывы для пищеваренія, такъ что ихъ можно считать, наравнѣ съ галлинассо, за стайныхъ птицъ. Въ этой мѣстности кондоры исключительно кормятся мясомъ гуанако, умирающихъ естественной смертью или, что бываетъ еще чаще, убитыхъ пумой. Я полагаю, судя по тому, что видѣлъ въ Патагоніи, что кондоры при обыкновенныхъ обстоятельствахъ не улетаютъ на охоту далеко отъ мѣстъ своего постояннаго ночлега. Ихъ часто можно увидать на огромной высотѣ, описывающихъ изящные круги. Я увѣренъ, что они иногда забираются въ такую высь и кружатся тамъ только ради удовольствія; но бываютъ случаи, когда, по словамъ чилійскихъ крестьянъ, они дѣлаютъ это для того, чтобы высматривать какое-нибудь умирающее животное или же пуму, раздирающую свою добычу. Если

кондоры спускаются и потомъ вдругъ всѣ поднимаются, то чиліецъ хорошо знаетъ, почему они это дѣлаютъ: пума, сторожившій трупъ, выскочилъ и разогналъ разбойниковъ. Кромѣ падали, кондоры достаютъ себѣ на пропитаніе молодыхъ козъ и ягнятъ, на которыхъ они налетаютъ; пастушескія собаки такъ пріучены, что, замѣтивъ пролетающаго кондора, выбѣгаютъ впередъ, глядятъ вверхъ и громко лаютъ. Чилійцы много ихъ убиваютъ, а также ловятъ. Они употребляютъ для этого два способа: одинъ состоитъ въ томъ, что кладутъ падаль на ровномъ мѣстѣ, огороженномъ заборомъ, въ которомъ оставляется отверстіе. Когда кондоръ наѣстся досыта, то всадникъ подскакиваетъ къ отверстію и загораживаетъ его, такъ что птица оказывается пойманной потому что, когда ей негдѣ разбѣжаться, она не можетъ подняться съ земли. Второй способъ состоитъ въ томъ, чтобы отмѣчать деревья, на которыхъ зачастую сидятъ до пяти-шести птицъ вмѣстѣ, а потомъ ночью влѣзть на дерево и переловить птицъ силками. Онѣ такъ крѣпко спятъ, что это не трудно сдѣлать. Въ Вальпарайсо при мнѣ продали живого кондора за полшиллинга, но обыкновенная цѣна ему восемь или десять шиллинговъ. При мнѣ разъ принесли одного кондора, который былъ связанъ веревкой и сильно поврежденъ, но не успѣли развязать веревку, связывавшую ему клювъ, какъ онъ принялся разрывать кусокъ падали, несмотря на окружавшую его толпу. Въ томъ же мѣстѣ содержали въ одномъ саду отъ двадцати до тридцати штукъ. Кормили ихъ только разъ въ недѣлю, но видъ у нихъ былъ довольно здоровый [1]). Чилійскіе крестьяне утверждаютъ, что кондоръ можетъ прожить, сохранивъ всю свою силу, пять-шесть недѣль безъ всякой пищи. Не ручаюсь за справедливость этого показанія, но думаю, что такой жестокій опытъ, вѣроятно, былъ испробованъ.

Извѣстно, что кондоры, какъ и другіе грифы, тотчасъ узнаютъ объ убитомъ въ околоткѣ животномъ и собираются всѣ къ мѣсту нахожденія трупа по какому-то необъяснимому сигналу. Не надо упускать изъ вида, что въ большинствѣ случаевъ хищники эти нападаютъ на слѣды добычи и очищаютъ скелетъ прежде, чѣмъ мясо хоть сколько-нибудь испортится. Припомнивъ опыты Одюбона надъ слабымъ чутьемъ грифовъ, я произвелъ въ упомянутомъ саду слѣдующій опытъ: Кондоры были привязаны веревкой, каждый въ отдѣльности, и размѣщены рядомъ вдоль стѣны; послѣ этого я завернулъ кусокъ мяса въ бѣлую бумагу и сталъ ходить взадъ и впередъ, держа кусокъ мяса на разстояніи около трехъ ярдовъ отъ кондоровъ, но они не обратили на это ни малѣйшаго вниманія. Тогда я бросилъ мясо на землю, отступя на ярдъ отъ одного стараго самца; онъ внимательно посмотрѣлъ на него и затѣмъ отвернулся. Я сталъ палкой подвигать къ нему мясо все ближе и ближе, пока оно не очутилось подъ самымъ клювомъ его; бумага была тотчасъ съ яростію изорванна и, въ ту же минуту весь рядъ птицъ заволновался, стараясь высвободить себя изъ веревочной петли, и хлопая крыльями. Собаку при такихъ условіяхъ было бы невозможно обмануть. Доводы въ пользу хорошаго чутья грифовъ и противъ него странно уравновѣшиваются одни другими. Профессоръ Оуэнъ доказалъ, что обонятельные нервы Catbartes aura въ высшей степени развиты, и въ тотъ же вечеръ, когда сообщеніе г. Оуэна была сдѣлано въ «Зоологическомъ обществѣ»,

[1]) Я замѣтилъ, что за нѣсколько часовъ до смерти кондора, всѣ вши, которыми онъ былъ зараженъ, выползали къ наружнымъ перьямъ. Меня увѣряли, что всегда такъ бываетъ.

одинъ господинъ, присутствовавшій на засѣданіи, разсказалъ о двухъ случаяхъ, видѣнныхъ имъ въ Вестъ-Индіи: оба раза грифы собирались на крышѣ дома, въ которомъ находилось непохороненое тѣло, начинавшее разлагаться, и узнать объ этомъ при помощи зрѣнія птицы едва ли могли. Съ другой стороны, кромѣ опытовъ Одюбона и приведеннаго выше моего опыта, существуютъ изысканія г. Бахмана въ Соединенныхъ Штатахъ, показавшія, что ни Catbartes aura (видъ, вскрытый профессоромъ Оуэномъ), ни галлинассо не отыскиваютъ своей пищи чутьемъ.

Г. Бахманъ накрывалъ тонкимъ холстомъ совсѣмъ испорченную падаль и разсыпалъ поверхъ холста кусочки мяса; грифы съѣдали ихъ и преспокойно стояли около гніющей падали не замѣчая ея. Въ холстѣ былъ сдѣланъ небольшой разрывъ, и падаль была открыта; холстъ замѣнили другимъ и опять по немъ разбросали куски мяса, которые были снова проглочены хищниками, не замѣчавшими скрытой падали, которую топтали. Эти факты не только подтверждены господиномъ Бахманомъ, но подписями шести очевидцевъ [1]).

Часто случалось мнѣ, отдыхая лежа на открытыхъ равнинахъ и глядя вверхъ, видѣть грифовъ, которые парили на большой высотѣ. Въ плоской мѣстности я не думаю, чтобы конный или пѣшій человѣкъ имѣлъ обыкновеніе наблюдать небесное пространство больше чѣмъ на 15^0 надъ горизонтомъ. Въ такомъ случаѣ, если птица въ своемъ полетѣ находится на высотѣ трехъ, четырехъ тысячъ футовъ, то разстояніе отъ нея до человѣка внизу будетъ болѣе двухъ англійскихъ миль по прямой линіи и, слѣдовательно, птица будетъ внѣ поля зрѣнія, пока она не спустится ниже, въ такихъ условіяхъ ее легко просмотрѣть.

Когда охотникъ убиваетъ животное въ уединенной долинѣ, развѣ зоркая птица не можетъ слѣдить за нимъ съ высоты? И потомъ, когда она спускается, тотъ особенный способъ, которымъ это дѣлается, не служитъ ли извѣщеніемъ всѣмъ грифамъ околотка о томъ, что добыча близка?

Кондоры, кружащіеся цѣлыми стаями около какого-нибудь мѣста, представляютъ красивое зрѣлище своимъ полетомъ. Я не помню случая, чтобы эта птица когда-нибудь хлопала крыльями, развѣ поднимаясь съ земли. Въ окрестностяхъ Лимы я въ теченіе получаса наблюдалъ нѣсколькихъ кондоровъ, не отрывая глазъ отъ нихъ; они описывали широкіе круги, опускаясь и снова поднимаясь, но ни разу ни одна птица не захлопала крыльями. Когда они пролетали у меня надъ самой головой, то я по косвенному направленію внимательно слѣдилъ за очертаньями каждаго изъ большихъ маховыхъ перьевъ крыла; при малѣйшемъ колебаніи въ движеніи эти отдѣльныя перья показались бы мнѣ слитными вмѣстѣ, но они все время отчетливо и рѣзко вырисовывались на фонѣ голубого неба. Голова и шея птицы часто и, повидимому, сильно двигались, а въ распростертыхъ крыльяхъ была какъ бы точка опоры, опредѣлявшая движенія шеи, головы и хвоста. Если птица собиралась опускаться, крылья ея на минуту складывались; когда же она ихъ снова распускала, съ измѣненнымъ наклономъ, то сила, пріобрѣтенная быстрымъ опусканіемъ, казалось увлекала птицу наверхъ ровнымъ и твердымъ движеніемъ наподобіе бумажнаго змѣя. Въ томъ случаѣ, когда птица *паритъ* ея движеніе должно быть достаточно быстро, такъ, чтобы дѣйствіе наклонной поверхности тѣла на атмосферу могло уравновѣсить тяжесть ея тѣла. Сила, потребная для поддерживанія тѣла, которое движется въ горизонтальномъ направленіи среди воздуха (гдѣ треніе столь незначительно),

[1]) London's Magazine of Nat. Hist., vol. VII.

не можетъ быть очень велика, а только эта сила и нужна. Движенія шеи и тѣла кондора, надо полагать, достаточны для этого. Какъ бы то ни было, удивительное и чудесное зрѣлище, представляетъ эта огромная птица въ то время, какъ она часами, безъ видимыхъ усилій, паритъ и кружится надъ горами и рѣками.

29 апрѣля. Съ одного возвышеннаго мѣста показались, выглядывая изъ-за темнаго покрова облаковъ, бѣлыя вершины Кордильеровъ, которыя мы съ радостію привѣтствовали. Въ слѣдующіе дни мы продолжали медленно подвигаться впередъ, потому что теченіе рѣки оказалось очень извилистымъ и усѣяннымъ огромными обломками разныхъ древнихъ сланцевыхъ породъ и гранита. Равнина, окаймляющая долину, достигала здѣсь высоты около 1.100 футовъ надъ уровнемъ рѣки, и характеръ ея сильно измѣнился. Къ округленнымъ валунамъ порфира примѣшивались многіе исполинскіе угловатые обломки базальта и первобытныхъ породъ. Первый изъ эрратическихъ валуновъ, который я замѣтилъ, находился на разстояніи 67 миль отъ ближайшей горы; другой, измѣренный много валунъ, имѣлъ пять квадратныхъ ярдовъ и выступалъ на пять футовъ надъ гравіемъ. Края его были до того угловаты и объемъ былъ такъ великъ, что я принялъ его сначала за утесъ in situ и досталъ свой компасъ, чтобы замѣтить направленіе его откола. Поверхность земли была здѣсь менѣе ровна, чѣмъ по близости берега; однако тутъ не было слѣдовъ какого-нибудь значительнаго переворота. При такихъ обстоятельствахъ я думаю, что невозможно объяснить перенесеніе этихъ огромныхъ каменныхъ массъ на сколько миль отъ ихъ первоначальнаго источника иначе какъ теоріей плавающихъ льдовъ.

Кондоръ.

За послѣдніе два дня намъ попадались слѣды лошадиныхъ копытъ и разныя мелкія вещи, принадлежавшія индѣйцамъ, какъ напр. части плаща и пучокъ страусовыхъ перьевъ, но эти предметы, какъ видно, давно уже валялись на землѣ. Между тѣмъ мѣстомъ, гдѣ индѣйцы такъ недавно переправлялись черезъ рѣку и мѣстомъ, гдѣ мы были теперь страна была совершенно безлюдной, несмотря на большое пространство, ихъ раздѣлявшее. Сначала, взявъ во вниманіе обиліе гуанако, я удивился такой безлюдности, но она объясняется каменистой почвой которая скоро лишила бы неподкованную лошадь возможности участвовать въ охотѣ. Тѣмъ не менѣе я нашелъ, въ двухъ мѣстахъ небольшія кучи камней, которыя, по моему, не могли быть случайно собраны

вмѣстѣ; онѣ были сложены на мѣстахъ, выступавшихъ надъ краемъ самаго высокаго лавоваго утеса и походили, но въ малыхъ размѣрахъ, на камни подлѣ порта Дезире.

4. апрѣля. Капитанъ Фицъ-Рой рѣшилъ не итти съ лодками выше. Рѣка имѣла извилистое и очень быстрое теченіе; къ тому же общій видъ страны не манилъ въ дальнѣйшій путь. Вездѣ мы встрѣчали тѣ же произведенія, тотъ же унылый ландшафтъ. Мы находились теперь въ ста сорока миляхъ отъ Атлантическаго океана и, приблизительно, въ шестидесяти миляхъ отъ ближайшаго рукава Тихаго океана. Долина въ этой своей верхней части расширяется въ пространный бассейнъ, ограниченный на сѣверѣ и на югѣ базальтовыми платформами съ выступающей надъ ними длинной цѣпью Кордильеровъ, одѣтыхъ снѣгомъ, но мы съ грустью взирали на эти величественныя горы, такъ какъ должны были только въ своемъ воображеніи представлять себѣ ихъ природу и произведенія, вмѣсто того чтобы, какъ мы надѣялись, стоять на ихъ вершинахъ. Кромѣ того, что дальнѣйшая попытка подвинуться вверхъ по рѣкѣ явилась бы безполезной тратой время, мы за послѣдніе дни получали половинную порцію хлѣба. Такое питаніе, хотя и достаточное для людей разсудительныхъ, оказывалось довольно скуднымъ послѣ тяжелаго дневного перехода: очень хорошо говорить о необремененномъ желудкѣ и легкомъ пищевареніи, но на практикѣ это вовсе не такъ пріятно.

5 мая. До восхода солнца мы начали обратное плаваніе внизъ по рѣкѣ. Шли мы очень быстро, дѣлая обыкновенно по десяти узловъ въ часъ. Въ одинъ день мы прошли разстояніе, на которое потребовалось пять съ половиною дней тяжелаго труда во время плаванія вверхъ по рѣкѣ. Мы прибыли 8-го къ нашему кораблю послѣ экспедиціи, длившейся 21 день. Всѣ, кромѣ меня, имѣли причины быть недовольными; но мнѣ путешествіе это дало возможность ознакомиться съ весьма любопытнымъ разрѣзомъ великой третичной формаціи Патагоніи.

1 марта 1833 г. и опять 16 марта 1834 г. «Бигль» бросалъ якорь въ проливѣ Берклей, восточнаго Фальклендскаго острова. Этотъ архипелагъ находится почти подъ одинаковой широтой съ устьемъ Магелланова пролива; онъ занимаетъ пространство въ сто двадцать географическихъ миль въ длину и шестьдесятъ въ ширину, немного больше половины Ирландіи. Послѣ того какъ Франція, Испанія и Англія оспаривали другъ у друга право владѣнія этими жалкими островами, они остались безъ населенія. Правительство Буэносъ-Айреса тогда продало ихъ въ частныя руки, но тоже пользовалось ими какъ поселеніемъ для преступниковъ, по примѣру Испаніи, въ старину селившей тутъ своихъ ссыльныхъ. Англія заявила свои права и овладѣла этими островами. Вслѣдствіе такого дѣйствія былъ убитъ англичанинъ, которому поручена была охрана англійскаго флага. Послѣ этого на острова послали британскаго офицера, не давъ ему при этомъ никакого отряда. Когда мы пріѣхали сюда, то нашли его во главѣ населенія, состоявшаго больше чѣмъ наполовину изъ бѣглыхъ повстанцевъ и убійцъ.

Мѣсто дѣйствія достойно тѣхъ сценъ, которыя въ немъ разыгрывались. Волнистая мѣстность унылаго и жалкаго вида вездѣ покрыта торфомъ и жесткой травой однообразно бураго цвѣта. Тамъ и сямъ выступаетъ среди гладкой поверхности вершина сѣраго кварцеваго утеса. Всякій слышалъ о климатѣ этой страны; его можно сравнить съ тѣмъ, что приходится испытывать на высотѣ отъ одной до двухъ тысячъ фу-

товъ въ горахъ сѣвернаго Уэльса. Впрочемъ здѣсь менѣе солнечнаго свѣта и мороза, но зато болѣе дождя и вѣтра [1]).

16 мая. Опишу теперь небольшую экскурсію, которую я совершилъ вокругъ части этого острова. Я выѣхалъ утромъ съ двумя гаучосами и шестью лошадьми; гаучосы были отлично приспособлены къ такого рода путешествію и привыкли жить на собственныя средства. Погода стояла бурная и холодная съ частымъ градомъ. Мы, однако, благополучно подвигались впередъ, хотя, за исключеніемъ геологическаго интереса, ничего не могло быть менѣе занимательно чѣмъ наша поѣздка въ этотъ день. Однообразное волнистое болото покрываетъ всю мѣстность; на поверхности растетъ свѣтло-бурая завядшая трава, и кое-гдѣ виднѣются маленькіе кусты, поднимающіеся изъ упругой торфяной почвы. Въ долинахъ тамъ и сямъ встрѣчаются маленькія стаи дикихъ гусей, и вездѣ земля на столько рыхла, что бекасы могутъ прокормиться. Кромѣ этихъ двухъ породъ, мало здѣсь водится птицъ.

Въ одномъ мѣстѣ тянется длинный рядъ холмовъ, вышиной около двухъ тысячъ футовъ; онъ состоитъ изъ кварцевой породы, изрытые и безплодные гребни которыхъ нѣсколько затрудняли нашъ переходъ. На южной сторонѣ мы нашли мѣсто особенно благопріятное для дикаго рогатаго скота; мы, однако, встрѣтили только небольшое количество головъ, потому что ихъ сильно истребляли за послѣднее время.

Вечеромъ намъ попалось навстрѣчу небольшое стадо. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, по имени Сантъ-Яго, скоро отогналъ въ сторону жирную корову изъ стада; онъ бросилъ боласы, и они ударили ее по ногамъ, но не опутали ихъ. Тогда онъ сбросилъ шапку на томъ мѣстѣ, гдѣ остались шары, чтобы отмѣтить его, а самъ, на полномъ скаку, успѣлъ накинуть арканъ на корову, которымъ поймалъ ее за рога. Другой гаучо поѣхалъ впередъ съ запасными лошадьми, такъ что Сантъ-Яго съ большимъ трудомъ справился съ разсвирѣпѣвшимъ животнымъ, котораго, наконецъ, убилъ. Сдѣлалъ онъ это такъ: ему удалось заманить корову на совершенно ровное мѣсто, пользуясь каждый разъ случаемъ, когда она на него бросалась; когда же она стояла неподвижно, моя лошадь, нарочно къ этому пріученная, наѣзжала на нее и давала ей сильный толчокъ грудью. Однако, оказывается, что одному человѣку убить на ровномъ мѣстѣ скотину, обезумѣвшую отъ ужаса; вовсе нелегкая задача. Она была бы еще труднѣе, если бъ лошадь, предоставленная самой себѣ, безъ всадника, не привыкала скоро, ради собственной безопасности, натягивать арканъ, такъ что, если корова или волъ идутъ впередъ, лошадь слѣдуетъ за ними тѣмъ же аллюромъ. Въ противномъ случаѣ она стоитъ неподвижно, склонившись на одинъ бокъ. Наша лошадь, впрочемъ, была молода и не хотѣла стоять смирно, а поддавалась коровѣ, когда та билась. Удивительно было смотрѣть съ какою ловкостью Сантъ-Яго заходилъ за животное, пока онъ не ухитрился нанести ему роковой ударъ въ сухожиліе задней ноги, послѣ чего онъ, безъ особеннаго труда вонзилъ ножъ въ спинной хребетъ, и корова повалилась какъ пораженная молніей. Онъ вырѣзалъ нѣсколько кусковъ мяса съ кожей, но безъ костей, столько, сколько было

---

[1]) По отчетамъ, напечатаннымъ послѣ нашего путешествія, и особенно по многимъ интереснымъ письмамъ флота ея величества капитана Селивана оказывается, что мы преувеличивали дурныя свойства климата на этихъ островахъ. Но, когда я думаю о почти повсемѣстномъ присутствіи торфа и о томъ фактѣ, что пшеница рѣдко здѣсь вызрѣваетъ, мнѣ что-то не вѣрится, чтобы климатъ лѣтомъ былъ такъ хорошъ и сухъ, какъ это утверждали въ послѣднее время.

нужно на время нашей экспедиціи. Затѣмъ мы отправились къ мѣсту ночлега и ѣли за ужиномъ «carne con cuero», то-есть мясо, изжаренное вмѣстѣ съ кожей. Такой способъ приготовленія даетъ жаркое настолько же лучше обыкновеннаго мяса, насколько дичина вкуснѣе баранины. Большой, круглый кусокъ мяса изъ задней части поджаривается на золѣ, шкурой внизъ, то-есть какъ въ блюдечкѣ, такъ что ничего не пропадаетъ изъ говяжьяго сока. Если бъ какой-нибудь почтенный ольдермэнъ поужиналъ съ нами въ тотъ вечеръ, то «carne con cuero» несомнѣнно скоро прославилось бы въ Лондонѣ.

Ночью шелъ дождь, а слѣдующій день (17-е) былъ очень бурный: выпало много граду и снѣгу. Мы переѣхали островъ, направляясь къ той полосѣ, которая связываетъ Ринконъ-дель-Торо (большой полуостровъ на юго-западной оконечности) съ остальной частью острова. Быковъ здѣсь большой численный перевѣсъ надъ коровами, множество которыхъ перебили. Быки бродятъ въ одиночку или по два, по три вмѣстѣ, при чемъ они отличаются большой дикостью. Никогда мнѣ не приходилось видѣть такихъ великолѣпныхъ животныхъ: размѣрами головы и шеи они походили на изваянія греческой скульптуры. Капитанъ Сёливанъ сообщаетъ мнѣ, что шкура средней величины быка вѣситъ сорокъ семь фунтовъ, между тѣмъ, какъ шкура такого же вѣса, но менѣе просушенная, считается очень тяжелой въ Монте-Видео. Молодые быки обыкновенно удаляются на небольшое разстояніе, но старые стоятъ неподвижно, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они бросаются на человѣка и на лошадь; много лошадей погибаетъ отъ нихъ. Одинъ старый быкъ перешелъ черезъ болотистый ручей и остановился на томъ берегу, прямо противъ насъ; напрасно мы старались его отогнать и, наконецъ, принуждены были обойти стороной. Гаучосы рѣшили въ отместку оскопить его и такимъ образомъ сдѣлать его безвреднымъ на будущее время. Любопытно было видѣть превосходство искусства надъ грубой силой.

Быку накинули арканъ на рога въ ту минуту какъ онъ ринулся на лошадь, потомъ другимъ арканомъ захлестнули ему заднія ноги: въ одно мгновеніе чудовище растянулось обезсиленное на землѣ. Когда арканъ туго затянутъ кругомъ роговъ разъяреннаго животнаго, то съ перваго раза покажется нелегкимъ дѣломъ освободить его отъ аркана, не убивъ при этомъ. Одному человѣку, я полагаю, и нельзя было бы поступить иначе. При помощи другого человѣка, однако, который накидываетъ арканъ на заднія ноги, становится возможнымъ совладать со звѣремъ, потому что животное лежитъ совершенно безпомощное, пока у него крѣпко связаны заднія ноги, и тогда другой человѣкъ можетъ отпустить петлю на рогахъ и спокойно сѣсть на коня; но, если его товарищъ, отступивъ немного, ослабитъ узелъ, то арканъ соскользаетъ съ ногъ барахтающагося животнаго, и оно, вскочивъ на ноги, встряхивается и дѣлаетъ безуспѣшное нападеніе на своего врага.

Во время всего нашего переѣзда, мы встрѣтили только одинъ табунъ дикихъ лошадей. Эти животныя, такъ же, какъ и рогатый скотъ были привезены французами въ 1764 году и, съ тѣхъ поръ сильно размножились. Любопытно то, что лошади никогда не покидали восточной оконечности острова, несмотря на полное отсутствіе естественныхъ границъ, которыя мѣшали бы имъ бродить по всему острову; къ тому же, надо сказать, что восточная сторона его не представляетъ ничего болѣе привлекательнаго чѣмъ остальная часть. Гаучосы, къ которымъ я обращался за объясненіемъ этого факта, хотя и подтвердили его, но не могли объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ сильной привязанности лоша-

дей къ привычному мѣсту. Взявъ въ соображеніе, что островъ, какъ кажется, не особенно населенъ домашними животными и, что на немъ не водятся хищные звѣри, мнѣ было очень интересно узнать, что могло задержать первоначальное быстрое размноженіе лошадей. Что на незначительномъ островѣ какое-нибудь препятствіе должно явиться рано или поздно это представляется неизбѣжнымъ, но почему же размноженіе лошадей уменьшилось раньше чѣмъ размноженіе рогатаго скота? Капитанъ Селиванъ взялъ на себя много труда, чтобы помочь мнѣ въ моемъ изслѣдованіи этого вопроса. Здѣшніе гаучосы объясняютъ его главнымъ образомъ тѣмъ, что жеребцы постоянно переходятъ съ мѣста на мѣсто, заставляя кобылъ слѣдовать за ними, невзирая на то, могутъ ли жеребята сопутствовать матерямъ. Одинъ гаучо разсказывалъ капитану Селивану, что онъ наблюдалъ за жеребцомъ въ продолженіе цѣлаго часа и видѣлъ, какъ онъ ожесточенно толкалъ и кусалъ кобылу, чтобы заставить ее бросить жеребенка и слѣдовать за нимъ. Капитанъ Селиванъ можетъ подтвердить это показаніе тѣмъ, что онъ нѣсколько разъ находилъ мертвыхъ жеребятъ, между тѣмъ какъ ему никогда не попадался павшій теленокъ. Кромѣ того, трупы взрослыхъ лошадей чаще встрѣчаются, что какъ будто указываетъ на то, что лошади болѣе подвержены болѣзнямъ и несчастнымъ случаямъ, чѣмъ рогатый скотъ. Вслѣдствіе мягкости почвы, копыта у лошадей часто пріобрѣтаютъ неправильную длину, что причиняетъ хромоту. Преобладающій цвѣта между здѣшними лошадьми—рыжій и сѣрый. Всѣ лошади, выращенныя здѣсь, домашнія, а равно и дикія, довольно низкорослы, хотя въ общемъ онѣ имѣютъ здоровый сытый видъ; но онѣ утратили первоначальную силу, такъ что больше не пригодны для охоты съ арканомъ за дикимъ скотомъ. Вслѣдствіе этого, приходится тратить много денегъ на ввозъ новыхъ лошадей изъ Ла-Платы. Вѣроятно, со временемъ въ южномъ полушаріи заведутся фальклендскіе пони, точно такъ же, какъ въ сѣверномъ существуетъ порода шотландскихъ пони.

Рогатый скотъ не выродился подобно лошадямъ, а, напротивъ того, какъ было уже замѣчено, сталъ гораздо болѣе рослымъ и многочисленнѣе лошадей. Капитанъ Селиванъ извѣщаетъ меня, что здѣшній рогатый скотъ отличается меньшимъ разнообразіемъ формъ тѣла и роговъ, нежели англійскія породы рогатаго скота. Масти же здѣшняго скота бываютъ очень разнообразны.

Замѣчательно то обстоятельство, что въ разныхъ мѣстахъ этого небольшого острова встрѣчаются совершенно различныя масти. Въ окрестностяхъ горы Осборна, на высотѣ 1000 и 1500 футовъ надъ уровнемъ моря около половины стадъ мышинаго или свинцоваго цвѣта, а въ другихъ частяхъ острова эта масть рѣдко встрѣчается. Близъ порта Плэзентъ преобладаетъ темно-бурый цвѣтъ, тогда какъ къ югу отъ пролива Шуазеля (который дѣлитъ острова почти на двѣ половины) самая обыкновенная масть—бѣлая съ черными головами и ногами; по всему же острову встрѣчаются пестрыя и черныя животныя. Капитанъ Селиванъ замѣчаетъ, что различіе въ господствующихъ цвѣтахъ такъ очевидно, что стада подлѣ порта Плэзентъ казались ему издали черными пятнами, между тѣмъ какъ къ югу отъ пролива Шуазель стада представлялись въ видѣ бѣлыхъ пятенъ по скату холмовъ. Капитанъ Селиванъ полагаетъ, что стада не смѣшиваются между собою, и надо отмѣтить странный фактъ: коровы мышинаго цвѣта, хотя живутъ въ гористомъ мѣстѣ, телятся мѣсяцемъ ранѣе, чѣмъ коровы другого цвѣта, водящіяся въ низменныхъ мѣстахъ. Интересно видѣть, какъ этотъ скотъ, нѣкогда

ручной, раздѣлился на три масти, изъ которыхъ одна, по всей вѣроятности, въ концѣ-концовъ сдѣлается преобладающей, если стада будутъ оставлены въ покоѣ въ продолженіе нѣсколькихъ слѣдующихъ вѣковъ.

Другое животное, ввезенное на этотъ островъ,—кроликъ совсѣмъ здѣсь освоился, такъ что онъ водится въ большомъ количествѣ на обширномъ пространствѣ острова. Но кроликъ, подобно лошади, имѣетъ извѣстныя границы, дальше которыхъ онъ не заходитъ. Такъ онъ не перешелъ за центральную горную цѣпь и даже не распространился бы до подошвы, если бъ, какъ мнѣ говорили гаучосы, его не перенесли сюда небольшими партіями. Я не могъ предположить, чтобы это животное, родомъ изъ сѣверной Африки, могло существовать въ такомъ сыромъ климатѣ какъ здѣшній и при такомъ отсутствіи солнечнаго свѣта, которое дозволяетъ пшеницѣ вызрѣвать только случайно. Говорятъ, что въ Швеціи, гдѣ по общему мнѣнію климатъ благопріятнѣе, кроликъ не можетъ существовать на открытомъ воздухѣ. Первыя пары здѣсь, кромѣ того, должны были бороться съ врагами, существовавшими до введенія сюда кролика,—съ лисицами и съ нѣкоторыми видами ястребовъ. Французскіе естествоиспытатели считали черныхъ кроликовъ за отдѣльный видъ, названный ими Lepus Magellanicus [1]). Они воображали себѣ, что Магелланъ, говоря объ одномъ звѣрѣ по имени «Conejos», около Магелланова пролива, подразумѣвалъ этотъ видъ, тогда какъ онъ намекалъ на маленькую водосвинку, которая носитъ это названіе среди испанцевъ и въ настоящее время. Гаучосы смѣялись надъ предположеніемъ, что черная порода отличается отъ сѣрой; они говорили, что во всякомъ случаѣ она не распространилась дальше сѣрой; что обѣ породы встрѣчаются вмѣстѣ, охотно соединяются между собою и производятъ пѣгихъ потомковъ. У меня есть теперь образчикъ пѣгаго кролика и голова его имѣетъ отмѣтины отличныя отъ тѣхъ, которыя обозначены во французскомъ описаніи этого вида. Это обстоятельство показываетъ какъ осторожно должны относиться натуралисты къ опредѣленію видовъ, даже Кювье, осматривая черепъ одного изъ этихъ кроликовъ, думалъ, что это вѣроятно отдѣльный видъ!

Единственное туземное млекопитающее на островѣ [2])—большая волкообразная лисица (Canis antarcticus), которая находится и на восточныхъ, и на западныхъ Фальклендскихъ островахъ. Я не сомнѣваюсь, что это—особый видъ лисицы, который водится только на этомъ архипелагѣ, потому что многіе тюленепромышленники, гаучосы и индѣйцы, посѣтившіе эти острова, утверждаютъ, что такого звѣря нельзя нигдѣ найти въ Южной Америкѣ; Молина, судя по сходству въ нравахъ, предполагалъ, что это животное то же, что его «culpeu» [3]); но я видѣлъ обоихъ, и они вполнѣ различны.

---

[1]) Lesson Zoology of the Voyage of the Coquille tom. I, p. 168. Всѣ прежніе путешественники, въ особенности Бугенвиль, положительно утверждаютъ, что волкообразная лисица была единственнымъ туземнымъ звѣремъ на островѣ. Отличіе кролика, какъ вида, заключается въ особенностяхъ мѣха, въ формѣ головы и въ короткости ушей. Замѣчу здѣсь, что различіе между ирландскими и англійскими зайцами состоитъ въ тѣхъ же особенностяхъ, но болѣе ярко выраженныхъ.

[2]) Впрочемъ, я имѣю основаніе предполагать еще существованіе здѣсь полевой мыши. Обыкновенныя европейскія крысы и мыши разбрелись на большое разстояніе отъ жилищъ поселенцевъ. Обыкновенная свинья тоже водится на одномъ островкѣ въ одичаломъ видѣ; всѣ свиньи здѣсь чернаго цвѣта; боровы крайне свирѣпы и снабжены большими клыками.

[3]) „Culpeu“ —это Canis Magellanicus, привезенный къ намъ капитаномъ Кингомъ съ береговъ Магелланова пролива. Онъ часто встрѣчается въ Чили.

Эти волки хорошо извѣстны по описаніямъ Байрона, который разсказываетъ о ихъ смѣлости и любопытствѣ; матросы укрывались отъ нихъ въ воду, ошибочно принимая за свирѣпость то, что въ нихъ было именно результатомъ любопытства и отсутствія боязливости. Эти животныя и теперь сохранили тѣ же привычки. Было замѣчено, что они входили въ палатку и даже вытаскивали кусокъ мяса изъ-подъ головы спавшаго моряка. Гаучосы зачастую убивали ихъ по вечерамъ, держа въ одной рукѣ мясо, а въ другой ножъ, которымъ пронзали ихъ. Сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ на земномъ шарѣ другого такого незначительнаго клочка земли съ такимъ большимъ первобытнымъ млекопитающимъ, свойственнымъ только ему одному. Численность этого вида быстро уменьшается; онъ уже изгнанъ изъ той половины острова, которая расположена на востокъ отъ перешейка между бухтой С. Сальвадоръ и Берклеевымъ проливомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ эти острова будутъ правильно заселены, по всей вѣроятности, эта лисица-волкъ будетъ считаться, наравнѣ съ додо, за животное, исчезнувшее съ лица земли.

Ночью (17) мы спали на перешейкѣ, въ началѣ пролива Шуазель, который образуетъ юго-западный полуостровъ. Долина была довольно хорошо защищена отъ холоднаго вѣтра, но слишкомъ мало было хвороста для топлива. Гаучосы, однако, вскорѣ разыскали нѣчто, послужившее, къ моему большому удивленію, для разведенiе огня не хуже угля; то былъ скелетъ недавно убитаго быка, съ котораго грифы поклевали все мясо. Гаучосы разсказывали мнѣ, что зимою имъ часто случается убивать животное, снимать мясо съ костей и жарить его на огнѣ, разведенномъ при помощи этихъ самыхъ костей.

18 мая. Дождь шелъ почти весь день. На ночь мы однако устроились съ помощью нашихъ чепраковъ такъ, что не особенно промокли и озябли, но земля, на которой мы спали, походила на болото, и, послѣ дневного переѣзда, мы не нашли сухого мѣста, гдѣ бы можно было отдохнуть. Я уже замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, какъ странно, что на этихъ островахъ нѣтъ ни одного дерева, тогда какъ Огненная Земля поросла сплошнымъ лѣсомъ. Самый большой кустъ на островѣ (изъ семейства сложноцвѣтныхъ растеній) не больше нашего дрока. Лучшимъ топливомъ служитъ маленькій зеленый кустарникъ не больше обыкновеннаго вереска, который имѣетъ полезное свойство горѣть и тогда, когда онъ свѣжъ и зеленъ. Меня удивляло, что гаучосы, несмотря на дождь, на то, что въ кругомъ было насквозь мокро, тотчасъ разводили огонь, не имѣя въ своемъ распоряженiи ничего, кромѣ трута и тряпки. Они разыскивали подъ кустами и въ травѣ нѣсколько сухихъ вѣтокъ и расщепляли ихъ на волокна; послѣ этого они обкладывали эту кучу волоконъ болѣе толстыми вѣтками такъ, что получалось что-то въ родѣ птичьяго гнѣзда и, наконецъ, въ эту кучу онѣ вкладывали зажженную тряпку, послѣ чего все накрывалось. Гнѣздо обращали къ вѣтру, и оно сперва начинало дымиться, а потомъ вспыхивало яркимъ пламенемъ. Не думаю, чтобы какая-нибудь другая система разведенiя огня могла успѣшно справляться съ имѣющимся сырымъ матеріаломъ.

19 мая. Съ непривычки, такъ какъ я нѣкоторое время не ѣздилъ верхомъ, я чувствовалъ по утрамъ большую разбитость во всемъ тѣлѣ. Меня удивили гаучосы, которые съ дѣтства проводятъ почти всю жизнь въ сѣдлѣ; между тѣмъ они говорили мнѣ, что всегда страдаютъ въ подобныхъ случаяхъ. Сантъ-Яго разсказывалъ мнѣ, что ему случилось разъ пролежать больнымъ три мѣсяца и, когда онъ снова могъ приняться за

охоту съ арканомъ, бедра его въ первые два дня до того окоченѣли, что ему надо было лечь въ постель. Изъ этого можно заключить, что гаучосы, хотя это вовсе не замѣтно для глазъ, тратятъ много мускульной энергіи во время ѣзды верхомъ. Охота за дикимъ скотомъ въ такой болотистой мѣстности должна быть очень трудна.

Гаучосы говорятъ, что они часто проскакиваютъ галопомъ по такимъ мѣстамъ, которыя были бы недоступны при медленной ѣздѣ; точно такъ же люди могутъ быстро кататься на конькахъ по тонкому льду. Во время охоты охотники стараются подъѣхать какъ можно ближе къ скоту, не давая ему замѣтить своего приближенія. Каждый всадникъ имѣетъ четыре или пять паръ боласовъ, которые онъ бросаетъ всѣ поочередно въ нѣсколькихъ животныхъ. Запутавъ имъ ноги, охотники оставляютъ ихъ въ такомъ видѣ на нѣсколько дней, чтобы они истощились отъ голода и напрасныхъ усилій сбросить боласы. Послѣ этого скотину выпускаютъ на свободу и гонятъ ее къ небольшому стаду домашнихъ животныхъ, которыхъ сюда нарочно приводятъ для этого. Послѣ всего, что пришлось вынести пойманной скотинѣ, она слишкомъ запугана, чтобы отойти отъ стада и, если она не вполнѣ выбилась изъ силъ, ее легко будетъ пригнать къ мѣсту поселенія.

Погода продолжала стоять настолько плохая, что мы рѣшили ускорить нашъ переѣздъ и воротиться до ночи къ нашему кораблю. Вслѣдствіе огромнаго количества выпавшихъ дождей вся страна превратилась въ сплошное болото. Лошадь моя, я думаю, разъ двѣнадцать падала, а иногда всѣ шесть лошадей увязали въ грязи. Маленькіе ручьи окаймлены мягкимъ торфомъ, такъ что лошадямъ очень трудно перепрыгнуть черезъ ручей, не упавъ при этомъ. Къ довершенію неудобствъ, испытанныхъ нами, намъ пришлось перебраться черезъ морскую бухту, въ которой вода доходила до лошадиныхъ спинъ, а небольшія волны, поднятыя сильнымъ вѣтромъ, обдавали насъ такъ, что мы вымокли и иззябли. Даже гаучосы съ ихъ желѣзнымъ здоровьемъ, и тѣ признались, что рады были вернуться домой послѣ нашей экскурсіи,

Геологическое строеніе этихъ острововъ во многихъ отношеніяхъ просто. Низменныя части страны состоятъ изъ сланцеватой глины и песчаника, въ которомъ находятся ископаемыя, очень близкія къ находимымъ въ силурійскихъ формаціяхъ Европы, но не тождественные съ ними; горы образовались изъ бѣлой зернистой кварцевой породы. Слои этого камня часто расположены совершенно симметричными сводами, вслѣдствіе чего нѣкоторыя возвышенія получаютъ чрезвычайно странный видъ. Пернети [1]) посвятилъ нѣсколько страницъ описанію горы Развалинъ, справедливо сравнивъ ея слои съ мѣстами въ амфитеатрѣ. Эта кварцевая порода была, должно быть, совсѣмъ въ мягкомъ состояніи, когда она подверглась такимъ замѣчательнымъ изгибамъ, и не распалась при этомъ въ куски. Такъ какъ она незамѣтно переходитъ въ песчаникъ, то представляется вѣроятнымъ, что онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ песчанику, который накалился до такой степени, что сдѣлался вязкимъ, а остывая, кристаллизовался. Пока онъ находился въ мягкомъ состояніи, онъ былъ, вѣроятно, вытѣсненъ наверхъ изъ-подъ лежащихъ надъ нимъ пластовъ.

Во многихъ частяхъ острова дно долинъ усѣяно міріадами большихъ отдѣльныхъ угловатыхъ обломковъ кварцевой породы, которые образуютъ «потоки камней». Всѣ путешественники со времени Пернети упоминали съ

[1]) Pernety, „Voyage aux Isles Malouines“, p. 520.

удивленіемъ объ этихъ камняхъ. Глыбы не подвергались треніюводы, потому что углы ихъ только немного притуплены; величина ихъ колеблется отъ одного или двухъ футовъ въ діаметрѣ до десяти и даже до двадцати и болѣе того. Онѣ не навалены въ большія кучи, но разсыпаны въ видѣ равныхъ полосъ или большихъ потоковъ. Невозможно опредѣлить толщины ихъ, но журчаніе маленькихъ ручейковъ, струящихся между камнями, слышно на много футовъ ниже поверхности. Настоящая глубина слоя, вѣроятно, велика, потому что песокъ, должно быть, давно наполнилъ разсѣлины между нижними обломками. Ширина этихъ каменныхъ полосъ бываетъ въ нѣсколько сотъ футовъ и доходитъ до одной мили, но торфяная почва ежедневно распространяется и даже образуетъ островки вездѣ, гдѣ нѣсколько обломковъ лежатъ близко другъ къ другу. Къ югу отъ пролива Берклея, есть долина, прозванная нѣкоторыми членами нашей экскурсіи «большой долиной обломковъ»; въ ней намъ пришлось пересѣчь гряду съ полмили въ ширину, перепрыгивая съ одного остроконечнаго камня на другой. Обломки были такъ велики, что, когда мы были застигнуты ливнемъ, я легко могъ укрыться подъ сѣнью одного изъ нихъ. Незначительный наклонъ составляетъ самую замѣчательную особенность этихъ «каменныхъ потоковъ».

На склонахъ горъ, какъ я замѣтилъ, онъ составляетъ съ горизонтомъ уголъ въ десять градусовъ, но въ иныхъ ровныхъ, широкихъ долинахъ наклонъ такъ малъ, что его едва можно замѣтить. На такой неровной поверхности не было никакой возможности измѣрить уголъ, но, чтобы дать наглядное понятіе, я могу сказать, что покатость не заставила бы англійскую легкую почту замедлить скорость своей ѣзды. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непрерывный потокъ этихъ обломковъ шелъ вдоль всей долины и даже достигалъ гребня холма. На этихъ гребняхъ скучились огромныя массы камней, превышающія размѣрами небольшія зданія и, кажется, остановленныя здѣсь въ своемъ стремительномъ движеніи; тутъ же лежали слои, нагроможденные одинъ на другой, изогнутые подобно сводамъ и напоминающіе развалины обширнаго стариннаго собора.

Стараясь описать эти картины, показывающія слѣды насильственныхъ переворотовъ, невольно увлекаешься то тѣмъ, то другимъ сравненіемъ. Мы можемъ вообразить себѣ потоки бѣлой лавы, стекавшей съ разныхъ частей горъ въ низменныя мѣстности; эта лава, придя въ твердое состояніе, была расколота какимъ-нибудь необычайнымъ сотрясеніемъ на міріады обломковъ. То же представленіе связано съ выраженіемъ «каменные потоки», которое тотчасъ приходитъ каждому на умъ. Явленіе поражаетъ на мѣстѣ еще болѣе вслѣдствіе противоположности съ низкими округленными формами сосѣднихъ холмовъ.

Меня заинтересовалъ большой изогнутый обломокъ, который я нашелъ на самой высокой вершинѣ одного хребта (около семисотъ футовъ надъ уровнемъ моря); онъ лежалъ своей выпуклой стороной, внизъ. Должны ли мы предположить, что его подбросило на воздухъ и опрокинуло? Или же будетъ вѣрнѣе предположить, что раньше одна часть того хребта возвышалась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находится теперь этотъ памятникъ великаго сотрясенія, происшедшаго въ природѣ? Такъ какъ обломки въ долинахъ не округлены и расщелины между ними не наполнены пескомъ, то мы должны заключить, что періодъ насильственнаго переворота наступилъ послѣ того, какъ страна была поднята надъ водами моря. Въ поперечномъ разрѣзѣ дно этихъ долинъ почти ровное или возвышается только въ незначительной степени къ обѣимъ

сторонамъ. Отъ этого кажется, что обломки двигались съ верхняго конца долины, но въ дѣйствительности есть больше вѣроятія, что они были свергнуты внизъ съ ближайшихъ горныхъ склоновъ, а послѣ того колебательное движеніе подавляющей силы [1]) растянуло ихъ въ видѣ сплошной полосы. Если во время землетрясенія, которое опрокинуло въ 1835 г. Консепціонъ [2]) въ Чили, люди удивлялись тому, что небольшія тѣла подбрасывались на нѣсколько дюймовъ отъ земли, что должны мы сказать о движеніи, которое заставило обломки въ нѣсколько тоннъ вѣсомъ двигаться впередъ, какъ песокъ на колеблющейся доскѣ, и расположиться ровной полосой? Я видѣлъ на Андскихъ Кордильерахъ ясные слѣды того, что огромныя горы были разбиты на куски, какъ тонкая кора, и пласты были опрокинуты на свои вертикальныя ребра; но ни одно явленіе не вызывало во мнѣ съ такой силой мысли о сотрясеніи, какъ эти «каменные потоки»; мы стали бы напрасно искать въ лѣтописяхъ исторіи подобный примѣръ. И тѣмъ не менѣе, съ развитіемъ человѣческаго знанія, вѣроятно, когда-нибудь будетъ дано простое объясненіе этому явленію, точно такъ же какъ наука разъяснила бывшій долго непонятнымъ переносъ эрратическихъ валуновъ, разбросанныхъ по равнинамъ Европы.

Я не могу многаго сказать о фаунѣ этихъ острововъ. Много уже раньше былъ описанъ грифъ Polyborus. Кромѣ него, здѣсь водятся нѣсколько ястребовъ, совъ и мелкихъ сухопутныхъ птицъ. Водяныя птицы особенно многочисленны, и раньше ихъ было, должно быть, гораздо больше, согласно съ разсказами прежнихъ мореплавателей.

Однажды я наблюдалъ баклана, игравшаго съ рыбой, которую онъ только что поймалъ. Восемь разъ птица отпускала свою добычу, потомъ ныряла и, несмотря на глубину воды, вытаскивала рыбу опять на поверхность. Въ зоологическихъ садахъ я видалъ выдръ, поступавшихъ такимъ же образомъ съ пойманной рыбой, точно кошка съ мышью; я не знаю другого примѣра, гдѣ бы мать-природа выражала столь настойчивую жестокость. Въ другой я очень забавлялся наблюденіемъ надъ нравами пингвина (Aptenodytes demersa). Я сталъ какъ разъ на дорогѣ, по которой онъ направлялся къ водѣ. Птица выказала большую храбрость въ правильной борьбѣ со мной за свободный доступъ къ морю, и она заставила меня отступить. Я могъ бы остановить ее только сильными ударами: каждый отвоеванный дюймъ земли она твердо удерживала за собой, ставъ передо мной прямо и очень рѣшительно. При встрѣчѣ сопротивленія она странно поворачивала голову съ боку на бокъ, какъ будто способность яснаго зрѣнія находилась въ переднихъ и нижнихъ частяхъ глазъ. Птицу эту обыкновенно называютъ осломъ-пингвиномъ, потому что она имѣетъ привычку, будучи на берегу, закидывать голову назадъ и издавать необычайный громкій крикъ, похожій на ревъ осла; но когда она на морѣ и ничѣмъ не обезпокоена, то испускаетъ глубокіе, торжественные звуки, которые часто бываютъ слышны по ночамъ. Ныряя, она пользуется своими короткими крыльями, какъ плавниками, а на землѣ они служатъ ей вмѣсто переднихъ ногъ. Когда она пробирается, можно

[1]) „Nous n'avons pas eté moins saisis d'etonnement a la vue de l'innombrable quantité de pierres, de toutes grandeurs. bouleverseess les unes sur les autres, et cependant rangées, comme si elles avaient eté amoncelées négligemment pour remplir des ravins. On ne se lassait pas d'admirer les effets prodigieux de la nature".—Pernety, p. 526.

[2]) Одинъ обитатель Мендозы—слѣдовательно хорошій судья, увѣрялъ меня, что за нѣсколько лѣтъ его пребыванія на этихъ островахъ онъ ни разу не испытывалъ ни малѣйшаго толчка землетрясенія.

сказать, на четырехъ ногахъ сквозь заросль или по склону поросшаго травой утеса, то двигается до того быстро, что ее можно легко принять за четвероногое. Во время ловли рыбы на морѣ, она поднимается на поверхность воды для передышки такимъ быстрымъ прыжкомъ и такъ внезапно ныряетъ обратно, что всякій съ перваго взгляда приметъ ее, я въ этомъ увѣренъ, за рыбу, играющую въ водѣ.

На Фальклендскихъ островахъ встрѣчаются двѣ породы гусей. Нагорный видъ (Anas Magellanica) распространенъ по всему острову и ходитъ попарно или небольшими стадами. Они—не перелетныя птицы, но вьютъ гнѣзда на маленькихъ окружныхъ островахъ. Предполагаютъ, что причиной этому служитъ опасеніе лисицъ; по той же причинѣ, вѣроятно, эти птицы, столь ручныя днемъ, становятся пугливыми и дикими въ вечернія сумерки. Онѣ питаются исключительно растительной пищей. Каменный гусь, прозванный такъ потому, что онъ живетъ на морскомъ берегу (Anas antarctica), часто встрѣчается и тутъ, и на западномъ берегу Америки, доходя на сѣверѣ до Чили. На глубокихъ и уединенныхъ рѣчкахъ Огненной Земли водится бѣлоснѣжный гусакъ, всегда въ сопровожденіи своей болѣе темной подруги; видъ этихъ двухъ птицъ, стоящихъ рядомъ на какой-нибудь далекой скалистой вершинѣ, составляетъ обычную картинку въ здѣшнихъ мѣстахъ.

На этихъ островахъ водится въ большомъ количествѣ крупная толстоголовая утка или гусь (Anas brachyptera), которая иногда вѣситъ до двадцати двухъ фунтовъ. Въ прежнее время этихъ птицъ называли скаковыми лошадьми за необыкновенный способъ плаванія и плесканія на водѣ, но теперь ихъ гораздо правильнѣе называютъ пароходами. Крылья ихъ слишкомъ малы и слабы для летанія, но при помощи ихъ, частью плавая, а частью хлопая ими по водѣ, онѣ подвигаются очень быстро. Движеніе это напоминаетъ то, что дѣлаетъ наша домашняя утка, когда она спасается отъ преслѣдующей ее собаки, но я почти увѣренъ, что пароходъ дѣйствуетъ крыльями попеременно, а не обоими вмѣстѣ, какъ это дѣлаютъ другія птицы. Эти неуклюжія, толстоголовыя утки такъ шумятъ и плещутся, что получается престранное впечатлѣніе. Итакъ, мы видимъ въ Южной Америкѣ трехъ птицъ, которыя употребляютъ свои крылья не только для летанія: пингвинъ пользуется ими какъ плавниками, пароходъ—какъ веслами, а страусъ—какъ парусами.

На Огненной Землѣ, такъ же какъ на Фальклендскихъ островахъ, мнѣ удалось сдѣлать много наблюденій надъ низшими морскими животными [1]), но они не представляютъ общаго интереса. Приведу только рядъ фактовъ, относящихся къ нѣкоторымъ зоофитамъ изъ отдѣла этого класса, наиболѣе сложнаго по организаціи. Нѣсколько родовъ (Flustra, Eschara, Cellaria, Crisia и др.) сходны въ томъ, что имѣютъ странные подвижные органы (такіе же какъ у Flustra avicularia, находимой въ ев-

[1]) Я изумился, когда, считая яйца большой бѣлой Doris (этотъ моллюскъ имѣлъ $3\frac{1}{2}$ дюйма длины), я увидалъ, насколько они многочисленны. Яйца (каждое въ $\frac{3}{1000}$ дюйма въ діаметрѣ) заключались въ сферическихъ мѣшечкахъ, при чемъ въ каждомъ мѣшечкѣ помѣщалось отъ 2 до 5 яичекъ. Мѣшечки были расположены одинъ за другимъ поперечными рядами, образующими ленту. Лента примыкала краемъ своимъ къ утесу въ видѣ овальной спирали. Одна лента, найденная мною, имѣла около двадцати дюймовъ длины и полдюйма ширины. Считая число шариковъ, содержащихся въ $\frac{1}{10}$ дюйма въ ряду и считая число рядовъ въ лентѣ подобной же величины, по самому умѣренному вычисленію получалось шестьсотъ тысячъ яичекъ. Однако эта дорида была изъ довольно рѣдкихъ; хотя я часто искалъ ее подъ камнями, но видѣлъ только семь особей: *имѣть заблужденія болѣе распространеннаго среди натуралистовъ, чѣмъ то, что численность какого-нибудь отдѣльнаго вида зависитъ отъ его силы размноженія.*

ропейскихъ моряхъ), прикрѣпленные къ ихъ ячейкамъ. Органы эти въ большей части случаевъ очень похожи на голову ястреба, но нижняя челюсть раскрывается болѣе, чѣмъ у настоящаго птичьяго клюва. Голова обладаетъ значительной способностью движенія при помощи короткой шеи. У одного зоофита головка была неподвижна, а нижняя челюсть—свободна; у другого экземпляра она замѣнялась треугольной шапочкой съ прекрасно подогнанной опускной дверцей, которая, очевидно, соотвѣтствовала нижней челюсти. У большей части видовъ каждая ячейка была снабжена одной головкой, а у другихъ—двумя.

Молодыя ячейки на кончикахъ вѣтвей этихъ кораллобразныхъ содержатъ совсѣмъ неразвитыхъ полиповъ, но прикрѣпленныя къ нимъ ястребиныя головки, несмотря на свои малые размѣры, во всѣхъ отношеніяхъ совершенно развиты. Когда полиповъ удаляли иголкой изъ ячеекъ, эти органы, повидимому, нисколько не страдали. Если отрѣзали одну изъ ястребиныхъ головокъ отъ ячейки, то нижняя челюсть ея сохраняла способность раскрываться и закрываться. Самая странная особенность въ строеніи этихъ животныхъ заключается, можетъ быть, въ томъ, что если на одной вѣтви болѣе двухъ рядовъ ячеекъ, то центральныя ячейки снабжены головчатыми придатками вчетверо меньше наружныхъ. Движенія ихъ различаются между собою, смотря по виду, а у нѣкоторыхъ я не замѣчалъ никакого движенія, между тѣмъ какъ другіе съ широко раскрытой нижней челюстью качались взадъ и впередъ, совершая оборотъ приблизительно въ пять секундъ; были такіе, которые двигались быстро и прерывисто. Тронутый иголкой клювъ обыкновенно схватывалъ ея кончикъ съ такой силой, что вся вѣтвь приводилась въ сотрясеніе.

Эти тѣла не имѣютъ никакого отношенія къ произведенію яицъ или почекъ, потому что они образуются прежде, чѣмъ молодые полипы являются въ ячейкахъ на оконечностяхъ развивающихся вѣтвей; такъ какъ они двигаются независимо отъ полиповъ и, какъ видно, не имѣютъ съ ними никакой связи, притомъ же отличаются по размѣрамъ въ наружныхъ и внутреннихъ рядахъ клѣточекъ, то я не сомнѣваюсь, что по своимъ отправленіямъ они скорѣе относятся къ роговой оси вѣтвей, чѣмъ къ полипамъ въ клѣточкахъ. Мясистый придатокъ на нижней оконечности морского пера (описаннаго въ Багіа-Бланка) тоже составляетъ часть зоофита, какъ цѣлаго, точно такъ, какъ корни дерева составляютъ часть цѣлаго дерева, а не отдѣльнаго листа или цвѣточныхъ почекъ.

У другого изящнаго маленькаго полипика (Crisia) всѣ ячейки были снабжены длиннозубыми щетинами, обладавшими способностью быстро двигаться. Каждая изъ этихъ щетинъ, каждая ястребиная головка двигалась независимо отъ другихъ, но иногда онѣ вмѣстѣ качались по обѣимъ сторонамъ вѣтви, иногда же движеніе происходило одновременно только на одной сторонѣ; по временамъ каждая двигалась въ правильномъ порядкѣ одна за другой. Въ этихъ дѣйствіяхъ мы, повидимому, можемъ усматривать столь же совершенную передачу воли въ зоофитахъ, несмотря на то, что они состоятъ изъ тысячъ различныхъ полиповъ, какъ и въ любомъ отдѣльномъ животномъ. Случай этотъ на самомъ дѣлѣ не отличается отъ того, что бывало съ морскимъ перомъ, которое при дотрогиваніи до него зарывалось въ песокъ на берегу Багіа-Бланка. Я приведу еще примѣръ единовременнаго дѣйствія, хотя совершенно иного характера, въ зоофитѣ близкомъ къ Clytia, слѣдовательно очень просто организованномъ. Положивъ въ чашку съ соленой водой большой пучокъ зоофитовъ, я начиналъ тереть въ темнотѣ какую-ни-

будь часть вѣтви, и тогда она вся свѣтилась фосфорическимъ зеленымъ блескомъ; я, кажется, никогда не видалъ ничего красивѣе въ этомъ родѣ. Но самое замѣчательное въ этомъ явленіи было то, что вспышки свѣта шли вверхъ по вѣткамъ, отъ основанія къ верхушкѣ.

Я всегда съ большимъ интересомъ производилъ наблюденія надъ этими сложными животными. Что можетъ быть замѣчательнѣе организма, имѣющаго видъ растенія и производящаго яйцо,—организма, способнаго плавать, выбирать удобное мѣсто, разрастаться потомъ въ вѣтви, при чемъ каждая вѣтвь заселена безчисленными отдѣльными существами часто сложной организаціи? Вѣтви, кромѣ того, какъ мы видѣли, иногда имѣютъ органы, способные къ движенію и независимые отъ полиповъ. Какъ ни представляется удивительнымъ такое соединеніе самостоятельныхъ особей на одномъ общемъ стволѣ, но каждое дерево показываетъ то же явленіе, потому что почки должны быть разсматриваемы какъ самостоятельное растеніе. Впрочемъ, естественно считать полипа, снабженнаго ртомъ, внутренностями и другими органами, за самостоятельную особь, между тѣмъ какъ трудно представить себѣ индивидуальность древесной почки; откуда, соединеніе отдѣльныхъ особей въ одно общее тѣло является болѣе поразительнымъ фактомъ въ кораллообразномъ, чѣмъ въ деревѣ. Мы можемъ облегчить себѣ представленіе о сложномъ животномъ (въ которомъ не довершено обособленіе каждаго) размышленіемъ о томъ, что двѣ отдѣльныя особи могутъ произойти отъ разсѣченія одного существа ножомъ или же путемъ естественнаго дѣленія. Полиповъ въ зоофитѣ или почки на деревѣ можно разсматривать какъ случаи, въ которыхъ выдѣленіе особей не вполнѣ совершилось. Конечно, что касается древесныхъ почекъ и, судя по аналогіи, коралловыхъ полиповъ, особи, развившіяся изъ почекъ, повидимому, болѣе тѣсно связаны между собою, чѣмъ яйца или сѣмена со своими родителями. Кажется, въ настоящее время довольно твердо установлено, что растенія, размножающіяся помощью почекъ, всѣ имѣютъ одинаковую продолжительность жизни; всякому хорошо извѣстно, какія странныя и многочисленныя особенности постоянно передаются почками, черенками и прививками, между тѣмъ какъ эти особенности при размноженіи посредствомъ сѣмянъ никогда не передаются или только случайно проявляются.

ГЛАВА X.

Огненная Земля.

Огненная Земля.—Первый пріѣздъ.—Бухта Добраго Успѣха.—Уроженцы Огненной Земли, находившіеся у насъ на кораблѣ.—Свиданіе съ дикарями.—Лѣсные виды.—Мысъ Горнъ.—Заливъ Вигвамъ.—Жалкое положеніе дикарей.—Голодовки.—Людоѣды.—Матереубійство.—Религіозныя чувства.—Сильный вѣтеръ.—Каналъ Бигль.—Проливъ Понсонби.—Постройка вигвамовъ и поселеніе огнеземельцевъ. Раздвоеніе канала Бигль.—Ледники.—Возвращеніе на корабль.—Второе посѣщеніе колоніи на кораблѣ.—Равенство между туземцами.

17 декабря 1832 года. Окончивъ дневникъ всего видѣннаго въ Патагоніи и на Фальклендскихъ островахъ, я опишу нашъ первый пріѣздъ на Огненную Землю. Немного времени спустя послѣ полудня мы обогнули мысъ Санъ-Діего и въѣхали въ знаменитый проливъ Леммера. Мы держались подлѣ берега Огненной Земли, но очертанія суровой, не-

Мысъ Горнъ.

гостепріимной Земли Штатовъ выдѣлялись изъ-за тучъ. Послѣ полудня мы бросили яркорь въ бухтѣ Добраго Успѣха. Въ то время какъ мы входили въ бухту, насъ привѣтствовали, какъ приличествовало жителямъ этой дикой страны. Партія огнеземельцевъ, отчасти скрытая густымъ лѣсомъ, усѣлась на выступѣ земли, нависшемъ надъ моремъ; когда мы проходили мимо нихъ, они вскочили и, махая своими лохмотьями, разразились громкимъ, звучнымъ крикомъ. Дикари послѣдовали за кораблемъ, и незадолго до наступленіи ночи мы увидѣли ихъ огонь и опять услыхали ихъ дикіе возгласы. Гавань состоитъ изъ прекраснаго воднаго пространства, наполовину окруженнаго низкими, горами съ округленными очертаніями изъ сланцеватой глины; горы эти поросли густымъ, мрачнымъ лѣсомъ, спускающимся до края воды. Одного взгляда на ландшафтъ было довольно, чтобы дать мнѣ впечатлѣніе мѣстности, сильно отличавшейся отъ всего, что я когда-либо видѣлъ. Ночью поднялся сильный вѣтеръ; съ горъ проносились мимо насъ бурные шквалы. Въ такое время плохо пришлось бы въ открытомъ морѣ, такъ что мы, наравнѣ съ другими, можемъ назвать эту пристань бухтой Добраго Успѣха.

Утромъ капитанъ отправилъ партію съ корабля для того, чтобы установить сношенія съ туземцами. Когда мы подъѣхали на разстояніе человѣческаго голоса, одинъ изъ четырехъ присутствовавшихъ дикарей вышелъ впередъ, чтобы насъ принять, и сталъ неистово кричать, желая указать намъ мѣсто, гдѣ мы должны были причалить. Ступивъ на берегъ, мы замѣтили, что дикари имѣли довольно испуганный видъ, но они продолжали говорить очень быстро, сопровождая слова столь же быстрыми тѣлодвиженіями. Конечно, я никогда еще не видалъ столь интереснаго и любопытнаго зрѣлища; я не могъ себѣ раньше представить, до чего велика разница между дикаремъ и образованнымъ человѣкомъ: она больше, чѣмъ различіе, существующее между дикимъ и домашнимъ животнымъ, потому что человѣкъ обладаетъ большей способностью совершенствованія. Главный переговорщикъ былъ старикъ и казался главою семьи; трое остальныхъ были мощные молодые люди, футовъ шести ростомъ. Женщинъ и дѣтей, какъ видно, куда-то услали. Эти огнеземельцы представляютъ совсѣмъ другую породу людей въ сравненіи съ хилыми, жалкими людьми, обитающими далѣе на западъ; они, повидимому, родственны знаменитому племени патагонцевъ Магелланова пролива. Ихъ одѣяніе состоитъ единственно изъ шкуры гуанако, накинутой на плечи мѣхомъ наружу; тѣло при этомъ большею частью остается обнаженнымъ. Кожа у нихъ грязнаго мѣдно-краснаго цвѣта.

Голова старика была украшена повязкой изъ бѣлыхъ перьевъ, которая частью скрывала его грубые, черные, свалявшіеся волосы. Лицо его было пересѣчено двумя широкими поперечными полосами; одна изъ нихъ, выкрашенная яркой красной краской, тянулась отъ одного уха до другого, захвативъ и верхнюю губу; другая полоса, бѣлая какъ мѣлъ, шла параллельно первой, но выше, такъ что даже вѣки были выкрашены въ бѣлый цвѣтъ. Другіе дикари были разукрашены черными полосами, наведенными угольнымъ порошкомъ. Всѣ они вообще очень походили на чертей, появляющихся на сценѣ въ такихъ представленіяхъ какъ Фрейшюцъ.

Держались они какъ-то подобострастно, а выраженіе ихъ лицъ дышало недовѣріемъ, изумленіемъ и страхомъ. Послѣ того какъ мы поднесли имъ ярко-красные платки, которые они тотчасъ надѣли себѣ на шеи, мы стали добрыми друзьями. Дружба выразилась тѣмъ, что старикъ хлопалъ насъ по груди и издавалъ звуки, напоминавшіе кудахтанье или

тѣ звуки, которыми люди сопровождаютъ кормленіе цыплятъ. Я прошелся со старикомъ, и это проявленіе дружелюбія повторилось нѣсколько разъ; закончилось оно тремя довольно крѣпкими ударами, полученными мною въ грудь и въ спину одновременно. Послѣ этого старикъ подставилъ мнѣ свою грудь для обратнаго подобнаго же привѣтствія. Онъ казался очень довольнымъ, когда я исполнилъ желанный обрядъ. Языкъ этого народа, съ нашей точки зрѣнія, едва ли заслуживаетъ названіе членораздѣльной рѣчи. Капитанъ Кукъ сравнивалъ говоръ этотъ съ тѣмъ, что происходитъ, когда человѣкъ полощетъ горло, но, конечно, европеецъ при полосканіи горла никогда не издаетъ столько хриплыхъ, горловыхъ и щелкающихъ звуковъ.

Туземцы Огненной Земли отличные мимики: стоило намъ кашлянуть, зѣвнуть или произвести какое-нибудь странное движеніе, какъ дикари тотчасъ перенимали сдѣланное нами. Нѣкоторые изъ нашего общества пробовали косить глазами или смотрѣть однимъ глазомъ, но одинъ молодой огнеземелецъ (у котораго лицо было исполосовано чернымъ, за исключеніемъ глазъ, поперекъ которыхъ была проведена бѣлая полоса) перещеголялъ нашихъ отвратительными гримасами. Они могли повторять за нами совершенно точно каждое слово, которое мы имъ говорили, и запоминали эти слова нѣкоторое время. Однако же мы, европейцы, знаемъ, насколько трудно бываетъ различить звуки словъ неизвѣстнаго нарѣчія. Кто изъ насъ, напримѣръ, сумѣлъ бы повторить фразу, состоящую не больше какъ изъ трехъ словъ, произнесенную американскимъ индѣйцемъ? Всѣ дикари, повидимому, обладаютъ въ высшей степени способностью подражанія. Мнѣ разсказывали почти то же самое о такой же смѣшной привычкѣ у кафровъ. Австралійцы тоже долго славились умѣніемъ подражать и представлять походку любого человѣка такъ, что его можно было сейчасъ узнать. Какъ объяснить эту способность? Не является ли она результатомъ болѣе обостренной чувственной воспріимчивости, присущей всѣмъ людямъ въ дикомъ состояніи, преимущественно передъ людьми давно цивилизованными?

Когда между нами прозвучала пѣсня, я думалъ, что дикари упадутъ отъ удивленія. Они выражали такое же изумленіе, глядя на наши танцы; но одинъ изъ молодыхъ людей, приглашенный на туръ вальса, не отказался отъ него. Какъ они ни казались мало знакомыми съ европейцами, однако наше огнестрѣльное оружіе было имъ извѣстно и вселяло въ нихъ страхъ; ничто не могло склонить ихъ взять ружье въ руки. Они просили дать имъ ножи, при чемъ называли ихъ испанскимъ словомъ «cichulla». Они объясняли это желаніе, кромѣ того, мимикой, представляя, какъ будто у нихъ во рту кусокъ ворвани, и они стараются его разрѣзать, а не разорвать.

Я еще не разсказывалъ о тѣхъ огнеземельцахъ, которые были у насъ на кораблѣ. Во время предшествующаго путешествія «Adventure» и «Бигль» въ 1826 и 1830 годахъ капитанъ Фицъ-Рой взялъ въ плѣнъ партію туземцевъ за то, что была украдена лодка къ великой опасности лицъ, занимавшихся съемкой мѣстности; плѣненныхъ туземцевъ, а также и ребенка, купленнаго капитаномъ за перламутровую пуговицу, онъ увезъ съ собою въ Англію, намѣреваясь дать имъ воспитаніе на свой счетъ и научить ихъ христіанской вѣрѣ. Капитанъ Фицъ-Рой главнымъ образомъ предпринялъ настоящее путешествіе съ цѣлью поселить этихъ туземцевъ въ родной странѣ и, прежде чѣмъ адмиралтейство рѣшило отправить сюда экспедицію, капитанъ великодушно нанялъ корабль на свои средства и хотѣлъ самъ увезти домой привезенныхъ имъ въ Англію

туземцевъ съ Огненной Земли. Ихъ сопровождалъ миссіонеръ Р. Матьюсъ; о немъ и о туземцахъ капитанъ Фицъ-Рой напечаталъ полный и превосходный отчетъ. Двое взрослыхъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ умеръ въ Англіи отъ натуральной оспы, одинъ мальчикъ и маленькая дѣвочка были первоначально вывезены въ Англію; теперь же на нашемъ кораблѣ находились: Іоркъ Минстеръ, Джемми Бёттонъ (имя это выражаетъ цѣну, за которую онъ былъ купленъ) и Фуэгія Баскетъ. Іоркъ Минстеръ былъ небольшого роста, тяжеловѣсный, могучій мужчина; нрава онъ былъ сдержаннаго, молчаливаго, угрюмаго и очень запальчиваго въ состояніи раздраженія; онъ сильно полюбилъ немногихъ людей на кораблѣ, съ которыми близко сошелся; умственныя способности его были хорошія. Джемми Бёттонъ сдѣлался всеобщимъ любимцемъ, но онъ тоже отличался вспыльчивымъ нравомъ, однако съ перваго же взгляда на его лицо можно было судить о его добродушіи. Это былъ веселый мальчикъ, который часто смѣялся, но онъ всегда сочувствовалъ всякому страдающему человѣку; въ бурную погоду мнѣ часто случалось слегка заболѣвать морской болѣзнью, тогда Джемми прибѣгалъ ко мнѣ и жалобнымъ голосомъ говорилъ: «Бѣдный, бѣдный малый!» Но ему, привыкшему къ жизнѣ на водѣ, казалось смѣшнымъ, что человѣкъ можетъ болѣть отъ моря; поэтому онъ отворачивался, желая скрыть невольную улыбку, и повторялъ: «бѣдный, бѣдный малый». Патріотизмъ былъ въ немъ сильно развитъ; онъ охотно хвалилъ свое племя и свою страну, о которой онъ справедливо говорилъ, что въ ней «много деревьевъ»; другія племена онъ всѣ бранилъ, а про свою родину увѣрялъ очень рѣшительно, что въ ней нѣтъ чорта. Джемми былъ малъ ростомъ, толстъ и неуклюжъ, но онъ очень чванился своей наружностью; носилъ постоянно перчатки, волосы имѣлъ аккуратно подстриженные и огорчался, если его хорошо вычищенные сапоги оказывались запачканными. Джемми имѣлъ пристрастіе глядѣться въ зеркало; одинъ индѣйскій мальчикъ съ веселымъ личикомъ, родомъ изъ Ріо-Негро, который уже нѣсколько мѣсяцевъ жилъ у насъ на кораблѣ, замѣтилъ слабость Джемми и сталъ надъ нимъ смѣяться. Джемми въ свою очередь ревниво относился къ мальчику за то вниманіе, которое всѣ на кораблѣ дарили маленькому индѣйцу, и говаривалъ съ презрительнымъ вздергиваніемъ головы: «Экій жаворонокъ!» Меня удивляетъ до сихъ поръ, когда я вспоминаю всѣ его хорошія качества и думаю о томъ, что онъ изъ того же племени жалкихъ и униженныхъ дикарей, которыхъ мы впервые встрѣтили здѣсь и съ которыми онъ, несомнѣнно, имѣлъ общія черты характера. Наконецъ, Фуэгія Баскетъ была милая, скромная, сдержанная молодая дѣвушка съ выраженіемъ лица большею частью пріятнымъ, хотя иногда и угрюмымъ; эта дѣвушка имѣла способность къ ученью, въ особенности къ языкамъ, что доказала, когда, оставшись на короткое время въ Ріо-де-Жанейро и Монте-Видео, научилась немножко говорить по-португальски и по-испански, а также пріобрѣла познанія въ англійскомъ языкѣ. Іоркъ Минстеръ ревновалъ къ ней за малѣйшее вниманіе, оказываемое ей, потому что ясно было его намѣреніе жениться на ней, какъ только они поселятся на берегу.

Хотя всѣ трое могли сами говорить по-англійски и понимали насъ, но было замѣчательно трудно добиться отъ нихъ свѣдѣній о нравахъ ихъ соотечественниковъ. Происходило это частію оттого, что они, повидимому, нелегко понимали самыя простыя вещи. Всякій знакомый съ маленькими дѣтьми знаетъ, какъ рѣдко можно отъ нихъ получить отвѣтъ даже на такой простой вопросъ, какъ бѣлъ ли или черенъ данный пред-

метъ; видно, что въ ихъ представленіи тотъ и другой цвѣтъ безпрестанно мѣняется. То же самое происходило и въ умахъ этихъ огнеземельцевъ, вслѣдствіе чего трудно было даже перекрестнымъ допросомъ выяснить, вѣрно ли мы понимали то, что они говорили. Зрѣніе у нихъ удивительно острое; извѣстно, что моряки отъ долгой практики привыкаютъ различать отдаленные предметы гораздо лучше, чѣмъ сухопутные жители; но Іоркъ и Джемми обладали зрѣніемъ несравненно болѣе острымъ, чѣмъ всѣ моряки на нашемъ кораблѣ. Они нѣсколько разъ называли какой-нибудь предметъ, неясный для остальныхъ, и когда смотрѣли въ телескопъ, то оказывалось, что они были совершенно правы. Они отлично сознавали свою силу въ этомъ отношеніи; Джемми, поспоривъ съ вахтеннымъ офицеромъ, нерѣдко говорилъ: «Джемми видѣлъ корабль, Джемми не сказалъ».

Любопытно было наблюдать обращеніе дикарей съ Джемми, когда мы вышли на берегъ,—они тотчасъ замѣтили разницу между имъ и нами и стали объ этомъ между собою много толковать.

Старикъ обратился къ Джемми съ длинной рѣчью, въ которой, кажется, приглашалъ его остаться жить съ ними. Но Джемми плохо понималъ ихъ языкъ и къ тому же вполнѣ устыдился своихъ соотечественниковъ. Когда Іоркъ Минстеръ вышелъ на берегъ, они приняли его такъ же и сказали, что онъ долженъ бы выбриться, хотя на его лицѣ едва ли было двадцать волосковъ, тогда какъ мы всѣ были съ небритыми бородами. Дикари разсматривали цвѣтъ его кожи и сравнивали ее съ нашей.

Увидавъ обнаженную руку одного изъ насъ, они выразили живѣйшее изумленіе и восхищались ея бѣлизной, точно такъ же какъ орангутангъ, видѣнный мною въ зоологическомъ саду. Намъ показалось, что они приняли за нашихъ дамъ двухъ или трехъ офицеровъ, пониже ростомъ и красивѣе другихъ, несмотря на то, что они были украшены бородами. Самый высокій изъ огнеземельцевъ остался, видимо, очень доволенъ тѣмъ, что замѣтили его ростъ. Когда его для сравненія поставили спиной къ спинѣ съ самымъ высокимъ изъ лодочной команды, онъ старался стать повыше и подняться на цыпочкахъ. Онъ открылъ ротъ, чтобы выставить свои зубы на показъ и поворачивалъ лицо профилемъ; все это онъ дѣлалъ съ такимъ удовольствіемъ, что онъ, я увѣренъ, считалъ себя за красивѣйшаго человѣка на Огненной Землѣ. Первое чувство изумленія смѣнилось у насъ чувствомъ комизма, которое вызывалось странной смѣсью удивленія и переимчивости, обнаруживаемой дикарями каждую минуту.

На слѣдующій день я попытался проникнуть внутрь страны. Огненную Землю можно изобразить въ видѣ гористой страны, частью погрузившейся въ море, такъ что тамъ, гдѣ должны бы существовать долины, находятся глубокіе проливы и бухты. Склоны горъ покрыты сплошнымъ лѣсомъ, начинающимся отъ самаго края воды и доходящимъ до вершины; исключеніе составляетъ открытый западный берегъ. Деревья поднимаются до высоты въ 1000 и 1500 футовъ, а за ними слѣдуетъ торфяная полоса съ мелкими альпійскими растеніями, послѣ которой начинается линія вѣчнаго снѣга, опускающаяся, по словамъ капитана Кинга, въ Магеллановомъ проливѣ до высоты отъ трехъ до четырехъ тысячъ футовъ. На всемъ протяженіи страны акръ ровной земли—большая рѣдкость. Припоминается мнѣ только маленькое плоское мѣстечко подлѣ Портъ-Фамина и еще одно мѣсто, нѣсколько бо́льшихъ размѣровъ, близъ Гёри-Родзъ. Въ обоихъ мѣстахъ, такъ же какъ и вездѣ, поверхность покрыта

толстымъ слоемъ болотистаго торфа. Даже въ глубинѣ лѣса почва скрыта подъ кучей медленно гніющихъ растительныхъ веществъ, которыя, будучи пропитаны водою, проваливаются подъ ногами.

Найдя почти безнадежной попытку пройти лѣсомъ, я отправился вдоль теченія одного горнаго потока. Сначала я едва могъ прокладывать себѣ дорогу между водопадами и множествомъ упавшихъ деревьевъ; но скоро русло потока стало свободнѣе вслѣдствіе того, что волны разлива расчистили берега. Я медленно подвигался впередъ въ продолженіе часа вдоль изрытыхъ и утесистыхъ береговъ. Величественная картина природы вполнѣ вознаградила меня за трудности пути. Мрачная глубина оврага хорошо подходила къ общему виду мѣстности, носившей вездѣ слѣды насильственныхъ переворотовъ. Всюду валялись неправильной формы каменныя глыбы и съ корнями вырытыя деревья; другія деревья стояли еще, но уже сгнили до сердцевины и, казалось, готовы были рухнуть. Перепутанная масса живыхъ и погибшихъ растеній напомнила мнѣ тропическіе лѣса, но все-таки между ними было большое различіе: въ здѣшнихъ безмолвныхъ какъ бы вымершихъ мѣстахъ царитъ духъ смерти, а не жизни. Я шелъ по теченію, пока не достигъ одного мѣста, гдѣ большой обвалъ проложилъ прямую дорогу по скату горы. По этой дорогѣ я поднялся на значительную высоту, и передо мною открылся прекрасный видъ на окружающіе лѣса. Всѣ деревья принадлежатъ къ одному виду—Fagus betuloides, потому что число другихъ сортовъ Fagus и Winterea совсѣмъ незначительно. Этотъ букъ сохраняетъ листья круглый годъ, но его листва отличается совсѣмъ особеннымъ буровато-зеленымъ оттѣнкомъ съ примѣсью желтизны. Такъ какъ весь ландшафтъ представляетъ такіе же тона, то онъ имѣетъ мрачный, пасмурный видъ, къ тому же его рѣдко оживляютъ солнечные лучи.

20 декабря. Одна сторона пристани образуется холмомъ около 1500 футовъ высоты; капитанъ Фицъ-Рой назвалъ его по имени сэра Дж. Бенкса, въ воспоминаніе его злосчастной экспедиціи, стоившей жизни двумъ людямъ изъ его партіи и едва не погубившей доктора Соландера. Снѣжная вьюга, которая была причиной несчастія, случилась въ половинѣ января, соотвѣтствующаго нашему іюлю, а мѣсто происшествія находится подъ одной широтой съ Дургэмомъ. Мнѣ очень хотѣлось дойти до вершины этой горы, чтобы набрать альпійскихъ растеній, потому что внизу встрѣчается очень мало какихъ бы то ни было цвѣтовъ. Какъ вчера, мы пошли вдоль теченія того же потока, пока онъ не исчезъ; тогда намъ пришлось идти наудачу, пробираясь между деревьями, которыя были низки, толсты и искривлены, вслѣдствіе высокаго положенія и сильныхъ вѣтровъ. Наконецъ, мы дошли до того мѣста, которое издали представлялось намъ красивымъ зеленымъ лугомъ, но вблизи оказалось, къ нашему огорченію, сплошной массой маленькихъ буковыхъ деревьевъ, не выше четырехъ, пяти футовъ. Они густо засѣли одно подлѣ другого, какъ букусы въ садовыхъ изгородяхъ, и мы должны были съ трудомъ подвигаться впередъ по гладкой, но обманчивой поверхности, пока, наконецъ, не добрались до торфа, а затѣмъ до шифернаго обнаженнаго утеса.

Въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія находился другой холмъ болѣе высокій, такъ что на вершинѣ его лежалъ мѣстами снѣгъ; оба холма соединялись отрогомъ между собою. Время было еще не позднее, поэтому я рѣшилъ отправиться къ другому холму и собирать по дорогѣ растенія. Совершить этотъ переходъ было бы очень затруднительно, если бъ гуанако не пробили прямой тропинки: эти животныя, такъ же какъ и овцы, всегда идутъ по одной и той же дорогѣ. Когда мы достигли другой

горы, то она оказалась самой высокой во всей ближайшей окрестности, и воды текли отсюда въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Передъ нами открылся широкій видъ на окружающую мѣстность; къ сѣверу тянулось болото, но съ южной стороны развертывалась дикая, великолѣпная картина, вполнѣ подходящая къ Огненной Землѣ. Было что-то таинственно-величественное въ этихъ горахъ, громоздившихся одна позади другой, съ глубокими долинами, лежавшими между ними и покрытыми сплошнымъ густымъ, мрачнымъ лѣсомъ. Даже атмосфера здѣсь кажется темнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, вслѣдствіе непрерывныхъ вѣтровъ съ дождями, градомъ и мокрымъ снѣгомъ. Въ Магелановомъ проливѣ, если смотрѣть прямо къ югу отъ Портъ-Фамина, отдаленные узкіе проливы между горами кажутся по своей мрачности безконечными, точно будто они ведутъ куда-то за предѣлы этого міра.

21 декабря. «Бигль» снялся съ якоря и на другой день, благодаря легкому восточному, крайне благопріятному вѣтру, мы обошли Барневельты и, проплывъ мимо мыса Обмана съ его каменистыми пиками, мы обогнули около трехъ часовъ обуреваемый непогодой мысъ Горнъ. Вечеръ выдался тихій и ясный, и мы наслаждались прекраснымъ видомъ окружающихъ острововъ. Но мысъ Горнъ потребовалъ своей дани, и до наступленія ночи наслалъ на насъ сильный порывъ вѣтра. Мы пошли дальше, а на другой день опять направились къ берегу; тогда съ навѣтренной стороны мы увидали этотъ знаменитый мысъ въ его обычномъ видѣ, окутаннымъ туманомъ, обуреваемымъ вѣтромъ, обдаваемымъ волнами. Большія, черныя тучи заволакивали небо, и шквалы съ дождемъ и градомъ проносились мимо насъ съ такой силой, что капитанъ рѣшился войти въ бухту Вигвамъ. Это—уютная маленькая гавань недалеко отъ мыса Горна. Здѣсь наканунѣ Рождества мы бросили якорь въ тихой водѣ. О бурѣ, бушевавшей за предѣлами нашей стоянки, мы только тогда вспоминали, когда отъ времени до времени съ горъ налеталъ порывъ вѣтра, заставлявшій корабль вздрагивать на якоряхъ.

25 декабря. Совсѣмъ близко отъ бухты возвышается на 1700 футовъ остроконечный холмъ, который называется Пикомъ Катера. Всѣ окружающіе острова состоятъ изъ коническихъ массъ діоритовой породы; къ нимъ присоединяются мѣстами холмы менѣе правильной формы, состоящіе изъ метаморфозированной сланцеватой глины. Эту часть Огненной Земли можно разсматривать какъ окраину затопленной цѣпи горъ, о которыхъ мы уже упоминали. Названіе «Вигвамъ» дано бухтѣ оттого, что около нея было нѣсколько жилищъ огнеземельцевъ; но точно такъ же могли бы называться всѣ окрестные заливы. Жители питаются преимущественно моллюсками, а потому они должны постоянно мѣнять свое мѣстожительство; но они по временамъ возвращаются къ старымъ мѣстамъ, о чемъ можно судить по кучамъ раковинъ, достигающимъ иногда нѣсколькихъ тоннъ вѣса. Эти груды можно признать издали по ярко-зеленому цвѣту извѣстныхъ растеній, неизмѣнно разводящихся на нихъ. Въ числѣ этихъ растеній находятся дикій сельдерей и цинготная трава, два очень полезныхъ растенія, пригодность которыхъ туземцы еще не открыли.

Вигвамъ огнеземельца походитъ объемомъ и размѣрами на копну сѣна. Онъ состоитъ только изъ немногихъ сучьевъ, воткнутыхъ въ землю и очень плохо покрытыхъ съ одной стороны нѣсколькими пучками травы и тростника. Постройка такого шалаша не требуетъ и часа времени, и служитъ онъ только на нѣсколько дней.

Въ Гёри-Рудѣ я видѣлъ вигвамъ, въ которомъ ночевалъ одинъ изъ этихъ

Буря.

голыхъ дикарей, и надо сказать, что это жилище не представляло большей защиты отъ непогоды, чѣмъ заячье логово. Видно было, что этотъ туземецъ жилъ отдѣльно отъ другихъ, въ уединеніи и Іоркъ Минстеръ выразился о немъ такъ: «дурной человѣкъ»,—вѣрно онъ укралъ что-нибудь. Впрочемъ, на западномъ берегу вигвамы бываютъ лучше устроены, они покрываются тюленьими шкурами. Насъ здѣсь задержала на нѣсколько дней дурная погода. Климатъ здѣшній прескверный: лѣтнее солнцестояніе уже прошло, и тѣмъ не менѣе снѣгъ выпадалъ ежедневно въ горахъ, а въ долинахъ шли дожди вперемежку съ мокрымъ снѣгомъ. Ртуть въ термометрѣ обыкновенно стояла на 45°, ночью же опускалась до 38° или 40°. Климатъ представлялся намъ еще хуже, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе постоянной непогоды, сырости и тучъ, не освѣщаемыхъ ни единымъ лучомъ солнца.

Приблизившись разъ къ берегу около острова Уоллостона, мы поравнялись съ лодкой, въ которой находились шесть огнеземцевъ. Видъ у нихъ былъ такой жалкій и пришибленный, какого я еще ни встрѣчалъ ни у кого. На восточномъ берегу, какъ было сказано, туземцы носятъ плащи изъ шкуръ гуанако, а на западномъ они одѣваются въ тюленьи шкуры. У центральныхъ племенъ, мужчины обыкновенно бываютъ прикрыты шкурой выдры или другихъ какимъ-нибудь лоскутомъ, не больше носового платка, едва достаточнымъ для прикрытія спины около поясницы. Тряпка эта привязана черезъ грудь веревками и, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ, передвигается изъ стороны въ сторону. Эти же огнеземельцы въ лодкѣ были совершенно раздѣты и взрослая женщина, сидѣвшая среди нихъ, была тоже голая. Шелъ сильный дождь; потоки его вмѣстѣ съ морскими брызгами струились по ея тѣлу. Въ другой близкой бухтѣ мы видѣли женщину, кормившую грудью новорожденнаго младенца, которая подошла къ кораблю и долго стояла, изъ простого любопытства, въ то время, какъ мокрый снѣгъ падалъ на ея обнаженную грудь и на малютку и таялъ на нихъ! Несчастные дикари въ лодкѣ были малы ростомъ; отвратительныя лица ихъ вымазаны бѣлой краской; кожа грязная и сальная, волосы всклокоченные; голоса отличались нестройностью, а движенія—необузданностью. Глядя на подобныя существа, трудно вѣрится, что они тоже люди, жители одного съ нами міра. Часто люди задаются вопросомъ, какое удовольствіе въ жизни находятъ нѣкоторыя низшія животныя, но тотъ же вопросъ съ большимъ основаніемъ можетъ относиться къ этимъ дикарямъ. Ночью пять-шесть человѣческихъ существъ, голыхъ и едва защищенныхъ отъ вѣтра и дождя въ этомъ бурномъ климатѣ, спятъ на мокрой землѣ, свернувшись наподобіе звѣрей! Въ часы отлива, зимой и лѣтомъ, днемъ и ночью они должны идти къ скаламъ собирать себѣ моллюсковъ на пропитаніе; а женщины или ныряютъ, чтобы достать морскихъ ежей, или терпѣливо сидятъ въ своихъ лодкахъ и ловятъ маленькихъ рыбокъ на волосяныя удочки съ приманкой, но безъ крючка. Если удается убить тюленя или найти плывущій, разложившійся трупъ кита, то это уже праздникъ, и къ такой ужасной пищѣ присоединяется немного безвкусныхъ ягодъ и грибовъ. Часто дикари страдаютъ отъ голода; я слышалъ отъ г. Лоу, тюленьяго промышленника, хорошо знающаго здѣшнихъ туземцевъ, любопытный разсказъ о положеніи, въ которомъ находилась партія человѣкъ въ полтораста на западномъ берегу,—люди эти, чрезвычайно исхудавшіе, испытывали большую нужду. Непрерывные порывы вѣтра препятствовали женщинамъ собирать раковины по утесамъ; по этой же причинѣ онѣ не могли выѣхать въ своихъ лодкахъ на ловлю тюленей. Однажды ут-

ромъ небольшая партія этихъ людей отправилась, какъ говорили господину Лоу остальные индѣйцы, въ четырехдневное путешествіе для добычи пищи. Лоу вышелъ къ нимъ навстрѣчу, послѣ ихъ возвращенія и нашелъ ихъ крайне изнуренными; каждый изъ нихъ несъ большой квадратный кусокъ разложившагося китоваго сала, съ отверстіемъ посерединѣ, сквозь которое они продѣли свои головы, какъ дѣлаютъ гаучосы со своими пончо или плащами. Какъ только сало было внесено въ вигвамъ, одинъ старикъ отрѣзалъ отъ него тонкіе ломтики и, пробормотавъ что-то надъ ними, поджарилъ ихъ немного на огнѣ, послѣ чего роздалъ ихъ истомленнымъ и голоднымъ людямъ, принесшимъ сало и все время стоявшимъ въ глубокомъ молчаніи. Г. Лоу думаетъ, что, когда бываетъ выброшенъ на берегъ трупъ кита, туземцы зарываютъ части его въ песокъ про запасъ на время голодовки; туземный мальчикъ, бывшій съ нимъ на кораблѣ, разъ нашелъ такую провизію на берегу въ пескѣ. Разныя племена во время междоусобной войны становятся людоѣдами. Изъ согласныхъ, хотя совершенно независимыхъ показаній мальчика, взятаго господиномъ Лоу, и Джемми Беттона дѣйствительно явствуетъ, что зимою, когда голодъ донимаетъ людей, они убиваютъ и пожираютъ сперва своихъ старухъ, а потомъ уже собакъ; на вопросъ г. Лоу, почему они такъ поступаютъ, мальчикъ отвѣчалъ: «собаки ловятъ выдръ, старухи—нѣтъ». Мальчикъ этотъ разсказывалъ, что старыхъ женщинъ убиваютъ, держа ихъ надъ дымомъ, отчего онѣ задыхаются. Онъ въ шутку представлялъ, какъ онѣ кричатъ, и передавалъ, какія части ихъ тѣлъ считаются наиболѣе съѣдобными. Какъ ни ужасна должна быть такая смерть, причиненная друзьями и родными, но страхъ этихъ жалкихъ старухъ передъ голодной смертью представляется еще болѣе мучительнымъ. Намъ разсказывали, что онѣ бѣгутъ въ горы отъ казни, но мужчины преслѣдуютъ ихъ и возвращаютъ на мѣсто бойни у собственныхъ очаговъ!

Капитану Фицъ-Рой не удалось добиться точныхъ свѣдѣній о томъ, имѣютъ ли огнеземельцы какое-нибудь опредѣленное вѣрованіе въ будущую жизнь. Своихъ покойниковъ они иногда зарываютъ въ пещерахъ, а иногда прячутъ ихъ въ нагорныхъ лѣсахъ; какими обрядами сопровождается погребеніе, мы не знаемъ. Джемми Беттонъ не хотѣлъ ѣсть сухопутныхъ птицъ, потому что «онѣ ѣдятъ мертвыхъ людей». Дикари эти даже неохотно говорятъ о своихъ умершихъ друзьяхъ. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы они совершали какое-нибудь богослуженіе, хотя, можетъ быть, слова, которыя бормоталъ старикъ передъ раздачей ломтей сала замореннымъ людямъ, и представляли молитвенный обрядъ. Въ каждомъ родѣ или племени есть свой колдунъ или знахарь, должность котораго намъ не удалось точно выяснить. Джемми вѣрилъ въ сны, но, какъ я уже сказалъ, не вѣрилъ въ чорта. Я думаю, что наши огнеземельцы не были болѣе суевѣрны, чѣмъ нѣкоторые изъ матросовъ, потому что одинъ старый штурманъ твердо вѣрилъ, будто часто повторявшіяся сильные вѣтры, встрѣтившіе насъ по ту сторону мыса Горна, были слѣдствіемъ присутствія на кораблѣ огнеземельцевъ. То, что я разъ услыхалъ отъ Іорка Минстера, по-моему, ближе всего подходило къ религіозному чувству. Увидавъ, что г. Байно застрѣлилъ нѣсколько молодыхъ утятъ, Іоркъ торжественно произнесъ: «О, мистеръ Байно! много дождя, снѣга, вѣтра!» Онъ очевидно имѣлъ въ виду наказаніе, которое послѣдуетъ за уничтоженіе человѣческой пищи. Онъ разсказывалъ также въ сильно возбужденномъ тонѣ о томъ, какъ его братъ, возвращаясь однажды къ берегу, гдѣ онъ оставилъ мертвыхъ птицъ, замѣтилъ нѣсколько перьевъ, носимыхъ вѣтромъ. Тогда братъ его сказалъ (Іоркъ

подражалъ манерѣ брата): „Что это?“ Съ этими словами онъ подползъ къ краю скалы, взглянулъ внизъ и увидалъ „дикаго человѣка, подбиравшаго его птицъ“. Подвинувшись еще ближе, онъ бросилъ тяжелый камень въ „дикаго человѣка“ и убилъ его. Іоркъ увѣрялъ, что долго послѣ того бушевали бури съ дождемъ и снѣгомъ. Насколько намъ удалось понять его, онъ кажется, смотрѣлъ на самыя стихіи какъ на мстительныхъ дѣятелей; изъ этого можно заключить, какъ естественно переходятъ народы нѣсколько болѣе развитые къ олицетворенію стихій. Что собственно означало выраженіе «дикій дурной человѣкъ» осталось для меня очень загадочнымъ. Изъ того, что Іоркъ сказалъ про того человѣка, который спалъ въ мѣстѣ, похожемъ на заячье логово, я могъ предположить, что выраженіе это относится къ ворамъ, изгнаннымъ изъ своего племени, но другія довольно темныя рѣчи заставили меня усомниться въ этомъ значеніи. Иногда мнѣ приходило въ голову, что подъ названіемъ „дикаго человѣка“ подразумѣвался съумасшедшій человѣкъ.

Различныя племена не имѣютъ правителей или начальниковъ; въ то же время каждое племя живетъ, окруженное враждебными племенами, говорящими на различныхъ нарѣчіяхъ и отдѣленными другъ отъ друга только необитаемой полосой земли или нейтральной территоріей. Причиной къ войнѣ служитъ, повидимому, борьба за средства къ существованію. Страна ихъ представляетъ безпорядочную массу дикихъ утесовъ, высокихъ холмовъ и безконечныхъ лѣсовъ. И все это окутано туманами и обуреваемо нескончаемыми вѣтрами, жить можно только между камнями на берегу; въ поискахъ за пищей люди принуждены все время кочевать съ мѣста на мѣсто, а берега такъ круты, что они не могутъ передвигаться иначе какъ въ своихъ жалкихъ лодкахъ. Имъ не можетъ быть знакомо чувство своего очага; еще менѣе извѣстна имъ семейная любовь, потому что мужъ относится къ своей женѣ, какъ грубый хозяинъ къ рабочему рабу. Было ли когда-нибудь содѣяно злодѣяніе хуже того, свидѣтелемъ котораго былъ Байронъ на западномъ берегу? Онъ видѣлъ, какъ несчастная мать подняла окровавленнаго умирающаго малютку-сына, только что безжалостно разбитаго о камни отцомъ за то, что онъ уронилъ корзину съ морскими ежами! Какъ мало здѣсь простора для упражненія высшихъ человѣческихъ способностей; что можетъ будить воображеніе, вызывать силу размышленія и обобщенія, заставлять разсудокъ дѣлать выводы? Чтобы отколоть раковину отъ утеса не надо располагать даже хитростью, этой низшей способностію ума. Ловкость этихъ дикарей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть уподоблена животному инстинкту; она не совершенствуется опытомъ. Лодка, самое искусное произведеніе ихъ, какъ она ни плоха, осталась все въ томъ же первоначальномъ видѣ со временъ Дрэка, въ продолженіе послѣднихъ двухсотъ пятидесяти лѣтъ.

Разсматривая этихъ дикарей, спрашиваешь себя, откуда они? Что могло соблазнить, или какая перемѣна могла заставить цѣлое племя людей покинуть прекрасныя сѣверныя страны, спуститься внизъ по Кордильерамъ, этому спинному хребту Америки, изобрѣсть и построить лодки, какихъ не употребляютъ жители Чили, Перу и Бразиліи, и потомъ поселиться въ одной изъ самыхъ негостепріимныхъ странъ въ мірѣ? Хотя всякія размышленія такого рода должны вначалѣ навязываться уму, но можно быть увѣреннымъ, что они частью ошибочны. Нѣтъ основанія предполагать, что огнеземельцы уменьшаются въ числѣ; слѣдовательно мы должны думать, что они пользуются своей долей благополучія, каково бы оно ни было, и находятъ жизнь достаточно для себя цѣнной. При-

рода, сдѣлавъ привычку всесильной и упрочивъ за ней наслѣдственность, приспособила огнеземельцевъ къ климату и произведеніямъ ихъ печальной страны.

Послѣ того какъ дурная погода задержала насъ на шесть дней въ бухтѣ Вигвамъ, мы вышли въ море 30 декабря. Капитанъ Фицъ-Рой хотѣлъ направиться къ западному берегу, чтобы высадить Іорка и Фуэгію на ихъ родную землю. Въ морѣ насъ преслѣдовала постоянная вьюга и теченіе было противъ насъ; насъ отнесло до 57°23′ ю. ш. 11 января 1833 года, поднявъ всѣ паруса, мы очутились въ нѣсколькихъ миляхъ отъ большой скалистой горы Іоркъ Минстеръ (названной такъ капитаномъ Кукомъ и давшей свое имя старшему огнеземельцу), какъ вдругъ налетѣлъ сильнѣйшій шквалъ, принудившій насъ убавить парусовъ и уйти опять въ море. Бурунъ страшно билъ о берегъ и брызги взлетали надъ скалой, которая, говорятъ, имѣла 200 футовъ въ вышину. 12-го бушевала сильная буря, и мы не знали съ точностію, гдѣ мы находимся: непріятно раздавались то и дѣло слова: «слѣди хорошенько съ подвѣтренной стороны». 13-го буря усилилась и неистово ревѣла, ничего не было видно кругомъ, кромѣ брызгъ, носившихся въ воздухѣ. Море имѣло зловѣщій видъ; оно было похоже на унылую волнующуюся равнину съ полосами нанесеннаго снѣга. Между тѣмъ какъ корабль работалъ съ трудомъ, альбатросъ, распустивъ крылья, плавно летѣлъ по вѣтру. Около полудня надъ нами пронеслась огромная волна, наполнившая одинъ изъ вельботовъ, который надо было немедленно отрѣзать. Бѣдный «Бигль» весь задрожалъ отъ удара и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не слушался руля, но вскорѣ однако нашъ добрый корабль справился и опять пошелъ по вѣтру. Еслибы за первой волной послѣдовала вторая, наша участь была бы скоро рѣшена и навсегда. Прошло двадцать четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ мы напрасно старались достигнуть западнаго берега; люди выбились изъ силъ и въ теченіе многихъ дней и ночей не имѣли сухой вещи на себѣ. Капитанъ Фицъ-Рой отказался отъ намѣренія подойти къ западной сторонѣ съ открытаго берега. Вечеромъ мы зашли за ложный мысъ Горнъ и бросили якорь на глубинѣ 47 саженей; искры засверкали изъ брашпиля, когда цѣпь побѣжала вокругъ него. Какъ хороша была тихая ночь послѣ того, какъ мы такъ долго жили среди оглушающаго шума враждующихъ стихій!

15 января 1833 г. «Бигль» бросилъ якорь въ Гёри-Рудѣ. Такъ какъ капитанъ Фицъ-Рой, исполняя желаніе огнеземельцевъ, рѣшилъ оставить ихъ въ проливѣ Понсонбай, то снарядили четыре лодки для переправы ихъ черезъ каналъ Бигль. Каналъ этотъ былъ открытъ капитаномъ Фицъ-Роемъ во время его послѣдняго путешествія и представляетъ очень характеристичную черту въ географіи не только этой, но и всякой другой страны: его можно сравнить съ долиной Лохнеса въ Шотландіи съ ея вереницей озеръ и заливовъ. Длина канала занимаетъ 120 милль, а средняя, мало измѣняющаяся, ширина равняется приблизительно двумъ милямъ. Окаймленный съ обѣихъ сторонъ линіей горъ, онъ почти на всемъ своемъ протяженіи до того прямъ, что постепенно исчезаетъ изъ вида въ большомъ отдаленіи. Протекаетъ онъ въ южной части Огненной Земли, направляясь отъ востока къ западу, а на серединѣ въ него впадаетъ подъ прямымъ угломъ съ южной стороны извилистый каналъ, названный проливомъ Понсонбай. Здѣсь обитаетъ племя и семья Джемми Бёттона.

19 января. Три вельбота и яликъ съ 28 пассажирами выѣхали подъ командой капитана Фицъ-Роя. Послѣ полудня мы вошли въ восточное

устье канала, и вскорѣ затѣмъ открыли уютный заливчикъ, притаившійся за окружающими его маленькими островками. Здѣсь мы раскинули наши палатки и зажгли костры. Нельзя себѣ представить картины болѣе пріятной и спокойной. Зеркальная поверхность воды въ маленькой гавани, съ древесными вѣтвями, нависшими надъ ней со скалистаго берега, лодки, стоящія на якорѣ, палатки, укрѣпленныя на скрещенныхъ веслахъ, дымокъ, поднимающійся надъ лѣсистой долиной,—вся эта картина была проникнута мирнымъ уединеніемъ. На слѣдующій день (20) мы двинулись впередъ со всей нашей флотиліей и, скользя по гладкой водной поверхности, добрались до населеннаго мѣста. Изъ туземцевъ только развѣ немногіе видали когда-нибудь бѣлого человѣка; трудно себѣ представить, какое удивленіе произвело среди нихъ появленіе четырехъ лодокъ. Вездѣ зажглись огни (отсюда и названіе Огненной Земли), чтобы возбудить наше вниманіе, а также для того, чтобы во всѣ стороны передать новость. Нѣкоторые дикари бѣжали нѣсколько миль вдоль берега. Я никогда не забуду дикаго, необычайнаго вида одной группы: четыре или пять человѣкъ внезапно появились на краю выступающей скалы; они были совершенно голы, съ длинными волосами, падавшими на лицо; въ рукахъ они держали сучковатыя палки и, подпрыгивая на мѣстѣ, размахивали палками надъ головами, издавая самые отвратительные крики.

Въ обѣденное время мы сошли на берегъ и очутились посреди цѣлой партіи огнеземельцевъ. Сначала они не желали выразить намъ дружелюбнаго пріема; пока капитанъ не причалилъ во главѣ другихъ лодокъ, они не выпускали пращей изъ рукъ. Но мы однако скоро доставили имъ большое удовольствіе, предложивъ въ подарокъ разныя бездѣлушки, какъ, напримѣръ, красныя тесьмы для повязокъ на головы. Имъ понравились наши сухари; но одинъ изъ дикарей потрогалъ пальцемъ мясные консервы въ жестянкѣ, изъ которой я ѣлъ; почувствовавъ, что говядина мягкая и холодная, онъ выразилъ такое же отвращеніе, какое я могъ бы испытать, если бъ прикоснулся къ гнилой ворвани. Джемми совсѣмъ устыдился своихъ соотечественниковъ и объявилъ намъ, что его племя совсѣмъ другое, въ чемъ онъ горько ошибался. Легко было доставить удовольствіе этимъ дикарямъ, но въ одинаковой мѣрѣ трудно было удовлетворить ихъ. Молодые и старые, взрослые и дѣти не переставали твердить одно слово: «яммерскунэръ», что значило «дай мнѣ». Они указывали на всѣ предметы, даже на пуговицы нашихъ сюртуковъ и произносили при этомъ любимое слово на всевозможные голоса, пока, наконецъ, не стали повторять его безъ всякаго опредѣленнаго значенія и безсмысленно твердили одно и то же: «яммерскунэръ». Если они яммерскунэрничали о чемъ-нибудь очень настойчиво, то съ наивною хитростію указывали при этомъ на своихъ молодыхъ женъ или маленькихъ дѣтей, какъ будто желая сказать: «если вы не дадите мнѣ, то ужъ навѣрное дадите такимъ, какъ они».

Мы тщетно искали ночью ненаселенную бухту и, наконецъ, были принуждены расположиться недалеко отъ партіи туземцевъ. Они не выражали вражды къ намъ, пока ихъ было немного, но утромъ (21-го), когда къ нимъ присоединились другіе дикари, они стали проявлять недружелюбныя намѣренія, и мы даже думали, что дѣло дойдетъ до драки. Европеецъ, въ сношеніяхъ съ такими дикарями, не имѣющими никакого понятія о силѣ огнестрѣльнаго оружія, попадаетъ въ крайне неблагопріятныя условія. Въ ту самую минуту, какъ онъ прицѣливается изъ ружья, дикарю онъ представляется много ниже человѣка, воору-

женнаго лукомъ и стрѣлами, копьемъ или даже пращею; трудно разубѣдить его и доказать ему превосходство европейца иначе какъ нанеся ему смертельный ударъ. Какъ дикія животныя, они не думаютъ о сравнительной численности; каждый отдѣльный человѣкъ вмѣсто того, чтобы отступать, когда на него наступаютъ, постарается раздробить вамъ черепъ камнемъ точно такъ же, какъ тигръ въ подобномъ случаѣ бросится, чтобы растерзать васъ. Капитанъ Фицъ-Рой хотѣлъ однажды, имѣя на то основательныя причины, спугнуть небольшую партію дикарей; сначала онъ замахнулся на нихъ тесакомъ, на что вся партія только разсмѣялась; послѣ этого онъ два раза выстрѣлилъ изъ пистолета совсѣмъ близко отъ одного туземца. Человѣкъ этотъ оба раза выразилъ удивленіе и быстро, но осторожно потеръ себѣ голову; потомъ онъ вытаращилъ глаза и сталъ что-то болтать своимъ товарищамъ, но не выказывалъ никакого желанія убѣжать. Намъ трудно перенести себя на мѣсто этихъ дикарей и понять ихъ дѣйствія. Тому огнеземельцу, мимо котораго капитанъ стрѣлялъ, не могло придти въ голову, чтобы надъ его ухомъ могъ раздаться такой оглушительный звукъ какъ ружейный выстрѣлъ. Въ первую секунду онъ буквально не умѣлъ различить, былъ ли это звукъ или ударъ; поэтому естественно, что онъ потеръ себѣ голову. Точно такъ же дикарь при видѣ отверстія, пробитаго пулей, не скоро пойметъ, какимъ образомъ это произошло,—вѣдь мысль его не способна вникнуть въ такое явленіе какъ невидимость предмета, происходящая отъ быстроты его движенія. Кромѣ того, чрезмѣрная сила пули, проникающей въ твердое вещество, не разрывая его, можетъ показаться дикарю доказательствомъ недостаточной силы. Я увѣренъ, что многіе изъ низшихъ дикарей, какъ, напримѣръ, огнеземельцы, видали предметы, пробитые пулями, и даже мелкихъ животныхъ, убитыхъ выстрѣлами изъ ружей, и все-таки они ни мало не отдавали себѣ отчета въ убійственной силѣ огнестрѣльнаго оружія.

22 января. Проведя спокойную ночь на нейтральной территоріи между племенемъ Джемми и видѣнными вчера дикарями, мы продолжали весело плыть дальше. Нѣтъ, по-моему, болѣе убѣдительнаго доказательства, насколько враждебно относятся другъ къ другу различныя племена, какъ эти обширныя незаселенныя полосы земли между ними. Хотя Джемми Бёттонъ отлично зналъ силу нашей партіи, онъ сначала не соглашался высадиться среди враждебнаго племени, ближайшаго къ его собственному. Онъ часто намъ разсказывалъ, что дикіе люди энсъ (Oens) переходятъ, «когда листъ красный», черезъ горы съ восточнаго берега Огненной Земли и дѣлаютъ нападенія на туземцевъ этой части страны. Любопытно было наблюдать его во время такихъ разсказовъ и смотрѣть, какъ загорались у него глазя и все лицо принимало новое для него, дикое выраженіе. По мѣрѣ того какъ мы подвигались вдоль канала Бигль, природа становилась необычно и крайне величавой; но впечатлѣніе отъ нея сильно уменьшалось тѣмъ обстоятельствомъ, что съ лодокъ мы имѣли очень низкую точку зрѣнія и, сверхъ того, намъ приходилось смотрѣть вдоль долины, при чемъ пропадала вся красота вида на ряды вершинъ. Горы въ этомъ мѣстѣ имѣли около трехъ тысячъ футовъ вышины и оканчивались острыми зубчатыми вершинами. Онѣ поднимались непрерывной цѣпью отъ самаго края воды и до высоты 1400, 1500 футовъ были покрыты темнымъ лѣсомъ. Было крайне любопытно наблюдать, насколько видитъ глазъ, какъ ровна и вполнѣ горизонтальна линія, обозначавшая предѣлъ растительности на склонахъ горъ; она совсѣмъ походила на линію высшихъ приливовъ, которая от-

мѣчается водорослями, наносимыми на морскомъ берегу. Мы провели ночь близъ сліянія пролива Понсонбай съ каналомъ Бигль. Небольшое семейство огнеземельцевъ, жившихъ въ бухтѣ, оказалось вполнѣ миролюбивымъ, и дикари вскорѣ подсѣли къ нашему костру. Несмотря на то, что мы сидѣли ближе къ пылающему огню и были тепло одѣты, намъ вовсе не было жарко; они же, хотя и нагіе и притомъ дальше насъ сидѣвшіе отъ костра, были, къ нашему удивленію, мокры отъ испарины. Впрочемъ, видъ они имѣли вполнѣ довольный, и всѣ они приняли участіе въ пѣсняхъ матросовъ, только смѣшно было слушать, какъ они все время отставали. За ночь разнеслась вѣсть о насъ и рано утромъ (23-го) къ намъ прибыла новая партія дикарей изъ Джемминова племени Текеника. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали такъ быстро, что кровь шла у нихъ носомъ, а у рта образовалась пѣна отъ скорости ихъ говора; къ этому прибавлялись черныя, красныя и бѣлыя [1]) полосы, которыми были вымазаны ихъ тѣла, такъ что получалось общее впечатлѣніе какихъ-то бѣсноватыхъ послѣ драки.

Мы двинулись (сопровождаемые двѣнадцатью лодками съ четырьмя или пятью человѣками въ каждой лодкѣ) во проливу Пасонбай къ тому мѣсту, гдѣ бѣдный Джемми надѣялся найти свою мать и родню. Онъ уже зналъ о смерти отца, но онъ мало принялъ къ сердцу это извѣстіе, такъ какъ «онъ имѣлъ сонъ въ головѣ» относительно него; онъ то и дѣло утѣшался весьма естественнымъ размышленіемъ—«Мой это нѣтъ поможетъ». Онъ не могъ узнать никакихъ подробностей о смерти отца, такъ какъ родственники не хотѣли объ этомъ говорить.

Джемми находился теперь въ хорошо ему извѣстной мѣстности и направлялъ лодки къ хорошенькой тихой бухтѣ, называемой Уллайа; бухта эта окружена островками, изъ которыхъ каждый, а также и всякое здѣшнее мѣстечко имѣютъ свое туземное названіе. Въ Уллайа мы нашли семью изъ племени Джемми, но родни его здѣсь не было; мы подружились съ этимъ семействомъ, и вечеромъ была послана лодка, чтобы извѣстить мать и братьевъ Джемми. Кругомъ бухты было нѣсколько акровъ хорошей покатой земли, не покрытой (какъ въ другихъ мѣстахъ) ни торфомъ, ни лѣсомъ. Какъ я уже говорилъ, капитанъ Фицъ-Рой сначала хотѣлъ отсвзти Іорка Минстера и Фуэгію къ ихъ родному племени на западномъ берегу, но такъ какъ они выразили желаніе остаться здѣсь и такъ какъ мѣсто было крайне благопріятное для жатвы, то капитанъ Фицъ-Рой рѣшился поселить здѣсь всю нашу партію огнеземельцевъ, включая и миссіонера Матьюса. Мы употребили пять дней на постройку для нихъ трехъ большихъ вигвамовъ, на выгрузку ихъ имущества, на распашку двухъ садовъ и на засѣяніе ихъ.

На другой день послѣ нашего прибытія (24-го) огнеземельцы начали стекаться къ намъ, пріѣхали мать и братья Джемми. Джемми еще съ большого разстоянія призналъ громкій голосъ одного изъ своихъ братьевъ.

[1]) Это вещество въ сухомъ видѣ довольно плотно и незначительнагонаго удѣльнаго вѣса; проф. Эренбергъ изслѣдовалъ его. Онъ говоритъ (Koenigl. Akad. der Wissen. Berlin, Feb. 1845), что оно состоитъ изъ инфузорій, включая сюда 14 Polygastrica и 4 Phytolitaria. По его словамъ, всѣ онѣ прѣсноводныя. Это—прекрасный примѣръ результатовъ, получаемыхъ отъ микроскопическихъ изслѣдованій проф. Эренберга, потому что Джемми Бёттонъ говорилъ мнѣ, что это вещество всегда собирается со дна горныхъ ручьевъ. Кромѣ того, мы имѣемъ тутъ поразительный фактъ относительно географическаго распредѣленія инфузорій, занимающихъ, какъ извѣстно, большія пространства; всѣ виды въ этомъ веществѣ, хотя и занесены съ крайней южной оконечности Огненной Земли, суть старыя, знакомыя формы.

Встрѣча между родственниками вышла не интереснѣе, чѣмъ встрѣча лошади, выпущенной въ поле, со своимъ старшимъ товарищемъ.

Выраженій любви при этомъ не было никакихъ, они только пристально посмотрѣли другъ на друга, послѣ чего мать тотчасъ пошла убирать лодку. Мы однако слышали отъ Іорка, что горе матери было неутѣшно послѣ потери Джемми, что она его вездѣ искала, думая, что, можетъ быть, его гдѣ-нибудь оставили послѣ того, какъ онъ былъ увезенъ въ лодкѣ. Женщины были очень добры и внимательны къ Фуэгіи. Джемми, какъ было сказано, почти забылъ свой родной языкъ. Думаю, что трудно было бы найти другое человѣческое существо съ такимъ малымъ запасомъ словъ, какъ Джемми, такъ какъ по-англійски онъ говорилъ очень плохо. И смѣшно, и жалко было слушать его англійскій разговоръ съ дикимъ братомъ, послѣ чего онъ вдругъ спросилъ у него по-испански «no sabe», т.-е. понимаетъ ли онъ его.

Все шло мирно въ продолженіе слѣдующихъ трехъ дней, пока строили вигвамы и копали сады. Мы насчитали туземцевъ приблизительно сто двадцать человѣкъ. Женщины сильно трудились, между тѣмъ какъ мужчины цѣлый день ничего не дѣлали и проводили время въ разглядываніи насъ. Они просили все, что имъ попадалось на глаза, и крали все, что могли. Наши танцы и пѣсни приводили ихъ въ восторгъ; они смотрѣли съ величайшимъ интересомъ на то, какъ мы умывались въ сосѣднемъ ручьѣ; на все остальное, даже на наши лодки, они не обращали большого вниманія. Изъ всего, что Іоркъ замѣтилъ послѣ того, какъ онъ покинулъ свою родину, ничего, кажется, не удивило его больше страуса подлѣ Мальдонадо. Задыхаясь отъ волненія, онъ подбѣжалъ къ господину Байно, съ которымъ онъ вышелъ на прогулку, и воскликнулъ: «О, о, Байно! О! Птица-лошадь». Какъ ни удивляла туземцевъ наша бѣлая кожа, но, по словамъ г. Лоу, изумленіе ихъ было еще сильнѣе при видѣ негра-повара на тюленебойномъ суднѣ; бѣднаго малаго такъ затолкали и оглушили криками, что онъ потомъ не выходилъ больше на берегъ. Мы жили до того тихо и мирно среди огнеземельцевъ, что нѣкоторые офицеры совершали длинныя прогулки по окрестнымъ холмамъ и лѣсамъ, и я ходилъ съ ними. 27-го однако внезапно исчезли всѣ женщины и дѣти.

Это обстоятельство, котораго ни Іоркъ, ни Джемми не могли себѣ объяснить, встревожило насъ. Нѣкоторые думали, что они испугались, когда мы наканунѣ вечеромъ чистили ружья и стрѣляли; другіе предполагали, что причиной была обида, нанесенная одному старшему дикарю, который, услыхавъ приказъ держаться подальше отъ насъ, хладнокровно плюнулъ въ лицо часовому и потомъ показалъ очень понятными жестами надъ спящимъ огнеземельцемъ, что онъ охотно зарѣзалъ бы и съѣлъ кого-нибудь изъ насъ. Капитанъ Фицъ-Рой, во избѣжаніе столкновенія, которое могло бы оказаться гибельнымъ для многихъ изъ огнеземельцевъ, счелъ болѣе благоразумнымъ отойти съ нами на ночлегъ къ бухтѣ, отстоявшей отсюда на нѣсколько миль. Матьюсъ съ своей обычной спокойной твердостью (особенно замѣчательной въ человѣкѣ, повидимому, не надѣленномъ большой энергіей характера), рѣшился остаться съ нашими огнеземельцами, не выказывавшими опасеній за себя самихъ. Итакъ, мы оставили ихъ встрѣчать свою первую опасную ночь.

Вернувшись къ нимъ на слѣдующее утро (28-го), мы были очень обрадованы тѣмъ, что нашли все въ полномъ мирѣ и спокойствіи; мужчины занимались на лодкахъ багреніемъ рыбы. Капитанъ Фицъ-Рой рѣшилъ отправить назадъ къ нашему кораблю яликъ и одинъ вельботъ,

а съ двумя другими (при чемъ взялъ подъ свою команду одну лодку, въ которой прелюбезно позволилъ мнѣ сопровождать его, другую же лодку предоставилъ командѣ г. Гиммонда) отправиться на осмотръ западной части канала Бигль, послѣ чего на обратномъ пути снова заѣхать къ нашимъ огнеземельцамъ. День, къ удивленію, выдался невыносимо жаркій, такъ что кожа у насъ совершенно загорѣла; при такой чудной погодѣ картина мѣстности съ середины канала Бигль была очень замѣчательна. Ничто не заграждало вида на этотъ длинный каналъ, уходившій вдаль среди двухъ горныхъ стѣнъ. Огромные киты [1]), плескавшіеся на немъ въ нѣсколькимъ мѣстахъ, ясно доказывали, что этотъ каналъ—рукавъ моря. Я видѣлъ въ одномъ мѣстѣ двухъ такихъ чудовищъ, вѣроятно самца и самку. медленно плывшихъ другъ за другомъ, недалеко отъ берега, надъ которымъ буковыя деревья простирали свои вѣтви.

Мы двигались впередъ до наступленія темноты и тогда раскинули наши палатки въ тихомъ заливчикѣ. Большою роскошью было для насъ ложе изъ сухого и рыхлаго гравія, въ который тѣло уходило. Торфяной грунтъ сыръ; камень неровенъ и жестокъ, песокъ попадаетъ въ мясо, когда его готовятъ и ѣдятъ по-походному; но, лежа въ нашихъ мѣшкообразныхъ одѣялахъ на хорошемъ слоѣ гладкаго гравія, мы очень покойно провели ночь.

На мою очередь выпало сторожить до часу ночи. Есть что-то особенно торжественное въ этой обстановкѣ. Никогда не сознаешь такъ живо, въ какой отдаленный уголокъ земли тебя занесла судьба. Все способствуетъ этому настроенію; тишина ночи нарушается только храпѣніемъ матросовъ подъ палатками и отъ времени до времени крикомъ ночной птицы. Отдаленный вой собаки напоминаетъ, что находишься въ землѣ дикарей.

29 января. Рано утромъ мы достигли того мѣста, гдѣ каналъ Бигль раздѣляется на два рукава, и вошли въ сѣверный рукавъ. Здѣсь видъ мѣстности становится еще величественнѣе. Высокія горы на сѣверной сторонѣ образуютъ гранитную ось или хребетъ страны и круто подымаются до высоты въ три и четыре тысячи футовъ съ одной вершиной, достигающей болѣе шести тысячъ футовъ. Горы эти покрыты широкой скатертью вѣчнаго снѣга, и многочисленные водопады несутъ сквозь чащу лѣсовъ свои воды въ узкій каналъ. Во многихъ мѣстахъ великолѣпные ледники простираются по склонамъ горъ до края воды. Почти невозможно представить себѣ что-либо прекраснѣе берилловаго голубого цвѣта этихъ ледниковъ, особенно въ противоположность съ мертвенной бѣлизной верхняго снѣжнаго пространства. Обломки, падающіе съ ледниковъ въ воду, уносятся далѣе, и каналъ съ плывущими ледяными горами представлялъ на протяженіи мили миніатюрное подобіе полярнаго океана. Когда лодки пристали къ берегу на время нашего обѣда, мы могли наслаждаться видомъ вертикальной ледяной скалы, возвышавшейся въ разстояніи полумили отъ насъ, и намъ очень хотѣлось, чтобы еще свалилось нѣсколько обломковъ. Наконецъ, огромная ледяная глыба скатилась въ воду, и тотчасъ образовалась гладкая линія надвигающейся на насъ волны. Люди поспѣшили къ лодкамъ, потому что ясно было, что онѣ могутъ быть разбиты въ щепки. Одинъ изъ матросовъ успѣлъ схватить носовую часть лодки въ самую минуту, какъ налетѣла бушующая

[1]) Однажды напротивъ восточнаго берега Огненной Земли мы увидѣли великолѣпное зрѣлище: нѣсколько кашалотовъ выскакивали вверхъ изъ воды до самыхъ хвостовыхъ плавниковъ. Падая на бокъ они высоко подымали брызги, а звукъ, производимый ихъ паденіемъ, походилъ на отдаленный залпъ.

волна. Матросъ былъ нѣсколько разъ сбитъ съ ногъ, но не ушибленъ; лодки хотя то же, три раза приподнятыя вверхъ и снова брошенныя внизъ, не потерпѣли никакого поврежденія. Это было крайне счастливо для насъ, потому что мы находились отъ нашего корабля миль за сто и остались бы безъ всякой провизіи и безъ огнестрѣльнаго оружія. Раньше я замѣтилъ, что нѣкоторыя большія скалы на берегу были недавно сдвинуты съ мѣста, но до того, какъ я увидалъ эту волну, мнѣ непонятна была причина такого передвиженія. Одна сторона бухты представляетъ откосъ изъ слюдянаго сланца; верхній конецъ его состоитъ изъ ледяной скалы въ сорокъ футовъ вышины; другая сторона бухты кончается мысомъ, возвышающимся на 50 футовъ; мысъ этотъ образовался изъ огромныхъ круглыхъ глыбъ гранита и слюдяного сланца, среди которыхъ росли старыя деревья; онъ былъ очевидно мореной, нагроможденной въ тотъ періодъ, когда ледникъ имѣлъ большіе размѣры.

Достигнувъ западнаго устья этой сѣверной вѣтви канала Бигль, мы проходили между многими неизвѣстными пустынными островами, и погода стояла очень плохая. Мы не встрѣчали туземцевъ. Берегъ былъ такъ крутъ, что намъ приходилось проплывать многія мили, прежде чѣмъ мы находили ровную площадку достаточно просторную для нашихъ двухъ палатокъ. Одну ночь мы спали на большихъ круглыхъ валунахъ съ гніющими водорослями между ними, а когда начался приливъ, мы должны были встать и перенести на другое мѣсто наши мѣшкообразныя одѣяла. Самый отдаленный западный пунктъ, до котораго мы добрались,— Стюартовы острова, отстояли на 150 миль отъ нашего корабля. Мы вернулись въ каналъ Бигль южнымъ рукавомъ и оттуда продолжали нашъ путь безъ всякихъ приключеній до пролива Понсонбай.

6 февраля. Мы пріѣхали въ Уллайа (Woollya). Матьюсъ такъ плохо отозвался объ обращеніи огнеземельцевъ съ нимъ что капитанъ Фицъ-Рой рѣшилъ увезти его назадъ на корабль; впослѣдствіи Матьюсъ остался въ Новой Зеландіи, гдѣ братъ его былъ миссіонеромъ. Со времени нашего отъѣзда между поселенцами Уллайа началась система правильнаго грабежа; постоянно прибывали новыя партіи туземцевъ; у Іорка и Джемми пропало много вещей а у Матьюса исчезло рѣшительно все, кромѣ того, что было зарыто въ землю, Всѣ предметы, какъ оказывалось, были раздираемы туземцами, дѣлившими ихъ между собою. Матьюсъ говорилъ, что ему было очень тяжело и трудно исполнять непрерывную сторожевую службу; днемъ и ночью его окружали туземцы, не переставшіе шумѣть надъ нимъ, чтобы утомить его. Однажды онъ попросилъ старика туземца выдти изъ его вигвама; но тотъ вскорѣ вернулся, неся большой камень въ рукѣ; въ другой разъ къ нему пришла цѣлая партія, вооруженная каменьями и палками; нѣкоторые молодые парни и братъ Джемми плакали при этомъ; Матьюсъ обратился къ пришедшимъ. съ подарками. Другая кучка дикарей показывала знаками, что хочетъ снять одежду съ Матьюса и вырвать у него всѣ волоса. Я думаю, что мы поспѣли во время, чтобы спасти его жизнь. Родственники Джемми имѣли глупость и тщеславіе показать чужимъ дикарямъ все, что они награбили и разсказали, какъ они совершили грабежъ. Грустно было оставлять нашихъ трехъ огнеземельцевъ среди ихъ дикихъ соотечественниковъ, но мы утѣшались тѣмъ, что они сами не имѣли опасеній. Іоркъ, сильный и рѣшительный человѣкъ, конечно могъ разсчитывать спокойно прожить со своей женой Фуэгіей. Бѣдный Джемми, тотъ смотрѣлъ уныло и, безъ сомнѣнія, съ радостію уѣхалъ бы съ нами обратно. Собственный братъ похитилъ у него много вещей, на что Джемми сказалъ: «Что жъ

это такое? Скажите,» онъ бранилъ своихъ соотечественниковъ: «Все люди дурные, ничего не понимаютъ (no sabe)». И хотя я никогда прежде не слыхалъ отъ него дурного слова, на этотъ разъ онъ кончилъ бранью: «Проклятые дураки!» Наши три огнеземельца не смотря на то, что жили съ образованными людьми только три года, охотно сохранили бы новыя привычки, которыя они пріобрѣли, но очевидно это было невозможно. Боюсь что путешествіе едва ли принесло имъ какую-нибудь пользу.

Вечеромъ, захвативъ съ собой Матьюса, мы отправились въ обратное плаваніе не черезъ каналъ Бигль, но мимо южнаго берега. Лодки были тяжело нагружены, и погода стояла бурная, такъ что нашъ переѣздъ оказался довольно опаснымъ. Къ вечеру 7-го мы были уже на нашемъ кораблѣ, пробывъ въ отсутствіи двадцать дней. За это время мы проплыли триста миль въ открытыхъ лодкахъ. 11-го капитанъ Фицъ-Рой одинъ навѣстилъ нашихъ огнеземельцевъ и нашелъ ихъ благополучно живущими; вещей у нихъ съ тѣхъ поръ пропало немного.

Въ послѣдній день февраля слѣдующаго, 1834, года «Бигль» бросилъ якорь въ прелестной бухточкѣ у восточнаго входа въ каналъ Бигль. Капитанъ Фицъ-Рей рѣшился идти противъ западнаго вѣтра, слѣдуя по тому же пути, по которому онъ ѣздилъ на лодкахъ къ населенію Уллайа и рѣшимость его увѣнчалась успѣхомъ. Мы видѣли мало туземныхъ жителей до пролива Понсонбай, но тутъ за нами послѣдовали отъ десяти до двѣнадцати лодокъ. Дикари не понимали зачѣмъ мы лавируемъ и, вмѣсто того, чтобы подходить къ намъ во время каждаго галса, тщетно пытались идти вслѣдъ за нами. Меня забавляло сознаніе разницы во взглядѣ моемъ на туземцевъ теперь и тогда, когда я находился въ маленькой лодкѣ. Чувствуя превосходство надъ ними, я смотрѣлъ на нихъ съ интересомъ, тогда какъ, будучи въ лодкѣ, я просто возненавидѣлъ звукъ ихъ голосовъ, потому что тогда они сильно насъ тревожили. Только и слышно бывало одно слово: «яммерскунеръ». Когда мы заходили въ тихую бухту и, и оглядываясь кругомъ, намѣчали себѣ спокойный ночлегъ, изъ-за темнаго угла раздавалось ненавистное словечко: «яммерскунеръ», послѣ чего поднималась надъ лѣсомъ струйка дыма, оповѣщавшая всю окрестность о нашемъ прибытіи. Покидая какое-нибудь мѣсто мы говорили другъ другу: «слава Богу, мы, наконецъ, избавились отъ этихъ негодяевъ», но въ ту же минуту доносился издали тотъ же крикъ, но ослабленный разстояніемъ—«яммерскунеръ». Теперь, находясь на большомъ кораблѣ, я готовъ былъ радоваться на какое-угодно количество огнеземцевъ: чѣмъ больше, тѣмъ лучше; намъ всѣмъ было очень весело. И мы, и дикари смѣялись, удивлялись, глазѣли другъ на друга. Мы жалѣли ихъ за то, что они платили намъ хорошей рыбой и морскими раками за тряпки; они же ликовали, что судьба послала имъ такихъ глупыхъ людей, которые мѣняли чудныя украшенія на вкусный ужинъ. Весело было видѣть улыбку радости на выкрашенномъ въ черное лицѣ молодой женщины, когда она тростникомъ привязала на голову полоски краснаго сукна. Ея мужъ, имѣвшій по общему здѣсь обычаю двухъ женъ, сталъ очевидно завидовать молодой женѣ за вниманіе, оказанное ей, и потолковавъ со своими нагими красавицами, былъ ими увезенъ.

Нѣкоторые огнеземельцы ясно доказали намъ, что имѣли вѣрное представленіе о мѣновой торговлѣ. Одному изъ нихъ я подарилъ большой гвоздь (очень цѣнный подарокъ здѣсь) и при этомъ ничего не просилъ себѣ, но онъ немедленно выбралъ двѣ рыбы и поднесъ ихъ мнѣ на концѣ своего копія. Если что-нибудь предназначалось въ даръ одной лодкѣ и эта вещь нечаянно падала около другой лодки, ее тотчасъ передавали по назна-

ченію. Мальчикъ съ огненной земли, бывшій на кораблѣ у г. Лоу, сильно разсердился, когда назвали его лжецомъ, доказавъ этимъ, что онъ понялъ въ чемъ его упрекнули и въ чемъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ виноватъ. На этотъ разъ, какъ и прежде, мы очень удивлялись тому, что дикари не знаютъ и не замѣчаютъ многихъ предметовъ, польза которыхъ должна быть имъ очевидна. То, что у насъ есть красивое красное сукно или голубые бусы, отсутствіе между нами женщинъ и наше тщательное умываніе возбуждали ихъ восторгъ гораздо сильнѣе, чѣмъ видъ такого величественнаго и сложнаго предмета, какъ нашъ корабль. Бугенвиль справедливо говоритъ объ этихъ племенахъ: «ils traitent les chefs d'oeuvres de l'industrie humaine, comme ils traitent les loix de la nature et ses phénoménes».

5-го марта мы бросили якорь въ бухтѣ Уллайи, но не видали тамъ ни одной души. Это обстоятельство встревожило насъ, потому что туземцы около пролива Понсонбай знаками дали намъ понять, что здѣсь произошло сраженіе, и мы потомъ узнали, что былъ сдѣланъ набѣгъ со стороны страшныхъ Энсовъ. Мы увидѣли вскорѣ лодку съ небольшимъ флагомъ подъѣзжающую къ намъ; одинъ изъ дикарей, сидѣвшихъ въ ней, смывалъ краску съ лица. Человѣкъ этотъ оказался бѣднымъ Джемми, который превратился за это время въ худого замореннаго дикаря, съ длинными растрепанными волосами и совсѣмъ нагого, за исключеніемъ куска одѣяла, которымъ была прикрыта поясница. Мы его не узнали до тѣхъ поръ, пока онъ не подъѣхалъ къ намъ совсѣмъ близко. Онъ видимо стыдился самого себя и обращался къ намъ спиною. Мы оставили его толстымъ, чистымъ, хорошо одѣтымъ. Никогда я не видалъ такой полной и грустной перемѣны. Когда же мы его одѣли и первое смущеніе его исчезло, дѣло приняло болѣе благопріятный оборотъ. Онъ обѣдалъ у капитана Фицъ-Роя и кушалъ такъ же опрятно, какъ бывало. Онъ сказалъ намъ, что у него слишкомъ много (то-есть довольно) пищи, что онъ не чувствуетъ холода, что родные его хорошіе люди и что онъ не желаетъ возвращаться въ Англію; вечеромъ, когда появилась молодая и миловидная жена Джемми, для насъ выяснилась причина перемѣны, совершившейся въ чувствахъ Джемми. Съ своимъ обычнымъ добрымъ расположеніемъ онъ привезъ двѣ великолѣпныя выдровыя шкуры для двухъ своихъ лучшихъ друзей, а также нѣсколько гарпуновъ и стрѣлъ собственнаго издѣлія для капитана. Онъ разсказалъ намъ, что самъ построилъ себѣ лодку и хвасталъ тѣмъ, что можетъ немного говорить на родномъ нарѣчіи. Но чрезвычайно странно то, что онъ, какъ кажется, научилъ все свое племя немного говорить по-англійски. Такъ одинъ старикъ вдругъ доложилъ о прибытіи «Zemmy Button's wife» (жены Джемми Беттонъ). Джемми потерялъ все, что имѣлъ. Онъ разсказалъ намъ, что Іоркъ Минстеръ построилъ большую лодку и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ уѣхалъ съ женою, Фуегіей [1]), на свою родину; на прощаніе онъ совершилъ крайне низкій поступокъ: уговорилъ Джемми и его мать отправиться вмѣстѣ съ нимъ, а по дорогѣ, воспользовавшись ночью, бросилъ своихъ спутниковъ и укралъ рѣшительно все ихъ имущество.

Джемми пошелъ спать на берегъ, а поутру возвратился къ намъ и

[1]) Капитанъ Сёливанъ, который послѣ своего путешествія на „Биглѣ", занимался съемкой Фальклавдскихъ острововъ, слышалъ отъ одного тюленепромышленника (въ 1842 г. ?), что въ бытность свою въ западной части Магелланова пролива, онъ былъ удивленъ, услыхавъ одну туземную женщину, пришедшую на его корабль, которая могла немного объясняться по-англійски. Безъ сомнѣнія, это была Фуэгія Баскетъ. Она жила (боюсь, что это выраженіе—двусмысленно) нѣсколько дней на кораблѣ.

оставался на палубѣ, пока корабль не снялся съ якоря; жена его была очень этимъ перепугана и неистово кричала все время, пока онъ не пересѣлъ въ свою лодку. Онъ возвратился отъ насъ нагруженный цѣнными вещами. На кораблѣ всѣ рѣшительно съ сердечнымъ сожалѣніемъ пожали его руку въ послѣдній разъ. Я теперь не сомнѣваюсь, что онъ будетъ столь же счастливъ, а, можетъ быть, еще счастливѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бъ онъ никогда не разставался со своей родиной. Всякій долженъ искренно надѣяться, что великодушное желаніе капитана Фицъ-Роя исполнится и что онъ получитъ награду за самоотверженныя поступки свои по отношенію къ этимъ огнеземельцамъ въ томъ смыслѣ, что какой-нибудь матросъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе, найдетъ защиту въ лицѣ потомковъ Джемми Бёттона и его племени; когда Джемми достигъ берега, онъ зажегъ сигнальный огонь; взвился дымокъ, и въ немъ мы прочли послѣднее прости надолго, въ то время какъ нашъ корабль направлялся въ открытое море.

Полное равенство, существующее между людьми, принадлежащими къ племенамъ огнеземельцевъ, должно на долгое время задержать распространеніе между ними образованности. То же, что мы видимъ между животными, относится и къ человѣческимъ племенамъ: животныя, которыхъ инстинктъ побуждаетъ жить обществами и повиноваться начальнику, всего болѣе способны совершенствоваться. Будемъ ли мы въ этомъ видѣть причину или слѣдствіе, но наиболѣе развитыя людскія сообщества всегда имѣютъ наиболѣе искусственное правленіе. Такъ, напримѣръ, жители Отаити, которые при открытіи острова управлялись наслѣдственными королями, достигли гораздо высшей степени культуры, нежели другая вѣтвь того же народа, новозеландцы, бывшіе республиканцами въ самомъ абсолютномъ значеніи этого слова, несмотря на то, что получали выгоду отъ того, что ихъ принуждали заниматься земледѣліемъ. Врядъ ли можно ожидать усовершенствованія политическаго состоянія Огненной Земли, пока не найдется тамъ вождя достаточно сильнаго, чтобы упрочить за собой какое-либо пріобрѣтенное имущество, какъ, напр., ручныхъ животныхъ. Въ настоящее время даже кусокъ сукна, данный одному человѣку, немедленно рвется на лоскуты и раздается всѣмъ; такимъ образомъ ни одинъ человѣкъ не становится богаче другого. Съ другой стороны трудно представить себѣ, какимъ образомъ возвысится вождь, если у него не будетъ какого-нибудь имущества, которымъ онъ бы могъ заявить свое превосходство и увеличить свою власть.

Я думаю, что въ этой крайней части Южной Америки человѣкъ стоитъ на низшей ступени развитія сравнительно со всѣми другими странами земного шара. Южно-океанскіе островитяне двухъ племенъ, обитающихъ въ Тихомъ океанѣ, болѣе развиты. Эскимосы въ своихъ подземныхъ лачугахъ, пользуются нѣкоторыми удобствами жизни обнаруживаютъ много искусства въ своихъ байдарахъ, когда онѣ вполнѣ снаряжены.

Нѣкоторыя племена Южной Африки, бродящія въ поискахъ за кореньями и укрывающіяся по дикимъ и безплоднымъ равнинамъ, представляютъ собою довольно жалкіе экземпляры людей. Австраліецъ простотою своего домашняго обихода ближе всего подходитъ къ огнеземельцу; но онъ все-таки можетъ похвастаться передъ нимъ своимъ бумерангомъ, своими копьями и дротиками, умѣніемъ лазать по деревьямъ выслѣживать звѣря и охотиться на него. Хотя австраліецъ и обладаетъ нѣкоторымъ превосходствомъ надъ огнеземельцемъ въ своей изобрѣтательности, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ стоялъ выше

по умственнымъ способностямъ; скажу даже, что по тому что наблюдалъ самъ надъ огнеземельцами, бывшими у насъ на кораблѣ, и по тому что читалъ объ австралійцахъ, я склоненъ думать совершенно обратное.

ГЛАВА XI.

Магелланов проливъ. Климатъ южныхъ береговъ.

Магелланов проливъ.—Портъ Фаминъ.—Восхожденіе на гору Тарнъ.—Лѣса.—Съѣдобный грибъ.—Фауна.—Большая водоросль.—Отъѣздъ съ Огненной Земли.—Климатъ.—Фруктовыя деревья и произведенія южныхъ береговъ.—Высота снѣговой линіи на Кордильерахъ.—Паденіе ледниковъ въ море.—Образованіе ледяныхъ горъ.—Перенесеніе валуновъ.—Климатъ и произведенія антарктическихъ острововъ.—Сохраненіе труповъ въ мерзломъ состояніи.—Общій обзоръ.

Въ концѣ мая 1834 года мы вторично вошли въ восточное устье Магелланова пролива. По обѣ стороны этой части пролива разстилаются сплошныя почти гладкія равины, такія же какъ въ Патагоніи. Мысъ Негро, находящійся внутри второго узкаго протока, въ самомъ его началѣ, можетъ считаться пунктомъ, начиная откуда страна пріобрѣтаетъ характерныя черты, свойственныя Огненной Землѣ. На восточномъ берегу, къ югу отъ пролива, тянется съ перерывами лѣсъ, похожій на паркъ, который соединяетъ эти двѣ мѣстности, въ общемъ совсѣмъ другъ другу противоположныя. Удивительно до чего мѣняется ландшафтъ на разстояніи какихъ-нибудь двадцати миль. Если же мы возьмемъ большее разстояніе, какъ, напр., разстояніе отъ Портъ-Фаминъ до залива Грегори, то-есть около шестидесяти миль, то разница въ картинѣ природы будетъ еще болѣе удивительная. Въ первой изъ названныхъ мѣстностей мы видимъ закругленныя горы, скрытыя непроходимыми лѣсами, которые постоянно орошаются дождями, напосимыми нескончаемыми бурями, между тѣмъ какъ подлѣ мыса Грегори свѣтлое голубое небо сіяетъ надъ сухими, безплодными равнинами. Атмосферическія теченія[1]) хотя онѣ бурны и стремительны и, повидимому, не имѣютъ границъ, однако слѣдуютъ по опредѣленному направленію, такъ же какъ рѣки текутъ въ своемъ направленіи.

Во время нашего перваго посѣщенія (въ январѣ) мы видѣли у мыса Грегори знаменитыхъ такъ называемыхъ гигантскихъ патагонцевъ, оказавшихъ намъ радушный пріемъ. Ихъ ростъ кажется больше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, отъ пространныхъ плащей изъ шкуръ гуанако, отъ развѣвающихся длинныхъ волосъ и отъ общаго мощнаго склада. Въ среднемъ ихъ ростъ равняется шести футамъ, при чемъ встрѣчаются люди выше, но только немногія исключенія бываютъ ниже этой нормы; женщины также высоки ростомъ; вообще говоря, эти патагонцы представляютъ самое высокое племя изъ всѣхъ нами видѣнныхъ. Чертами лица они были поразительно похожи на болѣе сѣверныхъ индѣйцевъ, которыхъ я видѣлъ на службѣ у генерала Розаса, но эти имѣли болѣе дикій и су-

[1]) Юго-западные бризы вообще очень сухи. 29 января мы стояли на якорѣ у мыса Грегори. Дулъ очень крѣпкій вѣтеръ WS; небо было чисто съ изрѣдка набѣгающими облаками; температура воздуха 57°, точка росы 36°, разность 21°. Января 15-го въ портѣ Санъ-Хуманъ утромъ легкій вѣтеръ съ обильнымъ дождемъ перешелъ въ бурю, нагнавшую тучи. Потомъ прояснилось и подулъ сильный вѣтеръ SSW при температурѣ въ 60°, точкѣ росы 42°, разности—18°.

ровый видъ. Лица у нихъ были выкрашены въ красный и черный цвѣтъ, а у одного изъ нихъ по лицу были наведены бѣлыя полосы и пятна, какъ у огнеземельцевъ. Капитанъ Фицъ-Рой предложилъ взять троихъ изъ нихъ на корабль, и тогда всѣ захотѣли быть въ числѣ этихъ троихъ. Мы долго отгоняли толпу отъ лодки, и когда, наконецъ, привезли на корабль своихъ трехъ гигантовъ, капитанъ посадилъ ихъ обѣдать съ собою. Они вели себя какъ настоящіе джентльмены; употребляли вилки, ножи и ложки. Сахаръ понравился имъ больше всего. Это племя имѣло столько сношеній съ китоловами и тюленьими промышленниками, что они могли немного объясняться по-англійски и по-испански. Цивилизація коснулась ихъ наполовину, а въ равной степени и развращенность.

На слѣдующее утро многіе изъ насъ сошли на берегъ, чтобы пріобрѣсти мѣновымъ способомъ шкуры и страусовыя перья; такъ какъ въ огнестрѣльномъ оружіи было отказано, то самый большой спросъ оказался на табакъ; его требовали несравненно больше чѣмъ топоры и другіе инструменты.

Все населеніе тольдосъ, мужчины, женщины и дѣти расположились на берегу. Картина была превеселая и невозможно было не полюбить этихъ, такъ называемыхъ, великановъ, до того они были добродушны и довѣрчивы; они звали насъ опять къ себѣ. Повидимому, они хорошо относятся къ европейцамъ и любятъ, чтобы они жили съ ними; одна старая туземка, по имени Марія, женщина вліятельная среди своего племени, однажды просила г. Лоу оставить на берегу кого-нибудь изъ его матросовъ. Большую часть года они проводятъ здѣсь; но лѣтомъ охотятся у подошвы Кордильеровъ; иногда они заходятъ даже до Ріо-Негро, за 750 миль на сѣверъ. Лошадей у нихъ большое количество; у каждаго человѣка, по словамъ г. Лоу, отъ шести до семи штукъ, и даже женщины и дѣти имѣютъ по лошади на человѣка. Во времена Сарміенто (1580) эти индѣйцы употребляли луки и стрѣлы, теперь уже давно заброшенные; и тогда у нихъ было небольшое число лошадей; любопытный фактъ, показывающій необычайно быстрое размноженіе лошадиной породы въ южной Америкѣ. Лошади были впервые ввезены въ Буэносъ-Айресъ въ 1537 г.; послѣ этого поселеніе на время опустѣло и лошади одичали [1]), въ 1580 г., только сорокъ три года спустя, онѣ уже встрѣчаются у Магелланова пролива! Я слышалъ отъ г. Лоу, что сосѣднее племя пѣшихъ индѣйцевъ въ настоящее время превращается въ конныхъ: племя, живущее у залива Грегори, отдаетъ имъ своихъ старыхъ лошадей, а зимой они посылаютъ къ нимъ своихъ лучшихъ охотниковъ, для поимки дикихъ лошадей.

1 іюня. Мы бросили якорь въ красивой бухтѣ Портъ-Фамина. Начиналась зима; видъ окрестностей былъ самый унылый; тусклые лѣса съ разбросаннымъ тамъ и сямъ бѣлыми полосами снѣга, едва виднѣлись сквозь туманный моросящій воздухъ. На наше счастіе, однако, выпало два прекрасныхъ дня. Въ одинъ изъ этихъ ясныхъ дней, далекая гора Сарміенто, имѣющая 6800 ф. высоты, представляла величественное зрѣлище. Меня часто удивляло въ ландшафтахъ Огненной Земли, что горы, на самомъ дѣлѣ высокія, не производятъ впечатлѣнія такой высоты. Я полагаю, что причина, которая съ перваго раза не приходитъ на умъ,— заключается въ томъ, что масса горъ отъ вершины до края воды обыкновенно бываетъ вся на виду. Помню какъ въ каналѣ Бигль я увидалъ именно такую, вполнѣ открытую глазу отъ вершины до подошвы, гору,

[1] Renge, Natur. der Saügethiere von Paraguay. S. 334.

а потомъ, въ проливѣ Понсонбай, она же представлялась мнѣ изъ-за вереницы другихъ горныхъ хребтовъ и, странно было видѣть, насколько гора эта показалась выше, благодаря тому, что каждый рядъ возвышенностей давалъ новое усиленное впечатлѣніе разстоянія, а по мѣрѣ увеличенія разстоянія, вырастала гора на заднемъ планѣ.

Не доѣзжая Портъ-Фамина, мы увидали двухъ людей, бѣжавшихъ по берегу и дѣлавшихъ знаки нашему кораблю. За ними выслали лодку. Эти люди оказались матросами, сбѣжавшими съ тюленебойнаго корабля и приставшими къ патагонцамъ. Индѣйцы эти оказали матросамъ свое обычное безкорыстное гостепріимство. Случай разлучилъ ихъ, вслѣдствіе чего матросы направились къ Портъ-Фамину, въ надеждѣ застать какой-нибудь корабль. Я увѣренъ, что это были вполнѣ недостойные бродяги, но видъ у нихъ былъ ужасно жалкій. Они питались въ продолженіе нѣсколькихъ дней ракушками и ягодами, а ихъ изодранное платье прогорѣло мѣстами отъ того, что они спали очень близко къ огню, который разводили на ночь. Дни и ночи имъ пришлось проводить безъ всякаго пристанища, вынося непрерывныя бури послѣднихъ дней, и тѣмъ не менѣе они были вполнѣ здоровы.

Во время нашей стоянки въ Портъ-Фаминѣ, къ намъ два раза являлись огнеземельцы и очень надоѣдали намъ. Такъ какъ на берегу было много инструментовъ, платья и людей, то сочли нужнымъ спугнуть дикарей. Сначала, когда они были еще далеко отъ насъ, сдѣлано было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Смѣшно было наблюдать въ зрительную трубку, какъ дикари, всякій разъ, что выстрѣлъ ударялъ по водѣ, вооружались каменьями и смѣло бросали ихъ въ корабль, отстоявшій на полторы мили отъ нихъ! Потомъ отправили туда лодку съ приказаніемъ дать мимо ихъ нѣсколько выстрѣловъ изъ мушкетовъ. Огнеземельцы спрятались за деревья и на каждый ружейный залпъ отвѣчали стрѣлами, которыя однако не достигали лодки, такъ что нашъ офицеръ разсмѣялся, указывая на нихъ. Это окончательно вывело изъ себя огнеземельцевъ, и они стали потрясать своими плащами въ безсильной злобѣ. Наконецъ, замѣтивъ, что пули разрываютъ деревья, они убѣжали и оставили насъ въ покоѣ. Въ предыдущее посѣщеніе, огнеземельцы доставляли очень много безпокойства. Чтобы напугать ихъ, съ коробля пустили ночью ракету, перелетѣвшую черезъ ихъ вигвамы. Эта мѣра оказалась очень дѣйствительной и, какъ мнѣ говорилъ офицеръ, среди дикарей поднялся крикъ и шумъ, сопровождаемый собачьимъ лаемъ, что было особенно смѣшно, въ сравненіи съ глубокимъ молчаніемъ, водворившимся минуты черезъ двѣ послѣ. На слѣдующее утро во всемъ околоткѣ не осталось ни одного огнеземельца.

Когда «Бигль» стоялъ здѣсь въ февралѣ, я отправился однажды въ четыре часа утра съ намѣреніемъ совершить восхожденіе на гору Тарнъ, достигающую 2600 футовъ высоты и считающуюся самымъ возвышеннымъ пунктомъ въ ближайшей окрестной мѣстности. Мы поѣхали на лодкѣ къ подошвѣ горы (но по несчастію выбрали не лучшую часть ея) и стали подниматься. Лѣсъ начинается съ того мѣста, до котораго достигаетъ приливъ и я долженъ признаться, что въ теченіе первыхъ двухъ часовъ я потерялъ всякую надежду добраться до вершины горы. Лѣсъ былъ настолько густъ, что, то и дѣло, приходилось обращаться къ компасу, потому что, несмотря на гористый характеръ мѣстности, нигдѣ не было видно никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы узнать, гдѣ находишься. Глубокіе овраги представляли картину смер-

тельнаго унынія, не поддающагося описанію; кругомъ бушевала буря, но въ этихъ углубленіяхъ почвы ни малѣйшій вѣтерокъ не шелестилъ листьевъ на самыхъ высокихъ деревьяхъ. Тутъ было такъ мрачно, холодно и сыро вездѣ, что даже грибы, мхи и папоротники не могли существовать. Въ долинахъ едва было возможно ползкомъ двигаться впередъ, такъ какъ всюду были нагромождены цѣлыя баррикады изъ большихъ гніющихъ стволовъ, наваленныхъ по всѣмъ направленіямъ. Ступая по этимъ естественнымъ мостамъ, случалось проваливаться по колѣни въ гнилое дерево. Бывали и такія неожиданности: захочешь опереться на крѣпкое повидимому дерево, и вдругъ окажется, что имѣешь передъ собой не крѣпкое дерево, а кучу гніющаго вещества, готоваго распасться при малѣйшемъ прикосновеніи. Наконецъ мы очутились среди малорослыхъ деревьевъ, послѣ чего вскорѣ достигли голаго гребня, откуда добрались до самой вершины. Здѣсь открылся передъ нами видъ вполнѣ характеризующій Огненную Землю: неправильныхъ очертаній горныя цѣпи, испещренныя снѣговыми пятнами, глубокія желтовато-зеленыя долины и рукава моря, разбѣгающіеся въ разныхъ направленіяхъ и пересѣкающіе страну. Дулъ сильный, рѣзкій, холодный вѣтеръ; воздухъ былъ нѣсколько туманенъ, такъ что мы недолго оставались на вершинѣ горы. Спускъ оказался менѣе затруднительнымъ, чѣмъ восхожденіе, потому что мы пролагали себѣ дорогу тяжестью своего тѣла, а оступались и падали всегда въ надлежащемъ направленіи.

Я уже говорилъ о мрачномъ и скучномъ характерѣ вѣчно зеленыхъ лѣсовъ [1]), состоящихъ изъ двухъ или трехъ древесныхъ породъ. Надъ поясомъ лѣсовъ встрѣчаются многія низкорослыя, альпійскія растенія, вырастающія на торфяной почвѣ и сами способствующія ея образованію; эти растенія очень замѣчательны своимъ близкимъ родствомъ съ находящимися на европейскихъ горахъ, не смотря на то, что ихъ раздѣляютъ тысячи миль. Центральная часть Огненной Земли, гдѣ встрѣчается сланцевато-глинистая формація, особенно благопріятна росту деревьевъ; на внѣшней береговой полосѣ бѣдность гранитной почвы и открытое мѣстоположеніе, дающее доступъ сильнымъ вѣтрамъ, препятствуютъ росту деревьевъ. Самыя большія деревья, которыя я видѣлъ здѣсь, встрѣчаются около Портъ-Фамина; одно дерево, измѣренное мною, Drimys Winteri имѣло четыре фута шесть дюймовъ въ окружности, а изъ буковъ многіе имѣли до тринадцати футовъ. Капитанъ Кингъ тоже упоминаетъ объ одномъ букѣ, имѣвшемъ семь футовъ въ діаметрѣ на разстояніи семнадцати футовъ отъ корня.

Одно здѣшнее растительное произведеніе заслуживаетъ вниманія вслѣдствіе той важности, которую оно представляетъ какъ пищевой продуктъ для огнеземельцевъ. Это шаровидный, ярко-желтый грибъ, который растетъ въ огромномъ количествѣ на буковыхъ деревьяхъ. Когда онъ молодъ, то упругъ и вздутъ, и имѣетъ гладкую поверхность; но въ зрѣломъ состояніи онъ съеживается, становится жестче, и вся поверхность его покрывается глубокими ямочками или ячейками. Этотъ грибъ принадле-

[1]) Капитанъ Фрицъ-Рой извѣщаетъ меня, что въ апрѣлѣ (соотвѣтствующемъ нашему октябрю) листья деревьевъ, которыя растутъ близъ основанія горъ, мѣняютъ свой цвѣтъ, но этого не бываетъ съ тѣми, которыя находятся въ болѣе высокихъ мѣстахъ. Я, сколько помню, читалъ о томъ, что въ Англіи листья облетаютъ раньше въ теплую, хорошую осень, нежели въ позднюю и холодную. То, что перемѣна цвѣта задерживается здѣсь въ болѣе высокихъ и поэтому болѣе холодныхъ поясахъ, зависитъ, должно быть, отъ того же общаго закона вегетаціи. Деревья на Огненной Землѣ ни въ какое время года не теряютъ всѣхъ своихъ листьевъ.

жить къ новому любопытному роду [1]). Я нашелъ другой видъ на другомъ видѣ бука въ Чили, и я только что слышалъ отъ доктора Гукера, что недавно былъ открытъ третій видъ на третьемъ видѣ букового дерева на Вандименовой Землѣ. Какъ необычайна эта связь между чужеядными грибами и деревьями, на которыхъ они водятся въ отдаленныхъ другъ отъ друга частяхъ свѣта! На Огненной Землѣ женщины и дѣти собираютъ множество гриба въ его зрѣломъ и жесткомъ видѣ; его съѣдаютъ сырымъ. Онъ имѣетъ слизистый, немного сладковатый вкусъ и слабый запахъ, напоминающій шампиньонъ. За исключеніемъ немногихъ ягодъ, преимущественно плодовъ низкорослаго Arbutus и этого гриба, туземцы не употребляютъ растительной пищи. Въ Новой Зеландіи, до введенія картофеля, корни папоротника шли въ пищу въ значительныхъ количествахъ. Въ настоящее время, мнѣ кажется, что Огненная Земля—единственная страна въ мірѣ, гдѣ споровое растеніе доставляетъ жителямъ существенный предметъ питанія.

Фауна Огненной Земли очень бѣдна, какъ и слѣдовало ожидать, судя по ея климату и растительности. Изъ млекопитающихъ, кромѣ тюленей и китовъ, здѣсь встрѣчаются: одна летучая мышь, одинъ родъ мышей (Reithrodon chinchilloides), двѣ настоящія мыши, одинъ Ctenomys, родственный или тожественный съ тукутуко, двѣ лисицы (Canis Magellanicus и C. Azarae), морская выдра, гуанако и олень. Большая часть этихъ животныхъ населяетъ только восточную, болѣе сухую, часть страны; олени же никогда не встрѣчаются южнѣе Магелланова пролива. Когда наблюдаешь общее сходство въ строеніи скалъ изъ мягкаго песчаника, гравія и глины, находящихся по обѣ стороны пролива, а также на нѣкоторыхъ промежуточныхъ островахъ, невольно навязывается мысль, что земля была здѣсь нѣкогда соединена, и такимъ образомъ могло случиться переселеніе такихъ нѣжныхъ и безпомощныхъ животныхъ, какъ тукутуко и Reithrodon. Одинаковое строеніе скалъ, однако, еще не доказываетъ соединенія, потому что такія скалы вообще образуются пересѣченіемъ наклонныхъ отложеній, которыя, еще до поднятія страны, накоплялись подлѣ существовавшихъ тогда береговъ. И все-таки надо признать замѣчательное совпаденіе въ томъ, что изъ двухъ большихъ острововъ, отрѣзанныхъ каналомъ Бигль отъ остальной части Огненной Земли, одинъ покрытъ скалами, состоящими изъ веществъ, которыя можно назвать аллювіальными наслоеніями, и которыя соотвѣтствуютъ такимъ же наслоеніямъ на противоположномъ берегу канала, между тѣмъ какъ другой островъ окаймленъ исключительно древними кристаллическими скалами. На первомъ изъ этихъ острововъ, называемомъ Наверіномъ, водятся и лисицы, и гуанако, но на другомъ, на островѣ Гостъ (Host), хотя и сходнымъ съ первымъ во всѣхъ отношеніяхъ и отдѣленномъ отъ него только маленькимъ каналомъ, шириною около полумили, не встрѣчается ни одно изъ этихъ животныхъ, за что мнѣ ручался Джемми Бёттонъ.

Грибъ Cyttaria Darwinii

Мрачные лѣса мало населены птицами; изрѣдка раздается жалобная

[1]) Онъ описанъ по моимъ образцамъ и замѣткамъ пасторомъ І. М. Берклей въ Linnean Transactions (vol. XIX, стр. 27), подъ названіемъ „Cyttaria Darwinii". Чилійскій видъ—C. Berteroii. Этотъ родъ близокъ къ Bulgaria.

нотка бѣлоголовой, хохлатой мухоловки (Myiobius albiceps) съ вершины самаго высокаго дерева, гдѣ она укрывается; еще рѣже слышится громкій, странный крикъ чернаго дятла съ красивымъ краснымъ хохолкомъ на головѣ. Маленькій темноокрашенный королекъ (Scytalopus Magellanicus) украдкой прыгаетъ по безпорядочнымъ кучамъ свалившихся и гніющихъ стволовъ. Но пищуха (Oxyurus tupinieri)—самая обыкновенная птица въ этой мѣстности. Ее можно встрѣтить вездѣ, во всѣхъ буковыхъ лѣсахъ, и на горахъ, и въ низкихъ мѣстахъ, въ самыхъ угрюмыхъ сырыхъ и непроходимыхъ оврагахъ. Эта маленькая птичка, безъ сомнѣнія, не столь многочисленна на самомъ дѣлѣ, какъ кажется, вслѣдствіе ея привычки сопровождать, какъ-будто изъ любопытства, всякаго посѣтителя здѣшнихъ безмолвныхъ лѣсовъ; безпрестанно издавая рѣзкое чириканіе, она порхаетъ съ дерева на дерево въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непрошеннаго гостя. Она далеко не похожа на настоящую пищуху (Certhia familiaris), которая любитъ скромное уединеніе; она не взбѣгаетъ, подобно ей, по древеснымъ стволамъ; съ прилежаніемъ пѣночки она прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, кругомъ дерева, въ поискахъ за насѣкомыми. Въ открытыхъ мѣстахъ попадаются три или четыре вида вьюрковъ, дроздъ, скворецъ (или Icterus), два Opetiorhynchi, нѣсколько соколовъ и совъ.

Отсутствіе какого бы то ни было вида цѣлаго класса пресмыкающихся является отличительной чертой въ фаунѣ этой страны такъ же, какъ и на Фальклендскихъ островахъ. Я не основываю этого сужденія только на собственныхъ наблюденіяхъ, но я слышалъ то же самое отъ испанцевъ, живущихъ на Фальклендскихъ островахъ и отъ Джемми Бёттона, по отношенію къ Огненной Земли. На берегахъ Санта-Крусъ подъ 50° ш. я видѣлъ лягушку; очень вѣроятно, что эти животныя, равно какъ и ящерицы, могутъ встрѣчаться и южнѣе, до Магелланова пролива, гдѣ мѣстность сохраняетъ характеръ Патагоніи; но въ предѣлахъ сырой и холодной Огненной Земли нѣтъ ни одного пресмыкающагося. Относительно нѣкоторыхъ отрядовъ, какъ напр. ящерицъ, можно было бы впередъ сказать, что климатъ въ этой странѣ для нихъ неблагопріятный, но, что касается лягушекъ, очевидности такой не было.

Жуки здѣсь малочисленны. Я долго не могъ повѣрить, чтобы страна, равная по объему Шотландіи, покрытая растительностію и обладающая разнообразнымъ мѣстоположеніемъ, могла быть столь непроизводительна. Немногіе жуки, найденные мною, принадлежали къ альпійскимъ видамъ (Harpalidae и Heteromidae) живущимъ подъ камнями. Травоядные Chrysomelidae, особенно характеризующіе тропическій поясъ, почти совсѣмъ отсутствуютъ здѣсь [1]); мухъ, бабочекъ и пчелъ я видѣлъ очень мало, а сверчковъ или Orthoptera вовсе не видалъ. Въ лужахъ я нашелъ только немногихъ водяныхъ жуковъ и ни одного прѣсноводнаго моллюска: Succinea составляетъ на первый взглядъ исключеніе, но здѣсь ее слѣдуетъ называть сухопутнымъ моллюскомъ, потому что она живетъ въ сырой травѣ, далеко отъ воды. Сухопутныхъ моллюсковъ можно было найти только въ тѣхъ же горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ и жуковъ. Я говорилъ уже о противоположности климата и общаго вида Огненной

[1]) Мнѣ кажется я должень сдѣлать исключеніе для одного альпійскаго вида Haltica и одной Melasoma. Г. Уотергаузъ извѣщаетъ меня, что здѣсь существуютъ посемь или девять видовъ Harpalidae, при чемъ формы нѣкоторыхъ изъ нихъ совершенно особенныя; четыре или пять видовъ Heteromera; шесть или семь Rhyncophora и по одному виду изъ каждаго слѣдующаго семейства: Staphylinidae, Elateridae, Cebrionidae, Melolonthidae. Виды изъ другихъ отрядовъ еще малочисленнѣе. Большинство Coleoptera были тщательно описаны г. Уотергаузомъ въ Annals of Natural History.

Земли и Патагоніи; различіе это особенно рѣзко видно въ ихъ энтомологіи. Врядъ ли найдется хотя бы одинъ видъ, встрѣчающійся въ обѣихъ странахъ; общій характеръ насѣкомыхъ конечно представляетъ огромную разницу.

Если мы обратимся отъ суши къ морю, то увидимъ, что послѣднее настолько же богато живыми существами, насколько первая бѣдна ими. Во всѣхъ частяхъ міра, скалистый и, отчасти защищенный, берегъ, можетъ быть, содержитъ въ данномъ пространствѣ большее количество животныхъ особей, нежели какое-либо другое мѣсто. Здѣсь находится одно морское растеніе, которое по своему значенію заслуживаетъ особаго описанія. Это Macrocystis pyrifera. Растеніе это существуетъ на каждомъ утесѣ, начиная отъ низшаго уровня отлива до большой глубины [1]), какъ на открытомъ морскомъ берегу, такъ и въ каналахъ.

Во все время плаванія кораблей «Adventure» а «Beagle» мы, кажется, не видали ни одной скалы близкой къ поверхности, которая не была бы опутана этой плавучей водорослью. Польза, оказываемая ею кораблямъ, проходящимъ вблизи этихъ бурныхъ береговъ, очевидна, и многіе изъ нихъ спаслись, благодаря ей, отъ крушенія. Мало я видѣлъ вещей на свѣтѣ болѣе удивительныхъ, чѣмъ эта водоросль, которая растетъ и процвѣтаетъ среди сильныхъ буруновъ Западнаго океана, между тѣмъ какъ самыя крѣпкія скалы не могутъ долго имъ противостоять. Стебель у этой водоросли круглый, слизистый и гладкій и рѣдко имѣетъ одинъ дюймъ въ діаметрѣ. Нѣсколько такихъ водорослей, вмѣстѣ соединенныхъ, достаточно крѣпки, чтобы выдерживать тяжесть большихъ камней, къ которымъ онѣ прикрѣпляются въ каналахъ внутри материковъ, тогда какъ нѣкоторые изъ этихъ камней такъ тяжелы, что одинъ человѣкъ едва могъ втащить ихъ въ лодку, когда они были подняты на поверхность. Капитанъ Кукъ говоритъ въ своемъ второмъ путешествіи, что растеніе это въ Кергуэленовой землѣ поднимается съ глубины, превышающей двадцать четыре сажени: «а такъ какъ оно не растетъ въ перпендикулярномъ направленіи, но образуетъ очень острый уголъ съ дномъ моря и, кромѣ того, большая часть его растилается еще на много саженей по морской поверхности, то я смѣло могу сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ водорослей вырастаютъ длинной въ 60 саженъ и болѣе того», я не думаю, чтобы стебель какого-либо другого растенія достигалъ такой длины какъ 360 футовъ, что именно утверждаетъ капитанъ Кукъ. Капитанъ Фицъ-Рой находилъ эти водоросли растущими [2]) съ глубины въ сорокъ пять саженъ. Пояса этихъ водорослей даже, если они и не очень широки, образуютъ отличные естественные плавучіе молы. Любопытно наблюдать въ открытой гавани, какъ скоро морскія волны падаютъ и пе-

[1]) Его географическое распространеніе замѣчательно обширно; оно встрѣчается, начиная отъ крайнихъ южныхъ островковъ близъ мыса Горна, къ сѣверу вдоль восточнаго берега (согласно указаніямъ г. Стокса) до 43° широты, но по западному берегу, по словамъ доктора Гукера, оно распространяется до Рio-Санъ-Франциско въ Калифорніи и, быть можетъ, даже до Камчатки. Итакъ это растеніе распространяется на огромномъ протяженіи по широтѣ, а такъ какъ кап. Кукъ, который былъ, безъ сомнѣнія, хорошо знакомъ съ этимъ видомъ, нашелъ его въ Кергуэленовой Землѣ, то оно по долготѣ занимаетъ не менѣе 140°.

[2]) Voyages of the „Adventure“ and „Beagle“ vol. i. p. 363. Водоросли повидимому растутъ чрезвычайно быстро. Стефенсонъ нашелъ (Wilson's voyage round Scotland, vol II. p. 228), что скала, обнажающаяся только при весеннихъ отливахъ и совершенно гладко отполированая въ ноябрѣ, въ слѣдующемъ маѣ мѣсяцѣ, т.-е. шесть мѣсяцевъ спустя уже была густо покрыта фукусами, причемъ одинъ видъ Fucus digitatus выросъ на 2 фута, а Fucus esculentus—на шесть футовъ въ длину.

реходятъ въ гладкую водную поверхность послѣ того, какъ онѣ перекатываются черезъ эти раскинутые стебли.

Число живыхъ тварей всѣхъ отрядовъ, существованіе которыхъ непосредственно зависитъ отъ Macrocystis, удивительно велико. Можно бы написать большой томъ объ обитателяхъ одного изъ этихъ поясовъ водорослей. Почти всѣ листья, исключая тѣхъ, которые плаваютъ на поверхности, до того часто усажены кораллообразными, что кажутся совсѣмъ бѣлыми. Здѣсь встрѣчаются необычайно тонкія, изящныя постройки; нѣкоторыя изъ нихъ населены простыми гидроподобными полипами, другія же служатъ жилищами для болѣе сложныхъ организмовъ и для прекрасныхъ, сложныхъ Ascidiae. Къ листьямъ прикрѣпляются также разнообразные моллюски, какъ Patella, Trochus, голые моллюски и нѣкоторые двустворчатые. Безчисленные ракообразные селятся на всѣхъ частяхъ растенія. Если потрясти большіе, запутанные корни, то изъ нихъ посыплется куча мелкой рыбы, раковинъ, каракатицъ, всевозможныхъ морскихъ краббовъ, морскихъ ежей, морскихъ звѣздъ, красивыхъ голотурій, планарій и ползающихъ нереидъ самаго разнообразнаго вида. Сколько бы разъ я ни брался за вѣтку Macrocystis, всегда мнѣ попадались животныя съ какимъ-нибудь новымъ интереснымъ строеніемъ. На о-вѣ Чилоэ, гдѣ Macrocystis растетъ не очень хорошо, не встрѣчаются совсѣмъ и многіе моллюски, кораллообразныя и ракообразныя, но остаются все-таки немногія Flustraceae и нѣкоторыя сложныя асидіи; послѣднія, однако, принадлежатъ къ другимъ видамъ нежели асидіи Огненной Земли. Мы видимъ такимъ образомъ, что водоросли имѣютъ гораздо болѣе широкое географическое распространеніе, чѣмъ животныя на нихъ живущія. Я могу сравнить эти огромные водяные лѣса южнаго полушарія только съ материковыми лѣсами тропическихъ странъ. Но, если бъ въ какой-нибудь странѣ были сведены всѣ лѣса, я думаю, что погибло бы меньше видовъ животныхъ, чѣмъ погибло бы ихъ съ истребленіемъ Macrocystis. Между листьями этого растенія живетъ множество видовъ рыбъ, которыя иначе не могли бы нигдѣ найти себѣ ни пищи, ни крова; съ уничтоженіемъ ихъ погибли бы скоро всѣ бакланы и другія рыболовныя птицы, выдры, тюлени и дельфины, а, наконецъ, и дикіе огнеземельцы, жалкіе хозяева этой жалкой страны, должны были бы умножить свои людоѣдскіе пиры, убавиться въ числѣ и, быть можетъ, вовсе прекратить свое существованіе.

8 іюня. Мы снялись съ якоря рано утромъ и отплыли изъ Портъ-Фамина. Канитанъ Фицъ-Рой рѣшилъ выѣхать изъ Магелланова пролива черезъ каналъ Магдалины, который недавно былъ открытъ. Путь нашъ лежалъ къ югу по тому мрачному проходу, о которомъ я раньше говорилъ, что онъ представляется переходомъ въ другой, худшій міръ. Вѣтеръ дулъ благопріятный, но воздухъ былъ туманный, вслѣдствіе чего для насъ пропало много интереснаго въ видахъ. Темныя, разорванныя облака неслись черезъ горы, окутывая ихъ отъ вершины почти до самой подошвы; виды, мелькавшіе передъ нами сквозь волны тумана, были въ высшей степени интересны. На различныхъ разстояніяхъ и высотахъ выдвигались зубчатыя верхушки, снѣжные конусы, голубые ледники и рѣзко вырисовывались на пасмурномъ небѣ. Среди такихъ картинъ природы, мы бросили якорь у мыса Торнъ, близъ горы Сарміенто, въ то время скрывавшейся за облаками. У подошвы высокихъ и почти отвѣсныхъ береговъ на берегу маленькой бухты находился покинутый вигвамъ, и онъ одинъ напоминалъ намъ о томъ, что человѣкъ иногда заглядывалъ въ эти пустынныя страны. Но трудно себѣ представить мѣсто болѣе неподходящее

для него и гдѣ бы меньше сказывалось его вліяніе. Неодушевленныя произведенія природы,—скалы, ледъ, снѣгъ, вѣтеръ и вода, въ вѣчной враждѣ между собою и въ борьбѣ противъ человѣка, царствуютъ здѣсь неограниченно.

9 іюня. Утромъ, къ нашему большому удовольствію, завѣса тумана стала понемногу подниматься, открывая передъ нами видъ на гору Сарміенто. Это одна изъ самыхъ высокихъ горъ на Огненой Землѣ, достигающая высоты въ 6,800 футовъ. При основаніи, на восьмую часть своей высоты, она порасла мрачными лѣсами, надъ которыми возвышается сплошное снѣговое пространство до самой вершины.

Никогда не тающія огромныя глыбы снѣга, которымъ, кажется, предназначено существовать пока будетъ стоять міръ, представляютъ величественное и прекрасное зрѣлище. Очертанія горы были удивительно ясны и опредѣленны. Благодаря обилію свѣта, отраженнаго отъ бѣлой, блестящей поверхности, ни на одной части горы не было видно никакихъ тѣней, и только линіи, пересѣкающія небо, были замѣтны, такъ что вся масса выдѣлялась особенно рельефно. Многіе ледники спускались извилистой тропой съ верхняго большого снѣгового пространства къ морскому берегу: ихъ можно сравнить съ замерзшими ніагарами, да, пожалуй, эти голубые ледяные водопады не уступаютъ въ красотѣ настоящимъ движущимся водопадамъ. Къ ночи мы достигли западной части канала, но вода была здѣсь такъ глубока, что некуда было бросить якорь. Мы, поэтому, должны были лавировать, держась подальше отъ береговъ, въ узкомъ морскомъ рукавѣ, въ продолженіе четырнадцати часовъ совершенно темной ночи.

10 іюня. Утромъ мы выбрались въ открытый Тихій океанъ. Западный берегъ вообще состоитъ изъ низкихъ, округленыхъ, совершенно обнаженныхъ холмовъ изъ гранита и діортиа. Сэръ Д. Нарборо назвалъ одну часть «South Desolation» (южное запустѣніе), потому что, какъ онъ выражается: «тоска беретъ смотрѣть на эту страну.» Онъ совершенно правъ. Вокругъ главныхъ острововъ разбросаны безчисленные утесы, надъ которыми вѣчно бушуетъ длинная вереница волнъ съ открытаго океана. Мы прошли между Восточнымъ и Западнымъ Фуріями, а немного сѣвернѣе такое множество буруновъ, что море въ этомъ мѣстѣ называется млечнымъ путемъ, Одинъ видъ такого поморья можетъ заставить обитателя твердой земли бредить въ теченіе недѣли кораблекрушеніями, смертельной опасностью и гибелью. Этотъ видъ былъ послѣдній для насъ въ Огненной Землѣ, послѣ чего мы окончательно покинули ее.

Слѣдующія разсужденія о климатѣ южныхъ частей континента по отношенію къ мѣстнымъ произведеніямъ, о снѣговой линіи, о необычайно низкомъ положеніи ледниковъ и о поясѣ постояннаго замерзанія на антарктическихъ островахъ могутъ быть выпущены тѣми изъ читателей, которыхъ не интересуютъ эти любопытные вопросы, или же они могутъ ограничиться чтеніемъ конечныхъ выводовъ. Впрочемъ я здѣсь помѣщаю только извлеченіе, а за подробностями отсылаю къ 13 главѣ перваго изданія этого сочиненія и къ приложенію къ нему.

О климатѣ и произведеніяхъ Огненной Земли и юго-западнаго берега.

Слѣдующая таблица изображаетъ среднюю температуру Огненной Земли, Фальклендскихъ острововъ и для сравненія—среднюю температуру Дублина.

	Широта.	*Лѣтн. темпер.*	*Зимняя темпер.*	*Средняя годовая.*
Огненная Земля . .	53° 38′ Ю.	50°	33° 08	41° 54
Фальклендскіе о-ва .	51° 30′ Ю.	51°	—	—
Дублинъ	53° 21′ С.	59·54°	39° 2	49° 37

Отсюда мы видимъ, что центральная часть Огненной Земли зимою холоднѣе чѣмъ Дублинъ, и лѣтомъ не менѣе чѣмъ на $9^1/_2{}^0$ холоднѣе этого города. По словамъ фонъ-Буха іюльская средняя температура (это не есть самый жаркій мѣсяцъ въ году) въ Зальтенфіордѣ,—въ Норвегіи доходитъ до 57^0 8, а это мѣсто на 13^0 ближе къ полюсу, чѣмъ Портъ-Фаминъ [1]). Какъ ни суровъ кажется намъ этотъ климатъ, но вѣчно-зеленыя деревья роскошно процвѣтаютъ въ немъ. Колибри сосутъ цвѣты, а попугаи кормятся сѣменами *Drimys Winteri* подъ 55^0 ю. ш. Мною было уже замѣчено, что здѣшнее море кишитъ живыми существами, а раковины (*Patellae, Fissurelae, Chitones* и морскія уточки) здѣсь гораздо крупнѣе и крѣпче сложены, чѣмъ соотвѣтственные имъ виды сѣвернаго полушарія. Въ южной части Огненной Земли и на Фальклендскихъ островахъ изобилуетъ большая Voluta. Въ Багіа-Бланка подъ 39^0 ю. ш. чаще всего встрѣчались три вида моллюсковъ *Oliva* (одинъ очень крупный), одинъ или два вида *Voluta* и одна *Terebra*. Всѣ эти моллюски принадлежатъ къ наиболѣе характернымъ тропическимъ формамъ. Сомнительно, чтобы на южныхъ берегахъ Европы водился хотя бы одинъ малый видъ Oliva, между тѣмъ какъ другіе два рода не существуютъ вовсе. Если бъ геологъ нашелъ подъ 39^0 ш. на берегахъ Португаліи слой раковинъ, содержащій много экземпляровъ изъ трехъ видовъ *Oliva, Voluta* и *Terebra*, онъ вѣроятно заключилъ бы, что климатъ въ періодъ ихъ существованія былъ тропическій; но, судя по Южной Америкѣ, подобное заключеніе было бы ошибочно.

Однообразный, сырой и вѣтренный климатъ Огненной Земли простирается, лишь съ небольшимъ повышеніемъ тепла, на многіе градусы вдоль западнаго берега Континента. Лѣса на 600 миль къ сѣверу отъ мыса Горна имѣютъ весьма схожій между собою видъ. Въ доказательство однообразности климата даже еще на 300 или 400 миль далѣе къ сѣверу, я могу привести тотъ фактъ, что на островѣ Чилоэ (широтою, соотвѣтствующаго сѣвернымъ частямъ Испаніи), персиковыя деревья рѣдко даютъ плоды, между тѣмъ какъ земляника и яблоки здѣсь отлично родятся. Даже снопы ячменя и пшеницы [2]) часто переносятся въ дома для сушки и дозрѣванія. Въ Вальдивіи (40^0 ш.—равной широтѣ Мадрида), виноградъ и фиги вызрѣваютъ, но они встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ; оливки рѣдко поспѣваютъ, а апельсины никогда. Вѣдь эти плоды какъ извѣстно, превосходно растутъ и вызрѣваютъ въ соотвѣтствующихъ широтахъ Европы; даже и на этомъ материкѣ, подлѣ Рio-Негро, почти подъ одной параллелью съ Вальдивіей разводятся бататы (Convolvulus); виноградъ же, фиги, оливки, апельсины, арбузы и дыни даютъ обильный сборъ. Несмотря на то, что однообразный и сырой климатъ острова Чилоэ и американскихъ береговъ къ сѣверу и югу отъ него такъ неблагопріятенъ для нашихъ плодовъ, туземные лѣса съ 45^0 до 38^0 ш. почти соперничаютъ въ роскошной растительности съ лѣсами знойныхъ тропическихъ странъ. Стройныя деревья разныхъ породъ, съ гладкой сильно расцвѣченной корой, покрыты чужеядными однодольными растеніями; всюду растутъ большіе, изящные папоротники, а деревянистыя травы

[1]) По отношенію къ Огненной Землѣ результаты выведены изъ наблюденій капитана Кинга („Geographical Journal", 1830) и изъ наблюденій сдѣланныхъ на кораблѣ „Бигль". За выводъ средней температуры на Фальклендскихъ островахъ я обязанъ капитану Селиванv (его наблюденія тщательно производились въ полночь и въ 8 час. утра, въ полдень и въ 8 ч. вечера въ теченіе трехъ самыхъ жаркихъ мѣсяцевъ, т.-е. декабря, января и февраля). Температура Дублина взята у Бартона.

[2]) Agüeros, Descrip. Hist. de la prov. de Chiloé, 1791, p. 94.

охватываютъ деревья и образуютъ съ ними одну сплошную массу въ 30 или 40 футовъ вышины надъ землею. Пальмы растутъ подъ 37° ш.; древовидный злакъ, очень схожій съ бамбукомъ, встрѣчается подъ 40° ш.; другой близкій видъ, очень высокій, но не прямо растущій, процвѣтаетъ даже подъ 45° ю. ш.

Однообразный климатъ, происходящій очевидно отъ широкаго пространства моря сравнительно съ сушей, распространяется на большую часть южнаго полушарія, вслѣдствіе чего растительность имѣетъ полутропическій характеръ. Древовидные папоротники отличаются роскошью строенія и зелени на Вандименовой Землѣ (45° ш.); я измѣрилъ одинъ стволъ, имѣвшій не менѣе шести футовъ въ окружности. Древовидный папоротникъ былъ найденъ Фостеромъ въ Новой Зеландіи подъ 46° ш., гдѣ на деревьяхъ растутъ чужеядныя орхидныя. На Ауклендскихъ островахъ папоротники имѣютъ, по словамъ доктора Дифенбаха [1]), такіе толстые и высокіе стволы, что ихъ почти можно назвать папоротниками-деревьями. На этихъ островахъ и далѣе къ югу, даже подъ 55° ш., на Макквеpійскихъ островахъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ попугаи.

О высотѣ снѣговой линіи и о сползаніи ледниковъ въ Южной Америкѣ. За подробнымъ указаніемъ источниковъ слѣдующей таблицы я долженъ отослать читателя къ первому изданію:

Широта.	Высота снѣговой линіи въ футахъ.	Наблюдавшій.
Экватор. поясъ, средн. результатъ	15.748	*Гумбольдтъ*
Боливія отъ 16° до 18° ю. ш.	17.000	*Пентлендъ*
Центр. Чили 33° ю. ш.	отъ 14.500 до 15.000	*Джилли и авторъ*
Островъ Чилоэ отъ 41° до 43° ю. ш.	6.000	*Офицеры на «Бигль»*
Огненная Земля 54° ю. ш.	отъ 3.500 до 4.000	*Кингъ и авторъ*

Такъ какъ высота плоскости вѣчнаго снѣга повидимому обусловливается наибольшимъ тепломъ лѣта, скорѣе нежели средней температурой года, то мы не должны удивляться, что эта плоскость понижается до 3.000 и 4.000 футовъ надъ уровнемъ моря у Магелланова пролива, гдѣ лѣто такъ прохладно. Хотя въ Норвегіи мы должны подняться до сѣв. широты между 67° и 70°, т.-е. на 14° ближе къ полюсу, чтобы найти вѣчный снѣгъ на такомъ низкомъ уровнѣ, Разница въ высотѣ снѣговой линіи, и именно въ 9.000 фут., на Кордильерахъ по ту сторону Чилоэ (высшая точка колеблется между 5.600 и 7.500 ф.) и на Кордильерахъ центральнаго Чили [2]) (т.-е. всего на разстояніи 9° ш.) поистинѣ изумительна. Страна къ югу отъ Чилоэ до Консепсіона (37° ш.) вся покрыта густымъ лѣсомъ, пропитаннымъ влагой. Небо облачно, и мы уже говорили о томъ, какъ плохо здѣсь растутъ плоды южной Европы. Съ другой стороны, въ центральномъ Чили, нѣсколько сѣвернѣе Консепсіона небо всегда ясное, дождя не бываетъ въ продолженіе семи лѣтнихъ мѣсяцевъ, и отлично вызрѣваютъ плоды южной Европы; даже сахарный тростникъ воздѣлывается [3]) здѣсь. Несомнѣнно, что сильное уклоненіе

---

[1]) См. нѣмецкій переводъ этого дневника, а относительно другихъ фактовъ—приложеніе г. Броуна къ путешествію Флайндерса.

[2]) На Кордильерахъ Центральнаго Чили снѣговая линія, я полагаю, очень колеблется въ высотѣ, смотря по лѣту. Меня увѣряли, что во время одного очень длиннаго и сухого лѣта весь снѣгъ исчезъ на Аконкагуа, хотя эта гора достигаетъ страшной высоты 23.000 футовъ. Очень вѣроятно, что большая часть снѣга на такихъ возвышенныхъ мѣстахъ скорѣе испаряется, чѣмъ таетъ.

[3]) Miers Chile, vol. I p. 415. Говорятъ, что сахарный тростникъ росъ въ Ингеніо подъ 32°—33° ш., но не въ такомъ количествѣ, чтобы воздѣлываніе его представлялось выгоднымъ. Въ долинѣ Килота, къ югу отъ Ингеніо, я видѣлъ большія финиковыя пальмы.

линіи вѣчныхъ снѣговъ (9.000 фут.), подобнаго которому нѣтъ ни въ какихъ другихъ частяхъ свѣта, происходитъ недалеко отъ широты Консепсіона, тамъ, гдѣ поверхность земли уже не покрыта лѣсами, присутствіе деревьевъ въ Южной Америкѣ указываетъ на дождливый климатъ, а дождь указываетъ на туманное небо и на малое количество тепла лѣтомъ.

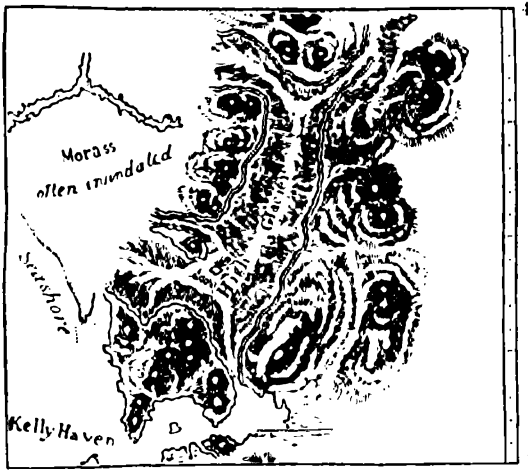
Спускъ ледниковъ къ морю долженъ, по-моему, зависѣть главнымъ образомъ (конечно, при условіи достаточнаго притока снѣга въ верхнихъ предѣлахъ) отъ низкаго положенія линіи вѣчныхъ снѣговъ на крутыхъ горахъ близъ морского берега. Такъ какъ снѣговая линія столь низка на Огненной Землѣ, можно было впередъ ожидать, что многіе ледники достигли моря. Тѣмъ не менѣе я былъ очень удивленъ, когда въ первый разъ увидѣлъ горную цѣпь подъ широтой Кумберленда не выше 3.000 или 4.000 фут., въ которой всѣ долины были полны ледяныхъ потоковъ, спускавшихся къ морю. Почти каждый рукавъ моря, вдающійся внутрь болѣе высокой горной цѣпи, не только въ Огненной Землѣ, но на 650 миль сѣвернѣе по берегу, заканчивается «страшными и изумительными ледниками», какъ выразился одинъ изъ офицеровъ, дѣлавшихъ съемку. Большія массы льда часто падаютъ съ этихъ ледяныхъ утесовъ, и тогда раздается среди уединенныхъ каналовъ трескъ и гулъ, подобный залпу съ военнаго корабля. Эти паденія ледяныхъ массъ поднимаютъ, какъ говорилось въ предыдущей главѣ, огромныя волны, разбивающіяся о близъ лежащіе берега. Извѣстно, что землетрясенія часто причиняютъ обвалы большихъ глыбъ земли съ береговыхъ скалъ. Какъ страшно должно быть дѣйствіе сильнаго подземнаго удара (а такіе удары не рѣдко здѣсь случаются)[1]) на такое тѣло, какъ ледникъ, уже находящійся въ движеніи и пересѣченный трещинами! Я могу легко повѣрить, что тогда вода будетъ вытекать изъ самаго глубокаго канала и потомъ, возвращаясь на мѣсто съ поразительной силой, она будетъ разбрасывать каменныя громады, какъ соломинки. Въ проливѣ Ейръ, на одной широтѣ съ Парижемъ плаваютъ очень большіе ледники, тогда какъ самая высокая изъ сосѣднихъ горъ не превышаетъ 6.200 фут. Въ этомъ проливѣ видѣли одновременно около пятидесяти ледяныхъ горъ, двигавшихся къ морю, и одна изъ нихъ имѣла по крайней мѣрѣ 168 фут. высоты. На нѣкоторыхъ ледникахъ находились довольно большіе обломки гранита и другихъ горныхъ породъ, непохожихъ на сланцеватую глину окружающихъ горъ. Самый отдаленный отъ полюса ледникъ, видѣнный во время плаванія на «Адвентюръ» и «Бигль», находился подъ 46° 50′ ш., въ заливѣ Пеньасъ. Онъ имѣлъ 15 миль въ длину и въ одномъ мѣстѣ ширина его равнялась 7 милямъ; онъ спускался до морского берега. Но даже нѣсколько миль сѣвернѣе этого ледника, въ лагунѣ С.-Рафаэль, испанскіе миссіонеры[2]) встрѣтили «много ледяныхъ горъ; однѣ были велики, другія малы, а иныя были средней величины»; случилось это въ узкомъ рукавѣ моря 22-го числа того мѣсяца, который соотвѣтствуетъ нашему іюню и подъ широтой, одинаковой съ широтой Женевскаго озера.

По словамъ фонъ-Буха, самый южный ледникъ въ Европѣ, спускающійся къ морю, находится на берегу Норвегіи подъ широтой 67°. Это болѣе чѣмъ на 20° широты или на 1.230 миль ближе къ полюсу, чѣмъ лагуна С.-Рафаэль. Положеніе ледниковъ въ этомъ мѣстѣ и въ заливѣ

[1]) Bulveley and Cummin, Faithful Narration of the Loss of the «Wager». Землетрясеніе случилось 25 августа 1741 года.

[2]) Agüeros, Desc. Hist. de Chiloé, p. 227.

Пеньасъ можетъ быть разсматриваемо какъ явленіе еще болѣе поразительное, потому что ледники эти спускаются къ морскому берегу на разстояніи $7^1/_2{}^0$ ш. или 450 миль отъ гавани, гдѣ три вида—Oliva, Voluta Terebra—являются самыми обыкновенными раковинами; на разстояніи менѣе 9^0 отъ того мѣста, гдѣ растутъ пальмы; въ $4^1/_2{}^0$ отъ страны, гдѣ ягуары и пумы странствуютъ по долинамъ; менѣе чѣмъ въ $2^1/_2{}^0$ отъ древовидныхъ злаковъ; обращаясь къ западу въ томъ же полушаріи, менѣе чѣмъ въ 2^0 отъ мѣстонахожденія чужеядныхъ орхидныхъ и въ одномъ только градусѣ отъ древовидныхъ папоротниковъ!



Ледникъ въ заливѣ Пеньасъ.

Эти факты представляютъ большой геологическій интересъ въ отношеніи климата сѣвернаго полушарія, въ періодъ перенесенія валуновъ. Я не стану здѣсь подробно говорить о томъ, какъ просто объясняется происхожденіе и положеніе гигантскихъ валуновъ въ восточной части Огненной земли, на высокой равнинѣ Санта-Крусъ и на островѣ Чилоэ, теоріей о томъ, что ледяныя горы несутъ обломки скалъ. Въ Огненной Землѣ большая часть валуновъ лежитъ на мѣстахъ бывшихъ морскихъ каналовъ, которые превратились въ настоящее время въ сухія долины, вслѣдствіе возвышенія почвы. Они сопровождаются большими ненаслоившимися массами глины и песку, содержащими круглые и угловатые обломки разной величины [1]), которые произошли отъ того, что ледяныя горы и вещества, занесенныя ими, не разъ бороздили морское дно. Немногіе изъ геологовъ сомнѣваются теперь въ томъ, что эрратическіе валуны, которые лежатъ вблизи отъ высокихъ горъ, были продвинуты самими ледниками, а тѣ валуны, которые находятся вдали отъ горъ или зарытыми въ подводныхъ осадкахъ, были либо перенесены сюда на ледяныхъ горахъ, либо примерзли къ береговому льду. Связь между перенесеніемъ валуновъ и присутствіемъ льда въ какой-нибудь формѣ поразительно доказана ихъ географическимъ распредѣленіемъ на земной поверхности. Въ Южной Америкѣ они не встрѣчаются дальше 48^0 ш., считая отъ южнаго полюса; въ Сѣверной Америкѣ граница ихъ передвиженія доходитъ, кажется, до $53^1/_2{}^0$ ш. отъ сѣвернаго полюса, но въ Европѣ эта граница не простирается дальше 40^0 ш., считая отъ той же точки. Съ другой стороны ихъ никогда не видали въ тропическихъ частяхъ Америки, Азіи и Африки, а также и около мыса Доброй Надежды и въ Австраліи [2]).

[1]) Geological Transactions vol VI p. 415.

[2]) Мною помѣщены подробности (впервые, кажется, явившіяся въ печати) объ этомъ предметѣ въ первомъ изданіи и въ приложеніи къ нему. Я доказалъ, что мнимыя исключенія допускаемыя относительно факта отсутствія эрратическихъ валуновъ въ жаркихъ странахъ, основаны на ошибочныхъ наблюденіяхъ. Нѣкоторыя мнѣнія, заявленныя мною, были потомъ подтверждены разными писателями.

О климатѣ и произведеніяхъ антарктическихъ острововъ.

Принимая во вниманіе богатство растительности на Огненной Землѣ и по морскому берегу къ сѣверу, состояніе острововъ къ югу и юго-западу отъ Америки представляется поистинѣ изумительнымъ. Сандвичева земля, находящаяся на широтѣ сѣверной Шотландіи, открытая Кукомъ въ самый жаркій мѣсяцъ года, «были покрыты на много саженей глубины вѣчнымъ снѣгомъ»; на нихъ, кажется, почти нѣтъ никакой растительности. Георгія, островъ въ 96 миль длины и 10 ширины, на широтѣ Іоркшира «въ самый разгаръ лѣта, можно сказать, сплошь покрытъ мерзлымъ снѣгомъ». Этотъ островъ въ смыслѣ растительности можетъ похвастать только мхомъ, кое-какими злаками и дикимъ черноголовникомъ; изъ сухопутныхъ птицъ здѣсь водится единственная (Anthuss correndera); между тѣмъ Исландія, лежащая на 10° ближе къ полюсу, насчитываетъ у себя, по словамъ Мэкензи, пятнадцать сухопутныхъ птицъ. Южные Шетландскіе острова, находящіеся на одной широтѣ съ южной половиной Норвегіи, имѣютъ только нѣсколько лишайниковъ, мохъ и немного травы; лейтенантъ Кендаль [1]) замѣтилъ, что бухта, въ которой стоялъ на якорѣ его корабль, начала замерзать въ періодъ времени, соотвѣтствующій нашему 8-му сентября.

Почва здѣсь состоитъ изъ слоевъ льда перемежающихся со слоями вулканическаго пепла, а на незначительной глубинѣ подъ поверхностью она должно быть всегда остается въ замороженномъ состояніи, потому что лейтенантъ Кендаль нашелъ въ ней давно похороненное тѣло иностраннаго моряка, при чемъ мясо и черты лица вполнѣ сохранились. Замѣчательно, что на двухъ большихъ материкахъ сѣвернаго полушарія (но не въ части Европы, лежащей между ними, которая изрѣзана береговой линіей) поясъ вѣчно мерзлой подпочвы лежитъ на низкой широтѣ, а именно: въ сѣверной Америкѣ подъ 56° ш. на глубинѣ трехъ фут., а въ Сибири подъ 62° ш. на глубинѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ, что является результатомъ противоположности условій сѣвернаго и южнаго полушарій. На сѣверныхъ материкахъ сильные зимніе морозы зависятъ отъ лучеиспусканія большого пространства земли въ ясное небо и они не умѣряются теплыми морскими теченіями; короткое лѣто, съ другой стороны, тамъ бываетъ очень жаркое. Въ южномъ океанѣ зима менѣе холодна, но зато и лѣто далеко не такое знойное, потому что облачное небо препятствуетъ нагрѣванію океана, а само поглощаетъ много тепла, вслѣдствіе чего бываетъ низка средняя температура года, регулирующая поясъ постоянно замерзшей подпочвы. Очевидно, что обильная растительность, которая требуетъ не столько тепла, сколько защиты отъ сильнаго холода, ближе подходитъ къ этому поясу постояннаго замерзанія при однообразномъ климатѣ южнаго полушарія, чѣмъ при крайнихъ условіяхъ климата сѣверныхъ материковъ.

Очень интересенъ случай съ хорошо сохранившимся тѣломъ моряка въ мерзлой почвѣ Южныхъ Шетландскихъ острововъ (отъ 62° до 63° ю. ш.), широтѣ меньшей чѣмъ та (64° с. ш.), на которой былъ найденъ Палласомъ замороженный носорогъ въ Сибири. Хотя ошибочно предполагать (какъ я старался доказать въ одной изъ предыдущихъ главъ), что крупныя млекопитающія нуждаются для поддержанія своего существованія въ роскошной растительности, все-таки важно видѣть на Южныхъ Шетландскихъ островахъ мерзлую подпочву въ 360 миляхъ отъ лѣсистыхъ острововъ около мыса Горна, гдѣ, судя только по *ко-*

[1]) Geographical Journal, 1830, pp. 65, 66.

личеству растительности, могло бы прокормиться какое угодно множество крупныхъ млекопитающихъ. Полное сохраненіе труповъ сибирскихъ слоновъ и носороговъ представляетъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ фактовъ въ геологіи; но независимо отъ воображаемой трудности пропитанія ихъ въ прилегающихъ странахъ, все это обстоятельство, по-моему мнѣнію, совсѣмъ не такъ трудно объяснить, какъ обыкновенно считалось. Равнины Сибири, какъ и Пампасовъ, повидимому, образовались подъ морскою водою, въ которую тѣла многихъ животныхъ заносились рѣками; отъ нихъ сохранились большей частью только скелеты, но отъ нѣкоторыхъ остались и полные трупы. Извѣстно, что въ мелкихъ моряхъ на сѣверномъ берегу Америки дно замерзаетъ [1]) и таетъ весною позднѣе чѣмъ поверхность земли; сверхъ того на большихъ глубинахъ, гдѣ не замерзаетъ дно морское, илъ на нѣсколько футовъ подъ верхнимъ слоемъ можетъ сохранить даже лѣтомъ температуру ниже 32°, какъ это случается въ материковой землѣ на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ. Еще на большей глубинѣ температура ила и воды вѣроятно не довольна низка, чтобы сохранить въ цѣлости мясо; поэтому трупы, унесенные за предѣлы мелководья у сѣверныхъ береговъ, должны были сохранять только скелеты; въ крайнихъ сѣверныхъ частяхъ Сибири встрѣчаются кости въ огромномъ множествѣ, такъ что, говорятъ, онѣ образуютъ цѣлые островки; эти островки находятся на десять градусовъ широты сѣвернѣе того мѣста, гдѣ Палласъ нашелъ замерзшаго носорога [2]). Съ другой стороны, трупъ, занесенный теченіемъ въ мелкое мѣсто сѣвернаго моря, можетъ сохраниться на неопредѣленное время, если будетъ вскорѣ покрытъ слоемъ ила достаточно толстымъ, чтобы не дать теплу отъ лѣтней воды проникнуть до него а также, если послѣ поднятія морского дна, когда оно превратится въ сушу, слой оказался достаточно толстъ, чтобы оградить трупъ отъ дѣйствія теплаго лѣтняго воздуха и солнца.

Повтореніе сказаннаго. Перечислю главные факты, относящіеся къ климату, къ дѣйствію льда и къ органическимъ произведеніямъ южнаго полушарія, перенося мысленно мѣсто дѣйствія въ Европу, съ которой мы настолько больше знакомы.

Такимъ образомъ около Лиссабона самые обыкновенные морскіе моллюски, а именно три вида *Oliba*, одна *Voluta* и одна *Terebra* имѣли бы тропическій характеръ. Южныя провинціи Франціи были бы сплошь покрыты великолѣпными лѣсами, перевитыми деревянистыми травами и деревьями, на которыхъ въ изобиліи росли бы чужеядныя растенія. Пума и ягуаръ бродили бы въ Пиринеяхъ. На широтѣ Монблана, но на островѣ, столь же отдаленномъ къ западу какъ центральная Сѣверная Америка, древовидные папортники и чужеядныя орхидныя процвѣтали бы въ густыхъ лѣсахъ. Даже на такомъ дальнемъ Сѣверѣ какъ центральная Данія можно было бы увидать колибри, порхающихъ среди нѣжныхъ цвѣтовъ, и попугаевъ, живущихъ въ вѣчно-зеленыхъ лѣсахъ; а въ моряхъ на той же широтѣ водились бы *Voluta* и всѣ крупныя раковины могучаго строенія. Но тѣмъ не менѣе, на нѣкоторыхъ островахъ, лежащихъ только на 360 миль сѣвернѣе отъ нашего воображаемаго мыса Горна въ Даніи, могъ бы сохраниться въ постоянно-мерзломъ состояніи трупъ, схороненный въ почвѣ или занесенный въ мелководную часть моря и прикрытый иломъ.

---

[1]) Messrs Dease and Simpson, in Geographical Journal, Vol. VIII, p.p. 218, 220.

[2]) Cuvier (Ossements fassiles, tom. i. p. 151) изъ путешествія Беллинга.

Если бы какой-нибудь смѣлый мореплаватель попытался проникнуть на сѣверъ отъ этихъ острововъ, онъ подвергся бы тысячи опасностей среди огромныхъ ледяныхъ горъ и увидалъ бы на нѣкоторыхъ изъ нихъ большіе обломки скалъ, уносимыхъ далеко отъ ихъ первоначальнаго мѣстонахожденія. Другой большой островъ, находящійся на одной широтѣ съ южной Шотландіей, но вдвое далѣе на западъ, былъ бы «почти весь покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ», и каждая его бухта оканчивалась бы ледяными скалами, съ которыхъ обваливались бы ежегодно большія массы; этотъ островъ могъ бы похвастаться только мхомъ въ небольшомъ количествѣ, травой и черноголовникомъ, а населеніе суши ограничивалось бы лѣснымъ жаворонкомъ.

Отъ нашего новаго мыса Горна, въ Даніи, горная цѣпь, едва равняющаяся половинѣ высоты Альповъ, тянулась бы по прямой линіи въ южномъ направленіи; а на западномъ ея склонѣ каждая глубокая морская бухта или фьордъ оканчивалась бы «удивительными ледниками». Эти уединенные каналы оглашались бы часто звуками падающихъ льдинъ и всякій разъ стремительно неслись бы большія волны вдоль береговъ; многочисленныя ледяныя горы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ равняющіяся вышиной соборамъ и несущія на поверхности «значительныя каменныя глыбы» были бы выбрасываемы на сосѣдніе островки, а по временамъ сильныя землетрясенія сбрасывали бы въ море огромныя массы льду. Наконецъ, какіе-нибудь миссіонеры, стараясь пробраться по длинному морскому рукаву, увидали бы, что съ невысокихъ окружающихъ горъ падаютъ на морской берегъ величественные ледяные потоки; дальше лодки ихъ были бы задержаны безчисленнымъ множествомъ плавучихъ льдинъ, малыхъ и большихъ. И все это произошло бы нашего 22 іюня на томъ мѣстѣ, гдѣ разстилается теперь Женевское озеро [1]).

ГЛАВА XII.

Центральное Чили.

Вальпараисо.—Экскурсія къ подошвѣ Андовъ.—Строеніе страны.—Восхожденіе на Колокольную гору Килота.— Разбросанныя массы діорита.— Огромныя долины.—Шахты.—Положеніе шахтеровъ.—Сантъ-Яго.—Горячіе источники Каукуэнесъ.—Золотыя розсыпи.—Мельницы.—Просверленные камни.—Нравы Пумы, El Turco и Tarapolo.— Калибри.

23 іюля. «Бигль» бросилъ якорь поздно вечеромъ въ заливѣ Вальпарайсо, главномъ портѣ Чили. Когда наступило утро, все намъ показалось прелестнымъ. Послѣ Огненной Земли климатъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе: воздухъ такой сухой, небо такое ясное и голубое, озаренное блескомъ солнечнаго сіянія; вся природа, казалось, искрилась жизнью. Видъ съ якорной стоянки былъ очень красивъ. Городъ по-

[1]) Въ прежнемъ изданіи и приложеніяхъ къ нему я изложилъ нѣсколько фактовъ, относящихся къ перенесенію эрратическихъ камней и ледяныхъ горъ въ Антарктическомъ океанѣ. Предметъ этотъ былъ въ послѣднее время прекрасно разработанъ г. Гейсомъ въ «Boston Journal (vol.. IV, p. 426). Авторъ, какъ видно, не зналъ примѣра, о которомъ я сообщалъ въ печати, (Geographical Journal, vol. IX, p. 528), а именно, о гигантскомъ валунѣ, зарытомъ въ ледяной горѣ въ Антарктическомъ океанѣ, вѣроятно, въ разстояніи не менѣе ста миль, а можетъ и гораздо больше, отъ всякой суши. Въ приложеніи я подробно обсуждалъ вѣроятіе (въ то время о немъ едва еще кто ду-

строенъ у подошвы невысокой (1600 ф.), но довольно крутой цѣпи холмовъ..

Вслѣдствіе своего положенія онъ состоитъ изъ одной длинной, разбросанной улицы, идущей параллельно берегу, и тамъ, гдѣ обрывы спускаются до самаго залива, дома лѣпятся по обоимъ краямъ обрыва. Округленные холмы, будучи только частью защищены бѣдной растительностью, изрыты безчисленными небольшими оврагами, отличающимися замѣчательно яркой красной почвой. Видъ этотъ, а также низкіе выбѣленные дома съ черепичатыми крышами напомнили мнѣ Санта-Крусъ на Теренифѣ. Въ сѣверовосточномъ направленіи открываются прекрасные виды на Анды; но эти горы представляются гораздо величественнѣе, если на нихъ смотрѣть съ сосѣднихъ холмовъ; оттуда виднѣе на какомъ большомъ разстояніи онѣ находятся. Особенно великолѣпенъ вулканъ Аконкагуа. Эта огромная масса, въ видѣ неправильнаго конуса, выше Чимборасо, такъ какъ, согласно измѣреніямъ, сдѣланнымъ офицерами «Бигля», въ ней не менѣе 23.000 ф. высоты. Видъ на Кордильеры, впрочемъ, если смотрѣть съ этого мѣста, главнымъ образомъ красивъ, благодаря атмосферѣ, черезъ которую глядишь на нихъ. Когда солнце опускалось къ Тихому океану, было восхитительно слѣдить, какъ отчетливо выступали на фонѣ неба ихъ зубчатыя очертанія и какъ при этомъ разнообразны и нѣжны были ихъ оттѣнки.

Мнѣ посчастливилось найти здѣсь стараго школьнаго товарища и пріятеля, г. Ричарда Корфильда, которому я много обязанъ за его гостепріимство и доброту; благодаря ему, я пользовался превосходнымъ пріютомъ во все время стоянки «Бигля» въ Чили. Ближайшія окрестности Вальпарайсо не представляютъ большого интереса для натуралиста. Въ продолженіе длиннаго лѣта бываетъ постоянный южный вѣтеръ, дующій нѣсколько отъ берега, такъ что дождей совсѣмъ не выпадаетъ, но въ теченіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ они довольно обильны. Вслѣдствіе малаго количества влаги, растительность очень скудная, за исключеніемъ нѣкоторыхъ глубокихъ овраговъ, деревья здѣсь не встрѣчаются вовсе и, только рѣдкія травы да нѣсколько низкихъ кустовъ растутъ тамъ и сямъ по склонамъ менѣе крутыхъ холмовъ. Если подумать, что на разстояніи 350 миль къ югу эта сторона Андъ совершенно покрыта сплошнымъ непроходимымъ лѣсомъ, то противоположность кажется очень замѣчательной. Я совершилъ нѣсколько длинныхъ прогулокъ, собирая предметы естественной исторіи. Страна здѣсь очень пріятна для прогулокъ. Есть много прекрасныхъ цвѣтовъ и, какъ это бываетъ въ большей части сухихъ климатовъ, растенія и кусты обладаютъ сильнымъ и особеннымъ запахомъ; пробираясь черезъ нихъ даже на платьѣ уносишь съ собой этотъ запахъ. Я, не переставая, удивлялся непрерывной вереницѣ прекрасныхъ, ясныхъ дней. Какую разницу вноситъ климатъ въ нашу жизнь, въ смыслѣ наслажденія ею! Какъ противоположны ощущенія, получаемыя отъ созерцанія мрачныхъ горъ, окутанныхъ облаками, и отъ вида другихъ горъ, на которыя смотришь сквозь голубую

малъ) того, что ледяныя горы, приставшія къ берегамъ, долбятъ и полируютъ скалы подобно глетчерамъ. Теперь это мнѣніе сдѣлалось общепринятымъ, и я подозрѣваю, что оно примѣнимо даже относительно Юры. Докторъ Ричардсонъ увѣрялъ меня, что въ Сѣверной Америкѣ ледяныя горы толкаютъ передъ собою песокъ и гальки, оставляя подводныя плоскія скалы совершенно обнаженными; едва ли подлежитъ сомнѣнію, что всѣ такіе слои должны быть полированы и штрихованы въ направленіи, которое соотвѣтствуетъ преобладающимъ теченіямъ. Послѣ того какъ я написалъ это приложеніе, я видѣлъ въ сѣверномъ Валлисѣ (London Ppilos. Magaz. vol. XXI, p. 180) совмѣстное дѣйствіе глетчеровъ и плавучихъ ледяныхъ горъ.

дымку чудеснаго дня! Первый видъ можетъ на время производить впечатлѣніе чего-то величаваго; второй олицетворяетъ собою веселіе и радость жизни.

14 августа. Я выѣхалъ верхомъ въ экскурсію съ тѣмъ, чтобы произвести геологическое изслѣдованіе подошвы Андовъ, которая одна, въ это время года, не бываетъ завалена зимнимъ снѣгомъ. Въ первый день мы ѣхали все къ сѣверу, вдоль морского берега. Вечеромъ мы доѣхали до гасіенды Квинтеро, помѣстья, которое въ прежднее время принадлежало лорду Кохрену. Я пріѣхалъ сюда съ цѣлью осмотрѣть большіе слои раковинъ, расположенные въ нѣсколько ярдовъ надъ уровнемъ моря; раковины эти обжигаются для извести. Есть явныя доказательства поднятія всей этой береговой полосы; на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ встрѣчается множество старыхъ раковинъ, а нѣкоторыя я нашелъ на высотѣ 1.300 ф. Онѣ или лежатъ свободно на землѣ, или же бываютъ зарыты въ красновато-черной растительной землѣ. Я очень удивился, разглядѣвъ подъ микроскопомъ, что эта растительная земля на самомъ дѣлѣ морской илъ, наполненный крошечными частицами организованныхъ тѣлъ.

15 августа. Мы возвращались къ долинѣ Килота. Мѣстность была въ высшей степени пріятная; поэты назвали бы ее идиллической: зеленыя равнины пересѣкались небольшими долинами съ ручейками, а по склонамъ холмовъ были разбросаны хижины, какъ мы могли себѣ вообразить, жилища пастуховъ. Намъ пришлось перебраться черезъ кряжъ Чиликаукены. У подошвы его мы видѣли много красивыхъ вѣчно-зеленыхъ деревьевъ, но росли они только по оврагамъ, гдѣ была текучая вода. Всякій, знающій страну только по окрестностямъ Вальпарайсо, никогда бы и представить себѣ не могъ, что въ Чили могутъ быть такія живописныя мѣстечки. Доѣхавъ до вершины Сіерры, мы увидали долину Килота, растилавшуюся у самыхъ ногъ. Глазамъ нашимъ представилась картина, замѣчательная по своему искусственному плодородію. Долина очень широка и совершенно ровная, такъ что орошеніе по всѣмъ направленіямъ легко доступно. Небольшіе четырехугольные сады наполнены померанцевыми и оливковыми деревьями и всѣми сортами овощей. По сторонамъ возвышаются большія, обнаженныя горы, благодаря которымъ особенно пріятно выдѣляется долина, пестрѣющая своими зелеными квадратами. Тотъ, кто назвалъ Вальпараисо «Райской долиной» должно быть думалъ о долинѣ Килота. Мы проѣхали къ гасіендѣ Санъ-Исидоро, расположенной у подошвы Колокольной горы.

Чили, какъ можно видѣть на картахъ, представляетъ узкую полосу земли между Кордильерами и Тихимъ океаномъ; полоса эта пересѣкается нѣсколькими горными цѣпями, идущими здѣсь паралельно главному хребту. Между этими внѣшими отрогами и главнымъ хребтомъ Кордильеровъ тянется далеко къ югу рядъ плоскихъ бассейновъ, которые соединяются между собою узкими ущельями; въ нихъ расположены главные города, какъ Санъ-Фелиппе, Санъ-Яго, Санъ-Фернандо. Всѣ эти бассейны или равнины, вмѣстѣ съ поперечными плоскими долинами (какъ долина Килота), соединяющими ихъ съ морскимъ берегомъ, представляютъ несомнѣнно дно прежнихъ протоковъ и глубокихъ заливовъ, въ родѣ тѣхъ, которые въ настоящее время пересѣкаютъ Огненную Землю во всѣхъ ея частяхъ и западный берегъ. Чили, должно быть, походило въ старину на Огненную Землю очертаніями своей суши и водъ. Сходство это обнаруживалось очень рѣзко, когда горизонтальная полоса тумана окутывала словно плащомъ всѣ низкія мѣста; бѣлый паръ клубился по оврагамъ

и прекрасно изображалъ маленькіе заливы и бухты, между тѣмъ какъ одинокіе холмы, кое-гдѣ выступавшіе, показывали, что они нѣкогда были здѣсь островками. Контрастъ между плоскими долинами и бассейнами съ одной стороны и горами неправильныхъ очертаній съ другой придавалъ мѣстности характеръ, который для меня былъ новъ и очень интересенъ.

Имѣя естественный наклонъ къ морю, эти равнины легко орошаются, вслѣдствіе чего онѣ чрезвычайно плодородны. Безъ орошенія, страна не могла бы имѣть никакой растительности, потому что небо въ продолженіе всего лѣта бываетъ безоблачное. Горы и холмы усѣяны кустарникомъ и низкими деревьями; за ихъ исключеніемъ, растительность скудная. Каждый землевладѣлецъ въ долинѣ имѣетъ свой нагорный участокъ, гдѣ въ большомъ количествѣ пасется его полудикій скотъ, умудряясь отыскивать себѣ достаточный кормъ. Разъ въ году бываетъ большое «*rodeo*», т.-е. всѣ стада сгоняютъ внизъ, пересчитываютъ ихъ и отмѣчаютъ, при чемъ извѣстное число головъ отдѣляется и отправляется на орошаемыя поля, для откармливанія на убой. Здѣсь сѣютъ много пшеницы, а также большое количество маиса; какой-то сортъ бобовъ составляетъ, впрочемъ, главный предметъ питанія рабочаго населенія. Плодовые сады даютъ обильный сборъ персиковъ, фигъ и винограда. Имѣя въ своемъ распоряженіи столько преимуществъ, населеніе могло бы жить гораздо лучше, чѣмъ живетъ на самомъ дѣлѣ.

16 августа. Управляющій гасіендою былъ такъ добръ, что далъ мнѣ проводника и свѣжихъ лошадей; утромъ мы выѣхали съ тѣмъ, чтобы совершить восхожденіе на Кампану или Колокольную гору, достигающую высоты въ 6.400 футовъ. Дороги были очень плохія, но геологическое строеніе почвы и видъ мѣстности съ избыткомъ вознаграждали за трудъ. Мы къ вечеру доѣхали до источника, называемаго Aqua del Guanaco, который находится на большой высотѣ. Названіе источника, должно быть, старинное, такъ какъ прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ гуанако приходили къ нему пить. Во время нашего подъема я замѣтилъ, что по сѣверному склону растутъ только кусты, тогда какъ на южномъ склонѣ я видѣлъ бамбукъ, имѣвшій около 15 футовъ вышины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались пальмы, и я былъ удивленъ, найдя одну пальму на высотѣ по крайней мѣрѣ 4.500 ф. Эти пальмы довольно некрасивы, сравнительно съ другими видами того же семейства. Стволъ у нихъ очень великъ и престранной формы; онъ утолщенъ въ серединѣ, а снизу и сверху гораздо тоньше. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Чили эти пальмы растутъ въ большомъ количествѣ и цѣнятся ради какой то патоки, выдѣлываемой изъ сока ихъ. Въ одномъ помѣстьи, около Петорки ихъ пробовали сосчитать, но бросили, насчитавъ нѣсколько сотъ тысячъ. Ранней весною, т.-е. въ августѣ, ежегодно срубаютъ множество пальмъ; когда дерево повалится, то отрѣзаютъ лиственный шатеръ. Тогда сокъ начинаетъ течь съ верхняго конца и течетъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но для этого необходимо каждое утро срѣзать тонкій слой съ того конца, откуда течетъ сокъ и освѣжить такимъ образомъ поверхность надрѣза. Хорошее дерево даетъ до девяносто галлоновъ, и все это количество сока содержится въ сосудахъ ствола, на видъ совсѣмъ сухого. Говорятъ, что сокъ течетъ быстрѣе въ тѣ дни, когда солнце особенно сильно грѣетъ; еще замѣчаютъ, что необходимо наблюдать при рубкѣ дерева, чтобы оно падало по скату холма верхушкой кверху, потому что въ обратномъ случаѣ сокъ едва потечетъ, хотя можно было бы думать, что сила тяжести должна помогать, а не мѣшать вытеканію. Сокъ сгущается по-

средствомъ кипяченія; въ густомъ видѣ онъ носитъ названіе патоки, на которую и походитъ вкусомъ.

Мы разсѣдлали лошадей подлѣ ручья и приготовили все для ночевки. Вечеръ былъ чудесный и воздухъ до того ясенъ, что можно было отличить вдали въ видѣ черныхъ точекъ мачты кораблей, стоявшихъ на якорѣ въ заливѣ Вальпарайсо, несмотря на то, что насъ отдѣляло отъ нихъ пространство не менѣе двадцати шести географическихъ миль. Корабль, огибавшій мысъ и шедшій на парусахъ, показался намъ яркимъ бѣлымъ пятномъ. Ансонъ выражаетъ не малое удивленіе въ своемъ путешествіи по поводу разстоянія, на которомъ видѣли съ берега его корабли, но онъ недовольно принялъ въ расчетъ возвышенность почвы и чрезвычайную прозрачность воздуха.

Солнечный закатъ былъ великолѣпенъ, долины потемнѣли, между тѣмъ, какъ снѣжныя вершины Андовъ горѣли еще въ красномъ отблескѣ заката. Когда совсѣмъ стемнѣло, мы развели огонь въ маленькой бамбуковой рощѣ, поджарили наше charqui (сушеные ломтики мяса), напились мате и почувствовали полное удовлетвореніе. Такая жизнь на открытомъ воздухѣ представляетъ невыразимое очарованіе. Вечеръ былъ тихій и совсѣмъ беззвучный, только изрѣдка слышался рѣзкій крикъ горной вискаши, и долетало слабое завываніе козодоя. За исключеніемъ этихъ животныхъ немногія птицы или даже насѣкомыя посѣщаютъ сухія, выжженныя горы.

17 августа. Поутру мы взобрались на массивы діоритаа, вѣнчающія вершину горы. Этотъ утесъ, какъ часто случается, былъ очень растресканъ и разбитъ на огромныя, угловатыя глыбы. Я замѣтилъ, однако, одно замѣчательное обстоятельство, а именно: многія поверхности представляли разныя степени свѣжести, при чемъ нѣкоторыя производили такое впечатлѣніе, какъ будто обломъ случился вчера, тогда какъ другія недавно стали покрываться лишаями, или же давно ими поросли. Я въ такой степени былъ твердо увѣренъ въ томъ, что это произошло отъ частыхъ землетрясеній, что у меня являлось желаніе скорѣе проходить мимо каждой отломившейся глыбы. Такъ какъ очень легко обмануться въ фактахъ подобнаго рода, то я сомнѣвался въ точности ихъ, пока не совершилъ восхожденія на гору Веллигтонъ въ Вандименовой Землѣ, гдѣ землетресеній не бываетъ; и тамъ я увидалъ, что верхушка горы состоитъ изъ такихъ же глыбъ и такъ же растрескалась, но всѣ отдѣльныя глыбы производили впечатлѣніе, какъ будто онѣ были низвергнуты въ свое теперешнее положеніе тысячелѣтія тому назадъ.

Мы провели день на вершинѣ горы, и я никогда не наслаждался такъ, какъ въ этотъ день. Чили, окруженное Андами и Тихимъ океаномъ, было видно какъ на картѣ. Наслажденіе, получаемое отъ прекраснаго вида, усиливалось тѣми размышленіями, которыя возникали при созерцаніи горной цѣпи Кампаны и меньшихъ, параллельныхъ ей горъ, а также широкой долины Килота, пересѣкающей ихъ поперегъ. Кто можетъ воздержаться отъ удивленія при мысли о силѣ, поднявшей эти горы, и еще болѣе при размышленіи о безконечной вереницѣ лѣтъ, потребовавшейся для того, чтобы пробить, сдвинуть и выровнять значительную часть ихъ массы? Хорошо въ этомъ случаѣ вспомнить громадные валуны и осадочные слои Патагоніи, которые, если бы ихъ нагромоздить на Кордильеры, увеличили бы высоту ихъ на многія тысячи футовъ. Когда я посѣтилъ Патагонію, я удивлялся тому, что какая-либо горная цѣпь могла отдѣлить отъ себя такія громады и при этомъ не уничтожиться совсѣмъ. Но мы не должны видѣть чуда и въ обратномъ и

сомнѣваться въ томъ, можетъ ли всесильное время измельчить горы, даже такія исполинскія горы какъ Кордильеры, и превратить ихъ въ илъ и песокъ.

Видъ Андовъ отличался отъ того, что я ожидалъ. Низшая снѣговая линія шла, конечно, горизонтально, а ровный гребень горной цѣпи производилъ впечатлѣніе совершенно параллельной ей линіи. Только на большомъ другъ отъ друга разстояніи чередовались группы остроконечныхъ верхушекъ или выдѣлялся одинокій утесъ, что указывало на мѣсто, гдѣ былъ или еще существуетъ вулканъ. Вслѣдствіе этого цѣпь походила на большую, плотную стѣну съ кое-гдѣ возвышающейся башней; эта стѣна служитъ прекрасной оградой странѣ.

Почти вездѣ холмы изрыты вслѣдствіе старанія, направленныхъ къ открытію золотыхъ розсыпей: страсть къ добыванію металловъ едва ли оставила какое-либо мѣсто въ Чили неизслѣдованнымъ. Я провелъ вечеръ такъ же какъ наканунѣ, бесѣдуя у огня съ моими двумя спутниками. Чилійскіе гуазо, соотвѣтствующіе Пампасскимъ гаучосамъ, совсѣмъ, однако, отличаются отъ нихъ. Изъ двухъ этихъ странъ Чили наиболѣе просвѣщенная, вслѣдствіе чего жители утратили многія черты самобытности. Классовыя различія въ Чили гораздо рѣзче выражены; гуазо ни въ какомъ случаѣ не признаетъ каждаго человѣка своимъ равнымъ; я былъ очень удивленъ, увидавъ, что мои товарищи не хотѣли ѣсть въ одно время со мной. Такое чувство неравенства является необходимымъ послѣдствіемъ существованія денежной аристократіи. Говорятъ, что нѣкоторые изъ крупныхъ землевладѣльцевъ получаютъ отъ пяти до десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода; такого неравенства въ распредѣленіи богатствъ, думаю, не встрѣчается ни въ одной странѣ, занимающейся скотоводствомъ, къ востоку отъ Андовъ. Путешественникъ не найдетъ здѣсь широкаго гостепріимства, отказывающагося отъ всякой платы, но въ то же время предлагаемаго съ такой любезностью, что не стѣсняешься принять его. Почти каждый домъ въ Чили готовъ принять васъ на ночь, но на утро вы должны непремѣнно уплатить хоть бездѣлицу: даже богатый человѣкъ не откажется получить два, три шиллинга. Гаучо, хотя и бываетъ головорѣзомъ, но зато онъ джентльменъ; гуазо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше его, но онъ при этомъ вульгарный, очень обыкновенный человѣкъ. И тотъ, и другой занимаются почти одинаковыми дѣлами, но, однако, въ нравахъ ихъ и одеждѣ есть различія, и различія эти распространяются на все населеніе въ обѣихъ странахъ. Гаучо составляетъ одно цѣлое со своею лошадью и презираетъ дѣло, которое онъ не можетъ дѣлать, сидя на лошади; гуазо можно нанимать для полевыхъ работъ. Первый питается исключительно животной пищей, а послѣдній вполнѣ вегетаріанецъ. Мы не увидимъ въ Чили ни бѣлыхъ сапогъ, ни широкихъ шароваръ, ни красной чилипа—всего, что составляетъ живописный костюмъ Пампасовъ. Здѣсь носятъ обыкновенные штаны, засовывая ихъ въ черные съ зеленымъ шерстяные штиблеты. Пончо, однако, употребляется въ обѣихъ странахъ, Гуазо особенно гордится своими шпорами, отличающимися нелѣпой величиной. Въ одной изъ нихъ по моему измѣренію оказалось шесть дюймовъ въ діаметрѣ колесика, имѣвшаго до тридцати зубчиковъ. Стремена такихъ же размѣровъ: каждое изъ нихъ состоитъ изъ квадратнаго рѣзного куска дерева, которое, несмотря на то, что оно было выдолблено, вѣсило три или четыре фунта. Гуазо, можетъ быть, искуснѣе гаучо въ употребленіи лассо, но въ зависимости отъ природныхъ условій мѣстности, онъ не имѣетъ понятія о боласахъ.

Чилійскій рудокопъ.

18 августа. Мы спустились съ горы и проѣхали мимо нѣсколькихъ прелестныхъ мѣстечекъ съ ручейками и прекрасными деревьями. Проведя ночь въ той же гасіендѣ, мы въ слѣдующіе два дня проѣзжали вверхъ по долинѣ, захвативъ по дорогѣ Килоту, который скорѣе походитъ на собраніе питомниковъ, чѣмъ на городъ. Плодовые сады представляли чудный видъ, сплошное море персиковыхъ деревьевъ въ цвѣту. Въ двухъ мѣстахъ я видѣлъ финиковыя пальмы; это величественное дерево, и я думаю, что группы такихъ пальмъ въ родныхъ азіатскихъ или африканскихъ пустыняхъ должны быть поистинѣ великолѣпны. Мы тоже проѣхали Санъ-Фелиппе, хорошенькій, разбросанный городокъ вродѣ Килоты. Долина здѣсь расширяется въ одну изъ тѣхъ большихъ бухтъ или равнинъ, доходящихъ до подошвы Кордильеровъ, о которыхъ я упоминалъ, какъ о любопытной особенности въ чилійскомъ ландшафтѣ. Вечеромъ мы доѣхали до рудниковъ Хахуэль, которые находятся въ оврагѣ на склонѣ главнаго хребта. Я провелъ здѣсь пять дней. Мой хозяинъ, управляющій рудниками, былъ сметливый, но довольно невѣжественный корнуэльскій рудокопъ. Онъ былъ женатъ на испанкѣ и не собирался возвращаться на родину; но онъ продолжалъ безгранично восхищаться корнуэльскими рудниками. Онъ задавалъ мнѣ много вопросовъ и, между прочимъ, спросилъ: «Теперь, когда Джорджъ Рексъ умеръ, сколько же еще осталось въ живыхъ изъ семьи Рексовъ?» Этотъ Rex, должно быть родственникъ великаго писателя Finis, который написалъ всѣ книги!

Хахуэльскіе рудники даютъ мѣдную руду, которая вся отправляется моремъ въ Созанси для плавленія. Вслѣдствіе этого здѣшніе рудники отличаются необычайной тишиной въ сравненіи съ англійскими рудниками: уединеніе окрестныхъ горъ не нарушается ни дымомъ, ни печами, ни паровыми машинами.

Чилійское правительство, или скорѣе, старый испанскій законъ всякими мѣрами поощряетъ отыскиваніе рудъ. Человѣкъ, нашедшій руду, можетъ разрабатывать ее на чьей бы то ни было землѣ, если онъ заплатитъ пять шиллинговъ, но даже, не платя ничего, онъ имѣетъ право рыть землю въ чужомъ саду въ продолженіе двадцати дней.

Извѣстно, что чилійцы знаютъ самый дешевый способъ обработки рудниковъ. Хозяинъ мой говоритъ, что иностранцы

Чиленосцы.

внесли въ это дѣло два главныхъ улучшенія, а именно: они стали посредствомъ предварительнаго обжиганія возстановлять мѣдный колчеданъ, а такъ какъ онъ составляетъ обыкновенную руду въ Корнуэльсѣ, то англійскіе рудокопы были крайне удивлены, когда они по пріѣздѣ сюда увидали, что бросаютъ колчеданъ мѣдный какъ ненужный предметъ; во-вторыхъ стали промывать и толочь шлаки изъ старыхъ печей, чѣмъ добывается множество металлическихъ частицъ. Я дѣйствительно видѣлъ муловъ, нагруженныхъ такимъ шлакомъ и везущихъ его къ берегу для отправки въ Англію. Но гораздо любопытнѣе первый случай. Чилійскіе рудокопы были такъ твердо убѣждены въ томъ, что мѣдный колчеданъ не содержитъ въ себѣ ни одной частицы мѣди, что они смѣялись надъ невѣжествомъ англичанъ, а тѣ въ свою очередь смѣялись надъ ними покупая у нихъ самыя богатыя жилы за нѣсколько долларовъ. Удивительно что въ странѣ, гдѣ разработкой руды занимаются въ большихъ размѣрахъ и въ теченіе многихъ лѣтъ, не открыли простого способа обжиганія руды для удаленія сѣры передъ плавкою. Нѣкоторыя улучшенія были тоже введены въ простѣйшихъ механическихъ приспособленіяхъ; но, и до настоящаго времени, въ нѣкоторыхъ шахтахъ люди выносятъ воду въ кожаныхъ мѣшкахъ!

Рабочимъ приходится нести очень тяжелый трудъ. Свободнаго времени для ѣды имъ дается мало; лѣтомъ и зимою они начинаютъ работу со свѣтомъ, а кончаютъ, когда стемнѣетъ. Они получаютъ одинъ фунтъ стерлинговъ въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ, при чемъ каждому человѣку выдается шестнадцать фигъ и два небольшихъ хлѣбца на завтракъ, вареные бобы въ обѣдъ и толченыя жареныя зерна пшеницы на ужинъ. Мяса имъ почти не случается ѣсть, потому что изъ годового жалованья въ 12 фунтовъ стерлинговъ надо одѣться и содержать семьи. Рудокопы, занятые въ самомъ рудникѣ, зарабатываютъ 25 шиллинговъ въ мѣсяцъ; сверхъ того имъ выдаютъ немного charqui (сушенаго мяса). Но эти люди выходятъ изъ своихъ мрачныхъ жилищъ только разъ въ двѣ или три недѣли.

Во время моего пребыванія здѣсь я очень наслаждался прогулками въ этихъ горныхъ громадахъ. Геологія почвы, какъ можно было ожидать, представляетъ большой интересъ. Развалившіяся и оплавившіяся скалы, прорѣзанныя безчисленными жилами діорита, свидѣтельствовали о томъ, какіе перевороты происходили тутъ нѣкогда. Виды мѣстности очень напоминали окрестности Килотской Колокольной горы; вездѣ глазамъ представлялись сухія, безплодныя возвышенности, мѣстами поросшія кустарниками со скудной зеленью. Кактусы или, лучше сказать, опунціи встрѣчаются въ изобиліи. Я измѣрилъ одинъ изъ нихъ, имѣвшій шаровидную форму, и въ немъ оказалось, вмѣстѣ съ колючками 6 фут. и 4 дюйма въ окружности. Обыкновенный цилиндрическій и вѣтвистый видъ имѣетъ отъ 12 до 15 футовъ вышины и отъ 3 до 4 фут. въ обхватъ вѣтвей (вмѣстѣ съ иглами).

Сильный снѣгъ, выпавшій въ горахъ, помѣшалъ мнѣ въ послѣдніе два дня предпринимать какія-либо интересныя экскурсіи. Пробовалъ я достигнуть одного озера, которое, по непонятной причинѣ, считается мѣстными жителями за морской рукавъ. Во время сильной засухи было предложено провести каналъ отъ него для доставленія воды, но патеры, послѣ совѣщанія, объявили, что такое предпріятіе слишкомъ опасно, такъ какъ все Чили будетъ затоплено, если, какъ предполагали, озеро соединяется съ Тихимъ океаномъ. Мы поднялись на значительную высоту, но, попавъ въ снѣжные сугробы, не могли исполнить своего на-

мѣренія и должны были съ трудомъ вернуться назадъ. Я думалъ, что мы дорогой лишимся своихъ лошадей, потому что невозможно было угадать глубину сугробовъ, и лошади, которыхъ мы вели, могли подвигаться только прыжками. Темное небо пророчило новую снѣжную бурю, такъ что мы не мало обрадовались, выбравшись оттуда. Когда мы достигли основанія горы, буря разразилась; но счастью, она не началась тремя часами раньше.

26 августа. Мы покинули Хахуэль и опять переѣхали черезъ бассейнъ Санъ-Фелиппе. День былъ совсѣмъ чилійскій,— ослѣпительно яркій съ воздухомъ совершенно чистымъ. Вулканъ Аконкагуа и главная горная цѣпь поражали своимъ чуднымъ видомъ, благодаря густому и однообразному покрову недавно выпавшаго снѣга. Путь намъ лежалъ на Сантъ-Яго, столицу Чили. Мы переправились черезъ Серро-дель-Тальгуэнъ, и ночевали въ маленькомъ ранчо. Хозяинъ, разговаривая о состояніи Чили по сравненію съ другими странами, выказалъ большую скромность: «Иные смотрятъ двумя глазами», сказалъ онъ, «иные же—только однимъ глазомъ; а Чили, по моему мнѣнію, не смотритъ ни однимъ глазомъ».

27 августа. Перебравшись черезъ много низкихъ холмовъ, мы спустились въ замкнутую равнину Гюитронъ. Въ бассейнахъ, которые, подобно этому, возвышаются отъ тысячи до двухъ тысячъ футовъ надъ моремъ, растутъ въ большомъ количествѣ два вида акаціи, съ мало развитыми формами и весьма различные между собою. Эти деревья никогда не попадаются близъ морского берега, что придаетъ еще одну характерную черту этимъ бассейнамъ. Мы переѣхали черезъ низкій кряжъ, отдѣляющій Гюинтронъ отъ большой долины, на которой находится Сантъ-Яго. Видъ здѣсь открылся поразительный: совсѣмъ ровная поверхность, мѣстами покрытая рощами изъ акацій,—городъ въ отдаленіи, горизонтально упирающійся въ основаніе Андъ и снѣжныя вершины ихъ, освѣщенныя вечернимъ солнцемъ! При первомъ взглядѣ на этотъ видъ становится ясно, что равнина представляетъ вмѣстилище прежняго морского залива. Когда мы добрались до ровной дороги, то пустили лошадей въ галопъ и засвѣтло доѣхали до города.

Я оставался недѣлю въ Сантъ-Яго, проводя время очень пріятно. Утромъ я ѣздилъ по равнинѣ, посѣщалъ разныя мѣста, а вечеромъ обѣдалъ у нѣсколькихъ англійскихъ купцовъ, извѣстныхъ здѣсь своимъ гостепріимствомъ. Неизмѣннымъ источникомъ удовольствія служило мнѣ восхожденіе на небольшой каменистый холмъ (С.-Люція), возвышавшійся посреди города. Видъ города въ самомъ дѣлѣ производитъ поразительное впечатлѣніе и, какъ я уже замѣтилъ, онъ какой-то совсѣмъ особенный. Мнѣ говорили, что всѣ города большого мексиканскаго плоскогорья отличаются такимъ же характеромъ. Подробно описывать Сантъ-Яго я не буду; онъ не такъ красивъ и не такъ великъ, какъ Буэносъ-Айресъ, но построенъ по тому же образцу. Я пріѣхалъ сюда, сдѣлавъ объѣздъ съ сѣвера; поэтому я рѣшилъ вернуться въ Вальпарайсо, взявъ еще больше въ сторону отъ прямой дороги къ югу.

5 сентября. Около полудня мы доѣхали до одного изъ висячихъ мостовъ, сдѣланныхъ изъ кожи, которые ведутъ черезъ Майну, большую бурную рѣку, находящуюся въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Сантъ-Яго. Мосты эти—прежалкія сооруженія. Настилка, идущая по изгибу висячихъ канатовъ, сдѣлана изъ связокъ сучьевъ, которыя положены близко одна отъ другой. Настилка эта была полна дыръ и качалась довольно страшно даже подъ тяжестью одного человѣка, ведущаго свою лошадь. Вечеромъ мы прибыли на одну уютную ферму, гдѣ было нѣ-

сколько очень хорошенькихъ сеньоритъ. Онѣ ужаснулись, услыхавъ, что я только изъ любопытства заходилъ въ одну изъ ихъ церквей. «Отчего вы не сдѣлаетесь христіаниномъ?» спросили онѣ меня, «вѣдь наша вѣра истинная». Я увѣрялъ ихъ, что самъ нѣчто въ родѣ христіанина, но онѣ не хотѣли мнѣ вѣрить, и говорили ссылаясь на мои слова: «Да вѣдь ваши патеры, даже епископы женятся?». Нелѣпость предположенія, что у епископа можетъ быть жена, особенно поразила ихъ; онѣ не знали смѣяться ли надъ такой неслыханной гнусностью или ужасаться.

6 сентября. Мы направились на югъ и остановились на ночь въ Ранкагуа. Дорога шла по ровной, но узкой равнинѣ, окаймленной съ одной стороны высокими холмами, а съ другой Кордильерами. На слѣдующій день мы обогнули долину Ріо-Качапусалъ, гдѣ находятся горячіе источники Каукенесъ, которые давно славятся своими цѣлебными свойствами. Висячіе мосты въ менѣе посѣщаемыхъ мѣстахъ обыкновенно снимаются зимою, когда рѣки становятся мелководными. То же случилось и въ этой долинѣ, такъ что мы принуждены были верхомъ переѣхать черезъ ручей, что довольно непріятно, потому что пѣнящаяся вода, хотя и неглубокая, течетъ такъ стремительно по слою большихъ круглыхъ камней, что голова кружится и трудно даже разобрать подвигается ли лошадь впередъ или же стоитъ на мѣстѣ. Лѣтомъ, когда снѣга таютъ, такіе ручьи становятся совершенно непроходимыми; о силѣ и бурности ихъ теченія можно ясно судить по слѣдамъ, оставленнымъ ими. Мы доѣхали до цѣлебныхъ источниковъ къ вечеру и пробыли тамъ пять дней; въ послѣдніе два дня шелъ сильный дождь, что и задержало насъ. Постройки состоятъ изъ четыреугольника жалкихъ маленькихъ лачугъ; въ каждой изъ нихъ имѣется по единственному столу и по одной лавкѣ. Расположены онѣ въ узкой глубокой долинѣ какъ разъ внѣ центральныхъ Кордильеровъ. Это мирное, уединенное мѣстечко, отличающееся дикой прелестью.

Минеральные ключи Каукенесъ вытекаютъ на линіи смѣщенія породъ, проходящей черезъ толстый пластъ слоистой горной породы, изобличающей дѣйствіе высокой температуры. Значительное количество газа постоянно вырывается изъ отверстій вмѣстѣ съ водою. Несмотря на то, что только нѣсколько ярдовъ отдѣляютъ одинъ ключъ отъ другого, температура въ нихъ очень различна; причина этого заключается, какъ кажется, въ неравной примѣси холодной воды, потому что ключи съ наиболѣе низкой температурой почти не имѣютъ минеральнаго вкуса. Послѣ великаго землетрясенія 1822 года источники почти перестали давать воду и такъ продолжалось съ годъ. Землетрясеніе 1835 года тоже сильно повліяло на нихъ, при чемъ температура воды внезапно измѣнилась и съ 118^0 упала до 92^0 [1]). Очень вѣроятно, что подземныя потрясенія всегда оказываютъ болѣе вліянія на ключи, бьющіе изъ глубокихъ нѣдръ земли, нежели на тѣ, которые ближе къ поверхности. Смотритель ваннъ увѣрялъ меня, что лѣтомъ вода горячѣе и что ея больше. Первое понятно, потому что въ сухое время года бываетъ меньше примѣси холодной воды, но послѣднее показаніе кажется мнѣ очень страннымъ и противорѣчивымъ. Періодическая прибыль воды лѣтомъ, когда не бываетъ вовсе дождей, можетъ быть объяснена, какъ я полагаю, только тающимъ снѣгомъ, но горы, которыя бываютъ покрыты снѣгомъ въ лѣтнее время, отстоятъ на 9—12 миль отъ ключей. Я не имѣю основанія сомнѣваться въ точности разсказа смотрителя, который долженъ быть

[1]) Caldcleugh, въ Philosoph. Transact. за 1836 г.

хорошо освѣдомленъ, проживъ здѣсь нѣсколько лѣтъ; фактъ, сообщенный имъ, очень любопытенъ, если онъ дѣйствителенъ; мы должны въ такомъ случаѣ предположить, что снѣговая вода, протекая черезъ пористые слои къ области подземнаго жара, снова выбрасывается кверху на мѣстѣ двинутыхъ и нагроможденныхъ скалъ Каукенесъ, а правильность явленія какъ будто указываетъ на то, что въ этомъ районѣ раскаленные утесы находятся не на большой глубинѣ.

Я поѣхалъ разъ по долинѣ къ самому отдаленному изъ заселенныхъ мѣстъ. Немного выше этого пункта Качапуаль раздѣляется на два глубокихъ страшныхъ оврага, которые подходятъ прямо къ главному хребту. Я взобрался на остроконечную гору, имѣвшую вѣроятно болѣе 6000 футовъ вышины. Здѣсь, какъ и вездѣ впрочемъ, развертывались крайне интересныя картины.

Черезъ одинъ изъ этихъ враговъ Пинчейра проникъ въ Чили и опустошилъ сосѣднюю страну.—Это тотъ самый человѣкъ, который напалъ на станцію у Ріо-Негро, что было мной ранѣе описано. Ренегатъ полуиспанскаго происхожденія, онъ собралъ большой отрядъ индѣйцевъ и расположился съ ними на берегу одной рѣки въ пампасахъ; посылали на поиски за нимъ нѣсколько отрядовъ солдатъ, но никто не нашелъ мѣста его стоянки. Онъ дѣлалъ отсюда вылазки, переходилъ черезъ Кордильеры по неиспробованнымъ до тѣхъ поръ проходамъ и, опустошивъ фермы, уводилъ скотъ въ свой тайный притонъ. Пинчейра былъ превосходный наѣздникъ и всѣ его товарищи стали поневолѣ такими же, какъ онъ, потому что онъ неизмѣнно убивалъ всякаго, кто не рѣшался слѣдовать за нимъ. Противъ этого разбойника и другихъ кочующихъ индѣйцевъ генералъ Розасъ велъ истребительную войну.

13 сентября. Мы покинули ключи Каукенесъ и, выѣхавъ на большую дорогу, добрались до Ріо-Клара, гдѣ провели ночь. Отсюда мы отправились въ Санъ-Фернандо. Послѣдній замкнутый бассейнъ по дорогѣ расширяется въ большую равнину, которая простирается такъ далеко на югъ, что снѣжныя вершины болѣе отдаленныхъ Андъ виднѣются какъ бы надъ горизонтомъ моря. Санъ-Фернандо отстоитъ на 120 миль отъ Сантъ-Яго; я не ѣздилъ южнѣе этого города. Прямо отсюда мы повернули къ морскому берегу. Мы ночевали у золотыхъ пріисковъ Яквиль, которые разрабатываются американцемъ, Никсономъ; его гостепріимству я премного обязанъ за четыре дня, проведенные въ его домѣ. На слѣдующее утро мы поѣхали на пріиски, находящіяся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ вершины высокаго холма. По пути мы мелькомъ видѣли озеро Тагватагва, прославившееся своими плавающими островами, описанными Гей [1]). Острова эти образовалиись изъ стволовъ различныхъ высохшихъ растеній, переплетенныхъ между собою, а на ихъ поверхности коренятся другія живыя растенія. Форма острововъ обыкновенно круглая, а толщина ихъ равняется 4 или 6 футамъ, при чемъ большая часть находится подъ водою. Когда дуетъ вѣтеръ, они передвигаются съ одной стороны озера на другую и часто уносятъ коровъ и лошадей въ видѣ пассажировъ.

Осматривая пріиски, я былъ пораженъ блѣдными лицами многихъ рабочихъ и сталъ разспрашивать г. Никсона о ихъ положеніи. Рудникъ имѣетъ глубину въ 450 футовъ, и каждый рабочій поднимаетъ на поверхность около 200 фунтовъ камня. Съ такой тяжестью работникамъ приходится

[1]) Annales des Sciences Naturelles, Mars 1833. Г. Гей, ревностный и способный натуралистъ занимался въ то время изученіемъ естественной исторіи на всемъ протяженіи государства Чили.

взбираться по зарубкамъ, сдѣланнымъ на древесныхъ стволахъ, которые положены зигзагами вверхъ по шахтѣ. Даже безбородые юноши 18 и 20 лѣтъ, съ мало развитыми мускулами (они ходятъ раздѣтые, въ однихъ панталонахъ) поднимаются почти съ такой же глубины, неся столь тяжелыя ноши. Сильный мужчина, не привыкшій къ такой работѣ, обливается потомъ отъ усилія при поднятіи лишь собственнаго тѣла. При столь тяжеломъ трудѣ рабочіе питаются исключительно вареными бобами и хлѣбомъ. Они предпочли бы ѣсть одинъ хлѣбъ, но хозяева находя, что тогда они не будутъ въ состояніи исполнить свою тяжелую работу, обращаются съ ними какъ съ лошадми и заставляютъ ихъ ѣсть бобы. Плату здѣсь рабочіе получаютъ нѣсколько большую чѣмъ на рудникахъ въ Хахуэлѣ, а именно отъ двадцати четырехъ до двадцати восьми шиллинговъ въ недѣлю. Имъ дается отпускъ разъ въ три недѣли, когда они могутъ пробыть два дня съ своими семьями. На пріискахъ существуетъ правило, которое кажется очень строгимъ, но оно выгодно хозяевамъ: есть только одинъ способъ красть золото,—а именно, прятать куски руды и уносить ихъ при удобномъ случаѣ. Всякій разъ, что управляющій найдетъ спрятанный кусокъ, полная стоимость его вычитается изъ жалованья всѣхъ рабочихъ, которые такимъ образомъ, не договариваясь, наблюдаютъ другъ за другомъ.

Когда руду привозятъ на мельницу, она мелется и обращается въ мельчайшій порошокъ; во время промыванія удалются всѣ легчайшія частицы, между тѣмъ какъ процессъ амальгамаціи окончательно выдѣляетъ золотую пыль. Промываніе представляется на словахъ очень простымъ дѣломъ; но удивительно видѣть, какъ, благодаря точному приспособленію водяной струи къ удѣльному вѣсу золота, легко достигается отдѣленіе измельченыхъ земляныхъ веществъ отъ металла. Грязь, выходящая изъ мельницы, собирается въ ямы, гдѣ отстаивается; ее вынимаютъ оттуда отъ времени до времени и складываютъ въ одну кучу. Тутъ начинается сложный химическій процессъ: различныя соли выкристаллизовываются на поверхности, и вся масса твердѣетъ. Ее оставляютъ въ покоѣ на годъ или на два послѣ чего снова промываютъ и тогда изъ нея добываютъ золото; такой процессъ повторяется до шести, семи разъ, но съ каждымъ разомъ количество золота уменьшается, промежутки же между работами, нужные, по словамъ туземцевъ, для нарожденія металла, становятся длиннѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что упомянутое химическое дѣйствіе каждый разъ выдѣляетъ золото изъ какого-нибудь соединенія. Изобрѣтеніе способа, которымъ достигался бы такой же результатъ до переработки на мельницѣ, конечно увеличило бы цѣнность золотой руды во много разъ. Любопытно слѣдить за тѣмъ, какъ разсѣянныя мелкія частицы золота, не подвергаясь никакому измѣненію, собираются мало-по-малу въ порядочныя количества. Недавно нѣсколько рудокоповъ, оставшихся безъ работы, получили позволеніе сгрести землю кругомъ дома и мельницы; они промыли собранную землю и добыли золота на 30 долларовъ. Совершенно то же происходитъ и въ природѣ. Горы понижаются и стираются съ поверхности земли, а съ ними вмѣстѣ и металлическія жилы, которыя въ нихъ содержатся. Самые твердые камни превращаются въ порошокъ, простые металлы окисляются, но золото, платина и немногіе другіе металлы почти неразрушимы, и такъ какъ по своей тяжести они падаютъ внизъ, то остаются на мѣстѣ. Послѣ того какъ цѣлыя горы прошли черезъ эту природную мельницу и промылись рукою той же природы, осадокъ дѣлается рудоноснымъ, и человѣкъ находитъ выгоднымъ для себя довершить работу отдѣленія металловъ.

Какъ ни плохи кажутся условія труда рудокоповъ, но они охотно идутъ на этотъ трудъ, потому что положеніе рабочихъ, воздѣлывающихъ землю, гораздо хуже. Заработокъ ихъ ниже, а пища состоитъ почти исключительно изъ бобовъ. Такая бѣдность, должно быть, происходитъ отъ системы воздѣлыванія земли, схожей съ феодальной системой: землевладѣлецъ даетъ небольшой участокъ земли рабочему для того, чтобы онъ могъ построить на ней домъ и воздѣлывать ее, но за это рабочій (или замѣститель его) обязанъ работать на хозяина въ продолженіе всей своей жизни безплатно. Прежде чѣмъ отецъ выраститъ сына, способнаго уплачивать своимъ трудомъ за арендуемую землю, некому позаботиться о собственной его землѣ, развѣ въ какіе-нибудь случайные дни. Вотъ почему крайняя бѣдность часто встрѣчается здѣсь между людьми изъ трудящагося класса.

Нѣсколько старыхъ индѣйскихъ развалинъ встрѣчаются въ здѣшнихъ окрестностяхъ и мнѣ показывали одинъ изъ просверленныхъ камней, о которыхъ упоминаетъ Молина, говоря, что они попадаются во многихъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ. Они имѣютъ круглую, сплющенную форму, отъ 5 до 6 дюймовъ въ діаметрѣ, съ отверстіемъ ровно посерединѣ. Есть распространенное предположеніе, что эти камни служили въ видѣ наконечниковъ на дубинахъ, хотя форма ихъ не представляется удобной для такого употребленія. Берчель [1]) разсказываетъ, что нѣкоторыя племена въ южной Африкѣ выкапываютъ коренья палкой съ заостреннымъ концомъ, при чемъ сила и тяжесть палки увеличивается круглымъ камнемъ съ отверстіемъ, въ которое плотно вправленъ другой конецъ палки. Представляется вѣроятнымъ, что чилійскіе индѣйцы употребляли въ прежнее время земледѣльческое орудіе такого же грубаго свойства. Однажды насъ посѣтилъ нѣмецкій собиратель коллекцій по естественной исторіи, по фамиліи Ренусъ, и почти одновременно съ нимъ явился старый испанскій адвокатъ. Разговоръ ихъ, переданный мнѣ показался мнѣ очень забавнымъ. Ренусъ говорилъ такъ хорошо по-испански, что старый адвокатъ принялъ его за чилійца. Ренусъ, намекая на меня, спросилъ его, что онъ думаетъ объ англійскомъ королѣ, пославшемъ въ ихъ страну коллекціонера, который долженъ собирать ящерицъ и жуковъ, а также дробить камешки. Старый господинъ призадумался и, наконецъ, сказалъ: «Тутъ что-то не ладно,—hay un gato encerrado aqui (т.-е. тутъ кошка спрятана). Нѣтъ такого богатаго человѣка, чтобы посылать людей за подобными пустяками. Мнѣ это не нравится: если бъ кто-нибудь изъ насъ отправился въ Англію и сталъ бы тамъ заниматься такими дѣлами, не думаете ли вы, что англійскій король очень скоро выслалъ бы насъ вонъ изъ своей страны?» И надо замѣтить, что старый господинъ, говорившій это, уже по своей профессіи принадлежалъ къ наиболѣе просвѣщеннымъ классамъ! Самъ Ренусъ два или три года передъ этимъ оставилъ въ одномъ домѣ въ Санъ-Фернандо нѣсколько гусеницъ, поручивъ дѣвушкѣ кормить ихъ, чтобы онѣ могли превратиться въ бабочекъ. Слухъ объ этомъ прошелъ по городу, и кончилось тѣмъ, что патеры совѣщались съ губернаторомъ и рѣшили, что тутъ кроется какая-нибудь ересь. Вслѣдствіе этихъ толковъ Ренусъ, по возвращеніи въ городъ, былъ арестованъ.

19 сентября. Мы уѣхали изъ Яквиля, направляясь вдоль плоской равнины, образовавшейся такъ же какъ Килотская равнина и орошаемой Ріо-Тиндеридика. Даже въ немногихъ миляхъ южнѣе Сантъ-Яго климатъ

[1]) Burchels Travel's vol. II, p. 45.

гораздо болѣе влаженъ, вслѣдствіе чего встрѣчаются прекрасныя пастбища, которыя не орошаются искусственно.

20 сентября. Долина, по которой мы ѣхали превращается въ широкую равнину, простирающуюся отъ моря до горъ, расположенныхъ на западѣ отъ Ранкагуа. Вскорѣ намъ перестали попадаться деревья и даже кустарники, такъ что жителямъ здѣсь столь же трудно добывать топливо, какъ и обитателямъ пампасовъ. Не слыхавъ никогда объ этихъ равнинахъ, я очень удивился, когда увидалъ такую мѣстность въ Чили. Равнины занимаютъ цѣлую серію различныхъ возвышеній и ихъ пересѣкаютъ широкія плоскодонныя долины; оба эти обстоятельства указываютъ, такъ же какъ въ Патагоніи, на дѣйствіе моря въ медленно подымающейся странѣ. Крутыя скалы, окружающія здѣшнія долины, имѣютъ нѣсколько большихъ пещеръ, которыя несомнѣнно образовались первоначально волнами; одна изъ этихъ пещеръ извѣстна подъ именемъ Cueva del obispo и нѣкогда она считалась священной. Въ теченіе дня я почувствовалъ себя очень плохо, и съ тѣхъ поръ не могъ поправиться до конца октября.

22 сентября. Мы продолжали двигаться по зеленымъ равнинамъ безъ деревьевъ. На слѣдующій день мы пріѣхали въ одинъ домъ близъ Наведада, на морскомъ берегу; здѣсь богатый хозяинъ хаціенды отвелъ для насъ помѣщеніе. Я оставался у него два слѣдующіе дня и, хотя мнѣ сильно нездоровилось, но все-таки удалось собрать нѣсколько морскихъ раковинъ изъ третичной формаціи.

24 сентября. Путь нашъ лежитъ отсюда на Вальпарайсо, куда я съ большимъ трудомъ доѣхалъ 27-го и слегъ въ постель до конца октября. Время болѣзни я провелъ въ домѣ г. Корфильда и не знаю, какъ выразить словами всю его доброту по отношенію ко мнѣ.

Прибавлю еще нѣсколько наблюденій, здѣланныхъ мною надъ нѣкоторыми звѣрями и птицами Чили. Здѣсь нерѣдко встрѣчается пума или южно-американскій левъ. Это животное имѣетъ широкое географическое распространеніе, его можно найти вездѣ, начиная отъ экваторіальныхъ лѣсовъ, въ патагонскихъ пустыняхъ и кончая на югѣ сырыми, холодными широтами (53° до 54°) Огненной Земли. Я видѣлъ слѣды пумы въ Кордильерахъ центральнаго Чили на высотѣ по крайней мѣрѣ 10.000 футовъ. Въ Ла-Платѣ пума нападаетъ преимущественно на оленей, страусовъ, вискашу и другихъ мелкихъ млекопитающихъ; онъ здѣсь рѣдко бросается на скотъ или на лошадей, и еще рѣже на людей. Въ Чили, однако, пума уничтожаетъ много молодыхъ лошадей и скота, вѣроятно вслѣдствіе малочисленности другихъ млекопитающихъ; разсказывали мнѣ тоже про случай съ двумя мужчинами и одной женщиной, погибшихъ такимъ образомъ. Говорятъ, что пума всегда убиваетъ свою добычу, бросаясь ей на плечи и задирая одной лапой голову, пока не затрещатъ позвонки. Я видѣлъ въ Патагоніи скелеты гуанако съ шеями, вывернутыми такимъ способомъ.

Пума, наѣвшись досыта, покрываетъ трупъ множествомъ большихъ вѣтвей и ложится, чтобы стеречь его. Благодаря этой привычкѣ его легко находятъ, такъ какъ кондоры, носясь въ воздухѣ, спускаются отъ времени до времени, желая раздѣлить трапезу съ пумой, но, встрѣтивъ злобный отпоръ, улетаютъ наверхъ. Чилійскій гуазо знаетъ тогда, что есть поблизости левъ насторожѣ; дается распоряженіе, и люди съ собаками спѣшатъ на охоту. Сэръ Ф. Гедъ говоритъ, что одинъ гаучо въ пампасахъ, завидѣвъ кондоровъ, которые кружились въ воздухѣ, закричалъ: «Левъ!» Самому мнѣ не приходилось встрѣтить человѣка съ такой спо-

собностью къ угадыванію по примѣтамъ. Утверждаютъ, что если пума хоть разъ попадется въ то время, какъ онъ караулитъ трупъ и сдѣлается предметомъ охоты, то онъ никогда больше не будетъ слѣдовать своей привычкѣ, а, напротивъ, наѣвшись вдоволь, отправится странствовать далеко отъ того мѣста, гдѣ лежитъ трупъ убитаго имъ звѣря. Пуму легко убить. Въ открытой мѣстности его сперва запугиваютъ боласами, потомъ накидываютъ арканъ и волочатъ по землѣ, пока онъ не лишится чувствъ. Въ Тандилѣ (южнѣе Ла-Платы) мнѣ говорили, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ истребили такимъ образомъ сотню пумъ. Въ Чили ихъ обыкновенно загоняютъ въ кусты или на деревья, гдѣ ихъ застрѣливаютъ или до смерти затравливаютъ собаками. Собаки, которыя употребляются на охоту за пумами, принадлежатъ къ породѣ, называемой леонеросами; это слабыя, легкія животныя, въ родѣ длинноногихъ теріеровъ, но онѣ одарены особеннымъ инстинктомъ для этой охоты. Про пуму разсказываютъ, что онъ очень хитеръ, когда его преслѣдуютъ, онъ часто возвращается по прежнему слѣду, потомъ, сдѣлавъ внезапный прыжокъ въ сторону, дожидается, чтобы дать собакамъ пробѣжать мимо. Пума очень молчаливое животное; онъ не кричитъ даже, когда его ранили и только изрѣдка кричитъ во время течки.

Что касается птицъ, здѣсь всего замѣчательнѣе два вида изъ рода Pteroptochos (megapodius и albicollis Китлитца). Первая, извѣстная у чилійцевъ подъ именемъ «el turco», величиною съ дрозда-рябинника, съ которымъ она находится въ нѣкоторомъ сродствѣ; но у этой птицы ноги гораздо длиннѣе, хвостъ короче, а клювъ крѣпче; цвѣтъ ея красновато-коричневый. Turco принадлежитъ къ самымъ обыковеннымъ птицамъ. Она живетъ на землѣ, укрываясь въ зарослякъ, разбросанныхъ по сухимъ и безплоднымъ холмамъ. Ее можно замѣтить по поднятому хвосту и ходилеобразнымъ ногамъ въ то время какъ она перебѣгаетъ отъ одного куста къ другому съ необычайной быстротой. Даже не обладая сильнымъ воображеніемъ, легко себѣ представить, что птица сама стыдится своей крайне смѣшной наружности. При первомъ взглядѣ на нее хочется воскликнуть: «Дурно набитое чучело выбѣжало изъ какого-нибудь музея и снова ожило!» Безъ труда нельзя ее заставить летѣть, бѣгать она тоже не любитъ, но только подпрыгиваетъ. Разнообразные громкіе крики, которые она издаетъ, сидя въ кустахъ, такъ же странны, какъ и ея наружность. Я анатомировалъ нѣсколько экземпляровъ и нашелъ въ мускулистомъ зобу жуковъ, растительныя волокна и камни. Судя по этимъ признакамъ, по длиннымъ ногамъ, перепончатой оболочкѣ у ноздрей, коротким и дугообразнымъ крыльямъ, птица эта, кажется, представляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи переходъ отъ дроздовъ къ куринымъ.

Второй видъ (P. albicollis) сходенъ съ первымъ по общему своему виду; зовутъ его «Tapacolo», т.-е. «прикрой задъ»; и дѣйствительно, маленькая безстыдная птичка вполнѣ заслуживаетъ такое прозвище, такъ какъ она держитъ хвостъ не только поднятымъ, но загнутымъ вдоль спины къ головѣ. Она встрѣчается въ большомъ количествѣ и водится въ глубинѣ живыхъ изгородей, а также въ кустарникахъ, разбросанныхъ по безплоднымъ холмамъ, гдѣ рѣдкая птица можетъ существовать. По ея способу питанія, по быстрому перескакиванію изъ кустовъ въ кусты, по желанію скрываться, по неохотѣ летать и по устройству гнѣзда она очень похожа на turco, но наружность ея менѣе смѣшна. Tapacolo пресмышленая птица; если ее кто-нибудь испугаетъ, она неподвижно просидитъ въ глубинѣ куста, а черезъ нѣкоторое время постарается ловко

проскользнуть съ противоположной стороны. Птица эта кромѣ того очень дѣятельна и всегда шумлива; звуки, издаваемые ею, очень разнообразны и странны: нѣкоторые напоминаютъ воркованіе голубя, другіе—журчаніе воды, а многіе ни съ чѣмъ несравнимы. Поселяне говорятъ, что tapacolo мѣняетъ свой крикъ пять разъ въ году, въ связи съ перемѣнами временъ года, какъ я полагаю [1]).

Встрѣчаются здѣсь два вида колибри; Trochilus forficatus попадается на пространствѣ 2.500 миль на западномъ берегу, отъ жаркихъ сухихъ окрестностей Лимы до лѣсовъ Огненной Земли; здѣсь эти птицы летаютъ и въ снѣжныя бури. На лѣсистомъ островѣ Чилоэ, гдѣ чрезвычайно сырой климатъ, маленькая птичка эта встрѣчается чаще всѣхъ другихъ птичьихъ породъ; она прыгаетъ изъ стороны въ сторону среди мокрой листвы. Я вскрывалъ желудки нѣсколькихъ экземпляровъ, застрѣленныхъ въ разныхъ частяхъ материка, и во всѣхъ находилъ столько же остатковъ насѣкомыхъ, какъ въ желудкѣ пищухи. Во время лѣтняго перелета на югъ, видъ этотъ замѣняется другимъ видомъ, прилетающимъ съ сѣвера. Птица этого второго вида (Trochilus gigas) очень велика для миніатюрнаго семейства, къ которому онѣ принадлежатъ; на лету у нихъ видъ очень странный. Подобно другимъ представителямъ того же рода, Trochilus gigas движется съ мѣста на мѣсто съ быстротой, которую можно сравнить съ быстротой Syrphus'a между мухами и Sphinx'a между ночными бабочками; но, въ то время какъ птичка порхаетъ надъ цвѣткомъ, она машетъ крыльями медленно и сильно, что совсѣмъ не похоже на трепетное движеніе, свойственное большей части видовъ, издающихъ жужжаніе. Я не видалъ другой птицы, у которой сила крыльевъ являлась бы (какъ у бабочекъ) столь значительной по отношенію къ вѣсу тѣла. Во время порханія надъ цвѣткомъ хвостъ этой птицы постоянно то распускается, то сжимается, наподобіе вѣера, а тѣло въ это время имѣетъ почти вертикальное положеніе. Это, повидимому, служитъ поддержкой и опорой птицы въ промежуткахъ между медленными движеніями ея крыльевъ. Хотя она перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ въ поискахъ за пищей, но въ желудкѣ ея всегда находится множество остатковъ насѣкомыхъ, за которыми, какъ я подозрѣваю, она гоняется гораздо болѣе, нежели за медомъ. Крикъ у этого вида, какъ вообще у всего семейства, крайне пронзительный.

---

[1]) Замѣчательно, что Молина, несмотря на то, что онъ описалъ во всѣхъ подробностяхъ птицъ и звѣрей въ Чили, ни разу не упоминаетъ объ этомъ родѣ, виды котораго такъ распространены здѣсь и такъ замѣчательны своими нравами. Былъ ли онъ въ сомнѣніи насчетъ того, куда ихъ отнести и поэтому не счелъ ли онъ за лучшее умолчать о нихъ? Тутъ мы видимъ еще примѣръ частыхъ пропусковъ со стороны авторовъ относительно такихъ предметовъ, по поводу которыхъ всего менѣе можно было ожидать пропуска.

ГЛАВА XIII.

Чилоэ и острова Чоносъ.

Чилоэ.—Общій видъ.—Поѣздка въ лодкахъ.—Туземные индѣйцы.—Кастро.—Ручная лисица. — Восхожденіе на Санъ-Педро. — Архипелахъ Чоносъ.—Полуостровъ Трехъ Горъ.—Гранитная цѣпь.—Моряки, потерпѣвшіе крушеніе.—Гавань Лоу.—Дикій картофель.—Образованіе торфа.—Myopotamus, выдра и мыши.—Cheucau и лающая птица.—Opetiorhynchus.—Особенный характеръ орнитологіи.—Буревѣстники.

10 ноября. «Бигль» отплылъ изъ Вальпарайсо на югъ, чтобы изслѣдовать южную часть Чили, островъ Чилоэ и изрѣзанную моремъ землю, извѣстную подъ именемъ архипелага Чоносъ, до полуострова Трехъ Горъ. 21-го мы бросили якорь въ бухтѣ С. Карлоса, главнаго города на островѣ Чилоэ.

Этотъ островъ простирается на 90 миль въ длину и менѣе чѣмъ на 30 миль въ ширину. Поверхность его холмиста, но не гориста и покрыта сплошнымъ лѣсомъ; только мѣстами виднѣются не многіе расчищенные зеленые участки вокругъ хижинъ, крытыхъ соломою. Издали видъ нѣсколько напоминаетъ Огненную Землю; но вблизи лѣса несравненно прекраснѣе. Разнообразныя хвойныя деревья и растенія тропическаго характера замѣняютъ здѣсь мрачные буковые лѣса южныхъ береговъ. Зимою климатъ отвратителенъ, да и лѣтомъ немного лучше. Я думаю, что мало найдется мѣстъ въ умѣренномъ поясѣ, гдѣ бы дождь лилъ такъ часто. Вѣтеръ здѣсь то и дѣло бушуетъ, а небо почти всегда покрыто тучами; можно считать за рѣдкость, если выдается недѣля хорошей погоды. Трудно выбрать время хоть разъ увидѣть Кордильеры: въ первое наше посѣщеніе вулканъ Озорно показался ясно очерченный единственный разъ, и то передъ восходомъ солнца; любопытно было наблюдать, какъ, по мѣрѣ восхожденія солнца, очертанія горы постепенно исчезали въ блескѣ восточнаго небосклона.

По цвѣту кожи и низкому росту туземцевъ можно предполагать, что въ ихъ жилахъ течетъ три четверти индѣйской крови. Это—кроткіе, смирные, трудолюбивые люди. Хотя плодородная почва, явившаяся результатомъ разложившихся вулканическихъ породъ, производитъ богатую растительность, но климатъ не благопріятствуетъ такимъ произведеніямъ, которыя требуютъ много солнечнаго свѣта для созрѣванія.

Здѣсь мало пастбищъ для крупнаго домашняго скота, вслѣдствіе чего главными предметами питанія служатъ свиньи, картофель и рыба. Жители носятъ платья изъ толстой шерстяной ткани, выдѣлываемой въ каждой семьѣ для собственнаго употребленія и окрашиваемой въ темно-синій цвѣтъ.

Ремесла однако находятся на самой низкой ступени развитія, о чемъ можно заключить по странному способу, которымъ жители воздѣлываютъ землю, прядутъ ткани, мелютъ зерно и строятъ лодки. Лѣса до того непроходимы, что хлѣбопашествомъ почти не занимаются, кромѣ какъ вблизи морского берега и на прилегающихъ островкахъ. Даже тамъ, гдѣ есть тропинки, онѣ почти недоступны вслѣдствіе мягкаго, болотистаго свойства почвы. Жители, такъ же какъ обитатели Огненной Земли, передвигаются главнымъ образомъ по берегу или въ лодкахъ. Хотя у нихъ изобиліе пищи, но все-таки это очень бѣдный народъ; на трудъ нѣтъ вовсе спроса, такъ что низшіе классы не могутъ накопить денегъ достаточныхъ для покупки даже самыхъ скромныхъ вещей. Чувствуется

тоже сильный недостатокъ въ звонкой монетѣ. Я видѣлъ человѣка, несшаго на спинѣ мѣшокъ съ углемъ, взамѣнъ котораго онъ долженъ былъ получить какую-то бездѣлушку; другой тащилъ доску въ обмѣнъ на бутылку вина. Поэтому каждый промышленникъ долженъ быть одновременно купцомъ и перепродавать обмѣненные имъ товары.

24 ноября. Шлюпка и вельботъ были посланы подъ начальствомъ г. Селивана (теперь капитана) для съемки восточнаго берега острова Чилоэ. Предписано было г. Селивану встрѣтить «Бигль» на южной оконечности острова, откуда корабль долженъ былъ плыть вокругъ внѣшней стороны такъ, чтобы обогнуть весь островъ. Я поѣхалъ съ экспедиціей, но вмѣсто, того чтобы отправиться въ лодкѣ, я нанялъ лошадей съ тѣмъ, чтобы меня довезти въ Чакао, на сѣверный край острова. Дорога шла берегомъ, а отъ времени до времени попадались мысы, поросшіе великолѣпными лѣсами. На этихъ тѣнистыхъ дорогахъ необходимо устраивать настилку изъ бревенъ, сложенныхъ одно подлѣ другого, иначе невозможно было бы проѣзжать. Такъ какъ лучи солнца сюда не проникаютъ, то почва становится настолько сыра и мягка, что безъ бревенчатой настилки ни человѣкъ, ни лошадь не могли бы тутъ пройти. Я пріѣхалъ въ деревню Чакао вскорѣ послѣ того, какъ тамъ раскинули палатки, привезенныя на нашихъ лодкахъ.

Здѣшняя мѣстность расчищена на большомъ пространствѣ, такъ что въ лѣсу встрѣчается много тихихъ и чрезвычайно живописныхъ уголковъ. Чакао былъ въ прежнее время главнымъ портомъ этого острова; но, такъ какъ случались частыя кораблекрушенія вслѣдствіе опасныхъ теченій и скалъ въ проливахъ, испанское правительство сожгло церковь и такимъ образомъ самовластно принудило большую часть жителей переселиться въ Санъ-Карлосъ. Вскорѣ послѣ того какъ мы расположились на ночлегъ, къ намъ явился босоногій сынъ губернатора, чтобы развѣдать, что мы за люди. Замѣтивъ англійскій флагъ, развѣвавшійся на мачтѣ шлюпки, онъ спросилъ съ равнодушнымъ видомъ, всегда ли онъ будетъ развѣваться въ Чакао. Во многихъ мѣстахъ жители очень удивлялись появленію лодокъ съ военнаго корабля и выражали надежду, что вслѣдъ за этимъ прибудетъ испанскій флотъ, идущій отнять островъ у правительства Чили. Представители администраціи были однако освѣдомлены о нашемъ посѣщеніи и были съ нами очень вѣжливы. Во время нашего ужина губернаторъ пріѣхалъ къ намъ съ визитомъ. Прежде онъ былъ полковникомъ на испанской службѣ, но теперь жилъ очень бѣдно. Онъ намъ подарилъ двѣ овцы и принялъ взамѣнъ два бумажныхъ носовыхъ платка, нѣсколько мѣдныхъ украшеній и немного табаку.

25 ноября. Потоки дождя; но мы все-таки спустились по берегу до Гуапи-Лену. Вся восточная сторона Чилоэ представляетъ однообразный видъ; во всѣ стороны тянется равнина, прорѣзанная долинами и раздѣленная на маленькіе острова, вездѣ сплошной темно-зеленый лѣсъ. На опушкахъ попадаются расчищенныя поляны, среди которыхъ стоятъ хижины съ высокими кровлями.

26 ноября. Наступилъ чудный свѣтлый день. Вулканъ Озорно выпускалъ густые клубы дыма. Эта прекрасная гора, имѣющая форму совершеннаго конуса и сверкающая снѣжной бѣлизной, выступаетъ впереди Кордильеровъ. Другой большой вулканъ, съ вершиною въ видѣ сѣдла, также дымился, выпуская изъ огромнаго жерла небольшія струйки дыма.

Позднѣе мы увидали Корковадо съ высокимъ шпицомъ; эта вершина носитъ достойное названіе—«el famoso Corcovado». Итакъ, мы съ одной точки могли обозрѣвать три дѣйствующіе вулкана, изъ которыхъ каждый

имѣетъ около 7000 футовъ вышины. Кромѣ того, далеко на югѣ виднѣлись другіе высокіе конусы, покрытые снѣгомъ, и хотя они, повидимому, бездѣйствовали, но происхожденіе ихъ должно быть вулканическое. Черта Андовъ здѣсь не достигаетъ такой высоты, какъ въ Чили; къ тому же она не проводитъ столь рѣзкой границы между двумя странами. Эта большая горная цѣпь, несмотря на то, что она тянется по прямой линіи съ сѣвера на югъ, производитъ всегда впечатлѣніе болѣе или менѣе выгнутой линіи вслѣдствіе оптическаго обмана; линіи, направленныя отъ каждой вершины къ глазу наблюдателя, сходятся какъ радіусы полукруга, а такъ какъ невозможно (благодаря чистотѣ воздуха и отсутствію промежуточныхъ предметовъ) судить о разстояніи отдаленнѣйшихъ вершинъ, то горная цѣпь производитъ впечатлѣніе сплюснутаго полукруга.

Высадившись въ полдень, мы увидали семью чисто-индѣйскаго происхожденія. Отецъ замѣчательно былъ похожъ на Іорка Минстера, а нѣкоторыхъ изъ младшихъ сыновей, отличавшихся красными щеками, можно было принять за пампасскихъ индѣйцевъ. Все что мнѣ пришлось видѣть убѣждаетъ меня въ томъ, что между различными американскими племенами существуетъ близкое сродство, несмотря на то, что они говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ. Партія, встрѣченная нами, знала нѣсколько испанскихъ словъ и говорила между собою на своемъ языкѣ. Пріятно видѣть туземцевъ, которые достигли одинаковой степени развитія (какъ бы низко оно ни стояло) съ своими бѣлыми завоевателями. Южнѣе мы встрѣтили много чистокровныхъ индѣйцевъ: всѣ жители нѣкоторыхъ островковъ сохранили даже свои индѣйскія прозвища. По переписи 1832 года на о—вѣ Чилоэ и прилегающихъ къ нему островахъ насчитывалось сорокъ двѣ тысячи душъ; большая часть изъ нихъ, повидимому, смѣшаннаго происхожденія. Одиннадцать тысячъ носятъ индѣйскія прозвища, но очень вѣроятно, что не всѣ они чистые индѣйцы. Образъ жизни они ведутъ одинаковый съ остальными бѣдными обитателями, и всѣ они—христіане, хотя, слышно, что они придерживаются еще странныхъ суевѣрныхъ обрядовъ, и увѣряютъ, что они имѣютъ сношенія съ діаволомъ въ извѣстныхъ пещерахъ. Въ былое время каждаго человѣка, уличеннаго въ такомъ преступномъ дѣяніи, отправляли на судъ инквизиціи въ Лимѣ.

Многіе туземцы, не включенные въ тѣ одиннадцать тысячъ, которыя носятъ индѣйскія прозвища, ничѣмъ не отличаются по наружному виду отъ индѣйцевъ. Гомецъ, губернаторъ Лимы, происходитъ отъ родовитыхъ испанцевъ съ отцовской и материнской стороны, но, вслѣдствіе частыхъ браковъ его предковъ съ туземцами, онъ похожъ на настоящаго индѣйца. Губернаторъ Кинчао, тотъ очень хвастаетъ тѣмъ, что въ его жилахъ сохранилась чисто-испанская кровь.

Мы прибыли къ ночи въ прелестную бухточку на сѣверъ отъ острова Каукагуэ. Здѣшніе жители жаловались на недостатокъ земли. Происходитъ это частью отъ ихъ собственной небрежности, такъ какъ они не вырубаютъ лѣсовъ, а частью отъ стѣсненій со стороны администраціи, требующей непремѣнно, передъ покупкой самаго маленькаго участка, уплаты двухъ шиллинговъ землемѣру съ каждой квадры (150 квадр. ярдовъ), и это сверхъ платы, которую онъ назначаетъ по собственному усмотрѣнію. Послѣ оцѣнки, произведенной землемѣромъ, земля назначается три раза къ аукціонной продажѣ и, если у покупателя никто не перебьетъ землю, она остается за нимъ. Подобныя требованія должны служить серьезнымъ препятствіемъ для расчистки земли тамъ, гдѣ насе-

леніе столь бѣдно. Почти во всѣхъ странахъ лѣса выжигаютъ, что составляетъ нетрудный способъ расчистки; но въ Чилоэ, вслѣдствіе сырого климата и характера флоры, нужно предварительно рубить лѣсъ. Все это является большой помѣхой къ процвѣтанію Чилоэ. Во времена испанскаго владычества индѣйцы не имѣли права владѣть землей и, если какая-нибудь семья расчищала себѣ клочокъ земли, ее могли изгнать, и правительство могло конфисковать ея участокъ. Теперь чилійскія власти совершаютъ справедливое дѣло, желая вознаградить за прошлое бѣдныхъ индѣйцевъ,—каждому индѣйцу дается извѣстный кусокъ земли, сообразуясь съ его общественнымъ положеніемъ. Оцѣнка нерасчищенной земли весьма низка. Правительство назначило г. Дугласу (теперешній землемѣръ, отъ котораго я получилъ всѣ эти свѣдѣнія) восемь съ половиною квадратныхъ миль лѣса близъ Санъ-Карлоса въ видѣ уплаты долга, а онъ продалъ эту землю за 350 долларовъ, т.-е. около 70 фунтовъ стерлинговъ.

Слѣдующіе два дня погода стояла хорошая, къ ночи мы достигли острова Кинчао, самаго воздѣланнаго во всемъ архипелагѣ; широкая береговая полоса въ Кинчао, а также и прилегающіе къ немуо стровки почти совсѣмъ расчищены. Нѣкоторыя фермы имѣютъ очень уютный видъ. Мнѣ любопытно было узнать, насколько богаты люди, живущіе здѣсь, но г. Дугласъ говоритъ, что здѣсь никого нельзя считать за человѣка съ правильнымъ доходомъ. Наиболѣе богатый землевладѣлецъ можетъ въ продолженіе долгой трудовой жизни накопить 1000 фунтовъ стерлинговъ, но если что-либо подобное случится, деньги будутъ навѣрное положены въ какое-нибудь потаенное мѣстечко, такъ какъ здѣсь существуетъ обычай почти въ каждой семьѣ зарывать въ землю кубышку съ деньгами.

30 ноября. Рано утромъ въ воскресенье мы прибыли въ Кастро, древнюю столицу Чилоэ, представляющую теперь унылое пустынное мѣстечко. Оставались еще слѣды обычнаго расположенія испанскихъ городовъ въ формѣ четырехугольника, но улицы и площадь заросли мягкимъ дерномъ, на которомъ паслись овцы. Церковь, стоящая посреди площади, построена изъ досокъ; старинный видъ придаетъ ей очень живописный характеръ. О бѣдности этого города можно судить по слѣдующему факту: несмотря на нѣсколько сотъ жителей, одному изъ нашей компаніи не удалось нигдѣ раздобыть себѣ фунтъ сахара и простой ножъ. Ни у кого не было ни карманныхъ, ни стѣнныхъ часовъ; одному старику, считавшемуся за хорошего отгадчика времени, было поручено звонить наугадъ въ церковный колоколъ. Въ этомъ тихомъ уединенномъ уголкѣ міра пріѣздъ нашихъ лодокъ показался необыкновеннымъ происшествіемъ, такъ что почти всѣ жители высыпали на берегъ, чтобы смотрѣть, какъ будутъ раскидывать палатки. Они встрѣтили насъ очень вѣжливо и предложили намъ домъ для жилья; кто-то даже прислалъ намъ боченокъ сидра въ подарокъ. Въ послѣобѣденное время мы отправились къ губернатору, смирному старому человѣку, по виду и по образу жизни мало отличавшемуся отъ англійскаго крестьянина. Вечеромъ пошелъ сильный дождь, который однако не разогналъ съ берега многочисленныхъ зрителей, окружавшихъ наши палатки. Одно индѣйское семейство, пріѣхавшее въ лодкѣ изъ Кайлена, расположилось вблизи отъ насъ. Всю ночь индѣйцы провели подъ открытымъ небомъ. Когда я утромъ спросилъ одного молодого индѣйца, промокшаго до костей, какъ онъ провелъ ночь, онъ отвѣчалъ съ совершенно довольнымъ видомъ: «Muy bien, senor».

1 декабря. Мы направили лодки къ острову Лемюи. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть каменноугольную копь, о которой я слышалъ, но, какъ оказалось, она содержала малоцѣнный лигнитъ въ песчаникѣ (вѣроятно древней третичной эпохи), изъ котораго состоятъ эти острова. Достигнувъ Лемюи, мы съ большимъ трудомъ нашли мѣсто, гдѣ могли раскинуть палатки, такъ какъ было время весенняго прилива, и лѣсъ доходилъ до самаго края воды. Вскорѣ мы были окружены большой толпой туземцевъ, почти все чисто-индѣйскаго происхожденія. Они были крайне удивлены нашимъ появленіемъ и говорили между собою: «Вотъ почему мы недавно видѣли такое множество попугаевъ; не даромъ тоже кричалъ «берегись» чейкау (cheucau, смѣшная, красногрудая маленькая птица, живущая въ лѣсной чащѣ и издающая совсѣмъ особенные звуки). Однако вскорѣ туземцы выразили желаніе обмѣняться товарами. Деньги не имѣли для нихъ цѣны, но зато они добивались табаку съ удивительной жадностью. Послѣ табаку цѣннымъ считался у нихъ индиго, потомъ стручковый перецъ, старыя платья и порохъ. Послѣдній предметъ требовался съ очень невинной цѣлью: въ каждомъ приходѣ имѣется общественное ружье, и порохъ нуженъ былъ для того, чтобы производить пальбу въ честь праздниковъ.

Здѣшнее населеніе питается главнымъ образомъ моллюсками и картофелемъ. Въ извѣстныя времена года, кромѣ того, ставятъ подводные плетни, «corrales», въ которые попадается рыба, оставленная отливомъ въ береговомъ илѣ. Иногда у жителей заводятся куры, овцы, козы, свиньи, лошади и рогатый скотъ. Порядокъ, въ которомъ они здѣсь перечислены, соотвѣтствуетъ ихъ относительному количеству. Я никогда не видалъ большей услужливости и большаго смиренія въ обращеніи какъ у здѣшнихъ жителей. Они начинали съ того, что называли себя бѣдными туземцами, а не испанцами, и прибавляли, что они сильно нуждаются въ табакѣ и другихъ удобствахъ. Въ Кайленѣ, самымъ южномъ изъ этихъ острововъ, матросы обмѣняли свертокъ табаку, не дороже двухъ полупенсовъ, на пару куръ, изъ которыхъ одна имѣла, по словамъ индѣйца, перепонку между пальцами, такъ что курица оказалась очень хорошей уткой, а за нѣсколько бумажныхъ носовыхъ платковъ, стоившихъ три шиллинга, были пріобрѣтены три овцы и большой пучокъ лука. Наша шлюпка стала на якорь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, такъ что мы безпокоились, какъ бы ее не похитили ночью. Нашъ вожакъ, г. Дугласъ, объявилъ начальнику мѣстечка, что мы обыкновенно выставляемъ на берегу часовыхъ съ заряженными ружьями и что, не понимая по-испански, часовые могутъ стрѣлять по всякому, кто покажется вблизи, когда стемнѣетъ. Начальникъ очень смиренно согласился, что подобная мѣра вполнѣ понятна, и далъ намъ слово, что никто ночью не выйдетъ изъ дома.

Четыре слѣдующіе дня мы продолжали плыть къ югу. Общія черты страны оставались тѣ же, но населеніе стало гораздо рѣже. На большомъ островѣ Танкви трудно было найти хотя одинъ расчищенный участокъ: со всѣхъ сторонъ деревья простирали свои вѣтви надъ берегомъ. Я замѣтилъ однажды, что на песчаныхъ скалахъ растетъ прелестное растеніе панке (Gunnera scabra), которое въ огромномъ размѣрѣ напоминаетъ ревень. Жители употребляютъ въ пищу кисловатыя вѣтви, корни же идутъ на дубленіе кожъ и на приготовленіе черной краски. Листъ этого растенія почти круглый, съ глубокими зубцами по краямъ. Измѣренный мною листъ имѣлъ почти восемь футовъ въ діаметрѣ, а слѣдовательно, въ окружности не менѣе двадцати четырехъ футовъ.

Стволъ бываетъ обыкновенно выше ярда, и на каждомъ стволѣ расположены четыре или пять такихъ огромныхъ листьевъ. Все растеніе представляетъ собою величественное зрѣлище.

6 декабря. Мы пріѣхали въ Кайленъ, прозванный «el fin del Cristiandad». Поутру мы остановились на нѣсколько минутъ у одного дома на сѣверномъ концѣ Лайлека, который является крайнимъ пунктомъ христіанской Южной Америки; надо сказать, что это была прежалкая хижина. Широта мѣстности 43°10′, т.-е. на два градуса южнѣе Рio-Негро, на атлантическомъ берегу. Эти *крайніе* христіане оказались очень бѣдными и, жалуясь на свое бѣдственное положеніе, они выпрашивали у насъ табаку. Въ доказательство бѣдности здѣшнихъ индѣйцевъ я могу привести слѣдующій примѣръ: мы не задолго передъ этимъ встрѣтили человѣка, совершившаго пѣшкомъ переходъ въ три съ половиною дня, и ему предстояло такое же обратное путешествіе. Весь этотъ трудъ онъ взялъ на себя ради того только, чтобы получить деньги за проданный небольшой топоръ и за нѣсколькихъ маленькихъ рыбокъ. Какъ трудно, должно быть, здѣшнему жителю купить какой-либо самый незначительный предметъ, если изъ-за пустяшнаго долга предпринимается такой походъ!

Къ вечеру мы прибыли на островъ Санъ-Педро, гдѣ мы застали «Бигль» стоящимъ на якорѣ. Обогнувъ мысъ, двое изъ нашихъ офицеровъ высадились, чтобы вымѣрить углы посредствомъ теодолита. Лисица (Canis fulvipes), особаго, новаго вида, встрѣчаемая (и то рѣдко) только на этомъ островѣ, сидѣла на скалѣ. Она такъ углубилась въ созерцаніе того, что дѣлали офицеры, что мнѣ удалось тихонько подойти къ ней сзади и ударить ее по головѣ моимъ геологическимъ молоткомъ. Эта лисица, надѣленная бо́льшимъ любопытствомъ или большей любознательностью, чѣмъ другіе представители ея породы, но уступающая имъ въ благоразуміи, находится теперь въ музеѣ зоологическаго общества.

Мы простояли три дня въ этой гавани. Въ одинъ изъ нихъ капитанъ Фицъ-Рой съ нѣсколькими спутниками сдѣлалъ попытку восхожденія на вершину Санъ-Педро. Лѣса въ этой мѣстности нѣсколько отличались отъ лѣсовъ сѣверной части острова. Такъ какъ скалы состояли изъ слюдянистаго сланца, то береговъ здѣсь не было вовсе, а крутые откосы скалъ отвѣсно спускались въ воду, вслѣдствіе чего общій видъ скорѣе напоминалъ Огненную Землю, нежели Чилоэ. Напрасно старались мы достигнуть вершины; лѣсъ представлялъ такую непроходимую чащу, что люди, не видавшіе его, не могутъ себѣ представить этого нагроможденія сгнившихъ и гніющихъ деревьевъ. Я увѣренъ, что часто, иногда въ продолженіе десяти минутъ, мы совсѣмъ не касались ногами до земли, и нерѣдко находились на десять или пятнадцать футовъ отъ ея поверхности, такъ что моряки забавлялись, выкрикивая глубину по лоту. Мѣстами намъ приходилось пробираться гуськомъ, на четверенькахъ между гнилыми стволами. На нижней части горы возвышались величественныя деревья Drimys Winteri и лавры, въ родѣ сассафраса, съ душистыми листьями; эти деревья и другія, имена которыхъ я не знаю, были всѣ переплетены между собою вьющимся бамбукомъ или тростникомъ. Мы здѣсь были похожи на рыбъ, бьющихся въ сѣтяхъ, болѣе чѣмъ на какое-либо другое животное. Выше, вмѣсто большихъ деревьевъ, росли кустарники, между которыми мѣстами попадались красный кедръ и сосна. Кромѣ того, я съ удовольствіемъ замѣтилъ на высотѣ около 1000 футовъ стараго знакомца—южный букъ, но онъ здѣсь являлся жалкимъ небольшимъ деревцомъ; я думаю, что

это должна быть его сѣверная граница. Намъ пришлось, наконецъ, отказаться отъ нашей попытки.

10 декабря. Шлюпка и вельботъ съ г. Селиваномъ продолжали свою экскурсію съ цѣлью изслѣдованій, но я остался на «Бигль», отплывшемъ на слѣдующій день отъ Санъ-Педро къ югу. 13-го числа мы вступили въ южную часть Гваятекаса, или архипелага Чоносъ; хорошо, что мы успѣли укрыться, потому что на другой день разразилась сильная буря, достойная Огненной Земли. На фонѣ темно-синяго неба громоздились тяжелыя бѣлыя облака, по которымъ быстро проносились черные обрывки тучъ. Цѣпи горъ, возвышавшіяся одна за другой, имѣли видъ какихъ-то смутныхъ тѣней, а заходящее солнце озаряло лѣса желтоватымъ свѣтомъ, похожимъ на цвѣтъ пламени виннаго спирта. Вода вся побѣлѣла отъ несшейся по ней пѣны; вѣтеръ ревѣлъ въ снастяхъ; передъ глазами развертывалась страшная, величественная картина. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ видна была яркая радуга, и любопытно было наблюдать при этомъ эффектъ водяныхъ брызгъ: онѣ неслись надъ поверхностью воды, измѣняя обыкновенную дугу радуги въ полный кругъ; полосы спектральныхъ цвѣтовъ, продолжаясь отъ обѣихъ концовъ дуги, сходились поперекъ бухты въ одну общую черту у самаго борта корабля, образуя такимъ образомъ неправильное, но почти полное кольцо.

Мы пробыли тутъ три дня. Погода стояла все время плохая, но это было для насъ безразлично, такъ какъ поверхность земли на всѣхъ этихъ островахъ совсѣмъ непроходима. Берега такъ неудобны, что, если бы мы пытались пройтись въ береговомъ направленіи, намъ бы пришлось карабкаться по острымъ слюдянисто-сланцевымъ скаламъ; что же касается лѣсовъ, то наши лица, руки и колѣна могли служить доказательствомъ того, какъ плохо встрѣчали лѣсныя чащи наши попытки проникнуть въ ихъ запретную глушь.

18 декабря. Мы вышли въ море. 20-го мы распрощались съ югомъ и направились, при попутномъ вѣтрѣ, къ сѣверу. Отъ мыса Трехъ Горъ, мы пріятно плыли вдоль высокаго, изрытаго непогодами берега, замѣчательнаго смѣлымъ очертаніемъ своихъ холмовъ и густыми лѣсами, засѣвшими вездѣ, даже на самыхъ крутыхъ обрывахъ. На другой день была усмотрѣна гавань, которая представляла на этомъ опасномъ берегу спасительное убѣжище для погибающаго корабля. Эту гавань легко узнать по горѣ въ 1600 ф. вышины, имѣющей форму еще болѣе совершеннаго конуса, чѣмъ знаменитая Сахарная голова въ Ріо-Жанейро. На другой день, когда «Бигль» бросилъ якорь, мнѣ удалось взобраться на вершину этой горы. Предпріятіе это оказалось труднымъ, потому что склоны горы до того круты, что мѣстами приходилось пользоваться деревьями вмѣсто лѣстницъ. Мнѣ попалось здѣсь много кустовъ фуксіи, покрытыхъ красивыми висячими цвѣтами, но пробираться сквозь эти кусты было очень трудно. Въ здѣшнихъ дикихъ мѣстностяхъ испытываешь особенное удовольствіе при достиженіи вершины горы. Идешь всегда съ неопредѣленнымъ ожиданіемъ какого-нибудь необычайнаго зрѣлища, и, сколько бы ни случалось обманываться въ своемъ ожиданіи, скажу про себя, что я всякій разъ отправлялся съ новой надеждой. Всѣмъ должно быть знакомо чувство торжества и гордости, которымъ наполняется душа при открытіи величественнаго вида съ высоты. Въ этихъ же мало посѣщаемыхъ странахъ къ такому чувству еще примѣшивается тщеславная мысль о томъ, что являешься, можетъ быть, первымъ человѣкомъ, ступившимъ на эту вершину и восторгавшимся видомъ съ нея. Всегда ощущаешь сильное желаніе узнать, было ли когда-нибудь другое человѣческое су-

щество въ какомъ-нибудь завѣдомо непосѣщаемомъ мѣстѣ. Если тутъ попадется кусокъ дерева съ гвоздемъ, вбитымъ въ него, то его поднимешь и изучаешь такъ, какъ будто онъ покрытъ іероглифами. Испытывая всѣ эти ощущенія, я съ большимъ любопытствомъ отнесся къ сдѣланному однажды открытію: я нашелъ въ пустынномъ мѣстѣ на берегу, въ углубленіи скалы, постель, сдѣланную изъ травы. Рядомъ съ ней, повидимому, былъ разложенъ кестеръ, и по остаткамъ отъ костра можно было заключить, что ночевавшій здѣсь человѣкъ употреблялъ топоръ. Костеръ, постель и расположеніе ихъ изобличали ловкость индѣйца, но едва ли это могъ быть индѣецъ, такъ какъ индѣйское племя вымерло въ здѣшнихъ мѣстахъ благодаря тому, что католики старались превратить его разомъ въ христіанъ и рабовъ. Мнѣ пришло тогда на умъ, что одинокій человѣкъ, сдѣлавшій себѣ постель въ этомъ пустынномъ уголку, былъ, должно быть, какой-нибудь несчастный морякъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе, который, странствуя по берегу, провелъ здѣсь грустную ночь.

28 декабря. Погода продолжала стоять очень дурная, но, наконецъ, явилась возможность продолжать съемку. Время тянулось очень скучно, какъ это случалось всякій разъ, когда безпрерывныя бури мѣшали намъ работать. Вечеромъ была открыта другая гавань, и мы здѣсь бросили якорь. Мы тотчасъ замѣтили человѣка, махавшаго своей рубашкой и послали лодку, которая вскорѣ привезла двухъ моряковъ. Партія въ 6 человѣкъ, какъ оказалось, бѣжала съ американскаго китоловнаго судна и пристала къ берегу немного южнѣе отъ нашей стоянки; лодка очень скоро послѣ того разбилась вдребезги о подводныя скалы. Прошло уже пятнадцать мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ эти люди странствовали взадъ и впередъ вдоль берега, не зная, куда надо итти и гдѣ они находятся. Какой счастливой случайностью оказалось для нихъ то обстоятельство, что мы открыли эту гавань! Не случись этого, они могли бы бродить здѣсь до самой старости, а можетъ быть, и погибли бы на этомъ дикомъ берегу. Страданія, перенесенныя ими, были велики; одинъ изъ нихъ лишился жизни, упавъ съ утеса. Имъ иногда приходилось разлучаться, отправляясь въ поиски за пищей,—вотъ чѣмъ объяснилась одинокая постель, найденная мною. Взявъ въ соображеніе все, что они претерпѣли, мнѣ кажется, что они сохранили довольно вѣрное понятіе о времени, такъ какъ пропустили всего четыре дня.

30 декабря. Мы стали на якорь въ уютной маленькой бухтѣ у подошвы высокихъ холмовъ, недалеко отъ сѣвернаго края Трехъ Горъ. На слѣдующее утро, послѣ завтрака, нѣсколько человѣкъ насъ собралось въ походъ на вершину одной изъ этихъ горъ, имѣвшей 2400 ф. вышины. Видъ былъ замѣчательный. Главная часть горнаго хребта состояла изъ большихъ, плотныхъ массъ гранита, которыя, казалось, существовали съ самаго начала міра. Гранитъ былъ прикрытъ слюдянымъ сланцемъ, который съ теченіемъ времени истерся такъ, что образовались странные зубцы въ видѣ пальцевъ. Обѣ породы, столь несхожія своими очертаніями, въ одномъ вполнѣ сходны,—а именно, онѣ лишены всякой растительности. Такое безплодіе показалось намъ страннымъ, потому что глаза наши привыкли къ виду непрерывныхъ темныхъ лѣсовъ. Я съ большимъ удовольствіемъ разсматривалъ строеніе этихъ горъ. Сложная, высокая горная цѣпь производила впечатлѣніе чего-то благороднаго и неразрушимаго, но она одинаково безполезна какъ для человѣка, такъ и для животнаго. Гранитъ — классическая почва для геолога: его обширное распространеніе, красивое и плотное сложеніе стали причиной того, что

немногія изъ горныхъ породъ такъ давно изслѣдованы. По поводу происхожденія гранита возникло едва ли не болѣе споровъ, чѣмъ по поводу происхожденія любой другой формаціи. Мы обыкновенно видимъ, что онъ составляетъ основную горную породу и, каково бы ни было его сложеніе, мы знаемъ, что гранитъ является самымъ глубокимъ пластомъ въ земной корѣ, до котораго проникалъ человѣкъ. Предѣлъ человѣческаго знанія, въ какомъ бы то ни было предметѣ, возбуждаетъ большое любопытство, которое увеличивается, можетъ быть, еще и тѣмъ, что онъ близко подходитъ къ области воображенія.

1 января 1835. Новый годъ явился въ обстановкѣ свойственной ему въ этой странѣ. Несбыточныхъ надеждъ онъ не внушалъ; сильный сѣверо-западный вѣтеръ съ непрерывнымъ дождемъ оповѣстилъ начало года. Благодаря Бога, намъ не суждено видѣть здѣсь конецъ его; мы надѣемся къ тому времени быть въ Тихомъ океанѣ, гдѣ синева небеснаго свода говоритъ человѣку о томъ, что за облаками надъ его головой есть нѣчто другое—есть небо.

Такъ какъ всѣ слѣдующіе четыре дня продолжалъ дуть сильный сѣверо-западный вѣтеръ, намъ удалось только переѣхать черезъ большой заливъ и затѣмъ бросить якорь въ другой, безопасной, гавани. Я отправился въ лодкѣ вмѣстѣ съ капитаномъ къ началу глубокой бухты. По дорогѣ намъ встрѣтилось удивительное множество тюленей; всѣ плоскія мѣста на утесахъ, а также части берега были покрыты ими. Они казались очень миролюбивыми животными и спали въ кучѣ, напоминая свиней, но даже свиньи устыдились бы ихъ грязи и вони, исходившей отъ нихъ. За каждой кучкой слѣдили терпѣливые, но зловѣщіе глаза грифовъ. Эта отвратительная птица съ красной, лысой головой, приспособленной къ тому, чтобы рыться въ падали, очень обыкновенна на западномъ берегу, и то, что она является спутникомъ тюленей, показываетъ, на какую пищу она разсчитываетъ.

Мы нашли воду (вѣроятно, только на поверхности) почти прѣсной на вкусъ, вѣроятно, вслѣдствіе множества горныхъ потоковъ, которые въ видѣ каскадовъ ниспадали въ море съ гранитныхъ горъ. Прѣсная вода привлекаетъ рыбу, въ свою очередь привлекающую буревѣстниковъ, чаекъ и два вида баклановъ. Мы тоже видѣли пару прекрасныхъ лебедей съ черными шеями и нѣсколько маленькихъ выдръ, мѣхъ которыхъ такъ высоко цѣнится. На обратномъ пути мы опять забавлялись, глядя, какъ поспѣшно бросались въ воду, при прохожденіи нашей лодки, цѣлыя кучи тюленей старыхъ и молодыхъ. Они недолго оставались подъ водою: высунувъ головы, они съ вытянутыми шеями слѣдили за нами, выражая большое удивленіе и любопытство.

7 января. Поднявшись вдоль берега, мы бросили якорь вблизи отъ сѣвернаго края архипелага Чоносъ, въ гавани Лоу, гдѣ и пробыли цѣлую недѣлю. Эти острова, какъ и Чилоэ, состоятъ изъ рыхлой, слоистой, наносной почвы, вслѣдствіе чего растительность здѣсь роскошная. Лѣса спускались къ берегу и производили впечатлѣніе вѣчно-зеленаго кустарника, идущаго вдоль усыпанной пескомъ дорожки. Мы, кромѣ того, наслаждались съ нашей стоянки чуднымъ видомъ на четыре большихъ снѣжныхъ конуса Кордильеровъ, включая сюда «el famoso Corcovado»; горная цѣпь такъ невысока въ этихъ широтахъ, что немногія части ея виднѣлись изъ-за сосѣднихъ островковъ. Мы встрѣтили здѣсь пять человѣкъ изъ Кайлена, «el fin del Cristiandad», отважно переплывшихъ на своей жалкой лодкѣ открытое море между Чоносомъ и Чилоэ; они прибыли сюда для рыбной ловли. По всей вѣроятности, эти остро-

ва скоро заселятся, такъ же какъ и тѣ, которые прилегаютъ къ берегамъ Чилоэ.

Картофель растетъ въ большомъ изобиліи на песчаной береговой почвѣ, усѣянной раковинами; самое высокое изъ этихъ растеній имѣло 4 фута вышины. Клубни большею частью мелки, но я нашелъ одинъ клубень, овальной формы, который имѣлъ два дюйма въ діаметрѣ. Этотъ картофель во всѣхъ отношеніяхъ походилъ на англійскій картофель и отличался тѣмъ же запахомъ; но сваренный, онъ очень сморщился, при чемъ онъ былъ водянистъ и безвкусенъ, безъ всякой горечи. Несомнѣнно, что здѣсь его родина: онъ водится, по словамъ г. Лоу, до 50° юж. шир. и называется у здѣшнихъ дикихъ индѣйцевъ «aquinas»; индѣйцы Чилоэ даютъ ему другое названіе. Профессоръ Генсло, изслѣдовавшій сухіе образцы, которые и привезъ съ собой, говоритъ, что этотъ картофель тожественъ съ картофелемъ, описаннымъ г. Себайномъ [1]) изъ Вальпарайсо, но что онъ представляетъ разновидность, принимавшуюся нѣкоторыми ботаниками за особый видъ. Очень замѣчателенъ тотъ фактъ, что это же растеніе встрѣчается на безплодныхъ горахъ средняго Чили, гдѣ въ продолженіе шести мѣсяцевъ не выпадаетъ ни капли дождя, а также и въ болотистыхъ лѣсахъ этихъ южныхъ острововъ.

Въ центральныхъ частяхъ архипелага Чоносъ (45° ш.) лѣса почти такого же характера, какъ лѣса, покрывающіе весь западный берегъ на 600 миль къ югу, до мыса Горна. Древовидные злаки Чилоэ не встрѣчаются здѣсь, въ то время какъ букъ Огненной Земли достигаетъ хорошихъ размѣровъ и составляетъ значительную часть лѣса; впрочемъ, онъ не занимаетъ столь исключительнаго мѣста въ здѣшнихъ лѣсахъ, какъ дальше къ югу. Споровыя растенія находятъ здѣсь очень подходящій для себя климатъ. Въ Магелановомъ проливѣ, какъ я уже раньше замѣтилъ, климатъ, повидимому, слишкомъ холоденъ и сыръ для того, чтобы они могли достигнуть полнаго развитія, но на этихъ островахъ, внутри лѣсовъ, встрѣчается удивительное множество мховъ, лишаевъ и мелкихъ папоротниковъ [2]).

На Огненной Землѣ деревья растутъ только по склонамъ горъ, всѣ же ровныя мѣста всегда покрыты толстымъ пластомъ торфа, между тѣмъ какъ на Чилоэ равнины покрыты роскошнѣйшими лѣсами. Здѣсь, на архипелагѣ Чоносъ, климатъ ближе подходитъ къ климату Огненной Земли, чѣмъ къ климату сѣверной части Чилоэ, такъ какъ рѣшительно всѣ равнины покрыты двумя видами растеній (Astelia pumila и Donatia magellanica); остатки ихъ, сгнивая вмѣстѣ, образуютъ толстый слой упругаго торфа.

Первое изъ этихъ замѣчательно общежительныхъ растеній является главнымъ участникомъ въ образованіи торфа въ Огненной Землѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя лежатъ выше лѣсной полосы. Свѣжіе листья постоянно нарастаютъ одинъ за другимъ вокругъ центральнаго стебля Astelia pumila; самые нижніе вскорѣ засыхаютъ, такъ что, изслѣдуя торфъ около корня, можно наблюдать всѣ степени разложенія, черезъ которыя проходитъ листва, пока, наконецъ, не смѣшается въ одной общей массѣ,

---

[1]) Horticultural Transact., vol. V, p. 249. Г. Кальдклю (Caldcleugh) прислалъ двѣ картофелины, которыя при хорошей обработкѣ дали въ первый же годъ обильную зелень и множество клубней. См. интересное изслѣдованіе Гумбольдта надъ этимъ растеніемъ, повидимому, бывшимъ неизвѣстнымъ въ Мексикѣ, въ Polit. Essay on New Spain, кн. IV, глава IX.

[2]) При помощи своей сѣтки для насѣкомыхъ я досталъ большое количество мелкихъ насѣкомыхъ изъ семейства Staphylinidae, также другихъ, близкихъ къ Pselaphus и мелкихъ Hymenoptera. Но самое характерное семейство по количеству видовъ и особей въ наиболѣе открытыхъ мѣстахъ Чилоэ и Чоноса—это Telephoridae.

Къ Astelia присоединяется небольшое число другихъ растеній: мелкій ползучій миртъ (M. nummularia) съ деревянистымъ стволомъ, въ родѣ нашей брусники, и съ сладкими ягодами; Empetrum (E. rubrum), похожій на нашъ верескъ, и еще одинъ видъ Ситника (Juncus grandiflorus)— почти единственныя растенія, существующія на этой болотистой поверхности. Они отличаются отъ англійскихъ видовъ тѣхъ же родовъ, хотя имѣютъ близкое сходство съ ними въ общихъ чертахъ. Въ болѣе ровныхъ мѣстахъ поверхность торфа прорѣзана маленькими прудочками, стоящими на различныхъ уровняхъ и производящихъ впечатлѣніе нарочно вырытыхъ. Небольшіе подземные ручьи довершаютъ разложеніе растительныхъ веществъ и укрѣпляютъ общую массу.

Климатъ южной части Америки, повидимому, особенно благопріятенъ для образованія торфа. На Фальклендскихъ островахъ почти всякое растеніе, даже грубая трава, которая покрываетъ всю поверхность острововъ, превращается въ торфъ. Едва ли найдется такое мѣстоположеніе, гдѣ встрѣчалось бы препятствіе для образованія этого вещества; нѣкоторые пласты достигаютъ двѣнадцати футовъ толщины, а нижнія части слоевъ, высыхая, твердѣютъ до такой степени, что съ трудомъ зажигаются. Хотя каждое растеніе годно для превращенія въ торфъ, но всего дѣятельнѣе въ этомъ отношеніи Astelia. Я замѣтилъ одно необыкновенное обстоятельство, отличающееся отъ того, что бываетъ въ Европѣ,—а именно, что нигдѣ въ Южной Америкѣ гніющій мохъ не образуетъ торфа.

Что касается сѣвернаго предѣла мѣстности, въ которой климатъ допускаетъ то особое, медленное разложеніе, которое нужно для образованія торфа, то я думаю, что въ Чилоэ (отъ 41—42 ю. ш.), хотя и много болотъ, но настоящаго торфа нѣтъ; зато на островахъ Чоносъ, на три градуса южнѣе, мы видѣли, что онъ вездѣ встрѣчается въ изобиліи. Отъ испанскаго колониста, посѣтившаго Ирландію, я слышалъ, что онъ часто искалъ торфъ въ Ла-Платѣ, на западномъ берегу, и никогда не могъ найти его. Онъ показывалъ мнѣ что-то похоже на торфъ,—найденную имъ черную торфяную землю, но до того проросшую насквозь корнями, что горѣніе происходило очень медленно и плохо.

Фауна на этихъ разсѣянныхъ островкахъ Чоносскаго архипелага крайне бѣдна, какъ легко себѣ представить. Изъ млекопитающихъ водятся здѣсь два водяныхъ *Myopotamus Coypus* (похожъ на бобра, но съ круглымъ хвостомъ) хорошо извѣстенъ по своему красивому мѣху, составляющему предметъ торговли по всему бассейну Ла-Платы. Это животное однако исключительно водится здѣсь въ соляной водѣ; то же, какъ мы видѣли, можно сказать и про крупнаго грызуна — рѣчную свинку (Carybara). Много тутъ встрѣчается маленькихъ морскихъ выдръ, которыя питаются не однѣми рыбами, но, такъ же какъ и тюлени, истребляютъ много мелкихъ красныхъ раковъ, плавающихъ стаями около поверхности воды Г. Байно видѣлъ на Огненной Землѣ выдру, ѣвшую каракатицу; другая, въ гавани Лоу, была убита въ ту минуту, какъ она несла въ свою нору большую раковину *Voluta*. Въ одномъ мѣстѣ я поймалъ въ западню престранную, маленькую мышь (*M. brachiotis*); она, кажется, довольно обыкновенна на нѣсколькихъ острововъ, но чилійцы въ гавани Лоу говорили мнѣ, что совсѣмъ ее не видали здѣсь. Какая вереница случайностей [1])

[1]) Говорятъ, что нѣкоторыя хищныя птицы приносятъ добычу свою живой въ гнѣзда. Если это такъ, то въ продолженіе столѣтій, отъ времени до времени, одна изъ жертвъ могла вырываться отъ птенцовъ. Что-либо подобное необходимо предположить, чтобы объяснить распространеніе мелкихъ грызуновъ по довольно отдаленнымъ другъ отъ друга островамъ.

или какія измѣненія почвы могли вліять на распространеніе этихъ мелкихъ животныхъ по всему разбросанному архипелагу!

Двѣ очень странныя породы птицъ, сродныя съ *Turco* и *Tapacolo* центральнаго Чили и замѣняющія ихъ, встрѣчаются вездѣ на о-вѣ Чилоэ и на архипелагѣ Чоносъ. Одну изъ этихъ породъ туземцы называютъ «*cheucau*» (*Pteroptochos rubecula*); она живетъ въ самыхъ мрачныхъ и уединенныхъ мѣстахъ, въ глуши болотистыхъ лѣсовъ. Случается такъ, что хотя крикъ ея раздается рядомъ съ человѣкомъ, но онъ ни за что ее не разглядитъ, а въ другіе раза, только если онъ будетъ стоять безъ всякаго движенія, красногрудая маленькая птичка подойдетъ къ нему безъ страха и остановится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Она озабоченно прыгаетъ въ кучахъ перепутанныхъ, гніющихъ сучьевъ, поднявъ кверху свой маленькій хвостикъ. Чилійцы испытываютъ суевѣрный страхъ передъ этой птицей изъ-за странныхъ и разнообразныхъ криковъ ея. Можно ясно отличить три рода звуковъ: одинъ изъ нихъ называется «чидуко» и считается хорошимъ предзнаменованіемъ; другой, «хютитрю» очень неблагопріятенъ, а третій я позабылъ. Я привелъ эти слова, которыя должны быть звукоподражательны и, надо сказать, что туземцы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ находятся въ полномъ подчиненіи имъ. Чилійцы выбрали себѣ въ пророки очень смѣшное маленькое существо! Другая, сродственная порода птицъ извѣстна у здѣшнихъ жителей подъ именемъ «гюидъ-гюидъ» (*Pteroptochos Tarnii*), а у англичанъ подъ именемъ «*barking-bird*» (лающая птица). Послѣднее названіе очень удачно: пари держу, что всякій услыхавшій крикъ этой птицы приметъ его сначала за лай маленькой собаки въ лѣсу. Такъ же, какъ и съ «*cheucau*», можно иной разъ услыхать лай подлѣ себя и, несмотря на зоркое наблюденіе, еще менѣе—на исканіе по кустамъ, все-таки не найти лающей птицы, въ другіе же раза «*гюидъ-гюидъ*» безстрашно подойдетъ къ человѣку. По образу питанія и по нравамъ онъ очень похожъ на «*cheucau*».

На берегу вездѣ встрѣчается [1]) маленькая птичка съ темнымъ опереніемъ (*Opetiorhynchus Patagonicus*). Она замѣчательна своимъ тихимъ нравомъ; живетъ она исключительно на морскомъ берегу, подобно песочнику. Кромѣ этихъ птицъ, немногія другія породы встрѣчаются на архипелагѣ Чоносъ Въ моихъ бѣглыхъ замѣткахъ описаны странные звуки, которые хотя и часто бываютъ слышны въ здѣшнихъ мрачныхъ лѣсахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти не нарушаютъ всеобщей тишины. Лай «*гюидъ-гюида*» и внезапный крикъ «cheucau» доносятся иногда и раздаются подлѣ человѣка; по временамъ къ этимъ звукамъ присоединяется чириканье чернаго королька Огненной Земли, да американскій поползень (*Oxyrus*) преслѣдуетъ своимъ визгомъ и щебетаніемъ непрошенаго гостя; иногда еще показывается колибри, перепархивающая изъ стороны въ сторону съ рѣзкимъ свистомъ, похожимъ на трещаніе насѣкомаго; въ заключеніе можно отмѣтить неясный жалобный звукъ, издаваемый мухоловкой (*Myiobius*) съ бѣлымъ хохолкомъ. При значительномъ преобладаніи въ большей части странъ какой-нибудь обыкновенной породы птицъ, какъ напримѣръ, вьюрки, страннымъ на первый разъ кажется распространеніе въ какомъ-нибудь округѣ такихъ особенныхъ формъ, какія только что были перечислены. Въ центральномъ Чили встрѣчаются двѣ породы,—*Oxyurus* и

---

[1]) Въ доказательство того, насколько велика разница между климатами лѣсистыхъ мѣстностей и береговъ, я могу привести слѣдующій фактъ: подъ широтою 34° у этихъ птицъ въ гнѣздахъ уже выведены птенцы къ 20 сентября, тогда какъ на о-вахъ Чоносъ онѣ только несутъ яйца три мѣсяца позднѣе; различіе широтъ этихъ двухъ мѣстностей заключается приблизительно въ 700 миляхъ.

Scytalopus, хотя онѣ здѣсь очень рѣдки. Когда видишь, какъ въ этомъ случаѣ, животныхъ, играющихъ столь незначительную роль въ великомъ планѣ мірозданія, невольно удивляешься, зачѣмъ они были созданы. Но надо всегда помнить, что эти же существа являются, можетъ быть, очень важными членами населенія другой страны, или же они занимали значительное мѣсто въ прежнее время. Если бы вся Америка южнѣе 37° опустилась въ океанъ, то эти два рода птицъ продолжали бы долго существовать въ центральномъ Чили, но невѣроятно, чтобы онѣ численно увеличивались. Мы увидѣли бы тогда случай, который неизбѣжно долженъ былъ имѣть мѣсто въ жизни многихъ животныхъ.

Эти южныя моря посѣщаются нѣсколькими видами буревѣстниковъ: самый большой изъ нихъ—*Procellaria gigantea* (*quebrantahuesos* испанцевъ, т.-е. костоломъ) часто встрѣчается и во внутреннихъ проливахъ, и въ открытомъ морѣ. Нравами и полетомъ эта птица похожа на альбатроса; за ней, какъ и за альботросомъ можно часами наблюдать и не замѣтить, чѣмъ она питается. «Костоломъ», впрочемъ, хищная птица, потому что нѣкоторые офицеры видѣли въ портѣ Св. Антонія, какъ она гналась за ныркомъ, который старался улетѣть или нырнуть отъ нея, но получалъ ударъ за ударомъ, пока не былъ убитъ ударомъ въ голову. Въ портѣ Санъ-Хуліанъ было замѣчено, какъ эти большіе буревѣстники убивали и пожирали молодыхъ чаекъ. Другой видъ ихъ (*Puffinus cinereus*), довольно обыкновенный въ Европѣ, на мысѣ Горнъ и на берегу Перу, гораздо меньше вида *P. gigantea*, но такого же грязновато-чернаго цвѣта. Птицы этого вида обыкновенно посѣщаютъ большими стаями внутренніе заливы и бухты; я, кажется, никогда не встрѣчалъ столько птицъ другой какой-нибудь породы, собравшихся въ одну стаю, сколько мнѣ разъ случилось увидать этихъ буревѣстниковъ за о-вомъ Чилоэ. Сотни тысячъ ихъ летѣли въ видѣ неправильной полосы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, и все въ одномъ направленіи,

Когда часть этой стаи опустилась на воду, то вся поверхность воды почернѣла и съ этого мѣста несся шумъ, похожій на отдаленный говоръ толпы людей.

Существуютъ нѣсколько другихъ видовъ буревѣстниковъ, но я упомяну только одинъ изъ нихъ, Pelacanoides Berardi, который представляетъ рѣдкій случай: птица, повидимому, принадлежащая къ извѣстному опредѣленному семейству, въ то же время приближается нравами и строеніемъ къ совсѣмъ иной, группѣ. Этотъ видъ буревѣстника никогда не покидаетъ спокойныхъ внутреннихъ проливовъ. Если его вспугнуть, онъ далеко ныряетъ и, выплывъ на поверхность, тѣмъ же движеніемъ взлетаетъ вверхъ. Быстрыми взмахами короткихъ крыльевъ онъ нѣкоторое время летитъ по прямой линіи, потомъ падаетъ, какъ будто на смерть подшибленный, и опять ныряетъ. По формѣ клюва и ноздрей, по длинѣ ногъ, даже по цвѣту перьевъ можно узнать въ этой птицѣ буревѣстника; но съ другой стороны ея короткія крылья и зависящая отъ этого слабость полета, форма тѣла и очертанія хвоста, отсутствіе задняго пальца на ногахъ, привычка нырять и выборъ мѣстожительства—все это вызываетъ сомнѣніе и наводитъ на мысль, что она состоитъ въ такомъ же близкомъ родствѣ съ чистиками. Ее непремѣнно можно принять за чистика, глядя издали, какъ она летаетъ, ныряетъ или спокойно плаваетъ по уединеннымъ проливамъ Огненной Земли.

ГЛАВА XIV.

Чилоэ и Консепсіонъ. Сильное землетрясеніе.

Санъ-Карлосъ.—Чилоэ.—Изверженіе Озорно одновременно съ изверженіями Аконкагуа и Козегуина.—Поѣздка въ Кукао.—Непроходимые лѣса.—Вальдивія—Индѣйцы.—Землетрясеніе.—Консепсіонъ.—Большое землетрясеніе.—Растрескавшіяся скалы.—Видъ бывшихъ городовъ.—Черное бурлящее море.—Направленіе вибрацій.—Перевернутые камни.—Большая волна.—Постоянное возвышеніе почвы.—Площадь вулканическаго дѣйствія.—Связь между силой, возвышающей почву, и силой изверженія.—Причина землетрясеній.—Медленное поднятіе горныхъ цѣпей.

15-го января мы отплыли изъ гавани Лоу и три дня спустя во второй разъ бросили якорь въ бухтѣ Санъ-Карлосъ, въ Чилоэ. Ночью 19-го числа началось изверженіе вулкана Озорно. Въ полночь часовой замѣтилъ что-то въ родѣ большой звѣзды, которая постепенно увеличивалась до трехъ часовъ; въ это время она представляла необыкновенно прекрасное зрѣлище. При помощи подзорной трубы мы видѣли темныя тѣла, которыя безпрерывно вылетали среди ярко-краснаго пламени и падали внизъ. Свѣтъ былъ такъ силенъ, что на водѣ видна была отраженная длинная и блестящая полоса. Большія массы расплавленныхъ веществъ, повидимому, часто извергаются кратерами въ этой части Кордильеровъ. Меня увѣряли, что, когда Корковадо находится въ дѣйствіи, огромныя массы взлетаютъ кверху, разрываются на воздухѣ и принимаютъ фанта-

Озорно и Квелланно.

стическія формы, какъ, напр., формы деревьевъ. Размѣры ихъ должны быть огромны, потому что онѣ видны съ высотъ, расположенныхъ за Санъ-Карлосомъ, который отстоитъ отъ Корковадо на 93 мили. Утромъ вулканъ затихъ.

Я удивился, узнавъ потомъ, что изверженіе произошло въ ту же ночь и на Аконкагуа, находящемся въ Чили, на 480 миль дальше къ сѣверу; но что меня еще болѣе удивило, это изверженіе, случившееся шест. часовъ позднѣе на вулканѣ Козегуина (2.700 миль сѣвернѣе Аконкагуа), и это изверженіе сопровождалось землетрясеніемъ, которое ощущалось на протяженіи 1.000 миль. Такое совпаденіе тѣмъ замѣчательнѣе, что Козегуина не дѣйствовала въ продолженіе двадцати шести лѣтъ, а другая огнедышащая гора, Аконкагуа, рѣдко выказываетъ какіе-либо при-

знаки изверженія. Трудно дѣлать даже предположенія о томъ, было ли такое совпаденіе простой случайностью или оно указываетъ на какую-нибудь подземную связь. Если бы Везувій, Этна и Гекла въ Исландіи (всѣ эти вулканы относительно ближе другъ къ другу, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ вулканы Южной Америки) подверглись бы одновременно внезапнымъ изверженіямъ, то такое совпаденіе вызвало бы, конечно, большое удивленіе; но описываемый мною случай гораздо замѣчательнѣе, потому что всѣ три изверженія произошли одновременно въ одной и той же цѣпи горъ, а большія равнины, находящіяся вдоль всего восточнаго берега, такъ же какъ и поднятыя на высоту современныя равнины, занимающія протяженіе въ 2.000 миль по западному берегу, показываютъ, какъ равномѣрно и послѣдовательно дѣйствовали силы, поднимавшія почву.

Такъ какъ капитанъ Фицъ-Рой хотѣлъ произвести нѣсколько съемокъ наружныхъ береговъ Чилоэ, рѣшено было, что я отправлюсь съ м. Кингомъ въ Кастро, а оттуда, переѣхавъ поперекъ островъ, поѣду въ Капелла-де-Кукао, расположенное на западномъ берегу. Мы наняли провожатаго и лошадей и выѣхали 22-го утромъ. Отъѣхавъ недалеко, мы догнали женщину съ двумя мальчиками, которые шли въ одно мѣсто съ нами, и присоединились къ намъ. Всѣ встрѣчные на этой дорогѣ привѣтливо относятся другъ къ другу, и путешественникъ можетъ здѣсь пользоваться рѣдкимъ въ Южной Америкѣ преимуществомъ: онъ не нуждается въ огнестрѣльномъ оружіи. Сначала мѣстность состояла изъ вереницы холмовъ и долинъ, но ближе къ Кастро она перешла въ равнину. Проѣзжая дорога очень странно устроена; почти на всемъ протяженіи своемъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, она выложена бревнами: длинныя широкія бревна положены вдоль дороги, а короткія узкія— поперекъ. Лѣтомъ дорога бываетъ довольно хороша, но зимою, въ дождливую погоду, когда бревна дѣлаются скользкими, передвиженіе становится очень затруднительнымъ. Въ это время года почва съ обѣихъ сторонъ гати превращается въ болото, часто затопляющее дорогу. Тогда приходится продольныя доски закрѣплять поперечными шестами, которые кольями вбиваютъ въ землю по обѣимъ сторонамъ. Вслѣдствіе этого всадникъ подвергается опгности въ случаѣ паденія съ лошади упасть на одинъ изъ кольевъ. Замѣчательно однако, насколько привычка развила ловкость въ лошадяхъ Чилоэ. Въ плохихъ мѣстахъ, гдѣ бревна расползлись въ стороны, лошади эти перепрыгивали съ одного бревна на другое съ быстротой и увѣренностью собаки. Дорога окаймлена съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями, перепутанными снизу тростникомъ. Когда мѣстами можно было смотрѣть далеко впередъ по дорогѣ, видъ, открывавшійся такимъ образомъ, поражалъ однообразіемъ: передъ глазами открывалась длинная полоса длинныхъ бревенъ, которыя суживались по мѣрѣ того, какъ перспектива удалялась и терялась въ темномъ лѣсу или заканчивалась восходящимъ на холмѣ зигзагомъ.

Хотя отъ Санъ-Карлоса до Кастро всего 36 миль въ прямомъ направленіи, но проведеніе дороги стоило большихъ трудовъ. Мнѣ разсказывали, что въ прежнія времена люди нерѣдко платились жизнью при переходѣ черезъ эти лѣса. Первый человѣкъ, пробравшійся благополучно сквозь тростники, опутывавшіе деревья, былъ индѣецъ; онъ въ восемь дней совершилъ переходъ въ Санъ-Карлосъ, за что испанское правительство даровало ему въ награду участокъ земли. Въ лѣтнее время многіе индѣйцы бродятъ по лѣсамъ (больше въ верхней части гдѣ лѣсъ не такъ густъ), въ поискахъ за дикимъ скотомъ, питающимся листьями тростника,

и нѣкоторыхъ деревьевъ. Одинъ изъ этихъ охотниковъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, случайно открылъ англійскій корабль, потерпѣвшій крушеніе у наружнаго берега острова. Экипажъ корабля подходилъ уже къ концу своихъ провизій, и врядъ ли безъ помощи индѣйца матросы сумѣли бы выбраться изъ почти непроходимаго лѣса. И то, одинъ изъ нихъ погибъ дорогою отъ сильнаго утомленія. Индѣйцы руководствуются солнцемъ при переходѣ черезъ лѣса, такъ что въ облачную погоду они не могутъ странствовать.

Мы наслаждались чудной погодой и ароматомъ отъ множества цвѣтущихъ деревьевъ, но даже при этихъ условіяхъ ощущалась мрачная сырость лѣса. Кромѣ того, многочисленныя засохшія деревья, стоящія въ видѣ скелетовъ, всегда придаютъ этимъ первобытнымъ лѣсамъ особенно торжественный видъ, котораго не увидишь въ лѣсахъ давно цивилизованныхъ странъ. Вскорѣ послѣ захода солнца мы расположились на ночлегъ. Наша спутница, довольно миловидная женщина, какъ оказалось, принадлежала къ одному изъ самыхъ почтенныхъ семействъ въ Кастро; несмотря, однако, на это, она сидѣла верхомъ на лошади по-мужски и была безъ всякой обуви. Полное отсутствіе гордости какъ въ ней, такъ и въ ея братѣ, очень удивило меня. У нихъ была съ собой пища, взятая на дорогу, но во время нашей ѣды, они все смотрѣли на г. Кинга и на меня, такъ что мы кончили тѣмъ, что посовѣстились ѣсть одни, и угостили все общество. Ночь была ясная; лежа на своихъ походныхъ постеляхъ, мы любовались зрѣлищемъ (всегда доставляющимъ большое наслажденіе) безчисленныхъ звѣздъ, освѣщавшихъ темную чащу лѣсовъ.

23 января. Мы встали рано на слѣдующій день и прибыли къ 2-мъ часамъ дня въ хорошенькій тихій городокъ Кастро. Со времени нашего предыдущаго посѣщенія старый губернаторъ скончался, и на его мѣсто вступилъ чиліецъ. Мы были снабжены рекомендательнымъ письмомъ къ донъ-Педро, который оказался очень добрымъ и гостепріимнымъ человѣкомъ, болѣе безкорыстнымъ, чѣмъ большая часть здѣшнихъ людей. Мы продолжали путь на югъ, слѣдуя почти все время по берегу; по дорогѣ намъ встрѣчались деревушки, въ которыхъ всегда находилась деревянная часовня, похожая на сарай. Донъ-Педро просилъ, чтобы изъ Вилипили комендантъ далъ намъ проводника до Кукао. Старый комендантъ вызвался самъ проводить насъ, хотя онъ долго никакъ не могъ понять, зачѣмъ англичанамъ понадобилось ѣхать въ такое захолустье, какъ въ Кукао. Итакъ мы поѣхали дальше въ сопровожденіи двухъ самыхъ важныхъ вельможъ здѣшняго края, что было ясно видно по обращенію съ ними бѣднаго индѣйскаго населенія. Отъ Чончи мы направились поперекъ острова по извилистымъ перепутаннымъ тропинкамъ; приходилось намъ проѣзжать черезъ прекрасные лѣса, а иногда намъ попадались расчищенныя красивыя поляны, на которыхъ росли въ изобили хлѣбъ и картофель. Эта волнистая страна, частью обработанная, напомнила мнѣ болѣе дикія мѣста Англіи и потому въ моихъ глазахъ она имѣла особенную прелесть. Въ Вилинко, на берегахъ озера Кукао, было немного воздѣланныхъ полей; жители показались мнѣ индѣйцами. Озеро Кукао имѣетъ двѣнадцать миль длины и тянется съ востока на западъ. Вслѣдствіе мѣстныхъ условій, вѣтеръ всегда дуетъ съ моря въ продолженіе дня, ночью же онъ стихаетъ. Это обстоятельство послужило причиной разныхъ преувеличенныхъ разсказовъ; въ Санъ-Карлосѣ намъ описывали это явленіе въ видѣ настоящаго чуда.

Дорога въ Кукао оказалась такъ плоха, что мы рѣшили ѣхать туда

водою, въ *періавѣ*. Комендантъ властнымъ голосомъ отдалъ приказъ шести индѣйцамъ, чтобы они приготовились грести, при чемъ о платѣ не было сказано ни слова. Періагва—это странная, грубаго вида лодка, но экипажъ ея былъ еще страннѣе; сомнѣваюсь, чтобы когда-нибудь въ одной лодкѣ собиралось шесть такихъ уродливыхъ человѣчковъ. Впрочемъ, они хорошо и весело гребли. Первый гребецъ болталъ что-то по-индѣйски, какъ-то странно выкрикивая при этомъ, точно свинопасъ, погоняющій своихъ свиней. Когда мы выѣхали дулъ легкій противный вѣтеръ, но мы все-таки достигли Капелла-де-Кукао еще довольно рано. По обѣимъ сторонамъ озера тянулся сплошной лѣсъ. Вмѣстѣ съ нами въ періагвѣ ѣхала корова. Казалось бы, что такое большое животное трудно помѣстить въ маленькой лодкѣ, но индѣйцы въ одну минуту справились съ этимъ труднымъ дѣломъ: они поставили корову вдоль борта лодки, которую подвели бокомъ къ самому берегу, потомъ протянули два весла подъ животъ коровы, утвердивъ концы веселъ на бортѣ. Съ помощью этихъ рычаговъ они сбросили бѣдное животное кувыркомъ на дно лодки, гдѣ и привязали ее веревкой. Въ Кукао мы нашли пустую хижину (въ которой обыкновенно останавливается патеръ, когда онъ пріѣзжаетъ въ Капеллу) и, разведя огонь, состряпали себѣ ужинъ; вообще мы очень удобно тутъ устроились.

Округъ Кукао представляетъ единственное заселенное мѣсто на всѣмъ западномъ берегу Чилоэ. Въ немъ живутъ отъ тридцати до сорока семействъ, разсѣянныхъ по берегу на протяженіи четырехъ или пяти миль. Жители эти совсѣмъ отдалены отъ остальной части острова и почти вовсе не занимаются торговлей; они только иногда продаютъ небольшое количество жира, добываемаго ими изъ тюленей. Одѣты они довольно хорошо въ ткани собственнаго производства а также располагаютъ обильной пищей. Несмотря на то, видъ у нихъ былъ недовольный и въ то же время до того подобострастный, что тяжело было смотрѣть на нихъ. Такія чувства надо, мнѣ кажется, приписать суровому и повелительному обращенію съ ними ихъ правителей. Наши спутники, оказывавшіе намъ такую вѣжливость, обращались съ бѣдными индѣйцами, какъ будто это были рабы, а не свободные люди. Они заказывали провизію и брали ихъ лошадей, не снисходя даже до того, чтобы условиться о цѣнѣ или хотя бы посулить какую-нибудь плату. Оставшись утромъ наединѣ съ этими бѣдными людьми, мы расположили ихъ въ свою пользу, подаривъ имъ сигары и мате. Кусокъ сахара былъ раздѣленъ между всѣми присутствовавшими, которые отвѣдывали его съ величайшимъ любопытствомъ.

Всѣ свои жалобы индѣйцы оканчивали такъ: «Все это оттого, что мы бѣдные индѣйцы и ничего не знаемъ; но не то было, когда у насъ былъ король».

На слѣдующее утро послѣ завтрака мы отправились за нѣсколько миль на сѣверъ къ Пунта-Хуантамо. Дорога шла вдоль широкаго берега, около котораго, даже послѣ стольких ясныхъ дней, бушевалъ сильный прибой. Мнѣ говорили, что послѣ бури, ревъ волнъ слышится ночью даже въ Кастро, отстоящемъ на 21 морскую милю и отдѣленномъ отъ берега холмистой лѣсной мѣстностью. Мы не безъ труда добрались до цѣли своей поѣздки, потому что дорога туда была невыносимо плохая, вслѣдствіе того, что въ тѣнистыхъ мѣстахъ вездѣ стояло сплошное болото. Пунта-Хуантамо представляетъ смѣлое нагроможденіе скалъ, поросшихъ растеніемъ, родственнымъ, кажется, *Bromelia* и называемымъ мѣстными жителями *чепонесъ*. Пробираясь сквозь эти заросли, мы сильно

исцарапали руки. Меня разсмѣшилъ индѣецъ проводникъ, осторожно засучившій панталоны, какъ будто онъ считалъ ихъ нѣжнѣе собственной грубой кожи. Растеніе это имѣетъ плодъ, формою похожій на артишокъ, который содержитъ множество вмѣстилищъ для сѣмянъ, а въ нихъ заключается вкусная, сладкая мякоть; она здѣсь очень цѣнится. Въ гавани Лоу я видѣлъ, что мѣстные жители дѣлаютъ изъ этого плода *чичи*, или сидръ. Итакъ, Гумбольдтъ правъ, говоря, что почти вездѣ человѣкъ находитъ средство изготовлять какой-нибудь напитокъ изъ растительныхъ веществъ. Однако дикари на Огненной Землѣ и, кажется, въ Австраліи не дошли до такого искусства.

Берегъ къ сѣверу отъ Пунта-Хуантамо чрезвычайно скалистъ и неровенъ и море вѣчно реветъ отъ множества буруновъ. Г. Кингу и мнѣ очень хотѣлось вернуться, еслибъ нашлась возможность, пѣшкомъ, идя по берегу, но даже индѣйцы заявили, что это невозможно. Намъ сказали, что были случаи, когда люди проходили прямо черезъ лѣса отъ Кукао до Санъ-Карлоса, но никто никогда не ходилъ берегомъ. Индѣйцы въ такія путешествія запасаются только жареными хлѣбными зернами, которыя они ѣдятъ, въ очень умѣренномъ количествѣ, два раза въ день.

26 января. Мы опять вошли въ лодку и, переправившись черезъ озеро, сѣли на лошадей. Все населеніе Чилоэ, пользуясь цѣлой недѣлей хорошей погоды, принялось за расчистку земли при помощи выжиганія лѣса. По всѣмъ направленіямъ поднимались кверху большіе столбы дыма. Несмотря на усердіе, съ которымъ жители жгли вездѣ лѣсъ, я не видалъ ни одного обширнаго пожара. Мы отобѣдали съ нашимъ другомъ комендантомъ, и къ вечеру только прибыли въ Кастро. На слѣдующій день мы выѣхали рано утромъ. Черезъ нѣкоторое время мы достигли вершины крутого холма, съ котораго передъ нами открылся далекій видъ (а это здѣсь рѣдкость) на огромный лѣсъ. Надъ горизонтальной линіей деревьевъ горделиво возвышались двѣ горы—вулканъ Корковадо и другая, на сѣверѣ, съ плоской вершиной; кромѣ этихъ двухъ горъ, не видно было ни одной снѣжной вершины, выдающейся надъ горной цѣпью. Не скоро исчезнетъ изъ моихъ воспоминаній это прощаніе съ великолѣпными Кордильерами возвышающимися напротивъ Чилоэ. Ночь мы провели подъ безоблачнымъ небомъ, а на слѣдующее утро достигли Санъ-Карлоса. Мы во-время пріѣхали, потому что на другой же день начался проливной дождь.

4 февраля. Отплыли изъ Чилоэ. За послѣднюю недѣлю я предпринималъ нѣсколько небольшихъ экскурсій. Одну изъ нихъ я совершилъ съ цѣлью изслѣдовать большой слой нынѣ существующихъ раковинъ; слой этотъ расположенъ на высотѣ 350 футовъ надъ уровнемъ моря, а среди него растутъ большія деревья, Въ другой разъ я отправился на Пунто-Хучукукуи. Со мной былъ проводникъ, слишкомъ хорошо знакомый съ мѣстностію, потому что онъ съ большой настойчивостью называлъ мнѣ индѣйскія имена каждаго маленькаго мысочка и ручейка, каждой бухточки. Такъ же какъ и на Огненной Землѣ, индѣйское нарѣчіе особенно пріурочено къ различнымъ наименованіямъ, отмѣчающимъ самыя незначительныя черты мѣстности. Мнѣ кажется, что всѣ мы съ удовольствіемъ простились съ о-вомъ Чилоэ, и тѣмъ не менѣе еслибъ можно было позабыть мрачное зимнее время съ нескончаемыми дождями, Чилоэ могъ бы считаться прелестнымъ островомъ. Простота и смиренная вѣжливость жителей показались намъ тоже очень привлекательными.

Мы поплыли на сѣверъ вдоль берега, но, вслѣдствіе тумана, не могли

доѣхать до Вальдивіи раньше вечера 8-го числа. На слѣдующій день мы въ лодкѣ отправились въ городъ, отстоящій миль на десять отсюда. Мы слѣдовали по теченію рѣки, проѣзжая иногда мимо нѣкоторыхъ отдѣльныхъ хижинъ и расчищенныхъ среди сплошного лѣса полей; мѣстами мы встрѣчали лодки съ индѣйскими семействами. Городъ расположенъ по низкому прибрежью рѣки и онъ до того весь покрытъ яблочными садами, что улицы производятъ впечатлѣніе тропинокъ среди фруктоваго сада.

Я не видѣлъ другой страны, гдѣ бы яблони такъ процвѣтали, какъ въ этой сырой части Южной Америки: по краямъ дорогъ росли молодыя деревца, которыя, повидимому, сами засѣялись. Въ Чилоэ населеніе умѣетъ необыкновенно скоро и легко разводить плодовые сады. На нижней части почти каждой вѣтки выдаются маленькія коническія, коричневыя и сморщенныя отросточки; онѣ имѣютъ свойство превращаться въ корни, что можно замѣтить тамъ, гдѣ случайно попала на дерево грязь. Ранней весною выбираютъ вѣтку, толщиною въ человѣческую ногу и срѣзаютъ ее подъ самыми этими шишечками, потомъ съ нея снимаютъ всѣ меньшія вѣточки, ее сажаютъ въ землю глубиною фута на два. На слѣдующее лѣто посаженный сучокъ пускаетъ длинные ростки и даже иногда даетъ плоды,—мнѣ разъ показывали двадцать три яблока, снятыя съ такой посадки, но это былъ рѣдкій случай. На третій годъ сучокъ превращается (какъ я самъ видѣлъ) въ вѣтвистое дерево, увѣшанное плодами. Чтобы оправдать испанскую поговорку «Necessidad es la madre del invencion», одинъ старикъ изъ окрестностей Вальдивіи разсказалъ намъ все, что онъ выдѣлываетъ изъ своихъ яблоковъ.

Приготовивъ изъ нихъ сидръ, а также вино, онъ изъ выжимокъ гонитъ душистую бѣлую водку; другимъ способомъ онъ изготовляетъ сладкую яблочную патоку, которую онъ называетъ медомъ. Дѣти его и свиньи, кажется, живутъ въ яблочномъ саду все время года, когда поспѣваютъ яблоки.

11 февраля. Я выѣхалъ съ проводникомъ, предполагая совершить короткую поѣздку, во время которой мнѣ однако удалось собрать замѣчательно мало свѣдѣній о геологіи страны и о ея жителяхъ. Подлѣ Вальдивіи немного расчищенной земли: переѣхавъ рѣку на разстояніи нѣсколькихъ миль, мы вступили въ лѣсъ и, вплоть до того мѣста, гдѣ мы остановились на ночлегъ, намъ встрѣтилась всего одна жалкая лачуга. Небольшая разница въ широтахъ (150 миль) придаетъ совсѣмъ иной видъ лѣсу, сравнительно съ лѣсомъ Чилоэ. Различіе это происходитъ отъ нѣсколько иного распредѣленія древесныхъ породъ. Вѣчно-зеленыхъ деревьевъ здѣсь, повидимому, меньше, вслѣдствіе чего лѣсъ имѣетъ болѣе яркій оттѣнокъ. Такъ же какъ и въ Чилоэ, нижняя часть деревьевъ перепутана тростникомъ; здѣсь еще растутъ группами деревья другой породы (похожія на бразильскій бамбукъ); они очень украшаютъ берега нѣкоторыхъ рѣкъ. Изъ этого дерева индѣйцы дѣлаютъ чузо (chuzos), т.-е. длинныя, острыя копья. Ночлегъ нашъ оказался такъ грязенъ, что я предпочелъ лечь спать снаружи; во время такихъ путешествій первая ночь въ дорогѣ бываетъ всегда очень неспокойна, потому что человѣкъ еще не привыкъ къ щекотанію и покусыванію блохъ. Могу съ увѣренностію сказать, что на другое утро у меня не было на ногахъ мѣстечка величиною въ шиллингъ, которое не было бы отмѣчено краснымъ пятнышкомъ въ знакъ того, что тамъ пировала блоха.

12 февраля. Мы продолжали подвигаться сквозь нерасчищенный лѣсъ; только изрѣдка встрѣчался верховой индѣецъ или попадалось стадо кра-

сивыхъ муловъ, которые везли съ южныхъ равнинъ доски изъ алерсоваго дерева и зерновой хлѣбъ. Послѣ обѣда одна изъ нашихъ лошадей выбилась изъ силъ; мы въ это время находились на вершинѣ горы, съ которой открывался прекрасный видъ на льяносы. Мы чувствовали себя отлично среди открытыхъ равнинъ, особенно послѣ того какъ пробыли такъ долго въ глухой чащѣ лѣсовъ. Однообразіе лѣсовъ скоро надоѣдаетъ. Этотъ западный берегъ заставляетъ меня вспоминать съ удовольствіемъ неограниченныя равнины Патагоніи; но со свойственнымъ человѣку духомъ противорѣчія я не могу забыть величественной тишины лѣсовъ. Льяносы—это самыя плодородныя и населенныя части страны, потому что они имѣютъ то огромное преимущество, что на нихъ почти не встрѣчается лѣсовъ. Когда мы приближались къ концу лѣсной полосы, намъ стали попадаться плоскія лужайки, окруженныя отдѣльными деревьями; эти лужайки походили на англійскій паръ. Вообще же я часто удивлялся тому полному отсутствію деревьевъ, которое замѣчается на совершенно ровныхъ мѣстахъ, попадающихся посреди холмистыхъ и лѣсныхъ округовъ. Въ виду того, что лошадь моя была очень утомлена, я рѣшилъ остановиться въ миссіи въ Кудико; къ монаху этой миссіи у меня было рекомендательное письмо. Кудико представляетъ собою переходное мѣсто отъ лѣсной стороны къ льяносамъ. Здѣсь встрѣчается довольно много деревенскихъ домовъ съ прилегающими полосами земли, засѣянными хлѣбомъ и картофелемъ; дома и поля почти всѣ принадлежатъ индѣйцамъ. Племена, живущія около Вальдивіи, «*reducidos y Christianos*». Дальше къ сѣверу, подлѣ Арауко и Имперіала, находятся индѣйцы еще въ состояніи дикости, не обращенные въ христіанство, но всѣ они поддерживаютъ сношенія съ испанцами. Патеръ говорилъ намъ, что крещеные индѣйцы не особенно охотно посѣщаютъ церковь, но все-таки они выказываютъ уваженіе къ религіи. Труднѣе всего заставить ихъ соблюдать брачный обрядъ. Дикіе индѣйцы набираютъ себѣ столько женъ, сколько они могутъ прокормить, а кацикъ имѣетъ не менѣе десяти женъ. О количествѣ женъ въ его домѣ можно судить по числу отдѣльныхъ очаговъ. Каждая жена живетъ поочередно недѣлю съ кацикомъ, но всѣ онѣ ткутъ для него пончо и проч. Быть женою кацика почитается за большую честь среди индѣйскихъ женщинъ.

Мужчины всѣхъ индѣйскихъ племенъ носятъ пончо изъ грубой шерстяной ткани; племена, живущія на югъ отъ Вальдивіи, носятъ короткіе панталоны, а племена, обитающія къ сѣверу,—короткія юбки въ родѣ чилипы гаучосовъ. Всѣ перевязываютъ свои длинные волосы краснымъ шнуркомъ и не употребляютъ никакихъ другихъ головныхъ уборовъ. Эти индѣйцы отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, выдающимися скулами и общимъ видомъ походятъ на великую американскую семью, къ которой они принадлежатъ. Но физіономія ихъ показалась мнѣ не совсѣмъ похожей на физіономію другихъ видѣнныхъ мною племенъ. Выраженіе лицъ у этихъ индѣйцевъ было вообще серьезное, даже суровое и очень характерное: по этому выраженію можно было заключить, что они обладаютъ честнымъ прямодушіемъ или же строгой рѣшимостію. Длинные черные волосы, серьезныя, морщинистыя лица и темный цвѣтъ кожи напомнили мнѣ старинные портреты Іакова I. Нигдѣ по дорогѣ мы не встрѣчали смиренно-вѣжливаго обращенія, столь распространеннаго въ Чилоэ. Иногда насъ привѣтствовали поспѣшнымъ «мари-мари» (здравствуйте), но большая часть индѣйцевъ не была вовсе расположена выразить намъ какой-либо привѣтъ. Такое независимое обращеніе является, вѣроятно, послѣдствіемъ продолжительныхъ войнъ, которыя

они вели, и побѣдъ, одержанныхъ надъ испанцами единственно этими племенами въ Америкѣ.

Вечеръ прошелъ для меня въ пріятной бесѣдѣ съ патеромъ. Онъ былъ необыкновенно добрый и гостепріимный человѣкъ; такъ какъ онъ пріѣхалъ изъ Сантъ-Яго, то могъ устроиться съ нѣкоторыми удобствами жизни. Будучи человѣкомъ, получившимъ нѣкоторое образованіе, онъ горько жаловался на полное отсутствіе общества. Такъ какъ онъ не отличался особеннымъ рвеніемъ въ отношеніи религіи и не имѣлъ никакихъ занятій, то жизнь его проходила незамѣтно. На слѣдующій день, на обратномъ пути, мы встрѣтили человѣкъ семь индѣйцевъ очень дикаго вида; нѣкоторые изъ нихъ были кацики, которые только что получили отъ чилійскаго правительства свое небольшое жалованіе, выдаваемое имъ ежегодно за долгую преданность. Всѣ они были красивые люди и ѣхали другъ за другомъ съ мрачными лицами. Одинъ старый кацикъ, ѣхавшій во главѣ партіи, должно быть, выпилъ больше всѣхъ остальныхъ, потому что лицо его выражало особенную суровость и мрачность. Незадолго до этой встрѣчи къ намъ присоединились два индѣйца, державшіе путь изъ далекой миссіи на Вальдивію, гдѣ у нихъ были какія-то тяжебныя дѣла. Одинъ изъ нихъ, добродушный старикъ, съ морщинистымъ и безбородымъ лицомъ болѣе походилъ на старуху, чѣмъ на старика. Я то и дѣло потчевалъ обоихъ индѣйцевъ сигарами; они же, хотя и принимали ихъ и, я увѣренъ, въ душѣ были мнѣ благодарны, но едва удостоивали меня словомъ благодарности. Индѣецъ изъ Чилоэ снялъ бы шляпу и сказалъ бы: «*Dios le page*». Ѣхать было очень скучно, такъ какъ дороги были плохія, и безпрестанно попадались сваленныя деревья, черезъ которыя приходилось перескакивать или же объѣзжать ихъ, дѣлая каждый разъ большой крюкъ. Мы ночевали на дорогѣ, а на слѣдующее утро добрались до Вальдивіи, откуда я отправился на корабль.

Нѣсколько дней спустя я переѣхалъ заливъ въ обществѣ офицеровъ и высадился подлѣ крѣпости, называемой Ніебла. Зданіе этого форта имѣло видъ развалины, пушечные лафеты совсѣмъ сгнили. Г. Уикгэмъ замѣтилъ коменданту, что при первомъ залпѣ они, конечно, разлетятся вдребезги. Бѣднякъ, желая прикрыть какъ-нибудь печальное положеніе крѣпости, серьезно сказалъ: «Нѣтъ, сударь, я увѣренъ, что они выдержали бы два залпа!» Испанцы, вѣроятно, хотѣли сдѣлать этотъ пунктъ неприступнымъ. Теперь среди крѣпостного двора лежитъ куча цемента, могущая соперничать твердостію съ утесомъ, на которомъ она лежитъ. Цементъ былъ привезенъ сюда изъ Чили и стоилъ 7000 долларовъ. Вспыхнувшая революція помѣшала употребить его въ дѣло, такъ что въ настоящее время онъ служитъ памятникомъ павшаго величія Испаніи.

Мнѣ хотѣлось пройти къ одному дому, отстоявшему на полторы мили, но проводникъ объявилъ мнѣ, что лѣсомъ невозможно пройти по прямому направленію. Онъ однако вызвался меня проводить, и повелъ по едва замѣтнымъ тропинкамъ, протоптаннымъ скотомъ, говоря, что это и есть кратчайшій путь, но мы пространствовали не менѣе трехъ часовъ. Человѣкъ этотъ занимается тѣмъ, что разыскиваетъ заблудившуюся скотину, а слѣдовательно ему должны быть хорошо знакомы здѣшніе лѣса. Тѣмъ не менѣе недавно онъ заблудился и проходилъ два дня безъ всякой пищи. Изъ этого случая можно видѣть, насколько непроходимы лѣса въ этихъ мѣстахъ. Мнѣ часто приходилъ на умъ вопросъ, долго ли остается какой-нибудь слѣдъ отъ упавшаго и гніющаго дерева? Про-

водникъ показалъ мнѣ одно такое дерево, которое было срублено роялистами, бѣжавшими четырнадцать лѣтъ тому назадъ; судя по этому дереву, я полагаю, что стволъ въ полтора фута толщины (въ діаметрѣ) можетъ совсѣмъ истлѣть въ теченіе 30 лѣтъ.

20 февраля. Этотъ день ознаменовался въ лѣтописяхъ Вальдивіи самымъ сильнымъ землетрясеніемъ, которое было когда-либо испытано здѣшними старожилами. Я случайно находился на берегу, лежалъ въ лѣсу и отдыхалъ. Землетрясеніе произошло вдругъ и продолжалось двѣ минуты, но время это показалось гораздо дольше. Колебаніе почвы было очень ощутительно; моему товарищу и мнѣ казалось, что оно идетъ прямо съ востока, между тѣмъ какъ другіе думали, что оно шло съ юго-запада: изъ этого видно, какъ трудно иногда замѣтить направленіе вибрацій. Можно было безъ труда устоять прямо на ногахъ, но у меня почти что закружилась голова; похоже было на качку лодки отъ коротких волнъ или еще болѣе на то, что ощущаетъ человѣкъ, когда онъ скользитъ по льду, который гнется подъ тяжестью его тѣла.

Сильное землетрясеніе внезапно уничтожаетъ въ насъ давно привычныя представленія: земля, эта эмблема прочности, колеблется подъ нашими ногами, точно какая-нибудь тонкая кора надъ жидкостію; довольно было одной секунды, чтобы вызвать въ умѣ странную мысль о чемъ-то непрочномъ, тогда какъ часы размышленій не могли бы этого сдѣлать.

Въ лѣсу, гдѣ вѣтеръ качалъ деревья, я только почувствовалъ колебаніе земли, но не увидалъ никакихъ другихъ дѣйствій землетрясенія. Капитанъ Фицъ-Рой былъ въ это время въ городѣ съ нѣсколькими офицерами; тамъ произошло болѣе поразительное зрѣлище: дома хотя и не разваливались, потому что они были деревянные, но зато сильно тряслись, а доски трещали. Люди въ страшномъ испугѣ бросились вонъ изъ домовъ. При такихъ-то условіяхъ и рождается паническій страхъ передъ землетрясеніемъ; страхъ этотъ испытываютъ всѣ, кто ощущалъ колебаніе почвы, а кромѣ того, видѣлъ его дѣйствіе. Въ лѣсу явленіе это представляло глубокій интересъ, но въ немъ не было ничего, возбуждающаго ужасъ. На приливѣ и отливѣ землетрясеніе отразилось очень любопытно: сильный ударъ случился во время отлива; одна старая женщина, бывшая на берегу въ эту минуту, разсказывала мнѣ, что вода быстро хлынула, но небольшими волнами, къ чертѣ полноводья, послѣ чего такъ же быстро отлила въ свой обыкновенный уровень, что можно было замѣтить по чертѣ на мокромъ пескѣ. То же самое быстрое, но спокойное движеніе прилива случилось нѣсколько лѣтъ назадъ въ Чилоэ, во время легкаго землетрясенія; оно причинило ненужную тревогу. Въ теченіе вечера ощущалось нѣсколько болѣе слабыхъ ударовъ, которые, повидимому, произвели въ гавани самыя сложныя теченія, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ были очень сильны.

4 марта. Мы вошли въ гавань Консепсіонъ. Пока «Бигль» искалъ мѣсто, гдѣ бы бросить якорь, я высадился на островъ Квириквина. Майордомъ помѣстья выѣхалъ ко мнѣ навстрѣчу, чтобы сообщить страшныя вѣсти о землетрясеніи, бывшемъ 20 числа: по его словамъ, въ Консепсіонѣ и въ Талькахуано (гавани) не уцѣлѣло ни одного дома; разрушено семьдесятъ деревень и, наконецъ, развалины Талькахуано почти совсѣмъ снесены большой волной. Послѣднее извѣстіе подтвердилось вскорѣ тѣмъ, что открылось передъ моими глазами: весь берегъ былъ заваленъ досками и разной мебелью, какъ будто тысяча кораблей была здѣсь разбиты. Кромѣ стульевъ, столовъ, полокъ и пр., раскиданныхъ

въ большомъ количествѣ, виднѣлись крыши домовъ, которые были совсѣмъ снесены съ мѣста. Торговые склады Талькахуано стояли настежь открытые; большіе тюки хлопка, іербы и другія цѣнныя вещи были разбросаны по берегу. Во время моей прогулки по острову я замѣтилъ множество обломковъ отъ скалъ, которые, судя по приставшимъ къ нимъ морскимъ произведеніямъ, вѣрно еще недавно были подъ водою; теперь же они были выброшены на высокія мѣста берега; въ одномъ изъ такихъ обломковъ было шесть футовъ длины, три фута ширины и два толщины.

Островъ самъ носилъ явные слѣды разрушительной силы землетрясенія и такъ же какъ берегъ ясно указывалъ на силу послѣдовавшаго за землетрясеніемъ наводненія. Почва треснула во многихъ мѣстахъ, при чемъ трещины имѣли продольное направленіе на сѣверъ и на югъ, что произошло, быть можетъ, отъ того, что подались параллельные крутые бока этого узкаго острова. Нѣкоторыя трещины подлѣ утесовъ имѣли ярдъ ширины. Многія каменныя глыбы уже свалились на берегъ, и жители ожидали еще болѣе значительныхъ обваловъ съ наступленіемъ дождливаго времени. Еще любопытнѣе оказалось дѣйствіе колебаній на твердый сланцовый грунтъ, изъ котораго состоитъ островъ: верхніе слои нѣкоторыхъ узкихъ горныхъ цѣпей были такъ раздроблены, какъ будто ихъ взорвали порохомъ. Дѣйствіе землетрясенія, особенно замѣтное по свѣжимъ трещинамъ и по разбросанной землѣ, должно быть, ограничилось поверхностью почвы, такъ какъ иначе во всемъ Чили не осталось бы ни одной цѣлой скалы; такое предположеніе вѣроятно, такъ какъ извѣстно, что поверхность вибрирующаго тѣла подвержена иному дѣйствію колебанія, чѣмъ то, которое происходитъ въ центральной его части. Вѣроятно, по той же причинѣ землетрясенія не производятъ того разрушительнаго дѣйствія внутри глубокихъ шахтъ, котораго можно было бы ожидать. Я полагаю, что случившееся колебаніе почвы оказало болѣе дѣйствія на уменьшеніе размѣровъ острова Квириквины, чѣмъ обычное дѣйствіе прибоя и непогоды въ теченіе цѣлаго вѣка.

На слѣдующій день я вышелъ въ Талькахуано, откуда поѣхалъ верхомъ въ Консепсіонъ. Оба города представляли самую ужасную и въ то же время самую любопытную картину, когда-либо мною видѣнную. Впечатлѣніе было бы, вѣрно, еще сильнѣе для тѣхъ, кто зналъ раньше эти города, потому что развалины такъ перемѣшались между собою, и все вообще такъ мало было похоже на обитаемое мѣсто, что почти невозможно было представить себѣ прежнее положеніе городовъ. Землетрясеніе началось въ $11^1/_2$ часовъ поутру. Если бы оно случилось ночью, то большая часть жителей погибла бы (а ихъ въ одной этой провинціи насчитывалось нѣсколько тысячъ), между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ погибло менѣе ста человѣкъ: привычка выбѣгать на улицу при первомъ колебаніи почвы послужила къ спасенію жителей. Въ Консепсіонѣ отдѣльные дома и цѣлые ряды построекъ остались на мѣстѣ, представляя кучи или ряды развалинъ; но въ Талькахуано, смытомъ волной, можно было едва различить уцѣлѣвшую часть стѣны среди груды кирпичей, досокъ и всякаго мусору. Поэтому, хотя Консепсіонъ пострадалъ меньше, но картина разворенія производила болѣе страшное и, если можно такъ выразиться, болѣе живописное впечатлѣніе. Первый ударъ раздался внезапно. Майордомъ Квириквины говорилъ мнѣ, что онъ получилъ первое предостереженіе только тогда, когда онъ вмѣстѣ съ лошадью, на которой ѣхалъ, покатился на землю. Вставъ на ноги, онъ былъ тотчасъ же брошенъ наземь. Онъ же разсказывалъ, что нѣсколько коровъ, стояв-

шихъ на крутомъ берегу острова, были снесены въ море. Наводненіе отъ набѣжавшей большой волны уничтожило много скота; на одномъ низменномъ островѣ поблизости бухты семьдесятъ штукъ разнаго скота были снесены съ берега и потоплены. Всѣ утверждали, что это землетрясеніе было самое сильное изъ всѣхъ, бывшихъ въ Чили, но трудно судить о вѣрности этого сужденія, потому что промежутки между землетрясеніями бываютъ очень длинные и, за давностію предпослѣдняго землетрясенія, о немъ нѣтъ точнаго понятія. Безчисленное количество легкихъ колебаній почвы послѣдовали за большимъ землетрясеніемъ; въ теченіе первыхъ двѣнадцати дней ихъ насчитывалось не менѣе трехсотъ. Послѣ того какъ я видѣлъ Консепсіонъ, я понять не могу, какимъ образомъ большая часть жителей не пострадала. Во многихъ частяхъ города дома валились впередъ, образуя посреди улицъ маленькіе холмы изъ кирпичей и мусора. Г. Раузъ, англійскій консулъ, разсказывалъ намъ, что онъ сидѣлъ за завтракомъ, когда первый ощутимый толчокъ заставилъ его выбѣжать изъ дома. Онъ едва добѣжалъ до середины двора, какъ одна сторона его дома съ грохотомъ обрушилась. Онъ сохранилъ достаточно присутствія духа, чтобы сообразить слѣдующее: если онъ доберется до верха развалившейся части дома, онъ будетъ въ безопасности. Не имѣя возможности, вслѣдствіе колебанія земли, устоять на ногахъ, онъ ползкомъ дошелъ до намѣченнаго имъ мѣста. Только что онъ помѣстился на вершинѣ развалины, какъ остальная часть дома обрушилась, при чемъ огромныя балки пролетѣли около самой головы его. Ослѣпленный облаками пыли, со ртомъ, набитымъ мусоромъ, онъ кое-какъ выбрался на улицу. Такъ какъ ударъ слѣдовалъ за ударомъ съ минутными промежутками, никто не осмѣливался подойти къ развалинамъ, и всѣ были въ неизвѣстности насчетъ близкихъ, родныхъ и друзей, которые, можетъ быть, за неимѣніемъ помощи, обречены были на гибель. Люди, успѣвшіе спасти свое имущество, принуждены были дежурить около него, охраняя отъ воровъ, которые бродили всюду и при всякомъ новомъ толчкѣ восклицали: «Misericordia»! ударяя себя въ грудь одной рукой, въ то время какъ другой они извлекали что могли изъ-подъ развалинъ. Соломенныя крыши обрушивались въ горящіе очаги, и со всѣхъ сторонъ вспыхивали пожары, сотни людей видѣли себя разоренными, и многіе не знали даже, гдѣ достать себѣ пищу на этотъ день.

Достаточно однихъ землетрясеній для того, чтобы совершенно уничтожить благосостояніе страны. Если-бъ когда-нибудь въ Англіи стали дѣйствовать подземныя силы, нынѣ безмолвствующія, но дѣйствовавшія въ прежнія геологическія эпохи, какой переворотъ совершился бы въ странѣ! Что бы сталось съ высокими домами, густо заселенными городами, большими фабриками и прекрасными общественными и частными зданіями? Какое страшное истребленіе случилось бы, если бъ новый періодъ земныхъ переворотовъ начался съ сильнаго землетрясенія въ глубокую ночь? Англія разорилась бы внезапно; исчезли бы всѣ документы счеты и отчеты; правительство утратило бы возможность собирать налоги и не могло бы ничѣмъ поддержать своей власти, вслѣдствіе чего воцарился бы грубый произволъ и ничто не останавливало бы руки похитителя. Голодъ распространился бы по всѣмъ городамъ, и за нимъ явились бы заразныя болѣзни и моръ.

Вскорѣ послѣ землетрясенія показалась большая волна, подступавшая съ разстоянія трехъ или четырехъ миль; среди бухты она имѣла гладкую поверхность но, вдоль берега она срывала дома и деревья, напирая съ неодолимой силою. Въ глубинѣ бухты она разбилась на множе-

ство страшныхъ бѣлыхъ буруновъ, превышавшихъ на 23 фута по вертикали самую высокую точку весенняго прилива. Сила этихъ буруновъ была, должно быть, огромная, потому что они сдвинули въ фортѣ одну пушку, вѣсившую вмѣстѣ съ лафетомъ 4 тонны и отбросили ее на 15 футовъ. Шкуна была заброшена въ середину развалинъ на 200 ярдовъ отъ берега. За первой волной послѣдовали двѣ другія, которыя, отступая, унесли съ собою множество плававшихъ по водѣ предметовъ. Въ одномъ мѣстѣ бухты корабль былъ выброшенъ далеко на берегъ, потомъ снова унесенъ въ море. Въ другомъ мѣстѣ два большихъ корабля, стоявшихъ на якорѣ близко другъ отъ друга были связаны одинъ съ другимъ и канаты ихъ трижды перевиты между собою. Несмотря на то, что эти корабли стояли на якоряхъ, брошенныхъ на глубинѣ 36 футовъ, они въ нѣсколько минутъ очутились на мели. Большая волна двигалась, повидимому, медленно, потому что жители Талькахуано успѣли взобраться на холмы, которые тянутся за городомъ, а нѣкоторые моряки бросились въ лодки въ надеждѣ благополучно переплыть волну прежде чѣмъ она разобьется о берегъ. Одна старуха сѣла въ лодку съ маленькимъ мальчикомъ лѣтъ четырехъ-пяти, но не нашлось гребца, и лодка, налетѣвъ на якорь, была расколота надвое. Старуха утонула, а ребенка, который уцѣпился за обломокъ лодки, спасли нѣсколько часовъ спустя послѣ наводненія. Среди развалинъ домовъ стояли еще лужи соленой воды; дѣти, смастеривъ себѣ кораблики изъ сломанныхъ столовъ и стульевъ, веселились столько же, сколько родители ихъ горевали. Любопытно было однако видѣть, что и взрослые высказывали болѣе энергіи и бодрости, чѣмъ можно было ожидать. Справедливо было замѣчено что при такомъ всеобщемъ бѣдствіи, никто не чувствовалъ себя болѣе приниженнымъ чѣмъ другіе люди, никто не подозрѣвалъ сосѣда въ равнодушіи, а это всего чувствительнѣе при разореніи. Г. Раузъ и большое общество, взятое имъ любезно подъ свое покровительство, прожили первую недѣлю послѣ бѣдствія въ саду подъ сѣнью яблочныхъ деревьевъ. Сначала всѣ радовались, какъ будто устроили пикникъ, но наступившіе сильные дожди причинили огромное неудобство людямъ, не имѣвшимъ никакой защиты отъ непогоды.

Капитанъ Фицъ-Рой въ своемъ превосходномъ описаніи землетрясенія говоритъ, что въ бухтѣ видѣли два взрыва; одинъ походилъ на столбъ дыма, другой на струю, пущенную большимъ китомъ. Вода вся какъ будто кипѣла и сдѣлалась «черной, съ очень непріятнымъ сѣрнымъ запахомъ». То же было замѣчено и въ бухтѣ Вальпарайсо во время землетрясенія 1822 года; это обстоятельство, я полагаю, можно объяснить тѣмъ, что при землетрясеніи взбалтывается на днѣ моря илъ, содержащій гніющія органическія вещества. Въ бухтѣ Каллао, въ ясный день, я замѣтилъ, что, въ то время какъ корабль волочилъ по дну якорный канатъ, направленіе этого каната обозначалось рядомъ пузырей на поверхности воды. Простой народъ въ Талькахуано думалъ, что землетрясеніе произвели какія-то индѣйскія старухи, которыя два года назадъ чѣмъ-то были оскорблены и задержали дѣйствіе вулкана Антуко. Это глупое повѣріе тѣмъ интересно, что оно показываетъ, какъ опытъ научилъ туземцевъ видѣть извѣстную связь между прекратившимся дѣйствіемъ вулкановъ и землетрясеніями. Въ томъ пунктѣ, гдѣ они перестали понимать связь между причиной и слѣдствіемъ, они нашли нужнымъ обратиться къ колдовству, которое и совершило закупорку жерла вулкана. Повѣріе это особенно странно въ данномъ случаѣ, такъ какъ,

по свидѣтельству капитана Фицъ-Роя, есть причины думать, что землетрясеніе не коснулось нисколько вулкана Антуко.

Городъ Консепсіонъ былъ построенъ такъ, какъ обыкновенно строятся испанскіе города: всѣ улицы шли подъ прямымъ угломъ, однѣ—въ западно-юго-западномъ направленіи, другія—въ сѣв.-сѣверо-западномъ. Стѣны устояли лучше въ первомъ направленіи, чѣмъ въ послѣднемъ; большая часть кирпичныхъ кучъ были опрокинуты въ сѣверо-восточномъ направленіи. Оба эти обстоятельства вполнѣ согласуются съ общимъ мнѣніемъ о томъ, что землетрясеніе шло съ юго-запада, откуда подземный гулъ былъ тоже слышенъ; очевидно, что стѣны, стоявшія по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку и обращенныя только краями своими къ той точкѣ, откуда шло колебаніе, подвергались меньшей опасности паденія, чѣмъ стѣны, идущія отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; эти послѣднія всей длиной своей встрѣчали напоръ и должны были тотчасъ развалиться, потому что колебанія, которыя шли съ юго-запада, должны были расходиться на сѣверо-западъ и на юго-востокъ въ ту минуту, какъ онѣ проходили подъ зданіями. Можно представить это, разставивъ по ковру книги концами вмѣстѣ, и потомъ, какъ предлагаетъ Мичелъ, трясти коверъ, подражая землетрясенію: окажется, что книги будутъ падать болѣе или менѣе быстро, смотря по тому, насколько ихъ направленіе совпадаетъ съ направленіемъ колебательнаго движенія. Трещины въ почвѣ вообще, хотя не вездѣ одинаково, шли по направленію отъ юго-востока къ сѣверо-западу и, слѣдовательно, соотвѣтствовали направленію волнообразныхъ линій или главной волны. Принявъ въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, которыя такъ ясно указываютъ на юго-западъ, какъ на центръ явленія, очень интересенъ тотъ фактъ, что островъ С. Маріи, лежащій въ той сторонѣ, поднялся, въ продолженіе общаго повышенія почвы, почти втрое выше всѣхъ остальныхъ частей берега.

Различіе въ сопротивленіи, оказанномъ стѣнами зданій, согласно съ ихъ направленіемъ, можетъ быть подтверждено случаемъ съ соборомъ. Сѣверо-восточный фасадъ его былъ превращенъ въ груду развалинъ, среди которыхъ торчали точно изъ воды дверные косяки и кучи досокъ. Угловые обломки стѣнъ, изъ которыхъ нѣкоторые были очень крупныхъ размѣровъ, были разбросаны по ровной площади, точно осколки скалъ, встрѣчающіеся у подошвы большихъ горъ. Боковыя стѣны (имѣвшія направленіе съ юго-запада на сѣверо-востокъ) устояли, хотя и сильно растрескались, но огромныя подпоры (подъ прямымъ угломъ къ нимъ, слѣдовательно параллельныя съ упавшими стѣнами) были мѣстами совершенно гладко подрѣзаны, словно рѣзцомъ, и сброшены на землю. Квадратныя украшенія наверху нѣкоторыхъ стѣнъ приняли діагональное положеніе. То же обстоятельство было замѣчено послѣ землетрясенія въ Вальпарайсо, въ Калабріи и другихъ мѣстахъ, а также на нѣкоторыхъ древнихъ греческихъ храмахъ [1]). Такое круговое пере-мѣщеніе сначала какъ будто указываетъ на то, что каждая точка подвергалась вращательному движенію, что было бы въ высшей степени невѣроятно. Нельзя ли скорѣе объяснить этотъ фактъ тѣмъ, что каждый камень стремится устроиться въ извѣстномъ положеніи по отношенію къ направленію колебаній; здѣсь происходитъ нѣчто похожее на то, что бываетъ съ булавками, положенными на листъ бумаги, который встряхиваютъ. Говоря во-

[1]) См. статью Араго въ Institut, 1839, p. 337. Также Miers, Chile, vol. i. p. 392; еще Лайель „Principles of Geology", chap. XV, book II.

обще, двери и окна со сводами оказались болѣе устойчивыми, чѣмъ всѣ другія части строеній. Тѣмъ не менѣе одинъ несчастный хромой старикъ, имѣвшій привычку выползать при малѣйшемъ колебаніи почвы и искать защиты у одной двери, былъ на этотъ разъ въ прахъ раздавленъ.

Я не пытался описать подробно внѣшній видъ города Консепсіонъ, потому что я чувствую, что не могъ бы передать тѣ сложныя впечатлѣнія, которыя я испыталъ. Многіе изъ нашихъ офицеровъ посѣтили городъ раньше меня, но самые яркіе разсказы ихъ не дали вѣрнаго понятія о картинѣ разрушенія. Горько и обидно видѣть творенія рукъ человѣческихъ, стоившія такъ много времени и труда, уничтоженными въ одну минуту; но чувство жалости по отношенію къ жителямъ мгновенно уступало мѣсто удивленію передъ положеніемъ вещей, созданнымъ въ одну минуту, тогда какъ мы привыкли приписывать его вѣковому дѣйствію. По-моему мы ничего не видали до такой степени интереснаго съ самаго нашего отъѣзда изъ Англіи.

Говорятъ, что при каждомъ значительномъ землетрясеніи сосѣднія воды приходятъ въ сильное волненіе. Оно бываетъ обыкновенно двоякое (какъ и было въ случаѣ съ Консепсіономъ): сначала, въ минуту перваго сотрясенія, вода медленно приливаетъ высоко къ берегу и потомъ отступаетъ отъ него тѣмъ же медленнымъ движеніемъ; потомъ, спустя нѣкоторое время, вся масса моря отступаетъ отъ береговъ и снова возвращается, но ужъ теперь оно приливаетъ волнами всесокрушающей силы. Первое движеніе есть, какъ кажется, ближайшее слѣдствіе землетрясенія, которое различно дѣйствуетъ на тѣла твердыя и жидкія, такъ что обыкновенное отношеніе ихъ уровней слегка нарушается; но второе явленіе гораздо важнѣе. Во время большей части землетрясеній, а особенно во время землетрясеній, случающихся на западномъ берегу Америки, несомнѣнно, что первымъ большимъ движеніемъ воды было отступленіе. Нѣкоторые писатели пытались объяснить это движеніе тѣмъ, что вода сохраняетъ свой уровень, тогда какъ земля подымается; но надо полагать, что прилежащія къ берегу воды, даже если берегъ крутъ, испытали бы на себѣ колебанія дна; кромѣ того, какъ утверждаетъ м. Лайэлль, точно такія же движенія моря наблюдались подлѣ острововъ, далеко отстоящихъ отъ главной линіи землетрясенія, какъ, напримѣръ, у о-ва Хуанъ-Фернандесъ во время настоящаго землетрясенія и у о-ва Мадейры во время знаменитаго лиссабонскаго землетрясенія.

Я думаю (но вопросъ этотъ остается пока невыясненнымъ), что волна, откуда бы она ни произошла, спачала оттягиваетъ воды отъ берега, на который она надвигается; то же было мною замѣчено на мелкихъ волнахъ, причиняемыхъ движеніемъ пароходныхъ колесъ. Замѣчательно, что Талькахуано и Каллао (близъ Лимы), находящіеся въ глубинѣ обширныхъ мелкихъ бухтъ, подвергались наводненіямъ при каждомъ сильномъ землетрясеніи, между тѣмъ какъ Вальпарайсо, стоящій на самомъ краю очень глубокихъ водъ, никогда не былъ потопленъ, хотя часто испытывалъ сильныя землетрясенія. Вслѣдствіе того, что большая волна не тотчасъ появляется послѣ землетрясенія, а иногда даже полчаса позднѣе, и такъ какъ на отдаленныхъ островахъ землетрясеніе случается одновременно съ землетрясеніемъ на берегахъ, лежащихъ у его средоточія, то надо полагать, что вода подымается сперва въ открытомъ морѣ; явленіе это общее, а потому и причина его должна быть общей: думаю, что надо искать мѣсто происхожденія большой волны на той линіи, гдѣ менѣе взволнованныя воды глубокаго океана присоединяются къ водамъ ближайшимъ къ берегу, испытавшему дѣйствіе землетрясенія; кажется

также, что волна бываетъ больше или меньше, согласно съ пространствомъ мелководья, которое приведено въ движеніе вмѣстѣ съ колеблемымъ подъ нимъ дномъ. Самымъ замѣчательнымъ послѣдствіемъ этого землетрясенія было постоянное возвышеніе материка; правильнѣе, я думаю, назвать его причиной, а не слѣдствіемъ. Несомнѣнно, что почва вокругъ бухты Консепсіонъ была поднята на два-три фута; но слѣдуетъ замѣтить, что я не могъ найти точнаго доказательства этого факта, потому что большая волна уничтожила прежнюю линію прилива на отлогомъ песчаномъ берегу, такъ что единодушныя показанія жителей могутъ служить единственнымъ доказательствомъ того, что небольшая скала, видная теперь надъ водой, была раньше покрыта ею. Островъ Св. Маріи (миляхъ въ тридцати) поднялся еще выше; на одной части его капитанъ Фицъ-Рой нашелъ ряды разложившихся раковинъ Mytilus, еще прикрѣпленныхъ къ скаламъ на десять футовъ выше черты прилива: прежде жители ныряли во время сильнаго отлива и доставали эти раковины. Поднятіе этой провинціи особенно замѣчательно вслѣдствіе того, что здѣсь бывали и другія сильныя землетрясенія и что всюду разбросано множество морскихъ раковинъ до высоты въ 600 футовъ и, я думаю, до 1000 футовъ. Въ Вальпарайсо, какъ я уже говорилъ, такія же раковины находятся на высотѣ 1300 ф.; едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что такое значительное поднятіе совершилось путемъ послѣдовательныхъ небольшихъ повышеній, въ родѣ того, которое сопровождало (а можетъ быть и причинило) землетрясеніе нынѣшняго года, а также путемъ очень медленнаго, постояннаго повышенія, которое, конечно, и теперь происходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого берега.

Бонтанъ Антука.

Островъ Хуанъ-Фернандесъ, лежащій въ 360 миляхъ къ сѣверо-востоку, былъ сильно поколебленъ во время землетрясенія 20-го числа, такъ что деревья бились другъ объ друга и подводный вулканъ открылся подлѣ самаго берега: приведенные факты замѣчательны, потому что этотъ островъ во время землетрясенія 1751 года пострадалъ больше другихъ мѣстъ, лежащихъ на равномъ разстояніи отъ Консепсіона, изъ чего можно предположить нѣкоторую подземную связь между этими двумя точками. Чилоэ, лежащій въ 340 миляхъ на югъ отъ Консепсіона, повидимому, былъ потрясенъ сильнѣе, чѣмъ округъ Вальдивія, находящійся между ними; здѣсь вулканъ Вилларика остался вполнѣ спокоенъ, между тѣмъ какъ въ Кордильерахъ, напротивъ Чилоэ, два вулкана стали одновременно сильно дѣйствовать. На этихъ двухъ огнедышащихъ горахъ, а также и на другихъ сосѣднихъ вулканахъ долго продолжались изверженія; десять мѣсяцевъ спустя они снова были приведены въ дѣйствіе землетрясеніемъ въ Консепсіонѣ. Нѣсколько человѣкъ, рубившихъ деревья у подошвы одного изъ этихъ вулкановъ, не почувствовали ни-

какого колебанія почвы 20-го числа, когда землетрясеніе ощущалось во всей окрестной провинціи; такимъ образомъ, мы видимъ изверженіе вулкана замѣняющимъ землетрясеніе и служащимъ какъ бы отводомъ ему; то же самое, согласно съ повѣріемъ туземцевъ, случилось бы въ Консепсіонѣ, если бъ жерло вулкана Антуко не было закупорено волшебствомъ. Спустя два года и девять мѣсяцевъ новыя землетрясенія поколебали Вальдивію и Чилоэ, но сильнѣе, чѣмъ 20-го числа; въ то же время одинъ островъ въ архипелагѣ Чоносъ былъ поднятъ болѣе чѣмъ на восемь футовъ. Чтобы лучше уяснить себѣ, на какомъ протяженіи совершались описанныя явленія, предположимъ (какъ относительно ледниковъ), что они произошли на соотвѣтствующихъ точкахъ Европы; тогда всѣ земли, лежащія между Сѣвернымъ и Средиземнымъ морями, испытали бы сильное землетрясеніе и въ то же время большое пространство восточнаго берега Англіи было бы поднято вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ прилежащихъ острововъ; на голландскомъ берегу разразилась бы изверженіями цѣлая вереница вулкановъ; на днѣ моря, подлѣ сѣверной оконечности Ирландіи, открылся бы тоже вулканъ и, наконецъ, задымились бы древнія жерла потухшихъ вулкановъ Оверни, Кантоля и Монъ д'Ора, посылая къ небу темные столбы дыма; сильное дѣйствіе этихъ вулкановъ продолжалось бы долгое время. Два года и девять мѣсяцевъ спустя, центральная Франція вплоть до Ламанша была бы опять опустошена землетрясеніемъ, а въ Средиземномъ морѣ поднялся бы островъ.

Протяженіе дѣйствія вулканической силы 20-го числа равнялось 720 милямъ въ одномъ направленіи и 400 милямъ въ другомъ, подъ прямымъ угломъ къ первому; можно изъ этого заключить, что, по всей вѣроятности, здѣсь образовалось подземное озеро лавы вдвое больше Чернаго моря. Судя по сложности, съ которой проявилась въ настоящемъ случаѣ связь между подъемной и извергательной силами, мы можемъ съ достаточнымъ вѣроятіемъ притти къ заключенію, что силы, поднимающія материки медленно и маленькими толчками, и силы, періодически извергающія вулканическія вещества изъ открытыхъ жерлъ, однѣ и тѣ же. На основаніи многихъ данныхъ я полагаю, что частыя колебанія почвы по этой береговой полосѣ происходятъ отъ того, что образуются трещины, когда земля, при поднятіи, напрягается, и въ эти трещины вливаются расплавленныя горныя породы. Такое растрескиваніе и наполненіе трещинъ расплавленнымъ веществомъ, повторяясь часто (а мы знаемъ, что землетрясенія въ извѣстныхъ мѣстахъ повторяются одинаковымъ образомъ), образуютъ горныя цѣпи; продолговатый о-въ св. Маріи, приподнятый втрое выше окрестной страны, испытываетъ, повидимому, такой процессъ.

Я думаю, что способъ образованія твердой оси горы отличается отъ способа образованія вулканическаго холма только тѣмъ, что въ первомъ случаѣ расплавленное вещество неоднократно впрыскивается, а во второмъ неоднократно выбрасывается наружу. Кромѣ того, я думаю, что другого объясненія не можетъ быть относительно строенія большихъ горныхъ цѣпей какъ Кордильеры: здѣсь слои, прикрывающіе ось впрыснутыхъ породъ плутоническаго происхожденія, расположены по бокамъ горъ нѣсколькими параллельными и близкими другъ къ другу рядами возвышеній:—такое строеніе нельзя объяснить иначе какъ тѣмъ, что породы, составляющія горную ось, были по нѣскольку разъ впрыскиваемы съ промежутками времени достаточно длинными для того, чтобы дать верхнимъ частямъ или клиньямъ остыть и сдѣлаться твердыми; потому что

еслибы слои однимъ разомъ были извержены и поставлены въ свое теперешнее сильнонаклоненное, вертикальное и даже опрокинутое положеніе, то расплавленная внутренность земного шара вылилась бы тоже разомъ, и тогда, вмѣсто крутыхъ горныхъ осей, которыя образовались изъ окрѣпнувшей подъ сильнымъ давленіемъ породы, потоки лавы разлились бы въ безчисленныхъ мѣстахъ на всевозможныхъ уровняхъ [1]).

ГЛАВА XV.

Переходъ черезъ Кордильеры.

Вальпарайсо.—Проходъ Портильо.—Умъ муловъ.—Горные потоки.—Какъ были открыты рудники.—Доказательства постепеннаго возвышенія Кордильеровъ.—Вліяніе снѣга на горы.—Геологическое строеніе двухъ главныхъ цѣпей.—Ихъ различное происхожденіе и поднятіе.—Большое опусканіе.—Красный снѣгъ.—Вѣтры.—Снѣжные столбы.—Сухая и прозрачная атмосфера. — Электричество.—Пампасы. — Зоологія противоположной стороны Андовъ.—Саранча.—Большіе клопы.—Мендоза.—Проходъ Успаллата.—Окаменѣлыя деревья, погребенныя какъ они росли.—Мостъ Инковъ. — Преувеличенная трудность проходовъ.—Кумбръ.—Казучасъ.—Вальпарайсо.

7 марта 1835. Мы пробыли три дня въ Консепсіонѣ и потомъ отправились въ Вальпарайсо. Такъ какъ вѣтеръ дулъ съ сѣвера, мы до наступленія темноты могли добраться только до входа въ гавань Консенсіона. Въ виду того, что мы находились очень близко отъ земли и, къ тому же сталъ подниматься туманъ, рѣшено было бросить якорь. Вскорѣ около нашего борта показалось большое американское китоловное судно; до нашего слуха донеслась брань янки, приказывавшаго своимъ матросамъ не шумѣть, пока онъ прислушивается къ прибою. Капитанъ Фицъ-Рой закричалъ ему громкимъ, яснымъ голосомъ, чтобы онъ бросилъ якорь тамъ, гдѣ въ эту минуту стояло его судно. Бѣдняку вѣрно показалось, что голосъ съ берега: въ ту же минуту на его суднѣ поднялось настоящее вавилонское столпотвореніе; всѣ кричали: «Бросай якорь! Спускай канатъ! Убавляй паруса!» Ничего смѣшнѣе этой сцены нельзя было себѣ вообразить. Если бъ всѣ матросы на кораблѣ исполняли должность капитана, то могли бы раздаваться столь же многочисленныя приказанія. Мы узнали впослѣдствіи, что штурманъ китоловнаго судна былъ заика: вѣроятно, весь экипажъ помогалъ ему отдавать приказанія.

11 числа мы стали на якорь въ Вальпарайсо; два дня спустя я отправился въ путь, чтобы перебраться на ту сторону Кордильеровъ. Прибывъ въ Сантъ-Яго, я встрѣтилъ тамъ любезное содѣйствіе со стороны г. Кольдклю, который помогъ мнѣ сдѣлать нужныя приготовленія. Въ этой части Чили есть два прохода черезъ Анды къ Мендозѣ; проходъ Аконкагуа или Успаллата, расположенный къ сѣверу, чаще всего служитъ путешественникамъ; другой проходъ, Портильо, лежитъ къ югу и находится ближе, но онъ выше и опаснѣе.

18 марта. Мы выѣхали по направленію къ проходу Портильо. Проѣхавъ пустынную выжженную равнину, на которой расположенъ г. Сантъ-Яго, мы достигли послѣ полудня Майпу, одной изъ главныхъ рѣкъ Чили.

---

[1]) Подробное описаніе вулканическихъ явленій, сопровождавшихъ землетрясеніе 20-го, и выводы изъ нихъ можно найти въ V т. Geological Transactions.

Тамъ, гдѣ долина вдается въ первую цѣпь Кордильеровъ, она окаймлена высокими безплодными горами; хотя долина и не широкая, но она отличается плодородіемъ своей почвы. По ней разбросаны деревенскіе домики, окруженные яблочными садами, нектариновыми и персиковыми деревьями, которыя гнутся подъ тяжестью чудныхъ спѣлыхъ плодовъ. Вечеромъ мы проѣхали таможню, гдѣ были осмотрѣны наши вещи.

Граница Чили еще лучше охраняется Кордильерами, чѣмъ моремъ. Очень немногія долины ведутъ къ центральной цѣпи Кордильеровъ; въ остальныхъ же мѣстахъ горы совершенно недоступны для вьючныхъ животныхъ. Таможенные чиновники оказались очень вѣжливыми, что отчасти объяснялось паспортомъ, который мнѣ далъ президентъ республики, но я, впрочемъ, долженъ выразить свое восхищеніе передъ врожденной вѣжливостью всѣхъ чилійцевъ. Что касается таможенныхъ служащихъ, вѣжливость ихъ особенно поражала по сравненію съ тѣмъ что мы привыкли видѣть въ томъ же разрядѣ людей въ большей части другихъ странъ. Разскажу кстати про одинъ случай, доставившій мнѣ тогда самое искреннее удовольствіе. Подлѣ Мендозы мы встрѣтили одну толстую негритянку небольшого роста, ѣхавшую верхомъ, по-мужски, на мулѣ. У нея былъ такой огромный зобъ, что невозможно было не обратить на нее вниманія; но мои спутники оба тотчасъ раскланялись обычнымъ въ этой странѣ поклономъ, т.-е. сняли шляпы, чѣмъ они хотѣли загладить невѣжливость своего взгляда. Гдѣ можно было бы встрѣтить въ Европѣ, среди людей низшаго или высшаго класса, подобную вѣжливость по отношенію къ бѣдной и жалкой представительницѣ отверженной расы?

Мы остановились на ночь въ одной хижинѣ. Способъ нашего путешествія представлялъ прелесть совершенной независимости. Въ заселенныхъ мѣстахъ мы покупали немного топлива, платили за право пасти своихъ лошадей на мѣстномъ пастбищѣ и располагались на ночлегъ въ углу того же поля. Съ нами былъ чугунокъ, въ которомъ мы готовили себѣ ужинъ, и ѣли подъ открытымъ небомъ, не зная никакихъ заботъ. Моими спутниками были Маріано Гонзалесъ, сопровождавшій меня раньше въ Чилоэ и одинъ «аріеро» съ своими мулами и «мадриной». Мадрина (кума)—очень важная особа; это—старая вѣрная кобыла съ колокольчикомъ на шеѣ, за которой мулы, какъ послушныя дѣти, слѣдуютъ, куда бы она ни пошла. Привязанность этихъ животныхъ къ мадринамъ избавляетъ отъ многихъ хлопотъ. Если нѣсколько большихъ табуновъ разбрелись гдѣ-нибудь на полѣ, стоитъ погонщикамъ позвонить утромъ въ колокольчики мадринъ, чтобы всѣ мулы, даже если ихъ двѣсти или триста штукъ, пошли на звукъ колокольчиковъ; каждый мулъ узнаетъ по звону свою мадрину, и подходитъ къ ней.

Стараго мула почти невозможно потерять; если его насильно гдѣнибудь задержатъ на нѣсколько часовъ, онъ все-таки чутьемъ, не хуже собаки, найдетъ по слѣду товарищей или, точнѣе, мадрину, потому что, какъ говорятъ погонщики, она для муловъ главный предметъ любви. Но нельзя сказать, чтобы чувство это имѣло личный характеръ; думаю, что не ошибусь, если скажу, что всякое другое животное съ колокольчикомъ на шеѣ съ успѣхомъ замѣнило бы мадрину. Когда караванъ идетъ по ровной дорогѣ, каждый мулъ поднимаетъ грузъ тяжестью въ 416 ф., но въ гористыхъ мѣстахъ—фунтовъ на 100 меньше. И такія тяжести мулы переносятъ, несмотря на свои нѣжныя тонкія ноги и при совершенно непропорціональномъ развитіи мускульной силы. Мулы всегда казались мнѣ чрезвычайно любопытными животными. Тотъ фактъ, что

гибриды обладаютъ въ большей степени разсудкомъ, памятью, упрямствомъ, привязчивостью, мускульной выносливостью и долговѣчностью, чѣмъ ихъ родичи, указываетъ на то, что здѣсь, повидимому, искусство превзошло природу. Изъ десяти животныхъ, бывшихъ при насъ, шесть были предназначены для верховой ѣзды, а четыре—для багажа, который они поочередно несли. Съ нами было много провизіи, взятой на случай если бъ насъ занесло снѣгомъ, потому что по времени года, мы немного запоздали съ нашимъ переходомъ черезъ Портильо.

19 марта. Сегодня мы доѣхали до послѣдняго, т.-е. до самаго возвышеннаго дома въ этой долинѣ. Населеніе здѣсь стало рѣдкимъ, но вездѣ, гдѣ можно было провести орошеніе, земля была очень плодородна. Всѣ главныя долины въ Кордильерахъ отличаются тѣмъ, что по обѣимъ сторонамъ онѣ окаймлены террасами изъ песку и гравія, наложенными неровными и большей частію толстыми слоями. Эти террасы, повидимому, раньше шли поперекъ долинъ и соединялись между собою; такимъ образомъ, долины въ сѣверномъ Чили, гдѣ нѣтъ рѣкъ, имѣютъ ровно наполненныя ложбины. По этимъ террасамъ проложены дороги, такъ какъ поверхность ихъ ровная и онѣ спускаются въ долины съ легкой покатостью, вслѣдствіе чего здѣсь тоже удобно воздѣлывать почву при содѣйствіи орошенія. Террасы достигаютъ 7 или 9 тысячъ футовъ, а на этой высотѣ онѣ теряются подъ неправильными грудами обломковъ. На нижнихъ концахъ или устьяхъ долинъ онѣ постоянно соединяются съ тѣми замкнутыми долинами (состоящими тоже изъ гравія) у подошвы Кордильеровъ, про которыя я писалъ въ предыдущей главѣ, что онѣ составляютъ характерную особенность чилійской природы и несомнѣнно отлагались въ тѣ времена, когда море еще проникало внутрь Чили, какъ теперь оно врѣзывается въ болѣе южные берега. Ни одинъ фактъ въ геологіи Южной Америки не казался мнѣ столь интереснымъ, какъ эти террасы изъ неровно наслоеннаго гравія. Онѣ представляютъ точное сходство по своему составу съ тѣми осадками, которые отлагались бы въ долинахъ потоками, если бъ ихъ теченіе было остановлено какой-нибудь причиной, какъ, напр., впаденіемъ ихъ въ озеро или въ морской рукавъ; но потоки, вмѣсто того чтобы отлагать остатки, постоянно несутъ обломки скалъ и наносную почву по направленію всѣхъ главныхъ и побочныхъ долинъ. Невозможно здѣсь объяснить причины, которыя убѣждаютъ меня въ томъ, что террасы изъ гравія образовались во время постепеннаго возвышенія Кордильеровъ вслѣдствіе того, что потоки отлагали свои осадки на разныхъ уровняхъ по берегамъ длинныхъ, узкихъ морскихъ рукавовъ,—сначала въ верховьяхъ долинъ, потомъ все ниже и ниже, по мѣрѣ того какъ медленно совершалось поднятіе материка. Если это такъ—а я въ томъ ни мало не сомнѣваюсь,—то большая раздробленная цѣпь Кордильеровъ возникла не вдругъ, какъ еще недавно были всѣ убѣждены, да и теперь полагаютъ геологи, но поднималась медленно всею своею массою столь же постепенно, какъ поднимались берега Атлантическаго и Тихаго океановъ въ послѣдній періодъ времени. Множество фактовъ въ строеніи Кордильеровъ очень просто объясняются съ этой точки зрѣнія.

Рѣки, протекающія въ этихъ долинахъ, заслуживаютъ скорѣе названіе горныхъ потоковъ. Текутъ онѣ по сильному наклону, и воды ихъ мутны. Шумъ, съ которымъ несется Майпу по большимъ округленнымъ каменьямъ, напомнилъ намъ шумъ моря. Среди рева потока можно было ясно разслышать, даже съ разстоянія, грохотъ камней, которые ударялись другъ о друга, и этотъ шумъ слышится днемъ и ночью вдоль

всего теченія потока. Звукъ этотъ краснорѣчиво говоритъ слуху геолога: онъ говоритъ о тысячахъ и тысячахъ каменьевъ, которые, ударяясь другъ о друга и производя глухой однообразный шумъ, всѣ спѣшатъ въ одномъ направленіи.

Когда думаешь о времени, то сознаешь, что настоящее мгновеніе безвозвратно исчезаетъ; такъ же при мысли объ этихъ каменьяхъ возникаетъ представленіе о томъ, что ихъ вѣчность—океанъ и что каждый звукъ дикой мелодіи, ими производимой, влечетъ ихъ на шагъ ближе къ конечной цѣли.

Только медленнымъ процессомъ мышленья можно дойти до пониманія дѣйствія, являющагося результатомъ причины, которая такъ часто повторяется, что самый множитель представляется чѣмъ-то не болѣе опредѣленнымъ, чѣмъ то, что подразумѣваетъ дикарь, указывая на совокупность волосъ на своей головѣ. Каждый разъ, что мнѣ случалось видѣть слои ила, песку и гравія въ нѣсколько тысячъ футовъ толщиною, хотѣлось воскликнуть, что причины, подобныя теперешнимъ рѣкамъ и берегамъ, не могли произвести такія массы. Но, съ другой стороны, прислушиваясь къ шуму каменьевъ въ этихъ потокахъ, припоминая, что цѣлыя породы животныхъ исчезли съ лица земли и что, за это время, днемъ и ночью каменья эти непрестанно катились впередъ, я говорилъ себѣ, что ни горы, ни материки не могли бы устоять противъ такой разрушительной силы.

Въ этой части долины, горы по обѣ стороны ея имѣютъ отъ 3000 до 6000 или 8000 футовъ; онѣ отличаются округлыми очертаніями и крутыми, обнаженными склонами. Общій цвѣтъ утесовъ—темно-красный, и ясно видно наслоеніе. Если нельзя было назвать красивой картину природы, она во всякомъ случаѣ была замѣчательна и величественна. Въ теченіе дня мы встрѣтили нѣсколько стадъ рогатаго скота, гонимыхъ пастухами съ верхнихъ долинъ въ Кордильерахъ. Этотъ признакъ надвигающейся зимы заставилъ насъ ускорить ѣзду, что оказалось не вполнѣ удобнымъ для геологическихъ изслѣдованій. Домъ, гдѣ мы остановились на ночлегъ, находился у подошвы горы, около вершины которой расположены рудники Санъ-Педро-де-Ноласко. Сэръ Ф. Гэдъ удивляется, какъ могли быть открыты рудники въ такой необыкновенной мѣстности какъ унылая вершина горы Санъ-Педро-де-Ноласко. Во-первыхъ, металлическія жилы въ этой мѣстности вообще тверже окружающихъ слоевъ, вслѣдствіе чего, по мѣрѣ того какъ постепенно вывѣтриваются холмы, эти жилы выступаютъ надъ поверхностью земли. Во-вторыхъ, каждый рабочій, особенно въ сѣверныхъ частяхъ Чили, имѣетъ понятіе о внѣшнемъ видѣ руды. Въ большихъ рудниковыхъ провинціяхъ Коквимбо и Копіапо дерево на топливо является рѣдкостью: люди разыскиваютъ его по всѣмъ холмамъ и долинамъ; такимъ образомъ были открыты почти всѣ богатѣйшіе рудники. Чанунчиліо, гдѣ въ теченіе немногихъ лѣтъ было добыто серебра стоимостью на много сотъ тысячъ фунтовъ, былъ открытъ человѣкомъ, который бросилъ камнемъ въ своего навьюченнаго осла; найдя камень тяжелымъ, онъ опять поднялъ его и тутъ увидалъ, что онъ полонъ чистаго серебра: неподалеку отъ того мѣста, гдѣ это случилось, была найдена жила, торчавшая клиномъ чистаго металла.

Рудокопы, захвативъ съ собой ломы, часто бродятъ по воскреснымъ днямъ въ горахъ. Въ южной части Чили погонщики скота, отправляясь со стадами въ Кордильеры, заходятъ во всякій оврагъ, содержащій хоть немного подножнаго корма, и эти люди обыкновенно открываютъ рудники.

20 марта. По мѣрѣ того какъ мы подвигались вверхъ по долинѣ, растительность становилась крайне скудной; попадались лишь немногіе хорошенькіе альпійскіе цвѣты; что касается животныхъ, птицъ или насѣкомыхъ, ихъ не было почти никакихъ. Высокія горныя вершины, коегдѣ покрытыя снѣгомъ, возвышались совершенно отдѣльно другъ отъ друга; промежуточныя долины были заполнены чрезвычайно толстыми слоями наносной почвы.

Вотъ какія черты, противоположныя тому, что мнѣ извѣстно въ другихъ горныхъ цѣпяхъ, особенно поразили меня въ Андахъ: плоскія обочины, иногда переходящія въ узкія равнины по обѣимъ сторонамъ долинъ; яркіе цвѣта, преимущественно красные и пурпуровые, совершенно обнаженныхъ и крутыхъ порфировыхъ холмовъ; большіе и непрерывные валы, похожіе на стѣны (дайки); ясно раздѣленные слои, которые образуютъ—тамъ, гдѣ они почти вертикальны—живописныя и дикія центральныя вершины, а въ мѣстахъ, гдѣ они болѣе наклонны, составляютъ большія массивныя горы по окраинамъ всей горной цѣпи, и, наконецъ, гладкія коническія груды ярко окрашенныхъ обломковъ, которыя поднимались высокимъ конусомъ отъ основанія горъ, достигая иногда высоты болѣе чѣмъ въ 2000 футовъ.

Я часто замѣчалъ, какъ на Огненной Землѣ, такъ и въ Андахъ, что тамъ, гдѣ утесы покрыты большую часть года снѣгомъ, они бываютъ раздроблены совсѣмъ необыкновеннымъ образомъ на маленькіе, угловатые обломки. Скоресби замѣтилъ тотъ же фактъ на Шпицбергенѣ [1]). Случай этотъ представляется мнѣ довольно темнымъ, потому что тѣ части горы, которыя защищены снѣжнымъ покровомъ, должны быть подвержены менѣе другихъ, повторяющимся сильнымъ перемѣнамъ температуры.

Мнѣ иногда казалось, что земля и каменные обломки менѣе успѣшно сносятся съ поверхности скалъ медленно просачивающейся снѣжной водою, чѣмъ дождемъ, а слѣдовательно кажущееся болѣе быстрымъ вывѣтриваніе камня подъ снѣгомъ есть ошибочное представленіе [2]). Какова бы ни была причина этого явленія, но въ Кордильерахъ находится множество измельченнаго камня. Иногда весною большія количества обломковъ сползаютъ по склонамъ горъ и покрываютъ снѣжные сугробы въ долинахъ, образуя такимъ образомъ естественные ледниковые дома. Мы проѣхали по одному изъ нихъ, стоявшему много ниже линіи вѣчныхъ снѣговъ.

Къ концу вечера мы доѣхали до странной котловинообразной равнины, называемой *valle del Yeso*. На ней находилось небольшое пастбище, на которомъ мы замѣтили стадо рогатаго скота, представлявшее пріятное зрѣлище среди окружающихъ скалистыхъ пустынь. Долина получила свое названіе *Yeso* отъ большого слоя по крайней мѣрѣ въ 2000 футовъ толщиною, бѣлаго, мѣстами совершенно чистаго гипса. Мы ночевали съ партіей рабочихъ, нагружавшихъ муловъ гипсомъ, который употребляется на винокурняхъ. Рано утромъ на слѣдующій день (21) мы продолжали нашъ путь вдоль теченія рѣки, превратившейся въ маленькій ручей, пока не достигли подошвы кряжа, раздѣляющаго воды, текущія въ Тихій и

---

[1]) Scoresby, Arctic Regions, т. I, стр. 122.

[2]) Я слышалъ въ Шропширѣ, что, когда р. Севернъ разливается отъ продолжительныхъ дождей, воды ея гораздо мутнѣе, нежели вода снѣговъ, тающихъ на уэльскихъ горахъ. Д'Орбиньи (т. I, стр. 184), объясняя причины разныхъ цвѣтовъ южноамериканскихъ рѣкъ, замѣчаетъ, что рѣки съ голубой и свѣтлой водой берутъ начало въ Кордильерахъ, гдѣ таютъ снѣга.

Атлантическій океаны. Дорога, которая до сихъ поръ была хороша и шла все время постепенно въ гору, превратилась теперь въ тропу, идущую крутымъ зигзагомъ по большой горной цѣпи, раздѣляющей между-усобною республики Чили и Мендоза.

Вотъ краткій очеркъ геологіи всѣхъ параллельныхъ цѣпей, образующихъ Кордильеры; между ними двѣ цѣпи имѣютъ значительно бо́льшую высоту нежели, остальныя, а именно Пеквенскій кряжъ, со стороны Чили, возвышающійся тамъ, гдѣ его пересѣкаетъ дорога, до 13.210 футовъ надъ уровнемъ моря, и Портильонскій кряжъ со стороныы Мендозы, достигающій 14,305 футовъ вышины. Низшіе слои Пеквенскаго кряжа и всѣхъ большихъ цѣпей къ западу отъ него состоятъ изъ огромной груды въ нѣсколько тысячъ футовъ толщины, образовавшейся изъ порфира; порфиръ этотъ вытекъ въ видѣ подводной лавы, чередующейся съ угловатыми и округленными обломками той же породы, которые были выброшены подводными кратерами. Эти чередующіяся массы покрыты въ центральныхъ частяхъ большой толщей краснаго песчаника, конгломерата и известковаго глинистаго сланца, переходящаго въ огромныя наслоенія гипса. Въ верхнихъ слояхъ этихъ довольно часто встрѣчаются раковины, относящіяся приблизительно ко времени нижней мѣловой формаціи Европы. Нельзя безъ удивленія разсматривать давно извѣстный фактъ, а именно то, что раковины, нѣкогда лежавшія на днѣ морскомъ, въ настоящее время находятся на 14.000 фут. надъ уровнемъ моря. Низшіе слои въ этой громадѣ наслоеній были смѣщены, пропеклись; кристаллизировались и почти слились между собою вслѣдствіе дѣйствія горныхъ массъ особенной бѣлой натро-гранитной породы.

Другой главный кряжъ, а именно Портильонскій, совсѣмъ иного строенія; онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ величественныхъ обнаженныхъ вершинъ краснаго каліеваго гранита, которыя покрыты внизу съ западной стороны песчаникомъ, превращеннымъ дѣйствіемъ прежняго жара въ кварцъ. На кварцѣ покоятся слои конгломерата толщиною въ нѣсколько тысячъ футовъ; эти слои были подняты краснымъ гранитомъ и склоняются подъ угломъ въ 45° къ Пеквенской цѣпи. Я удивился, увидавъ, что этотъ конгломератъ частію состоитъ изъ голышей отъ утесовъ Пеквенскаго кряжа съ ихъ ископаемыми раковинами, частію—изъ краснаго каліеваго гранита, похожаго на портильонскій гранитъ. Мы должны заключить изъ этого обстоятельства, что Пеквенскій и Портильонскій кряжи были отчасти подняты и подвержены вліянію воздуха въ то время, какъ образовался конгломератъ; но такъ какъ слои конгломерата были выдвинуты подъ угломъ въ 45° краснымъ портильонскимъ гранитомъ (вмѣстѣ съ песчаникомъ, лежавшимъ подъ нимъ и расплавленнымъ имъ), то мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что выполненіе и поднятіе уже отчасти образовавшейся Портильонской цѣпи случилось послѣ накопленія конгломерата и много времени спустя послѣ образованія Пеквенскаго кряжа. Итакъ, Портильо, самый высокій кряжъ въ этой части Кордильеровъ, новѣе менѣе высокаго Пенквенскаго кряжа. Наклонное положеніе потока лавы на восточной сторонѣ подошвы Портильо можетъ служить еще другимъ доказательствомъ того, что этотъ кряжъ частью обязанъ своей особенно большой высотой поднятіямъ, происходившимъ въ позднѣйшій періодъ. Восходя къ самому раннему времени его происхожденія, можно предположить, что красный гранитъ вылился на древній уже прежде существовавшій, хребетъ бѣлаго гранита и слюдянаго сланца. Въ большей части, а можетъ быть и во всѣхъ частяхъ Кордильеровъ, можно предположить, что каждая цѣпь образовалась вслѣдствіе повторяв-

шихся поднятій и выполненій и что всѣ параллельныя цѣпи возникли въ разныя времена. Только такимъ образомъ мы получимъ достаточное протяженіе времени, чтобы уяснить себѣ поистинѣ изумительные размѣры смыванія, обнаруживаемаго этой горной цѣпью, сравнительно съ большей частью другихъ болѣе старыхъ чѣмъ она горныхъ цѣпей.

Наконецъ, раковины въ Пеквенскомъ или самомъ старомъ кряжѣ, доказываютъ, какъ было уже мною замѣчено, что кряжъ этотъ поднялся на 14.000 футовъ со времени вторичнаго періода, который въ Европѣ мы привыкли считать не очень древнимъ; но такъ какъ раковины встрѣчаются на умѣренной глубинѣ моря, то можно доказать, что площадь, занимаемая теперь Кордильерами, должна была опуститься на нѣсколько тысячъ футовъ (въ сѣверномъ Чили на 6000 ф.) и такимъ образомъ дать скопиться морскому осадку такой мощи надъ слоемъ, въ которомъ жили раковины. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ доказательства одинаковыя съ тѣми, которыя подтвердили намъ тотъ фактъ, что въ Патагоніи гораздо позднѣе періода, когда жили третичные моллюски этой страны, должно было произойти опусканіе земли на нѣсколько сотъ футовъ, а также и послѣдующее поднятіе. Съ каждымъ днемъ геологу приходится убѣждаться въ томъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ, не исключая самаго вѣтра, менѣе постояннаго, чѣмъ поверхность земной коры.

Приведу еще одно геологическое замѣчаніе: несмотря на то, что Портильонская цѣпь выше Пеквенской, воды, орошающія промежуточныя долины, прорываются черезъ эту горную цѣпь. Тотъ же фактъ, но въ бо́льшихъ размѣрахъ, былъ мною замѣченъ въ восточной, самой высокой цѣпи Боливійскихъ Кордильеровъ, черезъ которую проходятъ рѣки; подобныя же обстоятельства замѣчены и въ другихъ частяхъ свѣта. Это можно объяснить, предположивъ послѣдовательное, постепенное возвышеніе Портильонскаго хребта: прежде всего должна была возникнуть цѣпь маленькихъ островковъ а, когда они возвышались, приливы и отливы должны были все время прорѣзывать между ними болѣе глубокіе и широкіе каналы. Въ настоящее время даже въ наиболѣе отдаленныхъ отъ моря проливахъ Огненной Земли теченіе поперечныхъ протоковъ, соединяющихъ продольные каналы, очень быстро, такъ что въ одномъ изъ этихъ протоковъ одно небольшое парусное судно попало въ настоящій водоротъ и было разбито силою волнъ.

Около полудня мы начали утомительное восхожденіе на Пеквенскій кряжъ; тутъ намъ впервые пришлось испытать нѣкоторое затрудненіе въ дыханіи. Мулы останавливались черезъ каждые 50 ярдовъ и, отдохнувъ нѣсколько секундъ, несчастныя покорныя животныя снова пускались въ путь по собственной волѣ. Чилійцы называютъ „пуной“ короткое дыханіе, являющееся вслѣдствіе разрѣженной атмосферы; у нихъ существуютъ самыя нелѣпыя понятія относительно происхожденія этого явленія. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что „у всѣхъ здѣшнихъ водъ есть *пуна*“; другіе утверждаютъ, что „вездѣ, гдѣ есть снѣгъ, тамъ бываетъ и *пуна*“, что, конечно, совершенно справедливо. Мое ощущеніе состояло въ небольшомъ стѣсненіи въ головѣ и въ груди, въ родѣ, того, что испытываешь, выйдя изъ теплой комнаты и быстро бѣгая на морозномъ воздухѣ; Но и тутъ воображеніе играло нѣкоторую роль, потому что, найдя на верхнемъ кряжѣ ископаемыя раковины, я отъ радости совсѣмъ забылъ о своей «*пуна*». Конечно, подниматься было очень трудно, и приходилось дышать глубоко и усиленно. Мнѣ говорили, что въ Потози (около 13.000 футовъ надъ уровнемъ моря) новички не могутъ привыкнуть къ тамошней атмосферѣ раньше года. Туземцы всѣ совѣтуютъ

употреблять лукъ какъ средство отъ «пуна»; овощъ этотъ иногда предписываютъ въ Европѣ людямъ, страдающимъ грудными болѣзнями, такъ что очень возможно, что онъ цѣлебенъ и при затрудненномъ дыханіи; что касается меня, лучшимъ лѣкарствомъ для себя я находилъ ископаемыя раковины.

Достигнувъ полугоры, мы встрѣтили большую партію путешественниковъ съ семидесятью навьюченными мулами. Интересно было слышать дикіе крики вожаковъ и смотрѣть на вереницу животныхъ, спускавшихся длинной лентой; мулы представлялись намъ крошечными, такъ какъ глазъ могъ ихъ сравнивать только съ мрачными горами.

Близъ вершины дулъ по обыкновенію сильный и очень холодный вѣтеръ. По обѣ стороны кряжа намъ пришлось переходить черезъ широкія полосы нетающаго снѣга, которымъ предстояло скоро покрыться новыми слоями снѣга. Дойдя до гребня горы и обернувшись назадъ, мы увидали передъ собой чудесную картину. Воздухъ былъ удивительно прозраченъ, небо темно-голубое. Глубокія долины, суровыя угловатыя формы горъ, массы обломковъ, нагроможденныхъ въ теченіе вѣковъ; ярко окрашенныя скалы, представлявшія такой сильный контрастъ съ мягкимъ колоритомъ снѣжныхъ горъ,—всѣ эти черты пейзажа, взятыя вмѣстѣ, составляли такое зрѣлище, которое невозможно себѣ представить. Ни растенія, ни птицы; за исключеніемъ нѣсколькихъ кондоровъ, описывавшихъ круги около самыхъ высокихъ вершинъ, ничто не отвлекало моего вниманія отъ неодушевленной массы. Я радъ былъ своему одиночеству; впечатлѣніе походило на то, что чувствуешь, созерцая грозу или слушая хоръ изъ «Мессіи» въ исполненіи полнаго оркестра.

Мѣстами на снѣгу я нашелъ *Protococcus nivalis*, или красный снѣгъ, столь извѣстный по описаніямъ арктическихъ мореплавателей. Мое вниманіе было обращено на это явленіе, потому что я замѣтилъ блѣдно-красные слѣды, оставляемые мулами, какъ будто копыта ихъ были слегка въ крови. Сперва я подумалъ, что это происходитъ отъ напосной пыли съ окружающихъ горъ изъ краснаго порфира, потому что отъ увеличительнаго дѣйствія снѣжныхъ кристалловъ группы этихъ микроскопическихъ растеній казались крупными частицами. Снѣгъ былъ окрашенъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ очень быстро таялъ или случайно былъ протоптанъ. Бумага, натертая такимъ снѣгомъ, принимала блѣдно-розовый оттѣнокъ съ легкой примѣсью кирпично-краснаго. Я соскоблилъ потомъ снѣгъ съ бумаги и увидалъ, что онъ состоитъ изъ группъ шариковъ, находившихся въ безцвѣтныхъ оболочкахъ; діаметръ каждаго изъ нихъ былъ въ тысячную долю дюйма.

Вѣтеръ на Пекенскомъ хребтѣ, какъ уже замѣчено, бываетъ всегда порывистъ и очень хлоденъ; говорятъ что онъ дуетъ постоянно съ запада или со стороны Тихаго океана [1]). Такъ какъ наблюденія производились большею частію лѣтомъ, то надо думать, что этотъ вѣтеръ есть верхнее обратное теченіе. Генерифскій пикъ, при меньшей высотѣ и подъ 28° широты, такимъ же образомъ попадаетъ подъ верхнюю, обратную струю. Сначала представляется нѣсколько удивительнымъ, что пассатъ, который дуетъ вдоль сѣверныхъ частей Чили и береговъ Перу, принимаетъ столь южное направленіе; но, если мы припомнимъ, что Кордильеры, простирающіеся отъ сѣвера къ югу, перерѣзываютъ наподобіе

1) Dr. Gillies in journal of Natural and Geograph, Science, Aug. 1830. Этотъ авторъ даетъ высоту проводовъ.

большой стѣны весь нижній атмосферный токъ, то мы легко поймемъ, что пассатъ долженъ дуть въ сѣверномъ направленіи, слѣдуя по линіи горной цѣпи къ экваторіальному поясу, и такимъ образомъ отчасти отклоняется отъ того восточнаго направленія, которое онъ получилъ бы иначе отъ вращенія земли. Въ Мендозѣ, у восточной подошвы Альпъ, говорятъ случаются продолжительныя затишья и часто скопляются дождевыя тучи, которыя однако расходятся безъ дождя; мы можемъ себѣ представить, что вѣтеръ, дующій съ востока, встрѣчаетъ преграду въ горной цѣпи, застаивается и становится неправильнымъ въ своемъ движеніи. Переѣхавъ Пеквенскій кряжъ, мы спустились въ гористую мѣстность, расположенную между двумя главными цѣпями, и устроились на ночевку. Мы находились въ республикѣ Мендозѣ. Высота здѣшняго мѣстоположенія вѣроятно не менѣе 11.000 футовъ надъ уровнемъ моря, вслѣдствіе чего растительность чрезвычайно скудная. Корни какого-то мелкаго ничтожнаго растенія служили намъ топливомъ, а вѣтеръ дулъ пронзительно-холодный. Утомленный дневными трудами, я поспѣшилъ устроить себѣ постель и легъ спать. Около полуночи я замѣтилъ, что небо вдругъ подернулось тучами; я разбудилъ арріеро и спросилъ не угрожаетъ ли намъ непогода, но онъ сказалъ мнѣ, что при отсутствіи грома и молніи нѣтъ никакого опасенія быть застигнутыми сильной снѣжной метелью. Кого застанетъ непогода между двумя горными цѣпями, тому грозитъ неминуемая опасность и трудно потомъ выбраться куда-нибудь. Здѣсь есть пещера, представляющая единственное убѣжище путнику: г. Кольдклю, проходившій горы того же числа и мѣсяца, какъ мы, былъ задержанъ въ этой пещерѣ нѣсколько времени сильной метелью. Никто не позаботился выстроить здѣсь пріюты или „cazuchas“, подобные тѣмъ, которые встрѣчаются въ Успаллата, а потому въ осеннее время Портильо бываетъ рѣдко посѣщаемъ. Замѣчу кстати, что на главномъ хребтѣ Кордильеровъ дождей не выпадаетъ вовсе, такъ какъ лѣтомъ небо совершенно безоблачно, а зимою бываютъ только снѣжныя бури.

Въ мѣстѣ нашего ночлега вода закипала при болѣе низкой температурѣ, чѣмъ въ менѣе высокой странѣ, что происходитъ отъ меньшаго давленія воздуха; въ Папиновомъ котлѣ случается обратное явленіе. Вотъ почему картофель нашъ варился нѣсколько часовъ въ кипяткѣ и все-таки остался довольно твердымъ; онъ кипѣлъ всю ночь въ котлѣ надъ огнемъ, а на слѣдующее утро его снова опустили въ кипятокъ, послѣ чего онъ однако оказался недостаточно развареннымъ. Я узналъ объ этомъ изъ разговора моихъ спутниковъ, которые рѣшили, „что проклятый чугунъ (совсѣмъ новый) не хотѣлъ сварить картофель.“

22 марта. Позавтракавъ безъ картофля, мы отправились дальше и переѣхали промежуточную долину къ подошвѣ Портильонскаго кряжа. Въ серединѣ лѣта сюда пригоняютъ скотину на пастбище, но мы не застали ни одного стада; они были уже уведены; даже большая часть гуанако удалилась отсюда, отлично зная, что если ихъ здѣсь настигнетъ снѣжная буря, то они попадутся въ ловушку. Передъ нами открылся прекрасный видъ на массу горъ, называемыхъ Тупунгато; онѣ были сплошь покрыты снѣгомъ, среди котораго виднѣлось синеватое пятно,—безъ сомнѣнія ледникъ, представляющій рѣдкое явленіе въ этихъ горахъ. Для насъ началось теперь столь же долгое и трудное восхожденіе какъ и на Пеквенскій хребетъ. Большіе конусы краснаго гранита возвышались по обѣимъ сторонамъ; въ долинахъ лежали широкія полосы вѣчнаго снѣга. Эти замерзшія массы во время таянія превратились въ высокія ледяныя

глыбы или колонны [1]), которыя, находясь близко другъ отъ друга, затрудняютъ путь вьючныхъ муловъ. На одной изъ такихъ ледяныхъ колоннъ лежала какъ на пьедесталѣ замерзшая лошадь, но заднія ноги ея были вскинуты кверху. Животное, вѣрно, свалилось въ яму, головой внизъ, и было все занесено снѣгомъ, а потомъ часть окружающаго снѣга оттаяла.

Доѣхавъ почти до гребня Портильо, мы были окутаны опускавшимся облакомъ ледяной пыли. Обстоятельство это было очень неудобно, такъ какъ продолжалось весь день, скрывъ отъ насъ видъ вдаль. Названіе Портильо дано этому проходу вслѣдствіе узкой расщелины или двери на самомъ высокомъ кряжѣ, черезъ которую проходитъ дорога. Въ ясную погоду съ этого мѣста открывается видъ на обширныя равнины, которыя безъ перерыва тянутся до Атлантическаго океана. Мы спустились до высшей черты растительности и нашли хорошее мѣсто для ночлега подъ защитою обломковъ скалъ. Мы встрѣтили здѣсь нѣсколько путниковъ, тревожно освѣдомлявшихся о состояніи воротъ. Вскорѣ послѣ того какъ стемнѣло, тучи внезапно разсѣялись, что произвело на насъ волшебное впечатлѣніе. Большія горы, озаренныя полнымъ мѣсяцемъ, казалось, висѣли надъ нами со всѣхъ сторонъ, какъ будто надъ глубокой лощиной; однажды рано утромъ я увидалъ такую же поразительную картину. Когда облака разсѣялись, стало сильно морозить, но, такъ какъ вѣтра не было, то мы спали очень покойно.

Усиленный блескъ луны и звѣздъ на этой высотѣ, зависящій отъ совершенной прозрачности воздуха, былъ поистинѣ замѣчателенъ. Путешественники, наблюдавшіе, какъ трудно бываетъ судить о высотахъ и разстояніяхъ среди высокихъ горъ, обыкновенно приписывали эту трудность тому, что нѣтъ предметовъ для сравненія. А мнѣ кажется, что причина кроется столько же въ прозрачности воздуха, сглаживающей различіе въ ясности, которое зависитъ отъ разстоянія; частію же вліяетъ и непривычная усталость, являющаяся вслѣдствіе всякаго небольшого передвиженія, при чемъ привычка противорѣчитъ очевидности чувствъ. Я убѣжденъ, что эта чрезвычайная ясность воздуха сообщаетъ особенный характеръ ландшафту, потому что всѣ предметы кажутся какъ будто находящимися на одномъ планѣ, какъ на рисункѣ или въ панорамѣ. Прозрачность зависитъ, какъ я предполагаю, отъ постоянной и сильной сухости воздуха. О сухости можно было судить по ссыханію дерева (въ чемъ я скоро убѣдился по тѣмъ хлопотамъ, которые мнѣ причинилъ мой геологическій молотокъ); по тому, насколько твердѣли пищевые предметы, какъ сахаръ и хлѣбъ, а также по тому, какъ хорошо сохранялись шкуры и отчасти мясо павшихъ въ дорогѣ животныхъ. Той же причинѣ мы должны приписать необычайную легкость, съ которой здѣсь вызывается дѣйствіе электричества. Моя фланелевая фуфайка, потертая въ темнотѣ, казалась облитой фосфоромъ; каждый волосокъ на спинѣ собаки трещалъ; даже полотняныя простыни и сѣдельные ремни испускали искры при дотрогиваніи.

---

[1]) Эти формы ледяныхъ глыбъ давно были замѣчены Скоресби на ледяныхъ горахъ близъ Шпицбергена, а въ настоящее время тщательно изслѣдованы полк. Никомъ Джексономъ (Jour. of Geograph. Soc., vol. V, p. 12) на Невѣ. Лайель (Principles, v. IV, p. 360) сравнилъ трещины, которыми повидимому опредѣляется это колоннообразное строеніе, съ прожилками, находящимися почти во всѣхъ породахъ, и особенно замѣтными въ неслоистыхъ массахъ. Замѣчу съ своей стороны, что колоннообразное строеніе замерзшаго снѣга должно являться слѣдствіемъ метаморфоза, а не процесса, совершающагося во время самаго паденія снѣга.

23 марта. Спускъ на восточной сторонѣ Кордильеровъ гораздо короче или круче, чѣмъ со стороны Тихаго океана, иначе сказать, горы поднимаются отвѣснѣе съ равнинъ, нежели съ гористой площади Чили, Ровное ослѣпительно-бѣлое море облаковъ разстилалось подъ нашими ногами, скрывая отъ насъ равнину пампасовъ. Мы вступили вскорѣ въ поясъ облаковъ и въ этотъ день не выходили за предѣлы его. Около полудня мы нашли въ „Los Arenales“ пастбище для нашего скота и кустарникъ для костровъ, такъ что мы здѣсь расположились на ночь. Мѣсто это находилось поблизости отъ высшаго предѣла кустарника; высота его колебалась, я думаю, между семью и восемью тысячами футовъ.

Меня очень поразило замѣтное различіе между растительностью этихъ восточныхъ долинъ и долинъ со стороны Чили; однако климатъ и свойства почвы почти одинаковы тутъ и тамъ; разница же въ долготѣ очень незначительная. То же замѣчаніе относится къ млекопитающимъ, и къ птицамъ и насѣкомымъ, но въ меньшей степени. Могу привести въ примѣръ мышей, которыхъ я досталъ до 13 видовъ на берегахъ Атлантическаго океана и до 5 на берегу Тихаго: ни одинъ изъ этихъ видовъ не тождественъ съ другими. Мы должны выключить всѣ породы, которыя обитаютъ на высокихъ горахъ или случайно заходятъ туда, а также нѣкоторыхъ птицъ, залетающихъ на югъ до Магелланова пролива. Этотъ фактъ находится въ полномъ согласованіи съ геологической исторіей Андовъ, такъ какъ эти горы существовали уже въ видѣ огромной стѣны во время появленія нынѣшнихъ породъ; поэтому, если не предполагать, что въ двухъ различныхъ мѣстахъ были созданы одни и тѣ же виды, мы должны сознаться, что нельзя ожидать большаго сходства организмовъ на противоположныхъ сторонахъ Андовъ, чѣмъ на противоположныхъ берегахъ океана. Въ обоихъ случаяхъ мы должны исключить виды способные перебираться черезъ границы, образуемыя каменными твердынями или соленою водою [1]).

Большая часть растеній и животныхъ была здѣсь совершенно та же, что и въ Патагоніи. Здѣсь встрѣчаются агути, вискаши, три вида броненосцевъ, страусы, нѣкоторыя породы куропатокъ и другихъ птицъ, никогда не попадающихся въ Чили, но свойственныхъ пустыннымъ равнинамъ Патагоніи. Передъ нами были такіе же (въ глазахъ не-ботаника), какъ въ Патагоніи, колючіе искривленные кустарники, засохшія травы и карликовыя растенія.

Даже черные, тихоползющіе жуки очень схожи, а нѣкоторые изъ нихъ при близкомъ разсмотрѣніи совсѣмъ тождественны. Я всегда жалѣлъ, что намъ пришлось отказаться отъ восхожденія вверхъ по теченію рѣки Санта-Крусъ, не добравшись до горъ: я все еще надѣялся встрѣтить какую-нибудь важную перемѣну въ характерѣ мѣстности; но теперь я убѣдился въ томъ, что мы бы только слѣдовали патагонскими равнинами съ подъемомъ въ горы.

24 марта. Рано утромъ я взошелъ на гору съ одной стороны долины и наслаждался широкимъ видомъ на пампасы. Давно съ любопытствомъ ожидалъ я увидѣть эту картину, но дѣйствительность разочаровала меня; съ перваго взгляда видъ напоминалъ далекую перспективу океана, но мнѣ

[1]) Это только примѣръ удивительныхъ законовъ, впервые изложенныхъ Лайеллемъ касающихся географическаго распредѣленія животныхъ подъ вліяніемъ геологическихъ измѣненій. Все это разсужденіе основано, конечно, на предположеніе неизмѣнности видовъ, иначе можно предположить, что разнообразіе видовъ двухъ поясовъ произошло постепенно.

удалось вскорѣ замѣтить нѣкоторыя неправильности въ сѣверной части. Всего поразительнѣе были рѣки, которыя подъ лучами восходящаго солнца блестѣли точно серебряныя нити, теряясь въ необъятномъ пространствѣ. Въ полдень мы спустились въ долину, гдѣ находилась избушка, стоянка офицера и трехъ солдатъ, осматривавшихъ паспорта. Одинъ изъ солдатъ былъ чистѣйшій индѣецъ пампасовъ, поставленный тутъ въ качествѣ бульдога, съ цѣлью ловить всякаго прохожаго или всадника, которому вздумалось бы пробраться тайкомъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ путникъ старался обмануть караульщиковъ, сдѣлавъ очень большой обходъ сосѣднюю гору, но индѣецъ, случайно попавшій на его слѣдъ, шелъ по немъ весь день, проходя сухими, каменистымъ горами, пока, наконецъ, не настигъ бѣглеца, притаившагося въ оврагѣ. Намъ говорили здѣсь, что серебристыя облака, которыми мы восхищались сверху, разразились потоками дождя. Долина съ этого пункта стала постепенно расширяться, и горы казались холмами сравнительно съ гигантами позади насъ; дальше долина перешла въ слегка покатую равнину, состоящую изъ гравія и покрытую низкими деревьями и кустарникомъ. Этотъ откосъ кажется узкимъ, но онъ все-таки занимаетъ около 10 миль въ ширину, прежде чѣмъ онъ сливается съ совершенно плоскими на взглядъ пампасами. По дорогѣ намъ попался единственный въ окрестности домъ, гостиница Чакайо; къ закату солнца мы остановились въ первомъ уютномъ мѣстечкѣ, попавшемся намъ, и тутъ расположились на ночлегъ.

25 марта. Мнѣ припомнились пампасы Буэносъ-Айреса, когда я увидѣлъ, что горизонтъ перерѣзывалъ кругъ восходящаго солнца совсѣмъ наподобіе того, что видѣлъ на океанѣ. Ночью выпала сильная роса,—обстоятельство не испытанное нами въ Кордильерахъ. Дорога тянулась нѣкоторое время прямо на востокъ, черезъ низменное болото; затѣмъ, дойдя до сухой равнины, она повернула на сѣверъ, къ Мендозѣ. Переходъ этотъ потребовалъ два дня пути. Въ первый день мы проѣхали 42 мили до Эстакадо; во второй—51 милю до Люкеана, близъ Мендозы. Мы подвигались все время по плоской безлюдной равнинѣ, встрѣтивъ по дорогѣ не болѣе двухъ-трехъ домовъ. Солнце сильно припекало, и путешествіе не представляло никакого интереса. Вода здѣсь рѣдкость; только на второй день намъ попался небольшой прудъ. Съ горъ стекаютъ маленькіе ручьи воды, вскорѣ поглощаемые сухой и рыхлой почвой, такъ что мы не переѣзжали ни одной рѣки, несмотря на то, что путь нашъ лежалъ не болѣе какъ въ 10 или 15 миляхъ отъ наружной цѣпи Кордильеровъ Во многихъ мѣстахъ земля была покрыта соляными кристаллами, а потому мы видѣли здѣсь тѣ же солончаковыя растенія, которая встрѣчаются вокругъ Багіа-Бланка. Ландшафтъ отличается однообразнымъ характеромъ, начиная отъ Магелланова пролива, по всему восточному берегу Патагоніи, до Ріо-Колорадо; повидимому, та же однообразная мѣстность простирается и внутрь страны, отъ Ріо-Колорадо еще до Санъ-Луиса, а можетъ быть, и далѣе на сѣверъ. На востокъ отъ этой выгнутой линіи находится бассейнъ сравнителтно сырыхъ и зеленыхъ равнинъ Буэносъ-Айреса. Безплодныя равнины Мендозы и Патагоніи состоятъ изъ слоевъ гравія, отшлифованнаго и нанесеннаго волнами океана, между тѣмъ какъ пампасы, поросшіе чертополохомъ, клеверомъ и травой, образовались изъ рѣчного ила устьевъ Ла-Платы.

Послѣ двухдневнаго скучнаго переѣзда пріятно было увидать вдали ряды тополей и ракитъ, окружающихъ деревню и рѣку Люкеана. Незадолго до нашего прибытія туда, мы замѣтили съ южной стороны какое-

то разорванное темное облако красновато-бураго цвѣта. Сначала мы подумали, что это—дымъ отъ большого пожара на равнинахъ; но мы вскорѣ разглядѣли, что это рой саранчи. Онъ летѣлъ на сѣверъ и, благодаря легкому вѣтру, обгонялъ насъ на 10—15 миль въ часъ.

Главная масса саранчи держалась футовъ на 20 отъ земли и поднималась выше на двѣ или на три тысячи футовъ; «шумъ отъ ихъ крыльевъ походилъ на шумъ колесницъ и на топотъ лошадей, стремящихся на битву» или, какъ я бы сказалъ, онъ напоминалъ завываніе сильнаго вѣтра въ корабельныхъ снастяхъ. Небо сквозь передніе ряды роя, производило впечатлѣніе гравюры въ полу-тонахъ, тогда какъ главная сила роя была непроницаема для взора. Однако насѣкомыя летѣли не настолько плотной скученной массой, чтобы не быть въ состояніи уклониться отъ палки, которой я размахивалъ взадъ и впередъ. Когда саранча опустилась на землю, ея было больше, чѣмъ листьевъ въ полѣ; поверхность поля тотчасъ превратилась изъ зеленаго въ красноватый цвѣтъ; какъ только весь рой осѣлъ на землю, отдѣльныя насѣкомыя разлетѣлись по всѣмъ направленіямъ. Саранча не является рѣдкимъ бѣдствіемъ въ этой странѣ: въ настоящемъ году уже нѣсколько меньшихъ роевъ налетало съ юга, гдѣ, повидимому, такъ же какъ и во всѣхъ частяхъ свѣта, насѣкомое размножается въ пустыняхъ. Бѣдные поселяне тщетно пытались отбить атаку саранчи разводя костры, крича изо всѣхъ силъ и размахивая вѣтвями. Эта саранча очень походитъ на извѣстный восточный видъ Gryllus migratorius, и, можетъ быть, тождественa съ нимъ.

Мы переѣхали черезъ Люксанъ, довольно большую рѣку, хотя ея теченіе по направленію къ морю очень мало изслѣдовано; есть даже сомнѣніе насчетъ того, не испаряется ли она, протекая по равнинѣ, и не теряется ли совсѣмъ. Мы переночевали въ деревнѣ Люксанъ, небольшомъ селеніи, окруженномъ садами и представляющимъ крайній южный воздѣланный округъ въ провинціи Мендоза; онъ отстоитъ на 15 миль къ югу отъ столицы. Ночью я выдержалъ нападеніе (другимъ словомъ нельзя этого обозначить) со стороны бенчуки, принадлежащихъ къ роду Reduvius; это—большіе черные клопы пампасовъ. Очень противно ощущеніе ползущаго по тѣлу мягкаго безкрылаго насѣкомаго длиною въ цѣлый дюймъ. Прежде чѣмъ онъ насосется, клопъ этотъ совершенно плоскій, но потомъ онъ раздувается, наполнившись кровью, и въ этомъ состояніи его легко раздавить. Пойманный мною въ Иквикѣ клопъ (они водятся также въ Чили и Перу) былъ совсѣмъ тощій. Когда его положили на столъ и кто-нибудь протягивалъ палецъ, то смѣлое насѣкомое тотчасъ бросалось къ пальцу, несмотря на то, что кругомъ стола было много людей, выпускало жало и сосало кровь, если ему это позволяли. Укушеніе его не причиняетъ боли. Любопытно было наблюдать за его тѣломъ, такъ какъ не проходило и десяти минутъ, какъ совершенно плоское насѣкомое, напоминавшее облатку, становилось шарообразнымъ. Одна подобная трапеза, за которую пойманный клопъ былъ обязанъ одному изъ нашихъ офицеровъ, помогла ему растолстѣть на четыре мѣсяца; впрочемъ, по прошествіи первыхъ двухъ недѣль онъ готовъ былъ опять пососать крови.

27 марта. Мы продолжали нашъ путь до Мендозы. Мѣста, которыми мы проѣзжали, были прекрасно воздѣланы и напоминали Чили. Здѣшнія окрестности славятся своими плодами; и дѣйствительно, трудно себѣ представить болѣе цвѣтущіе виноградники и плодовые сады съ фигами, персиками и оливами. Мы купили арбузы, почти вдвое больше человѣческой головы, превкусные и прохладительные, по полупенни за штуку;

а за три пенса мы получили полтелѣжки персиковъ. Огороженная и воздѣланная часть этой провинціи занимаетъ небольшое пространство, немного больше того, что мы проѣхали отъ Люксана до столицы. Плодородіе почвы здѣсь, какъ и въ Чили, обязано исключительно искусственному орошенію; удивительно, до чего плодородны становятся, благодаря ему, самыя безплодныя поляны!

Мы пробыли слѣдующій день въ Мендозѣ. Благосостояніе города сильно упало за послѣдніе годы. У жителей его существуетъ такая поговорка: «жить въ немъ хорошо, но богатѣть—трудно». Низшіе классы такъ же лѣнивы и безпечны, какъ гаучосы въ пампасахъ; одежда ихъ, верховая выѣздка и образъ жизни почти тѣ же. На мой взглядъ городъ имѣетъ неинтересный, унылый видъ. Ни восхваленная аламеда, ни мѣстоположеніе никакъ не могутъ сравниться съ Сантъ-Яго; но для людей, пріѣзжающихъ изъ Буэносъ-Айреса и только что переѣхавшихъ черезъ однообразные пампасы, сады и фруктовыя рощи Мендозы должны быть восхитительнымъ зрѣлищемъ. Сэръ Ф. Гэдъ говоря о жителяхъ города, замѣчаетъ: „Они обѣдаютъ, а послѣ обѣда такъ какъ очень жарко, они ложатся спать; что же имъ еще дѣлать»? Я согласенъ съ сэромъ Ф. Гэдомъ: счастливая судьба мендозинцевъ опредѣлила имъ ѣсть, спать и ничего не дѣлать.

29 марта. Мы направились обратно въ Чили черезъ проходъ Усталлата, находящійся къ сѣверу отъ Мендозы. Намъ пришлось ѣхать длиннымъ, безплоднымъ пространствомъ миль 45. Почва мѣстами была совершенно обнаженная, а мѣстами поросла нискорослыми кактусами съ страшными колючками; туземцы дали имъ прозваніе „маленькихъ львовъ. Попадались еще немногіе низкіе кустарники. Несмотря на то, что равнина находится около 3000 футовъ надъ уровнемъ моря солнце сильно пекло; жара и облака мелкой пыли весьма затрудняли путешествіе. Весь день мы подвигались параллельно Кордильерамъ, но постепенно приближались къ нимъ. До заката солнца мы въѣхали въ одну изъ широкихъ долинъ или, точнѣе, бухтъ, открывающихся въ равнину; эта долина вскорѣ съузилась и перешла въ оврагъ, на склонѣ котораго расположена вилла Висенсіо. Такъ какъ мы весь день ѣхали не имѣя возможности найти хоть каплю воды какъ для себя, такъ и для нашихъ муловъ, то сильная жажда заставила насъ жадно разыскивать ручей, протекающій на днѣ долины. Интересно было прослѣдить вначалѣ едва замѣтное теченіе воды: внизу, въ долинѣ, русло было почти сухое, поднимаясь по оврагу, оно становилось сырѣе; мѣстами видны были прудочки которые мало-по-малу сливались между собою, а подлѣ виллы Висенсіо показался славный маленькій ручеекъ.

30 марта. Уединенная хижина, носящая важное названіе виллы Висенсіо, упоминается всѣми путешественниками, переѣзжавшими черезъ Анды. Я провелъ здѣсь и въ сосѣднихъ рудникахъ слѣдующіе два дня. Геологія окрестной мѣстности очень любопытна. Хребетъ Успаллата отдѣленъ отъ главной цѣпи Кордильеровъ длинной узкой равниной вдоль бассейна, похожей на тѣ, о которыхъ приходилось часто упоминать въ Чили, но эта равнина расположена гораздо выше, около 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Горный кряжъ этотъ имѣетъ почти то же географическое положеніе относительно Кордильеровъ, какъ и гигантская цѣпь Портильо, но происхожденіе его совершенно иное: онъ состоитъ изъ различныхъ видовъ подводной лавы, чередующихся съ вулканическимъ песчаникомъ и другими замѣчательными осадочными отложеніями; все это, вмѣстѣ взятое, очень похоже на третичные пласты, лежащіе на берегахъ

Тихаго океана. Судя по этимъ признакамъ, я ожидалъ найти здѣсь остатки окаменѣлыхъ деревьевъ, обыкновенно встрѣчающихся въ такихъ формаціяхъ. Ожиданія мои оправдались самымъ удивительнымъ образомъ. Въ центральной части горной цѣпи, на высотѣ около 7.000 футовъ, я замѣтилъ на одной обнаженной отлогости выступающія бѣлоснѣжныя колонны. Столбы эти оказались окаменѣлыми деревьями; одиннадцать изъ нихъ были пропитаны кремнеземомъ, а отъ тридцати до сорока превратились въ грубо-кристаллическій, бѣлый известковый шпатъ. Деревья были переломлены, точно обрублены, и прямые пни торчали только на нѣсколько футовъ изъ земли. Толщина пней была отъ 3 до 5 футовъ въ окружности. Они стояли на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, но составляли одну группу. Робертъ Браунъ имѣлъ любезность изслѣдовать это дерево: онъ говоритъ, что оно принадлежитъ къ группѣ елевыхъ, представляя нѣкоторыя черты аракуарій; кромѣ того, оно имѣетъ любопытное сходство съ тисомъ. Вулканическій песчаникъ, въ которомъ залегли эти деревья, и изъ нижнихъ слоевъ котораго они, должно быть, выросли, скопился послѣдовательными тонкими слоями вокругъ пней; камень сохранилъ еще отпечатокъ коры.

Потребовалось немного геологической опытности для того, чтобы прочесть удивительную исторію, выражавшуюся въ этомъ зрѣлищѣ; хотя, признаюсь, я былъ сначала настолько удивленъ, что едва могъ вѣрить самымъ очевиднымъ доказательствамъ. Я видѣлъ мѣсто, гдѣ нѣкогда раскачивала свои вѣтви кучка прекрасныхъ деревьевъ на берегу Атлантическаго океана, въ то время, когда этотъ океанъ (теперь отброшенный на 700 миль) докатывалъ свои волны до Андовъ. Я видѣлъ что эти деревья выросли изъ вулканической почвы, поднявшейся надъ уровнемъ моря, а впослѣдствіи эта сухая почва со своими деревьями снова опустилась на глубину океана. Тамъ бывшая сухая земля покрылась осадочными слоями, на которые въ свою очередь вылились огромные потоки подводной лавы, одинъ изъ такихъ потоковъ достигалъ толщины въ 1.000 футовъ, и всѣ эти потоки расплавленнаго камня и водныхъ осадковъ чередовались пять разъ. Океанъ, поглощавшій такія массы, долженъ былъ быть необычайно глубокъ; но снова пришли въ дѣйствіе подземныя силы, и передо мной теперь простиралось дно этого океана, превратившееся въ горную цѣпь въ 7.000 футовъ вышины. Не бездѣйствовали также тѣ силы, которыя постоянно выравниваютъ поверхность земли: огромныя слоистыя массы были пересѣчены многими широкими долинами, а деревья, превращенныя теперь въ кремень, возвышались нѣкогда надъ вулканической почвой, обращенной нынѣ въ камень, и высоко простирали свои свѣжія зеленыя вѣтви. Въ настоящее время все это пустынно и неподвижно; даже лишайнику нечѣмъ питаться на окаменѣлыхъ формахъ прежнихъ деревьевъ. Какъ ни обширны и едва понятны должны всегда казаться подобныя перемѣны, но всѣ онѣ совершились въ недавній періодъ времени сравнительно съ исторіей Кордильеровъ; сами же Корьдильеры положительно новое явленіе въ сравненіи со многими слоями Европы и Америки, содержащими ископаемые остатки.

1 апрѣля. Мы переѣхали хребетъ Успаллата и къ ночи прибыли на таможенный постъ, единственное обитаемое мѣсто на равнинѣ. Незадолго до того, какъ мы простились съ горами, передъ нами открылся удивительный видъ: красныя, пурпуровыя, зеленыя и совершенно бѣлыя осадочныя породы, чередующіяся съ черной лавой, были пересѣчены во всевозможныхъ, безпорядочно разбросанныхъ, направленіяхъ массами порфира всѣхъ оттѣнковъ, отъ темно-бураго до самаго ярко-лиловаго. Здѣсь

я въ первый разъ увидалъ что-то дѣйствительно похожее на тѣ красивые разрѣзы, которыми геологи изображаютъ внутренность земли.

На слѣдующій день мы переѣхали черезъ равнину и направились вдоль теченія того же большого горнаго потока, который протекаетъ подлѣ Люксана. Потокъ стремится тутъ съ такой силой, что невозможно было перебраться черезъ него; кромѣ того онъ казался шире чѣмъ внизу, точно такъ же, какъ ручей виллы Висенсіо. Вечеромъ слѣдующаго дня мы доѣхали до Ріо-де-Ласъ-Вакасъ, которая считается самой трудной переправой изо всѣхъ кордильерскихъ рѣкъ.

Такъ какъ всѣ эти рѣки отличаются быстрымъ коротким теченіемъ и образуются тающимъ снѣгомъ, то время дня вліяетъ на большее или меньшее полноводіе ихъ. Вечеромъ воды ихъ мутны и обильны, а передъ разсвѣтомъ онѣ становятся свѣтлѣе и менѣе стремительны. То же самое мы замѣтили и на Ріо-Вакасъ, черезъ которую мы переѣхали утромъ безъ затрудненій.

До сихъ поръ мѣстоположеніе было очень мало интересно въ сравненіи съ Портильонскимъ проходомъ. Мало что можно было видѣть кромѣ голыхъ стѣнъ большой, плоской долины, по которой шла дорога до самаго хребта. Долина и огромныя каменистыя горы совершенно обнажены: бѣдные мулы ничего не ѣли за предыдущіе два дня, такъ какъ мы не встрѣтили никакой растительности, кромѣ рѣдкихъ низкихъ смолистыхъ кустарниковъ. Въ продолженіе этого дня мы проѣхали нѣсколько особенно плохихъ проходовъ Кордильеровъ, но опасность ихъ сильно преувеличена въ разсказахъ. Мнѣ говорили, что если я попробую идти пѣшкомъ, то у меня закружится голова и, что некуда сойти съ мула; но я не видалъ ни одного мѣста, гдѣ бы нельзя было пройти, даже пятясь назадъ, или сойти съ мула на обѣ стороны. Я уже прошелъ одинъ изъ самыхъ дурныхъ проходовъ las Animas (души), и только на другой день узналъ, что подвергался страшной опасности. Есть безъ сомнѣнія много такихъ мѣстъ, гдѣ можно слетѣть въ пропасть, если бы мулъ оступился, но мало вѣроятія, чтобы нѣчто подобное случилось. Я думаю, что весною «laderas», или дороги, которыя ежегодно прокладываются вновь черезъ груды обломковъ, должны быть очень нехороши, но то, что я видѣлъ, не представляетъ особенной опасности. Дѣло обстоитъ иначе съ вьючными мулами, на которыхъ вьюки бываютъ такъ широки, что мулы сталкиваются другъ съ другомъ или зацѣпляясь за утесы, теряютъ равновѣсіе и летятъ въ пропасть. При переправахъ черезъ рѣки я охотно вѣрю что встрѣчаются большія трудности; въ настоящее время года это еще не очень затруднительно, но лѣтомъ переправы должны быть очень опасны. Могу себѣ ясно представить то, что описываетъ сэръ Ф. Гэдъ, говоря о различіи ощущеній того, кто уже проѣхалъ бездну, и того, кто ее проѣзжаетъ. Я не слыхалъ ни разу, чтобы человѣкъ утонулъ, но съ вьючными мулами часто случаются несчастія. Arriero совѣтуетъ обыкновенно направить мула на лучшій путь и потомъ дать ему самому переправляться, какъ онъ знаетъ; но вьючные мулы избираютъ нехорошую дорогу и поэтому часто погибаютъ.

4 апрѣля. Отъ Ріо-де-Ласъ-Викасъ до Пуэнта-дель-Инка всего полдня пути. Найдя здѣсь кормъ для муловъ и довольно любопытной геологію для меня, мы расположились на ночлегъ. При словѣ «естественный мостъ» обыкновенно представляешь себѣ глубокое узкое ущелье съ перекинутою черезъ него упавшею скалою или большую арку, выдолбленную въ видѣ пещернаго свода. Вмѣсто того, мостъ Инковъ состоитъ изъ сплошной корки, образовавшейся изъ наслоеній голышей, которые

спаяны отложеніями сосѣднихъ горячихъ ключей. Кажется, что потокъ проложилъ себѣ ложбину съ одной стороны, оставивъ нависшій слой, на который навалились земля и камни съ противоположныхъ утесовъ. Несомнѣнно, что косвенное смыканіе моста, которое должно было при этомъ совершиться, ясно было замѣтно съ одной стороны. Во всякомъ случаѣ мостъ Инковъ мало достоинъ великихъ государей имя которыхъ онъ носитъ.

5 апрѣля. Намъ предстоялъ длинный переѣздъ на весь день черезъ центральный хребетъ отъ моста Инковъ до Охсъ-дель-Агва, находяща-

Мостъ Инковъ. Проходъ Успаллата.

гося у нижней casucha на чилійской сторонѣ. Эти casucha представляютъ круглыя башенки съ наружными ступенями, ведущими къ помѣщенію, которое расположено на высотѣ нѣсколькихъ футовъ надъ землею по причинѣ снѣжныхъ заносовъ. Всѣхъ башенъ восемь; при испанскомъ правительствѣ онѣ бывали снабжены на зиму провизіей и углемъ, при чемъ каждый курьеръ имѣлъ отъ нихъ общій ключъ. Въ настоящее время ихъ употребляютъ въ видѣ погребовъ или скорѣе въ видѣ темницъ. Построенныя на небольшихъ возвышеніяхъ, онѣ вполнѣ подходятъ подъ

общій печальный тонъ картины. Извилистый подъемъ на Кумбре, гдѣ находится водораздѣлъ, оказался очень крутъ и утомителенъ; высота мѣстности, по вычисленію г. Пентленда, равняется 12.454 футамъ. Дорога не проходила черезъ вѣчные снѣга, но по обѣимъ сторонамъ ея виднѣлись полосы его. На вершинѣ дулъ очень холодный вѣтеръ, однако несмотря на то, нельзя было не остановиться на нѣсколько минутъ, чтобы еще и еще разъ насладиться цвѣтомъ неба и ярко прозрачнымъ воздухомъ. Зрѣлище было величественное; на западѣ возвышались въ красивомъ безпорядкѣ горы, раздѣленныя глубокими пропостями. Нѣкоторое количество снѣга обыкновенно выпадаетъ раньше теперешняго времени года; бывали даже случаи, что Кордильеры въ это время были уже совершенно непроходимы. Намъ однако особенно посчастливилось: небо и днемъ и ночью было безоблачно; только небольшія кучи легкихъ облаковъ носились надъ самыми высокими вершинами. Я часто видалъ эти острова на небѣ; они обозначали положеніе Кордильеровъ, когда далекія горы уже скрывались за горизонтомъ.

6 апрѣля. Поутру мы замѣтили, что какой-то воръ похитилъ одного изъ нашихъ муловъ и колокольчикъ мадрины; поэтому мы спустились въ долину всего на двѣ или три мили и тамъ провели слѣдующій день въ надеждѣ найти нашего мула, который, какъ полагалъ arriero, былъ спрятанъ въ одномъ изъ овраговъ. Пейзажъ въ этой части горъ принялъ чилійскій характеръ: внизу по склонамъ были разбросаны блѣдныя вѣчно зеленыя деревья Guillaya и большіе кактусы въ видѣ канделябровъ, на которые, конечно, было пріятнѣе смотрѣть, чѣмъ на безплодныя восточныя долины, но все-таки я не раздѣляю восторговъ, выраженныхъ нѣкоторыми путешественниками. Подозрѣваю, что главной причиной такихъ восторговъ была близость хорошаго огня и хорошаго ужина послѣ того, какъ удалось вырваться изъ холодныхъ возвышенныхъ странъ; конечно и я сердечно раздѣлялъ такія чувства.

8 апрѣля. Мы выѣхали изъ долины Аконкагвы, которою мы спускались, и подъ вечеръ пріѣхали въ небольшой сельскій домъ подлѣ виллы Санъ-Роза. Плодородіе долины доставляло большое наслажденіе; такъ какъ стояла поздняя осень, то листья на плодовыхъ деревьяхъ частью облетѣли; нѣкоторые изъ земледѣльцевъ занимались сушкою фигъ и персиковъ на крышахъ своихъ домовъ, между тѣмъ какъ другіе снимали виноградъ. Премилая была картина; но для меня въ ней недоставало той задумчивой тишины, которая дѣлаетъ изъ англійской осени настоящій вечеръ года. Десятаго числа мы прибыли въ Сантъ-Яго, гдѣ я былъ принятъ г. Колдклю съ радушнымъ гостепріимствомъ. Вся моя экскурсія взяла только 24 дня, и никогда я не испытывалъ наслажденія равнаго тому, что я испыталъ за такое короткое время. Нѣсколько дней спустя я вернулся въ Вальпарайсо къ г. Корфильду.

ГЛАВА XVI.

Сѣверное Чили и Перу.

Береговая дорога въ Коквимбо.—Большія тяжести, которыя переносятъ рудокопы.—Коквимбо.—Землетрясеніе.—Терасы съ уступами. Отсутствіе новѣйшихъ осадковъ.—Единовременность третичныхъ формацій.—Экскурсія вверхъ по долинѣ.—Дорога въ Гуаско.—Степи.—Долина Копіано.—Дождь и землетрясенія.—Водобоязнь.—Деспобладо.—Индѣйскія развалины.—Вѣроятное измѣненіе климата.—Русло рѣки, поднятое землетрясеніемъ.—Порывы холоднаго вѣтра.—Шумъ, слышанный съ одной горы.—Иквиква.—Соляныя отложенія.—Азотнокислый натръ.—Лима.—Нездоровая мѣстность.—Развалины Каллао, разрушеннаго землетрясеніемъ.—Новѣйшее поднятіе почвы.—Поднятыя раковины въ Санъ-Лоренцо, разложеніе ихъ.—Равнины съ зарытыми въ нихъ раковинами и горшечными обломками.—Древность индѣйской расы.

27 апрѣля. Я отправился въ Коквимбо, а оттуда черезъ Гуаско въ Копіано; здѣсь капитанъ Фицъ-Рой любезно предложилъ захватить меня на «Бигль». Разстояніе, если взять прямое направленіе, вдоль берега къ сѣверу, не болѣе 420 миль, но мой способъ передвиженія замедлилъ путь. Я купилъ четырехъ лошадей и двухъ муловъ, которые должны были поочередно везти багажъ. Всѣ шесть животныхъ обошлись мнѣ только въ 25 ф. стерл., а въ Копіано я перепродалъ ихъ за 23 ф. ст. Мы такъ же независимо путешествовали какъ и прежде; сами стряпали для себя и спали подъ открытымъ небомъ. Когда мы ѣхали по направленію къ Вино-дель-Маръ, я распростился съ Вальпарайсо, полюбовавшись его красивымъ мѣстоположеніемъ. Я свернулъ съ большой дороги, имѣя въ виду геологическія изслѣдованія и направился къ подошвѣ Квильотскаго Колокола. Мы проѣхали аллювіальнымъ округомъ, богатымъ золотомъ, и остановились на ночь въ Лимаче. Промываніе золота поддерживаетъ существованіе обитателей многочисленныхъ хижинъ, разбросанныхъ по сторонамъ каждаго маленькаго ручья; но, какъ всѣ люди, не обезпеченные правильнымъ заработкомъ, они живутъ нерасчетливо и поэтому бѣдны.

28 апрѣля. Послѣ полудня мы подъѣхали къ фермѣ, находившейся у подошвы горы Колоколъ. Обитатели фермы арендовали ее, что не часто встрѣчается въ Чили. Они жили на выручку съ сада и съ небольшого поля, но были очень бѣдны. Деньги въ этой мѣстности такъ рѣдки, что жители бываютъ вынуждены продавать хлѣбъ на корню, чтобы имѣть возможность закупить необходимые предметы къ слѣдующему году. Вслѣдствіе такого порядка вещей, пшеница стоила дороже на мѣстѣ ея производства, нежели въ Вальпарайсо, гдѣ живутъ подрядчики. На другой день мы вернулись на большую дорогу, идущую въ Коквимбо. Ночью выпалъ небольшой дождь; это былъ первый дождь послѣ сильнаго ливня, задержавшаго меня 11 и 12 сентября на Кауквенскихъ водахъ. Съ тѣхъ поръ прошло $7^1/_2$ мѣсяцевъ; но въ этомъ году дожди нѣсколько запоздали въ Чили. Далекія Анды были теперь покрыты густымъ снѣжнымъ ковромъ и представляли чудную картину.

2 мая. Дорога продолжала тянуться вдоль берега недалеко отъ моря. Немногія деревья и кустарники, встрѣчавшіеся въ центральномъ Чили, быстро рѣдѣли и замѣнялись высокимъ растеніемъ въ родѣ Yucca. Поверхность страны изображала въ маломъ видѣ неровную, гористую мѣстность, при чемъ небольшія крутыя скалы выдавались среди равнинъ и бассейновъ. Извилистые берега и дно сосѣдняго моря усѣянное рифами, представили бы точно такія же формы, если бъ они были превращены въ

сушу; безъ сомнѣнія такое превращеніе и случилось въ той мѣстности, по которой мы ѣхали.

3 мая. Сдѣлали переѣздъ отъ Квилинари до Кончали. Мѣстность становилась все болѣе и болѣе безплодной. Въ долинахъ едва находилось достаточное количество воды для орошенія, а между ними разстилалась совершенно безплодная земля, не могущая дать кормъ даже для козъ. Весною, послѣ дождливой зимы, внезапно появляется тощая трава; тогда съ Кордильеровъ гонятъ скотъ, чтобы дать ему воспользоваться не надолго пастбищемъ. Любопытно наблюдать, какъ сѣмена травы и другихъ растеній приспособляются, точно по привычкѣ, къ количеству дождя, выпадающаго на различныхъ частяхъ берега. Одинъ ливень, случающійся далѣе, на сѣверѣ отъ Копіано, производитъ такое же сильное дѣйствіе на растительность, какъ два ливня въ Гуаско и три или четыре въ этомъ округѣ. Сухая зима въ Вильпарайсо сильно повредила бы растительность, между тѣмъ какъ въ Гуаско она вызвала бы необычайное плодородіе. Подвигаясь къ сѣв ру, я замѣтилъ, что количество дождей, повидимому, уменьшается не въ строгомъ соотвѣтствіи съ широтою. Въ Кончали, всего въ 67 миляхъ къ сѣвѣру отъ Вальпарайсо, никто не ожидалъ дождей до конца мая, тогда какъ въ Вальпарайсо уже выпадаютъ дожди въ первой половинѣ апрѣля; ежегодное количество его тоже не вознаграждаетъ за позднее наступленіе дождливаго времени.

4 мая. Найдя береговую дорогу, лишенною всякаго интереса, мы повернули внутрь страны и направились къ рудоносному округу и къ долинѣ Иллапель. Долина эта, какъ и всѣ долины Чили, ровная, широкая и очень плодородная; по обѣимъ сторонамъ ее окружаютъ либо утесы изъ наслоеннаго галешника, либо обнаженныя каменистыя горы. Надъ верхней границей орошаемой полосы, почва совершенно бурая, между тѣмъ какъ внизу все пространство покрыто ярко зеленой растительностью, состоящей изъ альфалфы, подобія клевера. Мы поѣхали дальше въ Лосъ-Хорносъ, другой рудоносный округъ, гдѣ главная гора была вся изрыта, напоминая собою огромный муравейникъ. По образу жизни, чилійскіе рудокопы представляютъ особенную породу людей. Проводя недѣли за недѣлями въ самыхъ унылыхъ мѣстахъ. они предаются крайнимъ излишествамъ, когда спускаются по праздникамъ въ свои деревни. Иногда имъ удается заработать большія суммы денегъ, и тогда они, подобно морякамъ, получившимъ экстренную плату, стараются скорѣ растратить свои деньги. Пьютъ они неимовѣрно много, накупаютъ себѣ множество платья и черезъ нѣсколько дней возвращаются безъ гроша денегъ въ свои жалкія жилища, гдѣ опять принимаются работать хуже вьючнаго скота. Такая безпечность, какъ и у моряковъ, является результатомъ одинаковаго у тѣхъ и у другихъ образа жизни. Насущный хлѣбъ имъ обезпеченъ, и ничто не пріучаетъ ихъ къ бережливости; къ тому же искушенія подъ руками, и они имѣютъ возможность поддаваться имъ. Съ другой стороны, въ Корнуолѣ и нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Англіи, гдѣ придерживаются системы распродажи одной части руды, рудокопы, вынужденные думать и дѣйствовать на свой страхъ, замѣчательно толковые, разсудительные и порядочные люди.

Чилійскій рудокопъ носитъ оригинальную и довольно живописную одежду. Она состоитъ изъ длинной рубашки изъ темной шерстяной матеріи съ кожанымъ передникомъ; то и другое перевязано яркимъ поясомъ. Панталоны очень широкія, а на головѣ плотно прилегающая шапка изъ краснаго сукна. Мы встрѣтили партію рудокоповъ въ рабочихъ костюмахъ; они несли хоронить тѣло умершаго товарища. Шли они очень

быстрымъ шагомъ, почти рысью, при чемъ покойника несли на рукахъ четыре человѣка. Черезъ нѣкоторое время ихъ смѣнили другіе четыре человѣка, которые уѣзжали впередъ верхами. Такимъ образомъ вся процессія подвигалась, подбадривая другъ друга дикими криками. Надо сказать, что похороны эти представляли престранную картину.

Мы продолжали путь извилистой дорогой, останавливаясь иногда для геологическихъ изслѣдованій. Вся эта мѣстность была такъ мало заселена, слѣдъ дороги такъ неясенъ, что мы часто сбивались съ пути. 12-го я остановился на одномъ рудникѣ. Руда здѣсь не считалась особенно хорошей, но такъ какъ ея было очень много, то хозяева надѣялись выручить 30.000—40.000 долларовъ (т.-е. 6.000, 8.000 фунт. стерлинг.); однако какая-то англійская компанія купила ее за одну унцію золота (5 фунт. стерлинговъ и 8 шиллинговъ). Руда состоитъ изъ желтаго мѣднаго колчедана, въ которомъ, какъ я сказалъ, до пріѣзда англичанъ не предполагали присутствія мѣди. Почти съ такой же выгодой куплены англичанами груды шлаковъ, изобиловавшихъ зернами чистой мѣди; но, не смотря на эти выгодныя условія, рудокопныя компаніи, какъ извѣстно, умудрялись терять тутъ огромныя суммы денегъ.

Безразсудство большей части распорядителей и акціонеровъ доходило до помраченія ума: тысяча фунтовъ стерлинговъ тратилась иногда въ теченіе года на угощеніе чилійскихъ властей; заводились библіотеки геологическихъ книгъ въ хорошихъ переплетахъ; выписывались особые рудокопы для металловъ, которыхъ не имѣется вовсе въ Чили, какъ, напримѣръ, олово; заключались условія, обѣщавшія молоко рабочимъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ коровъ; выписывались ненужныя машины. Однимъ словомъ, сотни подобныхъ мѣропріятій свидѣтельствовали о нашемъ безразсудствѣ и до настоящаго времени заставляютъ смѣяться туземцевъ. Между тѣмъ, если бы тотъ же капиталъ былъ хорошо употребленъ на разработку рудниковъ, они дали бы несомнѣнно огромный доходъ. Здѣсь нуженъ былъ бы только честный человѣкъ, знающій практически рудокопное дѣло, и больше ничего.

Капитанъ Гэдъ описалъ «апировъ», настоящихъ вьючныхъ животныхъ, которые выносятъ изъ глубины шахтъ необычайныя тяжести. Признаюсь, я считалъ этотъ разсказъ немного преувеличеннымъ; поэтому я радъ былъ случаю, давшему мнѣ возможность свѣсить одинъ такой грузъ, выбранный мною наудачу. Мнѣ стоило значительныхъ усилій только приподнять его съ земли, стоя прямо надъ нимъ, и въ немъ оказалось меньше вѣса, чѣмъ бываетъ обыкновенно, то-есть 197 фунтовъ. Рудокопъ «апиръ» вынесъ эту тяжесть на высоту 80 ярдовъ, частью по крутому проходу, но большею частью по перекладинамъ, положеннымъ наискось надъ колодцемъ. Въ силу общаго постановленія «апиръ» не смѣетъ останавливаться для передышки, развѣ только въ томъ случаѣ, когда рудникъ имѣетъ 600 футовъ глубины. Средній вѣсъ грузовъ считается въ 200 фунтовъ, но меня увѣряли, что пробовали выносить изъ самаго глубокаго рудника до 300 фунтовъ. Въ настоящее время апиры выносятъ обыкновенный грузъ двѣнадцать разъ въ день, то-есть 2.400 фунтовъ съ глубины 80 ярдовъ, а въ промежуткахъ времени они еще занимаются выколачиваніемъ и разборкою руды.

Люди эти, за исключеніемъ несчастныхъ случаевъ, имѣютъ здоровый, веселый видъ. Они не очень мускулисты. Мясо они ѣдятъ рѣдко, не чаще одного раза въ недѣлю, и то жесткое, сухое — *чарки*. Хотя мы знали, что они работаютъ добровольно, но все-таки возмутительно было видѣть, въ какомъ состояніи они являлись къ выходу изъ рудника; пе-

регнувшись впередъ, они цѣплялись руками за ступеньки, ноги были согнуты, мускулы сильно напряжены, потъ градомъ катилъ съ лица и обливалъ грудь, ноздри были расширены, углы рта оттянуты назадъ, дыханіе было въ высшей степени затруднено. Переводя духъ, они издавали крикъ «ай-ай», который оканчивался звукомъ, вырывавшимся изъ глубины груди и рѣзкимъ, какъ звукъ свистка. Добравшись до открытаго мѣста, они, шатаясь, подходили къ грудѣ руды и опоражнивали свое *карпачо;* передохнувъ секунды двѣ и обтеревъ потъ съ лица, они, повидимому совершенно свѣжіе, опять проворно спускались въ колодезь. Я считаю это замѣчательнымъ доказательствомъ того, насколько трудоспособность развивается въ человѣкѣ силою привычки, такъ какъ ничто, кромѣ привычки, не можетъ дать человѣку такую выносливость.

Вечеромъ я разговорился съ смотрителемъ, или «майордомо», рудниковъ насчетъ большого количества иностранцевъ, которые теперь разбрелись по всей странѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что, будучи мальчикомъ (онъ былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ), онъ учился въ школѣ въ Коквимбо, и помнитъ, какъ уроки прекратили и школьниковъ отпустили смотрѣть одного англійскаго капитана, пріѣхавшаго для переговоровъ съ губернаторомъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что ни одинъ мальчикъ, въ томъ числѣ и онъ самъ, ни за что не рѣшился бы подойти близко къ англичанину изъ страха заразиться ересью и всякимъ зломъ отъ такого человѣка. До сихъ поръ между жителями ходятъ разные разсказы объ ужасныхъ поступкахъ буканьеровъ. Разсказывали мнѣ про одну старую даму, которая за обѣдомъ въ Коквимбо выразила крайнее удивленіе, что ей пришлось дожить до такого дня, когда она очутилась въ одной комнатѣ съ англичаниномъ; она хорошо помнила, что въ молодости два раза была свидѣтельницей переполоха, случившагося при крикѣ «*Los Ingleses*»; всѣ жители бѣжали въ горы, унося все, что было у нихъ драгоцѣннаго.

14-е мая. Доѣхавъ до Коквимбо, мы остановились на нѣсколько дней. Городъ ничѣмъ не отличается, кромѣ чрезвычайной тишины. Жителей въ немъ насчитывается отъ 6.000 до 8.000. Утромъ 17-го числа шелъ небольшой дождь въ продолженіе пяти часовъ; это былъ первый дождь въ настоящемъ году. Фермеры сѣютъ хлѣбъ близъ морского берега, гдѣ воздухъ сырѣе; пользуясь первымъ дождемъ, они распахали землю; послѣ второго они будутъ сѣять, а послѣ третьяго можно ждать хорошаго урожая весною. Любопытно было видѣть дѣйствіе этого небольшаго количества влаги. Двѣнадцать часовъ спустя, земля имѣла видъ столь же сухой, какъ до дождя, но по прошествіи десяти дней всѣ горы покрылись зелеными пятнами; вездѣ выступила волнистая трава, длиною въ вершокъ. Передъ дождемъ вся поверхность земли была такъ же обнажена, какъ на большой дорогѣ.

Вечеромъ мы обѣдали съ капитаномъ Фицъ-Роемъ у г. Эдуардса, англійскаго резидента, хорошо извѣстнаго своимъ гостепріимствомъ всѣмъ бывавшимъ въ Коквимбо. Во время обѣда сдѣлалось сильное землетрясеніе. Я слышалъ приближавшійся гулъ, но дамы стали кричать, прислуга заметалась по комнатѣ, нѣсколько человѣкъ бросились къ дверямъ, такъ что за общей суматохой я не могъ разобрать удара. Нѣсколько женщинъ расплакались, одинъ господинъ объявилъ, что онъ не будетъ въ состояніи спать эту ночь, или, если заснетъ, то ему будутъ сниться падающіе дома. Отецъ этого господина недавно передъ этимъ потерялъ все свое состояніе въ Талькахуано, и самъ онъ едва спасся въ 1822 г. отъ рухнувшей крыши въ Вальпарайзо. Этотъ господинъ разсказалъ

намъ про странное совпаденіе, случившееся тогда: онъ игралъ въ карты, какъ вдругъ одинъ изъ его партнеровъ, нѣмецъ, всталъ и сказалъ, что въ этой странѣ онъ ни за что не будетъ сидѣть въ комнатѣ съ запертой дверью, потому что онъ чуть не лишился жизни изъ-за этого въ Копіано. Онъ отворилъ дверь и въ ту же минуту воскликнулъ: «Вотъ опять начинается!» Послѣ этого раздался знаменитый ударъ.

Всѣ гости успѣли выбѣжать. Опасность во время землетрясенія заключается не въ потерѣ времени на открытіе двери, но въ томъ, что движеніе стѣнъ можетъ ее придавить.

Невозможно удивляться страху, испытываемому всѣми туземцами, а также старожилами-резидентами при землетрясеніяхъ, несмотря на то, что между ними есть люди, извѣстные своимъ присутствіемъ духа. Хотя я все-таки полагаю, что такой паническій страхъ происходитъ частью отъ непривычки подавлять его, такъ какъ этого чувства не принято стыдиться. Скажу болѣе, туземцы съ неудовольствіемъ замѣчаютъ чьенибудь равнодушіе въ такихъ случаяхъ. Мнѣ разсказывали про двухъ англичанъ, что они спали разъ подъ открытымъ небомъ и не встали, когда раздался сильный ударъ, зная, что имъ не угрожаетъ опасность. Туземцы съ негодованіемъ воскликнули: «Посмотрите на этихъ еретиковъ, они даже не хотятъ встать со своихъ мѣстъ!»

Я посвятилъ нѣсколько дней на изслѣдованіе ступенеобразныхъ террасъ изъ галешника, замѣченныхъ впервые капитаномъ Голлемъ; по мнѣнію г. Лайелля, онѣ образовались дѣйствіемъ прибоя во время постепеннаго возвышенія страны. Такое объясненіе несомнѣнно справедливо, потому что я нашелъ на этихъ террасахъ множество раковинъ изъ нынѣ существующихъ видовъ. Пять узкихъ, слегка покатыхъ террасъ, похожихъ на кайму, возвышаются одна надъ другою и тамъ, гдѣ онѣ хорошо развиты, онѣ состоятъ изъ голышей; онѣ огибаютъ обѣ стороны долины передъ бухтой.

Въ Гуаско, къ сѣверу отъ Коквимбо, то же явленіе выразилось въ еще бо́льшихъ размѣрахъ, такъ что даже туземцы удивляются ему. Террасы здѣсь гораздо шире и могутъ быть названы равнинами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ по шести, но чаще всего онѣ расположены въ количествѣ пяти. Онѣ тянутся по долинѣ на тридцать семь миль отъ берега. Эти ступенеобразныя террасы, или коймы, имѣютъ близкое сходство съ террасами въ долинѣ Санта-Крусъ, и хотя онѣ меньше, но онѣ похожи на большія террасы, расположенныя вдоль патагонскаго берега. Онѣ несомнѣнно образовались дѣйствіемъ морского прибоя во время долгихъ періодовъ покоя между постепенными поднятіями материка.

Раковины многихъ современныхъ видовъ не только находятся на поверхности террасъ въ Коквимбо (на высотѣ 250 футовъ), но и бываютъ зарыты въ рыхломъ известнякѣ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ толщины отъ 20 до 30 футовъ, не занимая при этомъ большого пространства. Эти новѣйшіе слои покоятся на древней третичной формаціи, содержащей раковины, повидимому, все угасшихъ видовъ. Несмотря на то, что я изслѣдовалъ столько сотъ миль вдоль береговъ Тихаго, а также и Атлантическаго океановъ, я нигдѣ не находилъ правильныхъ слоевъ съ современными морскими раковинами, за исключеніемъ Коквимбо и нѣкоторыхъ пунктовъ къ сѣверу, по дорогѣ въ Гуаско. Этотъ фактъ представляется мнѣ крайне замѣчательнымъ, потому что здѣсь не примѣнимо замѣчаніе, обыкновенно приводимое геологами,—а именно, что въ какой-нибудь мѣстности нѣтъ наносныхъ слоевъ, содержащихъ ископаемые остатки данной эпохи вслѣдствіе того, что эта

мѣстность была тогда уже материкомъ. Мы можемъ судить по раковинамъ, разсыпаннымъ на поверхности и зарытымъ въ мягкій песокъ или въ землю, что эта земля на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ миль вдоль обоихъ береговъ была еще недавно подъ водою. Объясненіе надо безъ сомнѣнія искать въ томъ фактѣ, что вся южная часть материка долго и медленно поднималась, и, слѣдовательно, всѣ осадки, лежавшіе вдоль берега въ мелкой водѣ, вскорѣ поднялись и были постепенно размыты дѣйствіемъ прибоя; только въ сравнительно неглубокихъ водахъ можетъ жить бо́льшая часть морскихъ органическихъ существъ, а въ такихъ водахъ очевидно невозможно было скопиться осадкамъ значительной толщины. Чтобы показать огромную силу прибоя, достаточно будетъ вспомнить большіе утесы вдоль нынѣшняго берега Патагоніи, а также обрывы или древнія подводныя скалы, которыя, на различныхъ уровняхъ, помѣщаются одна надъ другой по той же береговой линіи.

Древняя, нижняя третичная формація въ Коквимбо принадлежитъ, повидимому, къ той же эпохѣ, какъ многіе осадки на чилійскомъ берегу (изъ которыхъ главный въ Наведадѣ) и большая формація въ Патагоніи. Какъ въ Наведадѣ, такъ въ и Патагоніи есть доказательства, свидѣтельствующія о томъ, что съ того времени какъ жили раковины, тамъ погребенныя (извѣстное число которыхъ изслѣдовано профессоромъ Форбесомъ), произошло сперва пониженіе на нѣсколько сотъ футовъ, а потомъ—повышеніе. Естественно возникаетъ вопросъ, какъ могло случиться, что хотя ни на одной сторонѣ материка не сохранились сколько-нибудь обширные осадки съ ископаемыми новѣйшаго періода или промежуточнаго между нимъ и древнимъ третичнымъ, однако въ этой древней третичной формаціи осадки, содержащіе ископаемые остатки, существуютъ въ различныхъ пунктахъ линіи, идущей съ юга на сѣверъ, на протяженіи 1100 миль по берегамъ Тихаго океана и по крайней мѣрѣ 1350 миль по берегамъ Атлантическаго океана, а также въ поперечномъ направленіи на 700 миль съ востока на западъ, проходя черезъ самую широкую часть материка. Думаю, что объясненіе такому факту нетрудно найти и что оно, можетъ быть, примѣнимо къ почти одинаковымъ явленіямъ, замѣченнымъ въ другихъ частяхъ свѣта. Взявъ въ соображеніе огромную размывающую силу моря, доказанную множествомъ примѣровъ, невѣроятно, чтобы осадочное отложеніе, поднятое вверхъ, могло вынести дѣйствіе прибоя и уцѣлѣть, несмотря на него, въ количествѣ достаточномъ для того, чтобы сохраниться столько времени; развѣ что оно первоначально занимало очень широкое пространство и отличалось значительной толщиной. Между тѣмъ невозможно было бы накопиться такому толстому и пространному наслоенію осадковъ на довольно неглубокомъ днѣ океана, т.-е. въ единственномъ мѣстѣ, благопріятномъ для большей части живыхъ существъ; для этого надо предположить, что это дно опускалось и принимало постепенныя отложенія. Именно это-то, повидимому, и произошло около того же времени въ южной Патагоніи и въ Чили, хотя между этими странами находится разстояніе въ 1.000 миль. Поэтому, если продолжительное пониженіе совершается почти одновременно и на большомъ протяженіи—а я сильно склоняюсь къ такому предположенію съ тѣхъ поръ, какъ я изслѣдовалъ каралловые рифы великихъ океановъ—или если, ограничиваясь разсматриваніемъ одной Южной Америки, мы допустимъ, что опусканіе заняло такую же площадь, какъ и то повышеніе, которое подняло берега Перу, Чили, Огненной Земли, Патагоніи и Ла-Платы въ періодъ современныхъ раковинъ, то мы убѣдимся, что одновременно и на очень

отдаленныхъ другъ отъ друга точкахъ случились обстоятельства, благопріятствовавшія образованію осадковъ съ ископаемыми на большомъ протяженіи и съ значительной толщиной; такого рода осадки могли противостоять размывающей силѣ прибоевъ вдоль послѣдовательныхъ береговыхъ линій и могли сохраниться до позднѣйшаго времени.

21 мая. Я отправился въ обществѣ дона Хозе-Эдвардса на серебряные рудники Аркверосa, а оттуда вверхъ по долинѣ Коквимбо. Проѣхавъ по гористой мѣстности, мы прибыли къ ночи на рудники, принадлежащіе г. Эдвардсу. Я очень былъ доволенъ моимъ ночлегомъ здѣсь по причинѣ, которую врядъ ли оцѣнятъ въ Англіи—а именно, изъ-за отсутствія блохъ. Дома въ Коквимбо кишатъ ими, но онѣ не водятся на высотѣ всего въ 3000—4000 футовъ; не можетъ быть, чтобы столь незначительное пониженіе температуры уничтожало этихъ скучныхъ насѣкомыхъ; тутъ должна быть другая причина. Рудники въ плохомъ положеніи теперь, хотя они прежде давали до 2000 фунтовъ серебра въ годъ. Было кѣмъ-то замѣчено, „что владѣлецъ мѣднаго рудника получаетъ барышъ; владѣлецъ серебряной руды можетъ что-нибудь выручить, но тотъ, у кого золотая руда, непремѣнно потерпитъ убытокъ". Это неправда,—всѣ большія чилійскія состоянія нажиты были на рудникахъ съ драгоцѣнными металлами. Недавно одинъ англійскій врачъ, вернувшись въ Англію изъ Копіано, привезъ состояніе въ 24.000 фунтовъ стерлинговъ, нажитое имъ благодаря одной акціи, компаніи для разработки серебряной руды. Конечно, мѣдная руда при заботливой разработкѣ представляетъ то, что называется игрой навѣрняка, тогда какъ разработка другой, болѣе драгоцѣнной руды похожа на азартную игру или скорѣе на лотерею. Владѣльцы драгоцѣнной руды всегда теряютъ ее въ большомъ количествѣ, потому что никакія предосторожности не могутъ предотвратить воровства. Мнѣ разсказывали про одного господина, что онъ бился съ другимъ объ закладъ, увѣряя его, что одинъ изъ его рабочихъ обокрадетъ его въ его присутствіи. Когда руда выносится изъ шахты, ее разбиваютъ на куски, при чемъ простой камень отбрасывается въ сторону. Двое работавшихъ рудокоповъ бросили, какъ будто случайно, два обломка въ одно и то же мгновеніе и крикнули, шутя: «Посмотримъ, чей камень докатится дальше». Владѣлецъ, стоявшій подлѣ, держалъ пари на сигару со своимъ пріятелемъ объ томъ, кто выйдетъ побѣдителемъ въ этомъ соревнованіи. Рудокопъ примѣтилъ мѣсто среди мусора, куда попалъ его камень и, разыскавъ его вечеромъ, принесъ хозяину кусокъ серебряной руды: «Вотъ камень, упавшій дальше», сказалъ онъ хозяину; «благодаря ему, вы выиграли сигару».

23 мая. Мы спустились въ плодородную долину Коквимбо и ѣхали по ней до гасіенды, принадлежащей родственнику дона Хозе, у котораго мы провели слѣдующій день. Послѣ этого я поѣхалъ дальше, въ одно мѣсто, отстоявшее на день пути, съ цѣлью осмотрѣть ископаемые раковины и бобы, какъ мнѣ ихъ описали, но они оказались мелкими кварцевыми голышами.

Намъ попалось по дорогѣ нѣсколько маленькихъ деревушекъ; долина была вся прекрасно воздѣлана и весь пейзажъ представлялъ величественную картину. Главная цѣпь Кордильеровъ находилась вблизи отъ насъ, и кругомъ насъ возвышались большіе холмы. Во всѣхъ частяхъ сѣвернаго Чили фруктовыя деревья даютъ гораздо болѣе плодовъ на значительной высотѣ близъ Андовъ, чѣмъ въ ниже лежащей странѣ. Фиги и виноградъ этого округа славятся своимъ вкусомъ и разводятся

въ обширныхъ размѣрахъ. Эта долина, можетъ быть, самая плодородная къ сѣверу отъ Квилоты; жителей въ ней и въ Коквимбо насчитывается 25.000. На слѣдующій день я вернулся въ гасіенду и оттуда уѣхалъ съ домомъ Хозе въ Коквимбо.

2 іюня. Мы отправились къ долинѣ Гуаско, слѣдуя береговой дорогой, считавшейся менѣе безплодной, чѣмъ другая дорога. Первый переходъ привелъ насъ къ одинокому дому, называемому *Yebra Buena*, подлѣ котораго нашлось пастбище для нашихъ лошадей. Ливень, выпавшій, какъ было мною упоминуто, двѣ недѣли тому назадъ, прекратился на полпути до Гуаско; поэтому вначалѣ нашего путешествія мы видѣли зелень очень блѣднаго оттѣнка, но и она вскорѣ исчезла. Даже тѣ мѣста, гдѣ было всего зеленѣе, мало напоминали свѣжую траву съ распускающимися цвѣтами, которую мы видимъ весною въ другихъ странахъ. Проѣзжая этими пустынями, чувствуешь себя плѣнникомъ, прогуливающимся по мрачному тюремному двору, и жаждущимъ взглянуть на свѣжую зелень и подышать свѣжимъ влажнымъ воздухомъ.

3 іюня. Отъ *Yerba Buena* до *Carizal*. Въ началѣ дня мы проѣхали гористую, каменистую пустыню, а позднѣе — длинную, глубокую, песчаную равнину, усѣянную разбитыми морскими раковинами. Воды здѣсь было очень мало и та имѣла солоноватый вкусъ; вся мѣстность отъ берега до Кордильеровъ представляетъ необитаемую пустыню. Я замѣтилъ многочисленные слѣды единственнаго живого животнаго, а именно раковины *Bulimus*; онѣ кучками собираются въ огромномъ количествѣ на самыхъ сухихъ мѣстахъ. Весною одно скромное растеньице покрывается рѣдкими листьями, которые и служатъ пищей улиткѣ *Bulimus*. Такъ какъ эти улитки бываютъ видимы только рано утромъ, когда земля еще смегка увлажнена росою, то гуачо полагаютъ, что улитки родятся изъ росы. Въ другихъ мѣстахъ я замѣтилъ, что крайне сухіе и безплодные округи, съ известковой почвой, чрезвычайно благопріятны для наземныхъ улитокъ. Въ Каризалѣ было нѣсколько деревенскихъ домовъ; нашлась тамъ солоноватая вода и видны были нѣкоторые признаки обработки, но все-таки мы съ трудомъ могли купить немного овса и соломы для нашихъ лошадей.

4 іюня. Отъ Каризаля до Сауса дорога шла тоже по пустыннымъ равнинамъ, на которыхъ паслись стада гуанако. Мы проѣхали и долину Чаньераль, которая хотя и считается самой плодородной между Гуаско и Коквимбо, но такъ узка и содержитъ такъ мало пастбищъ, что намъ не удалось купить корму для нашихъ лошадей. Въ Саусѣ мы нашли очень вѣжливаго стараго господина, завѣдующаго мѣдноплавильней. Въ видѣ особой милости и за очень дорогую цѣну онъ согласился уступить мнѣ пучекъ грязной соломы, что и составило весь ужинъ бѣдныхъ лошадей послѣ цѣлаго дня ѣзды. Въ настоящее время немногія плавильни работаютъ на всемъ пространствѣ Чили, при крайнемъ недостаткѣ топлива и вслѣдствіе чилійской неискусной системы плавленія находятъ болѣе выгоднымъ пересылать руду въ Суанза въ Англію. На другой день мы переѣхали черезъ нѣсколько горъ до Фрейрины, въ долинѣ Гуаско. Съ каждымъ новымъ днемъ пути по направленію къ сѣверу мы замѣчали, что растительность становилась все бѣднѣе и бѣднѣе; даже кактусъ въ видѣ канделябра уступилъ мѣсто другому виду, гораздо меньшихъ размѣровъ. Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ какъ въ сѣверномъ Чили, такъ и въ Перу однообразная гряда облачковъ держится на небольшой высотѣ надъ Тихимъ океаномъ. Съ горъ передъ нами открылся пора-

зительный видъ на это яркое, бѣлое, воздушное поле, простиравшее рукава свои надъ долинами и огибавшее острова и мысы точно такъ же, какъ это дѣлаетъ море въ архипелагѣ Чоносъ и на Огненной Землѣ.

Мы пробыли два дня въ Фрейринѣ. Въ долинѣ Гуаско расположены четыре маленькихъ городка. При входѣ въ долину находится совершенно пустынная гавань, по близости отъ которой нѣтъ совсѣмъ рѣчной воды; въ пяти миляхъ выше находится Фрейрина, длинная разбросанная деревня съ порядочными бѣлыми домами; еще десять миль дальше стоитъ Балленаръ, повыше его—Гуаско Альто, деревня, занимающаяся садоводствомъ и славящаяся своими сушеными плодами. Въ ясный день видъ вверхъ по долинѣ очень красивъ и замыкается вдали покрытыми снѣгомъ Кордильерами, по обѣимъ сторонамъ долины множество пересѣкающихся линій сливаются въ чудной дымкѣ. Передній планъ оригиналенъ вслѣдствіе многихъ параллельныхъ террасъ, расположенныхъ уступами, заключенная между ними полоса зеленой долины съ группами ивъ, служитъ контрастомъ обнаженнымъ холмамъ по обѣимъ сторонамъ. Вся окрестная страна была совершенно безплодна, чему нельзя удивляться, такъ какъ не выпало ни одного дождя въ теченіе тринадцати мѣсяцевъ. Жители съ завистью услыхали о дождѣ, бывшемъ въ Коквимбо; по виду неба они утѣшали себя надеждой, что вскорѣ такое счастіе выпадетъ и на ихъ долю; дѣйствительно надежда ихъ оправдалась,—двѣ недѣли спустя, когда я находился въ Копіапо; здѣсь народъ съ такою же завистію толковалъ объ обильномъ дождѣ, выпавшемъ въ Гуаско. Послѣ двухъ-трехъ сухихъ годовъ, съ однимъ дождемъ за все время, наступаетъ обыкновенно дождливый годъ, въ своемъ родѣ болѣе вредоносный, нежели засуха. Рѣки переполняются и заносятъ гравіемъ и пескомъ узкія полосы земли, которыя однѣ пригодны для воздѣлыванія. Наводненія портятъ также канавы, служащія для орошенія. Три года тому назадъ дожди причинили въ странѣ большое бѣдствіе.

8 іюня. Мы поѣхали въ Балленаръ, названный такъ по имени Балленаха въ Ирландіи, родины семьи О'Гиггинсъ, которая при испанскомъ правительствѣ занимала въ Чили должности президентовъ и генераловъ. Такъ какъ каменистыя горы по обѣимъ сторонамъ были скрыты облаками, то равнины въ видѣ террасъ придавали этой долинѣ сходство съ долиною Санта-Крусъ въ Патагоніи. Проведя одинъ день въ Балленарѣ, я отправился 10-го въ верхнюю часть долины Копіапо. Мы ѣхали цѣлый день по неинтересной странѣ. Мнѣ скучно повторять одни и тѣ же прилагательныя: обнаженный, безплодный. Впрочемъ, эти слова, въ томъ смыслѣ какъ ихъ обыкновенно употребляютъ, имѣютъ сравнительное значеніе, я всегда прилагалъ ихъ къ патагонскимъ равнинамъ, могущимъ похвастать колючими кустарниками и жидкой травой, и эти равнины представляются плодородными въ сравненіи съ сѣвернымъ Чили. Но и здѣсь немного встрѣчается клочковъ земли въ двѣсти ярдовъ, на которыхъ нельзя было бы, при тщательномъ осмотрѣ, отыскать кое-какой кустарникъ, кактусъ или хотя бы лишайникъ, въ почвѣ же скрываются сѣмена, готовыя взойти при первой дождливой зимѣ. Въ Перу встрѣчаются настоящія пустынныя мѣста, занимающія большія пространства. Вечеромъ мы пріѣхали въ долину, въ которой русло ручейка было сырое; поднимаясь вверхъ по руслу, мы добрались до довольно сносной воды. Ночью ручей, не испаряющійся такъ быстро, течетъ на одну милю далѣе, чѣмъ днемъ. Мы нашли здѣсь достаточно топлива для костра, такъ что мѣсто оказалось хорошимъ ночлегомъ для насъ; но для бѣдныхъ животныхъ не нашлось и щепотки травы.

11 іюня. Мы ѣхали, не останавливаясь въ продолженіе двѣнадцати часовъ, пока не достигли старой плавильни, гдѣ мы нашли для себя воду и топливо; но лошади остались опять безъ корма и были заперты въ старомъ дворѣ. Дорога была холмистая, а видъ вдаль открывался интересный по разнообразію цвѣтовъ обнаженныхъ горъ. Жалко было видѣть солнечное сіяніе въ столь ненужной странѣ; такой чудный свѣтъ долженъ былъ бы освѣщать поля и красивые сады. На слѣдующій день мы прибыли въ долину Копіапо. Я сердечно былъ этому радъ, потому что во время всего пути мучился безпокойствомъ: очень было бы непріятно, ужиная, слышать, какъ наши лошади грызли столбы, къ которымъ онѣ были привязаны, и знать, что ничѣмъ не въ состояніи утолить ихъ голодъ. Судя по внѣшнему виду однако, животныя не были заморены, и никто бы не сказалъ, что онѣ пробыли безъ корма въ теченіе пятидесяти пяти часовъ.

У меня было рекомендательное письмо къ г. Бингли, который принялъ меня очень радушно въ гасіендѣ Потреро-Секо. Это помѣстье тянется въ длину на двадцать или тридцать миль, но зато оно занимаетъ очень узкую полосу земли, въ ширину оно имѣетъ всего два поля по обѣ стороны рѣки. Нѣкоторыя мѣста такъ узки, что нельзя даже устроить орошенія, вслѣдствіе чего земля здѣсь не имѣетъ никакой цѣны, такъ же какъ и окружающая каменистая пустыня. Малое количество воздѣланной земли въ этой долинѣ зависитъ не столько отъ неровной почвы, представляющей неудобства для орошенія, сколько отъ недостатка въ водѣ. Въ этомъ году рѣка отличалась замѣчательнымъ полноводіемъ; въ верхней части долины она была лошадямъ по брюхо и занимала въ ширину до 15 ярдовъ, при чемъ теченіе ея было очень быстро; ниже она становится все меньше и меньше и, наконецъ, теряется совсѣмъ; такъ, въ продолженіе тридцати лѣтъ ни одна капля воды изъ нея не доходила до моря. Жители высматриваютъ съ большимъ любопытствомъ бури, разражающіяся на Кордилльерахъ, такъ какъ обильно выпавшій тамъ снѣгъ снабжаетъ ихъ водой на слѣдующій годъ. Снѣгъ имѣетъ гораздо болѣе значенія для низменной части страны, чѣмъ дождь. Дождь однако, каждый разъ, какъ онъ выпадаетъ, что случается приблизительно разъ въ два или три года, тоже очень полезенъ, потому что послѣ него рогатый скотъ и мулы могутъ нѣкоторое время находить немного корма въ горахъ. Но безъ снѣга на Андахъ вся долина терпитъ настоящее бѣдствіе. Говорятъ, что три раза почти все населеніе вынуждено было перекочевать на югъ. Въ этомъ году было изобиліе воды, и каждый обитатель долины орошалъ свою землю, сколько ему хотѣлось; въ другіе же года часто приходилось ставить караулъ изъ солдатъ подлѣ шлюзъ для наблюденія, чтобы каждый землевладѣлецъ не бралъ больше установленнаго количества воды въ продолженіе извѣстнаго числа часовъ въ недѣлю. Населеніе долины исчисляется въ 12.000 жителей, но произведеній ея достаетъ только на три мѣсяца въ году; нужное на остальное время продовольствіе привозится изъ Вальпарайсо и съ юга. До открытія знаменитыхъ серебряныхъ рудниковъ въ Чануджиліо, Копіапо быстро подвигалось къ полному упадку, но теперь страна въ цвѣтущемъ положеніи. Городъ, совсѣмъ разрушенный землетрясеніемъ, уже опять обстроился.

Долина Копіапо, похожая на зеленую ленту среди пустыни, растянулась въ южномъ направленіи, такъ что она имѣетъ значительную долину, начинаясь у подошвы Кордильеровъ. Обѣ долины Гуаско и Копіапо могутъ быть разматриваемы какъ длинные, узкіе острова, отдѣленные отъ остальной части Чили каменистыми пустынями, играющими роль морей.

Къ сѣверу отъ этихъ долинъ находится еще одна жалкая, долина называемая Папозо; она содержитъ около 200 жителей. Дальше идетъ настоящая пустыня Атакама, представляющая преграду гораздо болѣе серьезную, чѣмъ самый бурный океанъ. Проведя нѣсколько дней въ Потреро Секо, я отправился вверхъ по долинѣ къ дону Бенито Крусъ, къ которому у меня было рекомендательное письмо. Онъ встрѣтилъ меня съ величайшимъ гостепріимствомъ вообще, трудно словами достаточно оцѣнить ту ласку, съ которой принимаютъ путешественниковъ вездѣ въ Южной Америкѣ. На слѣдующій день я нанялъ муловъ, намѣреваясь пробраться ущельемъ Холквера къ центральнымъ Кордильерамъ. Ночью погода, казалось, предсказывала снѣжную бурю или дождь; лежа въ постеляхъ, мы ощутили легкій подземный ударъ.

Связь между землетрясеніемъ и состояніемъ погоды часто была оспариваема; мнѣ представляется крайне любопытнымъ этотъ вопросъ, который еще мало выясненъ. Гумбольдъ замѣтилъ въ одной части своей книги «Personal narrative» [1]), что человѣку, долго жившему въ Новой Андалузіи или въ нижнемъ Перу, трудно отрицать нѣкоторую связь между погодой и землетрясеніемъ, но въ другой части книги онъ какъ будто считаетъ эту связь воображаемою. Въ Гваяквилѣ, говорятъ, всегда случается землетрясеніе вслѣдъ за сильнымъ ливнемъ въ сухое время года. Въ сѣверномъ Чили, гдѣ дождь очень рѣдко бываетъ и не только дождь, но даже погода, предсказывающая его, вѣроятіе случайныхъ совпаденій сильно уменьшается; здѣшніе жители однако твердо вѣрятъ въ существованіе какой-то связи между состояніемъ атмосферы и колебаніемъ земли. Меня это очень поразило, когда я разсказывалъ въ Копіапо о сильномъ землетрясеніи, бывшемъ въ Коквимбо; слушавшіе воскликнули: «Какое счастіе! тамъ будетъ много травы въ нынѣшнемъ году». Для нихъ было такъ же несомнѣнно, что землетрясеніе предвѣщало дождь, какъ то, что дождь обѣщалъ обильный кормъ для скота. Дѣйствительно случилось такъ, что въ самый день землетрясенія выпалъ дождь, послѣ котораго, какъ я выше упоминалъ, спустя десять дней, появился легкій покровъ зелени на землѣ. Въ другіе раза бывало такъ, что дождь являлся вслѣдъ за землетрясеніемъ въ такое время года, когда онъ представляется менѣе вѣроятнымъ, нежели самое землетрясеніе; такъ было послѣ землетрясеній въ Вальпарайсо въ ноябрѣ 1822 г., а потомъ въ 1829 г.; то же случалось послѣ землетрясенія въ Такнѣ, въ сентябрѣ 1833 года. Человѣкъ долженъ быть хорошо знакомъ съ климатомъ этихъ странъ, чтобы вполнѣ понять крайнее невѣроятіе дождя въ такія времена года, развѣ только допустить, что дождь явился слѣдствіемъ какого-нибудь закона, совершенно не имѣющаго отношенія къ обыкновеннымъ условіямъ погоды. Что касается сильныхъ вулканическихъ изверженій въ родѣ того, которое случилось въ Козегуино, гдѣ потоки дождя обрушились въ самое необычайное время года и почти неслыханное въ центральной Америкѣ, не трудно понять, что массы паровъ и облака пепла могли нарушить равновѣсіе атмосферы. Гумбольдъ распространяетъ этотъ взглядъ на землетрясенія, не сопровождаемыя изверженіями; но мнѣ представляется едва ли возможнымъ, чтобы незначительное количество парообразнаго

---

1) Personal Narrative, vol. IV, стр. 11; vol. II, стр. 217. Относительно Гваяквиля смотри Silliman's Journal, vol. XXIV, стр. 384. Относительно Такны см. замѣтки г. Гамильтона въ Trans. British Association, 1840; относительно Козегуино см. Колдклю (Caldcleugh) въ Philosophical Transactions, 1835. Въ первомъ изданіи я собралъ нѣсколько указаній на совпаденія, бывающія между внезапнымъ пониженіемъ барометра и землетрясеніями, также между землетрясеніями и метеорами.

вещества, вырывающагося изъ трещинъ почвы, могло имѣть такое значительное дѣйствіе. Есть большое вѣроятіе въ пользу мнѣнія г. П. Скропа, который полагаетъ, что, когда барометръ понижается и можно ожидать дождя, уменьшеніе давленія воздуха на обширное пространство земли можетъ въ извѣстный день привести къ тому, что земная кора, уже и безъ того сильно напряженная подземными силами, наконецъ, поддается, трещитъ и производитъ землетрясеніе. Впрочемъ, остается сомнѣніе, насколько эта мысль можетъ объяснить фактъ проливныхъ дождей, случающихся въ сухое время года, въ теченіе нѣсколькихъ дней, послѣ землетрясенія, не сопровождавшагося изверженіемъ; подобные случаи, какъ видно, указываютъ на какую-нибудь болѣе тѣсную связь между воздушными и подземными явленіями.

Не найдя большого интереса въ этой части ущелья, мы возвратились къ дону Бенито Здѣсь я пробылъ два дня собирая ископаемыя раковины и деревья. Множество окаменѣлыхъ стволовъ поваленныхъ деревьевъ были зарыты въ конгломератъ. Одинъ изъ этихъ стволовъ, измѣренный мною, имѣлъ пятнадцать футовъ въ окружности; какъ удивительно, что каждый атомъ древеснаго вещества въ этомъ огромномъ цилиндрѣ былъ замѣненъ кремнеземомъ, при чемъ сохранились всѣ сосуды и поры! Деревья эти процвѣтали около времени образованія нашего нижняго мѣлового періода; всѣ они принадлежали къ семейству елевыхъ. Забавны были разговоры мѣстныхъ жителей объ ископаемыхъ раковинахъ, собираемыхъ мною; ихъ разсужденія были похожи на то, что говорилось въ Европѣ сто лѣтъ назадъ, а именно: «Естественныя ли это произведенія?» Мои геологическія изслѣдованія вообще вызывали немалое удивленіе со стороны чилійцевъ, и они долго были увѣрены, что я ищу руды. Такое предположеніе причиняло мнѣ иногда неудобства. Я находилъ всего проще объяснять свои занятія, задавая имъ слѣдующіе вопросы: «Неужели имъ самимъ не любопытно было бы узнать причины изверженій и землетрясеній? Почему нѣкоторые источники имѣютъ теплую воду, а другіе—холодную? Отчего въ Чили есть горы, между тѣмъ какъ въ Ла-Платѣ нѣтъ даже ни одного холма? Такіе вопросы въ одно и то же время удовлетворяли и заставляли умолкать большую часть чилійцевъ; нѣкоторые однако (подобно немногимъ англичанамъ, отставшимъ на цѣлый вѣкъ) считали мои вопросы безполезными и безбожными; они находили достаточнымъ думать, что Богъ такъ создалъ горы.

Незадолго передъ моимъ пріѣздомъ сюда, былъ изданъ приказъ убивать всѣхъ бродячихъ собакъ и намъ дорогою попалось много собачьихъ труповъ. Въ послѣднее время бѣсились собаки и онѣ перекусали нѣсколькихъ человѣкъ, которые умерли вслѣдствіе этого. Бывали времена, когда водобоязнь свирѣпствовала въ этой долинѣ. Замѣчательно, что такая странная и ужасная болѣзнь отъ времени до времени появляется въ одномъ и томъ же уединенномъ мѣстѣ. Тотъ же фактъ наблюдался въ Англіи, гдѣ иныя деревни болѣе подвержены эпидеміямъ водобоязни, нежели другія. Докторъ Унану говоритъ, что эта болѣзнь впервые стала извѣстна въ Южной Америкѣ въ 1803 году; Азара и Уллоа подтверждаютъ это мнѣніе, потому что они ничего о водобоязни не слыхали въ свое время. Докторъ Унану говоритъ, что водобоязнь возникла въ Центральной Америкѣ, откуда она медленно распространялась къ югу. Она достигла Аргентины въ 1807 году; говорятъ, что тамъ нѣсколько человѣкъ, не укушенныхъ бѣшеной собакой, заболѣли этой болѣзнью, также какъ негры, поѣвшіе мяса быка, который палъ отъ водобоязни.

Въ Икѣ сорокъ два человѣка погибли такимъ образомъ. Болѣзнь проявлялась въ періодъ отъ двѣнадцати до девяноста дней со дня укуса; въ тѣхъ случаяхъ, когда она наступала, смерть неизбѣжно слѣдовала черезъ пять дней. Послѣ 1808 года наступилъ долгій промежутокъ, когда не проявлялось вовсе случаевъ водобоязни. Разспрашивая о Вандименовой Землѣ и объ Австраліи, я узналъ, что тамъ нѣтъ этой болѣзни; Бурчель говоритъ, что во время пятилѣтняго пребыванія на мысѣ Доброй Надежды, онъ ни разу не слышалъ о случаѣ водобоязни. Вебстеръ утверждаетъ, что ея никогда не бывало на Азорскихъ островахъ; то же самое было засвидѣтельствовано по отношенію къ островамъ Маврикія и Св. Елены [1]). Можно было бы добиться какихъ-нибудь свѣдѣній объ этой странной болѣзни, разсматривая обстоятельства, при которыхъ она возникаетъ въ далекихъ странахъ: невѣроятно, чтобы собака уже укушенная могла быть завезена въ далекое мѣсто.

Ночью пріѣхалъ незнакомецъ къ дону Бенито, прося позволенія переночевать у него въ домѣ. Онъ разсказывалъ, что сбился съ дороги и плуталъ въ горахъ въ продолженіе 17 дней. Онъ выѣхалъ изъ Гуаско, и такъ какъ ему было знакомо путешествіе въ Кордильерахъ, то онъ надѣялся безъ затрудненій пробраться въ Копіапо; но вскорѣ очутился посреди лабиринта горъ и не зналъ, какъ найти выходъ. Нѣсколько изъ его муловъ попадали въ пропасти, и онъ находился въ самомъ печальномъ положеніи. Главное его затрудненіе заключалось въ томъ, что онъ не зналъ, гдѣ отыскать воду въ низменной части страны, такъ что онъ былъ вынужденъ держаться центральныхъ высотъ.

Мы вернулись, спускаясь по долинѣ, и 22 числа прибыли въ городъ Копіапо. Нижняя часть долины широка и образуетъ прекрасную равнину, похожую на равнину Киллоты. Городъ широко раскинулся, потому что при каждомъ домѣ есть садъ; но онъ неудобенъ, и жилища въ немъ плохо устроены. Жители всѣ имѣютъ въ виду одну цѣль жизни: нажиться и какъ можно скорѣе уѣхать отсюда. Всѣ болѣе или менѣе заинтересованы въ горномъ дѣлѣ, и единственными предметами разговора служатъ рудники и руда. Предметы необходимости чрезвычайно дороги, потому что городъ отстоитъ отъ порта на 18 миль, а подвозъ сухимъ путемъ стоитъ очень дорого. Курица обходится въ пять, шесть шиллинговъ, мясо почти такъ же дорого, какъ въ Англіи; дрова для топлива, точнѣе сказать хворостъ, привозятся на ослахъ съ Кордильеровъ, изъ мѣстъ, отдаленныхъ на два-три дня пути; прокормъ скота стоитъ шиллингъ въ день; все это для Южной Америки неслыханно дорого.

26 іюня. Я нанялъ проводника и восемь муловъ, желая проѣхать въ Кордильеры по другой дорогѣ, чѣмъ та, которой я слѣдовалъ въ прошлую экскурсію. Такъ какъ насъ ожидала пустынная дорога, то мы запаслись большимъ количествомъ ячменя съ рубленой соломой. Мили двѣ повыше города, широкая долина, называемая «*Despoblado*», что значитъ—необитаемая, отдѣляется отъ той, которой мы ѣхали. Долина эта отличается величественными размѣрами и ведетъ къ проходу въ Кордильерахъ, но она совершенно суха, исключая, можетъ быть, нѣсколькихъ дней во время дождливой зимы. Обсыпающіеся края горъ почти не имѣютъ ущелій, а дно главной долины, покрытое голышами, представляетъ гладкую, почти ровную поверхность. По этой ложбинѣ изъ галешника никогда, по-

[1]) Odserva. Sobre el clima de Lima, p. 67; Azara Travels, vol. i. p. 381; Ulloa, voyage, часть II, стр. 28. Burchell Travels, часть II, стр. 524. Webster, Description of the Azores, стр. 124. Voyage à l'Isle de France, par un officier du Roi, часть I, стр. 248. Description of S. Helena, стр. 123.

видимому, не протекалъ значительный потокъ, иначе онъ проложилъ бы себѣ русло съ утесистыми берегами, какъ во всѣхъ южныхъ долинахъ. Я почти увѣренъ, что эта долина, подобно долинамъ въ Перу, о которыхъ писали путешественники, осталась въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее теперь видимъ, послѣ того какъ отступило отъ нея море при постепенномъ поднятіи материка. Я замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ «*Despoblado*» переходитъ въ ущелье (которое во всякой другой цѣпи называлось бы обширной долиной), что ложе его (Despoblado), хотя и состоитъ только изъ песка и голешника, выше ложа его боковой вѣтви. Малѣйшій ручеекъ въ одинъ часъ проложилъ бы тутъ русло; но было ясно, что проходили вѣка, никакой ручей не появлялся въ этой долинѣ. Любопытно было видѣть въ полномъ бездѣйствіи механизмъ для орошенія, если можно такъ выразиться, совершенный во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ одного. Каждый, я думаю, замѣчалъ что мели послѣ отлива представляютъ въ маленькомъ видѣ страну съ холмами и долинами; здѣсь же мы видѣли оригиналъ этой модели, образовавшійся изъ скалъ отъ дѣйствія волнъ по мѣрѣ того какъ море удалялось въ теченіе вѣковъ, вслѣдствіе поднятія материка. Дожди, падающіе на отмели еще глубже протачиваютъ образовавшіяся мелкія впадины. То же самое дѣйствіе производятъ дожди въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ на мели изъ камня и почвы, которыя мы называемъ материками.

Мы ѣхали до сумерекъ, пока не достигли бокового ущелья съ небольшимъ колодцемъ, носящимъ названіе «Agua Amarga». Вода этого колодца заслуживала свое названіе, потому что, кромѣ того, что она была солона, она имѣла пренепріятный запахъ гнили и отличалась горечью, такъ что мы не могли себя заставить пить ни чай, ни мате. Я думаю, что отъ рѣки Копіапо до этого мѣста было по крайней мѣрѣ двадцать пять или тридцать англійскихъ миль; на всемъ этомъ протяженіи мы не нашли ни капли воды. Страна вполнѣ достойна быть названной пустыней.

Однако на полпути мы проѣхали мимо старинныхъ индѣйскихъ развалинъ, близъ Пунта-Горда. Я замѣтилъ такъ же въ началѣ нѣкоторыхъ изъ долинъ, идущихъ въ стороны отъ Деспобладо, по двѣ груды камней, сложенныхъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и какъ будто обозначавшихъ входъ въ эти маленькія долины. Мои спутники не знали, что означаютъ эти камни, и на мои вопросы невозмутимо отвѣчали только: «Quien sabe?»

Я замѣтилъ индѣйскія развалины въ различныхъ частяхъ Кордильеровъ; самыя прекрасныя изъ нихъ были развалины Тампиліо въ проходѣ Успаллата. Среди нихъ виднѣлись небольшія квадратныя комнатки, скученныя въ отдѣльныя группы; нѣкоторыя двери уцѣлѣли, и сдѣланы онѣ были изъ каменной плиты вышиною только около трехъ футовъ. Уллоа говоритъ о томъ, что въ древнихъ перуанскихъ жилищахъ двери были низки. Эти дома должны были быть очень помѣстительны. По преданію они служили мѣстами отдохновенія для инковъ во время переѣзда ихъ черезъ горы. Слѣды индѣйскихъ жилищъ были найдены во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя предположить, чтобы они служили только станціями; однако земля вокругъ нихъ такъ же негодна для обработки и воздѣлыванія какихъ бы то ни было растеній, какъ и земли близъ Тампиліо, у моста Инковъ и въ проходѣ Портильо; во всѣхъ этихъ мѣстахъ я видѣлъ индѣйскія развалины. Мнѣ разсказывали, что въ ущельѣ Хахуэль, близъ Аконкагуа, гдѣ нѣтъ вовсе прохода, существуютъ остатки домовъ, расположенные на большой высотѣ, гдѣ очень холодно и почва

крайне безплодная. Сначала я представилъ себѣ, что всѣ эти развалины указываютъ на мѣста, куда укрывались индѣйцы при первомъ прибытіи испанцевъ, но потомъ я сталъ думать, что могла здѣсь произойти нѣкоторая перемѣна въ климатѣ.

Въ сѣверной части Чили, въ Кордильерахъ, говорятъ, встрѣчается особенно много старинныхъ индѣйскихъ жилищъ. При разслѣдованіи этихъ развалинъ нерѣдко находятъ клочки шерстяныхъ тканей, различные инструменты изъ драгоцѣнныхъ металловъ и початки кукурузы. Мнѣ дали наконечникъ стрѣлы изъ агата, точно такой же формы, какъ тѣ, которые въ настоящее время употребляются на Огненной Землѣ. Я знаю, что перуанскіе индѣйцы и теперь часто поселяются въ самыхъ высокихъ и холодныхъ мѣстахъ; въ Копіапо меня даже увѣряли люди, проведшіе всю жизнь въ путешествіяхъ по Андамъ, что индѣйскія жилища (muchissimas) встрѣчаются въ большомъ количествѣ на такихъ высотахъ, которыя почти граничатъ съ вѣчными снѣгами, тамъ, гдѣ нѣтъ проходовъ, гдѣ земля не производитъ рѣшительно ничего и, что еще удивительнѣе, гдѣ нѣтъ совсѣмъ воды. Несмотря на все это, по мнѣнію мѣстныхъ жителей (хотя они сами этому удивляются) индѣйцы, судя по виду домовъ, очевидно, жили въ нихъ. Въ долинѣ, около Пунта-Горда, развалины состояли изъ семи или восьми квадратныхъ небольшихъ комнатъ, имѣвшихъ форму одинаковую съ тѣми, которыя находятся въ Тампиліо, но построенныхъ преимущественно изъ глины; прочность ихъ такова, что нынѣшніе жители ни въ этой странѣ, ни, по словамъ Уллоа, въ Перу не могутъ подражать ей въ своихъ постройкахъ. Развалины эти стоятъ на самомъ видномъ и беззащитномъ мѣстѣ, въ глубинѣ плоской и широкой долины. Воды нельзя было найти ближе чѣмъ въ трехъ или четырехъ миляхъ, и то въ очень незначительномъ количествѣ; сверхъ того, вода была дурная.

Почва была совершенно безплодна, такъ что я напрасно разыскивалъ даже лишайники на скалахъ. Въ настоящее время едва ли возможно съ выгодой разрабатывать рудникъ (развѣ что особенно богатый рудою), несмотря на помощь отъ вьючнаго скота. И, однако же, въ прежнее время индѣйцы выбрали это мѣсто для своего поселка! Если бъ теперь стали выпадать дожди два или три раза въ годъ, вмѣсто одного раза, то маленькій ручей образовался бы въ долинѣ, и тогда можно было бы посредствомъ орошенія (въ которомъ индѣйцы были такъ искусны) сдѣлать почву достаточно плодородной для содержанія нѣсколькихъ семействъ.

У меня есть убѣдительныя доказательства въ пользу того мнѣнія, что эта часть южно-американскаго материка поднялась у береговъ по крайней мѣрѣ на 400 или 500 футовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже на 1000 и на 1300 футовъ со времени появленія современныхъ раковинъ; далѣе внутрь страны почва поднялась, можетъ быть, и еще выше.

Такъ какъ особенно сухое свойство этого климата является, очевидно, слѣдствіемъ высоты Кордильеровъ, то мы можемъ быть почти увѣрены, что до послѣднихъ повышеній почвы воздухъ не могъ быть до такой степени сухъ, какъ теперь, и такъ какъ поднятіе происходило постепенно, то и перемѣна климата должна была совершаться постепенно. Предположивъ, что климатъ измѣнился, съ тѣхъ поръ какъ постройки были обитаемы, надо считать развалины чрезвычайно древними; впрочемъ, я не думаю, чтобы, при чилійскомъ климатѣ, было трудно сохраниться развалинамъ. Мы должны признать съ той же точки зрѣнія (а это, можетъ быть, нѣсколько труднѣе), что человѣкъ живетъ въ Южной

Америкѣ съ очень давняго времени, потому что всякое измѣненіе климата, произведенное поднятіемъ почвы, должно было совершаться очень постепенно. Въ Вальпарайсо за послѣднія 220 лѣтъ почва поднялась немного меньше чѣмъ на 19 футовъ. Въ Лимѣ морской берегъ, несомнѣнно, поднялся на 80—90 футовъ уже въ теченіе періода существованія индѣйской расы; но такое сравнительно незначительное поднятіе не могло бы имѣть сильнаго вліянія въ отклоненіи воздушныхъ токовъ, несущихъ влагу. Докторъ Лундъ нашелъ, однако, человѣческіе скелеты въ бразильскихъ пещерахъ, видъ которыхъ заставилъ его предположить, что индѣйская раса существовала въ Южной Америкѣ въ продолженіе обширнаго періода времени.

Когда я былъ въ Лимѣ, мнѣ случилось разговаривать объ этомъ съ м. Джилемъ [1]), гражданскимъ инженеромъ, знавшимъ хорошо внутреннюю часть страны. Онъ говорилъ мнѣ, что и онъ думалъ иногда объ измѣненіи климата; но онъ полагаетъ, что большая часть страны, ставшая теперь негодной къ воздѣлыванію и покрытая индѣйскими развалинами, была приведена въ такое состояніе вслѣдствіе того, что водопроводы, которые въ былое время сооружались индѣйцами въ такихъ удивительныхъ размѣрахъ, пришли въ упадокъ отъ небрежности и подземныхъ переворотовъ. Замѣчу кстати, что перуанцы проводили свои каналы черезъ тоннели, сквозь твердый камень утесовъ. М. Джиль говорилъ мнѣ, что ему, какъ инженеру, было поручено изслѣдовать одинъ изъ этихъ тоннелей, и онъ нашелъ низкій, извилистый, узкій проходъ, не вездѣ одинаковыхъ размѣровъ въ ширину, но зато очень длинный. Не удивительно ли, что люди могли затѣвать такого рода предпріятія безъ помощи желѣза и пороха? Еще м. Джиль упоминалъ крайне любопытный и, насколько мнѣ извѣстно, небывалый случай: землетрясеніе измѣнило оросительную систему страны. Проѣзжая отъ Каемы до Гуэраца (недалеко отъ Лимы), онъ видѣлъ равнину, покрытую развалинами и носившую слѣды древняго воздѣлыванія, но въ настоящее время представлявшую совершенно безплодную мѣстность. Неподалеку находилось высохшее русло значительной рѣки, откуда отводилась въ прежнее время вода для орошенія. По внѣшнему виду русла нельзя было судить о времени, когда здѣсь протекала рѣка; можно было думать, что еще недавно она несла здѣсь свои воды; мѣстами виднѣлись осадки песка и гравія; мѣстами въ каменной ложбинѣ былъ прорытъ глубокій каналъ, имѣвшій въ одномъ мѣстѣ около сорока или пятидесяти ярдовъ въ ширину и 8 футовъ въ глубину. Очевидно, что человѣкъ, поднимаясь вверхъ по рѣкѣ, идетъ болѣе или менѣе въ гору; поэтому м. Джиль очень удивился, замѣтивъ, что, подвигаясь вверхъ вдоль русла этой древней рѣки, онъ на самомъ дѣлѣ спускался съ холма. Онъ предполагаетъ, что паденіе было въ 40 или 50 футовъ. Передъ нами, слѣдовательно, несомнѣнное доказательство того, что горная цѣпь поднялась прямо поперекъ древняго русла рѣки; съ той минуты, какъ русло такимъ образомъ изогнулось сводомъ, вода должна была отступить и проложить себѣ новый путь. Къ этому же времени относится, вѣроятно, и запустѣніе равнины, утратившей источникъ своего плодородія.

---

[1]) Темпль въ своемъ путешествіи по Верхнему Перу или Боливіи разсказываетъ, что, проѣзжая отъ Потози къ Оруро, онъ видѣлъ „много индѣйскихъ деревень въ развалинахъ вплоть до самыхъ вершинъ горъ, что свидѣтельствовало о былой населенности мѣстъ, гдѣ теперь все необитаемо“. Онъ замѣчаетъ то же самое и въ другомъ мѣстѣ; но я не могу сказать, отъ чего произошло тамъ такое запустѣніе: отъ недостатка ли населенія или отъ измѣненія условій страны.

27 іюня. Мы выѣхали рано утромъ и къ полудню добрались до ущелья Пайпоте, гдѣ протекаетъ небольшой ручеекъ; подлѣ него растетъ скудная трава и даже нѣсколько деревьевъ *алгарробы*, изъ породы мимозъ. Такъ какъ здѣсь можно достать топливо, то въ прежнее время была выстроена плавильня; мы застали при ней одинокаго караульщика, который занимался единственно охотой за гуанако. Ночью былъ сильный морозъ, но мы запаслись хорошимъ запасомъ топлива, такъ что могли все время грѣться у костра.

28 іюня. Мы продолжали постепенно подниматься; долина перешла въ ущелье. Въ продолженіе дня намъ попадались гуанако; видѣли мы также слѣды близкаго къ гуанако вида—вигони: это животное вполнѣ горное по своему образу жизни; оно рѣдко спускается ниже предѣла вѣчнаго снѣга, а потому бродитъ по мѣстамъ еще болѣе возвышеннымъ и безплоднымъ, чѣмъ гуанако. Кромѣ этихъ звѣрей, мы встрѣтили еще довольно много лисицъ мелкой породы; я думаю, что онѣ питаются мышами и другими маленькими грызунами, водящимися въ большомъ количествѣ и въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ только есть хоть бѣдная растительность. Въ Патагоніи, даже на берегахъ соляныхъ озеръ, гдѣ нельзя достать ни капли прѣсной воды, кромѣ росы, они водятся во множествѣ. Послѣ ящерицъ мыши обладаютъ наибольшей способностью жить въ самыхъ ограниченныхъ и сухихъ мѣстностяхъ земного шара, даже на островкахъ посреди обширныхъ океановъ.

Картина, разстилавшаяся кругомъ насъ, была полна унынія; это уныніе было особенно ощутимо подъ яснымъ безоблачнымъ небомъ. Сначала такой видъ производитъ величественное впечатлѣніе, но, когда къ нему приглядишься, онъ становится неинтереснымъ. Мы расположились у подошвы «*primera linea*», т.-е. первой линіи водораздѣла. Впрочемъ, рѣки съ восточной стороны текутъ не въ Атлантическій океанъ, а въ возвышенный округъ, среди котораго находится большая *salina*, или соляное озеро; такимъ образомъ на высотѣ, можетъ быть, 10.000 футовъ образуется малое подобіе Каспійскаго моря. Тамъ, гдѣ мы ночевали, были довольно большія полосы снѣга, но онъ не держится круглый годъ. Вѣтеръ на этихъ высотахъ очень правиленъ: днемъ дуетъ свѣжій вѣтерокъ вверхъ по долинѣ, а вечеромъ, часъ или два спустя послѣ заката солнца, холодный вѣтеръ спускается, точно черезъ воронку, съ горныхъ вершинъ. Въ эту ночь поднялась сильная буря, и температура, должно быть, упала значительно ниже точки замерзанія, потому что вода въ сосудѣ вскорѣ превратилась въ кусокъ льда. Все, что было надѣто на мнѣ, какъ будто совсѣмъ не защищало отъ холода, такъ что я не могъ заснуть и всталъ поутру совершенно окоченѣлый.

Въ Кордильерахъ, дальше къ югу, люди погибаютъ отъ метелей, здѣсь же то же самое случается отъ другой причины. Мой проводникъ, будучи мальчикомъ 14 лѣтъ, проходилъ съ партіей путешественниковъ черезъ Кордильеры въ маѣ мѣсяцѣ; когда они находились въ центральной части, поднялся страшный вѣтеръ, такъ что люди могли едва держаться на своихъ мулахъ, а камни такъ и сыпались кругомъ нихъ. День стоялъ безоблачный, и ни снѣжинки не выпало во время бури, но температура была низкая; очень вѣроятно, что термометръ не показалъ бы многихъ градусовъ мороза, но люди, плохо защищенные одеждой, особенно пострадали отъ быстраго теченія холоднаго воздуха. Буря продолжалась больше сутокъ; путешественники стали ослабѣвать, а мулы отказывались двигаться дальше. Братъ моего проводника попробовалъ вернуться назадъ, но онъ погибъ. Его тѣло было найдено два

года спустя лежащимъ рядомъ съ муломъ, при чемъ рука все еще держала уздечку.

Двое другихъ изъ числа путешественниковъ лишились пальцевъ на рукахъ и на ногахъ, между тѣмъ какъ изъ двухсотъ муловъ и тридцати коровъ только четырнадцать муловъ остались живы. Много лѣтъ тому назадъ исчезла большая партія путешественниковъ; полагаютъ, что они погибли такимъ же образомъ, но ихъ тѣла не были никогда найдены. Низкая температура и сильнѣйшій вѣтеръ при безоблачномъ небѣ представляютъ, я думаю, рѣдкое по сочетанію явленіе во всѣхъ частяхъ свѣта.

29 іюня. Мы съ радостью спустились по долинѣ къ мѣсту нашего перваго ночлега, а оттуда въ Агуа-Амарга. Перваго іюля мы были уже въ долинѣ Копіано. Запахъ свѣжаго клевера доставилъ намъ настоящее наслажденіе послѣ воздуха въ сухомъ, безплодномъ Деспобладо, лишенномъ какого бы то ни было благоуханія. Во время своего пребыванія въ городѣ я слышалъ отъ нѣсколькихъ жителей разсказы о горѣ «el Bramador», т.-е. ревунъ, находящейся въ окрестностяхъ города. Я не обратилъ тогда достаточнаго вниманія на этотъ разсказъ, но, насколько я могъ понять, сущность его заключалась въ томъ, что гора, покрыта пескомъ, и шумъ на ней происходитъ только тогда, когда песокъ приходитъ въ движеніе подъ давленіемъ ногъ людей, восходящихъ на гору. Совершенно то же самое было признано и на основаніи словъ Зетцена и Эренберга [1]), какъ причина звуковъ, слышанныхъ многими путешественниками на Синайской горѣ, близъ Чермнаго моря. Одинъ человѣкъ, съ которымъ мнѣ пришлось разговаривать, самъ слышалъ этотъ шумъ и разсказывалъ о немъ, какъ о чемъ, то очень странномъ; изъ его словъ ясно было, что хотя онъ самъ не понималъ причины явленія, но замѣтилъ, что раздавался шумъ только въ томъ случаѣ, если песокъ скатывался по склону горы. Лошадь, ступая по сухому, крупному песку, производитъ совсѣмъ особенный скрипъ, зависящій отъ тренія песчинокъ,— обстоятельство, нѣсколько разъ замѣченное мною на бразильскомъ берегу.

Три дня спустя я узналъ, что «Бигль» прибылъ въ портъ, отстоявшій на 18 миль отъ города. По всей долинѣ очень мало воздѣланной земли; обширное пространство ея покрыто жалкой, жесткой травой, которую даже ослы едва рѣшаются ѣсть. Такая бѣдность растительности зависитъ отъ большого количества соляныхъ частицъ, которыми пропитана почва. Портъ состоитъ изъ кучки бѣдныхъ хижинъ, стоящихъ на краю безплодной долины. Въ настоящее время, такъ какъ рѣка довольно полноводна, чтобы доходить до моря, жители маленькаго поселка пользуются прѣсной водой, протекающей отъ нихъ не болѣе какъ въ полутора миляхъ. На берегу лежали большіе склады разнаго товара, и во всемъ мѣстечкѣ замѣтно было оживленіе. Вечеромъ я сердечно распростился съ моимъ спутникомъ Маріано Гонзалесомъ; мы съ нимъ проѣхали много миль вмѣстѣ по территоріи Чили. На слѣдующее утро «Бигль» ушелъ по направленію къ Иквикѣ.

12 іюля. Мы стали на якорѣ въ гавани Иквикѣ, на перуанскомъ берегу, подъ $20^{0}12'$ широты. Въ городѣ насчитываютъ около тысячи жителей; онъ стоитъ среди небольшой песчаной равнины, у подошвы большой скалистой стѣны въ 2000 футовъ вышины, образующей здѣшній берегъ. Общій видъ совершенно пустынный. За нѣсколько лѣтъ вы-

---

[1]) „Edinburgh Philosophical Journal", январь 1830, стр. 74, и апрѣль 1830, стр. 258. Также „Daubeny on Volcanoes", стр. 438, и „Bengal Journ., т. VII, стр. 324.

падаетъ одинъ небольшой дождь, вслѣдствіе чего овраги завалены мелкими обломками камней, а склоны горъ покрыты кучами мелкаго бѣлаго песка, достигающаго мѣстами 1000 футовъ въ вышину. Въ это время года густыя облака, разстилающіяся надъ океаномъ, рѣдко поднимаются выше береговыхъ скалъ. Мѣстечко это производило самое мрачное впечатлѣніе. Маленькая гавань съ своими немногими кораблями и небольшой группой жалкихъ домиковъ казалась подавленной окружающею природой и въ полномъ несоотвѣтствіи съ ней.

Жители живутъ здѣсь, какъ будто они находятся въ дорогѣ; воду привозятъ сюда на лодкахъ изъ Пизагвы, расположенной въ 40 миляхъ къ сѣверу, и продаютъ бочку, вмѣщающую 18 галлоновъ воды, за 9 реаловъ (4 шил. 6 пенс.); я купилъ бутылку воды за 3 пенса. Точно такъ же доставляется сюда топливо и, разумѣется, всѣ пищевые продукты составляютъ тоже предметъ ввоза. Въ такомъ мѣстѣ не легко содержать скотъ. На другое утро я съ трудомъ нанялъ за четыре фунта стерлинговъ двухъ муловъ и проводника, съ тѣмъ чтобы проѣхать на селитряныя копи. Эти копи составляютъ единственное богатство Иквикве въ настоящее время. Селитра въ первый разъ была вывезена въ Европу въ 1830 году: въ теченіе одного года ее вывезли во Францію и въ Англію на сумму въ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Она идетъ больше всего на добываніе азотной кислоты и на удобреніе; для пороха она не годится, потому что она имѣетъ свойство легко расплываться. Въ прежнее время въ окрестностяхъ Иквикве находились двѣ очень богатыя серебряныя копи; но ихъ производство стало теперь очень незначительно. Нашъ пріѣздъ въ портъ возбудило нѣкоторое безпокойство. Въ Перу въ это время царствовала анархія и, такъ какъ всѣ партіи требовали контрибуціи, бѣдный городокъ впалъ въ уныніе, считая себя погибшемъ. Кромѣ того здѣшнее населеніе имѣло и свои домашнія невзгоды: незадолго передъ этимъ три французскихъ плотника взломали въ одну ночь двери въ двухъ церквахъ и украли всю утварь; впрочемъ, одинъ изъ воровъ потомъ сознался, и утварь была возвращена. Преступниковъ отправили въ Ареквипу, отстоящую отсюда на 200 миль, хотя она и считается столицей этой провинціи; здѣсь начальство пожалѣло наказывать столь полезныхъ работниковъ, способныхъ сдѣлать какую угодно мебель; поэтому ихъ освободили. Тогда церкви подверглись новому ограбленію, и на этотъ разъ церковную утварь не удалось болѣе возвратить. Жители пришли въ большое негодованіе и, объявивъ, что только еретики могутъ «обобрать Господа Бога», начали пытать какихъ-то англичанъ, намѣреваясь потомъ разстрѣлять ихъ. Власти однако, наконецъ, вмѣшались въ это дѣло, и миръ былъ возстановленъ.

13 іюля. Утромъ, на другой день, я поѣхалъ на селитряныя копи, до которыхъ было 14 миль. Поднявшись на крутыя береговыя горы песчаной тропинкой, шедшей зигзагомъ вверхъ, мы скоро увидали копи Гвантахая и Санъ-Роза. Эти двѣ небольшія деревушки расположены у самаго входа въ копи; выступая наверху холмовъ, онѣ производили еще болѣе унылое и странное впечатлѣніе, чѣмъ городъ Иквикве. Мы только вечеромъ добрались до селитряныхъ копей, потому что весь день ѣхали по холмистой мѣстности, имѣвшей видъ совершенной пустыни. Дорога была усѣяна костями и высохшими шкурами вьючныхъ животныхъ, которыя погибли здѣсь отъ усталости. Исключая *Vultur aura*, вида грифовъ, питающихся падалью, я не видѣлъ ни птицъ, ни млекопитающихъ, ни пресмыкающихся, ни насѣкомыхъ. На береговыхъ горахъ, на высотѣ около 2000 футовъ, гдѣ въ это время обыкновенно бываютъ

облака, росли рѣдкіе кактусы въ разсѣлинахъ скалъ; сыпучій песокъ покрытъ лишайникомъ, который лежитъ на поверхности, ни къ чему не прикрѣпленный. Растеніе это принадлежитъ къ роду Cladonia и нѣсколько похоже на оленій мохъ. Мѣстами лишайника было такъ много, что издали песокъ казался блѣдно-желтымъ. На пути дальше внутрь страны, на разстояніи четырнадцати миль, я замѣтилъ только еще одно произведеніе растительнаго царства: то былъ мелкій желтый лишайникъ, растущій на костяхъ мертвыхъ муловъ. Въ первый разъ я увидалъ настоящую пустыню, но она не произвела на меня особеннаго впечатлѣнія, вѣроятно, вслѣдствіе того, что я постепенно привыкалъ къ пустыннымъ мѣстамъ, въ то время, какъ направлялся на сѣверъ отъ Вальпарайсо черезъ Коквимбо въ Копіано. Мѣстность, которую я теперь имѣлъ передъ собой, была тѣмъ замѣчательна, что она была покрыта толстой корой обыкновенной поваренной соли и слоистымъ солончаковымъ наносомъ, который осѣлъ тутъ, вѣроятно, въ то время какъ земля медленно поднималась изъ моря. Соль эта бѣла, очень тверда и плотна; она встрѣчается въ видѣ вымытыхъ водою желваковъ, выдающихся среди слежавшагося песка и смѣшанныхъ съ гипсомъ въ большомъ количествѣ. Видъ поверхности почвы очень напоминалъ мѣстность, на которую выпалъ снѣгъ и мѣстами не успѣлъ разстаять—тамъ, гдѣ онъ слежался грязными глыбами. Присутствіе такой сплошной коры, состоящей изъ вевещества, легко растворимаго, указываетъ на необыкновенную сухость воздуха въ продолженіе долгаго періода времени.

Ночь я провелъ въ домѣ одного изъ владѣльцевъ копей. Страна здѣсь такъ же безплодна, какъ и на берегу; но воду, правда горькую и солоноватую, можно добывать изъ рытыхъ колодцевъ. Колодезь при домѣ, гдѣ я ночевалъ, имѣлъ тридцать шесть ярдовъ глубины. Вода, очевидно, не дождевого происхожденія, такъ какъ дождя здѣсь почти не бываетъ; а если бы она и происходила отъ дождя, то была бы непремѣнно солона, потому что вся окружающая почва пропитана различными солями. Слѣдовательно, мы должны заключить, что она просачивается подъ землею изъ Кордильеровъ, несмотря на отдаленность ихъ отсюда. По дорогѣ къ Кордильерамъ встрѣчается нѣсколько деревушекъ, жители которыхъ располагаютъ большимъ количествомъ воды и потому могутъ орашать маленькіе участки земли; тутъ они имѣютъ покосы, дающіе кормъ муламъ и осламъ, служащимъ для перевозки селитры. Азотнокислый натръ продается теперь на берегу по 14 шиллинговъ за сто фунтовъ: главный расходъ въ доставкѣ селитры изъ копей къ морскому берегу, гдѣ ее нагружаютъ на корабли. Залежь состоитъ изъ твердаго слоя, толщиною отъ двухъ до трехъ футовъ, содержащаго азотнокислую соль съ небольшой примѣсью сѣрнокислаго натра и съ довольно значительнымъ количествомъ простой поваренной соли. Слой этотъ находится подъ самой поверхностью и тянется на протяженіи полутораста миль вдоль краевъ обширнаго бассейна, или равнины; судя по очертанію этой равнины, она, очевидно, была нѣкогда озеромъ или, еще вѣроятнѣе, рукавомъ моря, врѣзавшимся въ материкъ, что можно предположить на томъ основаніи, что въ соляномъ слоѣ есть іодистыя соединенія. Равнина лежитъ на высотѣ 3.300 футовъ надъ уровнемъ Тихаго океана.

19 іюля. Мы бросили якорь въ бухтѣ Каллао, приморскомъ портѣ Лимы, столицы Перу. Здѣсь мы пробыли шесть недѣль, но вслѣдствіе неспокойнаго состоянія общественныхъ дѣлъ я мало могъ осмотрѣть страну. Во все время нашего пребыванія климатъ далеко не былъ такъ пріятенъ, какъ его, обыкновенно описываютъ. Тяжелая завѣса тучъ дер-

жалась надъ всей страной и постоянно застилала видъ на Кордильеры, позади Лимы; мнѣ только разъ удалось полюбоваться ими сквозь разорванныя облака, когда видъ на эти горы, громоздившіяся одна надъ другою, былъ дѣйствительно очень величественъ. Полное отсутствіе дождя въ нижней части Перу вошло почти въ поговорку. Однако врядъ ли можно считать правильнымъ такое мнѣніе, потому что все время, что мы здѣсь стояли, въ городѣ стоялъ моросящій туманъ, отъ котораго улицы становились грязными и платье дѣлалось влажнымъ; мѣстные жители придумали называть это перуанской росой. Что здѣсь не бываетъ частыхъ дождей, это точно, такъ какъ крыши домовъ сдѣланы изъ затвердѣвшей грязи, а въ гавани лежатъ кучи пшеницы по цѣлымъ недѣлямъ, ничѣмъ не покрыться.

Не могу сказать, чтобы мнѣ понравилось то немногое, что я видѣлъ въ Перу; говорятъ впрочемъ, что лѣтомъ погода бываетъ гораздо пріятнѣе. Во всѣ времена года, мѣстные жители и пріѣзжіе страдаютъ сильными припадками лихорадки. Болѣзнь эта распространена по всему побережью Перу, но ея не знаютъ внутри страны. Болѣзненные припадки, вызываемые міазмами, всегда кажутся очень таинственными. Судить по внѣшнему виду страны о томъ, здорова ли она или нѣтъ, такъ трудно, что всякій человѣкъ, которому предложили бы выбрать подъ тропиками какое-нибудь мѣсто, благопріятное для здоровья, указалъ бы на этотъ берегъ, судя по внѣшнимъ признакамъ. Равнина, окружающая Каллао, скудно покрыта грубой травой, а мѣстами есть на ней очень маленькіе прудочки стоячей воды. Отсюда, вѣроятно, и распространяются міазмы, потому что городъ Арика находился прежде въ точно такихъ же условіяхъ; когда же въ немъ осушили нѣсколько маленькихъ прудочковъ, климатъ его сдѣлался гораздо здоровѣе. Міазмы не всегда происходятъ отъ роскошной растительности при жаркомъ климатѣ; многія мѣста въ Бразиліи, даже тамъ, гдѣ есть болота и богатая растительность, несравненно здоровѣе этого безплоднаго берега Перу. Самые густые лѣса въ умѣренномъ климатѣ, какъ, напримѣръ, въ Чилоэ, повидимому нисколько не дѣйствуютъ вредно на здоровое состояніе воздуха.

Островъ Сантъ-Яго у Зеленаго мыса представляетъ другой поразительный примѣръ того, что страна, кажущаяся здоровой, наоборотъ, отличается вредными для здоровья условіями. Я уже описывалъ эти голыя открытыя равнины, которыя въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль послѣ дождливаго сезона покрываются жиденькой травой, быстро увядающей и засыхающей; въ это время воздухъ становится совсѣмъ ядовитымъ, и сильныя лихорадки преслѣдуютъ населеніе, какъ туземное, такъ и чужестранное. Между тѣмъ архипелагъ Галапагосъ въ Тихомъ океанѣ при такой же почвѣ и такихъ же періодическихъ появленіяхъ растительности пользуется совершенно здоровымъ климатомъ. Гумбольдтъ замѣтилъ, «что въ жаркомъ климатѣ, самыя маленькія болота представляютъ наиболѣе опасности, потому что они окружены, какъ въ Вера-Крусъ и въ Картагенѣ, сухой песчаной почвой, которая повышаетъ температуру воздуха» [1]).

Впрочемъ на Перуанскомъ побережьѣ, температура не достигаетъ крайней степени жары; поэтому, быть можетъ, тамъ перемежающіяся лихорадки не злокачественнаго свойства. Во всѣхъ нездоровыхъ странахъ опаснѣе всего спать на берегу. Происходитъ ли это отъ состоянія человѣческаго тѣла во время сна или же отъ того, что ночью выдѣляется

[1]) Political Essay on the Kingdom of New Spain, т. IV, стр. 199.

больше міазмовъ? Достовѣрно, что люди, остающіеся на корабляхъ, хотя бы эти корабли стояли близко отъ берега, обыкновенно бываютъ менѣе подвержены лихорадкамъ, чѣмъ тѣ, которые живутъ на самомъ берегу. Но, съ другой стороны, мнѣ разсказывали объ одномъ замѣчательномъ случаѣ, когда лихорадка разразилась среди матросовъ одного военнаго корабля, находившагося на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль отъ африканскаго берега, въ то самое время, когда наступилъ одинъ изъ страшнѣйшихъ періодовъ смертности въ Сіерра-Леоне [1]).

Ни одно государство въ Южной Америкѣ не страдало столько отъ анархіи, какъ Перу, со времени провозглашенія независимости. Когда мы тамъ были четыре военачальника воевали между собою изъ-за верховной власти: стоило одному изъ нихъ сдѣлаться особенно могущественнымъ, какъ другіе заключали между собою наступательный союзъ противъ него, но зато если они преодолѣвали его, то снова всѣ становились взаимными врагами. На-дняхъ, въ годовщину провозглашенія независимости, совершалось торжественное богослуженіе, за которымъ президентъ пріобщался Св. Таинъ; въ то время какъ пѣли «Te Deum laudamus, полки, вмѣсто перуанскаго флага, подняли черное знамя съ изображеніемъ мертвой головы. Представьте себѣ правительство, при которомъ подобная сцена могла разыграться, и притомъ въ такую минуту съ тѣмъ, чтобы доказать рѣшимость войска драться до смерти! Для меня этотъ порядокъ вещей былъ крайне неудобенъ, потому что онъ мѣшалъ мнѣ дѣлать дальнія экскурсіи за городскую черту. Безплодный островъ Санъ-Лоренцо, который образуетъ здѣсь гавань, представлялъ почти единственное безопасное для прогулокъ мѣсто. Верхняя часть его, имѣющая до 1000 футовъ вышины, находится въ это время года (зимою) въ предѣлахъ нижняго слоя облаковъ, вслѣдствіе чего множество тайнобрачныхъ растеній и немногіе виды цвѣтковыхъ покрываютъ вершины возвышенности. На холмахъ около Лимы, на высотѣ немногимъ лишь большей, почва одѣта мхами и куртинами прекрасныхъ желтыхъ называемыхъ аманкаэсъ. Это указываетъ на то, что здѣсь гораздо сырѣе, чѣмъ на соотвѣтственной высотѣ въ Иквиквѣ. Къ сѣверу отъ Лимы климатъ становится все сырѣе, и, наконецъ, на берегахъ Гваяквиля, почти подъ экваторомъ, мы встрѣчаемъ самые роскошные лѣса. Впрочемъ, говорятъ, что безплодный берегъ Перу смѣняется этой плодородной страной довольно внезапно на широтѣ мыса Бланко, на два градуса южнѣе Гваяквиля.

Каллао—грязный, дурно выстроенный маленькій портъ. Населеніе его, такъ же какъ населеніе Лимы, представляетъ собою всевозможные оттѣнки смѣси европейскаго племени съ негритянскимъ и индѣйскимъ. Повидимому, это все люди развращенные и пьяницы. Воздухъ наполненъ зловонными испареніями и особенно тѣмъ своеобразнымъ запахомъ, который бываетъ почти во всѣхъ городахъ подъ тропиками. Крѣпость, выдержавшая долгую осаду лорда Кокрена, имѣетъ внушительный видъ; но президентъ, въ то время какъ мы здѣсь стояли, продалъ мѣдныя пушки и началъ вообще разоружать крѣпость по частямъ. Причина подобныхъ дѣйствій заключалась, по его словамъ, въ томъ, что у него не было ни одного офицера, которому можно было бы поручить столь важный постъ. Президентъ имѣлъ полное основаніе такъ разсуждать,

[1]) Подобный же любопытный случай приведенъ въ Madras Medical quart. Journ. за 1839 г., стр. 340. Д-ръ Фергюсонъ въ своей превосходной статьѣ (смот. 9 томъ Edinburgh Royal Transactions) ясно показалъ, что ядъ порождается процессомъ высыханія, откуда слѣдуетъ, что сухія, жаркія страны бываютъ часто самыми нездоровыми.

потому что онъ самъ, будучи комендантомъ этой крѣпости, поднялъ возстаніе, доставившее ему президентскую должность. Послѣ нашего отъѣзда изъ Южной Америки его постигла обычная въ такихъ случаяхъ кара: онъ былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ.

Лима стоитъ на равнинѣ, въ долинѣ, которая образовалась во время постепеннаго отступленія моря. Отъ Каллао до Лимы семь миль, при чемъ Лима стоитъ на 500 футовъ выше Каллао, но, такъ какъ покатость очень отлогая, дорога кажется совсѣмъ ровной; поэтому, доѣхавъ до Лимы, трудно себѣ представить, что поднялся даже на сто футовъ; Гумбольдтъ обратилъ вниманіе на это странное обманчивое впечатлѣніе. Крутые безплодные холмы выдѣляются наподобіе острововъ среди равнины, которая раздѣлена прямыми стѣнками изъ глины на большія зеленыя поля. На нихъ почти не видно деревьевъ, кромѣ рѣдкихъ ивъ и случайной группы банановъ и апельсинныхъ деревьевъ. Городъ Лима находится теперь въ жалкомъ состояніи упадка: улицы почти всѣ немощеныя, вездѣ валяются кучи отбросовъ, въ которыхъ роются черные галлинасо, ручные какъ домашняя птица, въ поискахъ за падалью. Дома большею частью двухъэтажные; верхній этажъ, въ виду землетрясеній, строится деревянный, оштукатуренный. Есть старинные дома, огромныхъ размѣровъ со множествомъ комнатъ; дома эти по своему великолѣпію могли бы соперничать съ богатыми домами любого другого города; каждый изъ этихъ дворцовъ занятъ въ настоящее время нѣсколькими семействами. Лима, городъ королей, былъ, должно быть, блестящимъ городомъ въ прежнее время. Необыкновенное множество церквей придаютъ ему и теперь своеобразный, поразительный видъ, особенно на близкомъ разстояніи.

Я пошелъ разъ съ нѣсколькими купцами на охоту въ ближайшія окрестности; охота вышла плохая, но зато я увидалъ развалины одной старинной индѣйской деревни съ насыпью, похожей на естественный холмъ, въ центрѣ деревни. Остатки домовъ, изгородей, оросительныхъ каналовъ и могилъ, разбросанныхъ по этой равнинѣ, даютъ высокое понятіе о многочисленности и цвѣтущемъ состояніи древняго населенія. Разсматривая глиняную посуду его, шерстяныя одежды, изящные предметы утвари, высѣченные изъ крѣпчайшаго камня мѣдныя орудія, украшенія изъ драгоцѣнныхъ камней, дворцы и гидравлическія сооруженія, нельзя безъ уваженія относиться къ значительнымъ успѣхамъ этого народа въ искусствахъ, созданныхъ цивилизаціей. Могильные холмы, извѣстные подъ именемъ «huacas», поистинѣ изумительны, хотя мѣстами они кажутся природными холмами, только огороженными и отдѣланными.

Существуютъ еще другія развалины, совсѣмъ иного характера и не лишенныя тоже интереса: это развалины стараго Каллао, разрушеннаго большимъ землетрясеніемъ 1746 года и сопровождавшимъ его наводненіемъ. Разрушеніе здѣсь, должно быть, произошло еще большее, чѣмъ въ Талькахуано. Груды валуновъ почти скрываютъ основаніе стѣнъ, и огромныя массы кирпича, какъ видно, крутились сбѣгавшими волнами точно камешки. Утверждали, что почва осѣла во время этого достопамятнаго землетрясенія; я не могъ положительно убѣдиться въ этомъ, но тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, потому что форма берега несомнѣнно подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ со времени основанія древняго города, такъ какъ врядъ ли стали бы люди въ своемъ умѣ строиться по собственной охотѣ на той узенькой косѣ, состоящей изъ галешника, на которой находятся въ настоящее время развалины. Со времени нашего путешествія г. Чуди, сравнивъ древнія и новѣйшія географическія карты,

пришелъ къ заключенію, что берегъ къ сѣверу и къ югу отъ Лимы безъ сомнѣнія, осѣлъ.

На островѣ Санъ-Лоренцо существуютъ убѣдительныя доказательства поднятія почвы въ теченіе недавняго періода; фактъ этотъ, конечно, не противорѣчитъ тому мнѣнію, что небольшое осѣданіе почвы могло произойти послѣ того. Одна сторона этого острова противъ бухты Каллао образуетъ три террасы; нижняя терраса покрыта на протяженіи мили слоемъ раковинъ, принадлежащихъ къ 18 видамъ, которые живутъ теперь въ прилежащемъ океанѣ; толщина этого слоя равняется 85 футамъ. Многія раковины глубоко источены и отличаются гораздо болѣе ветхимъ и разрушеннымъ видомъ чѣмъ раковины, находимыя по берегу Чили, на высотахъ 500 или 600 футовъ. Къ этимъ раковинамъ примѣшано много поваренной соли, немного сѣрнокислой извести (та и другая вѣроятно выдѣлились изъ морской воды по мѣрѣ постепеннаго возвышенія почвы), а также сѣрнокислаго натра и хлористаго кальція. Раковины расположены на обломкахъ песчаника, лежащаго подъ ними; поверхъ раковинъ находится слой въ нѣсколько дюймовъ толщины обломочной породы. Выше на той же террасѣ, раковины шелушатся или разсыпаются въ мельчайшій порошокъ, а на высшей террасѣ на высотѣ 170 футовъ и на нѣкоторыхъ еще болѣе высокихъ мѣстахъ, я нашелъ слой солянаго порошка точно такого же вида и въ томъ же относительномъ расположеніи. Я не сомнѣваюсь, что этотъ верхній слой, какъ и тотъ, который расположенъ на террасѣ въ 85 ф. высоты, первоначально состоялъ изъ раковинъ; теперь однако въ немъ не осталось и слѣдовъ органическаго строенія. Порошокъ былъ изслѣдованъ, по моей просьбѣ, мистеромъ Риксомъ, и найдено, что онъ состоитъ изъ сѣрнокислыхъ и хлористыхъ извести и натра съ очень малой примѣсью углекислой извести. Извѣстно, что если поваренная соль и углекислая известь остаются нѣкоторое время смѣшанными, то онѣ отчасти разлагаютъ другъ друга, хотя этого не случается при малыхъ количествахъ и въ растворахъ. Такъ какъ наполовину разложившіяся раковины въ нижней террасѣ смѣшаны съ большимъ количествомъ поваренной соли и отчасти съ тѣмъ солянистымъ веществомъ, которое образуетъ соляной слой верхней террасы, и такъ какъ эти раковины сильно измѣнились и разложились я очень склоненъ думать, что въ этомъ случаѣ произошло такое двойное разложеніе. Продуктомъ этихъ соединеній должны бы однако явиться углекислый натръ и хлористый кальцій; послѣдняя соль есть, но углекислаго натра нѣтъ, что заставляетъ меня предположить, что какимъ-нибудь необъяснимымъ способомъ углекислый натръ превращается въ сѣрнокислый. Очевидно, что соляной слой не могъ бы сохраниться въ странѣ, въ которой случаются проливные дожди; съ другой стороны, это же самое обстоятельство, которое съ перваго взгляда кажется столь благопріятнымъ долгому сохраненію раковинъ, сдѣлалось вѣроятно косвенной причиной ихъ быстраго разложенія вслѣдствіе того, что поваренная соль не смывалась съ нихъ.

Мнѣ показалось очень любопытнымъ то, что я нашелъ на террасѣ, на высотѣ 85 футовъ, зарытыми посреди раковинъ и разнаго наноснаго сора нѣсколько бумажныхъ нитокъ, куски плетенаго тростника и початокъ кукурузы; я сравнилъ эти остатки съ подобными предметами, найденными въ хуакасахъ или въ старинныхъ перуанскихъ могилахъ, и нашелъ, что тѣ и другіе вполнѣ тождественны по виду. На материкѣ противъ острова Санъ-Лоренцо, подлѣ Беллависты, разстилается большая равнина, имѣющая около ста футовъ вышины; нижняя часть ея состоитъ изъ чередующихся слоевъ песку и нечистой глины съ примѣсью галеш-

ника, а поверхность на глубину отъ 3 до 6 футовъ состоитъ изъ красноватой глины, содержащей небольшое число морскихъ раковинъ и множество маленькихъ осколковъ грубой посуды изъ красной глины; этихъ осколковъ было мѣстами больше, мѣстами меньше. Сначала я склонялся къ слѣдующему предположенію: судя по обширности и гладкости этого верхняго слоя, я думалъ, что онъ представлялъ подводный осадокъ; но я потомъ увидалъ въ одномъ мѣстѣ, что слой этотъ покоится на искусственномъ фундаментѣ изъ круглыхъ камней. Поэтому очень вѣроятно, что въ тѣ времена, когда эта страна была ниже, здѣсь находилась равнина, схожая съ той, которая окружаетъ въ настоящее время Каллао и которая, будучи защищена съ берега насыпями изъ галешника, мало возвышалась надъ уровнемъ моря. Представляю себѣ, что индѣйцы производили свою глиняную посуду на этой равнинѣ съ ея слоемъ красной глины, лежащимъ подъ поверхностью земли; потомъ во время какого-нибудь сильнаго землетрясенія море могло залить берегъ и превратить равнину во временное озеро, какъ случилось около Каллао въ 1713 и въ 1746 годахъ. Послѣ того изъ воды могли осѣсть слои ила съ осколками обожженной посуды, скопившейся мѣстами въ большомъ количествѣ и съ морскими раковинами. Этотъ слой съ ископаемой глиняной посудой находится приблизительно на той же высотѣ, какъ и слой раковинъ въ нижней террасѣ Санъ-Лоренцо, гдѣ я нашелъ бумажныя нитки и другіе остатки. Изъ этого мы можемъ смѣло заключить, что уже въ періодъ существованія индѣйцевъ эта равнина поднялась, какъ было замѣчено нами, болѣе чѣмъ на 85 футовъ, потому что она вѣроятно опять нѣсколько опустилась съ тѣхъ поръ какъ были нарисованы старинныя географическія карты. Въ Вальпарайсо, хотя за 220 лѣтъ, предшествовавшихъ нашему посѣщенію Америки, поднятіе почвы не могло превышать 19 футовъ, однако съ 1817 года почва поднялась футовъ на 10 или 11, при чемъ поднятіе совершалось отчасти медленно и постепенно, отчасти же внезапно, какъ, напримѣръ, во время землетрясенія 1822 года. Значительная древность индѣйской расы, судя по повышенію почвы на 85 футовъ, со времени погребенія въ ней упомянутыхъ остатковъ, тѣмъ болѣе замѣчательна, что на патагонскомъ берегу въ тѣ времена, когда онъ былъ почти настолько же футовъ ниже, жило еще животное Macrauche, піа; впрочемъ, такъ какъ берегъ Патагоніи довольно далекъ отъ Кордильеровъ, то поднятіе почвы на немъ могло происходить медленнѣе чѣмъ здѣсь. Въ Багіа-Бланка почва поднялась всего на нѣсколько футовъ съ тѣхъ поръ какъ многочисленныя гигантскія млекопитающія были погребены тамъ, а по общепринятому мнѣнію человѣкъ не существовалъ тогда, когда жили эти исчезнувшія животныя. Но, можетъ быть, поднятіе этой части патагонскаго берега ничѣмъ не связано съ Кордильерами, а скорѣе находится въ связи съ цѣпью древнихъ вулканическихъ утесовъ Банды-Оріенталь, такъ что это повышеніе могло происходить медленнѣе, чѣмъ повышеніе береговъ Перу. Впрочемъ, всѣ эти предположенія гадательны: кто станетъ утверждать, что не были періоды пониженія между періодами повышенія? Вѣдь намъ извѣстно, что вдоль всего патагонскаго берега бывали много разъ длинные перерывы въ дѣятельности силъ поднятія.

ГЛАВА XVII.

Архипелагъ Галапагосъ.

Вся группа вулканическая.—Число кратеровъ.—Безлиственные кусты.—Колонія острова Чарльса. — Островъ Джемсъ. — Соляное озеро въ кратерѣ. — Естественная исторія группы.—Орнитологія, замѣчательные вьюрки.—Пресмыкающіяся.—Большія черепахи и ихъ нравы. — Морская ящерица; питаніе водорослями. — Сухопутная ящерица; ея привычка зарываться въ землю; ящерица эта травоядная.—Значеніе пресмыкающихся въ архипелагѣ.—Рыбы, моллюски, насѣкомыя.—Растенія.—Американскій типъ организаціи.—Различіе видовъ или породъ на различныхъ островахъ.—Птицы легко приручаются.—Страхъ передъ человѣкомъ есть инстинктъ пріобрѣтенный.

15 сентября. Въ составъ архипелага Галапагосъ входятъ десять главныхъ острововъ, изъ которыхъ пять больше остальныхъ. Они находятся подъ экваторомъ въ 500 или 600 миляхъ къ западу отъ берега Америки. Всѣ эти острова состоятъ изъ вулканическихъ утесовъ; едва ли можно разсматривать какъ исключеніе изъ этого немногіе куски гранита, замѣчательно глазированные и измѣнившіеся отъ дѣйствія жара. Нѣкоторые кратеры на большихъ островахъ очень велики и достигаютъ высоты отъ 3.000 до 4.000 футовъ. Бока ихъ усѣяны безчисленными меньшими отверстіями. Я почти увѣренъ, что на всемъ архипелагѣ должно быть не менѣе двухъ тысячъ кратеровъ, которые состоятъ изъ лавы и шлаковъ или изъ прекрасно наслоеннаго туфа, похожаго на песчаникъ. Эти послѣдніе отличаются большею частью красивой симметрической формой; они обязаны своимъ происхожденіемъ изверженіямъ вулканической грязи безъ примѣси лавы; замѣчательно, что каждый изъ двадцати восьми изслѣдованныхъ туфовыхъ кратеровъ имѣетъ края съ южной стороны гораздо ниже другихъ сторонъ или же эти южные края совсѣмъ обломаны и исчезли. Такъ какъ всѣ эти кратеры, повидимому, образовались въ лонѣ моря и такъ какъ волны пассатнаго вѣтра и и волны Тихаго океана соединяютъ свои силы у южныхъ береговъ всѣхъ этихъ острововъ, то легко можно объяснить такое странное однообразіе въ изломахъ кратеровъ, которые состоятъ изъ рыхлаго и мягкаго туфа.

Принявъ въ соображеніе положеніе архипелага подъ самымъ экваторомъ, нельзя сказать, чтобы климатъ здѣсь былъ чрезмѣрно жарокъ, что объясняется главнымъ образомъ замѣчательно низкой температурой окружающей воды, приносимой сюда великимъ южнымъ полярнымъ теченіемъ. Исключая одного короткого времени года, дожди выпадаютъ рѣдко и то неправильно, но облака вообще стоятъ низко. Поэтому нижнія части острововъ очень безплодны, между тѣмъ какъ верхнія, на высотѣ тысячи футовъ и болѣе, имѣютъ сырой климатъ и довольно роскошную растительность. Это особенно замѣтно на мѣстахъ съ подвѣтренной стороны, потому что они первыя получаютъ и воспринимаютъ влажность атмосферы.

Утромъ 17 сентября мы высадились на островѣ Чатамъ, который, какъ и другіе острова архипелага Галапагосъ, возвышается надъ горизонтомъ мягкой, округленной линіей, мѣстами пересѣченной разбросанными холмиками, остатками прежнихъ кратеровъ. Трудно себѣ представить что-либо менѣе привлекательное, чѣмъ видъ этотъ на первый взглядъ: неровное поле черной базальтовой лавы, застывшей угловатыми волнами и перерѣзанной большими трещинами, вездѣ покрыто низкорослымъ, обожженнымъ на солнцѣ кустарникомъ, въ которомъ не видно

почти признаковъ жизни. Пересохшая земля увеличиваетъ ощущеніе спертаго, удушливаго воздуха, похожаго на раскаленную печь; намъ показалось даже, что отъ кустовъ шелъ непріятный запахъ.

Несмотря на то, что я усердно старался собрать какъ можно больше растеній, мнѣ удалось сдѣлать лишь очень маленькую коллекцію, да и та состояла изъ жалкихъ былинокъ, которыя были бы умѣстнѣе въ арктической, чѣмъ въ экваторіальной флорѣ. Издали кустарникъ представляется такимъ же голымъ, какъ бываютъ наши деревья зимою, только со временемъ, хорошо приглядѣвшись къ нимъ, я разсмотрѣлъ, что всѣ кусты уже одѣлись листвой, а большая часть изъ нихъ была въ цвѣту. Всего чаще здѣсь встрѣчается кустъ изъ семейства *Euphorbiaceae*; одинъ видъ акаціи и большой странный кактусъ—вотъ единственныя деревья, дающія нѣкоторую тѣнь. Послѣ сезона дождей острова эти, говорятъ, принимаютъ на короткое время зеленый оттѣнокъ. Вулканическій островъ Фернандо Норонья, поставленный во многихъ отношеніяхъ въ приблизительно тѣ же условія,—единственное мѣсто, гдѣ растительность сколько-нибудь похожа на растительность острововъ Галапагосъ.

Архипелагъ Галапагосъ.

«Бигль» обошелъ вокругъ о-ва Чатамъ и бросилъ якорь во многихъ бухтахъ. Одну ночь я провелъ на берегу, въ той части острова, гдѣ было множество черныхъ усѣченныхъ конусовъ; съ небольшого возвышенія я ихъ насчиталъ до шестидесяти; и всѣ они имѣли болѣе или менѣе правильные кратеры. Большая часть изъ нихъ состояла изъ кольца красной окалины и шлака, связанныхъ вмѣстѣ; они возвышались надъ равниной лавы не болѣе какъ на 50—100 футовъ; всѣ они, повидимому, давно не были въ дѣйствіи. Поверхность этой части озера представляется чѣмъ-то въ родѣ рѣшета отъ подземныхъ паровъ, пронизавшихъ почву; мѣстами лава, еще не отвердѣвшая, была вздута большими пузырями; мѣстами же верхушки образовавшихся такимъ образомъ пустотъ провалились, при чемъ пустоты образовали круглые колодцы съ крутыми стѣнками. Правильная форма кратеровъ сообщала какой-то искусственный видъ странѣ, ярко напоминавшей мнѣ тѣ мѣста въ Стаффордширѣ, гдѣ находится самое большое количество значительныхъ желѣзоплавиленъ. День выдался палящаго зноя, такъ что ходить по неровной мѣстности и пробираться сквозь заросли спутанныхъ кустарниковъ было крайне утомительно, но странный циклопическій видъ мѣстности вполнѣ вознаградилъ меня за трудъ. Мнѣ попались по дорогѣ двѣ большія черепахи, вѣсомъ не менѣе двухсотъ фунтовъ каждая; одна изъ нихъ ѣла кактусъ; при моемъ приближеніи она пристально посмотрѣла на меня и медленно пошла прочь; другая издала пронзительное шипѣніе и спрятала голову. Эти огромныя пресмыкающіяся посреди черной лавы, безлистныхъ кустарниковъ и кактусовъ произвели на меня впечатлѣніе какихъ-то допотопныхъ животныхъ. Немногія видѣнныя мною птицы, съ темнымъ опереньемъ, такъ же мало обратили вниманія на меня, какъ и на большихъ черепахъ.

23 сентября. «Бигль» поплылъ дальше къ острову Чарльсу. Этотъ архипелагъ давно посѣщался флибустьерами, а въ позднѣйшее время китоловами, но первая маленькая колонія поселилась здѣсь только шесть

лѣтъ тому назадъ. Жителей насчитывается отъ 200 до 300 человѣкъ; всѣ они принадлежатъ къ цвѣтной расѣ и большею частью высланы за политическія преступленія изъ республики Экуадоръ, столица которой Квито.

Колонія расположилась въ $4^1/_2$ миляхъ отъ берега, на высотѣ около 1000 футовъ. Сначала намъ пришлось пробираться сквозь безлиственный кустарникъ, какъ на островѣ Чатамъ. Выше лѣса постепенно становились зеленѣе, а когда мы перешли горный хребетъ, пересѣкающій островъ, на насъ повѣяло прохладнымъ южнымъ вѣтеркомъ, а глазамъ нашимъ представилась пріятная картина зеленой цвѣтущей растительности. Въ этой верхней полосѣ изобилуютъ грубые злаки и папоротники, но здѣсь не встрѣчаются древовидные папоротники; не видѣлъ я также ни одного представителя семейства пальмъ; это тѣмъ болѣе удивительно, что на 360 миля сѣвернѣе лежитъ Кокосовый островъ, получившій свое названіе отъ множества кокосовыхъ пальмъ, растущихъ на немъ. Дома колонистовъ разбросаны по плоской равнинѣ, на которой воздѣлываются бататы и бананы. Трудно себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ мы смотрѣли на черную грязь послѣ долгаго пребыванія на выжженной почвѣ Перу и сѣверного Чили. Жители, хотя и жалуются на бѣдность, безъ большого труда добываютъ средства къ существованію. Въ лѣсахъ водится много дикихъ свиней и козъ, но главной мясной пищей служатъ черепахи. Число ихъ, конечно, сильно уменьшилось на этомъ островѣ, но все-таки въ два дня охоты за ними человѣку удается запастись ѣдой на остальные дни недѣли. Говорятъ, что въ прежнее время одно судно набирало до семисотъ черепахъ и что нѣсколько лѣтъ тому назадъ экипажъ одного фрегата привезъ за одинъ день къ берегу до двухсотъ черепахъ.

29 сентября. Мы обогнули новозападную оконечность острова Альбемарля, а на слѣдующій день насъ чуть-чуть не настигъ штиль между нимъ и островомъ Нарборо. Оба острова покрыты цѣлыми потоками черной обнаженной лавы; эти потоки выливались черезъ край огромныхъ котловинъ, какъ деготь выливается черезъ край котла, въ которомъ онъ кипитъ, или же они вырывались черезъ меньшія отверстія въ бокахъ; стекая внизъ, они заливали морской берегъ на многія мили. Извѣстно, что на обоихъ островахъ бывали изверженія лавы; на Альбемарле мы сами видѣли маленькій столбъ дыма поднимавшійся надъ вершиной одного изъ большихъ кратеровъ. Вечеромъ мы стали на якорѣ въ Бенкъ-Ковѣ на островѣ Альбемарле. На слѣдующее утро я отправился гулять. Къ югу отъ разломаннаго туфового кратера, въ которомъ «Бигль» остановился, находился другой совершенно такой же эллиптической формы кратеръ, очень красивый и симметричный; наибольшая длина его была немного менѣе мили, а глубина занимала около 500 футовъ. На днѣ его находилось мелкое озеро, посреди котораго крошечный кратеръ возвышался наподобіе острова. День выдался невыносимо жаркій; озеро манило прозрачной синевой своихъ водъ; я поспѣшно спустился по обуглившейся отлогости и, задыхаясь отъ пыли, жадно бросился къ водѣ, но, къ большому моему огорченію, вода оказалась соленой какъ разсолъ.

Среди прибрежныхъ утесовъ водятся въ изобиліи большія черныя ящерицы, отъ 3 до 4 футовъ длиною, а на холмахъ часто встрѣчаются ящерицы другого вида, желтовато-бурыя и очень некрасивыя. Этихъ послѣднихъ мы видѣли чрезвычайно много; нѣкоторыя изъ нихъ неуклюже убѣгали съ дороги, видя наше приближеніе, а другія прятались по сво-

имъ норамъ. Перейду вскорѣ къ подробному описанію нравовъ обоихъ видовъ этихъ пресмыкающихся. Вся сѣверная часть острова Альбемарле отличается самымъ жалкимъ безплодіемъ.

8 октября. Мы прибыли на островъ Джемсъ: этотъ островъ, а также и островъ Чарльсъ, въ старое время были названы въ честь нашихъ королей изъ дома Стюартовъ. «Бигль» пошелъ за водою, а г. Байно, наши слуги и я остались здѣсь на недѣлю, получивъ провизію на это время и палатку въ свое распоряженіе. Мы нашли здѣсь партію испанцевъ, которыхъ прислали сюда съ острова Чарльса для сушенія рыбы и соленія черепашьяго мяса. Миль на шесть въ глубь острова, на высотѣ около 2000 футовъ, выстроена избушка; въ ней живутъ два человѣка, занимающіеся ловлей черепахъ, между тѣмъ какъ другіе люди ловятъ рыбу на берегу. Я посѣтилъ ихъ два раза и однажды провелъ у нихъ ночь. Низменныя мѣста этого острова такъ же, какъ и на другихъ островахъ, поросли почти безлистнымъ кустарникомъ, но деревья здѣсь больше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: многія достигаютъ двухъ футовъ и даже двухъ футовъ девяти дюймовъ въ діаметрѣ. Высокія мѣста острова, благодаря влажности, приносимой облаками, покрыты зеленой, свѣжей растительностью. Почва тутъ такая сырая, что на ней засѣли обширныя заросли ситовника (Cyperus), въ которомъ водится и гнѣздится множество мелкихъ водяныхъ курочекъ. Пока мы гостили въ верхней части острова, пища наша состояла исключительно изъ черепашьяго мяса: грудной щитъ, зажаренный вмѣстѣ съ мясомъ (какъ гаучосы приготовляютъ *carne con cuero*),— очень вкусное блюдо, а изъ молодыхъ черепахъ готовятъ прекрасный супъ, но вообще черепашье мясо по-моему не особенно вкусно.

Мы поѣхали разъ съ испанцами на ихъ вельботѣ къ солончаку или озеру, изъ котораго добываютъ соль. Высадившись, мы съ трудомъ перешли черезъ очень неровное поле, покрытое буграми отъ недавно излившейся лавы; она почти со всѣхъ сторонъ окружала туфовый кратеръ, на днѣ котораго находится соляное озеро. Вода въ немъ не глубже трехъ-четырехъ дюймовъ; подъ ней лежитъ слой прекрасно кристаллизованной бѣлой соли. Озеро совсѣмъ круглое и окаймлено ярко-зеленою сочною растительностью; почти отвѣсныя стѣны кратера одѣты лѣсомъ, такъ что картина была живописная и очень любопытная. За нѣсколько лѣтъ до нашего посѣщенія матросы одного китоловнаго судна убили своего капитана въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, и мы видѣли его черепъ лежащій въ кустахъ.

Въ теченіе почти всей недѣли пребыванія нашего здѣсь небо было безоблачное и въ промежутки затишья, когда пассатный вѣтеръ переставалъ дуть, жажда дѣлалась невыносимой. Въ продолженіе двухъ дней термометръ внутри палатки показывалъ нѣсколько часовъ подъ рядъ 93°, но на открытомъ воздухѣ, на солнцѣ и вѣтрѣ, онъ показывалъ только 85°. Песокъ былъ чрезвычайно горячъ; термометръ, опущенный въ темный песокъ, тотчасъ повысился до 137°, и я не знаю, насколько онъ поднялся бы еще, потому что на трубкѣ не было больше дѣленій. Черный песокъ былъ еще горячѣе, такъ что по нему непріятно было ходить даже въ толстыхъ сапогахъ.

Естественная исторія острововъ въ высшей степени любопытна и заслуживаетъ особаго вниманія. Бо́льшая часть организмовъ туземнаго происхожденія и не встрѣчается нигдѣ больше; существуетъ даже разница между обитателями различныхъ острововъ; впрочемъ, всѣ они, очевидно, находятся въ близкомъ родствѣ съ обитателями Америки, хотя между островами и материкомъ простирается открытый океанъ на 500 и даже

на 600 миль. Архипелагъ этотъ составляетъ совершенно замкнутый въ самомъ себѣ мірокъ или скорѣе его можно назвать спутникомъ Америки, откуда онъ получилъ нѣсколькихъ случайныхъ колонистовъ и заимствовалъ общія черты собственныхъ своихъ произведеній. Если взять въ соображеніе небольшую поверхность этихъ острововъ, то достойны удивленія обиліе имъ однимъ свойственныхъ существъ и ограниченная область ихъ распространенія. Видя, что каждое возвышеніе увѣнчано кратеромъ и что до сихъ поръ можно отличить предѣлы большей части потковъ лавы, мы приходимъ къ заключенію, что въ недавній геологическій періодъ океанъ заливалъ еще всю эту страну. Отсюда вытекаетъ, что, во времени и въ пространствѣ, мы здѣсь какъ будто стоимъ близко къ великому факту, къ тайнѣ тайнъ—къ первому появленію на землѣ новыхъ существъ. Изъ наземныхъ млекопитающихъ только одно должно быть разсматриваемо, какъ мѣстное, именно мышь (*Mus Galapagoensis*) и эта мышь, насколько мнѣ удалось въ томъ удостовѣриться, принадлежитъ исключительно острову Чатамъ, самому восточному изо всей группы. Мышь эта, по свидѣтельству г. Уатергауза, относится къ отдѣлу мышей свойственныхъ Америкѣ.

На островѣ Джемсъ водится крыса, настолько отличающаяся отъ обыкновенныхъ крысъ, что г. Уатергаузъ описалъ ее и далъ ей особенное названіе; но, такъ какъ она принадлежитъ къ отдѣлу крысъ Стараго Свѣта и такъ какъ на этотъ островъ заходили корабли въ продолженіе послѣднихъ полутораста лѣтъ, то я едва ли могу усомниться въ томъ, что эта крыса есть не болѣе какъ разновидность, произведенная особенностями новаго климата, пищи и почвы, вліянію которыхъ она была подвержена. Хотя никто не имѣетъ права дѣлать предположеній, не основанныхъ на опредѣленныхъ фактахъ, однако даже по отношенію къ чатамской мыши не надо упускать изъ вида, что и она, можетъ быть, принадлежитъ къ американскому виду, завезенному на островъ, потому что я видѣлъ въ очень пустынномъ мѣстѣ пампасовъ туземную мышь, жившую въ кровлѣ недавно построенной хижины, а слѣдовательно нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что ее туда завезли на кораблѣ; подобные факты были замѣчены докторомъ Ричардсономъ въ Сѣверной Америкѣ.

Изъ сухопутныхъ птицъ я собралъ двадцать шесть образцовъ: всѣ онѣ свойственны только этой группѣ острововъ и нигдѣ больше не встрѣчаются, исключая одного зимородка, похожаго на жаворонка (*Dolichonyx oryzivorus*), который перешелъ сюда изъ Америки, гдѣ онъ распространенъ до 54° с. ш. и большею частью живетъ въ болотахъ. Къ другимъ двадцати пяти породамъ птицъ принадлежатъ: во-первыхъ, соколъ, представляющій по своему строенію любопытную переходную ступень отъ сарычевыхъ къ группѣ американскихъ стервятниковъ *Polybori*, съ которыми онъ вполнѣ сходенъ нравами и даже звукомъ голоса; во-вторыхъ, два рода совъ, соотвѣтствующихъ обѣимъ европейскимъ сивухамъ—короткоухой и бѣлой; въ-третьихъ, королекъ, три мухоловки (изъ нихъ два рода Pyrocephalus, изъ которыхъ одинъ, а можетъ и оба считаются нѣкоторыми орнитологами за разновидности) и горлица; всѣ эти виды сходны съ американскими, но все-таки отличаются отъ нихъ; въ-четвертыхъ, ласточка, которая хотя и представляетъ только ту разницу съ американской *Progne purpurea*, что цвѣтомъ она темнѣе, ростомъ меньше и вообще стройнѣе, но тѣмъ не менѣе она отнесена Гульдомъ къ особому виду; въ-пятыхъ, встрѣчаются три вида дроздовъ-пересмѣшниковъ, очень характерныя американскія формы. Остальныя сухопутныя птицы составляютъ любопытнѣйшую группу вьюрковъ, родственныхъ между со-

бою по строенію клюва, по короткости хвоста, очертанію тѣла и оперенію: ихъ всѣхъ тринадцать видовъ, которые дѣлятся г. Гульдомъ на четыре подгруппы. Всѣ поименованные виды свойственны только этому архипелагу; сюда же принадлежитъ и вся группа собственно мѣстная, за исключеніемъ одного вида подгруппы *Cactornys*, привезеннаго недавно съ острова Боу-Эйлендъ въ Низменномъ архипелагѣ. Что касается *Cactornys* часто можно наблюдать оба вида лазящими вокругъ цвѣтовъ большихъ кактусовыхъ деревьевъ; прочіе же виды этой группы, собравшись всѣ вмѣстѣ стаями, пасутся на сухой и безплодной почвѣ низменныхъ частей острововъ. Самцы всѣ, или почти всѣ, смолисто-чернаго цвѣта, а самки (за исключеніемъ одного или двухъ видовъ) — бураго цвѣта. Самымъ любопытнымъ фактомъ представляется точнѣйшая постепенность въ уменьшеніи размѣровъ клюва у различныхъ видовъ *Geospiza*, начиная отъ такого клюва, какъ у снигиря и кончая клювомъ зяблика, даже клювомъ малиновки, если сюда же отнести, по примѣру Гульда, подгруппу *Certhidea* (см. таблицы). Самый большой клювъ, встрѣчающійся въ родѣ *Geospiza*, показанъ на рис. 1, а наименьшій клювъ, на рис. 3, но переходъ отъ 1-го къ 3-му, изображенный клювомъ на рис. 2-мъ, не ограничивается имъ: существуютъ не менѣе шести степеней послѣдовательнаго уменьшенія. Клювъ подгруппы *Certhidea* показанъ на рис. 4.

Клювы Geospiza.

Клювъ рода *Cactornis* отчасти сходенъ съ клювомъ скворца, а у четвертой подгруппы *Camarhyneus* онъ слегка напоминаетъ форму клюва попугая. Видя такую постепенность и такое разнообразіе въ строеніи клюва у небольшой близкородственной группы птицъ, можно въ самомъ дѣлѣ предположить, что такъ какъ этотъ архипелагъ вообще бѣденъ птицами, то одинъ видъ былъ взятъ природой и видоизмѣненъ для различныхъ цѣлей. Точно такъ же можно себѣ представить, что птица, бывшая сперва сарычемъ, приняла на себя обязанности стервятниковъ *Polybori*, живущихъ на американскомъ материкѣ.

Изъ водяныхъ и голенастыхъ птицъ я могъ собрать только одиннадцать видовъ и изъ нихъ только три новыхъ вида, въ томъ числѣ одинъ Rallus, встрѣчающійся единственно на влажныхъ высотахъ острововъ. Зная неусидчивый нравъ чаекъ, я былъ удивленъ, когда увидѣлъ, что здѣшній видъ совсѣмъ особенный, хотя и родственный южно-американскимъ видамъ. Гораздо большая своеобразность сухопутныхъ птицъ, по сравненію съ голенастыми и водяными (потому что изъ 26 видовъ сухопутныхъ 25 являются новыми видами или по крайней мѣрѣ особыми разновидностями) согласуется съ тѣмъ фактомъ, что водяныя птицы пользуются во всемъ мірѣ гораздо большей площадью распространенія, нежели сухопутныя. Водяныя формы, морскія и прѣсноводныя, вообще менѣе своеобразны въ какой-нибудь данной мѣстности земного шара, нежели сухопутныя формы того же класса и мы увидимъ впослѣдствіи разительный примѣръ этого закона на моллюскахъ и, въ меньшей степени, на насѣкомыхъ этого архипелага.

Два вида голенастыхъ менѣе ростомъ чѣмъ тѣ же виды, привезенные изъ другихъ мѣстъ; ласточка тоже мельче, хотя есть сомнѣніе насчетъ того, отличается ли она или нѣтъ отъ аналогичнаго вида. Обѣ совы, обѣ мухоловки (Pyrocephalus) и горлица также меньше аналогичныхъ, но все же отличаются отъ тѣхъ видовъ, съ которыми у нихъ

близкое сродство; чайка, наоборотъ, немного больше. Обѣ совы, ласточка, всѣ три вида дроздовъ-пересмѣшниковъ, горлица въ отдѣльныхъ цвѣтахъ, но не во всемъ опереніи, Totanus и чайка—всѣ темнѣе окрашены, нежели аналогичные имъ виды; что касается дроздовъ-пересмѣшниковъ и Totanus, то они темнѣе всѣхъ видовъ этихъ двухъ породъ. За исключеніемъ королька съ красивой желтой грудью да мухоловки съ пунцовыми хохломъ и грудью, здѣшнія птицы не отличаются тѣми яркими красками перьевъ, которыхъ можно было бы ожидать въ экваторіальной полосѣ. Поэтому очень вѣроятно, что измельченіе случайно попавшихъ сюда видовъ находится въ зависимости отъ тѣхъ же причинъ, которыя вліяютъ на мелкій ростъ мѣстныхъ галапагосскихъ видовъ и на ихъ общее болѣе темное опереніе. Всѣ растенія имѣютъ жалкій видъ сорныхъ травъ, и я не видѣлъ здѣсь ни одного красиваго цвѣтка. Насѣкомыя тоже мелки и темнаго цвѣта; г. Уатергаузъ сообщаетъ мнѣ, что въ ихъ общемъ видѣ нѣтъ ничего напоминающаго объ экваторѣ. Птицы, растенія и насѣкомыя имѣютъ степной характеръ и не ярче окрашены, чѣмъ южнопатагонскіе виды. Изъ всего сказаннаго мы можемъ заключить, что обычный яркій цвѣтъ тропическихъ существъ не зависитъ ни отъ жаркой температуры, ни отъ сильнаго свѣта тропическихъ странъ, а отъ какихъ-то иныхъ причинъ, можетъ быть, отъ того, что тамъ условія существованія вообще благопріятны для жизни.

Обратимся теперь къ классу пресмыкающихся, которыя придаютъ самый поразительный характеръ фаунѣ этихъ острововъ. Число видовъ не велико, но зато особей въ каждомъ видѣ необыкновенное количество. Есть одна маленькая ящерица, принадлежащая къ южно-американскому роду, и два вида (вѣроятно и больше) Amblyrhynchus—свойственныхъ исключительно островамъ Галапагосъ. Встрѣчается, и въ большомъ количествѣ, одинъ видъ змѣй, тождественный, по словамъ г. Биброна, съ чилійскимъ видомъ Psammophis Temminckii. Морскихъ черепахъ существуетъ, кажется, нѣсколько видовъ, а изъ прѣсноводныхъ, какъ будетъ дальше показано, водится два или три вида или породы. Жабъ и лягушекъ здѣсь нѣтъ совсѣмъ; я этому удивился, принявъ въ соображеніе умѣренную температуру и влажность горныхъ лѣсовъ,—два условія, которыя должны были быть благопріятны для нихъ. Это обстоятельство привело мнѣ на память замѣчаніе Бори-Сенъ-Венсана [1]),—а именно, что ни одно изъ этихъ семействъ не встрѣчается на вулканическихъ островахъ большихъ океановъ. Сколько мнѣ извѣстно изъ различныхъ сочиненій, то же самое подтверждается на всемъ протяженіи Тихаго океана и даже на большихъ островахъ Сандвичева архипелага. Островъ Маврикія представляетъ, должно быть, исключеніе, потому что я видѣлъ тамъ много лягушекъ изъ вида Rana Mascariensis; говорятъ, что этотъ видъ встрѣчается теперь на Сешельскихъ островахъ, на Мадагаскарѣ и на Бурбонѣ; но, съ другой стороны, Дю-Буа въ своемъ путешествіи 1669 года утверждаетъ, что на Бурбонѣ нѣтъ пресмыкающихся кромѣ черепахъ, а Officier du Roi положительно говоритъ, что до 1768 года напрасно старались развести лягушекъ на островѣ Маврикія, что сдѣлали вѣроятно съ цѣлью ихъ ѣсть. Вслѣдствіе приведенныхъ данныхъ, есть основаніе сомнѣваться

---

[1]) Voyage aux quatre Iles d'Afrique. Относительно Сандвичевыхъ острововъ см. Tyerman and Bennett's Journal, томъ I, стр. 434. Относительно острова Маврикія см. Voyage par un officier, etc part I. p. 170. На Канарскихъ островахъ лягушекъ нѣтъ (Webb et Berthelot Histoire naturelle des Iles Canaries). Я не видалъ ни одной лягушки на С.-Яго, одномъ изъ острововъ архипелага Зеленаго Мыса; на островѣ св. Елены ихъ вовсе нѣтъ.

въ томъ, чтобы эта лягушка принадлежала къ туземнымъ пресмыкающимся этихъ острововъ. Отсутствіе семейства лягушекъ на островахъ океана тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно совершенно противоположно обилію ящерицъ, которыми кишатъ почти всѣ малые острова. Нельзя ли объяснить эту разницу тѣмъ фактомъ, что яйца ящерицъ, защищенныя известковой скорлупой, могутъ легче переноситься черезъ соленыя волны океана, чѣмъ слизистая икра лягушекъ?

Начну съ описанія нравовъ черепахи (Testudo nigra, прежде называвшаяся Indica), о которой уже часто упоминалось. Эти животныя, кажется, встрѣчаются на всѣхъ островахъ архипелага, во всякомъ случаѣ на большей части изъ нихъ. Онѣ живутъ преимущественно на влажныхъ высотахъ, но, впрочемъ, водятся и въ низменныхъ сухихъ мѣстахъ. Я уже говорилъ о томъ, какъ онѣ должны быть многочисленны, судя по количеству пойманныхъ въ одинъ день черепахъ. Нѣкоторые экземпляры достигаютъ огромной величины: г. Лоусонъ, англичанинъ, бывшій вице-губернаторомъ колоніи, разсказывалъ намъ, что онъ видалъ такихъ большихъ черепахъ, что поднять ихъ съ земли могли не менѣе шести-восьми человѣкъ и что были такіе экземпляры, которые давали до двухсотъ фунтовъ мяса. Старые самцы бываютъ всего больше; самки рѣдко вырастаютъ до такихъ большихъ размѣровъ; самца можно всегда отличить отъ самки по болѣе длинному хвосту. Черепахи, живущія на безводныхъ островахъ или въ низменныхъ сухихъ мѣстахъ другихъ острововъ, питаются преимущественно сочными кактусами. Тѣ же, которыя живутъ въ возвышенныхъ и влажныхъ частяхъ острововъ, ѣдятъ листья различныхъ деревьевъ, ягоду (называемую гуайавита) кислую и терпкую на вкусъ, а также свѣтло-зеленый волокнистый лишайникъ (Usnea plicata), который растетъ пучками на стволахъ деревьевъ.

Черепаха очень любитъ воду, пьетъ много и валяется въ грязи. Только на большихъ островахъ бываютъ источники, и тѣ обыкновенно находятся въ центральныхъ частяхъ, на значительной высотѣ. Итакъ, черепахи, обитающія въ низменныхъ частяхъ острова, принуждены совершать далекія путешествія, когда имъ захочется напиться. Вотъ почему тянутся по всѣмъ направленіямъ хорошо утоптанныя широкія тропинки отъ источниковъ къ морскому берегу; испанцы съ начала поселенія своего нашли благодаря этимъ тропинкамъ источники воды. Когда я высадился на островъ Чатамъ, я представить себѣ не могъ, что за животное такъ методично путешествуетъ по удачно выбраннымъ дорожкамъ. Подлѣ источника можно наблюдать любопытное зрѣлище: тутъ собирается много большихъ черепахъ; однѣ идутъ цѣлой партіей, вытянувъ шеи впередъ по направленію къ источнику; другія же, тоже партіями возвращаются, утоливъ свою жажду. Приблизившись къ ручью, черепаха, не обращая вниманія ни на какихъ зрителей, опускаетъ въ воду голову выше глазъ и жадно пьетъ большими глотками, при чемъ она дѣлаетъ десять глотковъ въ минуту. По словамъ мѣстныхъ жителей, каждое животное остается три или четыре дня въ сосѣдствѣ воды, послѣ чего оно возвращается въ низменныя мѣста; но насчетъ того, какъ часто совершаются эти походы снизу наверхъ, къ источникамъ, мнѣнія расходятся. Вѣроятно, животное отправляется пить, смотря по тому, что оно ѣло. Достовѣрно однако, что черепахи могутъ существовать и на тѣхъ островахъ, гдѣ нѣтъ никакой воды, кромѣ дождевой, выпадающей въ продолженіе немногихъ дней въ году.

Мнѣ кажется, хорошо доказано то обстоятельство, что мочевой пузырь лягушки служитъ вмѣстилищемъ влаги, необходимой для ея суще-

ствованія; то же самое, повидимому, существуетъ и у черепахъ. Нѣсколько времени послѣ посѣщенія источника воды, мочевой пузырь черепахъ наполненъ жидкостью, которая постепенно уменьшается и становится менѣе чистою. Жители, проходя низменными мѣстами, и мучимые жаждой, часто пользуются этимъ свойствомъ черепахъ и выпиваютъ содержимое пузыря, когда онъ полонъ; въ одномъ убитомъ животномъ я нашелъ совсѣмъ прозрачную жидкость; только у нея былъ слегка горьковатый вкусъ. Впрочемъ, жители обыкновенно начинаютъ съ воды, находящейся въ околосердечной сумкѣ; эта вода считается самой лучшей.

Черепахи, имѣя опредѣленную цѣль для похода къ какому-нибудь мѣсту, путешествуютъ днемъ и ночью и прибываютъ къ мѣсту назначенія гораздо скорѣе, чѣмъ можно было бы ожидать. Жители, сдѣлавъ наблюденіе надъ впередъ замѣченными черепахами, полагаютъ, что онѣ проходятъ до восьми миль въ два или три дня. Большая черепаха, бывшая подъ моимъ наблюденіемъ, проходила шестьдесятъ ярдовъ въ

Дарвинъ и черепаха.

десять минутъ, т.-е. 360 ярдовъ въ часъ или четыре мили въ день, если считать, что она дѣлала небольшой перерывъ для ѣды въ дорогѣ. Во время течки, когда самецъ при самкѣ, онъ издаетъ глухой ревъ или мычаніе, которое, говорятъ, бываетъ слышно на разстояніи болѣе ста ярдовъ. Самка никогда не подаетъ голоса, а самецъ бываетъ слышенъ только въ то время, когда онъ при самкѣ, т. ч. люди по крику самца узнаютъ, что онъ не одинъ. Во время нашего посѣщенія (въ октябрѣ) черепахи клали яйца. На песчаной почвѣ самка кладетъ ихъ въ одну кучу и засыпаетъ пескомъ, но на каменистой почвѣ она безъ разбора складываетъ ихъ въ какую-нибудь яму; Байно нашелъ въ одной трещинѣ семь яицъ. Черепашье яйцо—бѣлое и шарообразное; я смѣрилъ одно яйцо, и въ немъ оказалось семь дюймовъ съ тремя восьмыми, такъ что оно было больше куринаго яйца. Молодыя черепахи, вылупившись изъ яицъ, очень скоро дѣлаются жертвами стервятниковъ - сарычей, и ихъ много погибаетъ такимъ образомъ. Старыя черепахи, повидимому, умираютъ большею частью отъ несчастныхъ случаевъ, какъ, напр., при паденіи въ пропасти, по крайней мѣрѣ я слышалъ отъ нѣсколькихъ туземцевъ, что они не видали черепахи, умершей безъ какой-нибудь очевидной причины.

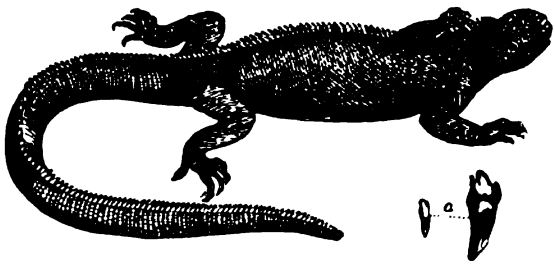
По общему повѣрію здѣшнихъ жителей, эти животныя безусловно глухи; и дѣйствительно, если итти позади черепахи, она не услышитъ этого. Меня всегда очень забавляло, когда, настигнувъ одно изъ этихъ большихъ чудовищъ, спокойно шествовавшее передо мною, я видѣлъ въ ту минуту, какъ я обгонялъ его, что оно внезапно втягивало голову и ноги, издавало глубокій свистъ и тяжело падало на землю, какъ будто пораженное на смерть. Я не разъ садился черепахѣ на спину; ударялъ ее по задней части щита, заставляя ее становиться опять на ноги и идти дальше, но мнѣ было очень трудно сохранить при этомъ равновѣсіе. Мясо этого животнаго, соленое и свѣжее, въ большомъ употребленіи, а изъ жира приготовляется отличное прозрачное масло. Поймавъ черепаху, человѣкъ дѣлаетъ надрѣзъ въ кожѣ подлѣ хвоста, чтобы видѣть, накопился ли у нея густой слой жира на спинѣ, и если онъ найдетъ, что жира еще мало, то животное выпускается на волю; говорятъ что оно скоро оправляется послѣ этой страшной операціи. Чтобы поймать сухопутную черепаху недостаточно опрокинуть ее на спину, какъ это дѣлаютъ съ морскими черепахами, потому что она способна стать опять на ноги.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта сухопутная черепаха принадлежитъ къ туземнымъ животнымъ острововъ Галапагосъ, такъ какъ ее можно встрѣтить на всѣхъ или почти на всѣхъ островахъ, даже на нѣкоторыхъ изъ маленькихъ безводныхъ острововъ; трудно предположить, чтобы она была завезена откуда-нибудь на столь рѣдко посѣщаемую группу острововъ. Кромѣ того, прежніе буканьеры находили эту черепаху даже въ большемъ количествѣ, чѣмъ теперь; Вудъ и Роджерсъ, путешествовавшіе въ 1708 году, говорятъ тоже, что, по мнѣнію испанцевъ, этотъ видъ нигдѣ больше не встрѣчается въ этой части свѣта. Въ настоящее время онъ сталъ очень распространеннымъ, но можно сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ былъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ (кромѣ острововъ Галлапагосъ) туземнымъ видомъ. Кости черепахи съ Маврикіева острова, найденныя вмѣстѣ съ костями вымершаго додо, считались всѣми за кости черепахи, о которой идетъ рѣчь. Если бы такъ было на самомъ дѣлѣ, то она несомнѣнно была бы тамъ коренной обитательницей, но Бибронъ сообщилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, тотъ видъ былъ особый, точно такъ же какъ и нынѣ живущій на островѣ Маврикія.

Amblyrhynchus, замѣчательный родъ ящерицъ, свойственъ исключительно этому архипелагу. Здѣсь водится два вида, схожіе между собою общей формой; одинъ изъ нихъ сухопутный, другой—водяной. Послѣдній (A. cristatus) былъ описанъ Бэллемъ, который вѣрно предположилъ, судя по короткой, широкой головѣ и сильнымъ когтямъ равной длины, что нравы этого вида должны быть очень своеобразны и не такіе, какъ нравы ближайшаго къ нему вида Iguana. Ящерица эта очень распространена на всѣхъ островахъ архипелага и живетъ исключительно на скалистыхъ берегахъ; я по крайней мѣрѣ не встрѣчалъ ни одного экземпляра дальше десяти ярдовъ отъ берега. Это—пребезобразное существо, грязно-чернаго цвѣта, глупое и лѣниво движущееся. Обыкновенная величина взрослой ящерицы равняется почти одному ярду, но бываютъ экземпляры, достигающіе даже четырехъ футовъ. Большая ящерица вѣсила двадцать фунтовъ. На островѣ Альбемарле водятся ящерицы бо́льшихъ размѣровъ чѣмъ на другихъ островахъ. Хвостъ у нихъ приплюснутъ съ боковъ, и всѣ четыре лапы отчасти перепончатыя. Ихъ иногда видятъ плавающими на разстояніи нѣсколькихъ сотъ ярдовъ отъ берега; капитанъ Кальнетъ въ своемъ путешествіи говоритъ: «онѣ стаями отправляются въ море на охоту

за рыбами, грѣются на солнцѣ, растянувшись на скалахъ, и могутъ быть названы миніатюрными аллигаторами». Не слѣдуетъ однако думать, что ящерицы эти питаются рыбой. Попадая въ воду, онѣ плаваютъ легко и быстро при помощи змѣевиднаго движенія туловища и плоскаго хвоста, при чемъ ноги остаются неподвижными и плотно прижатыми къ бокамъ. Одинъ матросъ бросилъ такую ящерицу въ море, привязавъ къ ней тяжесть; онъ думалъ, что убьетъ ее такимъ образомъ, но, вытащивъ черезъ часъ закинутую съ ящерицей удочку, увидалъ, что животное осталось живымъ. Конечности и сильныя когти этихъ ящерицъ удивительно приспособлены къ ползанію по неровному и растрескавшемуся слою лавы, покрывающей вездѣ берега. Можно часто наблюдать группы въ 6 или 7 штукъ этихъ безобразныхъ пресмыкающихся въ то время, когда они грѣются на солнцѣ, лежа съ вытянутыми ногами на черныхъ утесахъ, на высотѣ нѣсколькихъ футовъ надъ поверхностью моря.

Я вскрывалъ желудки нѣкоторыхъ изъ нихъ и находилъ ихъ переполненными кусочками морской водоросли (Ulvae), которая образуетъ тонкія листоватыя пластинки свѣтло-зеленаго и темно-краснаго цвѣта. Мнѣ, сколько я помню, не попадалась эта водоросль въ большомъ количествѣ на прибрежныхъ скалахъ между границами прилива и отлива, и я имѣю основаніе думать, что она растетъ на днѣ моря, недалеко отъ берега. Въ такомъ случаѣ получается объясненіе прогулокъ, совершаемыхъ иногда ящерицами въ море. Въ желудкѣ не было ничего, кромѣ этой водоросли. Байно однако нашелъ въ одномъ желудкѣ ящерицы кусокъ краба, но онъ могъ попасть туда случайно, точно такъ же, какъ гусеница, найденная мною вмѣстѣ съ лишайниками въ желудкѣ черепахи. Кишки у ящерицъ большія, что бываетъ и у другихъ травоядныхъ. Родъ пищи, строеніе хвоста и ногъ, а также тотъ фактъ, что ящерицы эти добровольно выплываютъ въ море, безусловно доказываютъ привычки водяного животнаго; но тутъ замѣчается странное обстоятельство: когда ящерица напугана чѣмъ-нибудь, она не идетъ въ воду. Поэтому очень легко загнать ее на какой-нибудь мысокъ, гдѣ она скорѣе дастъ схватить себя за хвостъ, нежели рѣшится прыгнуть въ воду. Эти ящерицы, кажется, не имѣютъ никакого понятія о томъ, что можно кусаться, но въ сильномъ испугѣ онѣ выпускаютъ по каплѣ жидкости изъ каждой ноздри. Я бросалъ одну изъ нихъ нѣсколько разъ въ лужу, оставленную отливомъ моря, но она неизмѣнно возвращалась прямо къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ. Плыла она у самаго дна, быстро и красиво двигаясь, а тамъ, гдѣ попадались неровности почвы, она помогала себѣ ногами въ передвиженіи. Какъ только она приближалась къ краю лужи, то старалась спрятаться среди водорослей или скрывалась въ какой-нибудь трещинѣ. Предполагая, что опасность миновала, она выползала на сухія скалы и ускользала какъ можно скорѣе. Я нѣсколько разъ ловилъ одну и ту же ящерицу, загоняя ее на мысокъ, откуда невозможно было заставить ее спрыгнуть въ воду, несмотря на удивительное искусство, съ которымъ она ныряетъ и плаваетъ, и сколько



Amblyrhynchus cristatus.

я ни бросалъ ее въ воду, она возвращалась, какъ я сейчасъ описывалъ. Такая странная кажущаяся глупость, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что у этого пресмыкающагося нѣтъ никакихъ враговъ на берегу, между тѣмъ какъ въ морѣ оно, должно быть, часто погибаетъ жертвой многочисленныхъ акулъ. Вслѣдствіе этого, въ немъ, вѣроятно, развился наслѣдственный инстинктъ, въ силу котораго оно смотритъ на берегъ какъ на мѣсто защиты, и во всякой опасности ищетъ спасенія на берегу.

Во время нашего посѣщенія (въ октябрѣ) мнѣ случилось видѣть очень немного мелкихъ экземпляровъ изъ этого вида и, я думаю, что мнѣ не попадалась ни одна ящерица моложе года. Изъ этого обстоятельства можно съ вѣроятіемъ предположить, что въ это время еще не начинался періодъ кладки. Я спрашивалъ у нѣсколькихъ человѣкъ, не знаютъ ли они, гдѣ кладутъ ящерицы свои яйца; но они сказали мнѣ, что имъ ничего не извѣстно про размноженіе ящерицъ, хотя они хорошо знаютъ яйца наземнаго вида; такой фактъ незнанія представляется довольно необычайнымъ, когда берешь въ соображеніе распространенность этой ящерицы.

Обратимся теперь къ наземному виду (A. Demarlii) съ круглымъ хвостомъ и лапами безъ перепонокъ. Онъ не встрѣчается, подобно предыдущему виду, на всѣхъ островахъ, но принадлежитъ только центральной части архипелага — островамъ Альбемарле, Джемсъ, Барингтонъ и Индефатигебль. Я не видалъ ихъ и не слыхалъ о томъ, чтобы онѣ водились въ южной части архипелага на островахъ Чарльсъ, Гудъ и Чатамъ, а также на сѣверныхъ островахъ группы: Тауэръ, Биндлосъ и Абингтонъ. Кажется, какъ будто онѣ были сотворены въ центрѣ архипелага, и оттуда распространились только на извѣстное разстояніе. Нѣкоторыя изъ нихъ живутъ на высокихъ и влажныхъ мѣстахъ острововъ, но ихъ водится гораздо больше на низменныхъ сухихъ мѣстахъ побережья. Не могу привести болѣе сильнаго доказательства ихъ многочисленности, чѣмъ слѣдующій фактъ: высадившись на островѣ Джемсъ, мы долго не могли найти мѣста для нашей единственной палатки, свободнаго отъ ихъ норъ. Эти ящерицы, такъ же какъ ихъ водяные собратья, уродливыя животныя; нижняя часть тѣла у нихъ желто-оранжеваго цвѣта, а верхняя красно-бураго; маленькій размѣръ лицевого угла придаетъ имъ замѣчательно глупое выраженіе. Ростомъ онѣ, пожалуй, немного меньше ящерицъ водяного вида, но нѣкоторыя изъ нихъ вѣсили отъ 10 до 15 фунтовъ. Движенія у нихъ лѣнивыя, полусонныя. Когда онѣ не испуганы чѣмъ-нибудь, то медленно ползаютъ, волоча по землѣ хвостъ и брюхо. Онѣ часто останавливаются и дремлютъ одну-двѣ минуты, закрывъ глаза и растянувъ заднія ноги по выжженной землѣ.

Онѣ живутъ въ норахъ, которыя иногда устраиваютъ между обломками лавы, но чаще на ровныхъ мѣстахъ въ мягкомъ туфѣ, похожемъ на песчаникъ. Норы, кажется, не очень глубоки и направляются въ землю подъ небольшимъ угломъ отъ поверхности, такъ что, когда проходишь по мѣстамъ, изрытымъ норами, земля то и дѣло проваливается подъ ногами, къ большой досадѣ утомленнаго путника. Роя нору, животное попеременно работаетъ обѣими сторонами своего тѣла. Одна передняя лапа выцарапываетъ землю и передаетъ ее задней лапѣ, положеніе которой способствуетъ ей выбрасывать землю вонъ изъ норы. Когда одна половина тѣла устанетъ, за работу принимается другая, и такимъ образомъ онѣ чередуются. Я долго наблюдалъ за одной работавшей ящерицей до тѣхъ поръ, пока она не скрылась наполовину подъ землею, тогда я подошелъ и дернулъ ее за хвостъ; она этому очень

удивилась и вскорѣ выбралась на поверхность, чтобы посмотрѣть въ чемъ дѣло; она пристально поглядѣла на меня, какъ будто хотѣла сказать: «что заставило васъ дернуть меня за хвостъ?»

Ѣдятъ эти ящерицы днемъ и не удаляются отъ своихъ норъ; когда же ихъ напугаютъ, онѣ бросаются къ норамъ, при чемъ у нихъ походка самая неуклюжая. Исключая тѣхъ случаевъ, когда онѣ бѣгутъ подъ гору, ящерицы эти не могутъ двигаться очень быстро, повидимому, вслѣдствіе бокового положенія ногъ. Онѣ вовсе не боязливы; внимательно слѣдя за кѣмъ-нибудь, онѣ свертываютъ хвостъ кольцомъ и, приподнявшись на переднихъ ногахъ, быстро киваютъ головой, стараясь придать себѣ очень сердитый видъ, но на самомъ дѣлѣ онѣ совсѣмъ не злы; стоитъ топнуть на нихъ ногой, чтобы онѣ развернули хвосты и убѣжали прочь какъ можно скорѣе. Я часто видѣлъ, что мелкія ящерицы, питающіяся мухами, точно такъ же киваютъ головами, наблюдая за чѣмъ-нибудь, но я совсѣмъ не знаю, съ какой цѣлью онѣ это дѣлаютъ. Когда задержишь *Amblyrhynhus* и подразнишь его палкой, онъ станетъ ее крѣпко кусать; но я многихъ изъ нихъ ловилъ за хвостъ и онѣ не пробовали меня укусить. Если двухъ ящерицъ положить вмѣстѣ на землю, то онѣ подерутся и перегрызутъ другъ друга до крови.

Тѣ ящерицы (а ихъ наибольшее количество), которыя живутъ въ низкихъ частяхъ страны, едва ли отвѣдаютъ хоть каплю воды за весь годъ; но онѣ истребляютъ много сочныхъ кактусовъ, вѣтки которыхъ обламываются иногда вѣтромъ. Я нѣсколько разъ бросалъ кусокъ вѣтки двумъ или тремъ ящерицамъ вмѣстѣ, при чемъ было очень забавно смотрѣть, какъ онѣ рвали добычу ртами, точно голодныя собаки, дерущіяся изъ-за кости. Онѣ не спѣша ѣдятъ, но совсѣмъ не пережевываютъ пищи. Маленькимъ птичкамъ извѣстно, что эти животныя вполнѣ безвредны; я видѣлъ разъ толстоклюваго зяблика, щипавшаго вѣтку кактуса съ одного конца (любимое кушанье всѣхъ животныхъ въ низменныхъ частяхъ острововъ), между тѣмъ какъ ящерица грызла другой конецъ, послѣ чего маленькая птичка прехладнокровно вспорхнула на спину пресмыкающагося.

Я вскрывалъ желудки нѣсколькихъ ящерицъ и находилъ ихъ полными растительныхъ волоконъ и листьевъ съ различныхъ деревьевъ, особенно съ акацій. Въ высокихъ мѣстахъ онѣ питаются главнымъ образомъ кислыми и вяжущими ягодами гвайавиты; я видѣлъ, какъ ящерицы и огромныя черепахи питались вмѣстѣ подъ этими деревьями. Чтобы достать до листьевъ акаціи, онѣ всползаютъ по низкимъ стволамъ деревьевъ, такъ что можно нерѣдко увидать парочку ящерицъ спокойно кушающихъ, сидя на вѣткѣ нѣсколько футовъ надъ землей.

Вареное мясо ящерицъ имѣетъ бѣлый цвѣтъ и нравится людямъ, у которыхъ желудки выше предразсудковъ. Гумбольдтъ замѣтилъ, что въ тропической южной Америкѣ всѣ ящерицы, живущія въ сухихъ мѣстахъ, считаются тонкимъ кушаньемъ. Мѣстные жители говорятъ, что ящерицы, населяющія высокія влажныя мѣстности, пьютъ воду, но остальныя, живущія внизу, не предпринимаютъ, подобно черепахамъ, путешествій изъ своихъ безводныхъ мѣстъ съ цѣлью напиться. Во время нашего пребыванія, въ самкахъ находилось много большихъ, удлиненныхъ яицъ, которыя кладутся ими въ норы; жители ищутъ ихъ для своего питанія.

Эти два вида *Amblyrhyncus*, какъ я уже говорилъ, схожи между собою общими чертами строенія и многими привычками. Ни тѣ, ни другія не обладаютъ быстротой движеній, составляющей характерную

черту родовъ *Lacerta* и *Iguana*. Оба вида—травоядные, хотя растительная пища того и другого такъ различна. Г. Бэллъ назвалъ такъ этотъ родъ вслѣдствіе короткости рыла; дѣйствительно, форму рта этихъ животныхъ можно почти сравнить со ртомъ черепахи, такъ что является предположеніе, что онъ приспособленъ къ ихъ травяному питанію. Очень интересно найти характерный родъ съ двумя видами—водянымъ и сухопутнымъ, принадлежащій такому тѣсному уголку земли. Самый замѣчательный изъ двухъ видовъ — водяной, потому что онъ представляетъ собою единственную существующую ящерицу, питающуюся морскими растеніями. Какъ я раньше замѣтилъ, острова Галапагосъ не столько отличаются количествомъ различныхъ видовъ пресмыкающихся, сколько многочисленностью ихъ особей; если мы припомнимъ тропинки, хорошо протоптанныя тысячами огромныхъ черепахъ, множество морскихъ черепахъ, стада сухопутныхъ *Amblyrhyncus* и группы морскихъ ящерицъ, грѣющихся на прибрежныхъ скалахъ всѣхъ острововъ, то мы должны признать, что нѣтъ другой страны на земномъ шарѣ, гдѣ бы этотъ классъ животныхъ замѣнялъ въ такомъ необычайномъ количествѣ травоядныхъ млекопитающихъ. Въ виду такого факта геологъ воскреситъ въ своей памяти вторичныя формаціи, когда ящерицы, частью травоядныя, частью плотоядныя, могущія сравниться по размѣрамъ только съ теперь живущими китами, кишѣли на землѣ и въ морѣ. Поэтому достойно его вниманія и то обстоятельство, что этотъ архипелагъ, вмѣсто влажнаго климата и высокой растительности, имѣетъ чрезмѣрно сухую почву, и для тропической страны отличается замѣчательно умѣреннымъ климатомъ.

Кончаю зоологическій обзоръ: всѣ пятнадцать морскихъ рыбъ, которыхъ я досталъ здѣсь, составляютъ новые виды; они принадлежатъ къ 12 родамъ, широко распространеннымъ, за исключеніемъ *Prionotus;* четыре вида изъ этого рода, раньше извѣстные, живутъ у восточныхъ береговъ Америки. Изъ сухопутныхъ моллюсковъ я собралъ шестнадцать видовъ (и двѣ рѣзко обособленныя разновидности); всѣ они, кромѣ *Helix*, найденной на Таити, встрѣчаются только на этомъ архипелагѣ, единственный прѣсноводный видъ (*Paludina*) общій съ видомъ, находящимся на Таити и Вандименовой Землѣ. Г. Кёмингъ передъ нашимъ путешествіемъ досталъ здѣсь девяносто видовъ морскихъ раковинъ, и въ это число не вошли нѣкоторые виды, еще въ точности не опредѣленные и принадлежащіе къ родамъ *Trocus, Turbo, Monodonta* и *Nassa*. Онъ имѣлъ любезность ознакомить меня съ слѣдующими результатами: изъ девяноста раковинъ не менѣе 47 нигдѣ больше не встрѣчаются, что очень замѣчательно, если взять во вниманіе общее широкое распространеніе морскихъ раковинъ. Изъ 43 раковинъ, находимыхъ въ другихъ мѣстахъ земного шара, 25 живутъ на западномъ берегу Америки, изъ нихъ 8 разновидностей; остальныя 18 (включая одну разновидность) были найдены г. Кёмингомъ въ нижнемъ архипелагѣ, а нѣкоторые и на Филиппинскихъ островахъ.

Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что раковины съ острововъ центральной части Тихаго океана встрѣчаются здѣсь, такъ какъ, насколько извѣстно, ни одна морская раковина, свойственная тихоокеанскимъ островамъ, не водится на западномъ берегу Америки. Пространство открытаго моря, лежащее на югъ и на сѣверъ по западному берегу, раздѣляетъ двѣ совершенно отличныя другъ отъ друга конхологическія области; но архипелагъ Галапагосъ представляетъ родъ стоянки между обѣими областями, и на этой стоянкѣ возникли многія новыя формы, при чемъ каждая изъ двухъ большихъ областей послала сюда по нѣ-

сколько колонистовъ отъ себя. Американская провинція тоже послала на архипелагъ. Галапагосъ представителей отъ своихъ видовъ, потому что есть галапагосскій видъ *Monoceros*, принадлежащій къ роду, находящемуся только у западныхъ береговъ Америки; существуютъ также галапагосскіе виды изъ родовъ *Fissurella* и *Cancellaria*, распространенныхъ на западномъ берегу Америки, но не встрѣчающихся (какъ мнѣ сообщилъ г. Кёмингъ) на центральныхъ островахъ Тихаго океана. Съ другой стороны, существуютъ галапагосскіе виды изъ родовъ *Oniscia* и *Stylifer*, водящихся и въ Вестъ-Индіи, и въ Китайскомъ и Индѣйскомъ моряхъ, но не встрѣчающихся ни на западныхъ берегахъ Америки, ни на центральныхъ островахъ Тихаго океана. Къ этому я могу прибавить, что гг. Кёмингъ и Гайндсъ (Hinds), сравнивъ около 2000 раковинъ съ восточныхъ и съ западныхъ береговъ Америки, нашли единственный общій видъ — *Purpura patula*, живущій въ Вестъ-Индіи, на панамскомъ берегу и въ архипелагѣ Галапагосъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою въ этой части свѣта три большія конхологическія морскія области, которыя рѣзко отличаются другъ отъ друга, хотя и удивительно близки между собою, и ихъ раздѣляютъ длинныя пространства открытаго моря или суши по направленію къ югу и къ сѣверу.

Мнѣ стоило большихъ трудовъ собирать насѣкомыхъ, но, кромѣ Огненной Земли, я не видалъ страны бѣднѣе въ этомъ отношеніи. Даже на высокихъ сырыхъ мѣстахъ мнѣ удалось найти только очень немногіе экземпляры; изъ нихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ двукрылыхъ и перепончатокрылыхъ, большая часть принадлежала къ простымъ общераспространеннымъ видамъ. Какъ было уже замѣчено, для тропической страны насѣкомыя слишкомъ мелки и не довольно ярко окрашены. Изъ жуковъ я собралъ 25 видовъ (кромѣ *Dermestus* и *Corynetes*, ввозимыхъ кораблями во всѣ мѣста остановокъ); между ними два вида принадлежатъ къ *Harpalidae*, два—къ *Hydrophilidae*, девять—къ тремъ семействамъ *Heteromera*, а остальные двѣнадцать принадлежатъ къ столькимъ же различнымъ семействамъ. То обстоятельство, что небольшое число особей насѣкомыхъ (замѣчу то же и о растеніяхъ) распредѣляются на многія семейства, повторяется, какъ мнѣ кажется, очень часто. Г. Уатергаузъ [1]), издавшій отчетъ о насѣкомыхъ этого архипелага и сообщившій мнѣ приведенныя выше подробности, извѣщаетъ меня, что здѣсь встрѣчается нѣсколько новыхъ родовъ, а изъ старыхъ—одинъ или два американскаго происхожденія, прочіе же водятся вездѣ на свѣтѣ. За исключеніемъ питающихся деревомъ *Apate* и одного или двухъ видовъ водяныхъ жуковъ, свойственныхъ американскому материку, всѣ виды могутъ быть разсматриваемы какъ новые.

Флора этой группы острововъ столь же интересна, какъ и фауна. Д-ръ Гукеръ выпуститъ скоро въ *Linnean Transactions* полный ботаническій отчетъ, и ему я обязанъ за слѣдующія подробности: изъ цвѣтущихъ растеній имѣется, сколько извѣстно въ настоящее время, 185 видовъ и 40 тайнобрачныхъ, что составитъ вмѣстѣ 225 видовъ; мнѣ посчастливилось привезти съ собой 193 изъ нихъ. Сто видовъ цвѣтущихъ растеній—новые виды, и вѣроятно, принадлежатъ исключительно этому архипелагу. Д-ръ Гукеръ думаетъ, что изъ растеній не исключительно здѣшнихъ, по крайней мѣрѣ 10 видовъ, встрѣчающихся вблизи воздѣланныхъ мѣстъ на островѣ Чарльсъ, были привезены сюда. Я удивляюсь тому, что сюда не было ввезено больше американскихъ видовъ, прини-

[1]) Ann. and Magaz. of Natur. History, томъ VII, стр. 19.

мая во вниманіе, что острова отдѣлены отъ материка всего на 500—600 миль, и еще то, что (согласно Кольнету, стр. 58) къ юго-восточнымъ берегамъ часто прибиваются волнами пальмовые орѣхи, пловучее дерево бамбукъ и тростникъ. Въ виду того, что сто цвѣтущихъ растеній изъ 185 (или точнѣе изъ 175, если мы выключимъ ввезенныя травы) представляютъ новые виды, можно, по-моему, съ достаточнымъ основаніемъ назвать архипелагъ Галапагосъ совершенно отдѣльной ботанической областью; но флора архипелага далеко не такъ своеобразна, какъ флора острова св. Елены, и по сообщенію д-ра Гукера, какъ флора Хуанъ-Фернандеса. Особенность галапагосской растительности всего лучше видна въ нѣкоторыхъ семействахъ: такъ, напр., здѣсь имѣется 21 видъ семейства *Compositae*, изъ которыхъ 21—исключительно здѣшніе виды; они распредѣлены въ 12 родахъ, а изъ этихъ родовъ не менѣе 10 свойственны только этому архипелагу! Д-ръ Гукеръ сообщаетъ мнѣ, что галапагосская флора отличается несомнѣнно западно-американскимъ характеромъ и что онъ не видитъ въ ней никакого сходства съ тихоокеанской флорой. Такимъ образомъ, если мы выключимъ 18 морскихъ, одинъ прѣсноводный и одинъ наземный видъ раковинъ, явившихся сюда въ видѣ переселенцевъ съ центральныхъ острововъ Тихаго океана, а также единственный тихоокеанскій видъ галапагосской группы вьюрковъ, то увидимъ, что этотъ архипелагъ въ зоологическомъ отношеніи составляетъ часть Америки, несмотря на то, что лежитъ въ Тихомъ океанѣ.

Если бы это обстоятельство зависѣло только отъ выходцевъ изъ Америки, то тутъ не было бы ничего особеннаго; но какъ мы видимъ, огромное большинство всѣхъ сухопутныхъ животныхъ и болѣе половины цвѣтущихъ растеній принадлежатъ къ кореннымъ произведеніямъ архипелага. Очень поразительно было видѣть себя окруженнымъ новыми птицами, новыми пресмыкающимися, новыми раковинами, новыми насѣкомыми, новыми растеніями и при этомъ встрѣчать въ безчисленныхъ незначительныхъ подробностяхъ строенія, даже въ звукахъ голоса, въ оттѣнкахъ птичьяго оперенія черты, ярко напоминавшія умѣренныя равнины Патагоніи или же сухія, жгучія равнины сѣвернаго Чили.

Почему на этихъ небольшихъ клочкахъ земли, которые еще въ недавній геологическій періодъ должны были быть покрыты океаномъ, которые состоятъ изъ базальтовой лавы, а слѣдовательно отличаются по геологическому строенію отъ американскаго материка и поставлены въ совершенно особыя климатическія условія,—почему, спрашивается, туземные обитатели, смѣшанные здѣсь, какъ я могу прибавить, въ различной пропорціи по роду и по числу противъ обитателей материка и потому дѣйствующіе другъ на друга различнымъ образомъ,—почему они созданы по американскому типу организаціи?

Острова Зеленаго мыса, вѣроятно, гораздо болѣе походятъ своими физическими условіями на острова Галапагосъ, чѣмъ эти послѣдніе физически походятъ на берега Америки, и, однако, обитатели обѣихъ группъ острововъ совершенно различны: обитатели Зеленаго мыса носятъ на себѣ африканскій отпечатокъ, а обитатели галапагосскаго архипелага отмѣчены печатью Америки.

Я еще не указалъ на самую замѣчательную черту въ естественной исторіи архипелага, а именно на то, что различные острова его въ значительной степени заселены различными существами. Мое вниманіе было впервые обращено на этотъ фактъ вице-губернаторомъ г. Лаусономъ, объявившимъ мнѣ, что черепахи на разныхъ островахъ группы Галапа-

госъ отличаются однѣ отъ другихъ и что онъ можетъ съ точностью по черепахѣ сказать, съ какого она острова перевезена. Прошло нѣкоторое время, пока я обратилъ вниманіе на заявленіе г. Лаусона; до этого я успѣлъ частью смѣшать коллекціи съ двухъ острововъ. Мнѣ никогда не приходило въ умъ, чтобы острова, отстоящіе другъ отъ друга не болѣе какъ на 50 или 60 миль, большею частью расположенные въ виду одинъ у другого, состоящіе изъ совершенно однородныхъ скалъ, имѣющіе одинъ и тотъ же климатъ, одну и ту же высоту, могли быть населены не одинаковыми существами; мы однако вскорѣ убѣдимся въ дѣйствительности этого факта. Такова судьба большинства путешественниковъ, что какъ только они откроютъ самую интересную особенность какой-нибудь мѣстности, такъ имъ приходится спѣшить съ отъѣздомъ изъ этой мѣстности; но я долженъ быть доволенъ тѣмъ, что собралъ достаточно матеріала для установленія такого крайне замѣчательнаго факта въ распредѣленіи органическихъ существъ.

Жители утверждаютъ, какъ я уже сказалъ, что они могутъ различать черепахъ по ихъ принадлежности тому или другому острову, они находятъ различія не только въ размѣрахъ череповъ, но и въ другихъ чертахъ. Капитанъ Портеръ описалъ [1]) черепахъ съ острова Чарльсъ и съ ближайшаго къ нему острова Гудъ, говоря, что у нихъ щитъ спереди толстъ и загнутъ какъ испанское сѣдло, тогда какъ черепахи съ острова Джемсъ круглѣе, чернѣе и мясо ихъ вкуснѣе. Г. Бибронъ извѣщаетъ меня, что онъ видѣлъ два сорта черепахъ, по его мнѣнію, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ видамъ, съ двухъ отдѣльныхъ острововъ архипелага Галапагосъ, но онъ не помнилъ, съ которыхъ изъ нихъ. Образцы, взятые мною съ трехъ острововъ, представляли молодыхъ черепахъ; вотъ почему, вѣроятно, ни г. Грей, ни я не могли отличить въ нихъ никакой разницы. Я замѣтилъ, что морскіе Amblyrhyncus больше на островѣ Альбемарле, чѣмъ на другихъ островахъ; г. Бибронъ сообщаетъ мнѣ, что онъ видѣлъ два морскихъ вида этого рода, отличавшихся другъ отъ друга, такъ что всѣ острова имѣютъ, вѣроятно, своихъ отдѣльныхъ представителей различныхъ видовъ *Amblyrhyncus*, такъ же какъ и черепахъ.

Въ первый разъ я обратилъ вниманіе на различіе видовъ разныхъ существъ, населяющихъ эти острова, когда я сравнивалъ между собою многочисленныхъ дроздовъ-пересмѣшниковъ, убитыхъ мною и моими товарищами; къ моему удивленію, я нашелъ, что экземпляры съ острова Чарльсъ принадлежали къ одному виду—*Mimus trifasciatus*; тѣ которые были взяты на островѣ Альбемарле, относились къ виду *M. parvulus*, а всѣ птицы съ острововъ Джемсъ и Чатамъ (между которыми лежатъ еще два острова) были изъ вида *M. melanotis*. Послѣдніе два вида находятся въ близкомъ родствѣ между собою, и нѣкоторые орнитологи сочли бы ихъ только за рѣзко очерченныя породы или разновидности одного и того же вида; но *Mimus trifasciatus* очень отличаются отъ нихъ. Къ несчастью, большая часть представителей изъ семейства вьюрковъ была перемѣшана, но у меня есть сильный поводъ предполагать, что нѣкоторые виды изъ подгруппы *Geospiza* принадлежатъ различнымъ островамъ. Если каждый отдѣльный островъ имѣетъ своего представителя *Geospiza*, то фактъ этотъ можетъ объяснить присутствіе на маленькомъ архипелагѣ Галапагосъ такого множества видовъ этого подотдѣла; вѣроятнымъ слѣдствіемъ многочисленности видовъ является точно опредѣлен-

[1]) Voyage in the U. S. ship Essex, т. I, стр. 215.

ная постепенность въ размѣрахъ клюва. Два вида изъ подгруппы *Cactornis* и два вида *Camarhynhus* были найдены на этомъ архипелагѣ, а изъ большого числа экземпляровъ этихъ двухъ подгруппъ, застрѣленныхъ четырьмя собирателями на островѣ Джемсѣ, всѣ, какъ оказалось, принадлежали къ одному виду этихъ группъ, между тѣмъ какъ многочисленные экземпляры, убитые на островахъ Чатамъ и Чарльсъ (они были перемѣшаны), принадлежали всѣ къ другимъ двумъ видамъ, вслѣдствіе чего мы можемъ быть почти увѣрены въ томъ, что эти острова имѣютъ своихъ представителей изъ этихъ двухъ подгруппъ. Что касается наземныхъ раковинъ, законъ распредѣленія не подтверждается. Изъ небольшой коллекціи насѣкомыхъ, собранныхъ мною, всѣ тѣ, которыя были отмѣчены по мѣсту ихъ нахожденія, принадлежатъ, по мнѣнію г. Уатергауза, каждое особому острову.

Если мы затѣмъ обратимся къ флорѣ, то найдемъ, что мѣстныя растенія на каждомъ островѣ различны. Всѣ нижеслѣдующіе выводы сдѣланы мною на основаніи авторитетнаго мнѣнія моего друга, доктора Гукера (dr. I. Hooker). Могу предварительно замѣтить, что я собиралъ безъ разбора все, что было въ цвѣту на различныхъ островахъ, и, къ счастью, сохранилъ коллекціи отдѣльно. Не надо однако слишкомъ довѣрять этимъ результатамъ, потому что небольшія коллекціи, привезенныя нѣкоторыми другими естествоиспытателями, хотя отчасти и подтверждали тѣ же выводы, но въ то же время ясно указывали на то, что еще многое остается сдѣлать по ботаникѣ этой группы острововъ. Сверхъ того, бобовыя (*Leguminosae*) были только приблизительно изслѣдованы.

Имена острововъ.	Число всѣхъ видовъ.	Число видовъ, находимыхъ и въ другихъ частяхъ свѣта.	Число видовъ, найденныхъ только на Галапагосскомъ архипелагѣ.	Число видовъ, свойственныхъ одному острову.	Число видовъ, находящихся только на Галапагосскомъ архипелагѣ, но встрѣчающихся болѣе чѣмъ на одномъ островѣ.
О. Джемсъ . . .	71	33	38	30	8
О. Альбемарле .	46	18	26	22	4
О. Чатамъ . . .	32	16	16	12	4
О. Чарльсъ . . .	68	39 (или 29, если вычесть растенія, которыя были вѣроятно ввезены.	29	21	8

Изъ этого выясняется тотъ удивительный фактъ, что на о-вѣ Джемсъ изъ 38 галапагосскихъ видовъ растеній, т.-е. изъ тѣхъ, которые нигдѣ больше не встрѣчаются, 30 видовъ принадлежатъ исключительно этому о-ву, а на островѣ Альбемарле изъ 26 галапагосскихъ видовъ находятся 22, т.-е. до сихъ поръ извѣстно, что на другихъ островахъ архипелага растутъ только 4 вида и т. д., какъ показано выше въ таблицѣ отно-

сительно растеній съ острововъ Чатамъ и Чарльсъ. Нѣсколько примѣровъ еще ярче подчеркнутъ этотъ фактъ: такъ, *Scalesia*, замѣчательный древовидный родъ изъ сложноцвѣтныхъ (*Compositae*), принадлежитъ только этому архипелагу; у него 6 видовъ: одинъ находится на о-вѣ Чатамъ, другой—на Альбемарле, третій—на о-вѣ Чарльсѣ, четвертый и пятый на Джемсѣ, а шестой—на одномъ изъ трехъ послѣднихъ острововъ, неизвѣстно только на которомъ изъ нихъ; ни одинъ изъ этихъ видовъ не встрѣчается на какихъ-либо двухъ островахъ. Также и молочай (*Euphorbia*), всемірный или широко распространенный родъ, насчитываетъ здѣсь 8 видовъ, изъ которыхъ 7 принадлежатъ только архипелагу, и ни одинъ изъ нихъ не встрѣчается на двухъ о-вахъ; *Acalypha* и *Borreria*, оба—всемірные роды, имѣютъ здѣсь первый шесть, второй — семь видовъ и ни одинъ изъ этихъ видовъ не встрѣчается на двухъ островахъ кромѣ одного вида *Borreria*, который водится на двухъ островахъ. Виды семействъ сложноцвѣтныхъ имѣютъ особенно мѣстный характеръ. Д-ръ Гукеръ снабдилъ меня еще нѣсколькими растительными примѣрами различія видовъ на различныхъ островахъ. Онъ говоритъ, что этотъ законъ распредѣленія примѣняется и къ мѣстнымъ родамъ, и къ тѣмъ, которые распространены въ другихъ странахъ. Мы видѣли также, что различные острова имѣютъ свойственные каждому изъ нихъ виды всемірнаго рода черепахъ, очень распространеннаго американскаго рода дроздовъ-пересмѣшниковъ, двухъ галапагосскихъ подгруппъ вьюрковъ и, почти навѣрное, имѣютъ виды галапагосскаго *Amblyrhyncus*.

Распредѣленіе обитателей этого архипелага не было бы такъ удивительно, если бы, напримѣръ, на одномъ островѣ жилъ дроздъ-пересмѣшникъ, а на другомъ совсѣмъ другой родъ животнаго; если бъ одинъ островъ имѣлъ свой родъ ящерицъ, а другой—особый отъ этого родъ или бы никакого рода ящерицъ не имѣлъ; если бы на различныхъ островахъ встрѣчались не различные виды одного и того же рода растеній, но совсѣмъ другіе роды (что въ извѣстной степени случается на самомъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, большое ягодное дерево, растущее на островѣ Джемсъ, не имѣетъ представителя на островѣ Чарльсъ). Но что меня всего больше поражаетъ, это то, что нѣкоторые острова имѣютъ свои виды черепахъ, дроздовъ-пересмѣшниковъ, вьюрковъ и многочисленныхъ растеній, при чемъ виды эти сходны по нравамъ, живутъ на одинаковыхъ мѣстахъ и, повидимому занимаютъ въ естественной экономіи этого архипелага одинаковое положеніе. Можно заподозрить, что нѣкоторые изъ этихъ видовъ, по крайней мѣрѣ черепахи и нѣсколько птицъ, окажутся впослѣдствіи только рѣзко обозначенными породамъ, но и это было бы одинаково любопытно для естествоиспытателя-философа. Я уже говорилъ, что большая часть острововъ находится въ виду другъ друга; прибавлю для точности, что островъ Чарльсъ отстоитъ на 50 миль отъ ближайшей къ нему части острова Чатамъ и на 33 мили отъ ближайшей части острова Альбемарле. Островъ Чатамъ отдѣленъ 60 милями отъ ближайшаго пункта острова Джемсъ, но между этими двумя островами находятся два острова, которыхъ я не посѣтилъ. Островъ Джемсъ лежитъ всего въ 10 миляхъ отъ ближайшей части Альбемарле, но тѣ два пункта, на которыхъ собраны были коллекціи, отстоятъ другъ отъ друга на 32 мили. Я долженъ повторить, что ни свойство почвы, ни высота страны, ни общій характеръ животныхъ и зависящее отъ того дѣйствіе ихъ другъ на друга не могутъ быть очень различны на различныхъ островахъ. Если существуетъ какая-нибудь ощутимая разница въ климатѣ, то она есть только между подвѣтренной группой, а именно между остро-

вами Чарльсъ и Чатамъ и навѣтренной, но соотвѣтствующаго различія въ произведеніяхъ этихъ двухъ частей архипелага, какъ кажется, не существуетъ.

Единственный свѣтъ, который я могу пролить на это замѣчательное различіе между обитателями отдѣльныхъ острововъ, состоитъ въ томъ, что сильныя морскія теченія съ западнымъ и западно-сѣверо-западнымъ направленіемъ должны отдѣлять, въ отношеніи переноса моремъ разныхъ мѣстныхъ произведеній, сѣверные острова отъ южныхъ, а между сѣверными островами замѣчается сильное сѣверо-западное теченіе, которое должно отдѣлять островъ Джемсъ отъ острова Альбемарле. Такъ какъ этотъ архипелагъ замѣчателенъ отсутствіемъ на немъ сильныхъ вѣтровъ, то ни птицы, ни насѣкомыя, ни легкія сѣмена не переносятся съ одного острова на другой. Наконецъ, огромная глубина моря между островами и ихъ недавнее (въ геологическомъ отношеніи) вулканическое происхожденіе не даютъ возможности предполагать, чтобы они когда-либо были соединены. Это послѣднее соображеніе, вѣроятно, болѣе всего оказываетъ вліяніе на географическое распредѣленіе обитателей архипелага. Обозрѣвая приведенные факты, удивляешься количеству творческой силы, если можно употребить такое выраженіе, которое проявляется на этихъ маленькихъ, голыхъ скалистыхъ островахъ, и еще удивительнѣе представляется разнообразное, хотя и аналогичное дѣйствіе этой силы въ мѣстахъ, находящихся столь близко другъ отъ друга. Я сказалъ, что Галапагосскій архипелагъ можетъ быть названъ спутникомъ Америки, но вѣрнѣе будетъ назвать его группой спутниковъ сходныхъ въ физическомъ отношеніи, различныхъ въ органическомъ, но впрочемъ находящихся въ близкомъ родствѣ другъ съ другомъ, а также и съ большимъ американскимъ материкомъ, хотя въ гораздо меньшей степени.

Окончу естественно-историческое описаніе этихъ острововъ, разсказавъ о томъ, до какой степени здѣшнія птицы довѣрчивы, точно ручные.

Эти качества присущи всѣмъ сухопутнымъ видамъ, какъ-то: дроздамъ-пересмѣшникамъ, вьюркамъ, королькамъ, мухоловкѣ, горлицѣ и стервоядному сарычу. Всѣ они подходили такъ близко, что ихъ можно было убивать хлыстомъ, а иногда (я самъ это пробовалъ) можно было накрывать ихъ шляпой. Ружье здѣсь почти лишняя вещь; мнѣ удалось однажды спихнуть дуломъ ястреба съ вѣтки. Разъ, когда я прилегъ отдохнуть, дроздъ-пересмѣшникъ присѣлъ на краю чашки, сдѣланной изъ черепашьяго щитка, которую я держалъ въ рукѣ, и преспокойно сталъ пить воду изъ чашки, такъ что я могъ поднять его при чемъ онъ продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ; не разъ я пробовалъ схватить дрозда за ноги, и мнѣ это почти что удавалось. Въ прежнее время, какъ кажется, птицы были еще болѣе ручными. Коули разсказываетъ (въ 1684 году) слѣдующее: «горлицы такъ довѣрчивы, что онѣ часто садились намъ на руки и на шляпы, и мы ловили ихъ живыми: онѣ не боялись вовсе человѣка до тѣхъ поръ, пока кто-то изъ насъ не выстрѣлилъ по нимъ, послѣ чего онѣ стали боязливы». Дампьеръ, путешествовавшій въ томъ же году, говоритъ, что можно было, гуляя утромъ, убить шесть или семь дюжинъ горлицъ. Въ настоящее время, несмотря на свою большую довѣрчивость, онѣ не садятся болѣе людямъ на руки и не даютъ себя истреблять въ такихъ большихъ количествахъ. Удивительно, что онѣ не одичали еще больше, потому что за послѣднія полтораста лѣтъ эти острова часто посѣщались флибустьерами и китоловами, а матросы бродя по лѣсамъ въ поискахъ за черепахами, всегда находятъ жестокое удовольствіе въ убійствѣ маленькихъ птичекъ.

Птицы не скоро дичаютъ, хотя теперь ихъ преслѣдуютъ гораздо больше. На островѣ Чарльсъ, который былъ заселенъ колонистами шесть лѣтъ до нашего пріѣзда сюда, я увидѣлъ одного мальчика, сидѣвшаго съ хлыстомъ въ рукахъ подлѣ колодца и убивавшаго горлицъ и вьюрковъ, которые прилетали пить. У него уже была собрана кучка битыхъ птицъ на обѣдъ; онъ разсказалъ намъ, что постоянно занимается этой охотой.

Надо думать, что птицы на Галапагосскомъ архипелагѣ не догадались до сихъ поръ, что человѣкъ болѣе опасное животное, нежели черепаха и *Amblyrhynchus*, а потому онѣ не обращаютъ на него вниманія, точно такъ же, какъ въ Англіи пугливыя птицы, какъ, напримѣръ, сороки, не обращаютъ вниманія на коровъ и лошадей, пасущихся на нашихъ поляхъ.

Фальклендскіе острова даютъ намъ другой примѣръ той же черты нравововъ у птицъ. Пернети, Лессонъ и другіе путешественники замѣтили необыкновенную довѣрчивость маленькаго Opetiorhynchus'a. Но такое свойство не составляетъ исключительной особенности этой птицы: *Polyborus*, кулики, горные и луговые гуси, дрозды, овсянки и даже нѣкоторые ястреба—всѣ болѣе или менѣе ручные. Такъ какъ ручныя птицы встрѣчаются тамъ, гдѣ водятся лисицы, ястреба и совы, мы можемъ предполагать, что довѣрчивость галапагосскихъ птицъ не объясняется полнымъ отсутствіемъ хищныхъ животныхъ на архипелагѣ. Горные гуси на Фальклендскихъ островахъ доказываютъ осторожностью, которую они проявляютъ, строя гнѣзда на островахъ, что они сознаютъ опасность со стороны лисицъ, но это сознаніе не дѣлаетъ ихъ пугливыми по отношенію къ человѣку. Такая довѣрчивость птицъ, особенно водяныхъ, представляетъ совершенную противоположность нравамъ тѣхъ же видовъ на Огненной Землѣ, гдѣ съ давнихъ поръ ихъ преслѣдовали дикіе жители. На Фальклендскихъ островахъ охотникъ можетъ въ одинъ день набить такъ много горныхъ гусей, что онъ не снесетъ ихъ домой, между тѣмъ какъ на Огненной Землѣ убить хотя бы одного гуся не менѣе трудно, чѣмъ въ Англіи застрѣлить обыкновеннаго дикаго гуся. Во время Пернети (1763) птицы, какъ видно, были гораздо довѣрчивѣе, чѣмъ теперь: онъ говоритъ, что *Opetiorhyneus* почти садились къ нему на палецъ и что онъ разъ убилъ тростью десять штукъ въ полчаса. Въ то время птицы на Фальклендскихъ островахъ были, вѣроятно, почти такъ же мало пугливы, какъ теперешнія птицы на Галапагосскомъ архипелагѣ. Здѣсь онѣ, повидимому, медленнѣе пріобрѣтаютъ осторожность, нежели на Фальклендской группѣ, гдѣ онѣ могли имѣть болѣе поводовъ для развитія этого качества: Фальклендъ не только часто были посѣщаемы кораблями, но отъ времени до времени заселялись колонистами. Однако даже въ прежнее время, когда птицы были такія ручныя, невозможно было, по словамъ Пернети, убить, лебедя съ черной шеей, птицу перелетную, которая, вѣроятно, приносила съ собой мудрость, пріобрѣтенную ею въ чужихъ странахъ.

Могу прибавить, что согласно съ описаніемъ Дюбуа, на островѣ Бурбонѣ въ 1571—72 гг. птицы, исключая фламинго и гусей, были такъ необыкновенно довѣрчивы, что ихъ можно было ловить руками и сколько угодно, убивать палкой. Кромѣ того, Кармичель [1]) говоритъ, что на о-вѣ

[1]) Linnean. Trans., vol. XII, p. 496. Самый странный изъ всѣхъ мною собранныхъ фактовъ—это дикость мелкихъ птицъ въ полярной части Сѣверной Америки (согласно описанію Ричардсона въ Fauna Bor, vol II, p. 332), гдѣ, какъ я слыхалъ, ихъ никогда не преслѣдуютъ. Этотъ случай представляется тѣмъ страннѣе, что утверждаютъ, будто нѣкоторые изъ тѣхъ же видовъ, перелетающихъ на зиму въ Сѣверо-Американскіе соединенные Штаты, очень ручные. Какъ справедливо замѣчаетъ д-ръ Ричардсонъ, есть

Тристанъ-д'Акунья, въ Атлантическомъ океанѣ, единственныя сухопутныя птицы—дрозды и овсянки—«были до того довѣрчивы, что давали себя ловить ручной сѣткой». Изъ этихъ фактовъ мы можемъ, я думаю, заключить во-первыхъ, что дикость птицъ по отношенію къ человѣку зависитъ отъ особеннаго инстинкта, внушающаго имъ недовѣріе къ нему, независимаго отъ общаго инстинкта осторожности, проистекающаго изъ другихъ источниковъ опасности; во-вторыхъ, что этотъ спеціальный инстинктъ, направленный противъ человѣка, не пріобрѣтается отдѣльными особями въ короткое время, даже при наличности сильнаго преслѣдованія, но, что онъ развивается въ чередующихся поколѣніяхъ и становится наслѣдственнымъ. Мы привыкли видѣть въ домашнихъ животныхъ, что онѣ пріобрѣтаютъ новыя черты нравовъ или новые инстинкты, которые дѣлаются наслѣдственными, но у животныхъ въ естественномъ состояніи должно быть всегда крайне трудно прослѣдить случаи наслѣдственности пріобрѣтеннаго знанія. Дикость птицъ по отношенію къ человѣку нельзя иначе объяснить какъ наслѣдственностію: сравнительно малое количество молодыхъ птицъ бываетъ убито людьми въ Англіи въ каждый данный годъ и однако всѣ, до птенцовъ включительно, боятся человѣка; наоборотъ, многіе представители птичьяго міра на Галапагосскихъ и Фальклендскихъ островахъ подвергались преслѣдованію и страдали отъ человѣческихъ рукъ и все-таки птицы тамъ не научились полезному страху передъ человѣкомъ. По этимъ фактамъ можно судить о томъ, какія бѣды произойдутъ въ странѣ при появленіи въ ней новаго хищнаго животнаго, прежде чѣмъ инстинкты мѣстныхъ обитателей приспособятся къ ловкости и силѣ чужестранца.

ГЛАВА XVIII.

Таити и Новая Зеландія.

Переѣздъ черезъ Низменный архипелагъ.—Таити.—Общій видъ.—Растительность въ горахъ.—Видъ Эймое.—Экскурсія внутрь страны.—Глубокіе овраги.—Рядъ водопадовъ.—Множество дико растущихъ полезныхъ растеній.—Трезвость жителей.—Ихъ нравственное состояніе.—Созваніе парламента.—Новая Зеландія.—Заливъ острововъ.—Гиппахи.—Поѣздка въ Уеметъ.—Миссіонерское поселеніе.—Англійскія сорныя травы въ одичаломъ видѣ.—Уейоміо.—Похороны новозеландской женщины.—Отъѣздъ въ Австралію.

20 октября. Кончивъ обзоръ архипелага Галапагосъ, мы направились къ Таити и начали свой длинный переѣздъ въ 3.200 миль. Черезъ нѣсколько дней мы выплыли изъ предѣловъ сумрачной и туманной области океана, которая простирается въ зимнее время на далекое разстояніе отъ береговъ Южной Америки. Послѣ этого на нашу долю выпала свѣтлая ясная погода, при чемъ мы шли со скоростью 150 или 160 миль въ день, пользуясь пассатнымъ вѣтромъ. Температура въ этой болѣе центральной части Тихаго океана выше, нежели въ прибрежной части. Термометръ въ кормовой каютѣ и днемъ и ночью колебался между 80° и 83°, что

многое непонятное въ различныхъ степеняхъ дикости и осторожности, проявляемыхъ птицами, которыя скрываютъ свои гнѣзда. Какъ странно, что англійскій лѣсной голубь, вообще очень дикій, часто вьетъ свое гнѣздо и выводитъ птенцовъ въ кустарникахъ подлѣ домовъ!

представляетъ пріятную температуру; но если жара усиливается на одинъ или два градуса, то она становится удушливой. Мы проѣхали черезъ Низменный или Опасный архипелагъ и видѣли нѣсколько крайне интересныхъ колецъ изъ коралловой почвы, едва возвышающихся надъ поверхностью воды и названныхъ Лагунными островами. Длинная, ослѣпительно бѣлая береговая полоса окаймлена сверху ярко-зеленой растительностью; эта полоса тянется въ обѣ стороны, быстро суживается и теряется въ отдаленіи за горизонтомъ. Съ высоты главной мачты видно внутри этого кольца широкое пространство гладкой воды. Эти низкіе коралловые острова съ выемкой внутри являются совершенно непропорціональными по отношенію къ обширному океану, изъ котората они возникли; удивительнымъ представляется то, что могучія, неустанныя волны великаго океана, ошибкою называемаго Тихимъ, не заливаютъ и не поглощаютъ этихъ слабыхъ завоевателей, вторгшихся въ царство волнъ.

15 ноября. На зарѣ показались очертанія острова Таити, который долженъ навсегда остаться классическимъ въ глазахъ посѣтителей Южнаго океана. Издали Таити не представлялся привлекательнымъ. Невозможно было еще разглядѣть богатую растительность низменныхъ мѣстъ, но по мѣрѣ того какъ облака проносились дальше, въ центрѣ острова, обозначались мрачные крутые утесы. Какъ только мы бросили якорь въ бухтѣ Матаваи, насъ окружили лодки. День былъ воскресный по нашему календарю, а по календарю Таити это былъ понедѣльникъ; если бъ оказалось обратное, насъ никто бы не посѣтилъ, такъ какъ здѣсь строго соблюдается приказъ не выпускать лодокъ по воскресеньямъ. Послѣ обѣда мы высадились на берегъ, желая использовать всѣ удовольствія, которыя доставляетъ первое впечатлѣніе въ незнакомой странѣ, особенно, если дѣло идетъ объ очаровательномъ Таити. Толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей собралась возлѣ знаменитаго мыса Венеры, ожидая насъ съ веселыми, смѣющимися лицами. Они повели насъ къ дому г. Уильсона, областного миссіонера, который вышелъ къ намъ навстрѣчу и принялъ насъ съ большимъ дружелюбіемъ. Посидѣвъ у него короткое время, мы разбрелись въ разныя стороны, но къ вечеру собрались опять у миссіонера.

Земля, годная къ обработкѣ, состоитъ почти вездѣ не болѣе какъ изъ узенькой полосы низменной аллювіальной почвы, скопившейся у подошвы горъ и защищенной отъ морскихъ волнъ коралловыми рифами, которые окружаютъ всю береговую линію. Внутри рифовъ находится пространство спокойной воды, похожее на озеро; здѣсь безопасно снуютъ лодки туземцевъ и стоятъ корабли на якоряхъ. Низменность, достигающая побережья, покрытаго коралловымъ пескомъ, поросла лучшими произведеніями тропической флоры. Посреди банановъ, апельсиновъ, кокосовыхъ и хлѣбныхъ деревьевъ виднѣются расчищенныя мѣста, на которыхъ растутъ ямсъ, сладкіе бататы, сахарный тростникъ и ананасы. Даже кустарникъ состоитъ изъ привознаго фруктоваго дерева, именно изъ гуавы, до того размножившагося, что оно стало вредно, какъ сорное растеніе. Въ Бразиліи я часто восхищался разнообразными красотами банановъ, пальмъ и апельсинныхъ деревьевъ; здѣсь же имѣется кромѣ того хлѣбное дерево, поражающее своими большими блестящими лапчатыми листьями. Удивительно смотрѣть на цѣлыя рощи деревьевъ, простирающихъ свои могучія вѣтви, какъ англійскіе дубы, при чемъ вѣтви эти покрыты большими крайне питательными плодами. Хотя рѣдко бываетъ, чтобы полезность предмета объясняла то удовольствіе, которое испытываешь, глядя на него, но въ этомъ случаѣ несомнѣнно восторгъ, возбуждаемый внѣшнимъ видомъ деревьевъ, въ большой степени зависитъ отъ

того, что намъ извѣстна ихъ большая полезность. Узенькія, извилистыя тропинки ведутъ къ разбросаннымъ домамъ; онѣ прохладны отъ окружающей тѣни. Мы встрѣчали вездѣ самый радушный, самый гостепріимный привѣтъ. Ничто здѣсь не понравилось мнѣ такъ, какъ сами обитатели. Выраженіе лица у нихъ такое кроткое, что сразу перестаешь смотрѣть на нихъ какъ на дикарей и замѣчаешь, какъ они подвигаются на пути образованія. Простолюдины за работой ничего не надѣваютъ на верхнюю часть тѣла; вотъ когда лучше всего можно судить о таитянахъ. Они высоки ростомъ, широкоплечи, сложены атлетично и замѣчательно пропорціонально. Было уже сказано, что не нужно никакой особенной привычки, чтобы заставить европейца смотрѣть на темную кожу съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ онъ смотритъ на бѣлую кожу. Глядя на бѣлаго человѣка, купавшагося рядомъ съ таитяниномъ, получалось впечатлѣніе, какъ отъ растенія, обезцвѣченнаго садовникомъ, въ сравненіи съ прекраснымъ зеленымъ растеніемъ, свободно растущимъ на открытомъ полѣ. Большая часть мужчинъ татуированы и эти украшенія такъ граціозно слѣдуютъ за всѣми изгибами тѣла, что производятъ впечатлѣніе большого изящества. Одно изъ наиболѣе распространенныхъ украшеній съ варіантами напоминаетъ вѣнецъ пальмоваго дерева. Рисунокъ этотъ начинается у центральной линіи спины и, граціозно закругляясь, расходится въ обѣ стороны. Мое сравненіе можетъ показаться нѣсколько фантастичнымъ, но мнѣ казалось, что человѣческое тѣло, такимъ образомъ разукрашенное, похоже на благородный дубъ, обвитый нѣжнымъ вьющимся растеніемъ.

У многихъ пожилыхъ людей ступни ногъ покрыты мелкими рисунками, такъ что ноги кажутся обутыми въ носки. Впрочемъ, обычай раскрашивать ноги устарѣлъ теперь и замѣнился другими обычаями. Здѣсь, несмотря на то, что моды бываютъ измѣнчивы, каждый человѣкъ долженъ придерживаться той моды, которая существовала во дни его молодости. Такимъ образомъ, возрастъ старика навсегда отмѣченъ на его тѣлѣ, и ему нѣтъ возможности молодиться. Женщины такъ же татуированы, какъ мужчины; пальцы у нихъ большею частью выкрашены. Въ настоящее время царитъ одна некрасивая мода, а именно: волосы выбриваютъ на верхней части головы и оставляютъ только кружокъ волосъ около этой искусственной лысины. Миссіонеры пытались отучить жителей отъ этой привычки, но она все-таки преобладаетъ какъ всякая мода, будь она въ Таити или въ Парижѣ. Наружность таитянокъ сильно меня разочаровала: онѣ очень уступаютъ въ красотѣ мужчинамъ. Красивъ обычай втыкать въ волосы на затылкѣ или въ просверленныя уши бѣлый, либо красный цвѣтокъ. Носятъ также въ видѣ ширмы надъ глазами вѣнокъ, сплетенный изъ листьевъ кокосовой пальмы. Повидимому, женщины еще болѣе чѣмъ мужчины нуждаются въ улучшенныхъ одеждахъ.

Почти всѣ туземцы понимаютъ по-англійски, то-есть имъ извѣстны названія обыкновенныхъ предметовъ; съ помощью этихъ словъ и знаковъ возможно было вести кое-какъ разговоръ. Вернувшись вечеромъ къ лодкѣ, мы увидали красивое зрѣлище: множество дѣтей играло на берегу; они зажгли костры, которые освѣщали гладкую поверхность моря и окружающія деревья; другія группы расположились кружкомъ и пѣли таитянскія пѣсни. Мы присѣли къ нимъ на пескѣ. Пѣсни сочинялись на мѣстѣ и, какъ мнѣ кажется, относились къ нашему пріѣзду; дѣвочка запѣвала, остальные подхватывали, и выходилъ прекрасный хоръ. Вся сцена давала намъ несомнѣнное впечатлѣніе того, что мы находимся на берегу острова посреди далеко прославленнаго Южнаго океана.

17 ноября. День этотъ значится въ нашемъ шканечномъ журналѣ какъ вторникъ, 17, а не понедѣльникъ, 16, изъ чего видно, что мы до сихъ поръ успѣшно гонялись за солнцемъ. До завтрака корабль былъ окруженъ флотиліей лодокъ; когда туземцамъ разрѣшили взойти на бортъ корабля, ихъ набралось, кажется, не менѣе двухсотъ человѣкъ. Общее мнѣніе среди насъ признало, что врядъ ли подобная толпа людей изъ какой бы то ни было другой народности могла бы доставить такъ мало хлопотъ. Всѣ туземцы явились съ чѣмъ-нибудь для продажи; раковины составляли главный предметъ торговли. Таитяне хорошо узнали цѣну деньгамъ и предпочитаютъ ихъ старому платью или другимъ предметамъ. Однако, разнообразіе испанскихъ и англійскихъ монетъ смущало ихъ, и они успокоивались только тогда, когда серебряная мелочь обмѣнивалась на доллары. Нѣкоторые главари между ними уже накопили изрядныя суммы денегъ. Одинъ изъ нихъ недавно предлагалъ 800 долларовъ (около 160 ф. стерл.) за небольшое судно; они часто пріобрѣтаютъ вельботы и лошадей по 50 и по 100 долларовъ.

Послѣ утренняго чая я отправился на берегъ и поднялся на ближайшую гору, на высоту отъ двухъ до трехъ тысячъ футовъ. Переднія горы имѣютъ склоны ровные и коническіе, но крутые; древніе, вулканическіе утесы, изъ которыхъ онѣ состоятъ, прорѣзаны глубокими оврагами, расходящимися отъ центральной гористой части острова по направленію къ берегамъ. Пройдя узкую, низкую полосу обитаемой плодородной земли, я пошелъ вдоль гладкаго крутого гребня, отдѣлявшаго два оврага. Растительность здѣсь странная: она состоитъ почти исключительно изъ низкорослыхъ папоротниковъ, которые повыше смѣшаны съ грубымъ злакомъ. Все это походило на растительность Уэльскихъ холмовъ, что поражало глазъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ тропическими садами береговой полосы. На высшей точкѣ, мною достигнутой, опять появились деревья. Изъ трехъ поясовъ, отличающихся въ различной степени роскошью своей растительности, нижній обязанъ влажностью, а слѣдовательно и плодородіемъ своей плоской поверхности; такъ какъ поверхность эта едва возвышается надъ уровнемъ моря, то вода, стекающая съ верхнихъ частей, медленно убываетъ. Средняя полоса не доходитъ, подобно верхней, до влажнаго облачнаго слоя воздуха и поэтому остается безплодной. Верхній поясъ отличается красивыми лѣсами; древовидный папоротникъ замѣняетъ здѣсь кокосовыя пальмы, растущія на берегу. Не надо однако воображать, что эти лѣса сколько-нибудь похожи на великолѣпные лѣса Бразаліи. Огромное количество произведеній, характеризующихъ материкъ, не можетъ встрѣчаться на островѣ.

Съ самаго высокаго мѣста, достигнутаго мною, хорошо былъ виденъ отдаленный островъ Еймео, который принадлежитъ государю Таити. Бѣлыя громады тучъ громоздились надъ возвышенными зубчатыми вершинами горъ, образуя на фонѣ голубого неба островъ наподобіе самаго Еймео, выступавшаго изъ синяго пространства океана. Островъ Еймео со всѣхъ сторонъ окруженъ кольцомъ коралловаго рифа съ единственнымъ небольшимъ проходомъ. На этомъ разстояніи можно было отличить только узенькую, рѣзко обозначенную ярко-бѣлую полосу тамъ, гдѣ волны встрѣчались съ коралловой стѣной. Горы внезапно поднимались надъ зеркальной поверхностью лагуны, заключенной внутри коралловаго кольца, а по сю сторону ярко-бѣлой полосы темнѣли воды океана. Видъ былъ поразительный, напоминая рисунокъ въ рамѣ: бѣлая полоса изображала раму, лагуна—кайму бумаги, а самый островъ—рисунокъ. Вечеромъ, когда я спускался съ горы, ко мнѣ навстрѣчу вышелъ

туземецъ, которому я доставилъ удовольствіе незначительнымъ подаркомъ; онъ принесъ мнѣ горячіе печеные бананы, ананасъ и кокосовые орѣхи. Я не знаю лучшаго напитка, чѣмъ молоко изъ свѣжаго кокосоваго орѣха, послѣ ходьбы подъ палящими лучами солнца. Ананасы здѣсь въ такомъ изобиліи, что ихъ ѣдятъ не считая какъ мы ѣдимъ рѣпу. Вкусъ у нихъ чудесный, пожалуй, выше, нежели у англійскихъ ананасовъ, а я полагаю, что больше этого нельзя похвалить какой бы то ни было плодъ. Прежде чѣмъ мы вернулись на свой корабль, г. Уильсонъ передалъ отъ меня таитянину, такъ кстати оказавшему мнѣ услугу, что онъ и еще одинъ туземецъ понадобятся мнѣ въ качествѣ спутниковъ на кратковременную экскурсію въ горы.

18 ноября. Я сошелъ на берегъ рано утромъ, захвативъ съ собой мѣшокъ съ провизіей и два одѣяла, для себя и для слуги. Весь этотъ багажъ былъ прикрѣпленъ къ двумъ концамъ длинной палки, которую несли на плечахъ мои товарищи-таитяне. Люди эти привыкли носить по цѣлымъ днямъ тяжести въ 50 фунтовъ, подвѣшенныя къ обоимъ концамъ палокъ. Я сказалъ своимъ проводникамъ, чтобы они запаслись ѣдой и одеждой на дорогу, но они отвѣчали мнѣ, что въ горахъ найдется достаточно пищи; что же касается одежды, то съ нихъ довольно будетъ собственной кожи. Мы должны были направиться къ долинѣ Тіа-ауру, черезъ которую протекаетъ рѣчка, впадающая въ море у мыса Венеры. Это—одна изъ главныхъ рѣкъ острова; она беретъ начало у подошвы самыхъ высокихъ центральныхъ вершинъ, которыя имѣютъ до 7000 футовъ высоты. Весь островъ настолько гористъ, что пробраться до середины его можно только по долинамъ. Путь нашъ лежалъ сначала черезъ лѣса, растущіе по обѣ стороны рѣки; очень живописенъ былъ видъ возвышенныхъ центральныхъ пиковъ, виднѣвшихся какъ бы въ концѣ аллеи, по бокамъ которой мѣстами свѣшивали свои вѣтви кокосовыя деревья. Долина становилась постепенно все уже, а бока ея дѣлались все выше и круче. Послѣ трехъ или четырехъ часовъ ходьбы мы увидали, что долина сузилась до размѣровъ оврага, немного шире рѣчного русла. По обѣ стороны возвышались почти отвѣсныя стѣны, но вслѣдствіе мягкости вулканическаго пласта роскошная зелень и деревья росли на каждомъ выступѣ. Обрывы эти имѣли, должно быть, нѣсколько тысячъ футовъ высоты; вся картина представляла горное ущелье, не сравнимое по красотѣ ни съ чѣмъ, мною видѣннымъ. До полудня, пока солнечные лучи еще не падали вертикально на землю, воздухъ казался прохладнымъ и сырымъ, но послѣ полудня наступила удушливая жара. Въ тѣни отъ нависшаго утеса, за стѣною лавы, расположившейся въ видѣ колоннъ, мы принялись за свой обѣдъ. Мои проводники уже состряпали кушанье изъ мелкой рыбы и прѣсноводныхъ креветокъ. Они взяли съ собой небольшую сѣтку, прикрѣпленную къ обручу, и въ глубокихъ мѣстахъ рѣки, тамъ, гдѣ встрѣчались водовороты, они ныряли какъ выдры, съ открытыми глазами и зорко высматривая рыбу во всѣхъ уголкахъ и норахъ ловили ее.

Таитяне обладаютъ ловкостью амфибіи въ водѣ. Разсказъ Эллиса показываетъ, до какой степени они сроднились съ этой стихіей. Когда въ 1817 году спускали съ корабля на берегъ лошадь, привезенную для королевы Помаре, веревки оборвались, и лошадь упала въ воду; туземцы тотчасъ прыгнули съ палубы и чуть не утопили животное своими криками и напрасными усиліями спасти его. Но едва лошадь выбралась на берегъ, какъ все населеніе обратилось въ бѣгство, стараясь укрыться отъ этой человѣка носящей свиньи, какъ они прозвали лошадь.

Немного повыше рѣка раздѣлилась на три маленькіе ручья. Два сѣверные были совсѣмъ недоступны вслѣдствіе цѣлой системы водопадовъ, образовавшихся при спускѣ съ зубчатой вершины самой высокой горы; третій ручей казался тоже недоступнымъ, но мы ухитрились подняться вверхъ по его теченію, избравъ для того самую необыкновенную дорогу. Бока долины были почти отвѣсны въ этомъ мѣстѣ, но, какъ часто случается съ наслоенными утесами, на нихъ встрѣчались мѣстами небольшіе выступы, густо поросшіе дикими бананами, лилейными растеніями и другими роскошными произведеніями тропическихъ странъ. Таитяне, карабкаясь по этимъ выступамъ въ поискахъ за плодами, отыскали тропинку, по которой можно было подняться на самую вершину обрыва. Подъемъ на первыхъ шагахъ оказался очень опаснымъ, такъ какъ пришлось пробираться черезъ круто нависшую часть голой скалы при помощи веревокъ, взятыхъ съ собой. Не понимаю, какъ могъ кто-нибудь предположить, что именно это страшное мѣсто представляетъ единственный возможный путь по склону горы. Взобравшись на верхъ скалы, мы пошли вдоль выступа, пока не достигли одного изъ трехъ ручьевъ. Выступъ этотъ образовалъ площадку, надъ которой падалъ прекрасный каскадъ съ высоты въ нѣсколько сотъ футовъ, а внизу другой высокій водопадъ стремился къ рѣкѣ, протекавшей въ долинѣ. Изъ этого прохладнаго, тѣнистаго уголка мы пошли въ обходъ, чтобы не попасть подъ низвергавшуюся струю водопада. Дальше мы продолжали подвигаться по небольшимъ выступамъ, при чемъ густая растительность скрывала отъ насъ опасности пути. Переходя съ одного выступа на другой, мы увидали передъ собой вертикальную стѣну утеса. Одинъ изъ таитянъ, славный энергичный малый, приставилъ древесный стволъ къ каменной стѣнѣ, влѣзъ по немъ и, цѣпляясь за края трещинъ, добрался до вершины скалы. Тамъ онъ закрѣпилъ веревку къ выдавшемуся мѣсту откуда и спустилъ ее къ намъ; сперва по ней были подняты вещи и собака, а потомъ взобрались мы сами. Обрывъ, надъ которымъ находился выступъ, куда намъ удалось попасть при помощи веревки, имѣлъ, вѣроятно, отъ пяти до шестисотъ футовъ глубины; если бъ онъ не былъ частью скрытъ нависшими папоротниками и лиліями, у меня бы непремѣнно закружилась голова, и я ни за что не рѣшился бы подняться на эту высоту. Мы продолжали подниматься то вдоль выступовъ, то по острымъ гребнямъ, по обѣ стороны которыхъ находились глубокіе овраги. Въ Кордильерахъ я видалъ болѣе величественныя горы, но такой крутизны я тамъ не встрѣчалъ. Вечеромъ мы дошли до небольшой площадки, на берегу того же самаго ручья, вдоль котораго мы продолжали итти и который спускается цѣлымъ рядомъ водопадовъ; тутъ мы расположились на ночлегъ. По обѣимъ сторонамъ оврага разстилались большія полосы покрытыя горными бананами съ изобиліемъ спѣлыхъ плодовъ. Многія изъ этихъ растеній имѣли отъ 20 до 25 футовъ вышины и отъ трехъ до четырехъ футовъ въ окружности. Съ помощью длинныхъ полосъ коры, вмѣсто веревокъ, бамбуковыхъ стволовъ, вмѣсто балокъ и огромнаго листа банана, вмѣсто крыши, таитяне соорудили намъ въ нѣсколько минутъ отличное жилище, а изъ увядшихъ листьевъ устроили мягкую постель.

Послѣ этого они принялись разводить огонь и готовить намъ ужинъ. Огонь былъ добытъ посредствомъ тренія тупого конца палки объ углубленіе, сдѣланное въ другой палкѣ, какъ будто съ цѣлью расширенія этого углубленія; отъ тренія загорѣлись опилки. Для того чтобы добыть такимъ образомъ огонь, употребляютъ исключительно особое бѣлое

и очень легкое дерево (Hibiscus tiliaceus); то же дерево служитъ для изготовленія тѣхъ шестовъ, на которыхъ носятъ тяжести, а также для лодочныхъ поплавковъ. Огонь былъ вызванъ въ нѣсколько секундъ, но для человѣка, не знакомаго съ искусствомъ, потребнымъ для этого дѣла, добываніе огня, какъ я убѣдился изъ личнаго опыта,—вещь очень трудная; однако къ немалой гордости моей, я, наконецъ, добился того, что опилки зажглись. Гаучосъ въ пампасахъ употребляетъ другой способъ: онъ беретъ палку длиною въ 18 дюймовъ; одинъ конецъ ея упираетъ себѣ въ грудь, а другой, заостренный, конецъ вкладываетъ въ дыру, просверленную въ кускѣ дерева, послѣ чего онъ начинаетъ вертѣть палку съ такой же быстротой, съ какой плотникъ вертитъ коловоротъ. Разведя огонь изъ маленькихъ палочекъ, таитяне положили на него десятка два камней величиною съ мячикъ для крикета. По прошествіи минутъ десяти палочки сгорѣли, а камни нагрѣлись.

Передъ этимъ таитяне завернули въ листья небольшими пакетиками кусочки говядины, рыбы, зрѣлыхъ и незрѣлыхъ банановъ и головки дикаго аройника. Эти зеленые пирожки были положены между двумя рядами горячихъ камней и все было покрыто землей такъ, чтобы ни дымъ, ни паръ не выходили. Черезъ четверть часа все прекрасно испеклось. Зеленые пирожки были положены на скатерть изъ банановыхъ листьевъ; прохладную воду ручья мы пили въ скорлупѣ кокосоваго орѣха и очень наслаждались нашей чисто-деревенской трапезой.

Я не могъ безъ восторга смотрѣть на окружающую растительность. Со всѣхъ сторонъ насъ обступали лѣса банановъ; много плодовъ валялось на землѣ, гдѣ они гнили, несмотря на то, что они служатъ столь разнообразной пищей. Передъ нами виднѣлось обширное поле съ дико растущимъ сахарнымъ тростникомъ, а ручей протекалъ въ тѣни темно-зеленыхъ узловатыхъ стеблей авы, столь извѣстной въ прежнее время своими сильно опьяняющими свойствами. Я пожевалъ кусочекъ и нашелъ въ немъ ѣдкій, непріятный вкусъ, который могъ заставить каждаго человѣка назвать его ядовитымъ. Благодаря миссіонерамъ, это растеніе процвѣтаетъ только въ здѣшнихъ глубокихъ оврагахъ и никому не вредитъ. Тутъ же поблизости я увидѣлъ дикій аройникъ, корни котораго, хорошо испеченные, очень вкусны, а молодые листья вкуснѣе шпината. Здѣсь тоже росъ дикій ямсъ и одно лилейное растеніе, называемое *ти,* растущее въ большомъ изобиліи; корень этого растенія, формой и объемомъ похожій на большое полѣно, послужилъ намъ въ видѣ десерта, потому что онъ сладокъ какъ патока и пріятенъ на вкусъ. Кромѣ перечисленныхъ растеній, тутъ были и другіе дикіе плоды и полезные овощи. Маленькій ручей доставилъ намъ, не говоря о прохладной водѣ, угрей и раковъ. Очень я восхищался этимъ мѣстечкомъ, сравнивая его съ какимъ-нибудь необработаннымъ уголкомъ умѣренныхъ странъ. Я почувствовалъ, какъ правдиво говорится, что человѣкъ, по крайней мѣрѣ дикій человѣкъ, у котораго разумныя способности только отчасти развиты, есть дитя тропиковъ.

Къ концу вечера я отправился подъ мрачной тѣнью банановъ вверхъ по теченію ручья. Прогулку мою вскорѣ прервалъ водопадъ вышиною въ 200 или 300 футовъ, а надъ этимъ водопадомъ виднѣлся еще другой. Я упоминаю обо всѣхъ водопадахъ на этой рѣкѣ, чтобы дать общее понятіе о наклонѣ почвы. Въ томъ маленькомъ гротѣ, гдѣ падала вода, казалось, не было никогда ни малѣйшаго вѣтра. Тонкіе края большихъ банановыхъ листьевъ, смоченные брызгами, были совершенно цѣлы, между тѣмъ какъ обыкновенно они бываютъ разорваны на тысячи лоску-

стовъ. Съ того мѣста, гдѣ мы почти что висѣли надъ пропастью, открывались виды на глубокія сосѣднія долины, а возвышенныя вершины центральныхъ горъ, занимавшихъ пространство до 60° отъ зенита, скрывали отъ насъ половину вечерняго неба. Сидя такимъ образомъ, можно было наблюдать чудное зрѣлище, слѣдя за тѣмъ, какъ постепенно ночныя тѣни ложились на послѣднія высочайшія вершины горъ.

Прежде чѣмъ мы легли спать, я видѣлъ, что старшій таитянинъ сталъ на колѣни и съ закрытыми глазами произнесъ на родномъ нарѣчіи длинную молитву. Онъ молился такъ, какъ христіанинъ долженъ молиться, съ благоговѣніемъ, безъ боязни показаться смѣшнымъ, безъ всякаго желанія выставить на видъ свою набожность. За трапезой ни одинъ таитянинъ не начиналъ ѣсть, не произнеся впередъ короткую молитву. Путешественники, думающіе, что таитянинъ молится только тогда, когда на него смотритъ миссіонеръ, должны были бы взглянуть на нашихъ таитянъ въ эту ночь, проведенную нами надъ обрывомъ.

19 ноября. На разсвѣтѣ мои друзья, помолившись опять, приготовили намъ завтракъ такимъ же способомъ, какимъ наканунѣ приготовили нашъ ужинъ. Надо сказать, что они сами вполнѣ воспользовались этой закуской; въ самомъ дѣлѣ, я никогда не видалъ людей съ такимъ хорошимъ аппетитомъ. Я думаю, что способность поглощать столько пищи зависитъ отъ того, что таитяне большею частью питаются плодами и овощами, представляющими, сравнительно съ количествомъ, небольшую питательность. Невольно я былъ причиной того, что мои спутники, какъ я узналъ впослѣдствіи, нарушили одинъ изъ своихъ законовъ,—со мной была бутылка водки и, когда я угощалъ ею таитянъ, они не отказывались, но, выпивая, каждый разъ прикладывали палецъ ко рту и тихонько произносили слово «миссіонеръ».

Года за два до этого, несмотря на запрещеніе употреблять аву, пьянство среди туземцевъ сильно распространилось вслѣдствіе ввоза спиртныхъ напитковъ. Нѣсколько хорошихъ людей, сознававшихъ, что отечество ихъ быстро подвигается по пути къ разоренію, согласились съ миссіонерами и образовали съ ними общество трезвости. Всѣ начальники и сама королева, по внушенію ли здраваго смысла, или подъ вліяніемъ стыда, дали себя уговорить вступить въ это общество. Тогда немедленно былъ изданъ законъ, воспрещавшій ввозъ спиртныхъ напитковъ на островъ и накладывавшій пеню какъ на продавца, такъ и на покупателя.

Съ замѣчательнымъ чувствомъ справедливости примѣненіе новаго закона было отложено на нѣкоторое время, чтобы продавцы могли распродать имѣвшійся у нихъ на рукахъ запасъ спиртныхъ напитковъ. Зато по истеченіи назначеннаго срока былъ произведенъ всеобщій обыскъ; даже дома миссіонеровъ не были исключены и вся ава (туземцы такъ называютъ всякій спиртной напитокъ) была вылита на землю. Если подумать о послѣдствіяхъ пьянства среди туземцевъ въ обѣихъ Америкахъ, я думаю, что всякій доброжелатель таитянъ долженъ питать особенную благодарность по отношенію къ миссіонерамъ.

Пока маленькій островъ св. Елены оставался подъ управленіемъ остъ-индской компаніи, ввозъ спиртныхъ напитковъ, надѣлавшихъ столько вреда, былъ запрещенъ, но виноградное вино доставлялось съ мыса Доброй Надежды. Замѣчательно и не очень утѣшительно, что въ тотъ самый годъ, когда на островѣ св. Елены была разрѣшена продажа спиртныхъ напитковъ, таитяне по собственной волѣ изгнали ихъ со своего острова.

Послѣ завтрака мы отправились дальше. Такъ какъ я имѣлъ въ виду только слегка осмотрѣть внутренность страны, то мы вернулись по другой тропинкѣ, спускавшейся въ главную долину. Нѣкоторое время мы шли очень сбивчивой дорогой по склону горы, образовавшей долину. Въ менѣе крутыхъ мѣстахъ мы проходили черезъ обширныя рощи дикихъ банановъ. Таитяне съ голыми татуированными тѣлами, съ головами, украшенными цвѣтами, въ тѣни этихъ рощъ могли дать прекрасный образецъ человѣка, живущаго среди первобытной природы.

Спускаясь мы слѣдовали по линіи горныхъ гребней; они были очень узки и на довольно большихъ протяженіяхъ имѣли крутизну лѣстницы, но всѣ они были покрыты растительностью.

Шествіе наше было крайне утомительно вслѣдствіе той напряженной осторожности, съ которой приходилось ступать. Я не переставая дивился этимъ оврагамъ и пропастямъ; осматривая мѣстность съ одного гребня, остраго какъ ножъ, я замѣтилъ, что стою на такой крошечной точкѣ опоры, что получалось впечатлѣніе, почти такое, какое должно быть съ воздушнаго шара. Во время этого нисхожденія намъ пришлось только разъ прибѣгнуть къ помощи веревокъ. Мы ночевали на томъ же выступѣ, на которомъ обѣдали наканунѣ. Ночь была чудная, но темная вслѣдствіе узкости и глубины ущелья.

Прежде чѣмъ я своими глазами увидѣлъ эту страну, мнѣ трудно было понять два факта, переданные Эллисомъ,—именно, что послѣ убійственныхъ сраженій прежнихъ временъ, уцѣлѣвшіе воины изъ побѣжденной партіи ушли въ горы, и тамъ эта горсть людей могла противостоять многочисленнымъ врагамъ. Конечно, полдюжины людей могли бы отразить тысячи враговъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мой спутникъ таитянинъ приставилъ къ скалѣ старое дерево. Второй фактъ,—что послѣ введенія христіанства сохранились дикіе люди, жившіе въ горахъ, при чемъ жилища ихъ оставались неизвѣстными болѣе цивилизованнымъ обитателямъ.

20 ноября. Мы отправились въ путь рано утромъ и достигли Матаваи около полудня. По дорогѣ мы встрѣтили большую партію красивыхъ, атлетически сложенныхъ людей, шедшихъ за дикими бананами. Я узналъ, что нашъ корабль, по причинѣ неудобства стоянки, передвинулся къ гавани Папава, куда я тотчасъ же пошелъ. Это—очень хорошенькое мѣсто. Бухта окружена рифами, а вода гладкая, какъ въ озерѣ. Воздѣланная земля, съ чудными растеніями и разбросанными по ней хижинами, доходитъ до самаго моря.

Различныя описанія, прочтенныя мною до моего посѣщенія этихъ острововъ, возбудили во мнѣ желаніе собственными наблюденіями составить себѣ понятіе о нравственномъ развитіи жителей, хотя, конечно, мое сужденіе могло быть только очень неполное. Первыя впечатлѣнія всегда много зависятъ отъ понятій раньше пріобрѣтенныхъ. Своими теоретическими знаніями я обязанъ книгѣ Эллиса *Polynesian Researches*, прекрасному и чрезвычайно интересному труду, но смотрящему на все съ исключительно благопріятной точки зрѣнія; кромѣ этого источника; я читалъ путешествіе Бичи и другое путешествіе Коцебу, враждебно относящагося къ дѣлу миссіонеровъ. Человѣкъ, который будетъ сличать эти три сочиненія между собою, получитъ, я думаю, довольно точное представленіе о теперешнемъ состояніи Таити. Одно изъ моихъ впечатлѣній, почерпнутыхъ у двухъ послѣднихъ авторовъ, оказалось рѣшительно ошибочнымъ,—а именно, что таитяне сдѣлались угрюмы и живутъ въ постоянномъ страхѣ миссіонеровъ. Я не замѣтилъ никакого признака этого страха, если не принимать почтеніе за боязнь. Не только между

таитянами не преобладаетъ чувство недовольства жизнью, но трудно было бы найти въ любой европейской толпѣ столько веселыхъ и счастливыхъ лицъ. Запрещеніе играть на флейтѣ и танцовать разсматриваютъ какъ вещь дурную и глупую; точно такъ же смотрятъ и на соблюденіе въ пресвитеріанскомъ духѣ субботняго дня. По этимъ вопросамъ не берусь противопоставлять свое мнѣніе мнѣніямъ тѣхъ людей, которые провели на Таити столько же лѣтъ, сколько я провелъ здѣсь дней.

Мнѣ кажется, что въ общемъ нравственность и религія таитянъ очень хороши. Многіе критики нападаютъ, даже строже чѣмъ Коцебу, на миссіонеровъ и ихъ систему, а также и на результаты, достигаемые ими; такіе судьи, однако, никогда не сравнивали настоящаго положенія острова съ тѣмъ, что было не далѣе какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и даже съ состояніемъ нравственности въ современной Европѣ; критикуя миссіонерское дѣло на Таити они сравниваютъ его съ евангельскимъ совершенствомъ. Они ожидаютъ отъ миссіонеровъ того, чего не удавалось достигнуть самимъ апостоламъ. Миссіонерамъ ставится въ вину отступленіе таитянъ отъ евангельскаго идеала, но имъ не ставится въ заслугу то чего они достигли своею проповѣдью. Строгіе критики забываютъ или не хотятъ помнить, что человѣческія жертвоприношенія, власть языческихъ священниковъ, ужасный развратъ, которому нѣтъ подобнаго ни въ какой другой странѣ, дѣтоубійство, являвшееся послѣдствіемъ этого разврата, кровавыя войны, гдѣ побѣдители не щадили ни женщинъ, ни дѣтей, что всѣ эти ужасы уничтожены, что безчестность, невоздержанность и развращенность въ сильной степени уменьшились съ введеніемъ христіанства. Забвеніе всего этого со стороны путешественника являетъ большую неблагодарность, потому что, случись съ нимъ кораблекрушеніе и будь онъ выброшенъ на неизвѣстный берегъ, онъ вознесетъ горячую молитву о томъ, чтобы берегъ этотъ оказался въ сферѣ вліянія миссіонеровъ.

Что касается нравственности женщинъ, часто говорилось, что эта нравственность довольно шаткая, но прежде чѣмъ осуждать таитянокъ слишкомъ строго, хорошо будетъ вспомнить сцены, описанныя капитаномъ Кукомъ и г. Бэнксомъ,—сцены, въ которыхъ участвовали матери и бабушки нынѣшняго поколѣнія. Строжайшіе судьи должны бы взять въ соображеніе насколько нравственность европейскихъ женщинъ зависитъ отъ воспитанія, получаемаго съ дѣтства дѣвушками отъ ихъ матерей, и насколько въ каждомъ отдѣльномъ случлѣ вліяютъ правила религіи. Но безполезно спорить со строгими судьями; они, я думаю, разочаровались увидавъ, что поле для разврата менѣе открыто, чѣмъ въ прежнія времена, и не вѣрятъ въ нравственность, которой имъ не хочется придерживаться, ни въ религію, которую они цѣнятъ очень низко или совсѣмъ презираютъ.

Воскресенье, 22 ноября. На гавань Папіете, мѣстожительство королевы, можно смотрѣть какъ на столицу острова; здѣсь находятся всѣ правительственныя учрежденія и сюда пристаютъ корабли. Капитанъ Фицъ-Рой отправился сегодня въ Папіете съ частью экипажа для присутствованія у обѣдни; сначала слушали службу на таитскомъ нарѣчіи а потомъ на англійскомъ. Служилъ г. Притчардъ, главный миссіонеръ этого острова. Церковь состояла изъ просторнаго сруба и была переполнена опрятно одѣтыми людьми всѣхъ возрастовъ и обоего пола. Вниманіе прихожанъ слегка разочаровало мои ожиданія, впрочемъ слишкомъ взыскательныя; общій видъ молящихся напоминалъ любую сельскую цер-

ковь въ Англіи. Пѣніе производило несомнѣнно пріятное впечатлѣніе; но проповѣдь, хотя и была гладко произнесена, звучала не особенно хорошо: очень однообразной казалась рѣчь, въ которой то и дѣло повторялись слова: «та-та-та, мата маи». По окончаніи англійскаго богослуженія часть нашего общества вернулась пѣшкомъ въ Матаваи. Прогулка была пріятная; мы отчасти шли вдоль берега, отчасти подъ сѣнью множества прекрасныхъ деревьевъ.

Года два тому назадъ, жители Низменныхъ острововъ, находившихся тогда во владѣніи таитской королевы, ограбили небольшой корабль подъ англійскимъ флагомъ. Было предположеніе, что такой поступокъ явился послѣдствіемъ какого-нибудь неосторожнаго закона, изданнаго таитской королевой. Великобританское правительство потребовало удовлетворенія, на которое всѣ согласились; итакъ, рѣшено было къ первому сентября прошлаго года уплатить сумму приблизительно въ три тысячи долларовъ, Начальникъ эскадры, стоявшей въ Лимѣ, велѣлъ капитану Фицъ-Рою навести справки объ этомъ долгѣ и потребовать его уплаты, если искъ еще не былъ удовлетворенъ. Вслѣдствіе этого порученія капитанъ Фицъ-Рой просилъ аудіенціи у королевы Помаре, получившей съ тѣхъ поръ громкую извѣстность по случаю дурного обращенія, которое ей пришлось испытать со стороны французовъ. Для переговоровъ о долгѣ собранъ былъ парламентъ, на которомъ присутствовали всѣ главныя начальствующія лица и сама королева.

Послѣ прекраснаго отчета капитана Фицъ-Роя я не буду даже пытаться описывать все, что тогда произошло. Деньги, какъ оказалось, не были уплачены; приведенныя причины можно было пожалуй назвать довольно сомнительными, но вообще мы всѣ были удивлены здравымъ смысломъ, разсудительностью, умѣренностью, прямотой и быстротой рѣшенія, къ которому пришли всѣ засѣдавшіе въ парламентѣ. Думаю, что мы вынесли изъ этого собранія мнѣніе о таитянахъ, не схожее съ нашимъ представленіемъ о нихъ до этого случая. Начальники и народъ рѣшили собрать по подпискѣ нужную сумму денегъ; капитанъ Фицъ-Рой возражалъ, что слишкомъ тяжело имъ жертвовать своей частной собственостью за преступленіе, совершонное отдаленными островитянами. Они же отвѣчали, что благодарны ему за его снисходительность, но что Помаре—ихъ королева и что они хотятъ непремѣнно притти къ ней на помощь въ затруднительномъ положеніи. Такое рѣшеніе и немедленное исполненіе его (подписка была объявлена на другой же день рано утромъ) довершило замѣчательное проявленіе преданности и добраго чувства таитянъ. Когда кончилось обсужденіе главнаго вопроса, нѣкоторые изъ старшинъ воспользовались случаемъ, чтобы предложить капитану Фицъ-Рою разные остроумные вопросы насчетъ международныхъ обычаевъ и законовъ, относящихся къ обращенію съ иностранцами и ихъ судами. По нѣкоторымъ пунктамъ были тотчасъ даны устныя приказанія народу, согласно съ выработанными на мѣстѣ условіями. Таитскій парламентъ засѣдалъ по этому дѣлу нѣсколько часовъ; по окончаніи засѣданія капитанъ Фицъ-Рой пригласилъ королеву Помаре посѣтить «Бигль».

25 ноября. Вечеромъ за ея величествомъ были посланы четыре лодки, корабль украсился флагами къ ея пріѣзду, на реяхъ поставили матросовъ. Королеву сопровождало большинство начальствующихъ лицъ. Всѣ вели себя очень прилично: ничего не просили и, повидимому, остались очень довольны подарками капитана Фицъ-Роя. Королева—крупная неуклюжая женщина, безъ всякихъ признаковъ красоты, изящества или величія. Единственная царственная черта въ ней—это совершенная не-

подвижность въ выраженіи лица, отличающагося угрюмостію. Больше всего понравились ракеты; каждый взрывъ сопровождался громкимъ возгласомъ съ берега всей темной бухты. Очень тоже восхищались гости матросскими пѣснями, при чемъ королева замѣтила послѣ одной изъ самыхъ бойкихъ пѣсенъ, что это, конечно, не религіозный гимнъ! Ея величество со свитой возвратилась на берегъ только послѣ полуночи.

26 ноября. Вечеромъ мы отплыли при легкомъ береговомъ вѣтрѣ въ Новую Зеландію; во время солнечнаго заката мы простились съ горами острова Таити, которому отдаетъ дань восторга каждый путешественникъ.

19 декабря. Къ вечеру показалась въ отдаленіи Новая Зеландія. Теперь мы можемъ считать, что почти переплыли Тихій океанъ. Нужно дѣйствительно совершить такой переѣздъ, чтобы понять громадность этого океана. Быстро подвигаясь впередъ, мы не видали въ продолженіе цѣлыхъ недѣль ничего, кромѣ синевы его глубокихъ водъ. Даже въ архипелагахъ острова являются маленькими пятнышками, лежащими на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Мы привыкли видѣть на картахъ небольшого масштаба точки, тѣни, имена, скученныя вмѣстѣ и поэтому не можемъ себѣ точно представить, до какой степени мало пространство суши въ сравненіи съ огромнымъ протяженіемъ воды. Меридіанъ антиподовъ уже пройденъ нами, и теперь насъ радуетъ мысль о томъ, что съ каждой новой милей мы приближаемся къ Англіи. Эти антиподы вызываютъ въ памяти дѣтскія сомнѣнія и удивленіе. Еще на дняхъ я мысленно отмѣчалъ эту воздушную линію какъ границу, отъ которой начнется возвращеніе домой; но теперь я вижу, что она, такъ же какъ и всѣ подобные пункты, служащіе мѣстомъ отдохновенія для нашего воображенія, подобна убѣгающимъ тѣнямъ, которыхъ не можетъ поймать движущійся человѣкъ. Сильный вѣтеръ, продолжавшійся нѣсколько дней, за послѣднее время далъ намъ возможность на досугѣ разсчитать, сколько такихъ остановокъ еще предстоитъ намъ испытать въ нашемъ долгомъ обратномъ путешествіи; тѣмъ сильнѣе разгоралась желаніе поскорѣе достигнуть его окончанія.

21 декабря. Рано утромъ мы подошли къ заливу Острововъ и, застигнутые штилемъ у самаго входа, прибыли къ якорной стоянкѣ только около полудня. Страна здѣсь холмистая, съ мягкими очертаніями; она изрѣзана многочисленными бухтами, исходящими изъ большого залива и глубоко вдающимися въ берегъ. Издали представляется, что поверхность почвы покрыта крупной травой, но на самомъ дѣлѣ это—заросль папоротника. На болѣе отдаленныхъ горахъ, и частію и въ долинахъ, находятся лѣса въ довольномъ значительномъ количествѣ. Общій видъ пейзажа не отличается яркостью зелени а напоминаетъ страну, лежащую въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ Консепсіона въ Чили. Въ нѣсколькихъ прибрежныхъ мѣстахъ виднѣются деревушки, состоящія изъ квадратныхъ, опрятнаго вида домовъ, построенныхъ у самой воды. Три китоловныхъ судна стояли на якорѣ, и отъ времени до времени между берегами сновали маленькія лодки. За исключеніемъ этого движенія, все кругомъ дышало необыкновеннымъ спокойствіемъ. Единственная лодка подъѣхала къ нашему кораблю, что вмѣстѣ съ общей картиной представило замѣчательный и не особенно пріятный контрастъ съ веселымъ и шумнымъ пріемомъ, оказаннымъ намъ таитянами.

Послѣ обѣда мы сошли на берегъ и направились къ одной большой группѣ домовъ, которую нельзя было однако назвать деревней. Это мѣстопребываніе миссіонеровъ, извѣстное подъ именемъ Пахіа; изъ туземцевъ

здѣсь живутъ только слуги и рабочіе. Въ окрестностяхъ залива Острововъ насчитывается англичанъ съ ихъ семействами отъ 200 до 300 человѣкъ. Всѣ дома, изъ которыхъ многіе выбѣлены и очень чисты, принадлежатъ англичанамъ. Лачуги туземцевъ до того малы и невзрачны, что ихъ совсѣмъ не видно на нѣкоторомъ разстояніи. Въ Пахіи пріятно было видѣть въ садахъ передъ домами англійскіе цвѣты,—тутъ были розы нѣсколькихъ сортовъ, жимолость, жасмины, левкои и цѣлыя изгороди изъ душистаго шиповника.

22 декабря. Я пошелъ гулять поутру, но скоро убѣдился въ непроходимости страны. Холмы всѣ густо поросли высокими папоротниками и низкимъ кустарникомъ, похожимъ на кипарисъ; только небольшая часть земли расчищена и воздѣлана. Я попробовалъ пройтись по берегу, но и тутъ встрѣтилъ неудачу: куда я ни шелъ, вездѣ приходилось отступать передъ рукавами моря или глубокими ручьями. Жители различныхъ частей залива сообщаются между собою (также какъ въ Чилоэ) преимущественно съ помощью лодокъ. Меня удивило то, что почти каждый холмъ, на который я взбирался, сохранилъ слѣды прежнихъ укрѣпленій. На вершинахъ были вырублены ступени или террасы, часто защищенныя глубокими траншеями. Я замѣтилъ, что главные холмы во внутренности страны имѣли тѣ же искусственныя очертанія. Это—такъ называемые *па*, столь часто упоминаемые капитаномъ Кукомъ подъ именемъ *хиппа;* различіе въ двухъ названіяхъ зависитъ отъ приставленной частицы *хи*.

Доказательствомъ того, что въ прежнее время эти *па* были въ большомъ употребленіи, могутъ служить кучи раковинъ и ямы, въ которыхъ, какъ мнѣ сообщили, сохранялись бывало провизіи сладкихъ бататъ. За отсутствіемъ воды на холмахъ, люди, защищавшіе ихъ, никогда не могли разсчитывать на продолжительную осаду, а ждали лишь поспѣшнаго нападенія съ цѣлью грабежа; противъ него-то послѣдовательныя террасы и служили хорошимъ оплотомъ. Всеобщее распространеніе огнестрѣльнаго оружія измѣнило всю систему войны и въ настоящее время открытая позиція на вершинахъ холмовъ болѣе чѣмъ безполезна. Вслѣдствіе этого современныя *па* устраиваются всегда на ровномъ мѣстѣ. Они состоятъ изъ двойного частокола, построеннаго изъ толстыхъ, высокихъ столбовъ и расположеннаго зигзагомъ, такъ что со всѣхъ сторонъ получается прикрытіе. Позади частокола возведенъ земляной валъ, за которымъ осажденные могутъ безопасно отдыхать или же могутъ оттуда стрѣлять. На уровнѣ почвы дѣлаются иногда небольшіе ходы въ этихъ брустверахъ для того, чтобы защищающіеся могли выбираться къ частоколу и обозрѣвать непріятеля. Миссіонеръ Уильямсъ, отъ котораго я получилъ эти свѣдѣнія, прибавилъ, что на одномъ изъ *па* онъ замѣтилъ родъ подпорокъ или перегородокъ, выдававшихся во внутренней, защищенной сторонѣ земляного вала. На мой вопросъ, къ чему они служатъ, начальникъ отвѣчалъ мнѣ, что если двое или трое изъ его воиновъ будутъ убиты, то перегородки скроютъ ихъ тѣла отъ взоровъ сосѣдей, и такимъ образомъ не будетъ нарушена ихъ бодрость.

Эти *па* считаются у новозеландцевъ очень хорошимъ средствомъ защиты, потому что нападающія силы никогда не бываютъ настолько дисциплинированы, чтобы всѣмъ дружно броситься на частоколъ, срубить его и ворваться внутрь укрѣпленія. Когда какое-нибудь племя отправляется на войну, то начальникъ не можетъ отрядить одну часть войска туда-то, а другую сюда; каждый воинъ дерется, какъ ему лучше нравится; между тѣмъ отдѣльному лицу приблизиться къ частоколу, за-

щищенному огнестрѣльнымъ оружіемъ, должно казаться все равно, что итти на вѣрную смерть. Думаю, что ни въ какой другой странѣ нельзя найти племя болѣе воинственное чѣмъ новозеландцы. Поведеніе ихъ при первомъ появленіи корабля, описанное капитаномъ Кукомъ, можетъ служить сильнымъ доказательствомъ ихъ воинственности; то, что они стали бросать каменьями въ такой большой и новый для нихъ предметъ, дерзость, съ которой они объявили: «только сойдите на берегъ, мы васъ всѣхъ убьемъ и съѣдимъ» доказываютъ необычайную смѣлость. Воинственный духъ этого народа проявляется во многихъ обычаяхъ ихъ и даже въ самыхъ незначительныхъ дѣйствіяхъ. Если кто-нибудь ударитъ новозеландца хотя бы въ шутку, онъ получитъ непремѣнно отвѣтный ударъ. Мнѣ случилось видѣть подобный примѣръ съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ.

Въ настоящее время, съ распространеніемъ просвѣщенія, уменьшилась у новозеландцевъ страсть ихъ къ войнѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ южныхъ племенъ. Мнѣ передавали характерный случай, происшедшій недавно на югѣ. Миссіонеръ засталъ одного изъ начальниковъ съ его племенемъ въ сборахъ на войну; ружья уже были вычищены, амуниція готова. Миссіонеръ долго толковалъ о безполезности войны, о незначительномъ поводѣ къ ней. Слова его подѣйствовали такъ на начальника, что онъ сталъ колебаться, но ему вдругъ пришло на память, что боченокъ съ его порохомъ находится въ плохомъ состояніи и долго не продержится. На это обстоятельство указывали какъ на рѣшительный аргументъ въ пользу немедленнаго объявленія войны; казалось немыслимымъ, чтобы столько хорошаго пороху пропало даромъ, и это соображеніе рѣшило вопросъ войны. Миссіонеры разсказывали мнѣ, что въ жизни Шонги, начальника, посѣтившаго Англію, любовь къ войнѣ была главной и самой прочной пружиной всѣхъ его дѣйствій. Племя, находившееся подъ начальствомъ Шонги, терпѣло одно время сильное притѣсненіе со стороны другого племени, обитавшаго по берегу рѣки Темзы. Обиженные люди торжественно поклялись, что когда сыновья ихъ подрастутъ и будутъ довольно сильны, то они никогда не позабудутъ и не простятъ вынесенныхъ обидъ. Шонги поѣхалъ въ Англію, какъ видно, съ цѣлью привести клятву въ исполненіе; во время своего пребыванія тамъ онъ только объ одномъ и думалъ—о принесенной клятвѣ. Онъ цѣнилъ только тѣ подарки, которые можно было превратить въ оружіе; по части искусствъ его интересовали исключительно тѣ, которыя имѣли какое-нибудь отношеніе къ выдѣлкѣ оружія. Въ бытность свою въ Сиднеѣ, Шонги, по странному стеченію обстоятельствъ, встрѣтился въ домѣ г. Марсдена съ начальникомъ враждебнаго племени; враги вели себя вѣжливо другъ съ другомъ, но Шонги заявилъ своему противнику, что, вернувшись въ Новую Зеландію, онъ никогда не перестанетъ вести войну съ подвластнымъ ему племенемъ. Вызовъ этотъ былъ принятъ, и Шонги, по возвращеніи домой. точно исполнилъ свою угрозу. Племя, жившее на берегу рѣки Темзы, было совсѣмъ разбито, и начальникъ, которому былъ сдѣланъ вызовъ, поплатился жизнью. Несмотря на то, что Шонги могъ таить въ себѣ чувства столь сильной ненависти и мести, его описываютъ какъ добродушное существо.

Вечеромъ я отправился въ гости въ Кororадику съ капитаномъ Фицъ-Роемъ и г. Бекеромъ, однимъ изъ миссіонеровъ; мы странствовали по деревнѣ и разговаривали со многими людьми, мужчинами, женщинами и дѣтьми. Глядя на новозеландца, натурально сравниваешь его

съ таитяниномъ, такъ какъ и тотъ и другой принадлежатъ къ одной расѣ людей. Но сравненіе не говоритъ въ пользу новозеландца.

Въ смыслѣ энергіи онъ, пожалуй, превосходитъ таитянина, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ ниже его. Достаточно взглянуть на выраженія лицъ у того и другого, чтобы убѣдиться въ томъ, что новозеландецъ—дикарь, а таитянинъ—цивилизованный человѣкъ. Напрасно было бы искать во всей Новой Зеландіи человѣка съ такой наружностью, съ такимъ видомъ, какъ старый таитянскій начальникъ Утаммэ. Безъ сомнѣнія, странное татуированіе, принятое здѣсь, придаетъ непріятное выраженіе лица новозеландцамъ. Сложныя и симметрическія фигуры, покрывающія все лицо, производятъ на непривычный глазъ сбивчивое впечатлѣніе; возможно, кромѣ того, что глубокіе надрѣзы нарушаютъ подвижность подкожныхъ мускуловъ, вслѣдствіе чего лица получаютъ выраженіе упорной неподвижности. Однако извѣстный огонекъ въ глазахъ несомнѣнно указываетъ на хитрость и жестокость новозеландцевъ. Они высоки ростомъ и плотнаго тѣлосложенія, но по изяществу ихъ нельзя сравнивать съ людьми рабочаго класса въ Таити.

Сами они и дома ихъ отвратительно грязны; имъ, какъ видно, никогда не приходитъ въ голову, что надо мыться и стирать свои одежды. Я видѣлъ на одномъ начальникѣ рубашку, почернѣвшую отъ грязи, и на вопросъ, какимъ образомъ она могла притти въ такое состояніе, онъ отвѣчалъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ: «развѣ вы не видите, что это старая рубашка?» Нѣкоторые новозеландцы носятъ рубашки, но обыкновенная одежда состоитъ изъ одного или двухъ одѣялъ, большей частью черныхъ отъ грязи; одѣяла перекидываются черезъ плечи самымъ неудобнымъ образомъ. Немногіе начальники, изъ главныхъ, имѣютъ приличное англійское платье, но это платье надѣвается только въ торжественныхъ случаяхъ.

23 декабря. Въ мѣстѣ, называемомъ Уаймате, находящемся приблизительно въ 15 миляхъ отъ залива Острововъ и на полдорогѣ между берегами восточнымъ и западнымъ, миссіонеры купили участокъ земли, который они воздѣлываютъ. Я былъ раньше представленъ достопочтенному Уильямсу, и когда я выразилъ желаніе посѣтить эти мѣста, то онъ пригласилъ меня къ себѣ. Г. Бушби, англійскій консулъ, предложилъ мнѣ переѣхать съ нимъ въ лодкѣ черезъ маленькій заливъ; такимъ образомъ я могъ увидѣть красивый водопадъ и въ то же время сократить свой путь. Онъ же досталъ мнѣ проводника.

Сосѣдній начальникъ, къ которому г. Бушби обратился, прося его рекомендовать кого-нибудь, самъ вызвался меня проводить; но онъ былъ плохо освѣдомленъ насчетъ цѣны денегъ, и началъ съ того, что спросилъ, сколько фунтовъ стерлинговъ я дамъ ему за услугу, а потомъ остался вполнѣ доволенъ двумя долларами. Увидавъ небольшой узелокъ, который надо было за мной нести, онъ счелъ необходимымъ позвать для этого раба.

Теперь уже начинаетъ выводиться такая гордость, но въ прежнее время человѣкъ, занимающій высокое положеніе, скорѣе согласился бы умереть, чѣмъ унизиться до того, чтобы нести малѣйшую ношу. Мой спутникъ былъ человѣкъ легкій и подвижный; одѣтъ онъ былъ въ грязное одѣяло, а лицо его было сильно татуировано. Раньше онъ слылъ великимъ воиномъ. Онъ состоялъ, повидимому, въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ г. Бушби, но между ними не разъ происходили горячія ссоры. Г. Бушби замѣтилъ, что легкой, спокойной ироніей часто удается заставить молчать расходившагося новозеландца. Разъ этотъ самый на-

чальникъ явился къ г. Бушби и обратился къ нему съ слѣдующей высокомѣрной рѣчью: «Великій вождь, великій человѣкъ, другъ мой посѣтилъ меня; вы должны хорошенько угостить его, сдѣлать ему богатые подарки» и пр. Г. Бушби далъ ему окончить свою рѣчь и потомъ спокойнымъ голосомъ сказалъ въ отвѣтъ: «что еще прикажете сдѣдать вашему покорному слугѣ?» Тогда тотъ съ очень комичнымъ выраженіемъ лица тотчасъ же прекратилъ свою хвастливую рѣчь.

Нѣсколько времени тому назадъ г. Бушби испыталъ гораздо болѣе серьезное нападеніе. Одинъ начальникъ со своей шайкой пытался ворваться къ нему ночью въ домъ, но увидавъ, что это не такъ-то легко сдѣлать, всѣ они стали стрѣлять изъ ружей. Г. Бушби былъ слегка раненъ, но шайку удалось, наконецъ, разогнать. Вскорѣ послѣ того узнали кто былъ виновникъ нападенія, и всѣ вожди собрались на совѣщаніе, чтобы обсудить дѣло. Новозеландцы признали нападеніе очень дурнымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что г-жа Бушби лежала больная дома; надо сказать къ ихъ чести, что по ихъ понятіямъ такое обстоятельство должно всегда служить защитой отъ всякихъ нападеній. Начальники постановили конфисковать землю виновнаго въ пользу англійскаго короля. Такого примѣра, чтобы судили и приговорили къ наказанію одного изъ начальниковъ племени никогда, впрочемъ, раньше не бывало. Кромѣ того, преступникъ былъ признанъ недостойнымъ оставаться членомъ своей касты, что въ глазахъ англичанъ являлось болѣе значительнымъ наказаніемъ чѣмъ конфискація земель.

Въ ту минуту, какъ наша лодка отчаливала, въ нее вскочилъ другой новозеландскій начальникъ, захотѣвшій ради удовольствія прокатиться по заливу. Я никогда не видалъ столь отвратительнаго и злого лица. Мнѣ сейчасъ же показалось, что онъ мнѣ кого-то напоминаетъ, и я догадался, что онъ похожъ на рисунки Ретча къ Шиллеровой балладѣ «Фридолинъ», гдѣ изображены два человѣка, толкающіе Роберта въ печь. Тотъ, который уперся рукой въ грудь Роберта и представляетъ сходство съ упомянутымъ новозеландцемъ. Наружность въ этомъ случаѣ оказалась правдивымъ отраженіемъ дѣйствительности: человѣкъ этотъ былъ извѣстнымъ убійцей и къ тому же отъявленнымъ трусомъ. Съ того мѣста, гдѣ пристала лодка, г. Бушби проводилъ меня еще нѣсколько сотъ ярдовъ по дорогѣ. Я не могъ надивиться хладнокровному безстыдству стараго злодѣя, растянувшагося въ лодкѣ, и крикнувшаго вслѣдъ г. Бушби: «Не мѣшкайте тамъ; я устану, дожидаясь васъ здѣсь!». Мы отправились въ путь. Гладкая тропинка шла между высокихъ папоротниковъ, покрывающихъ всю страну. Пройдя нѣсколько миль, мы дошли до небольшой деревни, состоявшей изъ нѣсколькихъ хижинъ; тутъ были воздѣланныя полосы земли съ картофельными грядами. Введеніе картофеля было самымъ важнымъ благодѣяніемъ для этого острова; онъ гораздо больше употребляется теперь жителями нежели туземные овощи.

Новая Зеландія имѣетъ одно большое естественное преимущество, а именно: жители ея никогда не могутъ погибнуть отъ голода. Вся страна изобилуетъ папоротниками, а корни этого растенія, если и не отличаются пріятнымъ вкусомъ, то содержатъ много питательнаго вещества. Туземецъ всегда проживетъ на этихъ корняхъ, а также на моллюскахъ, которыхъ водится такое множество по всему прибрежью. Въ деревняхъ особенно бросаются въ глаза платформы, укрѣпленныя на четырехъ столбахъ футовъ на 10 или на 12 надъ землею; на эти платформы складывается весь сборъ съ полей для предохраненія его отъ разныхъ случайностей. Проходя мимо одной изъ хижинъ, было очень весело

увидать церемонію привѣтствія, состоящую изъ тренія или, точнѣе сказать, изъ пожиманія носовъ. Женщины при нашемъ приближеніи стали что-то произносить жалобными голосами, потомъ онѣ сѣли на корточки и подняли головы; мой товарищъ подходилъ къ каждой изъ нихъ и, прикладывая подъ прямымъ угломъ свою переносицу къ ихъ переносицѣ, пожималъ ее. Церемонія эта длилась нѣсколько больше нашего дружескаго рукопожатія, и такъ же какъ мы разнообразимъ силу пожатія руки, они разнообразятъ пожатіе носа. Во время этой церемоніи дѣйствующія лица издавали легкое одобрительное хрюканье, напоминавшее поросятъ, которые трутся другъ о дружку. Я замѣтилъ, что невольникъ точно такъ же здоровался со всѣми встрѣчными, безразлично въ какомъ порядкѣ очереди—до хозяина или послѣ него. Несмотря на то, что между этими дикарями начальникъ пользуется правомъ распоряжаться жизнью своего невольника, между ними не существуетъ никакого неравенства во внѣшнемъ обращеніи. Г. Бурчель отмѣтилъ ту же особенность у дикихъ бачапиновъ въ Южной Африкѣ. Тамъ, гдѣ цивилизація достигла извѣстной степени, между различными классами общества возникаютъ разныя сложныя формальности отношеній; такъ на Таити всѣ должны были въ прежнее время обнажаться до пояса въ присутствіи короля.

Когда новозеландцы кончили церемонію пожатія носовъ, мы усѣлись въ кружокъ передъ одной изъ хижинъ и отдыхали въ продолженіе получаса. Всѣ постройки одной формы и одинаковыхъ размѣровъ, и всѣ схожи между собой въ томъ, что отвратительно грязны. Онѣ походятъ на коровьи хлѣва, съ одной стороны открытые, но съ перегородкой внутри; въ этой перегородкѣ продѣлано квадратное отверстіе, ведущее въ маленькую, мрачную коморку. Здѣсь хранится все имущество семьи; здѣсь же она ночуетъ въ дурную погоду. Обѣдаютъ и проводятъ большую часть времени въ передней части хижины. Мои проводники выкурили по трубочкѣ, и мы отправились дальше. Дорога проходила все по такой же холмистой мѣстности, одѣтой столь же однообразно папоротниками. Направо отъ насъ протекала извилистая рѣчка, окаймленная деревьями; мѣстами и на склонахъ холмовъ виднѣлись рощи. Несмотря на зелень, картина природы оставляла впечатлѣніе унынія. Изобиліе папоротниковъ вызываетъ мысль о безплодіи почвы, но такое представленіе неправильно, потому что въ мѣстахъ, поросшихъ папоротникомъ почти въ человѣческій ростъ, вспаханная земля становится плодородной. Нѣкоторые мѣстные жители предполагаютъ, что вся эта широкая открытая полоса земли была въ прежнее время покрыта лѣсами, выжженными впослѣдствіи. Говорятъ, что при раскапываніи почвы, даже въ самыхъ голыхъ мѣстахъ, часто находятъ куски смолы, которая течетъ изъ новозеландской сосны. Туземцы имѣли, очевидно, причину, заставившую ихъ расчистить мѣстность, такъ какъ папоротникъ, главный предметъ питанія у нихъ, процвѣтаетъ лишь на расчищенныхъ открытыхъ мѣстахъ.

Почти полное отсутствіе злаковъ, что составляетъ замѣчательную черту въ растительности Новой Зеландіи, можетъ быть, объясняется именно тѣмъ, что вся земля была первоначально покрыта лѣсами.

Почва здѣсь вулканическая; мѣстами мы проходили по кускамъ лавы, а на нѣкоторыхъ холмахъ можно было различить кратеры. Хотя пейзажъ нигдѣ не представляетъ особенныхъ красотъ, и только изрѣдка встрѣчаются красивыя мѣста, но прогулка доставила мнѣ удовольствіе. Она была бы еще пріятнѣе, если бъ мой спутникъ, новозеландскій начальникъ, не обладалъ необыкновенной словоохотливостью. Изъ мѣстнаго нарѣчія мнѣ были понятны только три слова: «хорошо», «дурно» и «да»;

этими тремя словами я отвѣчалъ на всѣ его рѣчи, не понявъ, разумѣется, ничего изъ того, что онъ говорилъ; но съ него и этого было достаточно: я внимательно слушалъ и представлялъ для него пріятнаго спутника, такъ что онъ говорилъ не умолкая.

Наконецъ, мы добрались до Уаймате. Послѣ столькихъ миль необитаемой и невоздѣланной страны, внезапное появленіе, словно по мановенію волшебнаго жезла, англійской фермы съ ея прекрасно обработанными полями доставляетъ необыкновенное удовольствіе. Господина Уильямса не было дома, а потому меня радушно принялъ г. Дэвисъ. Напившись чаю съ его семьей, мы пошли гулять и осматривать ферму. Въ Уаймате находятся три большихъ дома, занятыхъ миссіонерами, господами Уильямсъ, Дэвисъ и Кларкъ; подлѣ этихъ домовъ расположены жилища туземныхъ работниковъ. На ближнемъ склонѣ холма было прекрасное поле ячменя и пшеницы, а въ другихъ мѣстахъ мы проходили мимо полей съ картофелемъ и клеверомъ. Но я не берусь описать все, что я видѣлъ; здѣсь были большіе сады во всѣми плодами и овощами, произрастающими въ Англіи, и со многими другими, свойственными теплому климату. Для примѣра назову спаржу, турецкіе бобы, огурцы, ревень, фиги, персики, яблоки, абрикосы, виноградъ, оливки, крыжовникъ, смородину, хмель, терновникъ для изгородей и англійскіе дубы, а также множество цвѣтовъ. Вокругъ двора тянулись стойла для скота; тутъ же стояли молотилка съ вѣялкой и кузница; на землѣ лежали плуги и другія земледѣльческія орудія. Посреди двора поросята и куры уютно расположились всѣ вмѣстѣ, точь въ точь какъ на любой англійской фермѣ. Нѣсколько сотъ ярдовъ подальше, гдѣ былъ запруженъ маленькій ручей, стояла большая и солиднаго вида мельница.

Все это поразительно, когда вспомнишь, что пять лѣтъ тому назадъ здѣсь не было ничего, кромѣ папоротниковъ. Къ тому же перемѣна эта есть дѣло рукъ туземцевъ, наученныхъ миссіонерами. Уроки миссіонеровъ сыграли въ этой странѣ роль волшебнаго жезла. Дикари Новой Зеландіи построили дома, вставили въ нихъ оконныя рамы, вспахали поля, и даже сдѣлали прививки на деревьяхъ. На мельницѣ работалъ новозеландецъ, выбѣленный мукой, какъ и собратъ его, англійскій мельникъ. Глядя на все это, я испытывалъ настоящій восторгъ. Чувство мое происходило не только отъ того, что Англія такъ живо припомнилась мнѣ, хотя съ наступленіемъ сумерекъ домашніе сельскіе звуки, поля, деревья, холмистая даль,—все могло быть принято за родную сторону; не было во мнѣ и чувства торжества при мысли о томъ, что могутъ совершить англичане; меня скорѣе радовала надежда, вызванная тѣмъ, что я видѣлъ, на будущее развитіе этого прекраснаго острова.

Нѣсколько молодыхъ людей, выкупленныхъ изъ рабства миссіонерами, работали на фермѣ. На нихъ были надѣты рубашки, панталоны и куртки, придававшія имъ совсѣмъ приличный видъ. Судя по одному незначительному случаю, они должны быть честны. Въ то время какъ мы ходили по полямъ, молодой рабочій подошелъ къ г. Дэвису и подалъ ему ножъ и буравчикъ, говоря, что онъ нашелъ ихъ на дорогѣ и не знаетъ, кому они принадлежатъ. Эти молодые парни и мальчики казались веселыми и добродушными. Вечеромъ я увидалъ нѣсколькихъ изъ нихъ за игрой въ крикетъ; вспомнивъ, что миссіонеровъ обвиняютъ въ суровыхъ нравахъ, я не могъ безъ улыбки смотрѣть на сына одного изъ нихъ, принимавшаго дѣятельное участіе въ игрѣ. Еще бо́льшую перемѣну къ лучшему можно было замѣтить въ молодыхъ женщинахъ, прислуживавшихъ внутри домовъ. Ихъ опрятный и здоровый видъ, на-

поминавшій англійскихъ молочницъ, представлялъ удивительную противоположность съ обитательницами грязныхъ хижинъ въ Кororадикѣ. Жены миссіонеровъ старались уговорить ихъ не татуироваться, но, когда прибылъ какой-то знаменитый операторъ съ юга, онѣ сказали: «надо же провести хоть нѣсколько черточекъ на губахъ, а то, когда мы состаримся, губы сморщатся и мы будемъ такъ некрасивы!» Теперь татуируются гораздо меньше прежняго, но такъ какъ татуировка служитъ признакомъ, отличающимъ начальника отъ раба, то она вѣрно долго сохранится въ мѣстныхъ обычаяхъ. Люди скоро свыкаются съ извѣстными взглядами; миссіонеры говорили мнѣ, что имъ самимъ нетатуированное лицо кажется менѣе благороднымъ, чѣмъ лицо новозеландскаго джентльмена.

Поздно вечеромъ я ушелъ въ домъ г. Уильямса, гдѣ и провелъ ночь. Тамъ я засталъ большое общество дѣтей, собравшихся на праздникъ Рождества и сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ. Я никогда не видалъ дѣтей милѣе и веселѣе этихъ; странно было думать, что находишься въ странѣ людоѣдства, убійствъ и всякихъ ужасныхъ преступленій! Радушіе и счастіе, разлитыя на лицахъ молодежи, чувствовались, повидимому, и старшими членами миссіи.

24 декабря. Утромъ читали молитвы на мѣстномъ языкѣ для всей семьи. Послѣ утренняго чая я пошелъ бродить по фермѣ и въ садахъ. Былъ базарный день, когда туземцы изъ сосѣднихъ деревень привозятъ картофель, кукурузу или свиней для обмѣна на одѣяла, табакъ, а иногда, подъ вліяніемъ миссіонеровъ, и на мыло. Старшій сынъ г. Дэвиса, который хозяйничаетъ на своей собственной фермѣ, ведетъ всѣ базарныя дѣла. Дѣти миссіонеровъ, живущія съ молодыхъ лѣтъ на островѣ, лучше родителей понимаютъ мѣстное нарѣчіе и скорѣе могутъ всего добиться отъ туземцевъ.

Передъ обѣдомъ гг. Уильямсъ и Дэвисъ свели меня въ одну часть сосѣдняго лѣса, чтобы показать мнѣ знаменитую новозеландскую сосну (Каури). Смѣривъ одно изъ величественныхъ деревьевъ, я увидалъ, что у корней оно имѣетъ въ окружности 31 футъ. Поблизости отъ этого дерева было другое, котораго я не видѣлъ, имѣвшее 33 фута въ окружности; толщина иныхъ сосенъ, какъ мнѣ говорили, доходитъ до 40 футовъ. Эти деревья замѣчательны своими гладкими, цилиндрическими стволами, достигающими 60, а иногда и 90 футовъ вышины, съ почти одинаковымъ діаметромъ отъ низа до верха и безъ единственной вѣтви. Шатеръ вѣтвей на верхушкѣ не пропорціонально малъ по отношенію къ стволу; листья также слишкомъ малы сравнительно съ вѣтвями. Лѣсъ здѣсь состоитъ почти изъ однѣхъ сосенъ, и эти огромныя, столпообразныя деревья возвышаются точно гигантскія деревянныя колонны. Строевой лѣсъ, получаемый отъ новозеландской сосны, составляетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ произведеній острова; кромѣ того, изъ коры сосенъ вытекаетъ большое количество смолы, продаваемой американцамъ по 1 пенни за фунтъ, но тогда употребленіе этой смолы было еще не извѣстно. Нѣкоторые лѣса Новой Зеландіи должны быть до крайности непроходимы. Г. Метьюзъ, сообщилъ мнѣ, что одинъ лѣсъ, занимающій только 34 мили въ ширину и раздѣляющій два заселенныхъ участка, недавно, въ первый разъ былъ пройденъ насквозь. Метьюзъ и другой миссіонеръ, каждый въ сопровожденіи пятидесяти человѣкъ, взяли на себя трудъ проложить дорогу черезъ этотъ непроходимый лѣсъ, но попытка ихъ потребовала двухнедѣльныхъ трудовъ. Въ лѣсахъ мнѣ попадалось мало птицъ. Что касается звѣрей, надо отмѣтить любопытный фактъ: столь обширный островъ, простирающійся въ длину на 700 миль

и во многихъ мѣстахъ имѣющій 90 миль въ ширину, съ разнообразными мѣстными условіями, прекраснымъ климатомъ и почвою расположенною на самыхъ различныхъ уровняхъ, отъ 14.000 футовъ и до уровня моря, такой островъ не имѣетъ, кромѣ одной маленькой крысы, ни одного свойственнаго ему мѣстнаго звѣря. Нѣсколько видовъ исполинскаго рода птицъ Dinornis, повидимому, замѣнили здѣсь млекопитающихъ, какъ пресмыкающіяся замѣняютъ ихъ на архипелагѣ Галапагосъ. Говорятъ, что обыкновенная норвежская крыса въ короткій двухлѣтній срокъ уничтожила въ сѣверной части острова новозеландскій видъ крысъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я видѣлъ различнаго рода травы, которыя долженъ былъ признать за соотечественниковъ, такъ же какъ и крысъ. Порей завоевалъ цѣлыя области и доставитъ со временемъ не мало неудобствъ, но его привезли сюда на французскомъ кораблѣ въ видѣ особенной любезности. Обыкновенный конскій щавель тоже очень распространился, и я боюсь, что онъ останется навсегда доказательствомъ мошенничества одного англичанина, продавшаго его сѣмена за табачныя.

Вернувшись съ пріятной прогулки, я обѣдалъ у г. Уильямса; послѣ обѣда мнѣ дали лошадь для обратнаго пути къ заливу Острововъ. Я простился съ миссіонерами съ чувствомъ благодарности за ихъ радушный пріемъ и съ глубокимъ уваженіемъ къ ихъ благороднымъ, полезнымъ и прямодушнымъ личностямъ. Думаю, что трудно было бы найти людей, лучше ихъ приспособленныхъ къ выполненію трудной обязанности, взятой ими на себя.

Рождество Христово. Черезъ нѣсколько дней исполнится четыре года съ нашего отъѣзда изъ Англіи. Первое Рождество мы провели въ Плимутѣ, второе—въ бухтѣ св. Мартина, подлѣ мыса Горна, третье—въ Портъ-Дезире, въ Патагоніи, четвертое—стоя на якорѣ въ пустынной гавани полуострова Тресъ-Монтесъ, пятое—здѣсь, а слѣдующее, надѣюсь, если Богъ дастъ, проведемъ въ Англіи. Мы были у обѣдни въ церкви селенія Пахія; часть богослуженія происходила на англійскомъ языкѣ, часть—на мѣстномъ нарѣчіи. Во время нашего пребыванія въ Новой Зеландіи мы не слыхали о недавнихъ случаяхъ людоѣдства, но г. Стоксъ нашелъ обгорѣлыя человѣческія кости, разбросанныя кругомъ костра на маленькомъ островѣ возлѣ якорной стоянки. Но вѣдь возможно, что эти остатки пріятнаго пира лежали здѣсь уже нѣсколько лѣтъ. Есть вѣроятіе, что нравственная сторона здѣшняго народа быстро пойдетъ по пути развитія. Г. Бушби разсказалъ про одинъ утѣшительный случай, могущій служить доказательствомъ искренности по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ дикарей, исповѣдующихъ христіанскую религію. Отъ него ушелъ одинъ молодой парень, который былъ пріученъ читать молитвы другимъ слугамъ въ домѣ. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль ему случилось какъ то поздно вечеромъ проходить мимо одного сарая; тутъ онъ увидалъ рабочаго съ трудомъ читавшаго вслухъ при свѣтѣ очага Евангеліе своимъ товарищамъ. Послѣ чтенія всѣ собравшіеся стали на колѣни и молились; въ молитвахъ своихъ они упомянули г. Бушби и его семью, а также и всѣхъ другихъ миссіонеровъ, каждаго соотвѣтственно его участку.

26 декабря. Г. Бушби предложилъ г. Селивану и мнѣ проѣхать съ нимъ въ его лодкѣ нѣсколько миль вверхъ по рѣкѣ до Кава-Кава, а потомъ пѣшкомъ дойти до деревни Уайоміо, гдѣ находятся интересныя скалы. Плывя по одному изъ рукавовъ залива мы наслаждались красивыми видами, пока не доѣхали до деревни, дальше которой нельзя было ѣхать въ лодкѣ. Отсюда насъ вызвался проводить въ Уайоміо старшина

деревни съ нѣсколькими людьми; до Уайоміо оставалось четыре мили. Старшина этотъ получилъ въ это время извѣстность тѣмъ, что повѣсилъ свою жену и невольника за прелюбодѣяніе. Когда одинъ изъ миссіонеровъ сталъ его усовѣщивать, онъ выразилъ удивленіе и сказалъ, что считалъ свой поступокъ вполнѣ согласнымъ съ обычаями англичанъ. Старый Шонги, бывшій въ Англіи во время суда надъ королевой, отозвался очень неодобрительно обо всемъ это дѣлѣ: онъ говорилъ, что имѣетъ пять женъ и скорѣе велѣлъ бы имъ всѣмъ отрубить головы, нежели подымать такія хлопоты изъ-за одной. Выйдя изъ этой деревни, мы пошли въ другую, расположенную на сосѣднемъ холмѣ. Дочь одного начальника, не принявшаго еще христіанства, умерла пять дней передъ этимъ. Хижину, въ которой она скончалась, сожгли дотла; тѣло ея, заключенное между двухъ маленькихъ лодокъ, было поставлено вертикально на землю и защищено оградой, увѣшанной деревянными изображеніями ихъ боговъ, при чемъ все было выкрашено въ ярко-красный цвѣтъ, чтобы издали бросалось въ глаза. Ея платье было прикрѣплено ко гробу, а волосы были отрѣзаны и брошены у подножія гроба. Родственники разодрали кожу на лицѣ, на рукахъ, на всемъ тѣлѣ, такъ что всѣ были покрыты запекшейся кровью, а старухи казались отъ этого отвратительно грязными. На слѣдующій день нѣкоторые изъ офицеровъ ходили туда и застали женщинъ все еще воющими и наносящими себѣ порѣзы.

Продолжая нашъ путь, мы скоро прибыли въ Уайолло. Здѣсь нагромождены массы известняка, похожія на развалины замковъ. Скалы эти долго служили мѣстомъ погребенія покойниковъ, такъ что ихъ почитаютъ священными и не смѣютъ къ нимъ подходить. Одинъ изъ молодыхъ проводниковъ нашихъ крикнулъ, однако: «Будемъ храбры!» и побѣжалъ впередъ, но, когда онъ съ другими смѣльчаками очутился ярдахъ въ ста отъ скалъ, всѣ они раздумали и остановились. Насъ они впрочемъ, съ полнымъ равнодушіемъ допустили осмотрѣть все это мѣсто. Мы остались въ этой деревнѣ на нѣсколько часовъ, чтобы отдохнуть, и въ это время возникъ длинный споръ съ г. Бушби насчетъ права продавать извѣстные участки земли.

Одинъ старикъ, повидимому, отличный знатокъ генеалогіи, перечислилъ всѣхъ прежнихъ владѣльцевъ, отмѣчая ихъ палочками, которыя онъ втыкалъ въ землю. Передъ нашимъ уходомъ каждому изъ насъ была предложена корзиночка жареныхъ банановъ; мы взяли ихъ съ собой, по установленному обычаю, въ видѣ провизіи на дорогу. Я замѣтилъ, что между женщинами, занимавшимися приготовленіемъ кушаній, находился невольникъ; въ здѣшней воинственной странѣ вѣрно считается весьма унизительнымъ для мужчины исполнять работу, которая и для женщины представляется самой низкой. Невольникамъ воспрещено участіе въ войнѣ, но на это врядъ ли можно смотрѣть какъ на жестокость. Мнѣ разсказывали, что однажды во время войны какой-то бѣднякъ ушелъ отъ своего хозяина въ лагерь враговъ; настигнутый двумя людьми, онъ былъ ими захваченъ, но такъ какъ они не могли притти къ соглашенію, кому изъ обоихъ онъ долженъ принадлежать, то оба угрожали ему каменными топорами, рѣшивъ не уступать его живымъ. Несчастный, полумертвый отъ ужаса, былъ, наконецъ, спасенъ заступничествомъ жены одного изъ старшинъ. Мы совершили пріятную обратную прогулку въ лодкѣ, но на корабль возвратились только поздно вечеромъ.

30 декабря. Послѣ полудня мы вышли изъ залива острововъ и направились въ Сидней. Думаю, что всѣ мы рады были покинуть Новую

Зеландію. Это—мѣсто непривлекательное. Въ туземцахъ нѣтъ очаровательной простоты, которую встрѣчаешь на островѣ Таити, между тѣмъ какъ большинство англичанъ, живущихъ здѣсь, принадлежатъ къ подонкамъ общества. Въ моемъ воспоминаніи о Новой Зеландіи осталась одна свѣтлая точка—селеніе Уаймате съ его христіанскими обитателями.

ГЛАВА XIX.

Австралія.

Сидней.—Поѣздка въ Батерстъ.—Видъ лѣсовъ.—Толпа туземцевъ.—Постепенное исчезновеніе туземцевъ.—Зараза, произведенная ассоціаціей здоровыхъ людей.—Голубыя горы.—Видъ на величественныя долины, подобныя заливамъ.—Ихъ происхожденіе и образованіе. Батерстъ.—Всеобщая вѣжливость въ низшихъ классахъ общества.—Положеніе общества.—Вандименова земля.—Гобартъ-Тоунъ.—Туземцы всѣ изгнаны.—Гора Веллингтонъ.—Заливъ короля Георга.—Безотрадный видъ страны.—Болдъ-Хедъ, известковые отпечатки древесныхъ вѣтвей.—Толпа туземцевъ.—Покидаемъ Австралію.

12 января 1836 г. Рано утромъ легкій вѣтерокъ привелъ насъ ко входу въ Портъ-Джэксонъ. Вмѣсто зеленѣющей мѣстности, перемѣшанной съ красивыми домами, передъ нами открылась прямая линія желтоватыхъ скалъ, напомнившихъ намъ Патагонію. Одинокій маякъ, построенный изъ бѣлаго камня, одинъ свидѣтельствовалъ о томъ, что мы находимся близъ большого многолюднаго города. Когда войдешь въ гавань, то она представляется красивой и просторной; утесистые берега состоятъ изъ горизонтально наслоеннаго песчаника. Почти совершенно ровная поверхность покрыта тощими, чахлыми деревьями, по которымъ можно судить о безплодіи почвы. Дальше внутрь страны видъ становится красивѣе: чудныя виллы, уютные котэджи разбросаны тамъ и сямъ вдоль берега. Вдали видны двухъ- и трехъ-этажные дома, вѣтряныя мельницы, выступающія на краю обрыва... все говоритъ о близости столицы Австраліи.

Наконецъ, мы бросили якорь въ Сиднейской бухтѣ. Небольшое водяное пространство было покрыто большими кораблями и окружено складочными амбарами для товаровъ. Вечеромъ я пошелъ гулять по городу и возвратился въ полномъ восторгѣ отъ всего видѣннаго. Здѣсь проявляется во всемъ величіи мощь англійскаго народа. Въ странѣ, менѣе обѣщающей, нежели Южная Америка, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ сдѣлано гораздо болѣе, чѣмъ вѣками сдѣлано въ Южной Америкѣ. Первое чувство, испытанное мною въ Сиднеѣ, было чувство гордости, что я родился англичаниномъ. Познакомившись ближе съ городомъ, я немного сбавилъ своего восхищенія, но все-таки повторяю: городъ очень хорошъ. Улицы въ немъ правильныя, широкія, чистыя и содержатся въ образцовомъ порядкѣ; дома хорошихъ размѣровъ, магазины богатые. Можно вѣрно сравнить этотъ городъ съ большими предмѣстьями Лондона и нѣсколькихъ другихъ большихъ городовъ Англіи; но даже вблизи Лондона или Бирмингама нѣтъ признаковъ столь быстраго роста. Удивительно смотрѣть на множество большихъ домовъ и другихъ зданій, только что отстроенныхъ, и тѣмъ не менѣе всѣ жалуются на дороговизну квартиръ и затрудненія, встрѣчаемыя при исканіи жилого помѣщенія. Пріѣхавъ сюда изъ Южной Америки, гдѣ всѣ богатые люди городовъ наперечетъ, я невольно удивлялся, что здѣсь не-

возможно было сразу узнать, кому принадлежитъ тотъ или другой экипажъ.

Я нанялъ человѣка и двухъ лошадей, чтобы доѣхать до Батьерста,— деревни, расположенной внутри страны, миляхъ въ 120 отъ Сиднея и представляющей центръ обширнаго скотоводнаго округа. Я надѣялся такимъ образомъ получить общее понятіе о видѣ страны. Утромъ 16-го января я отправился въ экскурсію. Первую остановку мы сдѣлали въ Параматта, небольшомъ провинціальномъ городѣ, имѣющемъ послѣ Сиднея самое важное значеніе. Дороги были отличныя, устроенныя по системѣ Макъ-Адама, для чего былъ привезенъ камень изъ-за нѣсколькихъ миль отсюда. Параматта очень напоминалъ Англію; впрочемъ, число пивныхъ здѣсь превосходило, кажется, число англійскихъ.

Всего менѣе напоминали Англію цѣлыя партіи каторжниковъ, т.-е. преступниковъ, закованныхъ въ цѣпи и работающихъ подъ присмотромъ часовыхъ съ заряженными ружьями. Власть, которой располагаетъ правительство, даетъ ему возможность посредствомъ принудительной работы проводить по всѣмъ направленіямъ хорошія дороги, и это обстоятельство служитъ, какъ я полагаю, одной изъ главныхъ причинъ быстраго расцвѣта колоніи.

Я ночевалъ въ очень удобной гостиницѣ въ Эму-Ферри, въ 35 миляхъ отъ Сиднея, недалеко отъ подошвы Голубыхъ горъ. Эта дорога самая посѣщаемая, и вдоль нея живутъ старѣйшіе колонисты. Всѣ помѣстья окружены высокими заборами, потому что здѣшніе фермеры не умѣютъ разводить живыя изгороди. Между домами есть много хорошихъ, прочно построенныхъ; тамъ и сямъ разбросаны удобные котэджы; но хотя значительные участки уже обработаны, остается еще много земли вовсе невоздѣланной.

Крайнее однообразіе растительности составляетъ замѣчательную черту въ пейзажѣ большой части Новаго Южнаго Уэльса. Вездѣ передъ нами открывались пространства, поросшія рѣдкимъ лѣсомъ, а почва была едва покрыта жидкой, слегка зеленѣющей травой. Деревья почти всѣ принадлежатъ къ одному семейству; листья ихъ имѣютъ большею частью вертикальное положеніе, въ отличіе отъ европейскихъ листьевъ, скорѣе горизонтально стоящихъ; вообще листва здѣсь рѣдкая и отличается блѣдно-зеленымъ цвѣтомъ, безъ всякаго блеска. Вслѣдствіе этого, лѣса кажутся рѣдкими и безъ тѣни; для путешественника это непріятно, потому что у него нѣтъ защиты отъ палящихъ лучей солнца, но зато фермеръ, благодаря такому устройству листвы получаетъ траву тамъ, гдѣ она не росла бы, еслибъ тѣни было больше. Листья не опадаютъ періодически; эта черта, повидимому, общая всему южному полушарію: Южной Америкѣ, Австраліи и Мысу Доброй Надежды. Такимъ образомъ, жители южнаго полушарія и тропическихъ странъ лишены одного изъ самыхъ чудесныхъ (хотя для насъ обычнаго) зрѣлищъ въ мірѣ: они не знаютъ, что́ такое первое весеннее распусканіе всей листвы на обнаженныхъ деревьяхъ. Конечно, они могутъ возразить, что мы дорогой цѣной покупаемъ свое удовольствіе, такъ какъ у насъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ земля покрыта голыми скелетами. Тутъ есть правда, но у насъ обостряется чувство наслажденія при видѣ весенней зелени, тогда какъ глаза тѣхъ, кто живетъ въ тропическихъ странахъ, пресыщены созерцаніемъ круглый годъ роскошной растительности и не испытываютъ нашего восхищенія. Большинство австралійскихъ деревьевъ, за исключеніемъ голуболистыхъ эйкалиптовъ, не достигаютъ большихъ размѣровъ, но они растутъ довольно стройно, имѣютъ высокіе стволы и стоятъ да-

леко другъ отъ друга. У нѣкоторыхъ эйкалиптовъ кара ежегодно отпадаетъ или отмираетъ и виситъ въ видѣ длинныхъ клочьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ, что придаетъ лѣсу унылый, безпорядочный видъ. Я не могу себѣ представить болѣе полнаго контраста во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ то, что представляютъ лѣса Вальдивіи или Чилоэ въ сравненіи съ лѣсами Австраліи.

Во время солнечнаго заката мимо насъ прошла партія черныхъ туземцевъ, при чемъ каждый изъ нихъ несъ, по ихъ обыкновенію, связку копій и другое оружіе. Я далъ шиллингъ одному изъ молодыхъ людей, шедшему впереди, благодаря чему легко удалось ихъ остановить; они стали бросать копья для моей забавы. Всѣ они были частью одѣты, а нѣкоторые изъ нихъ говорили немного по-англійски; лица у нихъ были добродушныя и пріятныя и они вовсе не казались такими низкими существами, какими ихъ обыкновенно представляютъ. Въ національномъ искусствѣ они просто удивительные мастера. На разстояніи тридцати ярдовъ была повѣшена шляпа, которую они пробивали насквозь брошеннымъ копьемъ, летѣвшимъ съ быстротою стрѣлы, пущенной изъ лука опытнымъ стрѣлкомъ. Люди эти проявляютъ необыкновенную смѣтливость при выслѣживаніи звѣря или человѣка, а нѣкоторыя замѣчанія ихъ, переданныя мнѣ, свидѣтельствуютъ о значительной проницательности. Но они не хотятъ воздѣлывать землю или строить жилища и перейти къ осѣдлой жизни; имъ даже не хочется брать на себя трудъ пасти стада овецъ, даримыя имъ. Въ общемъ они произвели на меня впечатлѣніе людей, стоящихъ на болѣе высокой ступени цивилизаціи, чѣмъ жители Огненной Земли.

Любопытно видѣть среди образованнаго народа горсть безобидныхъ дикарей, которые ведутъ бродячій образъ жизни, не зная, гдѣ проведутъ ночь, и поддерживаютъ свое существованіе, охотясь въ лѣсахъ. Распространяя свои поселенія, бѣлые люди заняли земли, принадлежащія нѣсколькимъ племенамъ. Племена эти, несмотря на то, что они окружены однимъ объединеннымъ народомъ, сохраняютъ свои древнія отличительныя свойства, раздѣляющія ихъ между собою, и по временамъ воюютъ другъ съ другомъ. Въ сраженіи, происходившемъ недавно, обѣ враждующія стороны по какому-то странному соображенію избрали центръ деревни Батерстъ полемъ сраженія. Это оказало побѣжденнымъ большую пользу, такъ какъ бѣжавшіе воины искали убѣжища въ сараяхъ.

Численность туземцевъ быстро сокращается. Во все время моего объѣзда, за исключеніемъ нѣсколькихъ мальчиковъ, воспитанныхъ англичанами, я встрѣтилъ только одну партію туземцевъ, кромѣ уже описанной. Уменьшеніе туземнаго населенія должно быть, безъ всякаго сомнѣнія, приписано ввозу спиртныхъ напитковъ, европейскимъ болѣзнямъ (среди которыхъ даже менѣе тяжелыя формы, какъ, наприм., корь [1]) опустошительно дѣйствуютъ среди туземцевъ) и постепенному исчезновенію дикихъ животныхъ; говорятъ, что много дѣтей погибаетъ у нихъ въ раннемъ дѣтствѣ вслѣдствіе постояннаго передвиженія съ мѣста на мѣсто; между тѣмъ, такъ какъ трудность добывать пищу все увеличивается, то привычка странствовать тоже растетъ; вотъ почему замѣчается такое

[1]) Удивительно до чего видоизмѣняется одна и та же болѣзнь, въ зависимости отъ климата. На маленькомъ островѣ св. Елены скарлатины боятся не менѣе чумы. Въ нѣкоторыхъ странахъ пришлое населеніе и туземное страдаютъ отъ извѣстныхъ эпидемій столь же различно, какъ будто они принадлежатъ къ различнымъ родамъ животныхъ. Такіе примѣры бывали въ Чили, а также въ Мексикѣ, по свидѣтельству Гумбольдта.

уменьшеніе туземнаго населенія безъ видимой смертности отъ голода; такого быстраго вымиранія не бываетъ въ цивилизованныхъ странахъ, гдѣ отецъ семейства можетъ усиленнымъ трудомъ повредить себѣ, но зато не подвергаетъ смерти свое потомство.

Кромѣ причинъ очевидныхъ, повидимому, существуетъ другое, необъяснимое вліяніе, дѣйствующее на сокращеніе населенія. Вѣдь, гдѣ ступалъ европеецъ, смертность преслѣдовала туземца. Мы видимъ одни и тѣ же послѣдствія на огромномъ протяженіи обѣихъ Америкъ, Полинезіи, мыса Доброй Надежды и Австраліи. И надо сказать, что не одинъ бѣлый человѣкъ является истребителемъ туземнаго населенія; полинезіецъ малайскаго происхожденія вытѣсняетъ чернокожихъ туземцевъ въ Остъ-Индскомъ архипелагѣ. Разновидности человѣческой расы имѣютъ, повидимому, такое же взаимодѣйствіе, какъ различные виды животныхъ: сильнѣйшая разновидность уничтожаетъ слабѣйшую. Грустно было слышать въ Новой Зеландіи изъ устъ славныхъ, энергичныхъ мѣстныхъ людей увѣренность въ томъ, что земля ихъ должна перейти отъ ихъ дѣтей въ чужія руки. Всѣмъ извѣстенъ фактъ непонятной убыли въ населеніи прекраснаго и здороваго острова Таити со времени путешествія Кука; однако можно было бы ожидать совершенно иного, потому что прекратилось дѣтоубійство, существовавшее раньше въ такихъ поразительныхъ размѣрахъ, уменьшился развратъ и рѣже стали происходить убійственныя войны.

Достопочтенный Дж. Уильямсъ говоритъ въ своемъ интересномъ трудѣ [1]), что начало сношеній между туземцами и европейцами всегда «сопровождается появленіемъ лихорадокъ, дизентеріи или какой-нибудь другой болѣзни, уносящей множество жертвъ изъ туземнаго населенія». Кромѣ того онъ утверждаетъ слѣдующее: «нельзя оспаривать того факта, что во время моего пребыванія большинство эпидемій, свирѣпствовавшихъ на островѣ, были завезены туда кораблями [2]) и, что дѣлаетъ это явленіе особенно замѣчательнымъ, это то, что на самомъ кораблѣ, завезшемъ эпидемію, не было заболѣваній среди людей экипажа. «Впрочемъ, это не столь необычайно, какъ представляется съ перваго взгляда: много замѣчено было случаевъ, когда появлялись злокачественныя лихорадки, между тѣмъ, какъ люди, занесшіе ихъ, оставались сами невреди-

---

[1]) Narrative of missionary enterprise, p. 282.

[2]) Капитанъ Бичи говоритъ (глава IV, томъ I), что жители острова Пипекерна твердо убѣждены въ томъ, что по прибытіи каждаго новаго корабля, они страдаютъ накожными и другими болѣзнями. Г. Бичей приписываетъ это перемѣнѣ въ образѣ питанія во время посѣщенія острова кораблемъ.

Докторъ Маккёллохъ (Western Isles, V. II, p. 32) говоритъ: „Утверждаютъ, что съ прибытіемъ каждаго иностранца (въ с. Кильда) всѣ жители, по мѣстному выраженію, „схватываютъ простуду“. Д-ръ Маккёллохъ считаетъ этотъ фактъ просто смѣшнымъ, хотя онъ и былъ часто подтверждаемъ. Онъ, однако, прибавляетъ: „мы обращались съ вопросомъ относительно этого явленія къ мѣстнымъ жителямъ, и они единогласно подтвердили слышанное нами. Въ путешествіи Ванкувера встрѣчается приблизительно такой же разсказъ про Отаити. Д-ръ Дифенбахъ въ примѣчаніи къ своему переводу моего путешествія говоритъ: что жители острова Чатама и нѣкоторыхъ частей Новой Зеландіи раздѣляютъ это повѣрье. Нельзя предполагать, чтобы такое повѣрье распространилось въ сѣверномъ полушаріи, и въ Южномъ, и на Тихомъ океанѣ безъ всякаго на то основанія. Гумбольдтъ (Polit. Essay on King of New Spain vol. IV) говоритъ, что большія эпидеміи въ Панамѣ и Калао „отмѣчаются временами прибытія кораблей изъ Чили, потому что обитатели этихъ умѣренныхъ странъ впервые испытываютъ на себѣ гибельное вліяніе экваторіальнаго климата. Прибавлю, что слышалъ еще въ Шропширѣ такое замѣчаніе: овцы, привезенныя на корабляхъ, хотя сами и находятся въ здоровомъ состояніи, но, смѣшавшись съ другими овцами, часто становятся причиной заболѣваній въ стадѣ.

мыми. Въ началѣ царствованія Георга III одинъ арестантъ былъ привезенъ къ судьѣ изъ тюрьмы; его сопровождали въ каретѣ четыре полицейскихъ; несмотря на то, что заключенный самъ былъ здоровъ, полицейскіе вскорѣ умерли отъ быстротечной гнилой лихорадки, но зараза дальше не распространилась. Изъ всего этого, кажется, можно заключить, что испаренія людей, запертыхъ нѣкоторое время въ совмѣстномъ заключеніи, становятся ядовитыми, когда они вдыхаются другими людьми, и вѣроятно, особенно вредны для людей, принадлежащихъ къ другой расѣ. Какъ ни загадочно это явленіе, но оно не болѣе удивительно, чѣмъ тотъ фактъ, что тѣло человѣка тотчасъ послѣ смерти, до начала разложенія, большею частью содержитъ ядовитыя вещества, могущія оказаться смертоносными при порѣзѣ инструментомъ, употребляемымъ для вскрытія тѣла.

17 января. Рано утромъ мы переправились на паромѣ черезъ Непинъ. Хотя въ этомъ мѣстѣ рѣка имѣетъ широкое и глубокое русло, но количество текущей воды въ ней очень незначительно. Проѣхавъ низменное пространство по ту сторону рѣки мы достигли склона Голубыхъ горъ. Подъемъ не крутой, такъ какъ дорогу тщательно провели по склону утеса изъ песчаника. На вершинѣ простирается почти гладкая равнина, которая незамѣтно возвышается въ западномъ направленіи и, наконецъ, достигаетъ болѣе 3.000 футовъ высоты. Громкое названіе Голубыхъ горъ и цифра ихъ абсолютной высоты вызывали ожиданіе увидѣть большую горную цѣпь, пересѣкающую страну; но вмѣсто того покатая равнина незначительно выдѣляется надъ низменной полосой земли побережья. Съ этого перваго склона открывался поразительный видъ на обширную лѣсистую мѣстность, которая тянется къ востоку; окружающія деревья высоки и величественны. Но съ песчаниковаго плоскогорья видъ становится чрезвычайно однообразнымъ; по обѣ стороны дороги растутъ невзрачныя деревца изъ неизбѣжнаго семейства эйкалиптовъ; за исключеніемъ двухъ-трехъ маленькихъ гостиницъ не встрѣтишь ни домовъ, ни воздѣланной земли; кромѣ того, дорога эта совсѣмъ пустынная; чаще всего здѣсь встрѣчается телѣга, запряженная волами и нагруженная шерстью.

Въ полдень, чтобы дать лошадямъ передохнуть, мы остановились въ маленькомъ трактирѣ подъ названіемъ «Уэтербардъ». Это мѣсто находится на высотѣ 2.800 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ полутора миляхъ отсюда есть видъ, на который очень стоитъ посмотрѣть. Пройдя маленькую долину, все время слѣдуя вдоль ея крошечнаго ручья, внезапно очутишься передъ огромнымъ оврагомъ, около 1.500 футовъ глубиною, который неожиданно открывается изъ-за деревьевъ, окаймляющихъ тропинку. Если пройти еще нѣсколько ярдовъ, то дойдешь до края пропасти и у ногъ своихъ увидишь величественный заливъ или бухту,— не знаю какъ иначе назвать это мѣсто,—густо поросшую лѣсомъ. Кажется, какъ будто стоишь въ глубинѣ дуги, образующей заливъ, а въ обѣ стороны тянется линія утесистаго берега съ выдающимися тамъ и сямъ мысами, которые выступаютъ одинъ за другимъ какъ будто вдоль крутыхъ береговъ моря. Утесы эти состоятъ изъ горизонтальныхъ пластовъ бѣловатаго песчаника и до того вертикальны, что во многихъ мѣстахъ, стоя на краю бездны и бросивши камень внизъ, можно видѣть, какъ онъ упадетъ на дерево, растущее на днѣ пропасти. Крутые утесы эти тянутся такой непрерывной линіей, что надо, какъ говорятъ, сдѣлать обходъ миль въ шестнадцать для того, чтобы попасть къ подножію водопада, образуемаго маленькимъ ручьемъ, протекающимъ по долинѣ.

Впереди, миляхъ въ пяти, идетъ другой рядъ утесовъ, такъ что кажется, какъ будто вся долина ими окружена; вотъ почему названіе залива вѣрно характеризуетъ это величественное амфитеатральное углубленіе. Если себѣ представить извилистую гавань, окруженную крутыми утесистыми берегами, и вообразить, что дно гавани пересохло, и на его песчаномъ грунтѣ выросъ лѣсъ, то получишь понятіе о формѣ и строеніи этой мѣстности. Для меня картина была совершенно нова и показалась мнѣ великолѣпной.

Вечеромъ мы пріѣхали въ гостиницу «Блэкхитъ». Песчаниковое плоскогорье достигаетъ здѣсь высоты въ 3.400 футовъ и покрыто все такими же невзрачными деревьями. Съ дороги иногда можно было видѣть другую долину въ томъ же родѣ какъ только что описанная, но дна ея, вслѣдствіе глубины и крутизны ея боковъ, нельзя было разглядѣть. «Блэкхитъ» преудобный трактиръ, содержимый старымъ солдатомъ; онъ мнѣ напомнилъ маленькій трактиръ сѣвернаго Уэльса.

18 января. Раннимъ утромъ я пошелъ мили за три посмотрѣть Говетсъ-Липъ; видъ тамъ похожъ на видъ подлѣ Уэтерборда, но, пожалуй, еще болѣе поразительный. Въ это утреннее время дня бездна была подернута легкой голубоватой дымкой, которая, хотя и ослабляла общій эфектъ картины, но зато увеличивала впечатлѣніе глубины, на которой лежалъ лѣсъ у нашихъ ногъ. Очень замѣчательны эти долины, долго служившія непреодолимыми препятствіями энергіи самыхъ смѣлыхъ переселенцевъ, желавшихъ проникнуть внутрь страны. Большія рукава бухты, расходящіеся на верхнемъ концѣ, отвѣтвляются отъ главныхъ долинъ и врѣзываются въ песчаное плоскогорье, а плоскогорье въ свою очередь вдается обширными мысами въ долины и образуетъ въ нихъ мѣстами большія отдѣльныя массы, похожія на острова. Чтобы спуститься въ долины, надо дѣлать обходы въ 20 миль; въ иныя долины землемѣры проникли только недавно, а колонистамъ до сихъ поръ не удается провести туда скотъ. Но что въ этихъ долинахъ особенно замѣчательно, это то, что онѣ имѣютъ нѣсколько миль ширины въ верхнемъ концѣ, а потомъ все суживаются, такъ что подлѣ устья онѣ дѣлаются непроходимыми. Главный завѣдующій эксплоатаціей здѣшней мѣстности, сэръ Т. Митчель, тщетно пробовалъ сначала пройти пѣшкомъ, затѣмъ ползкомъ пробраться между большими глыбами обвалившагося песчаника, чтобы попасть въ ущелье, по которому протекаетъ рѣка Гразъ до сліянія съ рѣкою Нипиномъ; между тѣмъ долина рѣки Гразъ въ верхней своей части образуетъ, какъ я самъ видѣлъ, великолѣпный плоскодонный бассейнъ, шириною въ нѣсколько миль, окруженный со всѣхъ сторонъ утесами, достигающими, по общему мнѣнію, не менѣе 3.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ долину Уолганъ спускается тропинка (по которой я сошелъ) частью естественная, а частью проложенная владѣльцемъ земли; когда по этой тропинкѣ прогонятъ стадо въ долину, то оно не можетъ оттуда убѣжать, потому что долина окружена отвѣсными скалами, а за восемь миль ниже она превращается въ такое узкое ущелье, чрезъ которое не можетъ пройти ни человѣкъ, ни звѣрь; средняя ширина долины равняется полумили. Сэръ Т. Митчель говоритъ, что большая долина рѣки Коксъ со всѣми ея развѣтвленіями въ мѣстѣ сліянія своего съ Нипиномъ суживается въ ущелье, имѣющее 2.200 ярдовъ ширины, а глубины—тысячу футовъ. Можно было указать и другіе подобные примѣры.

Когда наблюдаешь соотвѣтствіе горизонтальныхъ пластовъ по бокамъ этихъ долинъ и большихъ амфитеатральныхъ углубленій, то пер-

вая мысль, приходящая на умъ, бываетъ та, что долины эти, такъ же какъ и другія размыты водою, но когда начнешь обдумывать такое предположеніе, когда сообразишь какія массы камни должны были въ такомъ случаѣ пройти черезъ узкія ущелья, иногда просто черезъ трещины, то возникаетъ вопросъ не опустилась ли почва на этихъ пространствахъ. Однако, принимая во вниманіе форму неправильно вѣтвящихся долинъ и узкихъ горныхъ отроговъ, вдающихся въ нихъ изъ плоскогорья, приходится отказаться и отъ этой мысли. Приписать эти углубленія теперешнему аллювіальному дѣйствію воды было бы нелѣпо; къ тому же потоки, бѣгущіе съ вершинъ, не всегда изливаются въ широкой части долины, какъ я замѣтилъ близъ Уэтерборда, а впадаютъ въ который нибудь изъ ея рукавовъ. Я слышалъ отъ тамошнихъ жителей, что при видѣ этихъ заливообразныхъ углубленій съ выступающими по обѣимъ сторонамъ мысами, они бызали всегда поражены ихъ сходствомъ съ крутымъ берегомъ моря. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ; кромѣ того, теперешній берегъ Новаго Южнаго Уэльса изрѣзанъ множествомъ прекрасныхъ, широко развѣтвляющихся гаваней,которыя большею частью соединяются съ океаномъ посредствомъ узкихъ проливовъ, пробившихся черезъ песчаниковые береговые утесы и имѣющихъ въ ширину отъ одной мили до одной четверти мили; гавани эти съ проливами представляютъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, большое сходство съ обширными долинами внутри материка. Но тутъ сейчасъ же является затруднительный вопросъ: почему же море размыло эти большія, хотя замкнутыя углубленія на обширномъ плоскогорьѣ и оставило узкіе проходы, черезъ которые должны были выноситься всѣ огромныя количества измельченнаго камня? Единственное объясненіе этой загадки, имѣющееся въ моемъ распоряженіи, опирается на слѣдующее наблюденіе: отмѣли самыхъ неправильныхъ формъ образуются, повидимому, и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ моряхъ, какъ, напр., мѣстами въ Вестъ-Индіи и въ Чермномъ морѣ, при чемъ бока ихъ очень круты. Имѣю основаніе предполагать, что эти отмели произошли изъ осадковъ, наносившихся сильнымъ теченіемъ на неправильное дно. Едва ли можно сомнѣваться, изучивъ карту Вестъ-Индіи, что иногда море, вмѣсто того чтобы располагать ровно и горизонтально свои осадки, накопляетъ ихъ вокругъ подводныхъ скалъ и острововъ; а что волны могутъ образовать высокія и крутыя скалы даже въ защищенныхъ гаваняхъ, я это замѣтилъ во многихъ мѣстахъ Южной Америки. Если приложить подобныя соображенія къ песчаниковому плоскогорью Новаго Южнаго Уэльса, то я могу предположить, что оно образовалось вслѣдствіе наслоенія осадковъ, нанесенныхъ сильнымъ теченіемъ, и вслѣдствіе волненія открытаго океана дѣйствовавшаго на неправильное дно, что долинообразныя пространства оставались такимъ образомъ пустыми, и что въ продолженіе медленнаго поднятія земли крутые бока ихъ были изрыты водою наподобіе утесовъ, а измельченные обломки песчаника были унесены въ то время, какъ узкія ущелья были промыты отступившими волнами океана или же впослѣдствіи аллювіальнымъ дѣйствіемъ.

Вскорѣ послѣ того какъ мы выѣхали изъ Блэкгита, намъ пришлось спуститься съ песчаниковаго плоскогорья черезъ проходъ Маунтъ-Викторія. Для того, чтобы сдѣлать этотъ проходъ, нужно было пробить огромное количество камня, и надо сказать, что задача эта исполнена такъ хорошо, что проходъ достоинъ сравненія съ любой дорогой въ Англіи. Мы вступили въ страну, лежащую на тысячу футовъ ниже предыдущей и состоящую изъ гранита. Съ перемѣною почвы измѣнился

къ лучшему и характеръ растительности—деревья стали красивѣе и росли не такъ часто. Трава между ними была обильнѣе и ярче цвѣтомъ. Отъ Гассансъ-Уольсъ, я свернулъ съ большой дороги и поѣхалъ немного въ сторону, на ферму Уалеравангъ, къ управляющему, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо отъ владѣльца, жившаго въ Сиднеѣ. Г. Браунъ любезно пригласилъ меня провести слѣдующій день на фермѣ, на что я согласился съ большимъ удовольствіемъ. Ферма эта представляетъ образчикъ крупнаго хозяйства или точнѣе овцеводнаго заведенія. Здѣсь, впрочемъ, содержатъ кромѣ того и лошадей, и рогатый скотъ, потому что нѣкоторыя болотистыя ложбины производятъ болѣе густую траву. Подлѣ дома находились двѣ-три площадки земли, расчищенныя подъ посѣвъ зернового хлѣба, который теперь жали работники съ фермы; пшеница, однако сѣется только въ количествѣ, потребномъ для прокормленія фермскихъ рабочихъ въ теченіе года.

На фермѣ работаютъ обыкновенно около сорока рабочихъ-арестантовъ, причисленныхъ къ фермѣ, но теперь ихъ было здѣсь больше сорока. Несмотря на благоустройство здѣшняго хозяйства, въ домѣ недоставало уютности и не было ни одной живущей женщины. Закатъ солнца вѣнчающій прекрасный день, всегда придаетъ радостный оттѣнокъ любому пейзажу, но здѣсь, въ этой уединенной фермѣ, самая яркая окраска сосѣднихъ лѣсовъ не могла меня заставить позабыть тотъ грустный фактъ, что въ эту минуту сорокъ загрубѣлыхъ преступниковъ кончаютъ свой дневной трудъ, подобно африканскимъ невольникамъ, но безъ ихъ священныхъ правъ на состраданіе.

Рано утромъ на слѣдующій день г. Арчеръ, помощникъ управляющаго любезно позвалъ меня на охоту на кенгуру. Мы пробыли въ сѣдлѣ почти весь день, но охота наша была неудачная, такъ какъ мы не видали ни одного кенгуру и даже ни одной дикой собаки. Борзыя выслѣдили въ древесномъ дуплѣ маленькаго потору, котораго мы оттуда извлекли; это животное величиною съ кролика, но съ виду похоже на кенгуру. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣшняя страна изобиловала дикими животными, но въ настоящее время эму ушли далеко отсюда, а кенгуру стали очень рѣдки. Для тѣхъ и другихъ англійскія борзыя собаки оказались крайне опасными врагами; можетъ быть, еще нескоро дикія животныя подвергнутся полному истребленію, но во всякомъ случаѣ судьба ихъ рѣшена. Туземцы постоянно занимаютъ собакъ у фермеровъ; пользованіе ими, а также требухой отъ убитой скотины и молокомъ задабриваютъ ихъ по отношенію къ колонистамъ, готовымъ умиротворять ихъ такими подачками; благодаря имъ колонисты все глубже проникаютъ внутрь страны. Легкомысленные туземцы, ослѣпленные столь ничтожными услугами, радуются приближенію бѣлыхъ людей, которые, повидимому, должны унаслѣдовать землю ихъ дѣтей.

Несмотря на неудачную охоту, мы насладились прогулкой. Деревья здѣсь вообще растутъ такъ рѣдко, что свободно можно скакать по лѣсамъ. Они мѣстами прорѣзаны плоскодонными долинами, покрытыми зеленой травой; въ такихъ мѣстахъ красивый видъ напоминалъ паркъ. Вездѣ, гдѣ я проѣзжалъ, я видѣлъ слѣды пожаровъ; ихъ сравнительная давность, большая или меньшая степень обугливанія пней только и нарушали столь утомительное для глаза путешественника однообразія. Въ этихъ лѣсахъ мало водится птицъ; впрочемъ, я видѣлъ большія стаи бѣлыхъ какаду, пасущихся на хлѣбномъ полѣ, и нѣсколько удивительно красивыхъ попугаевъ; довольно часто попадались еще вороны въ родѣ нашихъ галокъ, и птицы, похожія на нашихъ сорокъ.

Въ сумерки я пошелъ бродить вдоль ряда прудовъ, обозначавшихъ въ этой сухой странѣ теченіе рѣки; тутъ мнѣ посчастливилось увидать нѣсколько штукъ знаменитаго утконоса *Ornitohrhynchus paradoxus*. Они ныряли и играли на поверхности воды, но при этомъ такъ мало высовывались изъ воды, что ихъ можно было принять за водяныхъ крысъ. Г. Браунъ застрѣлилъ одного изъ нихъ: надо сказать, что это—совсѣмъ необыкновенное животное; чучело его не даетъ яснаго понятія о живой головѣ и живомъ клювѣ, который тогда становится жесткимъ и съеживается [1]).

20 января. Цѣлый день ѣхали въ Батерстъ. До выѣзда на большую дорогу пробирались тѣсной тропинкой; эдѣсь мѣста совершенно уединенныя; встрѣчались только рѣдкія хижины. Въ этотъ день мы испытали на себѣ силу австралійскаго вѣтра, похожаго на сирокко, который дуетъ изъ горячихъ степей, лежащихъ внутри материка. Облака пыли неслись во всѣхъ направленіяхъ, а вѣтеръ обжигалъ насъ, какъ будто онъ раскалился на огнѣ. Мнѣ говорили потомъ, что термометръ показывалъ въ этотъ день на открытомъ воздухѣ 191°, а въ комнатахъ 96°. Подъ вечеръ передъ нами открылись низменности Батерста. Эти слегка волнистыя равнины замѣчательны тѣмъ, что на нихъ совсѣмъ не растутъ деревья. Ихъ покрываетъ только жиденькая бурая трава. Проѣхавъ нѣсколько миль по такой ровной мѣстности, мы прибыли въ Батерстъ, расположенный посреди широкой долины или узкой равнины: и то и другое названіе подходитъ къ мѣстоположенію Батерста. Когда я былъ въ Сиднеѣ меня, предупреждали, чтобы я не составлялъ себѣ слишкомъ неблагопріятнаго мнѣнія объ Австраліи, судя по тому, что я увижу по дорогѣ, и чтобы я не дѣлалъ слишкомъ благопріятнаго заключенія изъ впечатлѣнія, полученнаго въ самомъ Батерстѣ; что касается послѣдняго предостереженія, я ни мало не опасался слишкомъ пристрастнаго сужденія. Время года, по правдѣ сказать, было неблагопріятное, вслѣдствіе сильной засухи, но мнѣ говорили, что два-три мѣсяца передъ этимъ общій видъ мѣстности былъ гораздо хуже того, что я нашелъ. Вся тайна цвѣтущаго состоянія Батерста заключается въ томъ, что буроватая трава, производящая такое жалкое впечатлѣніе на путешественника, даетъ отличный кормъ стадамъ овецъ. Городъ находится на высотѣ 2200 футовъ надъ уровнемъ моря, на берегу Макквери, одной изъ рѣкъ, текущихъ внутрь обширной и почти неизвѣстной страны. Линія водораздѣла, отдѣляющаго внутреннія рѣки отъ береговыхъ, находится на 3000 футовъ высоты и тянется по направленію отъ сѣвера къ югу, на разстояніи восьмидесяти или ста миль отъ берега. На географическихъ картахъ Макквери изображается какъ большая рѣка; да она и есть самая большая изъ тѣхъ рѣкъ, которыя текутъ по сю сторону водораздѣла; однако, я былъ очень удивленъ, увидавъ передъ собой не что иное какъ рядъ прудовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга почти сухими пространствами. Большею частью здѣсь протекаютъ небольшіе ручьи,

[1]) Меня заинтересовала найденная мною въ землѣ маленькая коническая ямка, западня, принадлежащая муравьиному льву или какому-нибудь другому насѣкомому; прежде всего въ предательское отверстіе упала муха и тотчасъ исчезла; потомъ попался большой неосторожный муравей; онъ употреблялъ неимовѣрныя усилія, чтобы спастись бѣгствомъ, но тогда противъ него быстро направились любопытные выстрѣлы песчинками, которые описаны у Керби и Спенса (Entomol. vol. I, p. 425); насѣкомое, владѣющее ямкой выбрасываетъ хвостомъ песокъ на погибель своей жертвы. Но муравью посчастливилось, и его не постигла злая участь мухи; онъ избѣжалъ роковыхъ челюстей, скрывавшихся у основанія конической западни. Эта австралійская ловушка почти вдвое меньше той, которую дѣластъ европейскій муравьиный левъ.

но по временамъ бываютъ полноводные, быстрые потоки. Какъ ни мало воды въ этой округѣ, но внутри страны ея еще меньше.

22 января. Я отправился въ обратный путь по новой дорогѣ, называемой Локіеровой линіей, вдоль которой идетъ мѣстность болѣе холмистая и живописная. Въ этотъ день пришлось совершить длинный переѣздъ; домъ, гдѣ я намѣревался ночевать, стоялъ въ сторонѣ отъ дороги, и его нелегко было найти. Я встрѣтилъ въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ здѣшнихъ мѣстахъ, большую предупредительность со стороны людей низшаго сословія, чего нельзя было ожидать, зная ихъ происхожденіе. Ферма, гдѣ я провелъ ночь, принадлежала двумъ молодымъ людямъ, только недавно пріѣхавшимъ сюда и начинавшимъ свою поселенческую жизнь. Полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было удобствъ конечно не представляло ничего привлекательнаго, но зато въ близкомъ будущемъ можно было разсчитывать на вѣрное благосостояніе.

На слѣдующій день мы проѣзжали по обширнымъ полосамъ, объятымъ пламенемъ; клубы дыма застилали дорогу. До полудня мы выѣхали на прежній путь и поднялись на гору Викторія. На ночь я остановился въ Уэтербордѣ, и вечеромъ пошелъ еще разъ взглянуть на амфитеатральную долину. По дорогѣ въ Сидней я провелъ очень пріятный вечеръ у капитана въ Денхиведѣ; на этомъ и кончилась моя маленькая экскурсія въ колонію Новаго Южнаго Валлиса.

До моего пріѣзда туда три вопроса болѣе всего занимали меня; состояніе высшаго класса общества, положеніе преступниковъ и степень привлекательности страны, заставляющей людей переселяться сюда. Конечно, такое кратковременное посѣщеніе не позволяетъ составить себѣ истинное сужденіе; но не вынести какого-нибудь мнѣнія такъ же трудно, какъ вынести безусловно вѣрное мнѣніе. Говоря вообще скорѣе со словъ другихъ чѣмъ по личному опыту, я скажу, что разочаровался въ состояніи здѣшняго общества. Все поселеніе раздѣлено на партіи, враждующія между собою почти по всякому поводу. Между тѣми, кто по своему общественному положенію должны были бы принадлежать къ лучшимъ людямъ, многіе живутъ въ такомъ развратѣ, что порядочнымъ людямъ съ ними невозможно имѣть сношеній. Вѣчная зависть существуетъ между дѣтьми бывшихъ преступниковъ, освобожденныхъ и разбогатѣвшихъ, и свободными колонистами, потому что первые считаютъ честныхъ людей за нежелательныхъ конкурентовъ. Всѣ рѣшительно, бѣдные и богатые преслѣдуютъ одну цѣль—наживу; высшій классъ только и разговариваетъ что о шерсти и овцеводствѣ. Домашняя жизнь окружена серьезными затрудненіями, изъ которыхъ главное можетъ быть, состоитъ въ томъ, что вся прислуга набрана изъ ссыльныхъ. Какое отвратительное чувство должно возникать при мысли о томъ, что человѣкъ вамъ прислуживающій, не далѣе какъ вчера былъ высѣченъ за какую-нибудь незначительную провинность! Женская прислуга еще хуже, вслѣдствіе чего дѣти научаются самымъ дурнымъ словамъ и хорошо еще, если они не получаютъ въ то же время дурныхъ понятій.

Съ другой стороны, человѣкъ можетъ здѣсь получить безъ всякаго труда втрое больше процентовъ со своего капитала нежели въ Англіи; при заботливости со своей стороны онъ непремѣнно разбогатѣетъ. Предметы роскоши въ изобиліи и немногимъ дороже чѣмъ въ Англіи, большая же часть съѣстныхъ припасовъ дешевле, климатъ чудный и вполнѣ здоровый, но, по-моему, прелесть его теряетъ отъ непривлекательнаго вида страны. Колонисты находятъ большую выгоду въ томъ, что ихъ сыновья съ очень раннихъ лѣтъ становятся ихъ помощниками. Юноши отъ 16

20 лѣтъ зачастую берутъ на себя веденіе хозяйства на далекихъ фермахъ. Но такая дѣятельность связана съ однимъ плохимъ условіемъ: молодые люди должны неизбѣжно жить въ постоянномъ сношеніи съ прислугой изъ арестантовъ. Я не замѣтилъ, чтобы это отразилось на общемъ тонѣ общества, но при такихъ привычкахъ и при отсутствіи умственныхъ интересовъ врядъ ли возможно избѣжать пониженія общественныхъ нравовъ. По моему убѣжденію только крайняя нужда могла бы меня заставить переселиться сюда.

Быстрое процвѣтаніе и блестящая будущность этой страны представляются мнѣ, человѣку несвѣдущему по этой части, довольно непонятными. Два главныхъ предмета вывоза—шерсть и китовый жиръ, но произведенія эти не безграничны. Страна совсѣмъ не пригодна для проведенія каналовъ, а потому сухопутная перевозка шерсти ограничивается близкимъ отъ берега пунктомъ, дальше котораго не будутъ окупаться издержки на стрижку и содержаніе овецъ.

Пастбища вездѣ такъ скудны, что поселенцы уже продвинулись далеко внутрь страны, а между тѣмъ почва по мѣрѣ удаленія внутрь страны становится очень бѣдна. Хлѣбопашество вслѣдствіе засухъ не можетъ производиться въ большихъ размѣрахъ, такъ что на мой взглядъ Австралія должна сдѣлаться торговымъ центромъ южнаго полушарія и, быть можетъ, получитъ значеніе фабричной страны. Имѣя въ своемъ распоряженіи много каменнаго угля, она располагаетъ движущей силой. Такъ какъ поселенія тянутся вдоль морскаго берега и къ тому же колонисты англійскаго происхожденія, то несомнѣнно, что Австралія будетъ страной мореплавателей. Когда-то я воображалъ, что она разовьется въ столь же великую и могущественную страну, какъ Сѣверная Америка, но теперь такая будущность кажется мнѣ сомнительной.

Что касается положенія преступниковъ, я имѣлъ еще менѣе возможности ознакомиться съ нимъ, чѣмъ съ другими вопросами. — Первое, что спрашиваешь себя, это, можно ли считать ихъ положеніе наказаніемъ? Во всякомъ случаѣ оно не можетъ считаться суровымъ, но это не важно, пока ссылка внушаетъ страхъ преступникамъ на родинѣ. Житейскія потребности ихъ достаточно удовлетворяются. Они могутъ надѣяться получить въ близкомъ будущемъ свободу и матеріальный достатокъ, а при хорошемъ поведеніи могутъ быть даже увѣрены въ этомъ. «Отпускной листъ», дающій человѣку, не заподозрѣнному въ преступленіи и не совершившему его, право жить на свободѣ въ извѣстномъ районѣ, получается за хорошее поведеніе по истеченіи срока, назначеннаго приговоромъ; несмотря на все это, не говоря уже о предварительномъ тюремномъ заключеніи и тяжеломъ переѣздѣ, годы обязательной работы остаются тяжелымъ временемъ, переживаемымъ съ неудовольствіемъ. Какъ говорилъ мнѣ одинъ умный человѣкъ, ссыльные не понимаютъ другихъ радостей, кромѣ чувственныхъ, но и онѣ имъ недоступны. Во власти правительства дарованіе прощенія, чѣмъ оно сильно подкупаетъ преступниковъ, которые, кромѣ того, имѣютъ глубокое отвращеніе отъ одиночнаго заключенія; все это уничтожаетъ взаимное довѣріе между заключенными и предотвращаетъ преступленія. Что касается до чувства стыда, то оно, повидимому, не существуетъ, въ чемъ я могъ убѣдиться по нѣсколькимъ яркимъ примѣрамъ. Хотя это можетъ показаться страннымъ, но, по общимъ отзывамъ, ссыльные отличаются необыкновенной трусостью; нерѣдко случается, что нѣкоторые изъ нихъ, доведенные до отчаянія, становятся равнодушными къ жизни, но привести въ исполненіе планъ, требующій хладнокровія и продолжительной смѣлости, удается очень немногимъ. Самая

плохая черта въ жизни преступниковъ это то, что хотя и совершается въ нихъ перемѣна къ лучшему съ точки зрѣнія закона, но, кажется, не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо нравственномъ перерожденіи. Я слышалъ отъ хорошо освѣдомленнаго лица, что человѣкъ, желающій въ самомъ дѣлѣ исправиться, не можетъ этого сдѣлать, живя среди преступниковъ: жизнь его превратилась бы въ сплошное преслѣдованіе. Къ тому же не надо забывать заразительности дурныхъ примѣровъ, существующихъ на корабляхъ во время перевозки и въ тюрьмахъ, какъ въ Австраліи, такъ и въ Англіи.

Въ общемъ слѣдуетъ сказать, что планъ ссылки въ Австралію оказался неудачнымъ въ смыслѣ наказанія; въ смыслѣ полнаго возрожденія онъ тоже не достигаетъ цѣли, какъ не достигъ бы этой цѣли, можетъ быть, и всякій другой планъ. Но, благодаря этому, люди пріобрѣтаютъ показную честность; бродяги, совершенно ненужные въ одномъ полушаріи, превращаются въ энергичныхъ гражданъ на почвѣ другого полушарія и способствуютъ развитію новой, богатой страны, служащей центромъ просвѣщенія. Успѣхи въ этомъ отношеніи не могутъ найти ничего подобнаго въ исторіи.

30 января. «Бигль» отплылъ въ Гобартъ-таунъ, на Вандименовой Землѣ. 5 февраля, послѣ шестидневнаго переѣзда мы вошли въ устье залива Бурь; первая часть переѣзда была хороша, а вторая при холодной и ненастной погодѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшей имени залива. Его можно скорѣе назвать лиманомъ, потому что въ него впадаетъ рѣка Дервентъ. У входа въ заливъ тянутся большія базальтовыя платформы, но дальше мѣстность становится гористой и порастаетъ рѣдкимъ лѣсомъ.

Нижняя часть холмовъ, окаймляющихъ заливъ, расчищена и засѣяна зерновыми растеніями; ярко-желтыя нивы хлѣбныхъ посѣвовъ и темно-зеленыя картофельныя поля представляютъ роскошный видъ. Поздно вечеромъ мы бросили якорь въ уютной бухтѣ, на берегу которой расположилась столица Тасманіи. Первое впечатлѣніе было хуже, чѣмъ въ Сиднеѣ; послѣдній заслуживаетъ названія столицы, тогда какъ Гобартъ-таунъ—простой городъ. Лежитъ онъ у подошвы Велингтоновой горы, достигающей 3000 ф. высоты, но не представляющей ничего живописнаго; однако гора эта снабжаетъ въ изобиліи городъ водою. Вокругъ пристани стоятъ хорошіе складочные амбары, а съ одной стороны находится небольшая крѣпость. Послѣ чудныхъ укрѣпленій въ испанскихъ поселеніяхъ средства защиты въ здѣшней колоніи кажутся совсѣмъ ничтожными. Сравнивая городъ съ Сиднеѣмъ, я былъ пораженъ малымъ количествомъ большихъ домовъ готовыхъ или же строящихся. По послѣдней переписи въ 1835 году Гобартъ-таунъ насчитывалъ 13.826 жителей, а вся Тасманія—36.505.

Всѣ туземцы выселены на островъ въ Бассовомъ проливѣ, такъ что Вандименова Земля пользуется большимъ преимуществомъ: на ней нѣтъ совсѣмъ туземнаго населенія. Эта жестокая мѣра была, повидимому, неизбѣжна, въ виду необходимости положить конецъ ужаснымъ грабежамъ, поджогамъ и убійствамъ, совершавшимся чернокожими; все равно, рано или поздно они были бы истреблены. Боюсь, что дурные поступки нѣкоторыхъ изъ моихъ соотечественниковъ вызвали всѣ эти злодѣйства. 30 лѣтъ—слишкомъ короткій періодъ для окончательнаго изгнанія мѣстнаго населенія съ острова величиною съ Ирландію. Существуетъ очень интересная переписка по этому поводу между метрополіей и Вандименовой Землей. Несмотря на то, что множество туземцевъ были перестрѣляны или взяты въ плѣнъ во время схватокъ, длившихся въ продолже-

ніи нѣсколькихъ лѣтъ съ нѣкоторыми промежутками, мѣстное населеніе только тогда убѣдилось въ подавляющей силѣ англичанъ, когда въ 1830 г. весь островъ былъ объявленъ на военномъ положеніи и издана была прокламація, призывавшая все народонаселеніе къ борьбѣ съ черной расой. Придуманъ былъ планъ, схожій съ большими индѣйскими охотами; поперекъ острова протянулась линія нападающихъ съ тѣмъ, чтобы загнать въ тупикъ на полуостровѣ Тасманіи всѣхъ туземцевъ. Попытка эта не удалась, такъ какъ туземцы, привязавъ своихъ собакъ, пробрались незамѣтно ночью черезъ цѣпь. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы возьмемъ въ соображеніе тонкость ихъ чувствъ и умѣнье ползать во время охоты на дикихъ звѣрей. Мнѣ говорили, что они могутъ такъ прятаться на мѣстахъ почти совсѣмъ открытыхъ, что трудно даже повѣрить, если не видѣлъ своими глазами; ихъ темнокожія тѣла трудно отличаются отъ почернѣвшихъ пней, разбросанныхъ повсемѣстно. Мнѣ разсказывали про пари между нѣсколькими англичанами и однимъ туземцемъ, стоявшимъ у всѣхъ на виду на склонѣ голаго холма; стоило англичанамъ закрыть глаза на нѣсколько секундъ, какъ онъ распластывался по землѣ и они ни за что не могли отличить его фигуры между окружающими пнями. Но возвратимся къ охотѣ, предпринятой англичанами противъ чернокожихъ. Когда туземцы поняли способъ борьбы, направленной противъ нихъ, они очень испугались, потому что они тотчасъ взвѣсили силу и численность бѣлыхъ. Вскорѣ 13 человѣкъ, принадлежавшихъ къ двумъ различнымъ племенамъ, явились и чувствуя свою беззащитность, съ отчаянія сдались англичанамъ. Потомъ, благодаря стараніямъ дѣятельнаго и добраго человѣка, г. Робинсона, безстрашно посѣщавшаго самыхъ враждебныхъ туземцевъ, всѣ они согласились поступить такъ же. Послѣ этого ихъ перевезли на островъ, гдѣ ихъ снабдили пищей и одеждой. Графъ Стрелецкій говоритъ [1]), что «во время ихъ переселенія въ 1835 году число ихъ достигало 210 человѣкъ, въ 1842 г. т.-е. по прошествіи семи лѣтъ, ихъ было уже только 54; между тѣмъ какъ во внутреннихъ областяхъ Новаго Южнаго Уэльса каждая семья, не приходившая еще въ соприкосновеніе съ бѣлыми, производитъ множество дѣтей, на Флиндеровомъ островѣ за восемь лѣтъ приростъ населенія состоялъ всего изъ 14 человѣкъ».

«Бигль» простоялъ здѣсь 10 дней, и я за это время совершилъ нѣсколько пріятныхъ экскурсій, главною цѣлью которыхъ были изслѣдованія геологическаго строенія ближайшихъ окрестностей. Самый большой интересъ здѣсь представляютъ, во-первыхъ, нѣсколько пластовъ, богатыхъ окаменѣлостями и принадлежащихъ къ девонской или каменноугольной формаціи; во-вторыхъ, доказательство недавняго поднятія земли, и, наконецъ, единственный очень небольшой и неглубокій слой желтоватаго известняка, или травертина, который содержитъ многочисленные отпечатки древесной листвы и прѣсноводныхъ раковинъ, не существующихъ въ настоящее время. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что это маленькое пространство земли содержитъ единственное напоминаніе о растительности, бывшей на Вандименовой Землѣ въ теченіе одного изъ прошедшихъ періодовъ.

Климатъ здѣсь сырѣе, чѣмъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, вслѣдствіе чего земля гораздо плодороднѣе. Земледѣліе процвѣтаетъ: видъ обработанныхъ полей хорошъ; сады изобилуютъ овощами и плодовыми деревьями. Нѣкоторыя фермы, построенныя въ уединенныхъ мѣстахъ, пред-

[1]) Physical Description of New South Wales and Van Diemen's Land, p. 354.

ставляютъ очень привлекательную картину. Общій видъ растительности напоминаетъ растительность Австраліи съ той только разницей, что зелень здѣсь, кажется, ярче и красивѣе и трава между деревьями нѣсколько обильнѣе. Я совершилъ разъ длинную прогулку по противоположному берегу залива; туда я переѣхалъ на одномъ изъ двухъ пароходовъ, совершающихъ постоянные рейсы между обоими берегами. Всѣ машины для одного изъ этихъ пароходовъ были изготовлены въ здѣшней колоніи, которая насчитывала въ это время 33 года со своего основанія. Въ другой разъ я поднялся на гору Веллингтона, взявъ съ собой проводника, потому что мнѣ не удалось передъ этимъ взобраться на гору изъ-за густоты лѣса. Однако проводникъ оказался безтолковымъ человѣкомъ; онъ провелъ насъ къ южной, сырой части горы, гдѣ растительность отличалась богатствомъ и гдѣ огромное количество гніющихъ стволовъ затрудняло подъемъ почти въ такой же степени, какъ въ горахъ на Огненной Землѣ или въ Чилоэ. Намъ понадобилось пять съ половиною часовъ трудной ходьбы, чтобы достигнуть вершины. Во многихъ мѣстахъ росли крупные эвкалипты, составлявшіе прекрасный лѣсъ. Въ нѣкоторыхъ наиболѣе сырыхъ оврагахъ засѣли роскошные древовидные папоротники; я замѣтилъ одинъ экземпляръ вышиною по крайней мѣрѣ въ 20 футовъ отъ земли до основанія листьевъ, и 6 футовъ въ окружности. Листья его раскинулись красивымъ зонтомъ подъ тѣнью котораго было темно какъ въ сумерки. Вершина горы широкая и плоская; она состоитъ изъ крупныхъ, угловатыхъ кусковъ голаго діорита. Высота горы доходитъ до 3100 футовъ надъ уровнемъ моря. День былъ удивительно ясный, и мы могли насладиться обширнымъ кругозоромъ; къ сѣверу виднѣлась сплошная чаща лѣсовъ, вѣнчавшихъ горы, а горы были приблизительно такъ же высоки, какъ та, на которой мы находились, и имѣли тѣ же мягкія очертанія. Къ югу извилистыя линіи суши и воды, образующей много прихотливо изогнутыхъ бухтъ, вырисовывались отчетливо и ясно, точно на географической картѣ. Пробывъ нѣсколько часовъ на вершинѣ горы, мы отыскали дорогу лучше прежней, по которой и спустились, но мы вернулись на «Бигль» только въ 8 часовъ, утомленные тяжелымъ днемъ.

7 февраля. «Бигль» отплылъ изъ Тасманіи и 6-го марта достигъ пролива короля Георга, который находится у самаго юго-западнаго угла Австраліи. Мы пробыли здѣсь восемь дней, и надо сказать, что никогда за все время нашего путешествія мы не испытывали такой скуки. Если смотрѣть на страну съ возвышенія, то видна только лѣсистая равнина, изъ которой тамъ и сямъ выставляются округленные и частью обнаженные холмы. Я отправился однажды съ товарищами побродить въ надеждѣ встрѣтить кенгуру и поохотиться; прошли мы такимъ образомъ много миль по песчаной и тощей мѣстности; вездѣ встрѣчались низкіе, жидкіе кустарники, грубая, жесткая трава и жалкія деревья. Видъ походилъ на то, что намъ было знакомо по плоской песчаниковой возвышенности Голубыхъ горъ; только здѣсь чаще встрѣчается Casuarina (дерево, нѣсколько похожее на шотландскую сосну) и меньше водится эвкалиптовъ. На открытыхъ мѣстахъ было много древовидныхъ злаковъ, по внѣшнему виду имѣющихъ сходство съ пальмами, съ той только разницей, что, вмѣсто шатра изъ красивыхъ раскидистыхъ листьевъ, они могутъ похвастать лишь пучкомъ жесткихъ травянистыхъ листьевъ. Издали здѣшніе кусты и растенія кажутся особенно яркими, вызывая представленіе о роскошной растительности, но одной прогулки было достаточно, чтобы разсѣять такую иллюзію; я думаю, что человѣкъ, раздѣляющій мои впе-

чатлѣнія, никогда не захочетъ совершить вторичную экскурсію въ такую непривлекательную мѣстность.

Мы разъ отправились съ капитаномъ Фицъ-Роемъ въ Полдъ-Гедъ, мѣсто описанное столькими мореплавателями; одни воображали себѣ, что видѣли тамъ кораллы, а другіе,—что тамъ находятся окаменѣлыя деревья, стоящія въ томъ положеніи, въ которомъ они нѣкогда росли. По нашему мнѣнію, вѣтеръ, должно быть, нанесъ толстый слой мельчайшаго песку, состоявшаго изъ закругленныхъ частицъ раковинъ и коралловъ; этотъ наносный песокъ постепенно хоронилъ подъ собою вѣтви и корни деревьевъ вмѣстѣ со множествомъ прѣсноводныхъ раковинъ. Потомъ вся масса скрѣпилась просочившимся известковымъ веществомъ и цилиндрическія полости, оставшіяся послѣ того, какъ деревья сгнили, также наполнились твердымъ псевдо-сталактитнымъ веществомъ. Вывѣтриваніе мало-по-малу разрушаетъ мягкія части, вслѣдствіе чего твердые слѣпки стволовъ и древесныхъ вѣтвей выдаются изъ-подъ земли и производятъ странное обманчивое впечатлѣніе скелета отжившей рощи.

Во время нашего пребыванія здѣсь, явилось въ гости многочисленное племя туземцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ «бѣлыхъ какаду». Люди эти, такъ же какъ и племя, живущее по берегамъ Георгова проливъ, соблазненные обѣщаніемъ риса и сахара, согласились представить намъ *корробери*, т.-е. устроить большой танцовальный вечеръ. Когда стемнѣло зажгли, небольшіе костры; туземцы занялись своимъ туалетомъ, т.-е. раскрасили себя бѣлой краской, пятнами и полосами. По окончаніи приготовленій зажгли большіе костры, кругомъ которыхъ расположились зрители — женщины и дѣти; оба племени раздѣлились на двѣ кучки и танцовали поочередно. Пляска состояла въ томъ, что ряды танцующихъ прыгали то бокомъ, то выбѣгали одинъ за другимъ на открытое пространство, сильно топая о землю.

Ихъ тяжелые *па* сопровождались звуками, похожими на хрюканье, а также пристукиваніемъ палокъ и копій, кромѣ того, они производили разныя тѣлодвиженія, простирали руки и всячески изгибались. Зрѣлище было самое грубое и дикое, и для насъ не имѣло никакого значенія; но мы замѣтили, что черныя женщины и дѣти смотрѣли на него съ большимъ удовольствіемъ. Быть можетъ, первоначально эти пляски изображали извѣстныя дѣйствія, какъ, напримѣръ, войны и побѣды. Одна изъ нихъ, подъ названіемъ пляски *эму*, происходила слѣдующимъ образомъ: каждый танцующій вытягивалъ одну руку, придавая ей изгибъ, похожій на изгибъ шеи птицы эму. Въ другомъ танцѣ одинъ изъ участниковъ подражалъ движеніямъ пасущагося въ лѣсу кенгуру, между тѣмъ какъ другой подползалъ къ нему, представляя, что онъ собирается пронзить его копьемъ. Когда оба племени сходились въ общей пляскѣ, почва дрожала подъ ихъ тяжелыми ступнями, а воздухъ оглашался дикими криками. Всѣ, повидимому, были въ самомъ веселомъ настроеніи духа; группы голыхъ людей, движущихся въ свѣтѣ отъ пылающихъ костровъ съ какою-то отвратительною гармоничностью движеній, представляла настоящій праздникъ для этихъ варваровъ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія. На Огненной Землѣ намъ приходилось видѣть разныя удивительныя картины нравовъ у дикарей, но никогда, мнѣ кажется, мы не видали такого свободнаго выраженія полнѣйшей радости. Послѣ окончанія танцевъ всѣ усѣлись на землѣ, расположившись большимъ кругомъ; къ великому удовольствію всѣхъ присутствующихъ, между ними разносили вареный рисъ и сахаръ.

Туманная погода была причиной скучныхъ проволочекъ времени, пока,

наконецъ, 14 марта мы не получили возможности, къ общей радости нашей, отплыть изъ пролива Георгія, откуда корабль нашъ направился къ острову Килингъ. Прощай, Австралія! Ты — возрастающее дитя, но призвана властвовать на югѣ; ты слишкомъ велика и честолюбива чтобы внушать любовь и, въ то же время, не довольно еще выросла, чтобы заслужить уваженіе. Покидаю твои берега безъ грусти и сожалѣнія.

ГЛАВА XX.

Островъ Килингъ. Постройки коралловъ.

Килингъ-Айлендъ.—Странный видъ острова.—Скудная растительность.—Перенесеніе сѣмянъ.—Птицы и насѣкомыя.—Источники съ приливомъ и отливомъ.—Пространства, наполненныя вымершими кораллами.—Камни, перенесенные въ корняхъ деревьевъ.—Большой крабъ.—Жгучій кораллъ.—Рыба, питающаяся кораллами.—Постройки коралловъ.—Кольцеобразные острова или атоллы.—Глубина, на которой могутъ жить кораллы, строители рифовъ.—Низменные коралловые острова, разсѣянныя на огромномъ протяженіи.—Осѣданіе ихъ основаній.—Рифы барьеры.—Береговые рифы.—Превращеніе береговыхъ рифовъ въ барьерные и въ атоллы.—Доказательства измѣненій уровня.—Проломы въ барьерныхъ рифахъ.—Мальдивскіе атоллы; особенности ихъ строенія.—Вымершіе и затопленные водою рифы.—Области осѣданія и поднятія.—Распредѣленіе вулкановъ.—Медленность и обширная площадь осѣданія.

1 апрѣля. Передъ нами обозначались Кокосовые острова, или Килингъ расположенные въ Индійскомъ океанѣ, въ разстояніи около шестисотъ миль отъ береговъ Суматры. Это одинъ изъ кольцеобразныхъ острововъ (или атолловъ) коралловаго происхожденія, въ родѣ острововъ Низменнаго архипелага, вблизи которыхъ мы раньше проходили. Когда нашъ корабль приблизился къ входу въ каналъ, навстрѣчу намъ выѣхалъ въ лодкѣ англійскій поселенецъ г. Лискъ. Вотъ вкратцѣ исторія здѣшнихъ поселенцевъ: лѣтъ девять тому назадъ г. Геръ, человѣкъ не достойный уваженія, привезъ сюда изъ Остъ-Индіи нѣсколькихъ малайцевъ, которые въ настоящее время, включая въ это число и дѣтей, насчитываютъ болѣе ста человѣкъ. Вскорѣ послѣ того капитанъ Россъ, посѣтившій уже раньше эти острова на своемъ торговомъ кораблѣ, прибылъ сюда изъ Англіи со всей своей семьей и съ имуществомъ, съ цѣлью поселенія; съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ и г. Лискъ, служившій штурманомъ на кораблѣ г. Гера. Малайскіе невольники тогда перебѣжали съ того острова, на которомъ утвердился г. Геръ, и примкнули къ партіи поселенцевъ г. Росса. Послѣ этого г. Геръ нашелся вынужденнымъ покинуть свой островъ.

Малайцы теперь считаются свободными, да они на самомъ дѣлѣ пользуются свободой во всемъ, что касается обращенія съ ними; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ на нихъ смотрятъ какъ на рабковъ. Отъ недовольства ихъ или отъ частаго переселенія съ одного острова на другой, а, можетъ быть, и вслѣдствіе нѣкотораго неумѣнія, дѣла колоніи далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Единственное домашнее животное на о-вѣ— свинья, а главное произведеніе растительности — кокосовый орѣхъ. Все благосостояніе острова зависитъ отъ кокосовой пальмы; нѣтъ другихъ предметовъ вывоза кромѣ кокосоваго масла и кокосовыхъ орѣховъ; ихъ отправляютъ въ Сингапуръ и на островъ Маврикія, гдѣ они главнымъ образомъ идутъ на приготовленіе кокосоваго вина, такъ называемаго кюрри. Кокосовыми же орѣхами питаются почти исключительно необыкновенно жирныя свиньи, а также утки и куры. Даже одинъ большой

сухопутный крабъ получилъ отъ природы возможность вскрывать орѣхи и питаться этимъ крайне полезнымъ плодомъ.

Кольцеобразные рифы Лагуннаго острова имѣютъ почти по всему своему протяженію выдающіяся продолговатые островки; съ сѣверной или подвѣтренной стороны есть проходъ, черезъ который корабли могутъ проникать во внутреннюю гавань. При входѣ намъ представился оригинальный и довольно красивый видъ; красота его, впрочемъ, вполнѣ зависѣла отъ яркости красокъ. Мелкая, прозрачная и тихая вода лагуны, съ бѣлымъ песчанымъ дномъ при освѣщеніи вертикальными лучами солнца, почти на всемъ протяженіи окрашена въ ярко-зеленый цвѣтъ. Это блестящее пространство, занимающее нѣсколько миль въ ширину, отдѣляется со всѣхъ сторонъ бѣлоснѣжной полосой морскихъ валовъ отъ темныхъ, бурлящихъ волнъ океана, а на синевѣ небеснаго свода вырисовываются полосы земли, увѣнчанныя горизонтальными верхушками кокосовыхъ пальмъ. Какъ бѣлое облако представляетъ тамъ и сямъ пріятный контрастъ съ голубымъ небомъ, такъ группы живыхъ коралловъ подчеркиваютъ изумрудно-зеленую окраску воды. На слѣдующее утро, послѣ того; какъ корабль сталъ на якорѣ я сошелъ на берегъ острова Дирекшенъ. Эта полоска суши занимаетъ не болѣе нѣсколькихъ сотъ ярдовъ въ ширину: со стороны лагуны берегъ ея известковый, бѣлый; отраженіе его при здѣшнемъ зноѣ производило удручающее ощущеніе; съ наружной стороны берегъ состоитъ изъ твердой широкой и плоской полосы коралловъ, о которую разбиваются бурныя волны открытаго моря. Почва острова вся состоитъ изъ закругленныхъ кусковъ коралла, кромѣ мѣстъ близкихъ къ лагунѣ, гдѣ есть и песокъ. На такой разсыпчатой, сухой каменистой почвѣ только тропическій климатъ могъ произвести могучую растительность. Ничего не можетъ быть изящнѣе смѣшанныхъ рощъ изъ молодыхъ и старыхъ кокосовыхъ пальмъ, растущихъ на нѣкоторыхъ изъ мельчайшихъ острововъ; деревья эти, несмотря на разницу въ возрастѣ, гармонично сливаются между собою. Берегъ, выстланный блестящимъ бѣлымъ пескомъ, окаймляетъ эти волшебныя мѣстечки.

Перехожу къ описанію естественной исторіи лагунныхъ острововъ; она представляетъ особенный интересъ именно въ силу того, что она насчитываетъ такъ мало особей. Кокосовая пальма на первый взглядъ кажется единственной представительницей древесной растительности; но на самомъ дѣлѣ здѣсь есть еще пять или шесть другихъ деревьевъ. Одно изъ нихъ достигаетъ очень большого рмзмѣра, но по рыхлости своей древесины не годно ни на какое употребленіе; другое дерево даетъ отличный корабельный лѣсъ. За исключеніемъ деревьевъ, число растеній здѣсь весьма ограниченно и состоитъ изъ незначительныхъ травъ. Въ моей коллекціи, заключающей, я думаю, полную тамошнюю флору, находится двадцать видовъ, не считая одного мха, одного лишайника и одного гриба. Къ этому числу надо еще прибавить два дерева, изъ которыхъ одно не было въ цвѣту при мнѣ, о другомъ же я знаю только по наслышкѣ: оно находится здѣсь въ единственномъ экземплярѣ и растетъ на берегу, куда, вѣроятно занесено было волнами единственное сѣмячко. Одинъ видъ изъ рода *Guilandina* растетъ также только на одномъ островкѣ. Въ число здѣшнихъ растеній мною не включены, конечно, ни сахарный тростникъ, ни бананы, ни нѣкоторые другіе овощи, плодовыя деревья и хлѣбные злаки, которые были ввезены сюда. Острова эти состоятъ исключительно изъ коралловъ, а въ давнія времена они были не что иное какъ подводные рифы, поэтому всѣ произведе-

нія почвы занесены сюда волнами, вслѣдствіе чего, здѣшняя флора имѣетъ характеръ страннопріимнаго заведенія, Профессоръ Генсло говоритъ, что изъ двадцати видовъ найденныхъ здѣсь, девятнадцать принадлежатъ къ различнымъ родамъ, которые въ свою очередь принадлежатъ не менѣе чѣмъ къ шестнадцати семействамъ [1]),

Въ путешествіи Хольмана [2]), со словъ А. С. Китинча, который провелъ цѣлый годъ на этихъ островахъ, приводится описаніе различныхъ сѣмянъ и другихъ предметовъ, занесенныхъ на берега волнами океана. «Сѣмена и цѣлыя растенія были прибиты къ подвѣтреннымъ берегамъ этихъ острововъ съ Явы и Суматры. Между ними найдены: Кимири, растущее на Суматрѣ и на Малаккскомъ полуостровѣ: Бальційскіе кокосовые орѣхи, извѣстные своей формой и размѣрами; Дадассъ, которое малайцы сажаютъ вмѣстѣ съ перцемъ, обвивающимся вокругъ ствола Дадасса и держащимся за него своими шипами; мыльное дерево; клещевина, обломки ствола саговой пальмы и различныя сѣмена и зерна, неизвѣстныя малайцамъ, живущихъ на островахъ. Есть предположеніе, что всѣ они принесены сѣверо-западнымъ муссономъ къ берегамъ Новой Голландіи, а оттуда юго-восточнымъ пассатомъ перенесены къ этимъ островамъ. Здѣсь же находили въ совершенно свѣжемъ состояніи большіе обломки яванскаго тика и желтаго дерева и, кромѣ того, огромныя деревья краснаго и бѣлаго кедра. Всѣ жесткія сѣмена, напр., сѣмена вьющихся и ползучихъ растеній, сохраняютъ свою жизненность и даютъ ростки, но болѣе мягкіе сорта сѣмянъ, въ томъ числѣ сѣмена мангустановаго дерева, портятся при перенесеніи водою. Рыбачьи лодки, повидимому съ острова Явы, иногда прибиваются къ берегамъ.

Все это открываетъ намъ любопытный фактъ, а именно, мы узнаемъ, что множество сѣмянъ изъ различныхъ странъ переносятся черезъ обширное пространство океана. По словамъ профессора Генсло, почти всѣ растенія, которыя я привезъ съ этихъ острововъ, тѣ же, что растенія, дико растущія въ Остъ-Индскомъ архипелагѣ. Судя однако по направленію вѣтровъ и теченій, представляется почти невѣроятнымъ, чтобы они попали сюда прямо изъ Остъ-Индіи. Если же, какъ съ большимъ вѣроятіемъ предполагаетъ г. Китингъ, они сначала были занесены въ Новую Голландію, а оттуда вмѣстѣ съ тамошними произведеніями попали сюда, то выходитъ, что сѣмена, прежде чѣмъ пустить ростки, совершили путешествіе въ 1800 и до 2400 миль.

Шамиссо [3]), описывая Радакскій архипелагъ, который находится въ западной части Тихаго океана, говоритъ, что «море приноситъ къ этимъ островамъ сѣмена и плоды многихъ деревьевъ, большинство которыхъ здѣсь раньше не росли. Большая часть этихъ сѣмянъ, повидимому, еще не утратила способности прорастать». Говорятъ, что пальмы и бамбуки экваторіальнаго происхожденія и стволы сѣверныхъ сосенъ выбрасываются на берегъ, при чемъ надо предположить, что сосны эти прибыли изъ очень отдаленныхъ мѣстъ. Всѣ эти факты представляютъ большой интересъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что, если бъ тутъ водились сухопутныя птицы, которыя подбирали бы сѣмена тотчасъ по прибытіи ихъ на берегъ, и, если бъ почва была лучше приспособлена къ прозябанію, чѣмъ рыхлыя коралловыя постройки, то со временемъ самыя уединенные атоллы покрылись бы несравненно болѣе богатой флорой, нежели теперь.

---

[1]) Эти растенія описаны въ Annals of natur. Hist., vol. I, 1838, p. 337.
[2]) Holman's Travels, vol. IV p. 378.
[3]) Kotzebue's first Voyage, vol. III, p. 155.

Перечень сухопутныхъ животныхъ еще бѣднѣе списка растеній. На нѣкоторыхъ островахъ живутъ крысы, привезенныя съ острова Маврикія однимъ кораблемъ, потерпѣвшимъ здѣсь крушеніе. Г. Уатергаузъ считаетъ ихъ тождественными съ породой англійскихъ крысъ, но онѣ меньше и ярче окрашены. Настоящихъ сухопутныхъ птицъ вовсе нѣтъ, потому что бекасъ и одна болотная курочка (Rallus Phillippensis), хотя и живутъ постоянно въ сухой травѣ, но принадлежатъ къ отряду голенастыхъ. Птицы этой породы, говорятъ, встрѣчаются на нѣсколькихъ маленькихъ, низменныхъ островкахъ Тихаго океана. На островѣ Вознесенія, гдѣ сухопутныя птицы вовсе не водятся, курочка (Porphyria simplex) была застрѣлена подлѣ вершины горы, но это былъ очевидно нечаянно сюда попавшій одинокій экземпляръ. На островѣ Тристанъ д'Акунья, гдѣ, по словамъ Кармичеля, встрѣчаются только двѣ сухопутныя птицы, водится лысуха. Изъ этихъ фактовъ я заключаю, что голенастыя являются обыкновенно первыми поселенцами на мелкихъ уединенныхъ островахъ послѣ безчисленнаго множества плавающихъ птицъ. Прибавлю еще, что всякій разъ, какъ я наблюдалъ, въ отдаленныхъ мѣстахъ въ моряхъ, птицъ, не принадлежащихъ къ числу океаническихъ видовъ, онѣ всегда оказывались изъ отряда голенастыхъ, изъ чего можно естественно заключить, что онѣ дѣйствительно первые колонисты всякаго отдаленнаго пункта земли.

Изъ пресмыкающихся я видѣлъ одну только маленькую ящерицу. Насѣкомыхъ я старался собрать всѣхъ видовъ. За исключеніемъ пауковъ, весьма многочисленныхъ, я насчиталъ тринадцать видовъ насѣкомыхъ [1]). Между ними былъ только одинъ жукъ. Одинъ видъ мелкихъ муравьевъ кишѣлъ въ количествѣ тысячъ экземпляровъ подъ сухими, рыхлыми кусками коралла и представлялъ единственное настоящее насѣкомое, водящееся въ большомъ количествѣ. Хотя произведенія здѣшней почвы столь скудны, но зато, если мы обратимся къ окружающей водѣ, то увидимъ, что число органическихъ существъ безконечно. Шамиссо [2]) описалъ естественную исторію одного лагуннаго острова изъ Радакскаго архипелага, и замѣчательно насколько обитатели этого острова сходны съ обитателями Килингъ-Айленда. Есть тамъ одна ящерица и двѣ голенастыя птицы—бекасъ и куликъ. Растеній встрѣчается девятнадцать видовъ, включая сюда 1 папоротникъ; нѣкоторыя изъ растеній относятся къ однимъ и тѣмъ же видамъ, какъ тѣ, которыя находятся на здѣшнихъ атоллахъ, несмотря на огромное разстояніе между обоими мѣстами и на то, что острова эти лежатъ въ различныхъ океанахъ.

Продолговатыя полосы земли, составляющія островки, поднялись только на такую высоту, до которой волна можетъ выбрасывать обломки коралла, а вѣтеръ наносить известковую пыль. Твердая коралловая масса съ наружной стороны служитъ, благодаря своей ширинѣ, защитой отъ напора волнъ, которыя иначе въ одинъ день снесли бы эти островки съ ихъ произведеніями. Океанъ и суша, повидимому, борются за господство и хотя суша пріобрѣла твердую позицію, водяные обитатели считаютъ себя по крайней мѣрѣ равноправными. Вездѣ встрѣчаются различныхъ видовъ раки-отшельники [3]), несущіе на своихъ спинахъ раковины, кото-

[1]) Эти 13 видовъ принадлежатъ къ слѣдующимъ отрядамъ: изъ *Coleoptera* одинъ мелкій *Elater*; изъ *Orthoptera* одинъ *Gryllus* и одна *Blatta*; изъ *Hemiptera* одинъ видъ; изъ *Homoptera* два вида; изъ *Neuroptera* одинъ видъ *Chrysopa*; изъ *Hymenoptera* два муравья; изъ *Lepidoptera nocturna* одинъ видъ *Diopaea* и одинъ *Pterophorus* (?); изъ *Diptera* два вида.

[2]) Kotzebue's first Voyage, vol. III, p. 222.

[3]) Большія клешни нѣкоторыхъ раковъ отлично приспособлены, такъ какъ онѣ образуютъ, будучи согнуты внутрь, крышу для раковины, почти такую же совершенную

рыя они похитили на сосѣднемъ берегу. На деревьяхъ сидитъ множество бакановъ, фрегатовъ и морскихъ ласточекъ, а лѣса напоминаютъ нѣкоторые парки испорченные безчисленными гнѣздами грачей,—до того въ нихъ спертъ воздухъ и такое въ нихъ множество гнѣздъ. Бакланы, сидя на своихъ грубо свитыхъ гнѣздахъ, глядятъ оттуда глупо и сердито. Морскія ласточки—тоже глупыя маленькія твари. Но здѣсь водится одна прелестная птица—это маленькая морская ласточка снѣжной бѣлизны, которая плавно носится на разстояніи нѣсколькихъ футовъ надъ вашей головой, при чемъ ея большіе черные глаза спокойно разсматриваютъ съ любопытствомъ выраженіе вашего лица. Не надо большого воображенія, чтобы предполажить, что въ такомъ воздушномъ и нѣжномъ тѣльцѣ скрывается какой-нибудь странствующій волшебникъ.

3 апрѣля, воскресенье. Послѣ обѣдни я проводилъ капитана Фицъ-Роя къ селенію, находящемуся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ нашей стоянки, на мысѣ одного изъ острововъ, густо заросшемъ высокими кокосовыми пальмами. Капитанъ Россъ и г. Лискъ живутъ въ большомъ строеніи вродѣ сарая; оно открыто съ обѣихъ сторонъ и обшито внутри цыновками, сплетенными изъ полосокъ древесной коры. Жилища малайцевъ расположены вдоль берега лагуны. Мѣстность эта представляетъ довольно унылый видъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія садовъ, свидѣтельствующихъ объ уходѣ и тщательной обработкѣ. Малайцы собраны здѣсь съ разныхъ острововъ Остъ-Индскаго архипелага, но они говорятъ на одномъ языкѣ; мы видѣли представителей острововъ Борнео, Целебеса, Явы и Суматры. Цвѣтомъ кожи они напоминаютъ таитянъ, отъ которыхъ они не особенно отличаются и чертами лица. Нѣкоторыя женщины однако имѣютъ большое сходство съ китайскимъ типомъ. Мнѣ понравились ихъ наружность и звукъ голосовъ. По ихъ виду можно было заключить, что они бѣдны, и хижины стояли совсѣмъ безъ всякой мебели, но по полнотѣ и свѣжести ребятишекъ очевидно было, что кокосовые орѣхи и черепашье мясо доставляютъ недурное пропитаніе.

На этомъ островѣ находятся ключи, изъ которыхъ корабли запасаются водой. Съ перваго взгляда кажется довольно удивительнымъ тотъ фактъ, что источники прѣсной воды правильно убываютъ и прибываютъ съ отливомъ и приливомъ; предполагали, что песокъ имѣетъ свойство фильтра относительно морской воды, просачивающейся черезъ него, и задерживаетъ соль. Такіе перемежающіеся источники часто встрѣчаются на нѣкоторыхъ низменныхъ островахъ Вестъ-Индіи. Уплотненный песокъ или пористыя коралловыя строенія пропитываются, какъ губка, соленой водой; но дождь, падающій на поверхность, долженъ проникнуть вглубь до уровня окружающаго моря и накопляться тамъ, при чемъ имъ должно вытѣсняться соотвѣтствующее количество соленой воды. По мѣрѣ того, какъ вода въ нижнихъ слояхъ губкообразной коралловой массы поднимается и опускается въ зависимости отъ прилива и отлива, то же самое происходитъ и съ водой близъ поверхности почвы; эта вода останется прѣсною, если коралловая масса достаточно плотна, чтобы не допустить быстраго механическаго смѣшенія пресной и соленой воды; но тамъ, гдѣ почва состоитъ изъ большихъ не сплоченныхъ между собою кусковъ коралла, съ отверстіями, вода въ колодцахъ, какъ я замѣтилъ, бываетъ горько-соленая.

какъ собственная крышка, сначала принадлежавшая моллюску. Меня увѣряли и, насколько могу судить по своимъ наблюденіямъ, это такъ и есть,—что извѣстные виды этихъ раковъ употребляютъ всегда одни и тѣ же виды раковинъ.

Послѣ обѣда мы смотрѣли странное полусуевѣрное представленіе, исполненное малайскими женщинами. Между ними существуетъ повѣріе, что если на могилу покойника положить большую деревянную ложку, одѣтую въ платье, то въ полнолуніе она одушевляется и начинаетъ плясать и прыгать. Когда всѣ приготовленія были сдѣланы, ложку взяли въ руки двѣ женщины; тогда она задрожала и стала мѣрно двигаться подъ звуки пѣсенъ, распѣваемыхъ дѣтьми и женщинами. Очень глупое получалось зрѣлище, но г. Лискъ утверждалъ, что многіе малайцы вѣрятъ въ спиритическія движенія ложки. Пляска началась только съ восходомъ луны, и надо сказать, что стоило остаться любоваться спокойнымъ яркимъ ликомъ луны, посылавшимъ свои лучи сквозь длинныя вѣтви кокосовыхъ пальмъ, которыя колыхались отъ ночного вѣтерка. Впечатлѣніе отъ тропическихъ видовъ до того прелестно, что почти равняется тому, которое испытываешь при созерцаніи болѣе дорогихъ видовъ на родинѣ, съ которыми мы связаны лучшими своими чувствами.

На слѣдующій день я занялся изслѣдованіемъ крайне интереснаго, хотя и простого строенія и происхожденія этихъ острововъ. Такъ какъ море было необыкновенно спокойно, то я прошелъ въ бродъ по наружной окраинѣ вымершихъ коралловъ до группъ живыхъ коралловъ, о которыя разбиваются волны открытаго моря. Въ иныхъ углубленіяхъ и ямахъ попадались красивѣйшія рыбы ярко-зеленыя, а также и другихъ цвѣтовъ; формы и цвѣта многихъ зоофитовъ были тоже очень красивы. Совсѣмъ извинительно восторгаться безконечнымъ количествомъ органическихъ существъ, которыми кишатъ моря тропическихъ странъ; но все-таки я долженъ признаться, что, на мой взглядъ, естествоиспытатели, краснорѣчиво описывающіе подводные гроты, переполненные тысячами красотъ, немного преувеличиваютъ.

6 апрѣля. Мы отправились съ капитаномъ Фицъ-Роемъ на островъ, расположенный при входѣ въ лагуну; каналъ въ этомъ мѣстѣ представлялъ очень запутанный ходъ; онъ извивался среди полосъ изящно развѣтвляющихся каролловъ. Мы видѣли нѣсколькихъ черепахъ; двѣ лодки выѣхали, какъ видно, на охоту за ними. Вода такъ прозрачна и мелка, что хотя черепахѣ удается сначала быстро нырнуть и исчезнуть изъ вида, но челнокъ или парусная лодка все-таки послѣ непродолжительной гонки нагоняютъ ее. Тогда одинъ изъ охотниковъ, стоящій наготовѣ, прыгаетъ въ воду на спину черепахи и, крѣпко держась руками за панцырь у шеи, носится на черепахѣ до тѣхъ поръ, пока животное не истощится и не оказывается въ его власти. Очень было интересно смотрѣть на эту охоту, во время которой обѣ лодки гонялись за черепахами и люди бросались головой внизъ въ воду, стараясь схватить добычу. Капитанъ Морсби сообщилъ мнѣ, что жители архипелага Чагосъ находящагося въ этомъ же океанѣ, жестокимъ образомъ снимаютъ панцырь съ живой черепахи. Ее посыпаютъ горячими угольями, вслѣдствіе чего верхняя скорлупа коробится и отгибается кверху; тогда ее снимаютъ ножомъ и, прежде чѣмъ она остынетъ, ее выправляютъ между двумя досками. Послѣ этой варварской операціи животное пускаютъ обратно въ его стихію—воду, гдѣ, черезъ нѣсколько времени, на немъ образуется новый панцырь; впрочемъ, по тонкости своей панцырь этотъ не можетъ служить черепахѣ, которая остается послѣ этого слабой и болѣзненной.

Когда мы доѣхали до входа въ лагуну, то перешли черезъ одинъ узенькій островокъ и увидѣли мощные валы, разбивающіеся о берегъ съ навѣтренной стороны. Не знаю почему, но видъ наружнаго берега кольцеобразныхъ острововъ производитъ на меня величавое впечатлѣніе. Есть

мощная простота въ этомъ берегу, представляющемъ защиту отъ океанскихъ волнъ, въ каймѣ зеленыхъ кустовъ и высокихъ кокосовыхъ пальмъ, въ твердынѣ мертваго коралла, тамъ и сямъ усѣяннаго громадными обломками, въ грядѣ бурныхъ волнъ, которые разбѣгаются по сторонамъ. Глядя на океанъ, перекатывающій свои волны черезъ широкіе рифы, думаешь сперва, что онъ непобѣдимъ, но вскорѣ убѣждаешся въ томъ, что сила, казавшаяся намъ слабой и негодной, выходитъ торжествующей изъ этой схватки. Океанъ не щадитъ коралловыхъ скалъ; о неустанной силѣ волнъ говорятъ съ очевидностью большіе обломки, разбросанные по рифамъ и нагроможденные по берегу, на которомъ возвышается кокосовая пальма. Къ тому же рифы не знаютъ промежутковъ покоя. Слабый, но постоянный пассатъ, всегда дующій на большихъ протяженіяхъ все въ одномъ и томъ же направленіи, производитъ волненіе, почти схожее по силѣ съ тѣмъ, что случается въ умѣренныхъ странахъ во время сильнѣйшихъ бурь, но съ тою разницей, что здѣсь волны никогда не стихаютъ. Невозможно созерцать эти волны и не притти къ убѣжденію, что островъ, состоящій изъ крѣпчайшихъ каменныхъ породъ, будь то порфиръ, гранитъ или кварцъ, долженъ быть рано или поздно разрушенъ такой непреодолимой силой. Между тѣмъ маленькіе, незначительные коралловые островки продолжаютъ стоять и одерживаютъ побѣду надъ океаномъ,—имъ на помощь является другая противодѣйствующая сила. Органическія существа выдѣляютъ мало-по-малу атомы углекислой извести изъ пѣнящихся волнъ и соединяютъ ихъ въ симметричныя строенія. Пусть бушуетъ океанъ и ломаетъ на части тысячи огромныхъ обломковъ; что это значитъ въ сравненіи съ неустанной работой, производимой міріадами архитекторовъ день и ночь, мѣсяцъ за мѣсяцемъ! Такимъ образомъ, мы видимъ, что мягкое, студенистое тѣло полипа дѣйствіемъ жизненныхъ процессовъ побѣждаетъ великую силу морскихъ валовъ, которой не могло бы съ успѣхомъ противостоять ни искусство человѣка, ни препятствія, воздвигаемыя неодушевленной природой.

Мы возвратились на корабль только поздно вечеромъ, такъ какъ долго пробыли на лагунѣ, разсматривая коралловыя поля и громадныя раковины *Chama;* если бъ человѣку вздумалось засунуть руку въ одну изъ нихъ, то онъ не могъ бы ее вытащить, пока животное оставалось бы живымъ. Я былъ очень удивленъ, найдя близъ входа въ лагуну обширное пространство, значительно больше квадратной мили величиною, которое было все покрыто лѣсомъ тонко развѣтвляющихся коралловъ, прямо стоящихъ, но, несмотря на это, вымершихъ и сгнившихъ. Сначала я никакъ не могъ уяснить себѣ этого явленія; потомъ ужъ я догадался, что это—результатъ довольно странной комбинаціи обстоятельствъ. Прежде всего надо сказать, что кораллы не переживаютъ даже кратковременнаго пребыванія на открытомъ воздухѣ подъ лучами солнца, такъ что предѣлъ возрастанія ихъ опредѣляется границей самаго низкаго отлива. Судя по старымъ географическимъ картамъ, можно заключить, что длинный островъ, обращенный къ навѣтренной сторонѣ, былъ въ прежнія времена раздѣленъ широкими каналами на маленькіе островки; на это указываетъ и тотъ фактъ, что деревья на мѣстѣ прежнихъ каналовъ гораздо моложе. При старыхъ условіяхъ существованія рифовъ сильный вѣтеръ перекатывалъ гораздо больше воды черезъ нихъ, вслѣдствіе чего возвышался уровень воды въ лагунѣ. Теперь же вѣтеръ производитъ совсѣмъ противоположное дѣйствіе: вода въ лагунѣ не только не прибываетъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ теченій, но, напротивъ того, выгоняется оттуда

силою вѣтра. Поэтому замѣчено, что приливъ въ средней части лагуны не такъ великъ во время сильнаго вѣтра, какъ въ тихую погоду. Такое измѣненіе уровня, хотя, конечно, и очень незначительное, было причиной смерти тѣхъ коралловъ, которые при прежнихъ условіяхъ достигли наибольшей своей высоты.

Въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ Килинга лежитъ другой маленькій атоллъ, лагуна котораго вся почти наполнена коралловымъ иломъ. Капитанъ Россъ нашелъ зарытымъ въ конгломератѣ наружнаго берега лагуны закругленный обломокъ діорита немного больше человѣческой головы; онъ и бывшіе съ нимъ люди такъ удивились этой находкѣ, что унесли съ собой и берегутъ какъ рѣдкость. Присутствіе такого камня въ мѣстѣ, гдѣ вся почва состоитъ изъ однихъ известковыхъ веществъ, конечно, вызываетъ большое недоумѣніе. Островъ почти не посѣщался, а также очень мало вѣроятія, чтобы около него произошло кораблекрушеніе. Не находя лучшаго объясненія, я пришелъ къ заключенію, что камень этотъ занесенъ сюда въ корняхъ какого-нибудь большого дерева, но, впрочемъ, когда я представилъ себѣ большое отдаленіе коралловыхъ острововъ отъ ближайшаго материка, я задумался надъ трудностью такого совпаденія, при которомъ камень запутался бы въ корняхъ дерева, а дерево попало бы въ море и доплыло столь далеко, при чемъ камень, наконецъ, такъ хорошо зарылся бы въ лагунный илъ, что его могли впослѣдствіи отыскать; мнѣ самому показался почти невѣроятнымъ подобный способъ перенесенія камня. Вотъ почему я прочелъ съ особеннымъ интересомъ у Шамиссо, извѣстнаго натуралиста, сопровождавшаго Коцебу, что жители Радакскаго архипелага (группы коралловыхъ острововъ, лежащихъ посреди Тихаго океана) достаютъ камни, которыми они точатъ свои инструменты, въ корняхъ деревьевъ, выброшенныхъ волнами на берегъ. Надо полагать, что Шамиссо говоритъ не о единичномъ случаѣ, а объ обыденномъ явленіи, такъ какъ тамъ изданъ законъ, въ силу котораго такіе камни принадлежатъ старшинѣ, и всякій, пытающійся украсть камень, подлежитъ наказанію. Если разсмотрѣть уединенное положеніе этихъ маленькихъ островковъ посреди необъятнаго океана, ихъ отдаленность отъ какой бы то ни было суши некоралловаго происхожденія, что доказывается тѣмъ, что туземцы, столь отважные мореплаватели, такъ высоко цѣнятъ камни [1]), и если взять въ соображеніе медленность морскихъ теченій, то нахожденіе камней, занесенныхъ такимъ образомъ, представляется поистинѣ изумительнымъ явленіемъ. Камни могутъ часто заноситься пловучими деревьями, но если островъ, на берегъ котораго они попадаютъ, состоитъ не изъ коралловъ, а изъ другихъ веществъ, присутствіе камней едва ли бы возбудило чьелибо вниманіе, и происхожденіе ихъ осталось бы, вѣроятно, неразгаданнымъ. Къ тому же описанный способъ перемѣщенія могъ долго оставаться не открытымъ потому, что деревья, особенно тѣ, которыя нагружены каменьями, вѣроятно плывутъ подъ водою. Въ каналахъ Огненной земли на берегъ выбрасывается большое количество деревьевъ, и тѣмъ не менѣе очень рѣдко встрѣчается пловучее дерево на поверхности воды. Эти факты, можетъ быть, выяснятъ случайное нахожденіе камней остроконечныхъ или закругленныхъ, зарытыхъ въ мелкозернистыхъ пластахъ осадочнаго происхожденія.

На другой день я посѣтилъ Вестъ-Айлетъ (Западный островокъ), на

[1]) Туземцы съ коралловыхъ острововъ, привезенные Коцебу въ Камчатку, собрали тамъ камней съ тѣмъ, чтобы отвезти ихъ къ себѣ домой

которомъ растительность была, кажется, роскошнѣе, чѣмъ на какомъ-либо другомъ изъ этихъ островковъ. Кокосовыя пальмы растутъ большею частью по одиночкѣ, но на этомъ островкѣ молодыя пальмочки засѣли подъ сѣнью своихъ высокихъ родителей и образовали тѣнистые рощицы изъ своихъ длинныхъ гибкихъ вѣтвей. Только тотъ, кто испыталъ это удовольствіе, знаетъ, какое наслажденіе сидѣть въ тѣни пальмовой рощи и пить свѣжій пріятный сокъ кокосоваго орѣха.

На Вестъ-Айлетъ есть большое открытое мѣсто, похожее на бухту, состоящее изъ мельчайшаго бѣлаго песку; мѣсто это совсѣмъ ровное и покрывается водою во время прилива; отсюда идутъ маленькіе заливчики, вдающіеся въ окрестные лѣса. Поляна блестящаго бѣлаго песку, изображающаго водное пространство, съ кокосовыми пальмами по краямъ, составляла необычайную и красивую картину.

Раньше я упоминалъ о крабѣ, питающемся кокосовыми орѣхами; крабъ этотъ часто встрѣчается здѣсь на сушѣ и вырастаетъ иногда до огромныхъ размѣровъ; онъ находится въ близкомъ родствѣ или даже тождественъ съ *Birgos latro*. Передняя пара ногъ оканчивается сильными клешнями, а заднія снабжены болѣе слабыми клешнями меньшихъ размѣровъ. Казалось бы, что крабу невозможно вскрыть крѣпкій кокосовый орѣхъ; но г. Лискъ утверждаетъ, что онъ самъ видѣлъ не разъ краба продѣлывающаго такую операцію. Онъ прежде всего шелушитъ волокнистую скорлупу орѣха, сдирая волокно за волокномъ, при чемъ онъ всегда начинаетъ съ того конца, гдѣ находятся три впадины; когда это сдѣлано, онъ колотитъ большими передними клешнями по впадинѣ орѣха, пока не пробьетъ отверстія. Тогда онъ повертывается и, съ помощью заднихъ узкихъ клешней, извлекаетъ изъ орѣха бѣлое бѣлковинное вещество. Я вижу въ этомъ интереснѣйшій примѣръ силы инстинкта, а также замѣчательный случай приспособленія въ строеніи между двумя, повидимому, столь отдаленными другъ отъ друга въ схемѣ природы предметами, какъ крабъ и кокосовая пальма. Birgos—дневное животное по своимъ привычкамъ, но, говорятъ, что оно отправляется каждую ночь къ морю, для того вѣроятно, чтобы смочить свои жабры. Молодые крабы выводятся и живутъ нѣкоторое время тоже на берегу моря. Крабы эти живутъ въ глубокихъ ямахъ, вырываемыхъ ими подъ корнями деревьевъ; туда они набираютъ огромныя количества волоконъ отъ кокосовыхъ орѣховъ, на которыхъ они отдыхаютъ какъ на постели. Малайцы иногда пользуются волокнистыми складами крабовъ и берутъ ихъ для выдѣлки веревокъ. Крабы эти очень вкусны; кромѣ того, подъ хвостомъ у наибо́льшихъ изъ нихъ накопляется много жиру, изъ котораго, если его вытопить, иногда выходитъ четвертная бутыль чистаго масла. Нѣкоторые путешественники писали, что *Birgos* всползаетъ вверхъ по кокосовой пальмѣ въ поискахъ за орѣхами, но я сильно сомнѣваюсь въ возможности такого факта; относительно пандановаго дерева [1]) оно, пожалуй, было бы правдоподобнѣе. Отъ г. Лиска я узналъ, что крабы на этомъ островкѣ питаются только опавшими на землю орѣхами.

Капитанъ Морсби сообщилъ мнѣ, что этотъ крабъ живетъ на архипелагѣ Чагосъ и на Сейшельскихъ островахъ, но онъ не встрѣчается на Мальдивскомъ архипелагѣ. Прежде онъ водился въ большомъ количествѣ на островѣ Маврикія, но въ настоящее время тамъ находятъ только небольшихъ крабовъ и то въ очень ограниченномъ количествѣ. Въ Тихомъ океанѣ видъ этотъ, или родственный ему по нравамъ, говорятъ [1]),

[1]) Смот. Proceedings of Zoological Society, 1832, p. 17.

встрѣчается на одномъ только коралловомъ островѣ къ сѣверу отъ острововъ Товарищества. Какъ примѣръ удивительной силы передней пары его клешней приведу случай, бывшій у г. Морсби. Онъ заключилъ одного краба въ жестянку изъ-подъ сухарей, крышка которой была прикрѣплена проволокой; крабъ отогнулъ края жестянки и ушелъ. Отгибая крышку, онъ ухитрился просверлить множество маленькихъ отверстій въ самой жестянкѣ.

Я не мало удивился, замѣтивъ, что два вида коралловъ изъ рода *Millepora* (*M. complanata и alcicornis*) обладаютъ свойствомъ ожигать. Каменистыя вѣточки или пластинки, только что вынутыя изъ воды, очень шероховаты и нисколько не слизисты, хотя издаютъ сильный и непріятный запахъ. Способность ожигать, какъ видно, бываетъ различная у разныхъ экземпляровъ. Если кускомъ коралла потереть нѣжную кожу на лицѣ или на рукахъ, то обыкновенно этимъ вызывается ощущеніе какъ отъ укола; ощущеніе это наступаетъ черезъ нѣсколько секундъ и продолжается только нѣсколько минутъ. Однако мнѣ случилось разъ дотронуться до лица одной изъ вѣточекъ коралла, и тотчатъ явилось ощущеніе боли; оно, какъ всегда, усилилось по прошествіи нѣсколькихъ секундъ, продолжалась нѣсколько минутъ и было еще чувствительно чрезъ полчаса. Ощущеніе это было столь же непріятно, какъ чувство послѣ ожога крапивою, но оно походило больше на ожогъ *Physalia*. На нѣжной кожѣ руки появились красныя пятнышки, которыя, казалось, образуютъ водяные пузырьки, но пузырьковъ не появилось. Г. Куа упоминаетъ объ этомъ свойствѣ *Millepora*; я, кромѣ того, слыхалъ, что существуютъ въ Вестъ-Индіи подобныя же коралловыя вѣтви. Многія морскія животныя имѣютъ свойство ожигать; помимо *Physalia*, многихъ медузъ и *Aplysia*, или морского зайца, на островахъ Зеленаго мыса, тѣмъ же свойствомъ обладаютъ, какъ видно изъ путешествія корабля «Астролябія», одна *Actinia*, или морской анемонъ, а также одно мягкое кораллообразное, родственное *Sertularia*; всѣ они одарены этой способностью къ нападенію или къ самозащитѣ. Въ Остъ-Индскомъ океанѣ, говорятъ, найдена водоросль, имѣющая свойство ожигать.

Два вида рыбъ изъ рода *Scarus*, распространенные здѣсь, исключительно питаются кораллами; оба вида окрашены въ прекрасный синезеленый цвѣтъ; одинъ изъ нихъ живетъ въ лагунѣ, а другой находится между подводными камнями внѣшняго берега. Г. Лискъ увѣрялъ насъ, что часто видалъ, какъ цѣлыя стаи этихъ рыбъ грызли своими твердыми костяными челюстями верхушки коралловыхъ вѣтокъ. Я вскрывалъ желудки нѣсколькихъ рыбъ этихъ двухъ видовъ и находилъ ихъ переполненными желтоватымъ известковымъ песчанистымъ иломъ. Слизистая противная голотурія (Holothuria, родственная нашей морской звѣздѣ), которую такъ любятъ китайскіе гастрономы, питается тоже въ большомъ количествѣ кораллами, какъ мнѣ сообщилъ докторъ Алленъ; костный снарядъ, находящійся внутри ея тѣла, повидимому, хорошо приспособленъ къ такому питанію. Голотуріи, зеленыя рыбы и множество сверлящихъ раковинъ и нереидообразныхъ червей, которые точатъ каждый кусокъ коралла, должны сильно способствовать образованію мягкаго бѣлаго ила, лежащаго на днѣ и по берегамъ лагуны. Впрочемъ, часть этого ила, въ мокромъ состояніи очень похожаго на толченый мѣлъ, состоитъ, какъ показали изслѣдованія профессора Эренберга, частью изъ инфузорій съ кремнистыми панцырями.

12 апрѣля. Мы вышли утромъ изъ лагуны и направились къ Ильде-Франсу. Я радъ, что мы посѣтили эти острова; строеніе коралловыхъ

рифовъ можетъ занимать мѣсто среди чудеснѣйшихъ произведеній природы. Капитанъ Фицъ-Рой, опустивъ лотъ въ 7200 футовъ длиною на разстояніи 2200 ярдовъ отъ берега, не нашелъ дна; изъ этого слѣдуетъ, что островъ этотъ представляетъ подводную гору очень высокую и съ такими крутыми склонами, которые превосходятъ самые обрывистые вулканическіе конусы. Блюдцевидная вершина этой горы имѣетъ около десяти миль въ ширину; каждый атомъ [1]) этой огромной горной глыбы, небольшой однако въ сравненіи съ многими другими лагунными островами, каждая малая частица и равно и самыя крупные обломки—все носитъ отпечатокъ органическаго строенія. Мы испытываемъ удивленіе, слушая разсказы путешественниковъ о громадныхъ размѣрахъ пирамидъ и другихъ развалинъ, но какъ незначительны кажутся величайшія изъ нихъ въ сравненіи съ этими каменными горами, возведенными дѣятельностью разныхъ крошечныхъ нѣжныхъ созданій! Чудо это не сразу поражаетъ наши глаза, но если по размыслить о немъ, то оно поражаетъ наши умственные взоры.

Перехожу къ краткому описанію трехъ родовъ коралловыхъ образованій, а именно: атолловъ, или лагунныхъ рифовъ, барьерныхъ и окаймляющихъ рифовъ; изложу при этомъ свое мнѣніе [2]) о ихъ образованіи. Почти всѣ путешественники, посѣтившіе Тихій океанъ, выражали свое

Островъ Троицы.

удивленіе при видѣ этихъ кольцеобразныхъ рифовъ, лагунныхъ острововъ, которые я буду впредь называть ихъ индѣйскимъ именемъ, т.-е. атоллами; каждый путешественникъ старался найти имъ объясненіе, согласное съ его пониманіемъ. Еще такъ давно, какъ въ 1905 году Пираръ-де-Лаваль воскликнулъ: «C'est une merveille de voir chacun de ces atollons, environné d'un grand banc de pierre tout autour, n'y ayant point d'artifice humain». Прилагаемый рисунокъ, изображающій островъ Троицы (Whitsunday Island) въ Тихомъ океанѣ, заимствованъ изъ прекраснаго путешествія капитана Бичи, но онъ даетъ лишь слабое представленіе о необыкновенномъ видѣ атолла; островъ этотъ меньшій изъ числа атолловъ, и его мелкіе островки соединены между собою въ одно кольцо. Кто не видалъ самъ лагуннаго острова не можетъ составить себѣ никакого понятія о зрѣлищѣ, которое являетъ необъятный океанъ съ его бушующими волнами, противопоставленный низменной полосѣ земли и гладкой поверхности ярко-зеленой воды внутри лагуны.

---

[1]) Я выключаю, разумѣется, нѣкоторое количество почвы, привезенной на кораблях съ Явы и Малакки, а также нѣсколько кусковъ пемзы, пригнанныхъ сюда волнами. Кромѣ того, надо исключить кусокъ гриншейна, найденный на сѣверномъ островѣ.

[2]) Первая статья моя объ этомъ предметѣ читана въ засѣданіи Геолог. Общ. въ маѣ 1837 г. Потомъ я развилъ свои взгляды въ особомъ сочиненіи, озаглавленномъ *„Structure and Distribution of Coral Reefs“*.

Прежніе путешественники воображали, что животныя, строящія кораллы, инстинктивно придавали имъ форму большихъ колецъ, чтобы искать защиты отъ волнъ внутри лагуны, но такое предположеніе совершенно неправдоподобно, потому что крупныя породы, созидающія наружные открытые берега, отъ которыхъ слѣдовательно зависитъ самое существованіе рифа, не могутъ жить внутри лагуны, гдѣ процвѣтаютъ другіе болѣе изящные, развѣтвляющіеся виды. Кромѣ того, съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ, что многіе виды, принадлежащіе къ различнымъ родамъ и семействамъ, соединяются съ цѣлью общей работы для единой цѣли, между тѣмъ во всей природѣ нѣтъ подобнаго примѣра.

Теорія, имѣвшая наибольшее распространеніе, утверждала, что атоллы основаны на подводныхъ кратерахъ, но въ виду формы и размѣровъ однихъ атолловъ, а также въ виду количества, относительнаго разстоянія и положенія другихъ, трудно допустить такую мысль: такъ, напримѣръ, атоллъ Суадива имѣетъ въ одну сторону 44, а въ другую 34 географическія мили; атоллъ Римскаго-Корсакова имѣетъ отъ 54 до 20 миль въ діаметрѣ и очертанія его очень извилисты; атоллъ Боу имѣетъ 30 миль въ длину, а въ ширину среднимъ числомъ только 6 миль; атоллъ Меньшикова представляетъ соединеніе трехъ атолловъ. Сверхъ того, упомянутая теорія совсѣмъ непримѣнима къ сѣвернымъ мальдивскимъ атолламъ Индійскаго океана (одинъ изъ которыхъ имѣетъ 88 миль въ длину и отъ 10 до 20 миль въ ширину), потому что они не окружены, подобно обыкновеннымъ атолламъ, узкими рифами, но большимъ количествомъ отдѣльныхъ маленькихъ атолловъ; другіе маленькіе атоллы поднимаются изъ обширнаго центральнаго пространства воды, образующаго лагуну. Лучшую теорію изобрѣлъ Шамиссо, который полагалъ, что такъ какъ кораллы всего сильнѣе растутъ въ открытомъ морѣ, что и оправдывается на самомъ дѣлѣ, то крайнія внѣшнія части вырастаютъ прежде другихъ изъ общей колоніи, чѣмъ можно объяснить кольцеобразную или блюдцеобразную форму всей постройки. Но мы сейчасъ увидимъ, что въ этой теоріи, какъ и въ теоріи кратеровъ, упущено было одно весьма важное соображеніе,—а именно, на чемъ же кораллы, строящіе рифы, не могущіе жить на большой глубинѣ, основывали свои массивныя постройки?

Множество промѣровъ было сдѣлано капитаномъ Фицъ-Роемъ на внѣшней крутой сторонѣ атолла Килингъ, и оказалось, что на глубинѣ 10 саженъ сало, которымъ было смазано основаніе лота, всегда возвращалось на поверхность съ отпечатками живыхъ коралловъ, но притомъ оставалось такъ чисто, какъ будто его опускали на дерновый коверъ; чѣмъ глубже опускался лотъ, тѣмъ меньше получалось отпечатковъ, но тѣмъ больше прилипало къ салу песчаныхъ частицъ, пока, наконецъ, не обнаружилось, что дно выстлано ровнымъ слоемъ песку; продолжая сравненіе съ дерномъ, кучки травы становились все рѣже и кончилась тѣмъ, что почва дѣлалась такой скудной, что ничего на ней не произрастало. Исходя изъ этихъ наблюденій, подтвержденныхъ многими другими, можно съ достовѣрностью заключить, что предѣлъ глубины, на которой кораллы могутъ строить рифы, колеблется между 20 и 30 саженями. Между тѣмъ въ Тихомъ и Индійскомъ океанахъ существуютъ огромныя пространства, на которыхъ нѣтъ ни одного острова не коралловаго происхожденія, и всѣ эти острова достигаютъ лишь той высоты, до которой волны могутъ подбрасывать обломки, а вѣтры—нагромождать кучи песку. Такъ, группа Радакскаго архипелага состоитъ изъ неправильнаго четырехугольника въ 520 миль длиною и въ 240 миль шириною. Низменный архи-

пелагъ представляетъ эллиптическую фигуру, простирающуюся въ одну сторону на 840, а въ другую—на 420 миль; есть еще множество мелкихъ группъ и одиночихъ низменныхъ островковъ между этими двумя архипелагами, и ни одинъ изъ нихъ не превышаетъ высотою указанной черты. И въ Индійскомъ океанѣ, на пространствѣ 1.500 миль въ длину, встрѣчаются три архипелага, состоящихъ исключительно изъ низменныхъ острововъ коралловаго строенія. Такъ какъ кораллы—строители рифовъ, не могутъ жить на большихъ глубинахъ, то несомнѣнно, что на протяженіи этихъ огромныхъ океаническихъ пространствъ вездѣ, гдѣ находится теперь атоллъ, должны были первоначально существовать основы на глубинѣ отъ 20 до 30 саженъ отъ поверхности. Въ высшей степени невѣроятно, чтобы могли образоваться въ самыхъ центральныхъ и глубокихъ частяхъ Индійскаго и Тихаго океановъ, въ огромномъ разстояніи отъ какого бы то ни было материка и въ мѣстахъ съ прозрачной чистой водой осадочные пласты столь широкіе, высокіе, уединенные другъ отъ друга и съ крутыми берегами, притомъ расположенные группами и рядами въ нѣсколько сотъ географическихъ миль длиною. Такъ же невѣроятно и то, чтобы сила поднятія возвысила на всемъ этомъ протяженіи безчисленныя огромныя каменистыя гряды, погруженныя вездѣ ровно на глубинѣ отъ 120 до 180 футовъ отъ поверхности моря, и чтобы ни одна вершина не возвысилась надъ этимъ уровнемъ. Гдѣ же, во всемъ мірѣ, можемъ мы найти хоть одну горную цѣпь, даже въ нѣсколько сотъ миль длиною, которой вершины подымались бы всѣ до одной высоты, и ни одна изъ нихъ не возвышалась бы надъ другими? Итакъ, если основы, на которыхъ возникли атоллы, образовались не изъ осадковъ и если онѣ не поднялись изъ глубины океана до требуемаго уровня, то надо думать, что онѣ опустились туда; такое предположеніе сразу устраняетъ трудности въ разрѣшеніи этого вопроса, потому что по мѣрѣ того, какъ гора за горой и островъ за островомъ медленно уходили въ глубь океана, появлялись одна за другой новыя основы, на которыхъ кораллы могли удобно строить свои рифы Невозможно здѣсь входить во всѣ подробности, необходимыя для освѣщенія вопроса, но я рѣшаюсь [1]) утверждать, что нельзя найти другое объясненіе тому факту, что многочисленные острова могли возникнуть и расположиться по такому обширному пространству при неизмѣнномъ условіи, что всѣ одинаково низменны, всѣ коралловаго строенія и всѣ нуждались въ твердой основѣ на той же опредѣленной глубинѣ.

Прежде чѣмъ приступать къ объясненію причинъ, опредѣляющихъ особое строеніе атолловъ, надо обратиться ко второму большому разряду рифовъ,—а именно, къ барьернымъ рифамъ. Они или тянутся прямой линіей впереди береговъ какого-нибудь материка или большого острова, или же окружаютъ малые острова; въ обоихъ случаяхъ ихъ отдѣляютъ отъ суши широкій и довольно глубокій каналъ, аналогичный лагунѣ внутри атолла. Удивительно, какъ мало вниманія было обращено на окаймляющіе барьерные рифы, тогда какъ строеніе ихъ поистинѣ изумительно. Рисунокъ изображаетъ часть барьернаго рифа, окружающаго островъ Болабола въ Тихомъ океанѣ; взятъ онъ съ вершины одного изъ центральныхъ пиковъ. Въ настоящемъ случаѣ весь рядъ рифовъ превратился въ сушу, но обыкновенно бываетъ такъ, что бѣлоснѣж-

[1]) Замѣчательно, что Лайель уже въ первомъ изданіи своихъ „Основаній геологіи“ заключаетъ, что опусканіе почвы въ Тихомъ океанѣ, должно быть, превосходило поднятіе, что видно изъ того, какъ незначительно пространство суши сравнительно съ образующими ее силами,—а именно, коралловыми постройками и вулканами.

ная полоса большихъ буруновъ, только изрѣдка пересѣкаемыхъ низенькими островками, увѣнчанными кокосовыми пальмами, отдѣляетъ темную массу океанскихъ волнъ отъ свѣтло-зеленой глади лагуны. Тихія воды этихъ лагунъ большею частью омываютъ полосу низменной, наносной почвы, въ изобиліи покрытой самыми прекрасными произведеніями тропическихъ странъ; надъ этой полосой возвышаются обрывистыя, пустынныя центральныя горы.

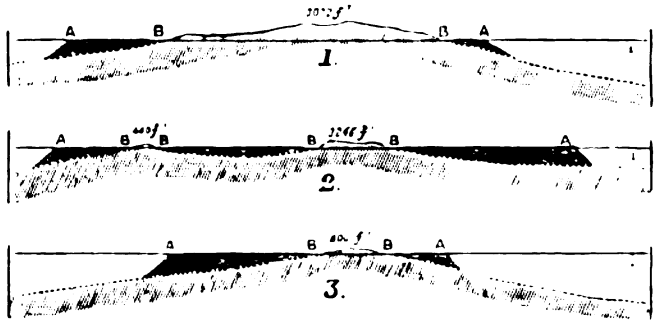
Окаймляющіе барьерные рифы бываютъ всевозможныхъ размѣровъ, отъ трехъ миль въ поперечникѣ до сорока четырехъ; рифъ, который тянется вдоль береговъ Новой Каледоніи и огибаетъ оба ея конца, имѣетъ до 400 миль въ длину. Каждый рифъ заключаетъ въ себѣ одинъ, два или нѣсколько каменистыхъ острововъ различной высоты, а въ одномъ случаѣ такой барьерный рифъ окружаетъ не менѣе двѣнадцати отдѣльныхъ острововъ. Барьерные рифы расположены на большемъ или меньшемъ разстояніи отъ включенной внутри ихъ суши; разстояніе это въ архипелагѣ Товарищества заключаетъ отъ трехъ до четырехъ миль, но въ архипелагѣ Гоголеу рифъ проходитъ съ южной стороны въ 20 миляхъ отъ лежащихъ внутри барьера острововъ, а съ сѣверной стороны онъ отдѣленъ отъ нихъ 14-ю милями.

Барьерный рифъ острова Болабола.

Глубина лагунъ бываетъ тоже очень различна; средняя глубина отъ 10 до 30 саженъ; но у Ваникоро есть мѣста, имѣющія не менѣе 56 саженъ глубины или 336 футовъ. Съ внутренней стороны рифъ или отлого спускается къ лагунѣ или же оканчивается отвѣсной стѣной, опускающейся въ воду иногда на 200—300 футовъ отъ поверхности; съ наружной стороны рифъ подымается совсѣмъ отвѣсно изъ океана, подобно атоллу. Что можетъ быть необыкновеннѣе такого строенія? Мы видимъ островъ, который можно сравнить съ замкомъ, стоящій на вершинѣ высокой подводной горы, и защищенный большой коралловой стѣной, всегда крутой съ наружной стороны, съ внутренней же—не всегда; стѣна эта кончается широкой, ровной вершиной, тамъ и сямъ прорѣзанной узкими проходами, пропускающими самые большіе корабли внутрь широкаго и глубокаго рва.

Что касается самого коралловаго рифа, то между барьернымъ рифомъ и атолломъ не существуетъ ни малѣйшей разницы въ величинѣ, очертаніи, группировкѣ и даже въ мелкихъ подробностяхъ строенія. Географъ Бальби справедливо замѣтилъ, что окруженный рифами островъ не что иное какъ атоллъ съ возвышенной сушей, подымающейся изъ его лагуны; стоитъ устранить эту сушу и останется настоящій атоллъ.

Но что было причиной возникновенія этихъ рифовъ на такомъ разстояніи отъ береговъ тѣхъ острововъ, которые ими охватываются? Не можетъ быть, чтобы это произошло отъ того, что кораллы не хотѣли селиться около суши, потому что берега внутри лагуны, если на нихъ нѣтъ слоя наносной почвы, часто бываютъ окаймлены живыми кораллами; дальше мы увидимъ, что есть цѣлый разрядъ рифовъ, который я назвалъ окаймляющими рифами по ихъ тѣсной связи съ берегами материковъ и острововъ. Еще спрашивается, на чемъ кораллы, строители рифовъ, неспособные жить на большой глубинѣ, основали свои кольцеобразныя постройки? Въ этомъ вопросѣ кроется, повидимому, то же затрудненіе, какъ и въ вопросѣ объ атоллахъ, и его вообще упустили изъ вида. Дѣло выяснится при разсмотрѣніи рисунка, изображающаго продольное сѣченіе острововъ Ваникоро, Гамбье и Мауруасъ ихъ барьерными рифами: сѣченіе сдѣлано съ сѣвера на югъ въ масштабѣ $^1/_4$ дюйма на 1 милю какъ въ горизонтальномъ, такъ и въ вертикальномъ направленіяхъ.



1. Ваникоро. 2. Гамбіе. 3. Мауруа.

Горизонтальными чертами обозначены барьерные рифы и каналы лагунъ. Косыми чертами надъ уровнемъ моря (AA) обозначена современная форма острова; тѣми же чертами надъ уровнемъ обозначено вѣроятное продолженіе суши надъ водою.

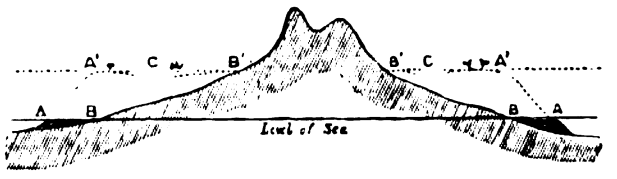
Поперечныя черточки обозначаютъ барьефные рифы и лагунообразные каналы. Косвенныя черточки надъ уровнемъ моря (AA) указываютъ очертанія суши въ настоящее время; косвенныя черточки ниже уровня моря указываютъ предполагаемое продолженіе суши подъ водою.

Надо замѣтить, что въ какомъ бы направленіи ни были сдѣланы такія сѣченія этихъ ли, многихъ ли другихъ, окруженныхъ рифами острововъ, общія черты были бы все тѣ же. Помня, что кораллы, строители рифовъ, не могутъ жить на глубинѣ, превышающей 20—30 саженъ, и принимая во вниманіе, что при столь маломъ масштабѣ черточки съ правой стороны обозначаютъ глубину въ 200 саженъ, то спрашивается, что же служитъ фундаментомъ для этихъ барьерныхъ рифовъ? Должны ли мы предположить, что каждый островъ окруженъ подводнымъ каменнымъ выступомъ въ формѣ ошейника или большой осадочной отмелью, кончающейся обрывомъ тамъ, гдѣ кончается рифъ? Если бы море въ прежнее время глубоко врѣзывалось въ острова, когда они еще не были защищены рифами, и вслѣдствіе этого кругомъ нихъ образовались подводные выступы, то теперешніе берега были бы непремѣнно окружены глубокими пропастями, но это встрѣчается очень рѣдко. Кромѣ того, допустивъ такое предположеніе, невозможно объяснить, почему бы кораллы возвышались отвѣсной стѣной на самомъ внѣшнемъ краю отмелей, зачастую оставляя съ внутренней стороны широкое пространство воды, слишкомъ

глубокое для роста кораллов. Накопленіе обширныхъ осадочныхъ слоевъ вокругъ острововъ—при чемъ чѣмъ меньше заключенные въ нихъ острова, тѣмъ они сами больше, является совсѣмъ невѣроятнымъ фактомъ, если мы возьмемъ въ соображеніе ихъ открытое положеніе въ центральныхъ и глубочайшихъ частяхъ океана. Судя по примѣру Ново-Каледонскаго рифа, который тянется на 150 миль сѣвернѣе сѣверной части острова въ томъ же прямомъ направленіи, въ какомъ онъ идетъ вдоль его западнаго берега, едва ли можно допустить, чтобы осадочная отмель могла такимъ образомъ сформироваться впереди высокаго острова и далеко за предѣлами его въ открытомъ морѣ. Наконецъ, если мы обратимъ вниманіе на другіе океаническіе острова приблизительно такой же высоты и одинаковаго геологическаго строенія, но не окруженные коралловыми рифами, мы напрасно стали бы искать вокругъ нихъ такой незначительной глубины какъ 30 саженъ, развѣ только у самыхъ береговъ, потому что обыкновенно земля, круто поднимающаяся изъ океана, столь же круто и опускается въ своей подводной части; это можно замѣтить во всѣхъ океаническихъ островахъ окружены ли они рифами или нѣтъ.

Спрашивается, на чемъ же основаны барьерные рифы? Почему они расположены такъ далеко отъ включенной въ нихъ суши, благодаря своимъ широкимъ и глубокимъ каналамъ въ родѣ рвовъ? Вскорѣ мы увидимъ какъ легко устраняются всѣ затруднительные вопросы.

Перейдемъ теперь къ нашему третьему разряду рифовъ, т.-е. къ береговымъ рифамъ, заслуживающимъ лишь краткаго обзора. Тамъ, гдѣ земля круто опускается подъ воду, эти рифы имѣютъ только нѣсколько



А.А. Наружный край берегового рифа на уровнѣ моря. В.В. Берега окаймленнаго рифомъ острова. А'А' Наружный край рифа послѣ его восходящаго роста въ періодъ погруженія. Онъ превратился въ барьеръ съ островками на немъ. В'В' Берега островка, теперь уже окруженнаго кольцомъ. С'С' Лагуна, имѣющая форму кольца.

Примѣч. На этомъ и слѣдующемъ рисункѣ погруженіе суши могло быть изображено только кажущимся поднятіемъ уровня моря.

ярдовъ ширины, представляя собою не болѣе какъ лентообразную кайму вокругъ береговъ; тамъ же, гдѣ земля отлого спускается подъ воду, рифы простираются дальше, иногда на цѣлую милю въ стороны отъ береговъ; но въ этихъ случаяхъ промѣры съ наружной стороны рифа всегда показываютъ, что подводное продолженіе суши понижается постепенно. Въ сущности рифы тянутся только на такое разстояніе отъ береговъ, на которомъ находится фундаментъ, лежащій на требуемой глубинѣ отъ 20 до 30 саженъ. Что касается разсматриваемаго рифа, между нимъ и барьернымъ или атолломъ нѣтъ существенной разницы; впрочемъ, береговой рифъ бываетъ обыкновенно уже другихъ, а поэтому образуетъ меньше острововъ. Такъ какъ кораллы сильнѣе растутъ съ внѣшней стороны, съ внутренней же стороны на ихъ ростъ дурно вліяютъ осадки, наносимые на берегъ, то наружный край рифа всегда самый высокій, и между нимъ и сушею обыкновенно образуется мелкій песчанистый каналъ въ нѣсколько футовъ глубиною. Въ мѣстахъ, гдѣ осадочныя отмели скопля-

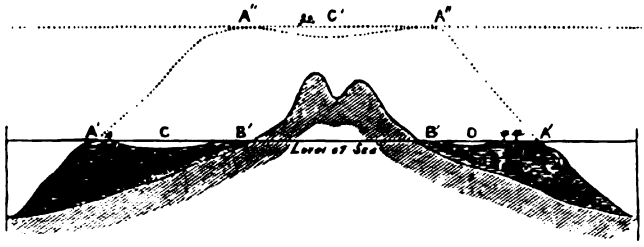
ются подлѣ поверхности моря, какъ это видно въ нѣкоторыхъ частяхъ Вестъ-Индіи, отмели эти бываютъ иногда окаймлены кораллами, вслѣдствіе чего онѣ до нѣкоторой степени походятъ на лагунные острова или атоллы; точно такъ же береговые рифы, окружающіе отлогіе острова, до нѣкоторой степени бываютъ похожи на барьерные рифы.

Ни одна теорія образованія коралловыхъ острововъ не можетъ считаться удовлетворительной, если она не обнимаетъ всѣхъ трехъ разрядовъ. Мы были уже вынуждены убѣдиться въ томъ, что произошло осѣданіе или пониженіе почвы на этихъ огромныхъ пространствахъ, усѣянныхъ низменными островами, изъ которыхъ ни одинъ не поднимается выше черты, куда волны и вѣтры могутъ подбрасывать различныя вещества, и которые всѣ построены животными, требующими для своихъ работъ основъ, и притомъ неглубоко лежащихъ основъ. Итакъ возьмемъ для примѣра островъ, окруженный береговыми рифами, которые не представляютъ никакого затрудненія къ объясненію ихъ строенія, и пусть этотъ островъ со своими рифами, указанными на рисункѣ непрерывной линіей, медленно опустится въ океанъ. По мѣрѣ того какъ островъ будетъ опускаться на нѣсколько ли футовъ въ одинъ пріемъ, или же совершенно нечувствительно, мы можемъ съ увѣренностью заключить, изъ того, что намъ извѣстно объ условіяхъ благопріятныхъ для роста коралловъ, что живыя массы, постоянно смываемыя прибоемъ волнъ на краю рифа, скоро достигнутъ поверхности. Вода однако будетъ постепенно захватывать берегъ, при чемъ островъ будетъ дѣлаться все ниже и меньше, а разстояніе между внутреннимъ краемъ рифа и берегами острова будетъ соотвѣтственно расширяться. Сѣченіе рифа и острова изображено на рисункѣ точками въ такомъ состояніи, какое они примутъ послѣ пониженія острова и рифовъ на нѣсколько сотъ футовъ. Предполагается, что коралловые островки образовались на рифѣ, а въ каналѣ или лагунѣ стоитъ на якорѣ корабль. Глубина этого канала будетъ соотвѣтствовать степени погруженія почвы въ воду, количеству накопившихся на ней осадковъ и развитію нѣжныхъ развѣтвляющихся коралловъ, способныхъ существовать въ каналѣ. Въ этомъ состояніи сѣченіе напоминаетъ во всѣхъ отношеніяхъ сѣченіе острова, окаймленнаго кольцеобразнымъ рифомъ; и на самомъ дѣлѣ—это сѣченіе острова Балаболы (въ масштабѣ 0.517 дюйма на 1 милю) въ Тихомъ океанѣ. Теперь намъ ясно, почему кольцеобразные барьерные рифы лежатъ такъ далеко отъ защищаемыхъ ими береговъ. Мы можемъ также замѣтить, что перпендикуляръ, проведенный отъ внѣшняго края новаго рифа внизъ къ той скалистой основѣ, на которой утверждался старый береговой рифъ, будетъ настолько футовъ больше незначительной глубины, доступной для житья и развитія коралловъ, насколько футовъ опустилась почва; маленькіе строители строили свою массивную стѣну постепенно, по мѣрѣ опусканія почвы, воздвигая одну постройку на фундаментѣ, образовавшемся изъ построекъ другихъ коралловъ и ихъ уплотненныхъ обломковъ. Такимъ образомъ исчезаетъ затрудненіе въ уясненіи вопроса, представлявшагося столь трудно разрѣшимымъ.

Если вмѣсто острова мы взяли бы для примѣра материкъ, окаймленный рифами, и представили бы себѣ его опусканіе, то очевидно въ результатѣ получился бы большой прямой барьеръ, какъ въ Австраліи и въ Новой Каледоніи,—барьеръ, который былъ бы отдѣленъ отъ суши широкимъ и глубокимъ каналомъ.

Теперь возьмемъ нашъ новый кольцеобразный барьерный рифъ, сѣченіе котораго представлено непрерывной линіей и которое, какъ я

уже сказалъ, есть сѣченіе острова Болабола; представимъ себѣ, что онъ продолжаетъ опускаться. По мѣрѣ того какъ барьерный рифъ медленно погружается, кораллы усиленно продолжаютъ расти, но въ то время, какъ островъ опускается, вода надвигается на его берега дюймъ за дюймомъ, причемъ отдѣльныя горы сначала образуютъ отдѣльные острова внутри одного кольцеобразнаго рифа, и, наконецъ, послѣдній, высшій пикъ исчезаетъ подъ водою. Въ ту минуту, какъ это совершается, образуется настоящій атоллъ; я уже говорилъ ранѣе, что стоитъ устранить возвышенный участокъ земли внутри кольцеобразнаго барьернаго рифа, то остается атоллъ, а изъ вышесказаннаго мы видимъ, что именно центральное возвышеніе исчезаетъ. Теперь ясно, какъ случается то, что атоллы, происшедшіе изъ барьерныхъ рифовъ, похожи на нихъ общими размѣрами, формой, группировкой и расположеніемъ въ одинъ или въ два ряда; атоллы эти можно назвать грубыми контурами погрузившихся острововъ надъ которыми они стоятъ. Мы можемъ далѣе усмотрѣть, почему атоллы въ Тихомъ и Индійскомъ океанахъ тянутся параллельно главнымъ очертаніямъ возвышенныхъ острововъ и обширныхъ материковъ, расположенныхъ въ этихъ океанахъ. Итакъ, я беру смѣлость утверждать, что теорія, въ силу которой ростъ коралловъ совпадаетъ съ



A′A′. Наружные края на уровнѣ моря, барьернаго рифа съ островками на немъ. B′B′ Берега заключеннаго острова. C′C Лагунный каналъ. A″A″ Наружный край рифа уже превращается въ атоллъ. C′ Лагуна новаго атолла.

Примѣч. Въ сравненіи съ истиннымъ масштабомъ размѣры лагуннаго канала и лагуны очень преувеличены.

опусканіемъ почвы [1]), просто объясняетъ всѣ главныя черты въ удивительныхъ постройкахъ, которыя представляютъ собою атоллы и лагунные острова, такъ долго занимавшіе вниманіе путешественниковъ, а также и строеніе не менѣе удивительныхъ барьерныхъ рифовъ, окружающихъ ли маленькіе острова, или же тянущихся на сотни миль вдоль береговъ материка. Меня могутъ спросить, имѣлъ ли я въ своемъ распоряженіи какое-нибудь прямое доказательство, что барьерные рифы и атоллы дѣйствительно погружаются въ воду; но не надо забывать, какъ трудно прослѣдить движеніе, ведущее къ скрытію подъ водою наблюдаемыхъ пунктовъ. И тѣмъ не менѣе въ атоллѣ Килинга я замѣтилъ со всѣхъ сторонъ лагуны старыя кокосовыя пальмы, подмытыя водою и распадаю-

[1]) Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я слѣдующія строки въ статьѣ г. Купизи, одного изъ натуралистовъ, участвовавшихъ въ большой антарктической экспедиціи, посланной Соединенными Штатами: „Изслѣдовавъ лично множество коралловыхъ острововъ и проведя восемь мѣсяцевъ на островахъ вулканическаго происхожденія, имѣющихъ частью береговые, частью кольцеобразные риѳы, я могу сказать, что собственныя наблюденія убѣдили меня въ правильности теоріи г. Дарвина“: Натуралисты этой экспедиціи не во всемъ, однако, согласны со мной касательно происхожденія коралловыхъ построекъ.

щіяся, а въ одномъ мѣстѣ сваи сарая, который, по словамъ туземцевъ, стоялъ семь лѣтъ передъ тѣмъ выше черты прилива, въ настоящее время каждый день заливались приливомъ. Изъ разспросовъ, сдѣланныхъ мною, я узналъ, что за послѣднія десять лѣтъ здѣсь ощущалось три землетрясенія, и одно изъ нихъ было сильное. У острова Ваникоро лагунный каналъ замѣчателенъ по своей глубинѣ; наносной почвы почти не накопилось у подошвы высокихъ внутреннихъ горъ, и на стѣнообразномъ барьерномъ рифѣ очень мало видно островковъ, образуемыхъ изъ нагроможденія обломковъ и песку; эти и другіе аналогичные факты привели меня къ заключенію, что въ недавнее время островъ опустился, а рифъ выросъ; здѣсь также часто случаются землетрясенія и очень сильныя. На островахъ архипелага товарищества, гдѣ лагунообразные каналы глубоко занесены большими скопленіями аллювіальной почвы и, гдѣ мѣстами образовались длинные островки на барьерныхъ рифахъ (факты эти доказываютъ, что эти острова давно опустились), ощущаются, и то рѣдко, только слабыя землетрясенія. На коралловыхъ постройкахъ, гдѣ земля и вода постоянно борются за преобладаніе, всегда будетъ трудно опредѣлить, что именно произошло, измѣнилось ли положеніе черты прилива, или погрузилась въ воду земля; что многіе изъ этихъ рифовъ и атолловъ подвергаются какимъ-то измѣненіямъ, не подлежитъ сомнѣнію; на нѣкоторыхъ атоллахъ замѣчается большое умноженіе островковъ за послѣднее время; на другихъ же островки частью или совсѣмъ смыты. Жителямъ Мальдивскаго архипелага извѣстно время первоначальнаго образованія нѣкоторыхъ островковъ; въ другихъ мѣстахъ кораллы теперь процвѣтаютъ на подводныхъ рифахъ, гдѣ, какъ видно по вырытымъ могиламъ, находилась нѣкогда обитаемая сушь.

Трудно допустить мысль, чтобы въ открытомъ океанѣ происходили частыя перемѣны теченій и направленій въ приливахъ, между тѣмъ какъ мы имѣемъ ясныя доказательства того, что въ подземныхъ мѣстахъ происходятъ измѣненія и перевороты: о нихъ говорятъ землетрясенія, засвидѣтельствованныя туземцами на нѣкоторыхъ атоллахъ, и большія трещины, замѣченныя на другихъ лагунныхъ островахъ.

Изъ нашей теоріи явствуетъ, что берега, окаймленные рифами, не могли испытать замѣтнаго опусканія и, слѣдовательно, они должны были, со времени возрастанія своихъ коралловъ, или оставаться въ покоѣ, или подниматься. И дѣйствительно, замѣчательно, какъ легко указать на поднятіе острововъ, окаймленныхъ береговыми рифами, судя по количеству поднятыхъ органическихъ остатковъ; обстоятельство это можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ въ пользу нашей теоріи. Меня особенно поразилъ этотъ фактъ, когда я открылъ, въ моему удивленію, что описанія Куа и Гемара относятся не ко всѣмъ рифамъ вообще, но только къ береговымъ; я пересталъ однако удивляться, когда я впослѣдствіи узналъ, что, по странной случайности, всѣ различные острова, посѣщенные знаменитыми натуралистами, принадлежатъ, по ихъ же показаніямъ, къ числу острововъ, поднятыхъ въ недавнюю геологическую эпоху.

Не только важнѣйшія черты въ строеніи барьерныхъ рифовъ и атолловъ и сходство ихъ между собою по формѣ, величинѣ и другимъ чертамъ могутъ найти себѣ объясненіе въ теоріи опусканія почвы (мы принуждены допустить эту теорію по отношенію къ разсматриваемымъ нами мѣстностямъ, чтобы найти основанія для коралловыхъ построекъ на извѣстной глубинѣ), но, кромѣ того, многія подробности въ строеніи и разные исключительные случаи находятъ простое объясненіе въ той же теоріи. Привожу нѣсколько примѣровъ. Въ барьерныхъ рифахъ давно

уже съ удивленіемъ замѣченъ слѣдующій фактъ: проходы въ нихъ всегда расположены противъ долинъ, находящихся на заключенномъ внутри островѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рифы отдѣлены отъ суши лагуннымъ каналомъ, настолько широкимъ и настолько болѣе глубокимъ, нежели самый проходъ, что едва ли возможно предположить, чтобы малое количество воды или сносимыхъ осадковъ могло повредить кораллamъ на рифахъ. Между тѣмъ въ береговыхъ рифахъ образуются узкіе проломы напротивъ каждаго мельчайшаго ручейка, хотя бы ручеекъ этотъ оставался безводнымъ большую часть года; причина заключается въ томъ, что илъ, песокъ или галешникъ, случайно занесенные ручьемъ, убиваютъ кораллы, на которые попадаютъ. Итакъ, когда окаймленный островъ погружается въ воду, несмотря на то, что большая часть такихъ проломовъ снова заполнится разрастающимися во всѣ стороны кораллами, но тѣ проломы, которые не закроются, (а такіе непремѣнно будутъ, потому что куда-нибудь должна будетъ стекать нечистая вода съ осадками изъ лагуннаго канала), будутъ какъ разъ напротивъ долинъ, при устьѣ которыхъ случился прорывъ первоначальнаго рифа.

Мы легко убѣждаемся въ томъ, что островъ, имѣющій только съ одной стороны барьерный рифъ или оцѣпленный съ одного ли, съ двухъ ли концовъ такими рифами, можетъ послѣ продолжительнаго опусканія превратиться либо въ одинокій стѣнообразный рифъ, либо въ атоллъ съ большимъ прямымъ отросткомъ, либо въ два-три атолла, связанные между собою прямыми рифами; всѣ подобные исключительные случаи встрѣчаются въ дѣйствительности. Такъ какъ строители рифовъ нуждаются въ питаніи, такъ какъ ихъ подстерегаютъ другія животныя и убиваютъ осадки, наконецъ, въ виду того, что они не могутъ строиться иначе, какъ на твердой основѣ и легко могутъ быть снесены въ глубь океана, гдѣ не могутъ уже развиваться, то нельзя удивляться тому, что многіе атоллы и барьерные рифы бываютъ отчасти какъ бы недодѣланы. Такъ, большой барьерный рифъ Новой Каледоніи во многихъ мѣстахъ недодѣланъ или проломленъ; вслѣдствіе этого, послѣ продолжительнаго опусканія почвы этотъ громадный рифъ не образуетъ одного огромнаго атолла въ 400 миль длиною, а только цѣпь или архипелагъ малыхъ атолловъ, приблизительно однихъ размѣровъ съ атоллами въ Мальдивскомъ архипелагѣ. Кромѣ того, если атоллъ былъ проломленъ съ двухъ противоположныхъ концовъ, то, по всей вѣроятности, морское теченіе будетъ прямо стремиться въ эти отверстія, и, слѣдовательно, крайне невѣроятнымъ представляется, чтобы кораллы могли, особенно во время продолжительнаго опусканія, снова заполнить отверстіе; тогда, по мѣрѣ погруженія почвы, одинъ атоллъ расколется на два или на большее количество атолловъ. Въ Мальдивскомъ архипелагѣ есть отдѣльные атоллы, по положенію которыхъ можно судить о ихъ взаимной связи, и хотя ихъ раздѣляютъ чрезвычайно, даже неизмѣримо глубокіе каналы (каналы между атоллами Россъ и Ари глубиною въ 150 саж., а между сѣвернымъ и южнымъ Нилланду—200 саженъ), но невозможно, глядя на карту, не убѣдиться въ томъ, что они были раньше соединены. Въ томъ же архипелагѣ находится атоллъ Маллосъ Маду, раздѣленный дельтообразнымъ каналомъ (отъ 100 до 132 саж. глубиною) такъ, что почти невозможно сказать, какъ его слѣдуетъ правильно разсматривать, какъ три отдѣльныхъ атолла или какъ одинъ большой атоллъ еще не вполнѣ раздробленный.

Не буду входить въ дальнѣйшія подробности, но я долженъ замѣтить, что странное устройство сѣверныхъ Мальдивскихъ атолловъ (при-

нимая во вниманіе свободное прохожденіе моря черезъ проломленные края) просто объясняется разрастаніемъ коралловъ, которые первоначально основались то на отдѣльныхъ, мелкихъ рифахъ въ лагунахъ атолловъ, то на раздѣленныхъ частяхъ продольнаго рифа, окаймляющаго всякій атоллъ обыкновенной формы. Не могу удержаться отъ желанія еще разъ выразить мое удивленіе передъ этими сложными постройками: большой, песчанистый, обыкновенно вогнутый дискъ круто подымается изъ неизмѣримой глубины океана; центральное пространство его усѣяно, а края симметрично окаймлены овальными бассейнами коралловаго строенія, едва достигающими водяной поверхности; нѣкоторые изъ нихъ покрыты растительностью и каждый заключаетъ внутри себя озеро съ тихой прозрачной водой.

Еще одна подробность: такъ какъ въ двухъ сосѣднихъ архипелагахъ замѣчается такое различіе,—въ одномъ кораллы процвѣтаютъ, тогда какъ въ другомъ ихъ вовсе нѣтъ; помня притомъ, сколько условій, выше перечисленныхъ, вліяетъ на существованіе коралловъ, было бы вполнѣ непонятно, если бъ при всѣхъ измѣненіяхъ, постигающихъ землю, воздухъ и воду, кораллы-строители оставались бы вѣчно живыми на извѣстныхъ мѣстахъ или пунктахъ. Такъ какъ въ силу нашей теоріи пространства, заключающія атоллы и барьерные рифы, понижаются, то иногда должны встрѣчаться рифы вымершіе и затопленные. Во всѣхъ рифахъ, подвѣтренная сторона наименѣе благопріятна для развитія коралловъ, потому что въ эту сторону гонятся осадки, выносимые изъ лагунъ и каналовъ, вслѣдствіе чего нерѣдко встрѣчаются вымершія части рифовъ съ подвѣтренной стороны; онѣ хотя и сохраняютъ свою настоящую стѣнообразную форму, теперь во многихъ случаяхъ погрузились на нѣсколько саженъ въ воду.

Въ архипелагѣ Чагосъ почему-то, можетъ быть по причинѣ слишкомъ быстраго опусканія почвы, условія настоящаго времени, повидимому, менѣе благопріятны для успѣшнаго развитія коралловъ, чѣмъ были въ прежнее время: у одного атолла часть окаймляющаго его рифа въ девять миль длиною вымерла и затоплена водою; у другого остались только немногіе совсѣмъ маленькіе участки живыхъ коралловъ, возвышающихся до поверхности моря; третій и четвертый совсѣмъ вымерли и погрузились въ воду; пятый представляетъ одну развалину съ почти сгладившимися чертами прежняго строенія. Замѣчательно, что, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, вымершіе рифы и куски ихъ лежатъ почти на одинаковой глубинѣ, какъ будто они были увлечены однимъ и тѣмъ же движеніемъ. Одинъ изъ этихъ «полузатопленныхъ атолловъ», какъ ихъ называетъ капитанъ Морсби (которому я обязанъ за многія чрезвычайно цѣнныя свѣдѣнія), отличается обширными размѣрами, а именно: онъ простирается на девяносто морскихъ миль въ одномъ направленіи и на семьдесятъ въ другомъ. Атоллъ этотъ во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно интересенъ. Такъ какъ изъ нашей теоріи слѣдуетъ, что новые атоллы большею частью образуются въ мѣстностяхъ, гдѣ недавно произошли пониженія почвы, то намъ могли бы сдѣлать два вѣскихъ возраженія: во-первыхъ, что число атолловъ должно увеличиваться до безконечности; во-вторыхъ, что въ мѣстахъ прежняго пониженія каждый отдѣльный атоллъ долженъ неограниченно утолщаться, если нѣтъ доказательствъ его случайнаго разрушенія. Такимъ образомъ, мы прослѣдили исторію этихъ огромныхъ коралловыхъ колецъ, начиная съ ихъ происхожденія до конца, пройдя черезъ всю вереницу ихъ нормальныхъ измѣненій и случайныхъ бѣдъ, нарушающихъ ихъ существованіе.

Въ моей книгѣ «О коралловыхъ постройкахъ» приложена карта, на которой я обозначилъ всѣ атоллы синей краской, барьерные рифы—голубой, а береговые—красной. Послѣдніе образовались во время спокойнаго состоянія почвы, или, какъ можно судить по часто встрѣчающимся органическимъ остаткамъ, приподнятымъ изъ океана,—во время медленнаго поднятія почвы; наоборотъ, атоллы и барьерные рифы выросли во время противоположнаго движенія, т.-е. во время осѣданія земли, которое должно было происходить постепенно, но въ такихъ большихъ размѣрахъ, что всѣ горныя вершины на атоллахъ были погребены на обширныхъ пространствахъ океана. На этой картѣ мы видимъ, что рифы, окрашенные синей и голубой краской и образовавшіеся вслѣдствіе того же движенія, вообще располагаются близко другъ отъ друга. Еще мы можемъ замѣтить, что площади расположенія синихъ и голубыхъ рифовъ очень обширны и отдѣлены отъ длинныхъ береговыхъ линій, окрашенныхъ краснымъ. Оба эти обстоятельства естественно объясняются теоріей о происхожденіи рифовъ въ зависимости отъ характера движенія почвы.

Достойно вниманія то, что въ нѣсколькихъ случаяхъ, когда голубые и красные круги сближаются, я могу доказать, что здѣсь происходило колебаніе уровня, потому что въ этихъ случаяхъ красные или береговые круги состоятъ изъ атолловъ, образовавшихся, согласно съ нашей теоріей, въ періодъ осѣданія, но впослѣдствіи подвергнувшіеся поднятію; съ другой стороны, нѣкоторые голубые или оцѣпленные острова состоятъ изъ коралловыхъ построекъ, которыя должны были быть подняты до своей теперешней высоты прежде, нежели совершилось то опусканіе, во время котораго нынѣшніе барьерные рифы выросли вверхъ.

Многіе писатели съ удивленіемъ замѣчали, что хотя атоллы являются самыми обыкновенными коралловыми постройками на огромныхъ пространствахъ океана, они вполнѣ отсутствуютъ въ нѣкоторыхъ моряхъ, какъ, напримѣръ, въ Вестъ-Индіи; теперь намъ ясно, отчего это происходитъ: тамъ, гдѣ не было опусканія почвы, атоллы не могли образоваться; въ Вестъ-Индіи, частью и въ Остъ-Индіи, какъ извѣстно, почва поднималась въ теченіе недавняго періода времени. Большія пространства, отмѣченныя синимъ и красными цвѣтами, всѣ имѣютъ продолговатую форму, и въ порядкѣ ихъ расположенія видно чередованіе, какъ будто поднятіе одной части соотвѣтствовало пониженію другой. Принимая во вниманіе доказательства недавняго поднятія береговъ, какъ тѣхъ, которые окружены береговыми рифами, такъ и нѣкоторыхъ другихъ (напр., въ Южной Америкѣ), гдѣ нѣтъ коралловыхъ рифовъ, мы должны заключить, что обширные материки суть большею частью подымающіяся пространства, а центральныя части океана, судя по тому, что въ нихъ образуются коралловые рифы, принадлежатъ къ пространствамъ понижающимся.

Остъ-Индскій архипелагъ, самый раздробленный участокъ земли въ свѣтѣ, представляетъ въ большей части своего протяженія возвышающуюся землю, но архипелагъ этотъ окруженъ и, вѣроятно, прорѣзанъ въ нѣсколькихъ частяхъ узкими полосами понижающейся почвы; я отмѣтилъ пунцовымъ цвѣтомъ всѣ извѣстные вулканы въ предѣлахъ, обозначенныхъ на этой картѣ. Полное ихъ отсутствіе въ обширныхъ пространствахъ, окрашенныхъ синимъ и голубымъ цвѣтами, очень поразительно, и не менѣе удивительно совпаденіе главныхъ вулканическихъ цѣпей съ частями, обозначенными краснымъ цвѣтомъ, которыя, какъ мы должны заключить, либо давно находятся въ состояніи покоя, либо поднялись въ недавнее время (послѣднее соображеніе примѣнимо

къ большему числу мѣстъ). Хотя нѣсколько пунцовыхъ пятенъ встрѣчаются въ небольшомъ разстояніи отъ уединенныхъ круговъ, выкрашенныхъ въ голубой цвѣтъ, но ни одинъ дѣйствующій вулканъ не находится около архипелага или даже около маленькой группы атолловъ ближе, чѣмъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль. Вотъ почему надо считать удивительнымъ то обстоятельство, что въ архипелагѣ Дружбы, который состоитъ изъ группы атолловъ поднявшихся и частью уже размытыхъ, существовало два вулкана, а можетъ и болѣе, бывшихъ, какъ исторически извѣстно, въ дѣйствіи. Съ другой стороны, не смотря на то, что въ Тихомъ океанѣ большинство острововъ, окруженныхъ барьерными рифами, вулканическаго происхожденія, со слѣдами кратеровъ, до сихъ поръ видными, однако ни про одинъ вулканъ неизвѣстно, чтобы онъ бывалъ въ дѣйствіи. Изъ этого можно заключить, что вулканы дѣйствуютъ или потухаютъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ согласно съ тѣмъ, какія движенія тамъ преобладаютъ,—поднятіе или же опусканіе.

Можно привести безчисленные примѣры въ доказательство того, что поднятые изъ моря органическіе остатки часто встрѣчаются вездѣ, гдѣ есть дѣйствующіе вулканы, но пока не было доказано, что въ районахъ опусканія почвы вулкановъ не было или они бездѣйствовали, было бы рискованно выводить хотя и правдоподобное заключеніе о томъ, что распредѣленіе вулкановъ зависитъ отъ поднятія или пониженія земной поверхности. Теперь же, мнѣ кажется, можно свободно допустить этотъ важный выводъ.

Взглянувъ въ послѣдній разъ на карту и помня все сказанное относительно поднятыхъ изъ океана органическихъ остатковъ, мы должны удивляться обширности пространствъ, которыя подверглись въ геологическую эпоху не слишкомъ отдаленную такимъ измѣненіямъ уровня то вверхъ, то внизъ. Какъ видно, движенія поднятія и опусканія подчинены почи однимъ и тѣмъ же законамъ. На всемъ пространствѣ, усѣянномъ атоллами, гдѣ не осталось ни одной горной вершины надъ уровнемъ моря, опусканіе почвы должно было совершаться въ огромныхъ размѣрахъ. Сверхъ того, надо думать, что опусканіе это совершалось чрезвычайно медленно, какъ бы оно ни происходило—непрерывно или съ промежутками довольно продолжительными для того, чтобы кораллы успѣвали снова воздвигнуть свои живыя постройки вплоть до поверхности океана. Выводъ этотъ вѣроятно самый важный изъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ коралловыми постройками; и трудно себѣ представить. чтобы можно было иными путями придти къ такому выводу. Не могу также не упомянуть о вѣроятіи существованія въ прежнія времена большихъ архипелаговъ съ высокими островами на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время широкая гладь океана едва нарушается кольцеобразными коралловыми рифами; такое предположеніе бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на распредѣленіе живыхъ существъ на другихъ высокихъ островахъ, теперь оставшихся на столь далекихъ разстояніяхъ другъ отъ друга среди громадныхъ океановъ.

Кораллы, строители рифовъ, поистинѣ взлелѣяли и сохранили удивительные памятники подземныхъ колебаній почвы: въ каждомъ барьерномъ рифѣ мы имѣемъ доказательство, что земля въ этомъ мѣстѣ опустилась, въ каждомъ атоллѣ мы видимъ памятникъ исчезнувшаго острова. Подобно геологу, который прожилъ бы десятокъ тысячъ лѣтъ и велъ бы дневникъ происходящихъ на земномъ шарѣ перемѣнъ, мы можемъ такимъ образомъ заглянуть въ ту великую систему переворотовъ, которая производила колебанія поверхности нашей земли и совершала обмѣнъ между сушей и водой.

ГЛАВА XXI.

Отъ Маврикія до Англіи.

Островъ Маврикія; живописный видъ.—Большое кратерообразное кольцо горъ.—Индусы.—Островъ св. Елены.—Исторія измѣненій въ растительности.—Причины исчезновенія сухоцутныхъ раковинъ.—Островъ Вознесенія.—Измѣненія въ привезенныхъ крысахъ.—Вулканическія бомбы.—Пласты инфузорій.—Багія.—Бразилія.—Роскошь тропическихъ видовъ.—Пернамбуко.—Странный рифъ.—Невольничество.—Возвращеніе въ Англію.—Обзоръ нашего путешествія.

29 апрѣля. Утромъ мы обогнули сѣверную оконечность острова Маврикія или Иль-де-Франсъ. Съ этого мѣста видъ острова оправдалъ ожиданія, возбужденныя многими извѣстными описаніями его красиваго мѣстоположенія. Покатая равнина Памплемуссъ, усѣянная домами и яркозелеными плантаціями сахарнаго тростника, составляла передній планъ картины. Яркость зелени была тѣмъ болѣе замѣчательна, что обыкновенно цвѣтъ этотъ бросается въ глаза только на близкомъ разстояніи. Въ центрѣ острова, группы лѣсистыхъ горъ выдѣлялись среди прекрасно обработанной равнины; вершины ихъ, какъ это часто случается съ горами древняго вулканическаго происхожденія, представляли зазубренные, крайне острые и крутые пики. Кругомъ нихъ собирались кучи бѣлыхъ облаковъ словно для того, чтобы радовать глаза путешественниковъ. Весь островъ съ покатыми краями и центральными горами отличался большимъ изяществомъ и, если можно такъ выразиться, тѣшилъ взоръ своей гармоніей.

Бо́льшую часть другого дня я странствовалъ по городу и посѣщалъ разныхъ людей. Городъ довольно великъ и содержитъ, говорятъ, 20000 жителей; улицы въ немъ чистыя и прямыя. Несмотря на то, что островъ столько лѣтъ находится подъ англійскимъ управленіемъ, общій характеръ его чисто-французскій: англичане говорятъ по-французски съ прислугой, и лавки всѣ принадлежатъ французамъ; мнѣ кажется, право, что Калэ или Булонь болѣе проникнуты англійскимъ характеромъ. Есть здѣсь прехорошенькій маленькій театръ, въ которомъ отлично исполняются разныя оперы. Насъ тоже удивили обширные книжные магазины съ большимъ запасомъ книгъ; судя по тому, какъ процвѣтаютъ музыка и чтеніе, видно, что мы приближаемся къ Старому свѣту съ его цивилизаціей, потому что въ дѣйствительности и Австралія и Америка составляютъ Новый свѣтъ. Люди различныхъ человѣческихъ расъ, разгуливающіе по улицамъ, представляютъ самое интересное зрѣлище въ Портъ-Луи. Сюда привозятъ пожизненно-ссыльныхъ изъ Индіи; теперь ихъ насчитываютъ 800 человѣкъ, и ихъ высылаютъ на общественныя работы. До знакомства съ ними я не могъ себѣ представить, что индусы такъ благородно красивы. Кожа ихъ чрезвычайно темнаго цвѣта, а у многихъ пожилыхъ людей большіе усы и бороды бѣлые какъ снѣгъ; если прибавить къ этому полное огня выраженіе лица, то получится очень величавый видъ. Большинство изъ нихъ сосланы за убійства и разныя тяжкія преступленія; другіе же несутъ наказаніе изъ-за проступковъ, не заслуживающихъ названія преступленій, совершонныхъ противъ общечеловѣческой нравственности; проступки эти состоятъ въ неисполненіи англійскихъ законовъ, противорѣчащихъ мѣстнымъ суевѣріямъ. Вообще люди эти ведутъ себя спокойно и хорошо; судя о нихъ по ихъ наружному обращенію, по чистоплотности и строгому исполненію ими странныхъ религіозныхъ обрядовъ ихъ нельзя никакъ смѣшивать съ нашими несчастными ссыльными въ Южномъ Уэльсѣ.

1 мая, воскресенье. Я сдѣлалъ спокойную прогулку по морскому берегу къ сѣверу отъ города. Въ этомъ мѣстѣ равнина совсѣмъ не воздѣлана; она состоитъ изъ слоя черной лавы, поросшаго жесткой травой и кустарниками, при чемъ послѣдніе большею частью принадлежатъ къ семейству мимозъ. По характеру своему, страна представляетъ нѣчто среднее между островами Галапагосъ и Таити, но такое опредѣленіе даетъ ясное понятіе лишь очень немногимъ; мѣсто пріятное, но оно не такъ очаровательно какъ Таити, и не такъ величественно какъ Бразилія. На другой день я поднялся на гору Ле-Пусъ, получившую свое названіе вслѣдствіе сходства ея вершины съ пальцемъ; она поднимается какъ разъ позади города и достигаетъ 2600 футовъ высоты. Центръ острова состоитъ изъ большой площадки, окруженной древними раздробленными утесами базальта, наслоенія которыхъ имѣютъ наклонъ въ сторону моря.

Центральная площадка, состоящая изъ сравнительно недавнихъ потоковъ лавы, представляетъ овальную форму и короткій поперечникъ ея занимаетъ тридцать географическихъ миль. Наружное кольцо окружающихъ горъ принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ *кратеровъ поднятія*, которые, какъ полагаютъ, образовались не такъ какъ обыкновенные кратеры, а вслѣдствіе сильнаго внезапнаго поднятія почвы. Мнѣ кажется, что противъ такого предположенія имѣются неопровержимыя возраженія; съ другой стороны, едва ли вѣроятно, чтобы въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаѣ, столь обширныя пространства кратерообразныхъ горъ представляли не что иное какъ основы или остатки огромныхъ вулкановъ, вершины которыхъ были снесены или поглощены подземными безднами.

Мы могли наслаждаться прекраснымъ видомъ острова съ нашего возвышеннаго положенія. Съ этой стороны мѣстность, повидимому, довольно хорошо воздѣлана; она раздѣлена на поля и усѣяна фермами. Мнѣ, впрочемъ, говорили, что не болѣе какъ половина всей земли обрабатывается до сихъ поръ; если это такъ, то, судя по большому вывозу сахара въ настоящее время, островъ можетъ сдѣлаться со временемъ очень богатымъ, когда народонаселеніе увеличится. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ во владычество англичанъ, т.-е. за періодъ 25 лѣтъ, вывозъ сахара увеличился въ 75 разъ. Одна изъ главныхъ причинъ благосостоянія острова заключается въ отличномъ состояніи дорогъ. На сосѣднемъ островѣ Бурбонъ, оставшемся въ рукахъ французовъ, дороги все въ томъ же плохомъ состояніи, въ какомъ онѣ были на островѣ Маврикія нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Несмотря на то, что французскіе поселенцы должны были много выиграть отъ увеличившагося благосостоянія острова, англійское правительство здѣсь далеко не популярно.

3 мая. Вечеромъ капитанъ Ллойдъ, главный землемѣръ, получившій такую извѣстность своимъ изслѣдованіемъ Панамскаго перешейка, пригласилъ г. Стокса и меня къ себѣ на дачу, которая находится на краю Вильямъ-Плэнъ, миляхъ въ шести отъ Портъ-Луи. Мы пробыли два дня въ этомъ прелестномъ мѣстечкѣ; оно расположено на высотѣ 800 футовъ надъ уровнемъ моря; воздухъ здѣсь свѣжій и прохладный; со всѣхъ сторонъ можно найти чудныя мѣста для прогулокъ. Поблизости есть глубокій оврагъ (500 фут. глубины), образовавшійся въ разсѣлинѣ слегка наклоннаго потока лавы, стекавшей съ центральной площадки.

5 мая. Капитанъ Ллойдъ повелъ насъ на Ривьеръ-Нуаръ (Черная рѣчка), въ нѣсколькихъ миляхъ южнѣе отъ его помѣстья, съ цѣлью показать мнѣ нѣкоторыя коралловыя возвышенности. Мы проходили прелестными садами и плантаціями сахарнаго тростника, разбитыми между

огромными утесами лавы. Дороги окаймлены изгородями изъ мимозъ, а подлѣ многихъ домовъ видны цѣлыя аллеи изъ манговыхъ деревьевъ. Очень красивы были виды на холмы съ остроконечными вершинами вперемежку съ воздѣланными фермами; хотѣлось все время восклицать: «Какъ пріятно было бы проводить жизнь въ этихъ спокойныхъ убѣжищахъ!» У капитана Ллойда былъ собственный слонъ, и онъ одолжилъ намъ его на половину дороги, чтобы дать намъ возможность испытать удовольствія настоящаго индѣйскаго способа передвиженія. Что болѣе всего удивило меня — это спокойная, неслышная походка слона. Онъ пока единственный на островѣ слонъ, но говорятъ, что привезутъ еще другихъ.

9 мая. Отплывъ изъ Портъ-Луи, мы зашли на мысъ Доброй Надежды, и 8-го іюля прибыли на островъ св. Елены. Суровая внѣшность этого острова была уже не разъ описана; онъ круто поднимается изъ океана въ видѣ огромнаго чернаго замка. Подлѣ города, «какъ будто для того, чтобы довершить дѣло естественной обороны, во всѣхъ углубленіяхъ зубчатыхъ утесовъ устроены маленькія укрѣпленія, вездѣ видны пушки. Городъ расположенъ въ плоской и узкой долинѣ; дома имѣютъ приличный видъ, и кое-гдѣ замѣтны рѣдкія зеленыя деревья. Недалеко отъ пристани мы обратили вниманіе на поразительную картину: на вершинѣ высокаго холма вырисовывался на фонѣ неба смѣлый контуръ замка неправильной формы, кругомъ него были разбросаны рѣдкія сосны.

На другой день, я нанялъ себѣ помѣщеніе въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Наполеоновой могилы [1]). Оно было настолько центрально, что я могъ изъ него предпринимать экскурсіи по всѣмъ направленіямъ. Въ продолженіе четырехдневнаго пребыванія здѣсь я съ утра до вечера бродилъ по острову, изучая его геологію.

Квартира моя помѣщалась на высотѣ 2000 футовъ. Погода стояла холодная и вѣтряная, съ безпрестанно выпадающими дождями. Густыя облака то и дѣло заволакивали всю мѣстность.

Вдоль берега тянется неровная поверхность лавы совсѣмъ обнаженной; въ центральныхъ возвышенныхъ мѣстахъ порода изъ полевого шпата разложилась и образовала глинистую почву; тамъ гдѣ она не покрыта растительностью, почва эта представляетъ широкія полосы различныхъ яркихъ цвѣтовъ. Въ это время года, земля, орошенная постоянными дождями, превращается въ замѣчательно яркое зеленое пастбище, которое постепенно блѣднѣетъ и совсѣмъ исчезаетъ по мѣрѣ приближенія къ низменнымъ частямъ острова. Удивительное впечатлѣніе производитъ видъ чисто-англійской растительности подъ 16° широты и на незначительной высотѣ 1.500 футовъ надъ уровнемъ моря. Холмы увѣнчаны неправильными посадками шотландскихъ сосенъ, а отлогіе берега покрыты густой зарослью дрока съ его ярко-желтыми цвѣтами. Плакучія ивы часто встрѣчаются по берегамъ ручейковъ; ежевика, дающая столь извѣстныя черныя ягоды, составляетъ изгороди. Если принять во вниманіе, что число находимыхъ теперь на островѣ растеній достигаетъ 746 и что изъ нихъ только 52 вида принадлежатъ къ туземнымъ произведеніямъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные виды—привозные и большею частью вывезены изъ Англіи, то намъ станетъ ясно, отчего растительность носитъ отпечатокъ англійскаго характера. Многія изъ англійскихъ растеній здѣсь

[1]) Послѣ всѣхъ краснорѣчивыхъ сочиненій, касающихся этой могилы, рискованно даже упоминать о ней. Одинъ современный писатель въ двѣнадцати строкахъ наградилъ островъ св. Елены слѣдующими прозвищами: могила, гробница, пирамида, кладбище, памятникъ, катакомба, саркофагъ, минаретъ и мавзолей.

развиваются гораздо лучше, нежели на родинѣ; съ большимъ успѣхомъ разводятся и растенія, вывезенныя съ противоположной стороны, т.-е. изъ Австраліи. Множество ввезенныхъ видовъ, должно быть, истребили нѣкоторыя туземныя породы; только на самыхъ высокихъ и крутыхъ горныхъ цѣпяхъ преобладаетъ въ настоящее время туземная флора.

Англійскій или, скорѣе, уэльскій характеръ мѣстности поддерживается видомъ многочисленныхъ коттеджей и маленькихъ бѣлыхъ домовъ, разсѣянныхъ частью по глубокимъ долинамъ, частью же по гребнямъ высокихъ холмовъ. Нѣкоторые виды поразительны, какъ, напримѣръ, видъ отъ дома сэра Вильяма Доветона, гдѣ надъ темнымъ сосновымъ боромъ поднимается крутая вершина горы, извѣстной подъ именемъ Лотъ; дальше, на заднемъ планѣ, виднѣются красноватыя горы южнаго берега, размытыя водой. Разсматривая островъ съ возвышенія, прежде всего поражаешься многочисленностью дорогъ и фортовъ; если забудешь значеніе острова какъ мѣста ссылки, то масса потраченнаго на него труда представляется совсѣмъ несоразмѣрной съ его пространствомъ и общимъ значеніемъ. Ровной земли, годной для обработки, такъ мало, что удивляешься тому, какъ могутъ здѣсь существовать 5.000 жителей. Низшій классъ, состоящій изъ отпущенныхъ на волю рабовъ, кажется, чрезвычайно бѣденъ,—люди жалуются на безработицу. Эта бѣдность, вѣроятно, еще увеличится, благодаря сокращенію числа людей на государственной службѣ вслѣдствіе того, что Остъ-Индская компанія отказалась отъ острова и многіе богатые люди совсѣмъ покинули его. Главная пища рабочаго класса состоитъ изъ риса съ небольшой примѣсью солонины; такъ какъ ни тотъ ни другой предметъ не принадлежитъ къ мѣстнымъ произведеніямъ и ихъ приходится покупать за деньги, то низкая заработная плата тяжело отзывается на бѣдномъ населеніи. Теперь, когда жители острова получили свободу, благо, которое они вполнѣ оцѣнили, можно съ вѣроятіемъ ожидать увеличенія процента рождаемости. Если это въ самомъ дѣлѣ случится, то что станетъ съ маленькимъ государствомъ св. Еленой!

Мой проводникъ былъ человѣкъ пожилой, который, будучи мальчикомъ, служилъ козьимъ пастухомъ и зналъ каждую тропинку въ скалахъ. Онъ принадлежалъ къ сильно смѣшанной расѣ, и хотя кожа его была темнаго цвѣта, но онъ не имѣлъ того непріятнаго выраженія, которымъ отличаются мулаты. Онъ былъ спокойный, крайне вѣжливый человѣкъ; тѣми же свойствами обладаетъ здѣсь большинство людей низшаго класса. Я не могъ безъ удивленія слушать рѣчи хорошо одѣтаго, почти бѣлаго человѣка, въ которыхъ онъ равнодушно вспоминалъ то время, когда онъ былъ еще невольникомъ. Я ходилъ гулять каждый день съ этимъ спутникомъ, носившимъ нашъ обѣдъ и ромъ съ прѣсной водой, необходимой въ здѣшнихъ мѣстахъ, потому что въ нижней долинѣ нѣтъ ничего, кромѣ солоноватой воды.

Внизу, подъ верхнимъ кольцомъ зеленѣющихъ горъ, тянутся совсѣмъ необитаемыя и пустынныя долины. Здѣсь было много очень интереснаго для геолога, такъ какъ мѣста носили слѣды постепенныхъ измѣненій и сложныхъ переворотовъ. По-моему, существованіе острова св. Елены можно отнести къ весьма давней эпохѣ; есть еще однако нѣкоторыя смутныя указанія на поднятіе земли. Думаю, что центральныя, наиболѣе высокія горныя вершины представляютъ часть краевъ большого кратера, южную часть котораго смыли волны океана. Кромѣ того, существуетъ наружная стѣна, состоящая изъ черной базальтовой породы, въ родѣ береговыхъ горъ острова Маврикія, и эта стѣна старше центральныхъ

вулканическихъ потоковъ. Въ верхнихъ частяхъ острова встрѣчаются зарытыми въ почвѣ значительныя количества раковинъ, долго считавшихся морскими раковинами. Оказывается, что это—видъ *Cochlogena* или сухопутная раковина престранной формы [1]). Вмѣстѣ съ представителями этого вида я нашелъ еще раковины другихъ шести видовъ, а въ другомъ мѣстѣ—восьмой видъ. Замѣчательно, что въ настоящее время этихъ видовъ не существуетъ болѣе въ живыхъ. Исчезновеніе ихъ, вѣроятно, произошло вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, которое лишило ихъ пищи и пріюта. Случилось это въ началѣ прошлаго вѣка.

Въ описаніи этого острова, сдѣланномъ генераломъ Петсономъ, находятся очень интересныя свѣдѣнія о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли на возвышенныхъ равнинахъ Лонгвуда и Дедвуда. Тамъ сказано, что обѣ равнины были въ прежнее время покрыты лѣсами и отъ этого назывались Большимъ Боромъ. До 1716 года было еще много деревьевъ, но къ 1824 году бо́льшая часть старыхъ деревьевъ повалилась, а такъ какъ туда пускали пастись козъ и свиней, то онѣ попортили всю молодую поросль. Кромѣ того, изъ офиціальныхъ отчетовъ видно, что, нѣсколько лѣтъ спустя, на мѣстѣ деревьевъ неожиданно появилась трава, родъ жесткаго злака, распространившагося по всей мѣстности [1]). Генералъ Бетсонъ прибавляетъ, что теперь эта долина «покрылась отличнымъ дерномъ и сдѣлалась лучшимъ пастбищемъ на островѣ». Пространство, которое, по всѣмъ вѣроятіямъ, было раньше покрыто лѣсомъ, занимало, какъ думаютъ, не менѣе двухъ тысячъ акровъ земли; въ наше время врядъ ли найдется тутъ хоть одно деревцо. Говорятъ также, что въ 1709 г. было множество сухихъ деревьевъ въ Санди-Бей; между тѣмъ въ настоящее время это мѣсто такъ пустынно, что, если бъ не было очень вѣрныхъ свидѣтельствъ, я бы не могъ повѣрить, что тутъ росли когда-нибудь деревья. Кажется, вполнѣ выяснилось, что свиньи и козы уничтожали молодыя деревья, а старыя съ теченіемъ времени засохли и разсыпались.

Козы были привезены на островъ въ 1502 году; 80 лѣтъ спустя, во времена Кевендиша, извѣстно, что эти животныя очень размножились. Болѣе столѣтія послѣ того, въ 1731 году, когда вредъ, причиненный ими лѣсамъ, представлялся уже непоправимымъ, изданъ былъ указъ объ уничтоженіи всѣхъ бродячихъ животныхъ. Очень интересно поэтому отмѣтить тотъ фактъ, что только по прошествіи 220 лѣтъ измѣнился внѣшній видъ острова отъ ввоза сюда животныхъ: козы были привезены въ 1502 году, а въ 1724, какъ сказано въ историческомъ очеркѣ Бетсона, «старыя деревья большею частью повалились». Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такое огромное измѣненіе въ растительности повліяло не только на сухопутныхъ раковинъ, причинивъ гибель восьми видамъ, но уничтожило и множество насѣкомыхъ.

Островъ св. Елены, лежащій посреди большого океана, такъ далеко отъ какого бы то ни было материка, и отличающійся своеобразной флорой, возбуждаетъ наше любопытство. Восемь уже изчезнувшихъ видовъ сухопутныхъ раковинъ и одинъ нынѣ живущій видъ, *Succinea*, принадлежатъ къ числу такихъ видовъ, которые больше нигдѣ не встрѣчаются. Г. Кемингъ сообщилъ мнѣ, впрочемъ, что здѣсь распространенъ англійскій видъ *Helix*. яйца котораго несомнѣнно попали вмѣстѣ съ однимъ

[1]) Надо замѣтить, что всѣ многочисленные экземпляры этого вида, найденные мною въ одномъ мѣстѣ, отличаются какъ рѣзко выраженныя разновидности отъ другой группы экземпляровъ, добытыхъ въ другомъ мѣстѣ.

[2]) Beatson's St. Helena. Introductory chapter, p. 4.

изъ многочисленныхъ растеній, ввезенныхъ сюда. Птицъ и насѣкомыхъ [1]), какъ и слѣдовало ожидать, очень мало; думаю, что всѣ виды птицъ ввезены на островъ въ недавнее время.

Куропатки и фазаны довольно многочисленны; островъ слишкомъ проникся англійскимъ духомъ чтобы не находиться подъ охраной строгихъ законовъ относительно охоты. Я слышалъ здѣсь о случаяхъ несправедливости, вытекающей изъ этихъ законовъ, превосходящихъ все, что слышишь въ Англіи. Бѣдные жители въ прежнее время сжигали одно растеніе, растущее по склонамъ, и вывозили добываемую изъ золы соду, но промыселъ этотъ былъ строго запрещенъ, при чемъ запрещеніе объяснялось тѣмъ, что куропаткамъ негдѣ будетъ вить гнѣзда.

Гуляя, я часто проходилъ черезъ травянистую равнину, окруженную глубокими долинами; на ней расположенъ Лонгвудъ. Издали Лонгвудъ походитъ на хорошее помѣстье. Передъ нимъ разстилаются обработанныя поля, а позади возвышаются разноцвѣтныя горныя породы отлогаго холма, называемаго Флагстофомъ, и черная масса угловатаго грубаго Барна. Вообще видъ довольно унылый и мало интересный. Единственное неудобство, испытанное мною во время моихъ прогулокъ,—это были сильные порывы вѣтра. Однажды мнѣ пришлось наблюдать странное явленіе: стоя на краю равнины, которая оканчивается большимъ утесомъ футовъ въ 1000 глубиною, я замѣтилъ вправо отъ себя на разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ чайку, повидимому, боровшуюся противъ сильнѣйшаго вѣтра, между тѣмъ какъ около меня было совсѣмъ тихо. Подойдя къ краю обрыва, подъ которымъ теченіе воздуха, должно быть, отражалось утесомъ, я протянулъ руку надъ пропастью и тотчасъ ощутилъ напоръ

[1]) Въ числѣ насѣкомыхъ я нашелъ, къ моему удивленію, одинъ мелкій видъ изъ рода *Aphodius* (nov. spec.), а также одинъ видъ *Oryctes*; оба эти вида находятся въ огромномъ количествѣ подъ пометомъ. Въ то время, когда островъ былъ открытъ, на немъ не было ни одного млекопитающаго, кромѣ, можетъ быть, мыши; поэтому очень трудно рѣшить вопросъ, случайно ли сюда попали эти жуки-навозники, или они здѣшнія природныя насѣкомыя и, въ такомъ случаѣ, чѣмъ же они питались? На берегахъ Ла-Платы, гдѣ, вслѣдствіе большого количества дикихъ лошадей и рогатаго скота, прекрасныя травянистыя равнины сильно удобрены навозомъ, напрасно было бы однако искать многіе виды жуковъ-навозниковъ, которые встрѣчаются въ такомъ изобиліи въ Европѣ. Около Ла-Платы я замѣтилъ только одинъ видъ *Oryctes* (насѣкомыя изъ этого рода въ Европѣ больше всего питаются гніющими растительными веществами) и два вида изъ рода *Phanaeus*. По ту сторону Кордильеровъ, въ Чилоэ, чрезвычайно обиленъ другой видъ *Phanaeus*; онъ зарываетъ помет ь скота въ землю въ видѣ большихъ шаровъ. Есть причины думать, что родъ *Phanaeus* до введенія рогатаго скота исполнялъ ту же роль по отношенію къ человѣку. Въ Европѣ жуки, питающіеся веществами, уже служившими пищей другимъ болѣе крупнымъ животнымъ, такъ многочисленны, что ихъ насчитываютъ гораздо болѣе ста различныхъ видовъ. Принявъ это во вниманіе, а также судя по тому, сколько пропадаетъ такимъ образомъ питанія на берегахъ Ла-Платы, я представилъ себѣ, что имѣю дѣло съ примѣромъ того вмѣшательства человѣка, которымъ прерывается цѣпь, связующая всѣхъ природныхъ обитателей данной страны. Однако въ Вандименовой Землѣ я нашелъ подъ коровьимъ пометомъ четыре вида *Ontophagus*, два вида *Aphodius* и одинъ видъ третьяго рода; всѣ эти виды находились въ большомъ количествѣ экземпляровъ, хотя коровы привезены въ эту страну только 33 года тому назадъ. До этого времени кенгуру и нѣсколько другихъ звѣрковъ были единственными представителями млекопитающихъ, и пометъ ихъ совсѣмъ другого качества чѣмъ пометъ животныхъ, ввезенныхъ позднѣе человѣкомъ. Въ Англіи большая часть навозныхъ жуковъ разборчивы во вкусахъ, т.-е. они не питаются безразлично пометомъ какого бы то ни было млекопитающаго. Вотъ почему надо смотрѣть какъ на нѣчто замѣчательное на измѣненія въ привычкахъ, которыя должны были произойти на Вандименовой Землѣ. Я обязанъ за опредѣленія всѣхъ упомянутыхъ насѣкомыхъ г. Ф. В. Гопъ, который, надѣюсь, позволитъ мнѣ назвать его моимъ учителемъ въ энтомологіи.

сильнаго вѣтра: невидимая преграда въ два ярда шириною отдѣляла совершенно тихій воздухъ отъ бури.

Я такъ наслаждался своими странствіями по горамъ и утесамъ св. Елены, что испыталъ что-то въ родѣ огорченія, когда наступило утро 14 числа, и пришлось возвратиться въ городъ. Еще до полудня я былъ на кораблѣ и «Бигль» отплылъ отъ острова св. Елены.

19 іюля мы прибыли на островъ Вознесенія. Люди, видавшіе острова вулканическаго происхожденія при знойномъ климатѣ тропиковъ, легко могутъ себѣ представить внѣшній видъ острова Вознесенія. Они вспомнятъ стройные коническіе холмы ярко-краснаго цвѣта, большею частью съ усѣченными вершинами; холмы эти поднимаются отдѣльно другъ отъ друга надъ ровной поверхностью черной лавы. Главный холмъ посрединѣ острова кажется отцомъ меньшихъ возвышеній. Онъ называется Зеленымъ холмомъ потому, что слегка зеленѣетъ, хотя въ это время года съ мѣста стоянки едва можно было различить этотъ зеленый налетъ. Въ довершеніе мрачной картины береговыя черныя скалы постоянно осаждаются бурными волнами неспокойнаго моря.

Поселокъ находится недалеко отъ берега; онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ и бараковъ, расположенныхъ неправильно, но хорошо выстроенныхъ изъ бѣлаго плитняка. Жители всѣ исключительно моряки съ примѣсью небольшого количества негровъ, освобожденныхъ съ невольническихъ судовъ и получающихъ жалованье и содержаніе отъ правительства. На всемъ островѣ не найдется ни одного частнаго лица. Многіе изъ моряковъ казались довольными своей жизнью; они предпочитаютъ отслужить свой срокъ службы, т.-е. 21 годъ, на сушѣ, какова бы ни была эта служба, нежели служить на кораблѣ; будь я морякомъ, я бы вполнѣ съ ними согласился.

На другой день утромъ я сдѣлалъ восхожденіе на Зеленую гору, имѣющую 2840 футовъ высоты, а оттуда прошелъ поперекъ острова на навѣтренную его сторону. Хорошая проѣзжая дорога ведетъ отъ берегового поселка къ домамъ, садамъ и полямъ, расположеннымъ у вершины центральной горы. По обѣ стороны дороги стоятъ столбы, показывающіе разстояніе, а также цистерны, изъ которыхъ каждый прохожій можетъ напиться хорошей воды. Такая же заботливость видна во всѣхъ отрасляхъ поселенческаго хозяйства; она особенно замѣчается въ пользованіи всѣми источниками прѣсной воды, при чемъ имѣется въ виду беречь воду, чтобы ни одна капля не пропала даромъ; въ самомъ дѣлѣ можно сравнить весь островъ съ огромнымъ кораблемъ, содержаннымъ въ образцовомъ порядкѣ. Глядя съ восторгомъ на удивительные плоды, упорной дѣятельной къ тому же при самыхъ плохихъ средствахъ, я не могъ не пожалѣть траты энергіи на столь незначительное само по себѣ дѣло. Г. Лессонъ справедливо говоритъ, что только англійскому народу могло придти на умъ желаніе превратить островъ Вознесенія въ мѣсто съ извѣстной производительностью; всякій другой народъ ограничился бы тѣмъ, что сдѣлалъ бы изъ него крѣпость среди океана.

Подлѣ берега нѣтъ никакой растительности; немного подальше внутрь страны можно встрѣтить зеленую клещевину (*Ricinus*) и кузнечиковъ, истинныхъ друзей пустыни. Центральная, возвышенная часть острова, слегка поросла травой; вообще же видъ напоминаетъ худшія мѣста Уэльсскихъ горъ. Но несмотря на кажущуюся бѣдность растительности, здѣсь существуютъ въ прекрасномъ цвѣтущемъ состояніи около шестисотъ овецъ, множество козъ, небольшое число коровъ и лошадей. Изъ мѣстныхъ животныхъ, сухопутные крабы и крысы водятся во мно-

жествѣ, но относительно крысъ можно сомнѣваться въ томъ, что онѣ на самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ туземной фаунѣ. Г. Устергаузъ описалъ двѣ разновидности: одна изъ нихъ черная съ глянцовитой красивой шерстью и живетъ на травянистой горной вершинѣ; у другой—шерсть менѣе гладкая и коричневаго цвѣта; волосъ ея подлиннѣе. Крыса эта живетъ поблизости отъ берегового поселенія. Обѣ разновидности на одну треть меньше обыкновенной черной крысы (M. Rattus) и отличаются отъ нея только цвѣтомъ и качествами шкурки, но ни въ чемъ существенномъ не отличаются. Я почти не сомнѣваюсь, что эти крысы (такъ же какъ и домашняя мышь, которая одичала) были завезены на корабляхъ и, какъ въ архипелагѣ Галапагосъ, измѣнились подъ вліяніемъ новыхъ условій, среди которыхъ имъ пришлось жить, по той же причинѣ явилось различіе между породой, живущей на высотахъ, и той, которая водится на берегу. Туземныхъ породъ птицъ здѣсь вовсе нѣтъ, но цесарки, привезенныя съ острововъ Зеленаго мыса, водятся въ большомъ количествѣ, а также и простая курица, здѣсь одичавшая. Сюда были привезены кошки для истребленія крысъ и мышей, но онѣ такъ размножились, что сдѣлались настоящимъ бичемъ. Деревья совершенно отсутствуютъ на островѣ Вознесенія, что ставитъ его много ниже острова св. Елены.

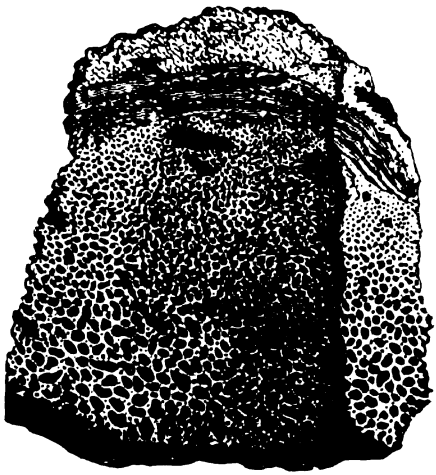
Во время одной изъ моихъ экскурсій я дошелъ до юго - западной оконечности острова. День стоялъ ясный и жаркій, и островъ представился мнѣ не въ сіяніи красоты, а во всей наготѣ безобразія.

Потоки лавы покрыты комьями и до того шероховаты, что трудно съ геологической точки зрѣнія найти объясненіе такому обстоятельству. Рытвины между комьями наполнены пемзой, пепломъ и вулканическимъ туфомъ. Когда мы на «Биглѣ» огибали этотъ конецъ острова, я не могъ никакъ понять, что означаютъ бѣлыя пятна разбросанныя по всей равнинѣ; теперь я увидалъ, что это были морскія птицы, спавшія такъ довѣрчиво, что можно было даже въ полдень подойти къ нимъ и взять въ руки любую птицу. Вотъ единственныя живыя существа, которыхъ я встрѣтилъ за весь день. На берегу, несмотря на легкій вѣтерокъ, огромныя волны разбивались объ утесы изъ лавы.

Геологія этого острова во многихъ отношеніяхъ интересна. Я замѣтилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ вулканическія бомбы, т.-е. массы лавы, которыя были выброшены въ воздухъ въ жидкомъ состояніи, а поэтому получили грушевидную форму. Не только ихъ внѣшній видъ, но и внутреннее строеніе представляютъ любопытныя доказательства того, что онѣ во время своего полета вращались въ воздухѣ. Центральная часть состоитъ изъ неправильныхъ клѣточекъ, при чемъ онѣ дѣлаются все меньше по мѣрѣ ихъ приближенія къ поверхности, которая образуетъ корку въ $^1/_2$ дюйма толщиною, состоящую изъ плотнаго камня, а снаружи окруженную корочкой мелкоклѣтчатой лавы. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что, во-первыхъ, наружная корка быстро остыла въ томъ видѣ, въ которомъ она представляется намъ теперь; во-вторыхъ, что лава, оставшаяся внутри еще жидкой, повинуясь центробѣжной силѣ, которая развилась вслѣдствіе вращенія бомбы, крѣпко прилегла къ наружнымъ остывшимъ стѣнкамъ и такимъ образомъ образовала плотную каменную скорлупу и, наконецъ, что центробѣжная сила, уменьшая силу давленія на центральныя части бомбы, дала возможность горячимъ парамъ расширять свои клѣточки и тѣмъ способствовать образованію крупно-клѣточной центральной массы.

Одинъ холмъ, состоящій изъ древнѣйшихъ вулканическихъ породъ и неправильно считавшійся кратеромъ вулкана, замѣчателенъ тѣмъ, что

его широкая, слегка вогнутая и круглая вершина образовалась изъ послѣдовательныхъ наслоеній пепла и шлаковъ. Эти пласты въ видѣ блюдцевъ выдаются по краямъ и составляютъ большія, правильныя разноцвѣтныя кольца, отъ которыхъ вершина получаетъ очень фантастическій видъ; одно изъ этихъ колецъ, бѣлое и широкое, походитъ на кругъ для выѣздки лошадей; вотъ почему холмъ этотъ получилъ названіе «Чортова Манежа». Я взялъ образцы одного изъ туфовыхъ пластовъ, розоваго цвѣта; удивительно, что, по изслѣдованію профессора Эренберга [1]), онъ состоитъ почти исключительно изъ вещества бывшаго когда-то организованнымъ. Эренбергъ нашелъ въ этой массѣ нѣсколько прѣсно-водныхъ инфузорій съ кремнистыми панцырями и не менѣе двадцати пяти родовъ кремнистыхъ растительныхъ тканей, преимущественно злаковъ. Изъ полнаго отсутствія углерода Эренбергъ заключаетъ, что эти вещества подверглись дѣйствію вулканическаго огня и были извержены въ томъ состояніи, въ которомъ мы ихъ видимъ теперь.



Внутреннее строеніе вулканической бомбы.

Внѣшній видъ наслоеній навелъ меня на мысль, что они, вѣроятно, отложились подъ водою, хотя, судя по чрезвычайной сухости климата, я вынужденъ былъ предположить, что во время какого-нибудь сильнѣйшаго извержения выпало такъ много дождя, что образовалось временное озеро, въ которое падалъ пепелъ. Но теперь можно думать, что озеро было не временное. Какъ бы то ни было, но мы въ правѣ думать, что въ какую-нибудь отдаленную эпоху климатъ и произведенія острова Вознесенія очень отличались отъ того, каковы они теперь. Гдѣ, на всемъ земномъ шарѣ, можемъ мы найти мѣстечко, которое, при тщательномъ изслѣдованіи, не показало бы слѣдовъ безконечнаго ряда измѣненій, происходившихъ, происходящихъ теперь и имѣющихъ произойти въ будущемъ на лицѣ нашей планеты?

Покинувъ островъ Вознесенія, мы отплыли въ Багію, на бразильскій берегъ, чтобы дополнить кругосвѣтныя хронометрическія наблюденія. Мы прибыли туда 1-го августа и пробыли тамъ четыре дня; за это время я совершилъ нѣсколько длинныхъ прогулокъ. Мнѣ было пріятно убѣдиться въ томъ, что тропическая природа сохранила для меня всю силу очарованія, несмотря на то, что утратила прелесть новизны. Элементы этой красоты ландшафта такъ просты, что стоитъ описать ихъ въ доказательство того, что самая изящная красота природы зависитъ отъ самыхъ незначительныхъ обстоятельствъ.

Всю страну можно назвать равниной футовъ въ триста вышиною, и равнина эта во всѣхъ направленіяхъ изборождена плоскодонными долинами. Такое строеніе замѣчательно въ странѣ гранитной формаціи, но оно встрѣчается почти вездѣ, гдѣ есть равнины, состоящія обыкновенно изъ болѣе мягкихъ породъ. Вся поверхность земли покрыта различными

[1]) Monatsberichte der Königl. Acad. der Wissenschaften in Berlin. April 1845.

породами стройныхъ деревьевъ въ перемежку съ полосами воздѣланной почвы; среди нихъ возвышаются дома, монастыри и церкви. Не надо забывать, что подъ тропиками дикая роскошь природы не пропадаетъ даже вблизи большихъ городовъ, потому что естественная растительность, покрывающая изгороди и склоны холмовъ превосходитъ живописной красотой всѣ искусственныя работы человѣка. Поэтому только въ очень немногихъ мѣстахъ бываютъ видны клочки краснаго грунта, ярко выдѣляющагося среди общаго убранства зеленью. Съ окраинъ равнины открываются далекіе виды то на океанъ, то на большой заливъ съ его низменными лѣсистыми берегами, съ бѣлыми парусами многочисленныхъ лодокъ, снующихъ взадъ и впередъ. За исключеніемъ этихъ пунктовъ, видъ очень ограниченный; слѣдуя по ровнымъ дорожкамъ, идущимъ въ обѣ стороны, можно только изрѣдка увидать внизу кусочекъ лѣсистой долины; я долженъ прибавить, что дома, и въ особенности церкви, отличаются особенной, довольно фантастической архитектурой. Всѣ они выбѣлены, такъ что при яркомъ полуденномъ освѣщеніи выдѣляются на фонѣ блѣдно-голубого неба, напоминая скорѣе призраки, нежели дѣйствительныя зданія.

Таковы составныя части картины, но напрасно было бы пытаться дать общее изображеніе ея. Ученые натуралисты, описывая сцены тропической природы, перечисляютъ обыкновенно множество предметовъ и приводятъ какую-нибудь характерную черту каждаго отдѣльнаго предмета. Для ученаго путешественника такого рода описаніе, можетъ быть, и служитъ источникомъ опредѣленныхъ впечатлѣній; но кто же, кромѣ него, представитъ себѣ растеніе такимъ, какимъ оно растетъ на своей родной почвѣ, глядя на высушенный экземпляръ въ гербаріи? Кто можетъ, любуясь рѣдкими растеніями въ оранжереѣ, перенестись мысленно въ непроходимыя джунгли и вообразить эти оранжерейныя растенія увеличенными до размѣровъ лѣсныхъ деревьевъ? Кто, при разсматриваніи въ кабинетѣ энтомолога пестрыхъ тропическихъ бабочекъ и странныхъ цикадъ, соединитъ мысленно представленіе этихъ безжизненныхъ предметовъ съ неумолкаемой рѣзкой музыкой, издаваемой цикадами, съ лѣнивымъ полетомъ бабочекъ, этими неизбѣжными спутниками знойныхъ полуденныхъ часовъ подъ тропиками? Такія картины лучше всего созерцать тогда, когда солнце достигаетъ высшей точки; въ это время густая, великолѣпная листва манговыхъ деревьевъ даетъ всего больше тѣни, между тѣмъ какъ верхнія вѣтви, залитыя солнечными лучами, горятъ самой яркой зеленью. Въ умѣренномъ поясѣ совсѣмъ другія условія: растительность тамъ не такъ густа и не такъ роскошна, вслѣдствіе чего лучи заходящаго солнце придаютъ ей наибольшую прелесть, окрашивая ее въ пурпурные, красные и золотисто-желтые тона.

Гуляя по тѣнистымъ дорожкамъ и восхищаясь на каждомъ шагу новой прелестью вида, я желалъ найти выраженія, которыми могъ бы изобразить свои впечатлѣнія. Перебирая слова за словами, я находилъ ихъ слишкомъ слабыми для передачи людямъ, не посѣщавшимъ тропическихъ странъ, тѣхъ ощущеній восторга, которыя испытывались здѣсь. Я уже сказалъ, что оранжерейныя растенія не даютъ яснаго понятія о тропической растительности, но прибавлю, что подъ тропиками сама природа устроила сплошную огромную, безпорядочную, дикую и роскошную теплицу, которой завладѣлъ человѣкъ, разбивъ посреди нея правильные сады и ожививъ ее веселыми жилищами. Какъ бы сильно захотѣлось каждому любителю природы взглянуть, если бы представилась возможность, на пейзажи другой планеты, а между тѣмъ можно справедливо

сказать, что жителямъ Европы, на разстояніи всего нѣсколькихъ градусовъ отъ родной страны, открыты чудеса другого міра. Во время моей послѣдней прогулки я безпрестанно останавливался, чтобы снова и снова любоваться этими красотами тропической природы; я старался запечатлѣть навсегда представленія, которыя рано или поздно должны были потускнѣть въ памяти.

Формы апельсиннаго дерева, кокосовой пальмы, манговаго дерева банана, древовидныхъ папоротниковъ будутъ ясно и раздѣльно жить въ воспоминаніи, но тысячи красотъ, связующихъ отдѣльные предметы въ одно совершенное цѣлое, должны со временемъ исчезнуть, хотя, конечно, отъ всего видѣннаго останется, какъ отъ сказокъ, слышанныхъ въ дѣтствѣ, неясная картина, наполненная чудными образами.

6 августа. Послѣ полудня мы вышли въ море, намѣреваясь прямо итти къ островамъ Зеленаго Мыса, но насъ задержалъ неблагопріятный вѣтеръ, такъ что 12-го мы должны были зайти въ Пернамбуко, большой городъ, расположенный на бразильскомъ берегу подъ 8^0 южной широты. Мы бросили якорь, по сю сторону рифа, но вскорѣ на нашу палубу явился лоцманъ, который и провелъ корабль во внутреннюю гавань, гдѣ мы стали подлѣ самого города.

Нернамбуко выстроенъ на узкихъ песчаныхъ отмеляхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга мелководными каналами съ соленой водой. Всѣ три части города соединяются между собою двумя длинными мостами, выстроенными на деревянныхъ сваяхъ. Городъ по всѣмъ направленіямъ одинаково отвратителенъ, потому что улицы его узки, дурно вымощены и грязны, дома высоки и мрачны. Сезонъ дождей едва только окончился, вслѣдствіе чего всѣ окрестныя мѣста, лежащія почти на одномъ уровнѣ съ моремъ, были затоплены водой. Мнѣ не удалась ни одна попытка совершить длинную прогулку.

Плоская болотистая мѣстность, среди которой находится Пернамбуко, окаймлена на разстояніи нѣсколькихъ миль полукругомъ низкихъ холмовъ или, точнѣе, граничитъ съ краемъ возвышенности, имѣющей около двухсотъ футовъ высоты надъ уровнемъ моря. На одномъ концѣ этой цѣпи холмовъ расположенъ старинный городъ Олинда. Я взялъ однажды лодку и поднялся вверхъ по теченію канала къ этому городу.

По своему положенію старый городъ показался мнѣ пріятнѣе и чище Пернамбуко. Здѣсь приходится упомянуть обстоятельство, случившееся въ первый разъ за наше почти пятилѣтнее странствованіе, а именно, мы сдѣлались предметомъ первой невѣжливости: въ двухъ различныхъ домахъ мнѣ грубо отказали въ позволеніи пройти черезъ садъ къ невоздѣланному холму, съ котораго мнѣ хотѣлось посмотрѣть на общій видъ, и только въ третьемъ домѣ, и то съ большимъ трудомъ, добился я просимаго. Я радъ, что это случилось въ Бразиліи, такъ какъ не чувствую расположенія къ этой странѣ рабства, а, слѣдовательно, нравственнаго униженія. Испанецъ постыдился бы даже при мысли о подобномъ отказѣ и о грубомъ обращеніи съ иностранцемъ. Каналъ, по которому мы ѣздили въ Олинду и обратно, окаймленъ съ обѣихъ сторонъ мангровыми кустами, производившими впечатлѣніе миніатюрнаго лѣса, выступившаго изъ грязныхъ илистыхъ отмелей. Яркая зелень этого кустарника всегда напоминаетъ мнѣ жирную траву на кладбищахъ; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ растительность питается гнилыми испареніями; трава на кладбищѣ говоритъ о смерти уже наступившей, а мангровые кусты,—увы!—слишкоиъ часто предвѣщаютъ смерть.

Рифъ, образующій здѣшнюю пристань, представлялъ самый интерес-

ный предметъ въ этой мѣстности. Не думаю, чтобы гдѣ-либо на свѣтѣ нашлось естественное сооруженіе, столь похожее на искусственное [1]). На протяженіи нѣсколькихъ миль тянется рифъ въ совершенно прямомъ направленіи, параллельно берегу и близко отъ него. Ширина его колеблется между 30 и 60 ярдами, а поверхность ровная и гладкая; состоитъ онъ изъ неясно наслоеннаго твердаго песчаника. Во время прилива волны заливаютъ его, въ часы же отлива вершина его обнажается, и тогда его можно принять за плотину, воздвигнутую трудами циклоповъ. Морскія теченія наносятъ къ этому берегу длинныя косы и отмели рыхлаго песку, и на одной изъ такихъ отмелей построена часть города Пернамбуко. Въ давнее время такая длинная коса, вѣроятно, отвердѣла, пропитавшись известковымъ веществомъ, а позднѣе медленно поднималась, при чемъ внѣшнія, болѣе рыхлыя части, были размыты моремъ, а остался основной, затвердѣлый кряжъ, который мы видимъ теперь. Несмотря на то, что волны Атлантическаго океана, мутныя отъ осадковъ, разбиваются день и ночь о крутые бока этой каменной стѣны, старѣйшіе лоцманы не помнятъ даже преданій о какихъ-либо измѣненіяхъ во внѣшнемъ видѣ ея. Такая долговѣчность—самое любопытное обстоятельство въ исторіи описываемаго рифа; прочность его объясняется слоемъ известковаго вещества въ нѣсколько дюймовъ толщиною, облекающимъ его; этотъ слой образовался исключительно вслѣдствіе постепеннаго роста и вымиранія мелкихъ раковинъ *Serpulae,* нѣкотораго количества морскихъ уточекъ и *Nullipora.* Нуллипоры, очень жесткія морскія растенія, имѣющія крайне простое строеніе, играютъ такую же важную роль въ защитѣ наружныхъ поверхностей коралловыхъ рифовъ отъ дѣйствія прибоя; настоящіе кораллы вымирали бы отъ постояннаго дѣйствія солнца и воздуха, если бъ не были защищены нуллипорами. Эти незначительныя органическія существа, въ особенности *Serpulae,* сослужили хорошую службу жителямъ Пернамбуко, потому что безъ ихъ содѣйствія рифъ былъ бы давно разрушенъ, а безъ рифа не было бы и гавани.

19 августа мы окончательно разстались съ берегами Бразиліи. Благодарю Бога за то, что никогда болѣе не увижу страны рабства. До сего дня, если мнѣ случается услышать отдаленный крикъ, въ моей памяти съ болѣзненной ясностью воскресаютъ чувства, испытанныя мною однажды, когда я проходилъ вблизи одного дома въ Пернамбуко; изъ него вырывались жалобные стоны, по которымъ я могъ догадаться, что истязуютъ бѣднаго раба, а я сознавалъ, что безсиленъ, какъ дитя, въ этомъ случаѣ и ничѣмъ не могу помочь, даже увѣщаніемъ. Я заподозрилъ, что стоны, долетавшіе тогда до моего слуха, происходятъ отъ истязанія несчастнаго раба, потому что позднѣе мнѣ довелось услышать о такомъ именно случаѣ. Въ окрестностяхъ Ріо-Жанейро я жилъ противъ дома одной старой дамы, державшей въ домѣ тиски, чтобы давить въ нихъ пальцы своихъ рабынь. Разъ я остановился въ домѣ, гдѣ молодой мулатъ подвергался ежедневно такимъ побоямъ, такой брани, такимъ преслѣдованіямъ, что самое низкое животное потеряло бы всякое сознаніе отъ такого обращенія. Я самъ видѣлъ, какъ одного маленькаго мальчика лѣтъ шести или семи ударили три раза хлыстомъ по головѣ (прежде чѣмъ я успѣлъ вступиться) за то, что онъ подалъ мнѣ стаканъ не совсѣмъ чистой воды; отецъ мальчика на моихъ же глазахъ трепеталъ

[1]) Я далъ подробное описаніе этого рифа въ „London and Edinburgh Philos. Magaz." vol. XIX (1841), p. 527.

отъ одного взгляда хозяина. Приведенныя жестокости я видѣлъ въ испанской колоніи, имѣвшей репутацію хорошаго отношенія къ рабамъ: говорили, что здѣсь рабамъ лучше живется, нежели въ португальскихъ, англійскихъ или какихъ-либо иныхъ европейскихъ поселеніяхъ.

Въ Ріо-Жанейро я былъ свидѣтелемъ того, какъ рослый сильный негръ боялся оградить лицо отъ удара, направленнаго на него. Въ другой разъ, при мнѣ же, одинъ господинъ, добрый по природѣ, готовъ былъ разлучить навсегда мужчинъ, женщинъ и маленькихъ дѣтей, принадлежавшихъ къ семействамъ, которыя давно жили всѣ вмѣстѣ. Не стану говорить о множествѣ жестокостей, раздирающихъ душу, извѣстныхъ мнѣ по наслышкѣ изъ достовѣрныхъ источниковъ; не привелъ бы и вышеизложенныхъ возмутительныхъ случаевъ, если бъ не приходилось встрѣчать людей до того ослѣпленныхъ врожденной веселостью негровъ, что они привыкли смотрѣть на рабство какъ на сносное зло. Тѣ, кто составили себѣ подобныя сужденія, видали, вѣрно, рабовъ-негровъ только въ домахъ высшаго класса, гдѣ дѣйствительно домашняя прислуга, состоящая изъ невольниковъ, не подвергается дурному обращенію; но надо видѣть, какъ это случилось мнѣ, что дѣлается въ домахъ средняго и низшаго классовъ! Бываетъ тоже, что люди судятъ о положеніи рабовъ по ихъ собственнымъ словамъ, но они забываютъ, что допрашиваемые негры не настолько недогадливы, чтобы не сообразить, что ихъ слова могутъ дойти до свѣдѣнія хозяина.

Обыкновенно разсуждаютъ еще такъ: въ виду собственной выгоды хозяинъ не будетъ прибѣгать къ чрезмѣрнымъ жестокостямъ, точно будто корысть удерживаетъ человѣка отъ жестокаго обращенія съ домашними животными, которыя однако несравненно менѣе способны возбудить бѣшенство въ дикомъ самодурѣ хозяинѣ, чѣмъ приниженные рабы. Заслужившій вѣчную славу Гумбольдтъ давно опровергъ подобные доводы въ пользу рабства, подтвердивъ свои слова разительными примѣрами. Часто стараются смягчить зло рабства, сравнивая положеніе невольниковъ съ положеніемъ нашихъ бѣдныхъ поселянъ: если бѣдственное состояніе нашихъ бѣднѣйшихъ классовъ происходитъ не отъ условій, созданныхъ самой природой, а отъ общественнаго строя, то великъ нашъ грѣхъ, но я не вижу, какое отношеніе имѣетъ это къ рабству; такія разсужденія похожи на то, какъ если бы стали защищать употребленіе упомянутыхъ тисковъ въ какой-нибудь странѣ на томъ основаніи, что въ другой странѣ люди страдаютъ отъ страшной болѣзни.

Тѣ, кто снисходительно смотрятъ на рабовладѣльцевъ и на рабовъ взираютъ равнодушно, никогда, вѣрно, не ставили себя самихъ на мѣсто послѣднихъ. Какое уныніе впереди, какая безнадежность! Представьте себѣ, что у васъ вырываютъ жену и малыхъ дѣтей, т.-е. то, что даже невольника природа заставляетъ называть своей собственностью, и это ваше самое дорогое достояніе продаютъ какъ животныхъ первому встрѣчному покупателю! А такія дѣла совершаются и оправдываются людьми, которые увѣряютъ, что они любятъ ближнихъ какъ себя самихъ, которые молятся Богу и просятъ, чтобы Его воля исполнилась на землѣ! Кровь кипитъ въ жилахъ, и сжимается сердце, когда подумаешь, что мы, англичане и наши американскіе потомки, хвастливо кричащіе о свободѣ, совершали и совершаютъ такія злодѣянія; но мы можемъ утѣшаться хоть мыслью о томъ, что по крайней мѣрѣ мы, англичане, сдѣлали для искупленія нашего грѣха бо́льше чѣмъ какой другой народъ.

Въ послѣдній день августа мы вторично бросили якорь въ Порто-Прайя, въ архипелагѣ Зеленаго Мыса. Оттуда мы продолжали путь къ

Азорскимъ островамъ, гдѣ провели шесть дней. 2-го октября «Бигль» отплылъ къ берегамъ Англіи; прибывъ въ Фальмутъ, я покинулъ нашъ добрый маленькій корабль послѣ почти пятилѣтняго пребыванія на немъ.

Такъ какъ путешествіе наше кончилось, я брошу бѣглый взглядъ на всѣ выгоды и невыгоды, горести и радости, вынесенныя изъ кругосвѣтнаго плаванія. Если кто-нибудь спроситъ моего совѣта, прежде чѣмъ предприметъ долгое путешествіе, то отвѣтъ мой будетъ поставленъ въ зависимость отъ того, имѣетъ ли этотъ человѣкъ опредѣленную склонность къ какой-нибудь отрасли знанія, могущей этимъ путемъ получить дальнѣйшее развитіе. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что можно испытать большое удовлетвореніе при знакомствѣ съ различными странами и породами людей, но удовольствія, испытываемыя во время путешествія, не выкупаютъ связанныхъ съ нимъ непріятностей. Необходимо въ путешествіи имѣть въ виду хотя бы и очень отдаленную жатву, которая принесетъ какіе-нибудь плоды, какую-нибудь настоящую пользу.

Предпринимая продолжительное путешествіе, приходится, очевидно, мириться со многими жертвами, какова, напримѣръ, разлука съ лучшими друзьями, и мѣстами, съ которыми связаны самыя дорогія воспоминанія. Впрочемъ, эти утраты частью облегчаются неистощимой радостью въ дорогѣ, при мысли о желанномъ днѣ возвращенія. Если жизнь, по словамъ поэтовъ,— сонъ, я увѣренъ, что такія мечты всего лучше помогаютъ перенести долгую ночь. Другія лишенія, сначала нечувствительныя, сказываются позднѣе; лишенія эти заключаются въ недостаткѣ простора, уединенія, покоя, въ раздраженіи, причиняемомъ постоянной суетой, въ отсутствіи разныхъ мелкихъ удобствъ жизни, общества своихъ домашнихъ, даже въ отсутствіи музыки и другихъ удовольствій воображенія. Если я говорю о такихъ мелочахъ, то очевидно, что другихъ бѣдствій морское путешествіе не представляетъ, за исключеніемъ несчастныхъ случайностей. Короткій промежутокъ шестидесяти лѣтъ внесъ замѣчательныя улучшенія въ дальнія морскія плаванія. Еще во времена Кука, человѣкъ, покидавшій домашній очагъ и пускавшійся въ такое путешествіе, подвергался серьезнымъ лишеніямъ. Теперь можно сдѣлать кругосвѣтное плаваніе на яхтѣ со всевозможными удобствами, не говоря объ огромныхъ усовершенствованіяхъ, произведенныхъ въ искусствѣ кораблестроенія и мореплаванія; въ настоящее время открытъ доступъ путешественникамъ ко всему западному берегу Америки, и Австралія сдѣлалась столицей возникающаго континента. Какъ мало похоже положеніе современнаго путешественника, испытывающаго кораблекрушеніе, на то, что выпадало на долю его предшественникамъ при равныхъ условіяхъ во времена Кука. Съ тѣхъ поръ къ цивилизованному міру прибавилось цѣлое полушаріе.

Если человѣкъ подверженъ морской болѣзни, онъ долженъ принять это въ большой расчетъ при сборахъ въ долгое плаваніе. Я говорю по личному опыту,—морская болѣзнь не какой-нибудь маловажный недугъ, проходящій въ одну недѣлю. Если, напротивъ, кто находитъ удовольствіе въ морскихъ эволюціяхъ и приключеніяхъ, тому предстоитъ полное удовлетвореніе его вкусовъ, но не слѣдуетъ забывать, что въ долгомъ путешествіи бо́льшая часть времени проводится на водѣ, а не въ гаваняхъ. Каковы же хваленыя прелести безбрежнаго океана? Скучное пространство, водная пустыня, по выраженію аравійцевъ. Конечно порою представляются и дивныя картины. Лунная ночь, ясное небо, темный мерцающій океанъ и бѣлые паруса, раздутые мягкимъ дуновеніемъ пассатнаго вѣтра, или штиль — мертвая тишь съ моремъ, гладкимъ какъ зеркало и ни звука, развѣ только хлопанье паруса изрѣдка нарушитъ тишину. Хорошо разъ

взглянуть на шквалъ, во время котораго море вздымается высокимъ сводомъ, или на горы волнъ, поднятыя налетѣвшимъ вихремъ. Признаюсь однако, что моему воображенію раньше рисовалась болѣе величественная, болѣе страшная картина настоящей морской бури. Такое зрѣлище представляется гораздо болѣе эффектнымъ съ берега, гдѣ все кругомъ — глубокая тьма, прорѣзанная внезапными проблесками свѣта, шумъ ревущихъ потоковъ, стремительный полетъ птицъ — все говоритъ о борьбѣ разнузданныхъ стихій.

На морѣ, напротивъ того, альбатросы и маленькіе буревѣстники летаютъ самымъ обыкновеннымъ образомъ, какъ будто буря—ихъ привычная стихія; волны въ свою очередь поднимаются и опускаются, словно исполняя обыденное дѣло; одинъ корабль и его пассажиры кажутся предметами, на которые обрушилась разъярившаяся природа. У пустынныхъ и дикихъ береговъ зрѣлище не таково, конечно, но тамъ оно возбуждаетъ скорѣе ужасъ, чѣмъ восторгъ.

Взглянемъ же теперь на болѣе свѣтлую сторону пережитаго времени. Удовольствіе, полученное нами отъ созерцанія разныхъ пейзажей и общаго вида всѣхъ посѣщенныхъ странъ, было несомнѣнно постояннымъ источникомъ наслажденія. Очень возможно, что живописныя красоты Европы превосходятъ все, что мы видѣли во время плаванія. Но, сравнивая характеръ мѣстностей въ различныхъ странахъ, получаешь постоянно возрастающее удовольствіе, которое до извѣстной степени не то, что простое восхищеніе красотой природы. Удовольствіе это зависитъ главнымъ образомъ отъ знакомства съ каждой отдѣльной чертой извѣстнаго ландшафта. Я очень склоненъ думать, что какъ въ музыкѣ человѣкъ, понимающій каждую ноту и притомъ обладающій вкусомъ, получитъ большее наслажденіе отъ всего музыкальнаго произведенія, такъ и тотъ, кто изучаетъ всѣ составныя части прекраснаго вида, полнѣе чувствуетъ, и его общую красоту. Поэтому путешественникъ долженъ быть ботаникомъ, потому что растительность составляетъ главное украшеніе каждаго вида. Сложите кучи голаго камня въ какія угодно причудливыя формы, и они на время доставятъ вамъ дѣйствительно чудное зрѣлище, но оно вскорѣ надоѣстъ своимъ однообразіемъ. Окрасьте эти камни въ самые яркіе и разнообразные цвѣта, какъ въ сѣверномъ Чили, и получится фантастическая картина; одѣньте же ихъ растительностью, и они непремѣнно дадутъ пріятную, если и не всегда великолѣпную, картину. Когда я говорю, что виды въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы живописнѣе всего нами видѣннаго, я, конечно, отношу въ особый разрядъ внѣ всякаго сравненія виды тропическаго пояса. Впрочемъ, о величіи этой природы я уже довольно распространялся. Такъ какъ сила впечатлѣній обыкновенно зависитъ отъ предвзятыхъ понятій, я долженъ прибавить, что мои впечатлѣнія сложились подъ вліяніемъ живыхъ описаній Гумбольдта въ *Personal Narrative*, которыя по своимъ высокимъ достоинствамъ далеко превосходятъ все, что я читалъ. И, несмотря на предвзятыя восторженныя чувства, я долженъ сказать, что не испыталъ ни тѣни разочарованія въ первое и послѣднее свое посѣщеніе бразильскихъ береговъ.

Между всѣми картинами, оставившими глубокое впечатлѣніе въ моемъ умѣ, ни одна не можетъ сравниться по величію съ видами дѣвственныхъ лѣсовъ, не обезображенныхъ рукою человѣка; они одинаково поражаютъ, какъ въ Бразиліи избытками жизни, такъ на Огненной Землѣ преобладаніемъ смерти и разрушенія. И тутъ и тамъ передъ нами храмы, наполненные разнообразными произведеніями Творца природы. Никто не можетъ оставаться равнодушнымъ среди этого уединенія; здѣсь всякій чувствуетъ, что въ

человѣкѣ есть нѣчто большее, чѣмъ простое дыханіе жизни. Вспоминая образы прошлаго, я замѣчаю, что въ памяти моей часто воскресаютъ виды на патагонскихъ равнинахъ; однако же эти равнины считаются рѣшительно всѣми безполезными, жалкими мѣстностями. Къ нимъ примѣнимы лишь отрицательныя замѣчанія: нѣтъ здѣсь ни жилищъ, ни воды, ни горъ, ни деревьевъ, растутъ на нихъ только немногія низкорослыя и невзрачныя растенія. Почему же эти выжженныя пустыни такъ врѣзались въ моей памяти? И надо сказать, что не я одинъ остался подъ такимъ впечатлѣніемъ. Почему я не испыталъ ничего подобнаго на ровныхъ, зеленыхъ и болѣе плодородныхъ равнинахъ пампасовъ, служащихъ на пользу людей? Я не умѣю объяснить это чувство, но думаю, что частью это происходитъ отъ свободы, даваемой воображенію патагонскими степями. Онѣ безконечны, потому что почти непроходимы, а слѣдовательно и мало извѣстны; онѣ носятъ отпечатокъ долгаго существованія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся теперь, и въ будущемъ существованіе ихъ также кажется безпредѣльнымъ. Если бы, какъ предполагали древніе, земная плоскость была окружена непроходимымъ пространствомъ водъ или невыносимо нагрѣтыми пустынями, то кто бы сталъ относиться къ этимъ конечнымъ предѣламъ человѣческаго знанія безъ глубокаго, хотя и неопредѣленнаго чувства?

Наконецъ, перебирая въ памяти разныя картины природы, упомяну виды съ очень высокихъ горъ; хотя они въ извѣстномъ смыслѣ не могутъ быть названы прекрасными, но все-таки оставляютъ въ памяти неизгладимый слѣдъ. Глядя внизъ съ самаго высокаго хребта Кордильеровъ, чувствуешь одно: умъ, не развлекаемый мелкими подробностями, наполняется сознаніемъ изумительныхъ размѣровъ окружающихъ громадъ.

Разбирая отдѣльные предметы, можетъ быть нѣтъ ничего болѣе удивительнаго, чѣмъ первое впечатлѣніе, которое получаешь при видѣ дикаря въ его родномъ убѣжищѣ; человѣкъ въ самомъ низменномъ и первобытномъ состояніи заставляетъ васъ мысленно перелетѣть за много столѣтій назадъ и спросить себя: неужели прародители наши были такими людьми, людьми, у которыхъ даже движенія и выраженіе лица менѣе доступны нашему пониманію, нежели движенія и выраженія домашнихъ животныхъ; людьми, лишенными инстинкта звѣрей и не могущими похвалиться человѣческимъ разсудкомъ или по крайней мѣрѣ не знающими никакихъ искусствъ, проистекающихъ изъ умственныхъ способностей. Не думаю, чтобы можно было описать различіе между дикаремъ и развитымъ человѣкомъ. Различіе это похоже на различіе между дикимъ и ручнымъ звѣремъ, и видѣть дикаря отчасти столь же любопытно, какъ увидать льва въ родной его пустынѣ, тигра, раздирающаго свою добычу въ индѣйскихъ джунгляхъ, или носорога, кочующаго по дикимъ равнинамъ Африки.

Между замѣчательнѣйшими зрѣлищами, виданными нами, слѣдуетъ упомянуть Южный Крестъ, Облако Магеллана и другія созвѣздія южнаго полушарія; кромѣ того, смерчъ; глетчеръ, спускающійся синимъ ледянымъ потокомъ и нависшій надъ моремъ, какъ крутой обрывъ; кольцеобразный островъ, построенный кораллами; дѣйствующій вулканъ и, наконецъ, поразительные слѣды недавняго землетрясенія. Послѣднія явленія возбуждали во мнѣ живѣйшій интересъ, вѣроятно, отъ близкой связи ихъ съ геологическимъ строеніемъ земного шара. Впрочемъ, землетрясеніе должно быть для всякаго человѣка явленіемъ оставляющимъ глубокое впечатленіе. Съ дѣтства мы привыкли считать землю прототипомъ прочности и неподвижности, и вдругъ она колеблется и трещитъ какъ тонкая скорлупка подъ нашими

ногами; а зрѣлище мгновеннаго разрушенія многолѣтнихъ трудовъ людскихъ, внушаетъ мысль о ничтожествѣ человѣческихъ усилій.

Принято говорить, что любовь къ охотѣ есть врожденное чувство въ человѣкѣ, являя собой пережитокъ инстинктивной страсти. Если это такъ, то я увѣренъ, что то же самое чувство входитъ въ составъ удовольствія свободной жизни подъ открытымъ небомъ, которое служитъ потолкомъ, между тѣмъ какъ земля замѣняетъ столъ: это въ насъ просыпается прежній дикарь, возвращающійся къ своимъ первобытнымъ нравамъ. Когда я вспоминаю наши экспедиціи на лодкахъ и сухопутныя странствія по неизвѣстнымъ мѣстностямъ, я ощущаю такой восторгъ, какого не могли бы вызвать никакія зрѣлища цивилизованнаго міра. Я увѣренъ, что въ памяти каждаго путешественника живо то чувство радости, которое онъ испыталъ, впервые вдохнувъ въ себя воздухъ чужой страны, гдѣ рѣдко или никогда не бывалъ цивилизованный человѣкъ. Есть и другіе болѣе разумные источники удовольствія, связанные съ долгимъ путешествіемъ. Географическій атласъ перестаетъ быть для насъ пустымъ мѣстомъ: онъ становится картиной, наполненной самыми разнообразными и оживленными фигурами. Каждая часть карты принимаетъ свои настоящіе размѣры; мы перестаемъ видѣть въ материкахъ—острова, а въ островахъ—незначительныя точки, между тѣмъ какъ многія изъ этихъ точекъ больше любого королевства въ Европѣ. Африка, Сѣверная и Южная Америка—все это хорошо звучащія и легко произносимыя слова, но только проплававъ въ продолженіе многихъ недѣль вдоль части ихъ береговъ, можно убѣдиться въ огромныхъ пространствахъ, извѣстныхъ подъ этими именами на нашемъ обширномъ земномъ шарѣ.

Изъ того, что мы теперь видимъ можно предвкусить какой прогрессъ ожидаетъ въ будущемъ почти цѣлое полушаріе. Ходъ развитія въ области Тихаго океана съ введеніемъ тамъ христіанства занимаетъ совсѣмъ особое мѣсто въ исторіи, и это развитіе тѣмъ поразительнѣе, когда мы вспомнимъ, что только шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ капитанъ Кукъ, о здравыхъ сужденіяхъ котораго не можетъ быть двухъ мнѣній, не могъ предвидѣть перемѣны въ будущемъ. Однако всѣ эти перемѣны совершились въ настоящее время благодаря филантропическому духу британскаго народа. Въ той же части земного шара встаетъ или даже, можно сказать, встала Австралія, какъ огромный центръ цивилизаціи, которому суждено въ недалекомъ будущемъ занять руководящую роль въ дѣлахъ южнаго полушарія. Для англичанина невозможно смотрѣть на эти отдаленныя колоніи безъ глубокаго чувства гордости и удовлетворенія. Гдѣ развѣвается англійскій флагъ, тамъ, какъ неизмѣнное слѣдствіе, появляются процвѣтаніе и цивилизація.

Въ заключеніе скажу, мнѣ кажется, не можетъ быть ничего болѣе полезнаго для молодого натуралиста, какъ далекое путешествіе. Оно обостряетъ и въ то же время удовлетворяетъ тѣ потребности и стремленія, которыя, по словамъ сэра Дж. Гершеля, человѣкъ продолжаетъ испытывать и тогда, когда всѣ его физическія нужды удовлетворены. Интересъ новизны и возможность успѣха возбуждаютъ въ человѣкѣ усиленную дѣятельность. Кромѣ того, отрывочные факты скоро теряютъ свой интересъ и привычка сравнивать ихъ между собою ведетъ къ обобщеніямъ. Съ другой стороны, такъ какъ путешественникъ остается не долго на одномъ мѣстѣ, его описанія имѣютъ обыкновенно характеръ эскизовъ вмѣсто обстоятельныхъ описаній. Изъ этого вытекаетъ (какъ я самъ испыталъ) постоянное желаніе пополнять большіе пробѣлы знанія неточными и поверхностными гипотезами.

Я такъ наслаждался своимъ кругосвѣтнымъ плаваніемъ, что не могу не посовѣтовать каждому натуралисту—хотя не всякому посчастливится встрѣтить такихъ товарищей, какихъ я имѣлъ въ путешествіи—непремѣнно отважиться въ дальній путь, если возможно, то сухимъ путемъ, а если нельзя то хоть водою. Онъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что не встрѣтитъ (кромѣ рѣдкихъ случаевъ) тѣхъ затрудненій и опасностей, которыя ему впередъ мерещатся. Съ нравственной же точки зрѣнія вліяніе такого путешествія должно развить въ немъ добродушіе, терпѣніе, отсутствіе эгоизма, привычку дѣйствовать самостоятельно и пользоваться наилучшимъ образомъ всякимъ обстоятельствомъ. Однимъ словомъ, кругосвѣтное путешествіе должно сообщать человѣку лучшія качества большей части моряковъ. Путешествіе можетъ вселять чувства недовѣрчивости къ людямъ, но съ другой стороны оно приводитъ его въ общеніе со множествомъ истинно добрыхъ людей, съ которыми у него никогда не было и никогда больше не будетъ никакихъ отношеній, и которые тѣмъ не менѣе готовы оказывать ему самую безкорыстную помощь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. **Санъ-Яго. Острова Зеленаго Мыса.** Порто-Прайя. — Рибейра-Гранде. — Атмосферная пыль съ инфузоріями. — Нравы одного морского моллюска и каракатицы.—Скалы Св. Павла; онѣ происхожденія не вулканическаго. — Своеобразныя накипи. — Насѣкомыя — первые поселенцы острововъ.—Фернадъ Норонья.—Багія.—Отшлифованныя скалы.—Обычаи иглотѣла.—Морскія нитчатки и инфузоріи.—Причина окрашиванія моря . 3

ГЛАВА II. **Ріо-Жанейро.** Ріо-Жанейро.—Поѣздка къ сѣверу отъ мыса Фріо.—Сильное испареніе.—Невольничество.—Заливъ Ботофаго.—Наземныя планаріи. — Облака на Корковадо. — Сильный ливень. — Пѣвчія лягушки.—Свѣтящіяся насѣкомыя. — Сила прыжка у щелкуна. — Синій туманъ. — Шумъ, производимый бабочкой.—Энтомологія.—Муравьи.—Оса, убивающая паука.—Чужеядный паукъ.—Хитрости Ереіга.—Пауки, живущіе обществами.—Паукъ, ткущій несимметричныя паутины 16

ГЛАВА III. **Мальдонадо.** Монте-Видео.—Мальдонадо.—Путешествіе въ Ріо-Полапко.—Арканъ и шары.—Куропатки.—Отсутствіе деревьевъ.—Олень.—Рѣчная свинка.—Тукутуко.—Птица Molothrus; ея нравы, напоминающіе нравы кукушки.—Пересмѣшникъ.—Сокола.—Стервятники.—Трубки, образуемыя молніей.—Домъ, разрушенный молніей 31

ГЛАВА IV. **Отъ Ріо-Негро до Багіа-Бланка.** Ріо-Негро.—Нападеніе индѣйцевъ на фермы. — Соляныя озера. — Красные гуси. — Отъ Ріо-Негро до Ріо-Колорадо. — Священное дерево. — Патагонскій заяцъ. — Индѣйскія семейства. — Генералъ Розасъ. — Переѣздъ въ Багія-Бланка. — Дюны. — Негръ-Лейтенантъ. — Багія-Бланка. — Соляные налеты.—Пунта-Альта.—Вонючка 48

ГЛАВА V. **Багіа-Бланка.** Багія-Бланка.—Геологія.—Множество исполинскихъ вымершихъ млекопитающихъ. — Недавнее ихъ исчезновеніе. — Долговѣчность видовъ.—Большія животныя не нуждаются въ роскошной растительности.—Южная Африка.—Сибирскія ископаемыя животныя.—Два вида страуса.—Нравы Tinochorus.—Броненосцы, ядовитая змѣя, жаба и ящерица.—Зимняя спячка животныхъ.—Нравы морского пера.—Войны съ индѣйцами и рѣзня.—Наконечникъ стрѣлы, драгоцѣнный остатокъ древности 61

ГЛАВА VI. **Отъ Багіа-Бланка до Буэносъ-Айреса.** Поѣздка въ Буэносъ-Айресъ.—Ріо-Саусе.—Сіерра-Вентана. — Третій постъ. — Трудность пасти лошадей.—Боласы.—Куропатки и лисицы.—Характерныя черты мѣстности.—Длинноногая ржанка.—Терутеро.—Градъ.—Естественныя стѣны въ Тапальгуенъ.—Мясо пумы.—Мясная пища.—Гвардіа-дель-Монте.—Вліяніе пасущагося скота на растительность. — Кардонъ. — Буэносъ-Айресъ. — Бойня 79

ГЛАВА VII. **Отъ Буэносъ-Айреса до Санта-Фе.** Поѣздка въ Санта-Фе. — Поля чертополоха.—Нравы вискаши.—Маленькая сова.—Равнины.—Мастодонтъ.—Санта-Фе.—Перемѣна ландшафта.—Геологія.—Зубъ исчезнувшаго вида лошади.—Отношенія вымершихъ и живущихъ млекопитающихъ Сѣверной и Южной Америки. — Дѣйствіе продолжительной засухи. — Парана.—Нравы ягуара.—Ножеклювъ.—Зимородокъ, попугай и Tyrannus savanna.—Революція.—Буэносъ-Айресъ.—Положеніе правительства . . . 91

ГЛАВА VIII. **Банда-Оріенталъ и Патагонія.** Экскурсія въ Колоніа-дель-Сакраменто.—Оцѣнка одной фермы.—Скотъ и способъ его перечисленія.—Замѣчательная порода быковъ.—Просверленные голыши.—Овчарки.—Выѣздка лошадей; гаучосы-наѣздники.—Нравы жителей.—Ріо-Плата.—Стан

Стр.

бабочекъ.—Пауки-воздухоплаватели.—Фосфоричность моря.—Портъ Дезире.—Гуанако.—Портъ Санъ-Хуліанъ.—Геологія Патагоніи.—Ископаемые остатки гигантскаго животнаго.—Постоянство типовъ организаціи.—Измѣненія въ зоологіи Америки.—Причины исчезновенія породъ 105

ГЛАВА IX. **Санта-Крусъ, Патагонія и Фальклендскіе острова.** Санта-Крусъ.—Экспедиція вверхъ по рѣкѣ.—Индѣйцы.—Огромные потоки базальтовой лавы.—Обломки, не унесенные рѣкой.—Углубленіе долины.—Кондоръ—его нравы.—Кордильеры.—Эрратическіе валуны крупныхъ размѣровъ. — Индѣйскіе остатки. — Возвращеніе къ кораблю. — Фальклендскіе острова. — Дикія лошади, рогатый скотъ, кролики. — Волкообразная лисица.—Огонь, добываемый при помощи костей.—Способъ охоты за дикимъ скотомъ. — Геологія. — Потоки камней. — Сцены насилія. — Пингвинъ.—Гуси.—Яйца Doris.—Сложныя животныя 131

ГЛАВА X. **Огненная Земля.** Огненная Земля.—Первый пріѣздъ.—Бухта Добраго Успѣха. — Уроженцы Огненной Земли, находившіеся у насъ на кораблѣ.—Свиданіе съ дикарями.—Лѣсные виды.—Мысъ Горнъ.—Заливъ Вигвамъ. — Жалкое положеніе дикарей.—Голодовки.—Людоѣды.—Матереубійство. — Религіозныя чувствованія. — Сильный вѣтеръ. — Каналъ Бигль.—Проливъ Понсонби.—Постройка вигвамовъ и поселеніе огнеземельцевъ.—Раздвоеніе канала Бигль.—Ледники.—Возвращеніе на корабль.—Второе посѣщеніе колоніи на кораблѣ.—Равенство между туземцами . . . 150

ГЛАВА XI. **Магелланов проливъ. Климатъ южныхъ береговъ.** Магелланов проливъ.—Портъ Фаминъ.—Восхожденіе на гору Тарнъ.—Лѣса.—Съѣдобный грибъ.—Фауна.—Большая водоросль.—Отъѣздъ съ Огненнои Земли. — Климатъ. — Фруктовыя деревья и произведенія южныхъ береговъ. — Высота снѣговой линіи на Кордильерахъ. — Паденіе ледниковъ въ море.—Образованіе ледяныхъ горъ.—Перенесеніе валуновъ.—Климатъ и произведенія антарктическихъ острововъ.—Сохраненіе труповъ въ мерзломъ состояніи.—Общій обзоръ 170

ГЛАВА XII. **Центральное Чили.** Вальпарайсо. — Экскурсія къ подошвѣ Андовъ.—Строеніе страны.—Восхожденіе на Колокольную гору Килота.—Разбросанныя массы діорита.—Огромныя долины.—Шахты.—Положеніе шахтеровъ.—Сантъ-Яго.—Горячіе источники Каукуэнесъ.—Золотыя розсыпи. — Мельницы. — Просверленные камни. — Нравы пумы.—El Turco и Tarapcolo.—Колибри 185

ГЛАВА XIII. **Чилоэ и острова Чоносъ.** Чилоэ.—Общій видъ.—Поѣздка въ лодкахъ.—Туземные индѣйцы. Кастро.—Ручная лисица.—Восхожденіе на Санъ-Педро.—Архипелагъ Чоносъ.—Полуостровъ Трехъ Горъ.—Гранитная цѣпь.—Моряки, потерпѣвшіе крушеніе.—Гавань Лоу.—Дикій картофель.—Образованіе торфа.—Myopotamus, выдра и мыши.—Cheucau и лающая птица.—Opetiorhynchus. — Особенный характеръ орнитологіи. — Буревѣстники 201

ГЛАВА XIV. **Чилоэ и Консепсіонъ. Сильное землетрясеніе.** Санъ-Карлосъ въ Чилоэ. — Изверженіе Озорно одновременно съ изверженіями Аконкагуа и Козегуина. — Поѣздка въ Куцао. — Непроходимые лѣса. — Вальдивія. — Индѣйцы. — Землетрясеніе.—Консепсіонъ. — Большое землетрясеніе. — Растрескавшіяся скалы. — Видъ бывшихъ городовъ. — Черное бурлящее море.—Направленіе вибрацій.—Перевернутые камни.—Большая волна.—Постоянное возвышеніе почвы.—Площадь вулканическаго дѣйствія.—Связь между силой, возвышающей почву, и силой изверженія.—Причина землетрясеній.—Медленное поднятіе горныхъ цѣпей 214

ГЛАВА XV. **Переходъ черезъ Кордильеры.** Вальпарайсо. — Проходъ Портильо.—Умъ муловъ.—Горные потоки.—Какъ были открыты рудники.—Доказательства постепеннаго возвышенія Кордильеровъ.—Вліяніе снѣга на горы.—Геологическое строеніе двухъ главныхъ цѣпей.—Ихъ различное происхожденіе и поднятіе.—Большое опусканіе.—Красный снѣгъ.—Вѣтры. — Снѣжные столбы.—Сухая и прозрачная атмосфера. — Электричество. — Пампасы. — Зоологія противоположной стороны Андовъ.—Саранча.—Больше клопы.—Мендоза.—Проходъ Успаллата. — Окаменѣлыя деревья, погребенныя какъ они росли.—Мостъ Инковъ.—Преувеличенная трудность проходовъ.—Кумбръ.—Казучасъ.—Вальпарайсо 230

ГЛАВА XVI. **Сѣверное Чили и Перу.** Береговая дорога въ Коквимбо.—Большія тяжести, которыя переносятъ рудокопы.—Коквимбо.—Землетрясе-

Стр.

ніе.—Террасы съ уступами.—Отсутствіе новѣйшихъ осадковъ.—Единовременность третичныхъ формацій.—Экскурсія вверхъ по долинѣ.—Дорога въ Гуаско.—Степи.—Долина Копіано.—Дождь и землетрясенія.—Водобоязнь.—Деспобладо.—Индѣйскія развалины.—Вѣроятное измѣненіе климата.—Русло рѣки, поднятое землетрясеніемъ.—Порывы холоднаго вѣтра.—Шумъ, слышанный съ одной горы.—Иквиква.—Соляныя отложенія.—Азотнокислый натръ.—Лима.—Нездоровая мѣстность.—Развалины Каллао, разрушеннаго землетрясеніемъ.—Новѣйшее поднятіе почвы.—Поднятыя раковины въ Санъ-Лоренцо, разложеніе ихъ.—Равнины съ зарытыми въ нихъ раковинами и горшечными обломками.—Древность индѣйской расы 248

ГЛАВА XVII. **Архипелагъ Галапагосъ.** Вся группа вулканическая.—Число кратеровъ.—Безлиственные кусты.—Колонія острова Чарльса.—Островъ Джемсъ.—Соляное озеро въ кратерѣ.—Естественная исторія группы.—Орнитологія, замѣчательные вьюрки.—Пресмыкающіяся.—Большія черепахи и ихъ нравы.—Морская ящерица; питаніе водорослями.—Сухопутная ящерица; ея привычка зарываться въ землю; ящерица эта травоядная.—Значеніе пресмыкающихся въ архипелагѣ.—Рыбы, моллюски, насѣкомыя.—Растенія.—Американскій типъ организаціи.—Различіе видовъ или породъ на различныхъ островахъ.—Птицы легко приручаются.—Страхъ передъ человѣкомъ есть инстинктъ пріобрѣтенный 273

ГЛАВА XVIII. **Таити и Новая Зеландія.** Переѣздъ черезъ Низменный архипелагъ.—Таити.—Общій видъ.—Растительность въ горахъ.—Видъ Эймое.—Экскурсія внутрь страны.—Глубокіе овраги.—Рядъ водопадовъ.—Множество дико растущихъ полезныхъ растеній.—Трезвость жителей.—Ихъ нравственное состояніе.—Созваніе парламента.—Новая Зеландія.—Заливъ острововъ.—Гиппахи.—Поѣздка въ Уеметъ.—Миссіонерское поселеніе—Англійскія сорныя травы въ одичаломъ видѣ.—Уейоміо.—Похороны новозеландской женщины.—Отъѣздъ въ Австралію 294

ГЛАВА XIX. **Австралія.** Сидней.—Поѣздка въ Батерстъ.—Видъ лѣсовъ.—Толпа туземцевъ.—Постепенное исчезновеніе туземцевъ.—Зараза, произведенная ассоціаціей здоровыхъ людей.—Голубыя горы.—Видъ на величественныя долины, подобныя заливамъ.—Ихъ происхожденіе и образованіе.—Батерстъ.—Всеобщая вѣжливость въ низшихъ классахъ общества.—Положеніе общества.—Вандименова Земля.—Гобартъ-Тоунъ.—Туземцы всѣ изгнаны.—Гора Веллингтонъ.—Заливъ короля Георга.—Безотрадный видъ страны.—Болдъ-Хедъ, известковые отпечатки древесныхъ вѣтвей.—Толпа туземцевъ.—Покидаемъ Австралію 315

ГЛАВА XX. **Островъ Килингъ. Постройки коралловъ.** Килингъ-Айлендъ.—Странный видъ острова.—Скудная растительность.—Перенесеніе сѣмянъ.—Птицы и насѣкомыя.—Источникъ съ приливомъ и отливомъ.—Пространства, наполненныя вымершими кораллами.—Камни, перенесенные въ корняхъ деревьевъ.—Большой крабъ.—Жгучій кораллъ.—Рыба, питающаяся кораллами.—Постройки коралловъ.—Кольцеобразные острова, или атоллы.—Глубина на которой могутъ жить кораллы, строители рифовъ.—Низменные коралловые острова, разсѣянные на огромномъ протяженіи.—Осѣданіе ихъ основаній.—Рифы барьеры.—Береговые рифы.—Превращеніе береговыхъ рифовъ въ барьерные и въ атоллы.—Доказательства измѣненій уровня.—Проломы въ барьерныхъ рифахъ.—Мальдивскіе атоллы; особенности ихъ строенія.—Вымершіе и затопленные водою рифы.—Области осѣданія и поднятія.—Распредѣленіе вулкановъ.—Медленность и обширная площадь осѣданія 330

ГЛАВА XXI. **Отъ Маврикія до Англіи.** Островъ Маврикія; живописный видъ.—Большое кратерообразное кольцо горъ.—Индусы.—Островъ св. Елены.—Исторія измѣненій въ растительности.—Причины исчезновенія сухопутныхъ раковинъ.—Островъ Вознесенія.—Измѣненія въ привезенныхъ крысахъ.—Вулканическія бомбы.—Пласты инфузоріи.—Багія.—Бразилія.—Роскошь тропическихъ видовъ.—Пернамбуко.—Странный рифъ.—Невольничество.—Возвращеніе въ Англію.—Обзоръ нашего путешествія . 353

Поправка.

По ошибкѣ гравера подъ рисункомъ 9 вмѣсто подписи *Санъ Карлосъ. Чилое* стоитъ: *Заливъ Ботафого. Рio Жанейро,* и самый рисунокъ долженъ быть отнесенъ къ главѣ XIV.